

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2018

№ 56

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского государственного университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории; **Воробьева Вероника Сергеевна**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории; **Некрялов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, зав. кафедры современной отечественной истории; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, проф. кафедры музеологии, природного и культурного наследия; **Троицкий Евгений Флорентьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики; **Фоминих Сергей Федорович**, д-р ист. наук, проф. кафедры современной отечественной истории; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine “Rusin”, president of public organization “Rus” (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History; **Vorobyeva Veronika S.**, Executive Editor, PhD (History), Senior Lecturer of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage; **Troizkiy Eugeni F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor of the Department of Modern Russian History; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Борисов А.А. Якутские депутации и инородческое законодательство как одна из особенностей политики Российской империи на северо-востоке (конец XVIII – первая половина XIX в.)	5
Буров В.А. Первый узник «первотяжкой» тюрьмы Соловецкой крепости	12
Глущенко Н.А., Шевляков А.С. Освещение газетой «The New York Times» кризиса правительства А.В. Колчака осенью 1919 г.	23
Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Положение мусульманских общин Алтая в первые годы советской власти	28
Демин М.А. Тернистый путь в науку	37
Дунбинский И.А., Костылева Е.А., Сорокин А.Н. Вклад научного сообщества Императорского Томского университета в организацию психиатрической помощи и признания душевнобольных на материалах работы секции психиатрии Первого съезда врачей Томской губернии (1917 г.)	46
Степнов А.О. «Охота на ведьм» в томском академическом микросоциуме: к проблеме ментального бытия русской профессуры в условиях деформации классовой идентичности в 1920-е гг.	53
Шишкин В.И. Колчаковский государственный переворот в освещении российских мемуаристов	66

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Синегубов С.Н., Шилов С.П. Из истории одного немецкого благоговения 1902–1903 гг. для русского православия в Берлине	79
Юн С.М. Проект создания зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Республикой Корея	87

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Ивонина О.И. Эвристический потенциал междисциплинарного дискурса Л.П. Карсавина	91
--	----

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ

Бардина П.Е., Чёрная М.П., Рыбаков Д.Ю. Поляки и их потомки на Томской земле	98
Беляев Л.А. Свяязские ландскнехты: из истории русского изразца в Поволжье XVII в.	103
Грушин С.П., Тишкин А.А., Чжан Л. Серия новых радиоуглеродных дат для памятников периода ранней бронзы Верхнего Приобья	110
Калашникова Т.В. Традиционная бытовая живопись в Польше и Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.	118
Кулемзин В.М., Зиновьев В.П., Садовой А.Н. Синкретизм древности и современности у народов Среднего Приобья (из наблюдений 1960–1970-х гг.)	125
Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Захоронения с бронзолитейным оборудованием андроновского (федоровского) могильника Тартас-1 (Центральная Бараба)	129
Ольшевски В. Трансформации идентичности сибирских поляков: теоретические и историко-культурные аспекты	138
Рындина О.М., Колесникова С.Ю., Кулемзин В.М. Время и пространство в самодийской традиции: календарь и нарта	143
Татауров Ф.С. Русские погребальные комплексы Западной Сибири XVII – первой половины XIX в. как источник для реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка	151
Татаурова Л.В. Структура усадебных комплексов и размеры жилищ у русского населения Приангарья конца XIX – середины XX в. (по материалам Л.М. Сабуровой)	158

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Borisov A.A. Yakut deputations and the indigenous law as one of the features of policy of Russian empire in the North-East (the end of XVIII – the first half or the XIX century)	5
Burov V.A. The first prisoner of the serious prison Solovetsky fortress	12
Glushchenko N.A., Shevlyakov A.S. A.V. Kolchak government's crisis in the autumn of 1919 covered by the New York Times	23
Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. The position of muslim communities in Altay in the early soviet years	28
Dyomin M.A. A thorny path to science	37
Dunbinskiy I.A., Kostyleva E.A., Sorokin A.N. Contribution of the scientific community of the Imperial Tomsk University to the organization of psychiatric care and charity of the mentally ill on the materials of the section of psychiatry of the First congress of doctors of Tomsk province (1917)	46
Stepnov A.O. «Witch-hunt» in the Tomsk academic microcommunity: the problem of the mental existence of the Russian professors under conditions of deformation of class identity during the 1920s	53
Shishkin V.I. Kolchak coup d'état in coverage of Russian memoirs	66

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Sinegubov S.N., Shilov S.P. From the history of one German doing good in 1902–1903 for the Russian orthodoxy in Berlin	79
Yun S.M. The Eurasian Economic Union – South Korea free trade area project	87

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Ivonina O.I. Lev Karsavin `interdisciplinary discourse heuristic potential	91
---	----

PROBLEMS OF ETHNOGRAPHY AND ARCHEOLOGY

Bardina P.E., Chernaya M.P., Rybakov D.Yu. The descendants of the poles on the Tomsk land	98
Belyaev L.A. Lansquenets of Svyazhsk: a case study of the Russian stove tiles iconography of the 17 th century	103
Grushin S.P., Tishkin A.A., Zhang L. A series of new radiocarbon dates for the sites of the Early Bronze Age of the Upper Ob region	110
Kalashnikova T.V. Traditional domestic painting in Poland and Western Siberia in the XIX–XX centuries	118
Kulemzin V.M., Zinovyev V.P., Sadovoy A.N. Syncretism of antiquity and modernity among the peoples of the middle Ob (from observations of the 1960s–1970s)	125
Molodin V.I., Durakov I.A., Kobleva L.S. Burials with the bronze-casting equipment of the Andronovo (Fedorovo) culture of the Tartas-1 burial ground (Central Baraba)	129
Olszewski W. Transformation of the identity of the Siberian Poles: theoretical and historical-cultural aspects	138
Ryndina O.M., Kolesnikova S.Yu., Kulemzin V.M. Time and space in the Samoyedic tradition: the calendar and the sledge ...	143
Tataurov F.S. Russian burial complexes of Western Siberia of the XVII – first half of the XIX centuries as a source for reconstruction of the socio-cultural image of a Russian Siberian	151
Tataurova L.V. Estate complexes structure and dwellings' sizes of the Russian population of the Angara region in the late XIX – mid XX century (based on L.M. Saburova's materials)	158

Фурсова Е.Ф. Этнографические и археологические источники о сохранении и развитии традиций (по материалам русской обуви XVII – первой четверти XX в.)	167
Чёрная М.П., Татауров С.Ф., Борило Б.С. Продовольственное обеспечение и хранилища для припасов в историко-археологическом контексте Тары	177

РЕЦЕНЗИИ

Горбачев О.В. Радио и освоение советского пространства. О книге С. Ловелла «Россия в микрофонную эру. История советского радио, 1919–1970». Оксфорд ; Нью-Йорк, 2015. XI, 237 с.	186
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шиловский М.В. И Ленин такой молодой и новый Октябрь впереди... 100-летие революции и историки Сибири: мероприятия и публикации	194
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	199

Fursova E.F. Ethnographic and archaeological sources about the preservation and development of traditions (based on the materials of Russian shoes of the XVII – first quarter of XX century)	167
Chernaya M.P., Tataurov S.F., Borilo B.S. Food supply and storage for provisions in the historical and archaeological context of Tara	177

REVIEW

Gorbachev O.V. Radio and development of the soviet space. Aabout Stephen Lovell's book «Russia in the microphone age. A history of soviet radio, 1919-1970». Oxford ; New York : Oxford University Press, 2015. xi + 237 p.	186
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Shilovskiy M.V. And Lenin is so young and new October to come... The 100th anniversary of the revolution and the historians of Siberia: events and publications	194
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	199

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47)353.2
DOI: 10.17223/19988613/56/1

А.А. Борисов

ЯКУТСКИЕ ДЕПУТАЦИИ И ИНОРОДЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках реализации проекта «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование» (грант № 15-18-00119).

Статья посвящена проблеме возникновения инородческого законодательства «степных законов» на примере якутов. Впервые в историографии рассматривается проблема в контексте якутских депутатий 1789–1840-х гг., выделяются три этапа в истории этих поездок. На основании ранее малоизвестных архивных материалов изучается формирование корпуса «степных законов», получившего название «Свод законов кочевых инородцев Восточной Сибири». Депутации влияли на возникновение инородческих законов, которые были признаны правительством. Происходил поиск оптимальных форм управления, что представляет собой бесценный исторический опыт.

Ключевые слова: Российская империя; северо-восток; якутские депутатии; инородцы; законотворчество; «степные законы».

В конце XVIII в. Россия по праву стала называться империей. Петр I официально провозгласил себя императором, но страна, в целом, еще только переживала период становления в качестве имперского государства. Территория еще не приобрела своей максимальной по размеру конфигурации хотя бы в пределах северных и южных морей. На Дальнем Востоке Россия только обозначила свое присутствие. Именно в ближайшее послепетровское время, вплоть до царствования Екатерины II, шел этот процесс. Совершенствовалась система имперского управления, начатая реформами Петра Великого. Губернская реформа 1775 г. заложила мощные основания, которые продержались до конца существования империи. Развивалась и закреплялась сословная система организации населения. Закладывались основания и для юридического статуса нерусского населения в составе империи.

Патерналистская монархия как модель управления государством и *имперский этнопатернализм* как модель управления национальными окраинами и этноконфессиональным разнообразием, основы которых заложены были еще в XVII в., получили дальнейшее развитие и к концу в XVIII в. обрели законченные черты [1. Т. 1. С. 113–139, 144; 2. Т. 2. С. 374–394]. Юридический плюрализм являлся составным элементом обеих моделей: на него опиралось управление как ядром империи, так и периферией [1. Т. 1. С. 130–139; 2. Т. 2. С. 145, 597, 616]. Какова была его эффективность в условиях изменяющейся российской действительности, предстояло выяснить на практике.

В результате успешной внешней политики в составе России оказались обширные национальные территории на западе (польские земли, Украина) и на юге (Крым,

часть Грузии), на востоке (казахские жузы, алтайцы, буряты, хакасы). В историографии рассмотрены и обобщены основные вехи становления политико-административного управления этими территориями [3]. Сибирь после присоединения кочевников – тюрок и монголов Саяно-Алтая – обрела границы, которые уже оставались практически неизменными в последующие столетия. Происходила внутренняя колонизация этих земель. Их интеграцию в империю необходимо было оформить и закрепить законодательно.

В течение столетия имперская политика сделала зигзаг от прагматичной московской политики в сторону систематизации и унификации и вновь возвратилась к традиционной политике при Екатерине II [4. С. 47].

Интерес представляет тот факт, что сами объекты имперской этноконфессиональной политики – иноземцы и иноверцы – активно участвовали в данном процессе. Формой участия стали депутатии представителей национальных элит. Широко известны депутатии башкирских, калмыцких, казахских биев и тайшей. Эти депутатии сопровождали процесс присоединения степных народов в состав Русского государства. Якуты же еще в середине XVII в. стали подданными русского царя. Во второй половине XVII в. якуты имели возможность обращаться напрямую к верховной власти Русского государства. Тогда сложилась непростая ситуация с уплатой ясака из-за падения соболиных промыслов и накоплением ясачных недоимок. Кроме того, якутские князцы стремились вернуть полноту своих судебных полномочий внутри родовых групп и волостей-улусов. Известно, по крайней мере, три депутатские поездки якутских князцов названного времени.

Поездки якутских депутатов, начиная с Алексея Аржакова (1789 г.), носили иной характер. Это была инициатива самих якутов. Они также имели цель внести изменения в законодательство относительно ясачных иноверцев (инородцев). Интересно, что якуты, начиная, по меньшей мере, с середины XVIII в., отслеживали и собирали все указы и узаконения, касающиеся их и изданные в разное время. Эти документы переписывались и оформились в некое подобие собрания законов – «Выписку о ясачных». Она, судя по всему, носила практический характер и использовалась в жизни.

Поставленная проблема в историографии ранее решалась в разных аспектах: в контексте национального движения якутов, ясачной политики царского правительства, правового положения ясачного населения Восточной Сибири, инородческого самоуправления [5. С. 328–329; 6. С. 122–123; 7. С. 150–151; 8. С. 49–55; 9]. Сейчас настало время рассмотреть тему и в аспекте этноконфессиональной политики Российской империи.

Думается, что предпосылки якутских депутатий конца XVIII – первой половины XIX в. в первую очередь нужно искать среди последствий реформ правительства Екатерины II. Так, результатом административной реформы 1775 г. стал «сильный и разветвленный аппарат управления», созданный на местах [10. С. 491], и потому явственно возникла необходимость приспособить и существовавшую систему управления национальных окраин. Губернаторы сосредоточили огромную власть на местах, впервые был создан «совестный суд» [11. С. 323–329].

Согласно новому административному устройству Иркутской губернии «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. и царских указов от 2 и 6 марта 1783 г., Якутск стал центром области во главе с комендантом [12. С. 229–304; 13. С. 873, 875]. Вместо комиссаров были учреждены нижние земские суды, исправники и заседатели. Увеличившийся бюрократический штат создал новые трудности в судебных разбирательствах в отношении нерусского населения на местах.

Также следует указать на экономические предпосылки, вызвавшие депутатские инициативы якутов. В частности, они стали тяготиться некоторыми достаточно тяжелыми повинностями, которые не имели под собой законного основания (лодочная повинность, трактовый извоз и содержание станций). Избавившись от жесткого полицейского контроля при сборе ясака и перехватив из рук ясачных сборщиков эту важную функцию, представители правящей элиты – тойоны-князцы – задумались над своим местом в сословной структуре империи. Поскольку менялся конфессиональный статус, то и их властные полномочия должны были измениться. Кроме того, все более явственно ощущалось воздействие других экономических факторов, таких как развитие товарно-денежных отношений. К этим изменениям тоже нужно было приспособиться.

Начиная с конца XVIII в. выборные от якутов депутаты сами разрабатывали предложения, которые могли

быть оформлены в инородческое законодательство. Это было важным явлением в истории этноконфессиональной политики страны. Депутатий было много, из них, по меньшей мере, пять были организованы на высшем уровне (на уровне личных аудиенций с русскими императорами). Одна депутатия, организованная на рубеже 1820–1830-х гг., не состоялась. Позднее были попытки действовать через генерал-губернаторов Восточной Сибири и других крупных сановников. Можно выделить три этапа на протяжении более чем полувекового исторического процесса. *Первый, подготовительный этап* начался в 1789 г. с «Плана о якутах» борогонского головы Алексея Аржакова и продолжался до 1811 г., когда созрели предпосылки для реформ сибирского законодательства. *Второй этап* связан с сибирскими реформами, начатыми иркутским губернатором Н.И. Трескиным и завершившимися преобразовательной деятельностью М.М. Сперанского в середине 1820-х гг. *Третий этап* приходится на 1829–1840-е гг. В это время происходит борьба за продолжение реформ, за утверждение «степных законов».

Первый этап (1789–1811 гг.). В 1789 г. состоялась поездка А. Аржакова в Санкт-Петербург. Считается, что это была личная инициатива головы Борогонского улуса, но, судя по всему, за ним стояли и другие предводители якутов. Ему удалось добиться аудиенции у императрицы Екатерины II. Он представил особый «План о якутах» – комплекс предложений по улучшению положения якутов. Проект содержал следующие законодательные инициативы: предоставление прав дворянства якутским тойонам; учреждение должности областного якутского предводителя; учреждение совместного якутского суда в составе областного головы, князцов из тех улусов, из которых истец и ответчик и приказных служителей; освобождение якутов от лодочной повинности, переложив ее на уголовных преступников; освобождение от подводной повинности и содержания притрактовых станций, которые могли бы содержать русские крестьяне и преступники из числа якутов; назначение исправниками лиц, знающих язык и обычаи якутов; учреждение школы для якутов за счет казны; отмена земельных переделов и закрепление расчищенных земель за теми, кто их расчистил [14. Л. 11–16].

Обратим внимание, что перечисленные пункты определяют деятельность последующих депутатий на протяжении почти полувека. Появление многочисленных полицейских низовых структур по итогам губернской реформы 1775 г. было невыгодно для якутов, поэтому, по мысли А. Аржакова областной предводитель якутов должен был подчиняться непосредственно наместнику. Предоставление якутским князцам прав дворянства и введение совместного суда заметно расширили бы права якутского населения в законодательном пространстве России, тем самым был бы сделан шаг в сторону их дальнейшей интеграции. Остальные пункты служили облегчению экономического положения якутов и также требовали юридической поддержки.

Государственный совет 1 октября 1789 г. рассмотрел «План» и отказал в выборе областного головы и учреждении совестного суда, но Екатерина II решила иначе. В указе от 19 января 1790 г. сибирскому наместнику И.А. Пилу было приказано дозволить выбор предводителя согласно «Положению» о дворянстве [15. С. 108], завести училище [16. Л. 11 об.], устроить словесный суд как в «Городовом положении» о исправниках». Действительно, хоть и не все сразу, но повеление императрицы последовательно исполнялось. В 1792 г. прошли выборы первого якутского предводителя, а в 1801 г. открылось упомянутое училище. Вопросы о преобразовании судопроизводства у якутов, а также об условиях казенных перевозок по трактам будут не раз обсуждаться на разных уровнях. О них будут напоминать последующие депутации якутов. Кроме того, в Якутии практика выдачи расчищенных участков на срок от 10 до 40 лет началась в следующем столетии.

Современником А. Аржакова был кангаласский князец Илья Шадрин. Этому энергичному и необычному человеку удалось как минимум дважды побывать в столице и встретиться вначале с Павлом I (1797), а затем с Александром I (1812). Кроме того, он многократно бывал в Иркутске в качестве избранного от имени якутов разных улусов депутата. Например, во время поездки И. Шадрина в 1796 г. в прошении князца говорилось о поставках на трактах в период деятельности экспедиции И. Биллингса (1785–1795 гг.). Вероятно, вследствие этого уже в 1797 г. А. Аржаков, П. Сивцев, И. Шадрин впервые договорились в Иркутске о подрядах на Охотском тракте [5. С. 314]. Известна также поездка И. Шадрина с князем Богдашкой (сыном бывшего депутата С. Сыранова) в 1799 г. в Санкт-Петербург. Основной целью поездки было представиться новому императору. Конечно же, депутаты не преминули воспользоваться случаем и вновь рассказать новому императору о нуждах земляков [17].

В 1802 г. предводители четырех якутских улусов снабдили своего депутата борогонского голову Семена Васильева особой «Доверенностью» [18. Л. 4]. В коллективном прошении содержалась просьба ввести в действие оставшиеся не реализованными положения «Плана о якутах». В том же году намский голова Павел Сивцев также напомнил об основных пунктах «Плана» и особо просил облегчить условия казенного извоза [9. С. 93, 95]. Интересно, что 19 июля 1803 г. сам Александр I поручил сибирскому генерал-губернатору И.О. Селифонтову разобрать дело. В 1808 г. вновь намский голова Р. Жирков и наследный князец И. Шадрин, находясь в командировке в Иркутске, обсуждали эти условия. В результате в 1810 г. было решено осуществлять перевозки на условиях подряда [9. С. 94]. Таким образом, на протяжении десятилетий регулировались порядок и условия сообщения: поставки, почтовая гоньба, содержание почтовых станций по Иркутскому и Охотскому трактам. Особый интерес правительства к этому делу, несомненно, объяснялся страте-

гическим значением трактов на путях страны на Дальний Восток.

Второй этап (1811 – середина 1820-х гг.). С течением времени наступил момент, когда необходимость регулирования инородческого законодательства на уровне общепринятых законов должна была реализоваться на практике. В 1811 г. якутские князцы И. Шадрин и П. Сивцев, будучи в Иркутске, подняли вопрос о наследственности в выборе князцовых должностей. Дело в том, что к этому времени обострилась борьба между старой инородческой знатью – потомками прежних князцов и вновь выдвинувшейся благодаря торговле и подрядам на трактовых перевозках неродовитой знатью. Аналогичная ситуация складывалась в то время и в практике управления иркутскими бурятами. Вследствие чего иркутский гражданский губернатор Н.И. Трескин инициировал специальное «Положение о сельском и инородческом управлении» (указ от 9 августа 1812 г.), закрепивший наследственность при назначении на должности князцов [5. С. 257–258; 19. С. 304]. Необходимый законотворческий процесс был запущен.

Следующая депутатская поездка князца И. Шадрина в 1812 г., в ходе которой он удостоился встречи с императором Александром I [20], имела следствием издание указа об освобождении якутов от почтовой гоньбы. Отныне она целиком перешла в руки русских крестьян, расселенных вдоль трактов. Таким образом, в результате депутатских поездок И. Шадрина и его коллег началась разработка целого ряда узаконений, касающихся прав инородческой знати, а также условий обслуживания притрактового сообщения.

На повестке стоял вопрос о систематизации и утверждении комплекса законов об инородцах Сибири в целом и якутов в частности. Эту миссию выполнил в 1819–1821 гг. выдающийся государственный деятель М. Сперанский на посту сибирского генерал-губернатора. Одной из составляющих проведенной большой работы стал сбор сведений о законах, по которым управлялись сибирские инородцы [21. С. 18]. Изданный в 1822 г. «Устав об управлении инородцев» содержал общие положения по управлению и де-юре допускал применение норм обычного права. Тем временем сбор необходимых сведений продолжался, так как власти нуждались в знании обычаев, по которым управлялись инородцы, а кроме того, сами инородцы и, прежде всего, избранные от них депутаты понимали значение официально утвержденных инородческих законов. Ведь на местах некоторые недобросовестные царские чиновники, поскольку таких законов не было, пользуясь этим, нередко злоупотребляли. В целом неопределенность в законодательной сфере порождала волокиту, тратились большие средства при возникающих спорах, когда одна сторона апеллировала к русским законам, а другая стояла на нормах обычного права. Не все ясно было в степени компетенции и полномочий между органами государственной власти и инородческими властными структурами.

24 августа 1823 г. были составлены «Объяснения якутов Якутской области о законах и обычаях их» улусными головами Якутского округа, представленные иркутским властям [22. С. 660–706]. По-видимому, поступивший на рассмотрение иркутской администрации документ не удовлетворял необходимым требованиям. Поэтому не случайно депутация в составе якутских выборных князцов Ивана Мигалкина, Николая Рыкунова, Саввы Кириллина в 1824 г. привезла в Иркутске новый «проект», озаглавленный «О законах и обычкновениях, издревле существующих у якутов Якутской области и округи» [23. Л. 1–54]. Источниками для составления этого сборника законов и правил, как написано в преамбуле, послужили «древние изустные предания», «Инструкция, выданная пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву» графа С.Л. Владиславиича-Рагузинского 22 июля 1728 г., «предписания» и «правила» Ясачной комиссии 1767 г., решения присутственных мест, основанные на российских законах.

Оба документа легли в основу «Устава» 1822 г. и особого «Свода законов кочевых инородцев Восточной Сибири». Два документа разделяет почти год, но если сравнить их, то видна большая работа, проведенная тремя выборными депутатами. Во-первых, если в первом было 57 статей, то во втором только 31. Очевидно, что произошел отбор наиболее важных статей. Кроме того, статьи сгруппированы по степени важности. Так, если в первом сразу после первой статьи о жертвоприношении следуют статьи о шаманстве, многоженстве и калыме, то во втором они отошли во второй десяток статей, зато появились в первых рядах статьи о составе управления, об определении к должности, о содержании степного управления, о судопроизводстве и т.д. Во-вторых, была проведена значительная редакционная работа. Если в первом варианте некоторые законы и правила разбросаны и разобщены, то во втором они упорядочены и объединены в более крупные по содержанию статьи. Это касается, прежде всего, статей об управлении и судопроизводстве. Более выверены и обстоятельны, казалось бы, повторяющиеся в обоих документах статьи. Например, если сравнить статьи об обиде и оскорблении, соответственно, 9-ю в «Объяснениях...» и 15-ю в «О законах...», видно более подробное изложение законов и обычаев во втором случае. Так, в первом варианте статья состоит всего из восьми пунктов, а во втором варианте – из 12. Объяснения их более пространны и полны во втором случае.

В-третьих, «Объяснения...» 1823 г. содержали элемент прошения, в которых авторы просили внести изменения в старые правила или дать новые узаконения. Например, укажем на статью 11 о «наследственном преемстве княжеского и старшинского достоинства». В ней на основе преданий о происхождении якутских тойонов и ссылками на указы Петра I и Екатерины II довольно пространно обосновывались старинные права князцов.

Основной смысл обоих документов состоял в максимальном приспособлении нормы обычного права к российским законам. В таком виде необходимо было получить официальное признание, что позволило бы создать прочную базу в повседневной практике. Как будет видно далее, процесс затянулся на долгие годы. Последующие попытки прибегнуть вновь к депутатству как уже испытанному методу будут иметь в качестве одной из важнейших целей именно утверждение так называемых степных законов.

Третий этап (1829–1840-е гг.). Поскольку официального утверждения «Свода законов кочевых инородцев Восточной Сибири» не последовало, в среде якутской элиты вновь стала инициироваться идея посылки депутации на высшем уровне. Тем более, что удобный предлог был найден. На трон вступил император Николай I, и желание представиться новому императору выглядело правомерным. В 1830 г. Якутская степная дума организовала такую депутацию в составе князцов Григория Старостина, Николая Рыкунова и Егора Татаринова, которая, в конечном счете, так и не состоялась. Тем не менее весьма интересны обстоятельства организации депутации.

В 1829 г. на ходатайство Думы об организации депутации Сибирский комитет 10 декабря ответил отказом, но 26 декабря сам император Николай I позволил отправить депутацию [8. С. 49], что очень показательно. Глава государства тем самым продемонстрировал, что он был открыт для общения с подданными-инородцами.

Депутация была снабжена следующими наказами, разработанными Якутской степной думой и получившими одобрение «семиулусного собрания» якутов Якутского округа в июле 1830 г.: утвердить «степные законы»; ревизии проводить областным начальником раз год, а не раз в два месяца членами земского суда; предоставить личные права за исполнение должностей; Якутскую степную думу объявить словесным судом третьей степени; казенные перевозки осуществлять как общественную повинность по контрактам; учредить вспомогательную кассу для якутов за счет средств Российско-Американской компании (10 тыс. руб., внесенные в 1822 г.); получение 14 тыс. руб., которые казна задолжала якутам за поставки на трактах, начиная с 1792 г.; исправление дорог за счет земских повинностей; предоставление якутам права содержать почтовую и обывательскую гоньбу в пределах Якутской области по торговым ценам [8. С. 50–52].

Если сравнивать перечисленные наказы с «Планом» А. Аржакова, видно, что на первый план вышли ходатайства экономического характера. Понятно, поскольку «Устав» 1822 г. узаконил практически общеякутский институт самоуправления – Якутскую степную думу, то в свое время была открыта школа для якутских детей, что удовлетворило политические и культурные запросы якутов. Так как правительство показало готовность признать хотя бы часть норм обычного права

сибирских инородцев, то на повестку дня встал вопрос об их кодификации.

Примечательно, что якутские областные начальники Н.И. Мягков, а затем и И.Н. Веригин поддерживали депутацию. К сожалению, дело отправки депутации затянулось до 1837 г. из-за доносов чиновников местного Земского суда, сложной экономической обстановки в области (засухи, неурожаев, падежа скота) и смерти выбранных депутатов [8. С. 52–55].

Знаменитый «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», за который ратовали несколько поколений якутских депутатов включал 540 статей и состоял из шести разделов: I. О правах и обязанностях семейственных; II. О праве инородцев на имущество; III. О обязательствах; IV. О благочинии в инородческих стойбищах; V. О взысканиях и наказаниях; VI. О судопроизводстве [24. Л. 27–83].

Источниками для составления «Свода» послужили «показания» верхоленских бурятов, тунгусов нерчинских, якутов, «Степные уложения» селенгинских и хоринских бурят, местные проекты – Иркутский и Енисейский, «Устав о монголо-бурятском духовенстве», составленный в МИДе Российской империи, Указы Священного Синода, «Общее наставление» Ясачным комиссиям от 13 декабря 1827 г., Общий свод гражданских законов Российской империи др. Как видно, «Свод» представлял собой симбиоз русского законодательства, обычного права группы кочевых народов Сибири, а также духовные установления РПЦ и ламаистской церкви. Он стал плодом усилий русских властей и представителей кочевых инородцев Сибири. Важную роль сыграли депутации разного уровня. Это был пример открытого сотрудничества всех эшелонов власти имперских и инородческих. Официальное утверждение «Свода» по разным причинам затягивалось.

В этой связи интерес представляет одна из последних попыток возобновить депутацию, предпринятую представителями якутской элиты. Обратимся к содержанию документа, озаглавленного «Прошение родоначальников Якутских улусов на имя министра Государственных имуществ гр. П.Д. Киселева. Проекты улучшения экономического состояния населения. 1840 г.» [25. Л. 1–6]. Из заголовка видно, что якутские улусные головы решили действовать через одного из высокопоставленных сановников николаевского правительства графа П.Д. Киселева, чтобы он ходатайствовал перед царем о разрешении послать все же ранее не состоявшуюся депутацию. Как известно, возглавленное им министерство реформировало в те годы быт государственных крестьян. По замыслу же создателей «Устава» 1822 г. сибирские инородцы должны были постепенно приблизиться по юридическому статусу именно к государственным крестьянам.

Авторы «Прошения...» хотя более всего были озабочены экономическими проблемами (поставками по Охотскому тракту, созданием Якутского банка, изысканием средств для осушения болот и выпуска озер),

соглашаясь с приравниванием себя к правовому статусу государственных крестьян, просили установить жалование за исполнение обязанностей князцов. Не оставляя надежды на утверждение «Свода степных законов», они предлагают представить особые «пояснения» к некоторым нормам обычного права якутов. Наконец, авторы «Прошения...» просят отделить Якутскую область от Иркутской губернии по части отнесения земских повинностей. Они обеспокоены тем, что промышленно более развитые районы Иркутской губернии находились в более выгодном экономическом положении, чем аграрная Якутия. В целом в прошении отчетливо просматривается, во-первых, стремление якутской элитыстроить инородческие потестарные структуры в государственную систему управления, во-вторых, повышение уровня ее юридической грамотности.

Как показали дальнейшие события, «Прошение...» осталось без последствий. Депутация так и не состоялась. Тем не менее, думается, что реформа, проведенная в середине столетия генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым, в результате которой Якутская область получила известную самостоятельность, учитывала и идеи якутских депутатов. Тем более, что мы имеем еще один документ, как бы продолжающий события в истории якутских депутаций. Это «Записка кандидата улусного головы Егора Готовцева на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева о состоянии Якутии о причинах, по которым область наша, в особенности Якутского округа, достигла той бедности, что с трудом оплачивает земскую повинность, ясак и другие налоги» от 10 июня 1848 г. [26. Л. 1–6]. Главной идеей текста является просьба о восстановлении Якутской степной думы (1827–1838 гг.). Автор указал на ошибки и слабые места при организации Думы и предлагает восстановить ее на новых основаниях. Кроме того, он вновь упомянул о необходимости издания «Степного уложения» и об изменении размеров земских повинностей для Якутской области в отличие от Иркутской губернии в целом.

В силу разных причин, в том числе и потому, что действовал «Устав» 1822 г., «Свод» так и не был утвержден. Общепринято мнение, что «Свод» перестал соответствовать социально-экономическому и культурному развитию кочевых народов Сибири, почему и отпала необходимость в его утверждении.

Тем не менее в изучаемый период можно говорить о становлении инородческого законодательства. В течение длительного времени накапливался обширный правовой материал. Правительство было в курсе о проблемах инородческого населения. Приезд депутатов был нормой управленческой практики и стимулировал выработку решений правительства. Издание законов также проходило в результате тщательного отбора и анализа поступивших предложений.

Правовой плюрализм сопровождался появлением весьма интересных и уникальных в своем роде юридических документов, например «Свода законов коче-

вых инородцев Восточной Сибири». В отличие от «Устава об управлении инородцев» 1822 г., который являл собой приспособление инородческих норм обычного права к русскому законодательству и имел целью приблизить образ жизни коренных народов

Сибири к образу жизни остальных жителей России, «Свод», по сути, был симбиозом двум форм права. На протяжении десятилетий его готовили, редактировали, обсуждали и в конце концов, победили противники правового плюрализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
2. Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.
3. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М. : Славянский диалог, 1998. 416 с.
4. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М. : Традиция – Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
5. Левенталь Л.Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л. : Изд-во АН СССР, 1929. С. 221–448.
6. Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. 248 с.
7. История Якутской АССР : в 3 т. М. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. 418 с.
8. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии : в 2 т. М. : Арт-Флекс, 2003. Т. 2. 448 с.
9. Иванов В.Н. Алексей Аржаков: «Сии размышления многие годы занимали душу мою». Якутск : ИГиПИМНС СО РАН, 2015. 135 с.
10. Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М. : Наука, 1964.
11. Анисимов Е.В. Императорская Россия. СПб. : Питер, 2011. 640 с.
12. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1. Т. 20. СПб., 1830. 1034 с.
13. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1. Т. 21. СПб., 1830. 1083 с.
14. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 11. Оп. 1. Д. 3.
15. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1. Т. 23. СПб., 1830. 1056 с.
16. АВ ИВР РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 43. Д. 541.
18. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 231.
19. Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск : Востсибкнига, 2012. 800 с.
20. РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 1019.
21. Прутченко С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г. в строе управления Русского государства (историко-юридические очерки). СПб. : Типография А.С. Суворина, 1899. 435 с.
22. Пекарский Э.К. Материалы по якутскому обычному праву // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1925. Вып. 5. С. 660–706.
23. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 380.
24. РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 366.
25. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 161. Оп. 1. Д. 6.
26. ПФА РАН. Ф. 161. Оп. 1. Д. 5.
27. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири: XIX – начало XX в. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1986. 158 с.

Borisov Andrian A. Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia). E-mail: a_a_borisov@mail.ru

YAKUT DEPUTATIONS AND THE INDIGENOUS LAW AS ONE OF THE FEATURES OF POLICY OF RUSSIAN EMPIRE IN THE NORTH-EAST (THE END OF XVIII - THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)

Keywords: the Russian Empire; North-East; deputations of Yakuts; aliens; legislation; “steppe laws”.

The purpose of the presented article is to consider the role of Yakut deputations in the formation of alien (*inorodcheskoe*) legislation (“steppe laws”).

We contribute the following tasks to achieve this goal: 1) to revise the former estimates of these trips which were interpreted as achieving the narrow corporate (class) interests of the Yakut elite, 2) to characterize the prerequisites and reasons for organizing the deputies, 3) to trace the stages in the development of this movement, 4) to test the thesis about the role of deputies in the formation of alien legislation. The research methodology is based on the concept of multiculturalism policy implemented in the Russian Empire. Legal pluralism became one of the peculiarities of ethnic-confessional policy of the Russian Empire. On the one hand, there was acting official state law, and on the other hand, there was a customary law.

The problematic field of research is in the historical and legal space and includes some categories related to the history of Russian legislation on the example of Yakutia.

The historical sources of research were the tsarist and Senate decrees, documents of local authorities, artifacts of Yakut customary law.

In the course of the research, the author came to the following conclusions. 1) It is very important that deputy trips from the local ethnic elites, in particular, from Yakuts had a major role in the creation of laws for Siberian aliens. The Yakut elite leaders came to the understanding that only a set of measures and, above all, the adoption of legally recognized “steppe laws” could serve as a guarantor of stable development of the Yakuts. 2) In article the history of yakut deputations was divided on three periods: the first, preparatory (1789–1811), the second, reformatory (1811 – the middle of 1820s), the third, the struggle for the establishment of “steppe laws” (1829–1840s). 3) The most important outcome of the trips was the formation of “steppe laws” body, known as “Code of nomadic aliens of Eastern Siberia”. On the agenda there was a question of establishment a proper set of laws for aliens, which would regulate all aspects of life of the peoples of Siberia. 4) Although the “Code” was not officially approved, but the practice of the relationship between the imperial government and aliens’ leaders demonstrates that the open mutual dialogue had been developing. There was the process of searching the optimum forms of governance that provides an invaluable historical experience.

REFERENCES

1. Mironov, B.N. (2014) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from Tradition to Modernism]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Mironov, B.N. (2015) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from Tradition to Modernism]. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
3. Agadzhanov, S.G. & Trepavlov, V.V. (eds). (1998) *Natsional'nye okrainy Rossiyskoy imperii: stanovlenie i razvitiye sistemy upravleniya* [National outskirts of Russian Empire: the formation and development of the management system]. Moscow: Slavyanskiy dialog.
4. Kappeler, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia as a multinational empire]. Translated from German by S. Chervonnaya. Moscow: Traditsiya – Progress-Traditsiya.
5. Levental, L.G. (1929) Podati, povinnosti i zemlya u yakutov [Taxes, duties and the land of the Yakuts]. In: Pavlinov, D.M., Vitashevskiy, N.A. & Levental, L.G. *Materialy po obychnomu pravu i po obshchestvennomu bytu yakutov* [Materials on customary law and public life of the Yakuts]. Leningrad: USSR AS. pp. 221–448.
6. Tokarev, S.A. (1940) *Ocherk istorii yakutskogo naroda* [An Essay on the History of the Yakut People]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
7. Tokarev, S.A. (ed.) (1957) *Istoriya Yakutskoy ASSR. V 3-kh tomakh* [History of Yakut ASSR. In 3 vols]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
8. Basharin, G.P. (2003) *Istoriya agrarnykh otnosheniy v Yakutii v 2-kh tomakh* [The history of agrarian relations in Yakutia. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Art-Fleks.
9. Ivanov, V.N. (2015) *Aleksey Arzhakov: "Sii razmyshleniya mnogie gody zanimali dushu moyu"* [Alexey Arzhakov, "These reflections have occupied my soul for many years"]. Yakutsk: SB RAS.
10. Pavlova-Silvanskaya, M.P. (1964) Sotsial'naya sushchnost' oblastnoy reformy Ekateriny II [The social nature of Catherine II's regional reform]. In: Druzhinin, N.M. (ed.) *Absolutizm v Rossii (XVII – XVIII vv.)* [Absolutism in Russia (the 17th – 18th centuries)]. Moscow: USSR AS.
11. Anisimov, E.V. (2011) *Imperatorskaya Rossiya* [Imperial Russia]. St. Petersburg: Piter.
12. Russia. (1830a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. 20. St. Petersburg: 2nd Department of H.I.M. Own Chancery.
13. Russia (1830b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. 21. St. Petersburg: 2nd Department of H.I.M. Own Chancery.
14. The Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 11. List 1. File 3.
15. Russia. (1830c) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. 23. St. Petersburg: 2nd Department of H.I.M. Own Chancery.
16. The Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 11. List 1. File 3.
17. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 43. File 541.
18. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 1. File 231.
19. Dameshek, L.M. (ed.) (2012) *Irkutskiy kray. Chetyre veka: Istoriya Irkutskoy gubernii (oblasti) XVII – XXI vv.* [Irkutsk region. Four centuries: History of Irkutsk province (region) in the 17th – 21st centuries]. Irkutsk: Vostsibkniga.
20. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 759. List 6. File 1019.
21. Prutchenko, S. (1899) *Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovleniya, svyazannye s Sibirskim uchrezhdeniem 1822 g. v stroe upravleniya Russkogo gosudarstva (istoriko-yuridicheskie ocherki)* [Siberian outskirts. Regional regulations related to the Siberian institution of 1822 in the Russian state management structure (historical and legal essays)]. St. Petersburg: A.S.Suvorin.
22. Pekarskiy, E.K. (1925) *Materialy po yakutskomu obychnomu pravu* [The materials on the Yakut common law]. In: Vladimirtsov, V.K. et al. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 5. Leningrad: USSR AS. pp. 660–706.
23. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1264. List 1. File 380.
24. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1261. List 1. File 366.
25. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 161. List 1. File 6.
26. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 161. List 1. File 5.
27. Dameshek, L.M. (1986) *Vnutrennyaya politika tsarizma i narody Sibiri: XIX-nachalo XX v.* [Internal politics of tsarism, and the peoples of Siberia: the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.

УДК 94(47)
DOI: 10.17223/19988613/56/2

В.А. Буров

ПЕРВЫЙ УЗНИК «ПЕРВОТЯЖКОЙ» ТЮРЬМЫ СОЛОВЕЦКОЙ КРЕПОСТИ

Задача исследования – определить место первой тюрьмы Соловецкого монастыря, ее устройство, судьбу первого узника. Привлечены новые источники: приходо-расходные книги, чертежи XVIII в., данные раскопок. Установлено, что тюрьму устроили в стене при строительстве крепости (1582–1595), изменив проект. Поводом стал царский указ 1586–1587 гг. заточить дворянина из Торжка, Ивана Головленкова. К 1605–1607 г. он был помилован и пострижен в монахи, скончался (27.09.1619) и похоронен на Соловках. Найдена камера с креплениями цепей, которыми были прикованы к стене узники.

Ключевые слова: Соловецкий монастырь; крепость; тюрьма; Иван Головленков; исторические планы; археологические раскопки.

Русские монастыри эпохи Средневековья и Нового времени нередко являлись местом ссылки неудобных властям лиц и заточения разного рода преступников. Не составлял исключения и Соловецкий монастырь, расположенный на труднодоступном острове в Белом море всего в 150 милях от Полярного круга. Здесь в начале XVI в. возникла церковная и государственная тюрьма, просуществовавшая 400 лет [1. С. 1].

Удаленность и отрезанность острова от внешнего мира в течение 8 месяцев в году из-за плавающих льдов делали побег отсюда практически невозможным. Условия содержания узников на Соловках оказались весьма суровыми [2. Стб. 554; 3. С. 277–278]. Исследователи М.А. Колчин и Г.Г. Фруменков восстановили буквально по крупицам наиболее полный, хотя и не окончательный, перечень узников соловецких застенков [4–6].

В первой половине XVI в. соловецкие узники содержались в отдельных деревянных кельях. С конца XVI столетия и в последующие два века роль тюремных помещений стали исполнять подклеты построенных каменных келий и монастырских служб. Особое место в этой системе заняла мощная валунная крепость, возведенная с 1582 по 1594 г. при Иване Грозном и Федоре Иоанновиче зодчими Иваном Михайловым и монахом Трифоном Кологриевым [7. С. 58–70]. На это указывает ряд документов, и в первую очередь план Соловецких тюрем 1743 г., изданный без комментариев В.В. Скопным [8. С. 75. Рис. 65]. На подлинность документа указывает филигрань в виде букв «РФ» («Русская фабрика») [9. С. 297–298; 10. Табл. 579].

На листе размером 41,5 × 63 см представлены рисунки всех девяти тюрем Соловецкого монастыря под соответствующими номерами (рис. 1). Из них три особо тяжкие тюрьмы размещались в печурах стен каменной крепости: Короткая (№ 1), Никольская (№ 4 и 5) и Головленкова (№ 2). Если первые именуются по ближайшим башням, то наименование последней тюрьмы, расположенной в третьей печуре прясла к северу от башни Архангельской, происходит от фамилии ее уз-

ника – Ивана Головленкова. История отвела ему роль первого узника Соловецкой крепости.

В.Б. Кобрин, занимаясь составом опричного двора Ивана Грозного, привел сведения о двух братьях, мелких дворянах из Торжка по фамилии Головленковы – Афанасии Васильевиче и Иване Васильевиче. Оба они являлись участниками походов на Девлет-Гирея в сентябре 1570 г. и летом 1571 г., а весной 1572 г. – на шведов. Иван Головленков был также поддатней сначала к доспеху, а затем к шелому у царевича. В 1569–1570 гг. Иван Головленков завладел вотчиной С.В. и Н.В. Ергольских и А.И. Бурухина, высланных в земщину. В 1581–1582 гг. Иван Головленков купил за 80 руб. вотчину в Переславльском уезде сельцо Терпилово у И.И. Бобрищева-Пушкина. В 1580 г. он сделал большой вклад в размере 100 руб. в Троице-Сергиев монастырь. Но под конец жизни, замечает исследователь, Иван Головленков оказался замешан в каком-то серьезном деле и попал на Соловки. Историк обратил внимание на архивную опись Соловецкого монастыря 1733 г., в которой сообщалось, что в ящике 22 хранились «две грамоты царей Бориса Федоровича, Василия Ивановича о присылке в монастырь в тюрьму Ивана Головленкова, он же и старец Иосиф, и велено его держать в тюрьме к стене прикована в железах, 7095 и 7114 году» [11. С. 35–36; 12. С. 283].

В приведенном описании раскрывается содержание только первого документа. Согласно ему, Иван Головленков был сослан на Соловки по приказу всеильного Бориса Годунова еще при царе Федоре Иоанновиче в лето 7095, т.е. не позже 1 сентября 1586 г., но до 31 августа 1587 г. Другую грамоту лета 7114 (1605–1606 гг.) Василия Шуйского В.Б. Кобрин считает подтвердительной [13. Л. 427 об.; 14. С. 67. № 2470]. Однако ее содержание неизвестно. Выявленная нами запись от 1 мая 1607 г. в приходо-расходных книгах позволяет иначе взглянуть на ситуацию: «Дано старцу Иосифу Головленкову 5 рублей денег, как поехал был к Москве по государеве грамоте, а в тех место денег на Москве старец Пратасей взял у его сына у Офонася Головленкова» [15. Л. 197].

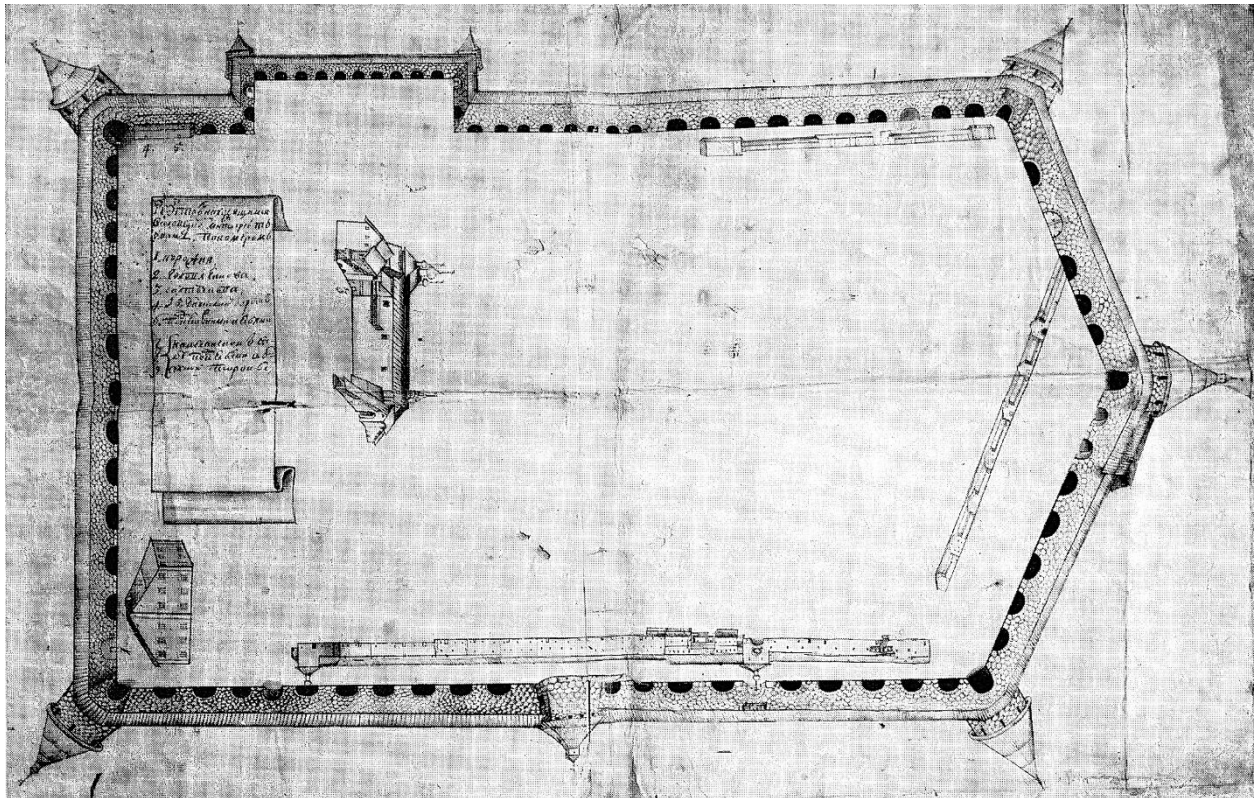

Рис. 1. План тюрем Соловецкого монастыря 1743 г. (Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. Кол. 220. Оп. 1. Д. 170) (Ранее данный план значился под другим шифром: К. 29, ед. хр. 1628)

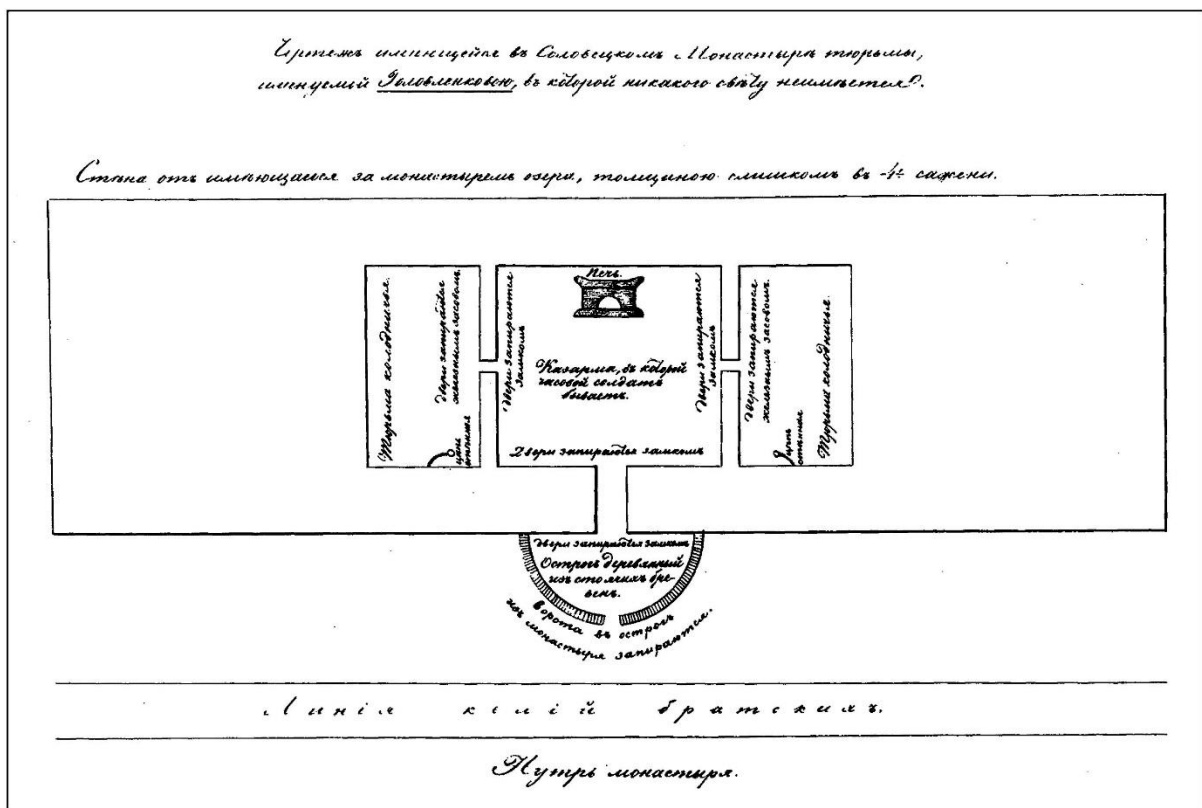

Рис. 2. План Головленковой тюрьмы до 1743 г. Копия XIX в. (Российский государственный исторический архив. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2941).

Оказывается, к этому времени Иван стал монахом под именем Иосиф и был вызван в Москву. Очевидно, грамота 7114 г. нового царя Василия Шуйского осво-

бождала принявшего постриг Ивана Головленкова из тюрьмы. Время ее написания должно относиться к концу 1606 г., так как избрание нового царя состоялось 19 мая

и первоочередных проблем у него было более чем достаточно. Грамота должна была прийти на Соловки поздно осенью 1606 г., под самый конец навигации. И только на следующий год с возобновлением плавания по Белому морю, очищенному ото льдов, старец Иосиф смог уехать в Москву. Взятые 1 мая 1607 г. 5 руб. в долг из монастырской казны на дорогу возместил его сын Афанасий, нареченный, видимо, в честь дяди.

Мы не знаем, чем закончилась встреча с новым государем. Но, скорее всего, соловецкий монах Иосиф вернулся в свой монастырь. Там он и был похоронен в 1619 г. Устанавливается точная дата кончины бывшего узника: «Сентября ж в 27 день. Преставися Иван Головленков во иноцех Иосиф, взято после его живота денег в казну рубль 5 алтын. Да по нем же взято у священнонока Паисея сорокоустных денег 20 алтын» [16. Л. 8 об.–9]. Эта запись ничем не отличается от аналогичных сообщений о смерти монашеской братии. Свои последние дни жизни монах Иосиф провел на Соловках.

Представители рода Головленковых и в следующем веке оставались приближены к трону. Так, в 1703 г. стольник Василий Федорович Головленков был направлен в Ростов и Переславль Залеский для сбора плотников и отправки их в Воронеж [17. С. 471].

В.Б. Кобрин пишет, что заключение Ивана Головленкова в Соловки было, видимо, в глазах современников значительным событием, поскольку спустя почти полвека, в 1652–1653 гг. давались приказы сажать «в тюрьму, где сидел Иван Головленков» [11. С. 36. Прим. 247; 12. С. 283].

Исторических свидетельств о прочих заключенных Головленковой тюрьмы крайне мало. Назовем грамоту от 22 декабря 1701 г. архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия соловецкому архимандриту Фирсу. В ней говорится о присылке на Соловки по указу Петра I расстриги Ивашки Шангина: «...за его воровство ис Холмогор велено его сослать к вам в Соловецкой монастырь и посадить его в Головленкову тюрьму, и быть ему в той тюрьме до кончины живота его неисходно, а пища ему давать противъ такихъ же подначальныхъ, а чернилъ и бумаги ему, Ивашку, давать отнюдь не велено и ни от ково к нему писемъ не принимать и не отдавать, такъ же и от него ни х кому никаких писемъ не принимать же и не отдавать» [18].

Имя последнего узника Головленковой тюрьмы называет архиепископ Варсонофий в донесении в Синод от 4 июля 1743 г. Это отсидевший 10 лет «расколник Аврам Иванов с 1733 годов в Головленковой тюрьме» [19. Л. 6 об.]. Он был прислан «в вечное содержание в Головленкову тюрьму» с приказом «содержать его неисходно в Соловецком монастыре в Головленковой тюрьме и никого не допускать, чернил и бумаги не давать» [20. С. 78].

Приведенных свидетельств достаточно, чтобы понять, что условия содержания в Головленковой тюрьме были особо тяжелыми. Их четко изначала прописала грамота Годунова: «...велено ево держать в тюрьме к стене, прикована в железах».

Опись 1743 г. впервые приводит подробные сведения о данном каземате: «Вторая, называемая Головленкова, в городской же стене, с востока в бойнице, по сторонам две палатки в стене же. В первой палатке с южной стороны внутри длиною пять аршин, шириною четыре аршина; вторая в северную сторону, длиною и шириною по четыре аршина». Головленкова тюрьма названа «первотяжкой». В примечании отмечено, что дверь заложена камнем, а ранее находившийся при ней тын «отнесен прочь» [2. Стб. 889–891]. Действительно, на плане тюрем 1743 г. частокольная ограда не изображена, а проем печуры в крепостной стене залит серым цветом и покрыл мелкими штрихами, изображающими сплошную кирпичную кладку. Становится также известно, что ранее доступ к указанным тюрьмам преграждал заостренный тын.

Почти на полтора столетия о Головленковой тюрьме забыли. В 1856 г. тюрьмами интересовался начинающий писатель С.В. Максимов [21. С. 146]. Между тем забытая Головленкова тюрьма в толще восточной крепостной стены была подробно описана без указания названия в «Спутнике при поездке в Соловецкий монастырь» 1910 года издания [22. С. 23–24].

Историки конца XX – начала XX в. не знали о существовании плана 1743 г. и локализовали Головленковую тюрьму по-разному. М.А. Колчин в одном из монастырских документов, вычитав фразу о нахождении Головленковой тюрьмы «у Архангельских ворот», сделал далеко идущие выводы. По его мнению, тюрьма «Головленкова – в башне у Архангельских ворот, на восточной стороне крепости». Он полагал, что в древности и сама башня у этих ворот называлась Головленковой и что в 1701 г. «в Головленкову башню, в уединенное место» был также заточен тамбовский епископ Игнатий [4. С. 11–12]. Скорее всего, в руках исследователя оказался рапорт архиепископа архангелогородского и холмогорского в Синод от 22 августа 1743 г. В нем опровергался слух, что Головленкова тюрьма была якобы подземная, сообщалось о ее закрытии, уточнялось ее местоположение «у Архангельских ворот в городской стене» [19. Л. 8]. Надо полагать, М.К. Колчина не смутила фраза о городской стене. Архангельскую башню он посчитал ее составной частью. Но из приведенного им описания Головленковой тюрьмы следует, что речь идет о пороховом погребе на втором ярусе башни. Подобные же погреба характерны для всех башен Соловецкой крепости.

В постреволюционный период Головленкову тюрьму стали отождествлять с Белой башней. Она примыкала к тому же пряслу крепости с Архангельскими воротами, но отстояла от них далеко к югу. Данная идея, высказанная А.П. Ивановым, внесла всю последующую путаницу. Для него Головленкова тюрьма это – не только Белая башня, но и Сушило [23. С. 17–18, 47. Табл. III–VI]. Историк Г.Г. Фруменков также полагал, что Белая башня и Головленкова тюрьма – это одно и то же [6. С. 12; 24. С. 32]. Такое представление очень

прочно вошло в литературу [25. С. 56; 26. С. 51; 27. С. 59; 28. С. 7; 29. С. 19] и практику экскурсоводов Соловецкого музея-заповедника. Его даже не смог поколебать изданный в 1982 г. В.В. Скопиным план соловецких тюрем 1743 г., правда, никак не прокомментированный. Хотя именно этот рисунок со всей определенностью указывал на нахождение Головленковой тюрьмы в толще крепостной стены, в третьей печуре подошвенного боя к северу от Архангельской башни. Сила традиции оказалась слишком велика.

Между тем в Российском государственном историческом архиве древних актов (РГАДА) в фонде Паниных В.В. Скопин в 1997 г. обнаружил еще один, неизвестный ранее план Головленковой тюрьмы, который он предоставил в мое полное распоряжение, за что я ему безмерно благодарен. Судя по почерку и характеру писчего материала, перед нами копия XIX в., выполненная на плотной белой бумаге без водяных знаков (см. рис. 2). Размер листа 21 × 34,1 см. В верхней части читается сопроводительная надпись: «Чертеж имеющейся в Соловецком монастыре тюрьмы, именуемой Головленковой, в которой никакого свету не имеется». На самом деле это схема без масштаба.

Данный план уникален своей информативностью. Здесь показан фрагмент прясла крепостной стены, снабженный разъяснениями: «Стена от имеющегося за монастырем озера, толщиной слишком в 4 сажени». Из чего следует, что изображен участок восточного прясла крепости – со стороны Святого озера. С внутренней стороны монастыря расположена «линия келий братских». Вход в тюрьму преграждает полукруг бревенчатого частокола с воротами. Внутри полукружия перед крепостной стеной надпись: «Острогъ деревянный изъ стоячихъ бревень». С внешней стороны острога дается еще одно пояснение: «Ворота въ острогъ изъ монастыря запираются». Изображение частокольной ограды, разобранный, как мы знаем, к июлю 1743 г., выдает и дату составления оригинала чертежа – до лета 1743 г., времени функционирования тюрьмы.

Согласно плану, Головленкова тюрьма состояла из одного большого центрального помещения и расположенных от него по обеим сторонам двух боковых малых помещений. Все помещения прямоугольной формы. Вход в центральное помещение со стороны монастыря преграждала толстая стена с проходом, с двух сторон которого имелись внутренняя и наружная двери («Двери запираются замкомъ»). Надпись разъясняет назначение центрального помещения: «Казарма, въ которой часовой солдатъ бываетъ». Здесь показана низкая, очевидно, с лежанкой печь, имеющая полукруглое устье. Сверху пояснение: «Печь». В боковые малые помещения, расположенные в толще крепостной стены, ведут крайне узкие (по отношению к главному входу) проходы. По обеим сторонам каждого такого прохода имеются двери. С наружной стороны проходов две однотипные надписи: «Двери запираются замкомъ». По другую сторону проходов двери запираются

иначе: «Двери запираются железнымъ засовомъ». Назначение двух боковых помещений, расположенных симметрично по отношению к центральному, разъясняется: «Тюрьма колодничья». В каждом из них из стены со стороны монастыря выступает по цепи, рядом с которыми надпись: «Цепь стенная». Заметим, что на рисунке в крепостной стене не обозначены окна, которые могли освещать помещения двух тюремных палаток. Или узники были лишены света?

Местоположение Головленковской тюрьмы на восточном участке стены крепости, вблизи Святого озера, обозначенное на вновь открытом чертеже, полностью совпадает с локализацией этой тюрьмы на плане 1743 г. Но самое главное – на данном чертеже представлены именно две палатки, описи 1743 г., в которых закованные в колоды узники сидели на цепях. Доступ к ним ограничивали запертые ворота острога и четыре двери с тремя замками и одним засовом. Таким образом, все известные документы и сообщения не противоречат, а только дополняют друг друга, доказывая тем самым свою полную достоверность. Нахождение Головленковой тюрьмы теперь получило абсолютно надежную привязку.

О существовании каких-то двух внутрстенных камер в крепостной стене севернее Архангельской башни напротив Новобратского корпуса было известно архитекторам-реставраторам О.Д. Савицкой и В.В. Сошину еще с 1970-х гг. Но осмотреть и детально их изучить исследователям не представлялось возможным, поскольку вся печура и соседние узкие проходы в боковые камеры были засыпаны землей (рис. 3, 1). Неудивительно, что тюремные палатки В.В. Сошин трактовал как пороховые погреба, о чем он со мной и поделился в устном разговоре. Попасть внутрь тюрьмы можно было только после проведения археологических раскопок.

Раскопки установили подлинный план Головленковой тюрьмы (рис. 4). Они начались с печуры подошвенного боя, которая на историческом плане Головленковой тюрьмы именуется казармой для часового солдата [30]. Ее боковые стороны сложены из крупных валунов. Сверху она перекрыта кирпичным цилиндрическим сводом с наклоном к амбразуре. В плане печура близка к вытянутой трапеции: удлиненная с основаниями 3 м у амбразуры и 3,4 м при входе; высота трапеции 4,8 м. Общая площадь 15,3 м².

Исследования подтвердили, что после упразднения Головленковой тюрьмы в начале 1740-х гг. вход в печуру и проходы в боковые камеры никто специально не засыпал. Они были открыты для посещения даже в начале XX в. Зафиксированные же верхние напластования мощностью 0,5 м перед печурой и 1,2 м в центре ее составлял разнородный, в основном строительный мусор времени ГУЛАГа и тюрьмы (1923–1939 гг.), а также пребывавшей затем на территории монастыря до начала 1960-х гг. морской части. На протяжении веков печура упраздненной тюрьмы использовалась для хозяйственных целей, о чем свидетельствуют раскопанные четыре яруса сгнивших дощатых настилов на лагах.

Рис. 3. Вход в северную палатку тюрьмы: 1 – состояние до раскопок; 2 – раскрытие

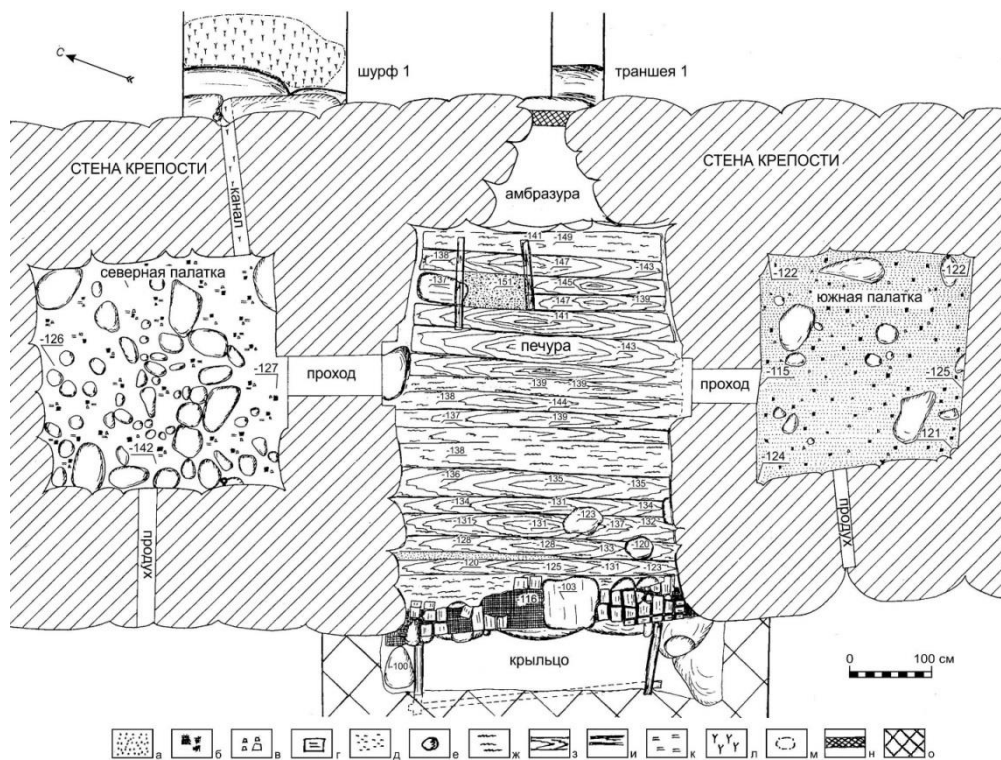

Рис. 4. План Головленковой тюрьмы по археологическим данным. Условные обозначения: а – песок; б – известь; в – обломки кирпичей; г – крупные фрагменты кирпичей и целые кирпичи; д – уголь; е – камни; ж – истлевшая древесина; з – доска; и – бревно; к – глина; л – рыбные кости; м – граница разброса костей; н – кирпичная закладка амбразур; о – нераскопанный участок

Перед входом были обнаружены остатки кирпичной стены с дверным проемом, известной по позднему плану (рис. 5). От нее сохранился только нижний ряд кирпичной кладки шириной 0,44–0,46 м, полтора большемерных кирпича. Кирпичи были уложены на известковом растворе поверх валунного основания высотой 0,7–0,8 м. В южной части стены кладку прерывал плоский валунный камень 0,64 × 0,72 м, кото-

рый обычно кладут в проходе. Существование специальной стены, закрывавшей вход в печуру и тем самым превращавшей обычную печуру крепости в помещение для стражника (в XVIII в. – «казарму» для часового солдата), получило археологическое подтверждение. Внутри печуры-«казармы» выявлен сгнивший деревянный дощатый пол (настил 5-го яруса), что дополняет наши представления о благо-

устройстве Головленковой тюрьмы. На историческом «чертеже» он не указан.

Печь в казарме, у которой грелся часовой, не сохранилась. Но о ее наличии свидетельствуют остатки конструкции так называемого опечка в северо-восточном углу печуры. От него сохранились два бруска длиной 0,85 и 1,12 м, шириной 8–10 см и толщиной 7–8 см, уложенные перпендикулярно к амбразуре. Расстояние между ними 71 см (ровно один аршин). Ниже прослежен серый песок с мелкими угольками. Надо полагать, что печной дым выводился через амбразуру. На позднюю дату настила указали два крупных фрагмента полихромных рельефных печных изразцов конца XVII – начала XVIII в., оказавшимися под досками. Небольшой зондаж уточнил, что под тонким слоем песка с известковой крошкой и битым кирпичом идет засыпка из серого галечного песка, покрывающего крупные валуны. Стало ясно, что отмеченные сразу под полом гладкие валунные камни выходят на поверхность только своими макушками. Эти валуны составляют основу засыпки из камней – цокольной платформы самой стены крепости.

В северной стене печуры имеется арочный проход в «тюрьму колодочную», выложенный из большемерно-

го кирпича (рис. 3, 2). Проход обозначен на известном историческом плане. Ширина его 0,47–0,49 м, высота 1,4 м. Длина стен прохода разная: западной 1,13 м, восточной 1,32 м. Он столь узкий, что в него буквально приходится протискиваться, согнувшись. С правой стороны сохранились два дверных железных подстава для петель двери. Слева из стены выступает железная петля для замка, на который запиралась дверь. Напомним о надписи на историческом чертеже: «Двери запираются замком».

Северная палатка имеет в плане квадратную форму размером 2,9 × 2,9 м, что полностью соответствует параметрам северной палатки описи соловецких тюрем 1743 г.: 4 × 4 аршина, или 2,84 × 2,84 м. Высота камеры от древнего земляного пола 2,4 м. Западная, северная и восточная стены на высоту 1,4–1,6 м от пола сложены из четырех рядов валунов (см. рис. 6). Промежутки между камнями заполнены обломками красных большемерных кирпичей на известковом растворе; это характерно в целом для стен крепости. Кладка южной стены смешанная: арочный проход – из кирпича, остальное – из валунов. Свод помещения цилиндрический из большемерного красного кирпича.

Рис. 5. Основание стены перед входом в печуру. Расчищенный валунный цоколь с плоским камнем низа дверного проема и остатками кирпичной кладки. Вид с севера

Рис. 6. Северная палатка. Общий вид от входа на северную стену

Рис. 7. Южная палатка. Западная стена и северная стена с арочным проходом. Вид с юго-востока

На западной стене в основании свода почти по центру кирпичную кладку нарушает заложённое отверстие окна (продух) размером по вертикали 0,18 м и по горизонтали 0,25 м. С наружной стороны отверстие канала открыто и видно на восточном фасаде стены. Оно обрамлено валунами, форма прямоугольная, удлинённая кверху. Внутрстенный канал имеет наклон вверх под углом 20° . На историческом плане продух не показан. Толщина западной стены на этом участке около 1,7 м.

Между двумя верхними валунами западной стены на удалении 1,07 м от юго-западного угла помещения покоится *in situ* железная кованая полоса с петлей на конце (рис. 7). Наружный диаметр петли 8–8,5 см, внутренний 5–5,5 см, сечение $1,5 \times 1,8$ см. Ширина полосы у петли 4,5 см. Она уходит вглубь кладки и прослеживается всего на 47,5 см. На историческом плане Головленковой тюрьмы указана «цепь стенная». Это – петля для крепления цепи, в которую был зако-

ван колодник. Без всякого сомнения, железную полосу с петлей уложили во время возведения крепости. Данное помещение строилось сразу как тюрьма.

На противоположной восточной стене у юго-восточного угла на высоте 0,6 м от пола имеется другое отверстие канала $0,22 \times 0,28$ м, ранее замазанное известью. Канал был заполнен коричневой землей, содержащей труху дерева от желоба и редкие рыбные косточки. Деревянный желоб был уложен во время возведения крепости. Его предназначение – выведение из помещения пищевых отходов.

В культурных напластованиях в основном XVIII в. в шурфе напротив окончания желоба было отмечено скопление из 1 084 рыбных костей. Судя по грамотам XVI–XVII вв., узникам предписывалось «давать токмо один хлеб и воду». Лишь спустя много десятилетий их разрешили кормить «противу одного монаха», т.е. давать такую же пищу, как и монахам. Ревизия 1818 г. констатировала, что пища арестантов состояла из трех блюд: щей, рыбы и каши [20. С. 79, 83].

На земляном полу толщиной 4–6 см, представляющим собой слой серой плотной глины с включением извести и мелкого битого кирпича, найдено 53 фрагмента одного чернолощеного кувшина для воды. Еще в

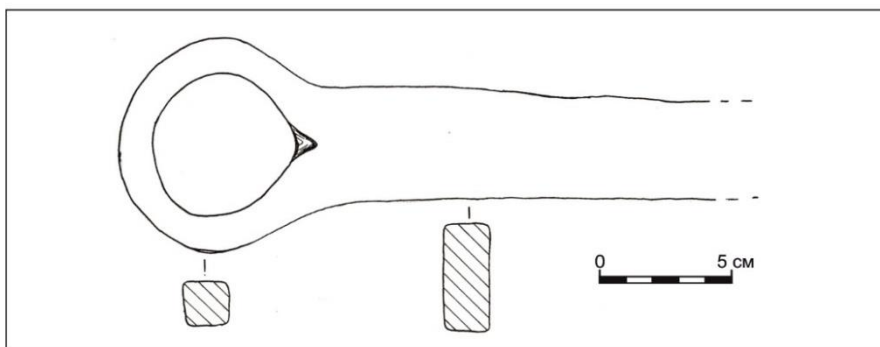
начале XX столетия в этом помещении паломники видели три пузатых широкогорлых старинных кувшина. Как и в печуре, здесь на поверхность выступали крупные валуны цокольной платформы, которая включала кладку больших и малых камней, просыпанных песком. Такая конструкция исключала какой-либо подкоп. Она соответствует рапорту 1743 г. о том, что Головленкова тюрьма «неземляная, но на верх же земли».

Проход, ведущий из «казармы»-печуры в южное помещение, почти идентичен северному. Ширина его $0,42\text{--}0,44$ м, длина $0,82$ м. Высота $1,5$ м. Его ширина на 5 см меньше, а по длине на $0,5$ м короче северного прохода. Он также сложен из кирпича, имеет арку, нишу под дверь, утопленную на полкирпича. При входе, с левой стороны, сохранились два железных подстава, предназначенные для петель двери.

В отличие от северной южная палатка-камера не квадратная, а трапециевидной формы (рис. 8). Ее размеры меньше, со сторонами $2,45$ м (западная и южная), $2,74$ м (восточная) и $2,64$ м (северная). По необъяснимым причинам это противоречит параметрам южной палатки Описи тюрем 1742 г.: 4×5 аршин (или $2,84 \times 3,55$ м). Высота свода $2,35$ м. Своды обеих камер цилиндрические.

1

2

Рис. 8. Северная палатка: 1 – западная стена с закрепленной полосой с петлей на конце, предназначенной для крепления цепи колодника; 2 – железная полоса

В кирпичной кладке западного свода, в 0,85 м от северо-западного угла на высоте около 1,5 м от пола имеется узкий внутрстенный канал – продух. Его размеры: ширина 0,18 м и высота 0,28 м. Снаружи параметры несколько иные: ширина 0,14–0,19 м и высота 0,22–0,23 м. Канал выходит наружу крепостной стены под наклоном 20° вверх. Его длина 1,08 м. Найденные в культурном слое камеры мелкие гвоздики от оконницы и фрагмент слюдяной пластины-вставки в оконницу позволяют говорить о том, что продух изнутри камеры был снабжен маленьким окошечком.

На удалении 0,4 м к югу от продуха, ниже его на высоте 1,15 м от первоначального пола из кирпичной кладки выступает обломанный проржавевший наподобие двузубой вилки конец железной полосы. Это – вмонтированная во время строительства железная полоса с петлей на конце для крепления цепи колодника. Ее расположение соответствует указанной на историческом плане тюрьмы «цепи стенной». Тот факт, что железная полоса была вмонтирована в кирпичную кладку во время строительства крепости, служит неоспоримым доказательством, что и южное тюремное помещение отводилось под тюремную камеру изначально. Канала для сброса отходов в восточной стене южной палатки не оказалось. Пол данной «поземной» тюрьмы был покрыт песком толщиной 6 см с известковой крошкой и обломками кирпича; ниже в зондаже прослежена знакомая уже конструкция цокольной платформы.

В пределах небольшого раскопа с внешней стороны Головленковой тюрьмы не удалось выявить остатки деревянного острога в виде ям, заполненных древесной трухой или засыпанных инородным слоем. Стало ясно, что назначение острога заключалось не только в том, чтобы закрыть подход к тюрьме, но и чтобы не позволить посторонним приблизиться к оконцам тюремных палаток. Ямы от вкопанных в материк частокольных бревен могут быть обнаружены при дальнейших археологических исследованиях севернее и южнее продухов. Перед стеной, закрывавшей печуру, выявлены остатки деревянного крыльца срубной конструкции. Нахождение его здесь вполне закономерно в связи с наличием высокого валунного цоколя, из-за которого пол печуры приподнят над землей на 0,7–0,8 м. Шириной крыльца 0,8 м, длина 2,9–3 м. Данных о высоте нет.

Проведенное комплексное историко-археологическое исследование Головленковой тюрьмы открыло для истории Соловецкого монастыря и Соловецкой крепости еще один памятник эпохи позднего Средневековья. Осталось установить его точную дату. Выявленные в палатках подлинные остатки крепления железных цепей для колодников приблизило нас вплотную к решению данного вопроса. Как уже отмечалось, указ Годунова о Головленковке «ево держать в тюрьме к стене прикована в железах» относится к лету 7095 от сотворения мира, т.е. промежутку времени между 1 сентября 1586 г. и 31 августа 1587 г. И здесь возможны два варианта. Первый – колодничья тюрьма для Ивана Головленкова была уже построена к 1 сентября 1586 г., и в нее он направлялся. Второй вариант – был дан указ срочно построить специальную особо тяжкую тюрьму в толще крепостной стены в летний сезон 1587 г., так как строительство в Соловецкой крепости было возможно только в летний сезон. В любом случае до завершения всей крепости оставалось еще 8 или 9 лет.

Надо полагать, что сама идея создания специального тюремного помещения в толще стены крепости появилась непосредственно в ходе строительства. Первоначально тюремное помещение здесь явно не предусматривалось. Архитектор-реставратор В.В. Сошин выявил строительный шов на внешнем фасаде стены к северу от Архангельской башни между второй и третьей печурами. Строгая система горизонтальной порядной валунной кладки здесь нарушена. Следующий северный участок стены накладывается на шов, тем самым обнаруживая свой более поздний срок возведения. Наш шурф в основании шва зафиксировал резкое расширение основания стены. Заметное расширение на данном участке имеет и верхняя обходная галерея. Стало очевидно, что стену специально утолщили для возведения южной палатки Головленковой тюрьмы.

Итак, осенью 1586 г. или летом 1587 г. Иван Головленков был прикован цепью к железной петле, вмонтированной в стену северной или южной палатки, став первым заключенным «первотяжкой» тюрьмы Соловецкой крепости. Однако в какой именно из двух палаток сидел этот высокопоставленный узник, осталось неизвестно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси). Издание общества исторических, философских и социальных наук. Пермь, 1927. 280 с.
2. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода (1742). М. : Типография Синода, 1915. Т. 22. 701 с.
3. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. 3-е изд. М. : Гос. изд. юрид. лит., 1960. Т. 1. 384 с.
4. Колчин М.А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. Исторический очерк. М. : Посредник, 1908. 176 с.
5. Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. Политические ссылки в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. 120 с.
6. Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1968. 200 с.
7. Буров В.А., Скопин В.В. О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее зодчем монахе Трифоне // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М. : Наука, 1985. С. 58–70.
8. Скопин В.В., Щенникова Л.А. Архитектурно-художественный ансамбль Соловецкого монастыря. М. : Искусство, 1982. 183 с.
9. Кукушкина М.В. Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII – начала XIX в. (Обзор собрания П.А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II: XIX–XX века. М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1958. С. 285–371.
10. Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I: Исследование и описание филигранных, с приложением семнадцати фототипических таблиц. СПб. : Типография В.С. Балашев и Ко, 1899. 512 с.

11. Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 16–91.
12. Кобрин В.Б. Государевы опричники // Прометей. 1972. № 9. С. 273–285.
13. Книга описная Соловецкого монастыря игумена стольника и воеводы князя Владимира Андреевича Волконского да дьяка Алмаза Чистого. 1676 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 125. Оп. 1. Д. 555.
14. Белокуров С.А. Материалы для русской истории. М. : Univ. тип., 1888. 574 с.
15. Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1602–1608 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 214.
16. Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1619–1622 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 224.
17. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2 (1702–1703). СПб. : Гос. типография, 1889. 721, XLII с.
18. Грамота 22 декабря 1701 г. // Музеи Московского Кремля. Инв. № Рук-1019.
19. Дело о засыпке земляных тюрем Соловецкого монастыря. 1742–1743 гг. // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 23. Д. 54.
20. Венедиктов-Безюк Д. Попы, провокаторы, тюремщики, погромщики. М. : Атеист, 1930. 119 с.
21. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. 697 с. Переиздание 1859 г.
22. Спутник при поездке в Соловецкий монастырь. Для богомольцев и туристов. 1910. Переизд. СПб. : Геоэкол. центр, 2006. 64 с.
23. Иванов А.П. Соловецкая монастырская тюрьма. Краткий историко-революционный очерк. Материалы Соловецкого общества краеведения. Соловки : Бюро печати УСЛОН, 1927. Вып. VI. 52 с.
24. Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. 184 с.
25. Богуславский Г.А. Острова Соловецкие. Очерки. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1966. 164 с.
26. Богуславский Г.А. Соловецкие острова. Путеводитель. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1968. 104 с.
27. Богуславский Г.А. Острова Соловецкие. 3-е изд. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1978. 172 с.
28. Баргнев И.А. Вступительная статья // Соловецкие острова. Фотоальбом. Л. : Искусство, 1969. 96 с.
29. Тельтевский П.А. Предисловие // Манизер Г.М. Архитектура Соловецкого монастыря (Серия «Памятники древнерусского зодчества»). М. : Советский художник, 1969. 21 с.
30. Буров В.А. Головленкова тюрьма XVI–XVIII вв. Соловецкого монастыря. СПб. : Омега, 2000. 64 с.

Burov Vladimir A. Institute of Archeology Russian Academia of Science (Moscow, Russia). E-mail: vladimirburov@ro.ru

THE FERST PRISONER OF THE SERIOUS PRISON SOLOVETSKY FORTRESS

Keywords: Solovetsky monastery; fortress; prison; Ivan Golovenkov; historical plans; archaeological excavations.

The author considers the problem of the State and Church prison of the monastery of Solovky (150 km from the Arctic Circle, at the White Sea), which was established in the early 16th century. Later on the strong fortress of great boulders was erected (1582-1595) there, including the prison. One of the most severe departments of the prison got the name of Golovlenkov. But the earliest location of the prison as well as its design and the fate of its first prisoner stayed unknown.

The task of the research was to identify the exact location of the prison as well as to trace the life of its first prisoner, a certain Golovlenkov. To fulfill the task the new sources were attracted such as: the financial documents of the monastery, the decrees of the State, the descriptions, measurements and drawings of the 18th century (especially the sketch of the layout of the prisons of Solovky of 1743), as well as the results of the excavations and the architectural examiner of the fortress.

It was known, that Ivan Vasilevich Golovlenkov was the nobleman from the city of Torzhok. By the decree of the 1586/1587, issued by the Tsar, he was imprisoned and chained to the wall. Till the 1605–1607 he was pardoned and took the vows. The new texts were found at the records of the monastery books. They clarified the situation. Golovlenkov took the woes as the brother Joseph (around 1605–1607), he got the pardon and visited Moscow to see the Tzar. Later on, he died (27.09.1619) and was buried at Solovky.

The research discovered a lot of mistakes in the mapping of the Golovlenkovs' prison in of the late 19th – late 20th centuries. They located it weather in the Tower of Archangel or at the Mill's Yard, in the house for drying. The authors of the descriptions considered that the prison was the underground one and Golovlenkov was thrown to the pit.

The comparison of the available new data bring us to conclusion that the Golovlenkovs' prison was incorporated to the fortress' wall to the North from the Tower of Archangel, in the chamber of the third lower embrasure. According to the description of the monastery prison of 1743, the Golovlenkovs' prison had two side-rooms ("chambers"). Also, the new map of that prison of the early 18th century was found in the archive as the confirmation for all the details.

There were two passages from the embrasure to the north and south chambers. The bands of iron to fasten the prisoners' chains were discovered in both of them, attached to the western wall. Their remnants were discovered by the excavations. As the result of the analysis the authenticity of the early maps and descriptions was proved and the location and design of the Golovlenkovs' prison were clarified. The floor in the chambers was made of sand, and under the sand there were layers of boulders – to avoid an undermining. Golovlenkov was chained to a wall at the Autumn of 1586 or at the Summer of 1587. The analysis of the wall led us to the conclusion of a certain changes involved by the necessity to incorporate the prison into the original plan of the construction. They were made directly in the course of work.

REFERENCES

1. Savich, A.A. (1927) *Solovetskaya votchina XV–XVII vv. (Opyt izucheniya khozyaystva i sotsial'nykh otnošeniy na kraynem Russkom Severe v Drevney Rusi)* [Solovki patrimony of the 15th – 17th centuries (On studying the economy and social relations in the Far Russian North in Old Russia)]. Perm: The Society of Historical, Philosophical and Social Sciences.
2. *Commission On Review and Description of the Holy Synod Archives.* (1915) *Opisanie dokumentov i del, khranyashchihsya v arhive svyateishego Sinodaza 1742 g.* [Description of records and files stored in the archive of the Holy Synod in 1742]. Vol. 22. Moscow: Tipografiya Sinoda.
3. Gernet, M.N. (1960) *Istoriya tsarskoy tyur'my* [The History of the Royal Prison]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury.
4. Kolchin, M.A. (1908) *Ssyl'nye i zatochennye v ostrog Solovetskogo monastyrya v XVI–XIX vv. Istoricheskiy ocherk* [The exiled and imprisoned in the jail of the Solovetsky monastery in the 16th – 19th centuries. A historical essay]. Moscow: Posrednik.
5. Frumenkov, G.G. (1965) *Uzniki Solovetskogo monastyrya. Politicheskie ssyl'nye v Solovetskiy monastyr' v XVIII–XIX vekakh* [Prisoners of the Solovetsky monastery. Political exiles in the Solovetsky monastery in the 18th –19th centuries]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatelstvo.
6. Frumenkov, G.G. (1968) *Uzniki Solovetskogo monastyrya* [Prisoners of the Solovetsky monastery]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatelstvo.
7. Burov, V.A. & Skopin, V.V. (1985) *O vremeni stroitel'stva kreposti Solovetskogo monastyrya i ee zodchem monakhe Trifone* [On the time of the construction of the Solovetsky monastery fortress and its architect, Monk Tryphon]. In: Vygodov, V. & Plutnikov, V. (eds) *Pamyatniki russkoy arkhitektury i monumental'noy iskusstva* [Monuments of Russian architecture and monumental art]. Moscow: Nauka. pp. 58–70.

8. Skopin, V.V. & Shchennikova I.A. (1982) *Arkhitekturno-khudozhestvennyy ansambl' Solovetskogo monastyrya* [The Architectural Ensemble of the Solovetsky Monastery]. Moscow: Iskusstvo.
9. Kukushkina, M.V. (1958) Filigrani na bumage russkikh fabrik XVIII – nachala XIX v. (Obzor sobraniya P.A. Kartavova) [Watermark on the paper of the Russian factories in the 18th – early 19th centuries (Review of P.A. Kartavov's collection)]. In: Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) *Istoricheskiy ocherk i obzor fondov Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii Nauk* [A historical essay and review of the funds of the Manuscript Department of the Library of the Academy of Sciences]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 285–371.
10. Likhachev, N.P. (1899) *Paleograficheskoe znachenie bumazhnykh vodyanykh znakov* [Paleographic value of paper watermarks]. St. Petersburg: V.S. Balashev i Ko.
11. Kobrin, V.B. (1960) Sostav oprichnogo dvora Ivana Groznogo [The composition of Ivan the Terrible's Oprichnina]. In: Tikhomirov, M.N. (ed.) *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1959 g.* [Archeographic Yearbook for 1959]. Moscow: USSR AS. pp. 16–91.
12. Kobrin, V.B. (1972) Gosudarevy oprichniki [Sovereign oprichniki]. *Prometey*. 9. pp. 273–285.
13. Volkonskiy, V.A. & Chisty, A. (1676) *Kniga opisnaya Solovetskogo monastyrya igumena stol'nika i voevody knyazya Vladimira Andreevicha Volkonskogo da d'yaka Almaza Chistogo. 1676 g.* [Register of the Solovetsky Monastery by Hegumen of the Steward and Voivode of Prince Vladimir Andreevich Volkonsky and Deacon Almaz Chisty. 1676]. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 125. List 1. File 555.
14. Belokurov, S.A. (1888) *Materialy dlya russkoy istorii* [Materials for Russian History]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
15. *Solovki Monastery*. (1602–1608) Prikhodo-raskhodnye knigi denezhnoy kazny Solovetskogo monastyrya 1602–1608 gg. [Expenditure books of the monetary treasury of the Solovki monastery, 1602–1608]. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 1201. List 1. File 214.
16. *Solovki Monastery*. (1619–1622) Prikhodo-raskhodnye knigi denezhnoy kazny Solovetskogo monastyrya 1619–1622 gg. [Expenditure books of the monetary treasury of the Solovki monastery, 1619–1622]. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 1201. List 1. File 224.
17. Peter the Great. (1702–1703) *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo (1702–1703)* [Correspondence and documents of Emperor Peter the Great. 1702–1703]. Vol. 2. St. Petersburg: Gos. tipografiya.
18. Anon. (1701) *Gramota 22 dekabrya 1701 g.* [Charter of December 22, 1701]. Museums of the Moscow Kremlin. № 1019.
19. Anon. (1742–1743) *Delo o zasypke zemlyanykh tyurem Solovetskogo monastyrya. 1742–1743 gg.* [Case of the backfilling of ground prisons of the Solovetsky Monastery, 1742–1743]. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 796. List 23. File 54.
20. Venediktov-Bezyuk, D. (1930) *Popy, provokatory, tyuremshchiki, pogromshchiki* [Priests, agents provocateurs, jailers, thugs]. Moscow: Ateist.
21. Maksimov, S.V. (1984) *God na Severe* [A Year in the North]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatelstvo.
22. *Solovki Monastery*. (2006) *Sputnik pri poezdke v Solovetskiy monastir. Dlya bogomol'tsev i turistov. 1910* [A Companion when Traveling to the Solovki Monastery. For Worshipers and Tourists. 1910]. St. Petersburg: Geoekologicheskiy tsentr.
23. Ivanov, A.P. (1927) *Solovetskaya monastyrskaya tyur'ma. Kratkiy istoriko-revolutsionnyy ocherk* [Solovetsky monastic prison. A brief historical and revolutionary essay]. Solovki: Byuro pečhati USLON.
24. Frumenkov, G.G. (1975) *Solovetskiy monastyr' i oborona Belomor'ya v XVI–XIX vv.* [Solovetsky Monastery and the Defense of the White Sea in the 16th – 19th centuries]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatelstvo.
25. Boguslavskiy, G.A. (1966) *Ostrova Solovetskie. Ocherki* [The Solovetsky Islands. Essays]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatelstvo.
26. Boguslavskiy, G.A. (1968) *Solovetskie ostrova. Putevoditel'* [The Solovetsky Islands. A Guide]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatelstvo.
27. Boguslavskiy, G.A. (1978) *Ostrova Solovetskie* [The Solovetsky Islands]. 3rd ed. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatelstvo.
28. Bartenev, I.A. (1969) Vstupitel'naya stat'ya [Foreword]. In: *Solovetskie ostrova. Fotoal'bom* [The Solovetsky Islands. A photo album]. Leningrad: Iskusstvo.
29. Teltevskiy, P.A. (1969) Predislovie [Foreword]. In: Manizer, G.M. *Arkhitektura Solovetskogo monastyrya* [Architecture of the Solovetsky monastery]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.
30. Burov, V.A. (2000) *Golovlenkova tyur'ma XVI–XVIII vv. Solovetskogo monastyrya* [Golovlenkov prison of the 16th – 18th centuries. The Solovetsky monastery]. St. Petersburg: Omega.

УДК 94(47)''1919''
DOI: 10.17223/19988613/56/3

Н.А. Глущенко, А.С. Шевляков

ОСВЕЩЕНИЕ ГАЗЕТОЙ «THE NEW YORK TIMES» КРИЗИСА ПРАВИТЕЛЬСТВА А.В. КОЛЧАКА ОСЕНЬЮ 1919 г.

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Рассматривается, как американская ежедневная газета «The New York Times» освещала переломный момент в истории гражданской войны и интервенции в России – период кризиса Омского правительства адмирала А.В. Колчака. Отмечаются попытки сохранить оптимистический тон, несмотря на очевидные проблемы и отступление антибольшевистских сил. В американской прессе в данный период неоднократно публиковались статьи и сообщения, в которых содержалась критическая оценка ситуации, сложившейся вокруг признания Омского правительства. Делается попытка проследить, какую роль газета «The New York Times» играла в формировании общественного мнения в поддержку правительства адмирала А.В. Колчака.

Ключевые слова: Гражданская война; интервенция; Сибирь; А.В. Колчак; американская пресса.

Гражданская война и иностранная интервенция, последовавшие за революцией 1917 г. в России, являются важной страницей в отечественной истории XX в. Этим событиям посвящена масса исследований как в нашей стране, так и за рубежом (США, Англия, Канада, Япония, Франция), базирующихся на архивных и опубликованных источниках. Статья вносит вклад в расширение источниковой базы данной темы за счет введения в оборот ранее практически не использовавшихся материалов американской газеты «The New York Times». Данная газета в рассматриваемый период являлась единственным крупным ежедневным изданием в Соединенных Штатах Америки, которое отвечало запросам американского истеблишмента – освещало не только вопросы экономики и финансов, но и публиковало информацию о внутренней и внешней политике, общественной и культурной жизни. Известная сегодня во всем мире «The Washington Post» в тот период была банкротом.

Конечно, газетные публикации не могут кардинально изменить общую картину истории иностранной интервенции и Гражданской войны в России, но они дают возможность внести ясность в то, как с помощью средств массовой информации формировалось общественное мнение в странах Запада относительно событий в России в целом и в Сибири в частности. Американская пресса не обошла вниманием подготовку к интервенции в России, дискуссии в правительственных кругах США, стран Западной Европы и Японии по этому вопросу. Не остались в стороне и ход самой интервенции, взаимоотношения интервентов с белыми правительствами, причины краха контрреволюции и интервенции и вывода иностранных войск с территории Сибири и Дальнего Востока.

В американской прессе в период отступления войск Колчака в сентябре 1919 г. неоднократно публиковались статьи и сообщения, в которых содержалась критическая оценка ситуации, сложившейся вокруг признания Омского правительства. Так, 7 сентября в газете

«The New York Times» появилась статья Джерома Лэндфилда [по всей видимости, журналист газеты. – *Н.Г., А.Ш.*] под заголовком «Наши обязательства перед Россией. Обещанная Колчаку поддержка должна быть предоставлена без промедления» [1]. Он писал: «Существует весьма определенный и тщательно разработанный заговор по предотвращению восстановления российской государственности. Для тех, кто внимательно следил в последнее время за пропагандой, в этом нет никакого сомнения. Доказательства этого всплывают со всех сторон. Эти усилия [по воплощению заговора. – *Н.Г., А.Ш.*] имеют различное происхождение и принимают различные формы, но в итоге ведут к общему источнику... В последние месяцы эти усилия были особенно энергичными и хорошо скоординированными». Одним из главных усилий, которые выделил автор, стало стремление «обелить» Советское правительство. Лэндфилд привел несколько примеров этому: стремление создать впечатление, что «мы не получаем всех фактов о России», что «рассказы о красном терроре преувеличены», а большевики преуспели бы в своем «фантастическом эксперименте», если бы не были стеснены блокадой. Среди защитников большевиков Лэндфилд выделил Раймонда Робинса, члена американской миссии Красного Креста, который, по его словам, «рассказывал фантастические истории о том, насколько Советы истинно демократический институт самоуправления в России, временно контролируемый большевиками». «Когда же национальное движение за возрождение России кристаллизовалось в Омске, – подчеркнул автор, – а все преданное ему [движению. – *Н.Г., А.Ш.*] население выразило поддержку своему патриотичному лидеру, адмиралу Колчаку, это вызвало дискомфорт в рядах заговорщиков. Они удвоили свои усилия и направили их на дискредитацию и подрыв нового правительства и его главы».

Говоря о необходимости помощи России, Джером Лэндфилд подчеркнул, что «если этого не будет сделано, то великая и богатая природными ресурсами терри-

тория станет добычей хищников», и как следствие «Россию невозможно восстановить, оставив ее большевикам». Большевиков же автор называет не иначе как «высокомерной бандой отъявленных взяточников и преступников, которых когда-либо видел мир, удерживающих власть беспощадным террором».

Останавливаясь на проблеме обсуждения союзниками ситуации в России на Парижской мирной конференции, Лэндфилд упомянул ноту, с которой союзные державы обратились к Колчаку 25 мая 1919 г. Автор заострил особое внимание на том, что когда А.В. Колчак в своем ответе на ноту согласился с требованиями союзников, президент Вильсон «от имени всей Америки» согласился «содействовать правительству адмирала Колчака и его партнерам военным снаряжением и продовольствием для укрепления их в качестве Всероссийского правительства».

Выступая с критикой бездействия американской администрации, Лэндфилд указывал на то, что вместо выполнения своего обещания «мы [т.е. США. – Н.Г., А.Ш.] тянем время и посылаем посла Морриса в Омск для выяснения нужно ли его [обещание. – Н.Г., А.Ш.] выполнять или нет». Эта трехмесячная задержка, по словам автора, привела к критической ситуации в Омске, в которой страшнее всего то, что реакционеры теперь имели возможность использовать в борьбе с Колчаком аргумент «пустых обещаний союзников и Америки». Подводя итог, Джером Лэндфилд призвал американскую администрацию сдержать обещание, данное колчаковскому правительству, несмотря на его тяжелое положение.

Дипломатические представители Соединенных Штатов, в частности генеральный консул Гаррис, пытались убедить руководство госдепартамента в том, что Колчаку еще по силам взять контроль над ситуацией на фронте и переломить ее в свою пользу. В телеграмме от 8 сентября Гаррис, сообщая о положении в тылу колчаковских армий, резюмировал: «Нынешние военные операции к западу от Омска благоприятны для Сибирской армии» [2].

Стремлением не уронить престиж Колчака в глазах госдепартамента были пронизаны и другие донесения Гарриса. 10 сентября он телеграфировал через Пекин: «Обстановка на фронте продолжает оставаться благоприятной для Сибирской армии. Все считают, что Омск теперь в безопасности» [3. Р. 216]. Донесение, отправленное им на следующий день, информировало об успешном наступлении войск Колчака на северном фланге, захваченных трофеях и пленных, «бегстве большевистской армии» на южном направлении [Ibid. Р. 216–217].

В американской прессе в тот период публиковались самые противоречивые сведения, поступающие из Сибири. Так, в корреспонденции от 12 сентября 1919 г. сообщалось, со ссылкой на большевистские донесения из Москвы, о захвате красными 12 тыс. пленных колчаковцев в районе Актюбинска [4]. «Генштаб же колчаковской армии, – говорилось в ней, – сообщал об успешном проведении контрнаступления на всем Сибирском фронте».

Аналогичные же сообщения были опубликованы в той же газете за 13 сентября [5]. Со ссылкой на официальное донесение американского консула в Омске газета писала: «Северная сибирская армия прекратила отступать и остановилась к западу от Ишима. В целом считается, что Омск находится вне опасности». Однако, уже 16 сентября «The New York Times» проинформировала читателей о том, что «трехдневные бои под Ишимом, где генерал Диттерихс... предпринял общее наступление, не принесли убедительных результатов» [6].

Неудачи армий А.В. Колчака спровоцировали появление в американской прессе статей, освещавших дебаты внутри американского конгресса по поводу дальнейшего присутствия американских войск в Сибири и на Дальнем Востоке. Так, 16 сентября «The New York Times» сообщала о внесении в конгресс США резолюции о немедленном выводе «сибирского корпуса». Ответ перед комитетом, созданным для обсуждения этой резолюции, как сообщала газета, держал секретарь Бэйкер. Он обосновывал необходимость дальнейшего присутствия американского экспедиционного корпуса «военными и гуманитарными причинами». «Экспедиция в Сибири имела 2 цели, – заявил он, – охрана складов, предназначенных для союзников, во Владивостоке и обеспечение безопасности чехословаков... Когда же мы прибыли во Владивосток, мы обнаружили, что железная дорога – ключ к экономической жизни сибирского населения, и ее охрана стала очень важна...».

Одной из публикаций, посвященных проблеме признания колчаковского правительства и присутствия в этой связи в Сибири и на Дальнем Востоке американских военных сил, была статья от 28 сентября 1919 г. в газете «The New York Times» под заголовком «Колчак, препятствие японской агрессии», автором которой был Джон Спарго, известный американский социалист. В своей статье, он, как и многие журналисты того времени, попытался представить читателям доводы, почему Колчак изначально был настроен против японской политики на Дальнем Востоке. Статьи подобного характера хорошо укладывались в русло стратегического противостояния Соединенных Штатов и Японии в этом регионе. В публикации речь шла о том, что адмирал Колчак всегда действовал в русле «американской» политики в этом регионе, направленной на недопущение расширения влияния Японии. Свою статью Джон Спарго начал с истории и анализа того, как Колчак стал Верховным правителем. Он поведал читателям о том, как при встрече с ним Н.Д. Авксентьев следующим образом высказался о Колчаке: «Колчак – хороший либерально-буржуазный демократ». Однако сам Спарго не совсем согласился с подобным высказыванием, заявив, что «Колчак всего лишь солдат-патриот, страстно любящий Россию и заботящийся о порядке». «Я сомневаюсь, – продолжал Спарго, – что у него вообще есть какие-либо политические взгляды... Колчак никогда не был и не является политиком в прямом смысле этого слова».

Свои доводы в пользу «борьбы» Колчака с Японией, Джон Спарго начал с того, что Колчак воевал против нее еще в годы Русско-японской войны и убедился в том, что «японский агрессивный империализм являлся большой угрозой для России, особенно для российской демократии... а нынешнее поведение Японии в Сибири усиливает эти убеждения». «Поэтому, – заключал автор статьи, – без преувеличения можно сказать, что адмирал Колчак и его войска сегодня представляют собой единственное грозное препятствие японской аннексии Сибири». Автор статьи, пытаясь докопаться до истинных причин участия Японии в иностранной интервенции, пришел к выводу, что Сибирь являлась для нее прежде всего ресурсным регионом, который был так необходим Японии для проведения индустриализации страны. Исходя из этого, Япония, пока европейские державы были заняты войной с Германией, предложила снарядить большую экспедицию в Сибирь. Однако со стороны США поступило контрпредложение, и экспедиция стала совместной. Джон Спарго указывал, что с высадкой японских сил на территории Сибири и Дальнего Востока, железнодорожные пути там использовались в основном не для военных целей, а для перевозки товаров в Японию. «При этом, – отмечал Спарго, – за перевозку грузов, конечно, не было уплачено ни рубля». С этой же целью, заключал автор, Япония в своей политике опиралась на Семенова и Калмыкова, в противовес чехословакам и Колчаку.

В заключение своей статьи Джон Спарго предложил западным странам (Соединенным Штатам, Англии, Франции и Италии), вместо вывода своих войск, наоборот, увеличить их количество за счет добровольцев, а Японии – «предложить правительству адмирала Колчака всю возможную помощь». Отказ же предоставить помощь адмиралу Колчаку означал бы, по заключению автора, что «Сибирь окончательно попадет под японское владычество».

25 сентября «The New York Times» опубликовала весьма оптимистичные для союзников сведения с Сибирского фронта: «Первая Сибирская армия удерживает свои позиции... вдоль железной дороги Ишим-Тюмень» [7]. Также сообщалось о возвращении во Владивосток генерала А. Нокса, который вместе А.В. Колчаком инспектировал ситуацию на фронте в районе Петропавловска. «Все три Сибирские армии сейчас удерживают ранее захваченные территории, а в некоторых местах даже немного продвинулись [на запад]». Со ссылкой на сибирскую прессу приводилось изложение обращения Колчака к союзным державам. «Адмирал Колчак, – писала газета, – проинформировал союзных представителей о том, что считает своим долгом заявить державам открыто: если они не избавятся от нерешительности и продолжат откладывать установление отношений с Омским правительством, то он больше не сможет нести груз ответственности за будущее России, и в скором времени может возникнуть вопрос о назначении генерала Деникина его преемни-

ком». В заключение публикации газета сообщила, что представители Соединенных Штатов, Франции и Англии разделили свою ответственность: «Другие державы [Англия и Франция] позаботятся о Деникине, поэтому долг Соединенных Штатов присмотреть за Колчаком».

В октябре-ноябре 1919 г. американская пресса продолжала делать попытки убедить читателей в том, что позиции правительства адмирала А.В. Колчака еще устойчивы. Стали появляться публикации, сообщавшие об активизации союзнической помощи колчаковским войскам, призванные сгладить негативные высказывания в адрес, в частности, правительства США. Так, 3 октября 1919 г. сообщалось, что по «настоятельной просьбе Омского правительства госдепартамент США направил ему в помощь 14,000 винтовок, находящихся в распоряжении генерала Гревса во Владивостоке... так как американское бездействие вызывало возмущение в некоторых кругах» [8]. Отмечалось также, что «генерал Гревс должен был предпринять определенные шаги по подавлению большевизма, когда Сибирская армия совершит успешное наступление».

4 октября «The New York Times» перепечатала на своих страницах несколько выдержек из Владивостокской газеты «Голос Приморья», в которых критиковалась политика Соединенных Штатов в Сибири [90]. Инцидент с данной газетой получил большей резонанс на белом Дальнем Востоке, когда 29 августа начальник международной милиции Владивостока с солдатами ворвался в редакцию газеты и пытался арестовать главного редактора. В итоге военный комендант Владивостока был вынужден закрыть эту газету [10]. Однако подобные публикации в американской прессе, критиковавшие политику США, были скорее исключением из общей массы.

О том, что американские дипломатические представители продолжали поддерживать омский режим в октябре 1919 г. свидетельствуют и публикации документов госдепартаментов. 3 октября генеральный консул Гаррис в телеграмме Моррису предложил вновь поставить перед госдепартаментом вопрос о реализации мер, предложенных им еще в ходе поездки в Омск летом того года. При этом Гаррис сослался на «продолжающуюся улучшаться обстановку на фронте в пользу войск Колчака». «В чем сейчас больше всего нуждается Колчак, – подчеркивал он, – так это в снаряжении и обмундировании для его армий». По мнению генконсула, Соединенным Штатам было по силам предоставить помощь Колчаку в таких размерах, чтобы «спасти его и сохранить в качестве барьера против большевизма» [11. Р. 437–439].

Однако уже с середины октября, когда Красная Армия перешла в наступление, донесения Гарриса становятся менее оптимистичными. Тем не менее он сохранял надежду на то, что положение выправится. 20 октября Гаррис телеграфировал: «В последнюю неделю 3-я Сибирская армия была подвержена сильнейшим

атакам со стороны большевиков... Чтобы пресечь эти атаки, генерал Дитерихс надеется начать 1 ноября генеральное наступление после того, как его войска отдохнут» [11. Р. 220–221]. Но уже 29 октября он сообщил о планах командующего отступить за реку Ишим и там «занять оборону». «В Омске, – сообщил Гаррис, – идут приготовления к тому, чтобы в случае необходимости защитить город. Правительство решило эвакуировать помощников министров и персонал различных министерств в Иркутск. Колчак, главы департаментов и министры, а также золотой запас остаются в Омске» [Ibid. Р. 221].

В то время, как официальные представители США уже со скептицизмом смотрели на Омское правительство, газета «The New York Times» публиковала не столько тревожные, сколько весьма обнадеживавшие сведения относительно положения армий Колчака. 25 октября, например, сообщалось: «Правый фланг [колчаковских армий. – Н.Г., А.Ш.] успешно прошел Тобольск и отгесняет врага в сторону Тюмени... Центральная армия медленно продвинулась на восток на 18 миль от Ялуторовска... На юге войска держали бой в трех милях к востоку от Оренбурга» [12].

На фоне неоднозначной поддержки Соединенными Штатами антибольшевистского движения в Сибири и на Дальнем Востоке свои политические позиции укрепляла Япония. 27 октября сообщалось о визите специального японского посла в Омск, в ходе которого он заверил Колчака, что «присутствие японских сил в Сибири зависит всецело от желания Российского правительства, и, если оно не будет больше нуждаться в них, они будут отозваны» [13].

Еще более тревожными были донесения генконсула Гарриса в госдепартамент от 30 и 31 октября. «Большевики, – говорилось в первом из них, – продолжают быстро продвигаться на восток и положение становится критическим» [14]. Неудачное для Колчака развитие событий на фронте Гаррис объяснял тем, что красные «вновь воспрянули духом», получив известие о поражении Юденича под Петроградом и расстройстве планов у Деникина. Он подчеркивал, что «если Колчак падет, то большевизм распространится по меньшей мере до Байкала».

Однако и в ноябре 1919 г. официальные лица США не отказывались от намерений поддержать и даже признать Омское правительство. Так, госсекретарь Лансинг телеграфировал 6 ноября в Париж своему заместителю Ф. Польку, что, «несмотря на последние неблагоприятные сообщения из Сибири, по-прежнему рассматривается возможность признания Колчака в том случае, если он переживет нынешний кризис» [15. Р. 447].

Однако ситуация в Сибири не предвещала успеха. 2 ноября 1919 г. Гаррис информировал госдепартамент о намеченном на 5 ноября отъезде из Омска Нокса, Жанена, Като и его самого вместе с персоналом ино-

странных миссий под охраной последнего отряда чехословаков [15. Р. 222]. За 4 дня до падения Омска Гаррис все еще продолжал убеждать госдепартамент в том, что Колчак сохранял шансы удержать город, и «ничто не указывало на то, что армия окончательно развалилась» [16].

Однако уже 16 ноября 1919 г. «The New York Times» проинформировала читателей о захвате Омска силами большевиков [17]. Это событие стало поворотным не только в судьбе Российского правительства, возглавляемого адмиралом А.В. Колчаком, но и в освещении в американской прессе антибольшевистского движения в Сибири и на Дальнем Востоке. На страницах американских газет начинают публиковаться аналитические статьи, посвященные кризису в борьбе с большевиками и выяснению степени ответственности в этом союзных стран, а общее количество публикаций о ситуации в Сибири и на Дальнем Востоке начинает уменьшаться. За ноябрь–декабрь 1919 г. на страницах газеты «The New York Times» было опубликовано порядка 15–20 статей по данной проблематике.

Таким образом, публикации осени 1919 г. свидетельствуют о том, что американская пресса в данный период обсуждала провал антибольшевистского движения в Сибири и на Дальнем Востоке, основную причину этого видя в недостаточной помощи со стороны союзников. Материалы газеты «The New York Times» демонстрируют, что американская периодическая печать не только отражала события Гражданской войны и интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в некоторой степени оказывала влияние на их ход, в частности, на затягивание участия США в союзнической интервенции. О «затянутом» характере интервенции со стороны США писал в своих мемуарах генерал Гревс: «По-видимому, Соединенные Штаты были последними из государств, потерявшими надежду на Колчака: государственный секретарь Соединенных Штатов еще 17 декабря 1919 г. выразил желание, чтобы адм. Колчак продолжал оставаться во главе правительства Сибири. Одновременно государственный секретарь заявил, что он будет придерживаться этой позиции при сохранении действенности и силы демократических заверений, которые даны Колчаком...» [18]. Материалы газеты подтверждают эти слова генерала.

Введение в научный оборот совокупности исторических источников, которые до этого практически не рассматривались, дает возможность не только расширить наши представления о месте и роли американской периодической печати в освещении интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, но и позволяет уточнить степень участия в ней США, более рельефно обрисовать их связь с антибольшевистским движением в России.

ЛИТЕРАТУРА

2. The Consul General at Irkutsk (Harris), temporarily at Omsk, to the Acting Secretary of State // *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia (FRUS)*. Washington : United States Government Printing Office, 1937. P. 215.
3. The Minister in China (Reinsch) to the Acting Secretary of State // FRUS. Washington : United States Government Printing Office, 1937.
4. 12,000 Kolchak men reported captured // *The New York Times*. 1919. 12 September.
5. Capture Kolchak's Southern army // *The New York Times* 1919. 13 September.
6. Smashes Red front in three places // *The New York Times*. 1919. 16 September.
7. Siberian Reds rise in Kolchak's rear // *The New York Times*. 1919. 25 September.
8. Releases rifles held up by Graves // *The New York Times*. 1919. 3 October.
9. What angered gen. Graves // *The New York Times*. 1919. 5 October.
10. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М. : Издатпрофпресс, 2002. Гл. 3. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/05.htm> (дата обращения: 01.11.2018).
11. The Charge in China (Tenney) to the Secretary of State // FRUS. Washington : United States Government Printing Office, 1937.
12. Kolchak Army near Orenburg // *The New York Times*. 1919. 25 October.
13. Japan's promise given to evacuate Siberia // *The New York Times*. 1919. 27 October.
14. The Acting Secretary of State to the Commission to Negotiate Peace // FRUS. Washington : United States Government Printing Office, 1937. P. 310–311.
15. The Secretary of State to the Commission to Negotiate Peace // FRUS. Washington : United States Government Printing Office, 1937.
16. The Charge in China (Tenney) to the Secretary of State // FRUS. Washington : United States Government Printing Office, 1937. P. 224.
17. Bolsheviki report capture of Omsk // *The New York Times*. 1919. 16 November.
18. Гревс У. Американская авантюра в Сибири. М. : Воениздат, 1932. С. 207.

Glushchenko Nikita A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: gloosten124@mail.ru

Shevlyakov Aleksandr S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: Shevlyakov54@rambler.ru

A.V. KOLCHAK GOVERNMENT'S CRISIS IN THE AUTUMN OF 1919 COVERED BY THE NEW YORK TIMES

Keywords: Civil War; intervention; Siberia; Kolchak; American press.

The periodical press is one of the main historical sources, including the study of the history of the Civil War and intervention in Russia. However, the American press of this period is currently not sufficiently used by Russian researchers. The events of the Civil War and intervention in Russia were widely reflected in the American press, including *The New York Times* newspaper. The materials of the newspaper are of a great interest for understanding the “American” point of view on those events, they provide an opportunity for more complete reconstruction of this period of Russian history. This is very important for clarifying the reasons for the beginning of foreign intervention, its progress and completion.

The article discusses how the American daily newspaper *The New York Times* covered a turning point in the history of the Civil War and intervention in Russia – the period of the crisis of the admiral A.V. Kolchak's Omsk government.

The main leitmotif of most publications was the call to provide assistance to the Kolchak government despite its failures at the front. From the end of the summer – the beginning of the autumn of 1919, the newspaper from issue to issue published articles with characteristic headlines devoted to the problem of delaying the official recognition of the Kolchak's government by the Allies.

There was an attempt to maintain an optimistic tone, despite the obvious haste retreat of Kolchak's armies. During the retreat of Kolchak's troops in September 1919, the American press repeatedly published articles and reports that contained a critical assessment of the situation around the recognition of the Omsk government. Even in October – November 1919, the American press continued to convince readers that the positions of the government of admiral A.V. Kolchak is still resistant. Publications about the intensification of the allied aid to Kolchak began to appear. However, with the arrival of information about the seizure of Omsk by the Bolsheviks, publications in *The New York Times* became more and more pessimistic and critical.

The author concluded that the American press saw the main reason for the failure of the anti-Bolshevik movement in Siberia and the Far East in the lack of allied help.

REFERENCES

1. Landfield, J. (1919) Our pledge to Russia. *The New York Times*. 7th September.
2. The Consul General at Irkutsk. (1937a) The Consul General at Irkutsk (Harris), temporarily at Omsk, to the Acting Secretary of State. In: *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia (FRUS)*. Washington: United States Government Printing Office. pp. 215.
3. The Minister in China (Reinsch). (1937) The Minister in China (Reinsch) to the Acting Secretary of State. In: *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia (FRUS)*. Washington: United States Government Printing Office.
4. Anon. (1919) 12,000 Kolchak men reported captured. *The New York Times*. 12th September.
5. Anon. (1919) Capture Kolchak's Southern army. *The New York Times*. 13th September.
6. Anon. (1919) Smashes Red front in three places. *The New York Times*. 16th September.
7. Anon. (1919) Siberian Reds rise in Kolchak's rear. *The New York Times*. 25th September.
8. Anon. (1919) Releases rifles held up by Graves. *The New York Times*. 3rd October.
9. Anon. (1919) What angered gen. Graves. *The New York Times*. 5th October.
10. Molchanov, L.A. (2002) *Gazetnaya pressa Rossii v gody revolyutsii i Grazhdanskoj vojny (okt. 1917 – 1920 gg.)* [Russian newspaper press during the Revolution and the Civil War (October 1917 - 1920)]. Moscow: Izdatprofpress. [Online] Available from: <http://evartist.narod.ru/text9/05.htm>. (Accessed: 1st November 2018).
11. The Charge in China. (1937a) The Charge in China (Tenney) to the Secretary of State. In: *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia (FRUS)*. Washington: United States Government Printing Office.
12. Anon. (1919) Kolchak Army near Orenburg. *The New York Times*. 25th October.
13. Anon. (1919) Japan's promise given to evacuate Siberia. *The New York Times*. 27th October.
14. The Acting Secretary of State. (1937) The Acting Secretary of State to the Commission to Negotiate Peace. In: *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia*. Washington: United States Government Printing Office. pp. 310–311.
15. The Secretary of State. (1937) The Secretary of State to the Commission to Negotiate Peace. In: *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia (FRUS)*. Washington: United States Government Printing Office.
16. The Charge in China (Tenney). (1937b) The Charge in China (Tenney) to the Secretary of State. In: *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia (FRUS)*. Washington: United States Government Printing Office. pp. 224.
17. Anon. (1919) Bolsheviki report capture of Omsk. *The New York Times*. 16th November.
18. Graves, W. (1932) *Amerikanskaya avantюра v Sibiri* [American adventure in Siberia]. Translated from English by A.F. Speransky, S.S. Sokolov. Moscow: Voenizdat.

УДК 94 (47)
DOI: 10.17223/19988613/56/4

П.К. Дашковский, Е.А. Шершнева

ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН АЛТАЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/6.4).

Рассматривается положение мусульманских общин Алтая в первое десятилетие советской власти. На основе анализа архивных материалов и законодательных документов показано, что политика новой власти в отношении религиозной и культурной жизни мусульманских народов носила сложный и порой противоречивый характер. С одной стороны, новое государство на начальном этапе своего становления принимало законы, которые разрешали определенную свободу совести. С другой стороны, органы государственной власти целиком контролировали деятельность религиозных общин, в том числе мусульманских, что выражалось даже в назначении дат и повестки собраний верующих, ответственных за мероприятие и т.д. Система мусульманского образования также не осталась в стороне от вмешательства со стороны государства. Укрепление советской власти в 1920-е гг., привело к полному подчинению мусульманских общин государству и лишению их свободы вероисповедания.

Ключевые слова: мусульманские общины; государственная политика; Западная Сибирь; Алтай.

В начале XX в. Российское государство пережило сильные политические изменения, которые не могли не отразиться на этнорелигиозных процессах. Поскольку Россия исторически сформировалась как полиэтническое государство, то в этой связи национальный вопрос всегда занимал важное место в государственной политике. При этом этнический аспект очень тесно переплетался с религиозными процессами, протекавшими в стране. В данном случае вполне понятно, что советское правительство видело одной из своих задач, на начальной стадии формирования нового государства, установление лояльных отношений с разными народами России. Особое внимание со стороны государства уделялось именно народам, исповедующим ислам. Эта религия, в силу исторически сложившихся условий, занимала одно из ведущих положений в поликонфессиональном государстве. Данное обстоятельство закономерно сказывалось на необходимости выработки особой государственной политики в отношении мусульман Западной Сибири как в имперский [1. Р. 338–346], так и в советский периоды. В этой связи большое значение имеет изучение реализации такой политики в различных регионах советского государства, в том числе и на Алтае. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории бывшей Алтайской губернии (вошедшей к этому времени в Сибирский край) мусульманское население составляло 26 625 человек. При этом оно было представлено преимущественно татарским и казахским населением. Однако встречались и представители турецкой, бухарской, башкирской и других этнических групп [2].

Следует отметить, что, начиная с 1917 г. мусульманская умма России стала занимать все более активное положение в общественной жизни страны. В этой связи не случайно уже в мае 1917 г. прошел Всерос-

сийский мусульманский съезд [3. С. 56], на котором представители мусульманской общины стремились определить свое место в новой политической системе управления государством, формирующийся после свержения монархии. Не остался без внимания и вопрос внутреннего устройства самой мусульманской организации. Впервые в истории существования Оренбургского магометанского духовного собрания на данном съезде состоялись альтернативные выборы муфтия. В результате проведенных выборов главой мусульманской общины России стал Галимджан Баруди, являющийся ярким представителем движения джадидизма. Данный факт в последующем сыграл важную роль во взаимодействии мусульман с органами государственной власти [4]. В годы советской власти в сфере государственно-конфессиональных отношений проходили неоднозначные процессы. В частности, правительство активно привлекало к работе с мусульманским населением кадры, разделяющие идеи джадидизма. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в 1917 г. Комиссариат по делам мусульман внутренней России при Наркомнаце возглавил бывший учитель джадид М.Х. Султан-Галиев [5].

Получив определенную свободу со стороны государства после Февральской революции 1917 г., никто не мог даже предположить, что в скором времени новое правительство большевиков начнет политику активного вмешательства в культурные и религиозные дела мусульманских народов. Примечательно, что первоначально правительство большевиков публикует «Декларацию прав народов России» от 2 ноября 1917 г. и обращение Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 г. В этих документах провозглашается новый курс государственной власти, направленный на сотрудничество

и взаимное уважение с мусульманскими народами страны [6, 7]. Советское правительство в первые годы установления власти видело союзников в части мусульманской общин, прогрессивно настроенной и способной поддержать новое правительство. Советское руководство особое внимание обращало на лояльное отношение мусульманского населения к новой власти. При этом уклад жизни и быт мусульманских народов в меньшей степени интересовали государственную власть. В тот период для органов власти само наименование «мусульмане» и «мусульманский этнос» не всегда имели только конфессиональный оттенок, а были обозначением этносоциальной группы. Религиозный признак в первые годы советской власти зачастую оставался, как и в имперский период, критерием этнической идентичности народов [8].

Начиная с 1918 г. Центральное духовное управление мусульман, ставшее приемником Оренбургского магометанского духовного собрания и включившее под свою юрисдикцию территорию Внутренней России, Сибири и Казахстана, превращается в единственную общенациональную структуру. Начиная с 1918 г. перед советским правительством встает задача организации жизни народов, населяющих Россию. В результате этого 17 января 1918 г. был опубликован Декрет, установивший «Комиссариат по делам мусульман Внутренней России». Согласно данному документу при Наркомнаце был учрежден Центральный комиссариат по делам мусульман Внутренней России и Сибири (Муском) [9. С. 42]. В обязанности данного органа входила организация жизни мусульманских народов в Советском государстве. В рамках создания нового государства особое внимание уделяли национальным вопросам, частью которых был и вопрос интеграции мусульманских народов в единый, теперь уже советский народ. Центральное духовное управление мусульман, напротив, при этом являлось символом национальной самоидентификации и сплочения мусульманских народов России [10].

В период 20–30-х гг. XX в. советским правительством предпринимались меры по ассимиляции так называемых малочисленных народов. Особое внимание уделялось азиатским этническим группам. Однако такие попытки государства, как правило, не имели особого успеха, о чем свидетельствовали незначительное число смешанных браков, а также сохранение приверженности к родным языкам. Дело в том, что европейско-азиатские культурные, религиозные, национальные различия сложились давно, а активные экономические и культурные контакты между ними начались в больших городах Средней Азии, Казахстана и Закавказья лишь в 20-х гг. XX в. [11].

Важно подчеркнуть, что работе среди национальных меньшинств способствовали созданные в 1920-е гг. отделы по делам национальностей. Так, согласно Постановлению СНК РСФСР от 30 октября 1920 г. и циркулярному предписанию ВЦИК от 25 ноября 1920 г., предписывалось учреждать на местах отделы по делам

национальностей в губерниях и уездах на правах отделов исполнительных комитетов. Данные процессы напрямую касались и народов Алтая. В результате 9 декабря 1920 г. был создан Алтайский губернский отдел по делам национальностей [12. Л. 3; 13. Л. 75]. В обязанности этого отдела входило расширение сети данной государственной структуры на территории губернии. Отдел обязан был собрать статистические данные о населении, проживающем в губернии, а также заниматься вопросами эвакуации и устройством детей, прибывающих из голодающих регионов. Еще одной важной задачей, стоящей перед отделом по делам национальностей, стала ликвидация неграмотности среди национальных меньшинств [14. Л. 108]. Окончательная структура данного государственного органа оформилась только к апрелю 1921 г. и состояла из ряда подотделов: общего, организационно-инструкторского, информационного, литературно-издательского, национального. Национальный отдел был в свою очередь разделен на 9 подотделов: алтайский, украинский, мордовский, татаро-киргизский, чувашский, немецкий, латышский, эстонский, польский. В 1921 г. отдел был слит с советом по просвещению национальных меньшинств губернского отдела народного образования с сохранением названия «Алтгубнацотдел». Интересно отметить, что в 1921 г. национальные меньшинства алтайского губернского отдела заполнили анкетный лист по Бийскому уезду Алтайской губернии. В результате анкетирования этнический состав выглядел следующим образом: алтайцы – 7 616; киргизы (казахи) – 334; телеуты – 5; шорцы – 1 280; кумандинцы – 4 709; украинцы – 4 026; латыши – 401; эстонцы – 112; татары мусульмане – 4 567; чувашы – 387; мордва – 3 662; другие национальности – 443. Кроме того, Алтгубнацотдел запросил Бийский подотдел национальных меньшинств данные о существовании в его структуре двух секций – секции просвещения алтайских племен и секции (общей) просвещения малочисленных национальностей, а также сведения о национальных школах [15. Л. 4–4 об.].

Нужно обратить внимание на то, что религиозная политика Советского государства на начальном этапе в отношении мусульманских народов зачастую носила сугубо дифференцированный характер, что мало отличало от имперской политики второй половины XIX – начала XX в. С одной стороны, правительство стремилось максимально обеспечить свободу мусульманских народов Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья [16. С. 127]. С другой стороны, основная масса мусульманского населения внутренней части страны во многом рассматривалась государством с точки зрения включенности в новую социокультурную общность, «советский народ».

В 1920 г. прошел I Всероссийский съезд мусульманского духовенства, где произошло структурирование Центрального духовного управления мусульман. О признании государственной властью такого органа, как Центральное духовное управление мусульман, сви-

детельствует утвержденный 30 ноября 1923 г. НКВД РСФСР его Устав. Согласно принятому документу, орган духовного управления мусульман распространял свои полномочия на Татарскую, Башкирскую, Киргизскую (Казахскую), Украинскую республики, Чувашскую, Калмыцкую, Вотскую автономные области, внутренние районы Поволжья и Сибири. По Уставу Центральное духовное управление мусульман полностью контролировалось в своей деятельности государством. Все действия, а именно открытие приходов, организация учебных заведений, да и просто ведение метрических книг согласовывались с органами власти [10, 17].

Стремясь продемонстрировать свою лояльность к религиозным организациям, нарком НКВД М. Поляков направил всем губернским отделам ГПУ под грифом «Секретно» директиву от 12 марта 1923 г. Согласно данному документу, запрещалось вторгаться в молитвенные учреждения во время религиозных собраний, даже если они не зарегистрированы. Кроме того, во время совершения религиозных обрядов не рекомендовалось их прерывать до окончания, и только в случае самой крайней необходимости разрешалось прекращать эти мероприятия [18. Л. 7].

Несмотря на лояльность советского правительства в отношении мусульманских народов, первые годы советской власти стали одновременно и весьма тяжелыми для мусульманской общественности. Еще в 1918 г. Центральное духовное управление мусульман оказалось между двух сил – большевиками и Сибирским правительством адмирала А.В. Колчака. Это не могло не сказаться на дальнейшем положении мусульманских общин Сибири [3. С. 56].

До середины 1920-х гг. крупных антирелигиозных акций против ислама в стране не предпринималось. В этот период правительство стремилось максимально показать лояльность в отношении мусульманских общин. Об этом, например, свидетельствует то, что в 1926 г. было разрешено делегации из СССР принять участие в I Всемирном конгрессе мусульман в Саудовскую Аравию [10]. Со второй половины 1920-х гг. ощутив свою мощь, советское правительство берет курс на подавление любого религиозного мировоззрения, и мусульмане в этом случае не стали исключением. Правительство не видело уже потребности в поддержке со стороны мусульманских лидеров. Напротив, наиболее прогрессивные мусульманские лидеры начинают рассматриваться как угроза советской власти. С 1927 г. начинают закрываться медресе, меняются программы национального школьного образования (за основу берется атеистическое воспитание подрастающего поколения), закрываются и уничтожаются мечети [19].

Следует подчеркнуть, что постепенно государство начинает предпринимать все более активные меры по учету, а в дальнейшем и контролю за религиозными объединениями. Согласно инструкции НКВД и НКЮ 1923 г. в Алтайской губернии в трехмесячный срок должны были быть зарегистрированы все религиозные

организации. Однако было отмечено, что данное предписание вышестоящих органов было нарушено. При этом отмечалось и то, что вины самих религиозных организаций в этом не было. Это связано с тем, что представленные для регистрации материалы в региональные государственные органы, а именно в Губернский административный отдел, были переданы не полностью и составлены не по формам, предписанным в инструкциях. Губернский административный отдел был вынужден неоднократно их возвращать для дополнения, что создавало определенную волокиту и задерживало сроки подачи информации. В результате такой задержки, согласно Бюллетеню НКВД от 23 июля 1924 г. за № 26, срок регистрации религиозных общин был продлен до 1 ноября 1924 г. Специальным циркулярным распоряжением ВЦИК было прописано, что религиозное общество не может быть закрыто по мотивам неисполнения административных распоряжений по регистрации.

Следует отметить, что в архивных документах так же содержатся упоминания о том, что административный отдел считал необходимым объявить льготную регистрацию религиозных обществ, ранее не зарегистрированного, а также провести проверку культового имущества во всех без исключения общинах. При этом устанавливался точный срок проведения таких мероприятий – до 1 января 1925 г.» [20. Л. 15]. Аналогичные тенденции отмечены и в других регионах Западной Сибири [21. С. 183]. Для того чтобы регистрация была более успешной, предполагалось предоставить бланки, необходимые для регистрации. Срок регистрации религиозных организаций был установлен постановлением ВЦИК. При этом расходы, затраченные на изготовление бланков, следовало, согласно распоряжению Центрального исполнительного комитета, взыскать с религиозных организаций [20. Л. 14 об.–15]. Кроме того, прописывалось и то, что если религиозная община не пройдет регистрацию в установленный срок, то ее следует распустить, а культовое имущество передать другому обществу того же религиозного типа. Нужно подчеркнуть, что указанные меры могли применяться к религиозным организациям, не прошедшим регистрацию только по своей вине. Если срок был пропущен по техническим причинам государственного органа, то срок регистрации должен был быть продлен, так как установлен он не для администрации, а для общества. Государственными органами уточнялось, что подобного рода меры не должны носить массовый характер и допускаются только в редких случаях с учетом рассмотрения конкретных причин пропуска срока регистрации религиозным обществом [Там же. Л. 15].

В мае 1923 г. правительство в рамках мер, предпринимаемых по установлению контроля за религиозными общинами, под грифом «секретно» направило предписание Бийскому, Барнаульскому, Рубцовскому, Алтайскому Уполномоченному губернского исполкома. В нем указывалось, что на основании указаний центральных учреждений Отделу Управления Алтайского

губернского исполкома нужно принять к неуклонному руководству следующие принципы. Во-первых, категорически запрещались закрытие или ликвидация храмов, молитвенных домов и т.п. всех культов и передача их для других целей без специального на то постановления Президиума губернского исполкома. Во-вторых, госучреждения и представители власти ни в коем случае не должны были вмешиваться во внутренние дела религиозных объединений. В-третьих, государственным органам было предоставлено право наблюдать за сохранностью культового имущества и надлежащем его использовании. При этом представители власти не должны вмешиваться в борьбу между церковными общинами и не покровительствовать никаким религиозным течениям. В-четвертых, при наличии законных поводов к расторжению заключенных договоров, молитвенные дома и храмы необходимо закрепить по договору за наиболее прогрессивными течениями. Кроме того, допускалось, что молитвенные собрания в количестве менее 20 человек могут проходить в частных квартирах, если такие мероприятия происходят без нарушения интересов других граждан и не представляли никакой опасности. При этом инициаторы данных собраний обязаны были заблаговременно извещать надлежащие органы власти о времени и месте собрания [22. Л. 9].

В результате проводимых мер по учету религиозных объединений на территории Алтайской губернии были выявлены мусульманские общины в Бийске и Барнауле. Об этом наглядно свидетельствует список верующих и членов исполнительного органа, зарегистрированной мусульманской общины г. Бийска, направленный под грифом «секретно» от 3 ноября 1924 г. в Гупотдел ГПУ Административным отделом ГИК [20. Л. 21]. Начальник административного отдела исполнительного комитета Алтайского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в соответствии с предписанием о разрешении религиозных собраний сообщал под грифом «секретно» в губернский отдел ГПУ начальнику 2-го отделения городской милиции о том, что мусульманской группе г. Барнаула дано разрешение на совершение религиозных обрядов. Данное мероприятие разрешалось проводить в помещении по следующему адресу: берег р. Оби между Анатолия и Никитинской улицами № 1. При этом устанавливались четкие сроки для проведения собрания в течение 1 месяца – с 24 марта по 24 апреля 1925 г. Ответственным за собрание верующих был утвержден уполномоченный группы мусульман Б. Сиразин, проживавший на ул. Анатолия. Кроме того, четко устанавливался количественный состав для проведения собрания – не более 30 человек. Такое разрешение было дано после рассмотрения заявления, поступившее от группы мусульман в марте 1925 г. [Там же. Л. 104]. Однако собрание верующих мусульман было, очевидно, перенесено по инициативе органов государственной власти. Об этом свидетельствуют следующие архивные данные. В частности, в губернский

подотдел ГПУ под грифом «секретно» было предано заявление мусульманской общины г. Барнаула от 28 апреля 1925 г. о разрешении общего собрания, на основании которого административный отдел Алтайского губернского исполкома просит дать свое заключение по этому заявлению. В свою очередь на полученный запрос административный отдел Алтайского губернского исполкома сообщал, что группе верующих мусульман г. Барнаула дано разрешение на созыв общего собрания 10 мая 1925 г. взамен ранее просимой даты, в помещение дома № 49 на ул. Анатолия. Ответственным за данное мероприятие был назначен уполномоченный Б. Сиразин. При этом указывалось, какие конкретно вопросы планировалось обсуждать: выборы общины, муллы, текущие вопросы. Кроме того, сообщалось, что мусульманской группой г. Барнаула 29 апреля 1925 г. было подано заявление в административный отдел Алтайского губернского исполкома о разрешении провести общее собрание мусульманской общины г. Барнаула в воскресенье 3 мая 1925 г. по адресу ул. Анатолия дом 51. Административный отдел Алтайского губернского исполкома, возвращая заявление мусульманской группы верующих г. Барнаула, отметил, что никаких препятствий на совершение собрания не видит [20. Л. 158–162]. Однако, как можно увидеть из документов, сама дата собрания была перенесена без явных на то причин.

Сведения о второй мусульманской общине, действующей на территории г. Барнаула, Административный отдел Губернского исполкома сообщает также под грифом «секретно». В данном документе указывалось, что мусульманской группе из восточной части города даны разрешения на совершения религиозных обрядов в помещении по адресу жилой комплекс «Город-сад» (восточная часть) № 62. Ответственность за проведение мероприятия закреплялась за уполномоченным группы верующих Г. Газеевым, проживавшего в том же микрорайоне. При этом также четко регламентировалось количество молящихся – до 30 человек [Там же. Л. 105].

Вполне очевидно, что государственные органы уделяли особенно пристальное внимание деятельности мусульманских общин. На каждое собрание представители общины должны были заблаговременно подать заявление в губернский отдел ГПУ. При этом, как видно из вышеприведенных данных, все собрания проходили по определенному адресу, обязательно назначался ответственный, а также устанавливалось конкретное количество молящихся.

Показывая свою лояльность к мусульманским общинам, административный отдел Алтайского губернского исполкома сообщает, что верующим мусульманам, проживающим в жилом комплексе «Город-сад» (восточная часть), разрешено провести религиозное собрание. Мероприятие разрешалось провести 10 мая 1925 г. в помещении мусульманской школы жилого комплекса «Город-сад». Ответственным за проведение собрания назначался представитель мусульманской

общины Г. Газеев. На собрании предполагалось обсудить различные аспекты организации и функционирования мусульманской общины г. Барнаула [20. Л. 175].

В то же время следует отметить, что государственные органы не всегда принимали решение в пользу мусульманских общин. Так, в Губисполком 3 августа 1923 г. было подано ходатайство о возвращении мусульманской общине для религиозных нужд молитвенного дома по адресу ул. Советская, дом 16. Здание молитвенного дома было муниципализировано и в нем разместили школу и библиотеку. Однако ходатайство о возврате здания общине было отказано с указанием на то, что в г. Барнауле ощущается острая нехватка помещений [22. Л. 81 об.].

Интересно отметить, что в результате контроля за религиозными организациями, согласно статистическим данным, число верующих мусульман на 15 сентября 1925 г. насчитывалось в г. Барнауле – 191 человек, в Барнаульском уезде – 272, в Бийском – 63 и Рубцовском – 294 человека соответственно [22. Л. 78]. Примечательно, что предписания государственных органов существенно ограничивали возможности по организации культовых собраний, поскольку число верующих даже по официальным данным было больше, чем можно было одновременно собрать в одном месте для отправления религиозных культов. Такая ситуация связана как раз с тем, что жестко регламентировалось количество верующих при проведении собрания – не более 30 человек.

Обращая внимание на деятельность религиозных общин на Алтае, можно заметить, что ими были установлены более тесные контакты с государственными структурами, нежели с Центральным духовным управлением мусульман, как это было в дореволюционный период. Осуществлять культовую деятельность местные религиозные организации могли только с разрешения местных государственных органов, как и деятельность самого Духовного управления осуществлялась только под контролем правительства.

Особое внимание правительство уделяло национальному образованию. 16 октября 1918 г. ВЦИК утверждает «Декрет о единой трудовой школе РСФСР» [23]. Данный документ стал основой построения системы народного образования в Советском государстве. В рамках реформирования школьной системы образования 31 октября 1918 г. Народным комиссариатом просвещения было принято Постановление «О школах национальных меньшинств» [24]. Согласно данному Постановлению, все национальные меньшинства на территории РСФСР имеют право на обучение на родном языке. Однако во всех национальных школах предполагалось введение обязательного изучения языка преобладающего по численности населения данной территории. Организации национальных школ способствовали сформированные в 1920 г. отделы по делам национальностей при Сиббюро ЦК РКП (б). В феврале 1921 г. создается Совет по просвещению национальных меньшинств при Коллегии Наркомпро-

са, который должен был защищать интересы национального школьного образования [25].

Безусловно, в мусульманской среде национальное и конфессиональное образование являлось неразделимым, и до середины 1920-х гг. правительство выражало некоторую лояльность в отношении мусульманских учебных заведений. Так, 9 июня 1924 г. Постановление Президиума ВЦИК РСФСР разрешало преподавание мусульманского вероучения в мечетях. Однако уже 28 мая 1928 г. Президиум ЦИК СССР, по предложению Политбюро ЦК ВКП(б), отменил закон ВЦИК 1924 г., в результате чего духовные школы прекратили свое существование [10].

Особый интерес со стороны правительства к системе школьного образования в традиционной этнической среде обусловлен исторически сложившейся тесной связью системы мусульманского образования с религиозными устоями. К тому же в первые годы советской власти большевикам приходилось опираться на мусульманское духовенство и учителей мусульманских школ с целью регулирования государственно-конфессиональных отношений. Именно их авторитет зачастую помогал сдерживать антисоветские выступления. К тому же все восстания, вспыхивающие в первые годы советской власти, в которых отмечалось участие мусульман, носили поликонфессиональный и полиэтнический характер. Такие восстания были вызваны недовольством социально-экономической политикой нового политического режима [26]. Не обошли стороной данные восстания территорию Западной Сибири. Ярким примером тому может служить Ишимское восстание 1921 г. [8].

Центральное духовное управление мусульман всячески стремилось отстаивать права верующих мусульман на образование и ведение культовых действий. Так, 13 сентября 1922 г. было направлено ходатайство к Народному комиссариату по делам национальностей с просьбой дать распоряжение местным органам власти, запрещающее закрывать по самоличному усмотрению местных властей мектебе и медресе. Кроме того, в ходатайстве указывалось и на необходимость отменить преследования за обучение догматам ислама на дому и в мечетях. Центральное духовное управление мусульман также просило разрешение на использование помещений общегражданских школ для преподавания основ вероучения всем желающим [27].

Следует подчеркнуть, что до конца 1920-х гг. мульты оставались центром не только духовной, но и социальной жизни мусульманской общины. В связи с этим, чтобы оставаться максимально привлекательным политическим режимом, правительство большевиков идет на последние уступки в отношении мусульман и в 1924 г. декретом ВЦИК разрешается учебный процесс в религиозных школах при мечетях [26]. При этом наряду с конфессиональным образованием с 20-х гг. XX в. в Сибири начинает формироваться система национального образования. Постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств» 1918 г.

позволило формировать школы по национальному признаку с обучением на родном (т.е. этническом) языке [28. С. 268].

В отчете подотдела национальных меньшинств уездных отделов народного образования за 1921 г. сообщалось, что в деятельности данного органа были заинтересованы и сами местные мусульманские общины. При подотделе по инициативе мусульман было образовано культурно-просветительское общество, в составлении устава которого немаловажную роль сыграл сам государственный орган. Примечательно, что заведующий подотделом неоднократно посещал собрания данного общества, что свидетельствовало об особом внимании власти к этноконфессиональным процессам в регионе. Культурно-просветительское общество в свою очередь рекомендовало своего представителя-инструктора в губернский подотдел национальных меньшинств, который закончил татарскую учительскую семинарию. Кроме того, сообщалось, что на заседание совета просвещения национальных меньшинств, состоявшегося 29 сентября 1921 г., постановили определить степень развития учителей из мусульман и назначить их в советские школы [29. Л. 1, 6 об.].

Преподавание основ мусульманской религии оставалось неотъемлемой частью программы национальных школ в первые годы советской власти. По данному вопросу от 19 сентября 1922 г. Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР было вынесено постановление, по которому государство допускало существование богословских школ за счет добровольных пожертвований. Кроме того, по этому документу разрешалось преподавание в мечетях и частных домах. Относительно же возможности преподавания мусульманского вероучения в помещениях общегражданской школы во внеурочные часы указывалось, что это доступно только с разрешения ЦИК, исполкома и ревкома для всех желающих [10].

Нужно подчеркнуть, что с момента установления советской власти в Сибири национальное образование продолжало свое развитие. Практически во всех татарских селениях действовали национальные школы, где обучение велось на родном языке. Среди всех мусульманских народов следует отметить, что именно татары имели самую развитую систему школьного образования, которая сложилась в России еще в имперский период [30]. Не последнюю роль в этом сыграл именно ислам. В этом отношении отметим следующие тенденции по Алтаю. Так, если в 1919 г. в Алтайской губернии существовало 5 татарских школ, то в 1920/21 учебном году их было уже 11. К концу 1920-х гг. количество татарских школ и учащихся в них было следующим: в Бийском округе в 1925/26 учебном году – 1 школа с 50 учащимися, а в 1926/27 учебном году – 2 школы с 90 учениками. Барнаульский округ в тот же период имел две школы и 65 учеников (1925/26 учебный год), а в следующем году – две школы и 108 школьников. В Рубцовском округе работала одна

школа, в которой в 1925–1926 учебном году обучались 32 ребенка, а 1926/27 гг. – 48 человек. В Каменском округе в 1925/26 учебном году действовала одна школа, в которой обучались 85 человек, а на следующий год остались 67 учащихся [31].

Несмотря на заметный прирост в системе национального школьного образования, с 1923 г. советское правительство начинает применять меры по ликвидации конфессиональных школ Центрального духовного управления мусульман. Не случайно Центральное духовное управление мусульман в своей Докладной записке от 26 марта 1923 г. указывало на то, что в запрете на преподавание основ вероисповедания, мусульманские народности усмотрели явное притеснение религиозного характера [26].

Следует отметить, что меры по закрытию конфессиональных школ постепенно стали носить в регионе поступательный характер. В частности, подотделом национальных меньшинств губернского народного образования 1921 г. был сделан запрос отчета о деятельности и количестве национальных школ, имеющих в губернии. На данный запрос был дан ответ, что в губернии имеются татарские национальные школы: одна первой ступени, и две – двухклассные [15. Л. 4 об.]. Ранее подотдел национальных меньшинств губернского народного образования в 1920 г. предлагал заполнить четыре анкеты на учителей второй мусульманской школы, находящейся в районе микрорайона «Сад-города» (восточная часть). Согласно заполненной анкете, должность учителя при этой школе занимал с 15 декабря 1920 г. М.Н. Ваисов. При этом никаких данных о его образовании не сообщалось [Там же. Л. 90–90 об.].

В начале 20-х гг. XX в. Совет национальных меньшинств активно учувствовал в образовательной и воспитательной деятельности мусульманских учебных заведений. Согласно архивным данным, учителя мусульманской школы № 40, а также сотрудники мусульманского детского дома № 5 г. Барнаула назначались отделом национальных меньшинств [32. Л. 10–11]. В 1921 г. по поручению подотдела национальных меньшинств была проведена проверка школ № 39 и 40 г. Барнаула, которые считались татарскими школами первой ступени. По результатам проверки было выявлено, что школа № 40, находящаяся в жилом комплексе «Город-сад» (восточная часть), занимала помещение из двух комнат, в которых велись занятия с 9 часов утра и до 13 часов дня. Все обучение осуществляли два школьных работника, а самих учеников насчитывалось 72 человека. При этом важно отметить, что русский язык в данной школе вообще не преподавался. Кроме того, у школы № 40 не было своего школьного совета. Правда, существовал объединенный совет школ № 39 и 40, но он не был в полной мере организован. В школе № 40 так же не было человека, который бы занимался доставкой продуктов, поэтому ученики питались недостаточно хорошо, преимущественно в сухомятку. Более того, в школе не хватало в достаточном количестве

учебных пособий, а элементарных школьных принадлежностей – карандашей и бумаги, вообще не было. Важно также, что учащиеся в силу сложной обстановки в стране испытывали острую потребность в обуви и одежде. Заключение проверяющих сводилась к тому, что далее данная школа в таком плачевном состоянии в занимаемом помещении существовать не может. Однако подходящего нового здания для школы найти не представлялось возможным. Вторая школа № 39 находилась на Сузунской улице (дом № 38). Она состояла из двух комнат, одна из которых служила местом проживания учительницы и сторожихи. Полноценного школьного коллектива учебное заведение не имело [33. Л. 21–21 об.].

Не менее сложная ситуация с национальными школами была и в других населенных пунктах Алтая. Так, в отчете подотдела национальных меньшинств уездных отделов народного образования за 1921 г. сообщалось, что в Змеиногорске существует татаро-киргизская школа 1-й ступени. При этом исполнительного совета при ней нет. Более подробных сведений о деятельности школы в документах не сохранилось. В документах также кратко отмечается, что была еще татаро-киргизская школа в Алексеевской волости. Однако конкретных сведений по ней не было предоставлено в подотдел, так как учитель выехал на курсы и подготовить информацию по запросу было просто некому [29. Л. 25]. В Алтайской губернии в 1921 г. существовало еще Мусульманское культурно-просветительское общество, которое вело активную работу с подотделами национальных меньшинств и даже рекомендовало своего представителя-инструктора, окончившего татарскую учительскую семинарию, в губернский подотдел [Там же. Л. 6а об.].

В 1924 г. постановлением Президиума ВЦИК была разработана инструкция по вопросу преподавания основ мусульманского вероучения. Согласно инструкции, преподавание можно было вести только в мечетях. При этом нужно было обязательно все согласовать с уездным, губернским и областным исполкомом. В документе подчеркивалось, что преподавание основ мусульманского вероучения возможно только для лиц, достигших 14-летнего возраста и окончивших школу 1-й ступени. Преподавание вероучения непосредственно в национальных школах запрещалось. При этом групповые занятия на религиозные темы в мечетях не должны были рассматриваться как организация специальной школы. При мечетях также запрещалось преподавание общеобразовательных предметов, а обучение должно было вестись в свободные от школьных занятий дни [10].

В середине 20-х гг. XX в. отмечается существенное изменение в политике государства в отношении мусульманских народов России. В результате проводимых правительством мер согласно Записке Восточного отдела ОГПУ «О мерах борьбы с мусульманством», направленной в октябре 1926 г. в Антирелигиозную комиссию при ЦК ВКП(б), запрещалось открытие религиозных школ. Кроме того, запрещались любые кур-

сы по подготовки мулл, что фактически в перспективе приводило к кадровой проблеме [26].

В 1927 г. Центральное духовное управление мусульман обращается ко всем мусульманам страны с опровержением обвинения в политизации преподавания религии. В обращении особое внимание уделялось тому, что преподавание основ веры велось в соответствии с советским законодательством. Несмотря на все попытки отстоять возможность преподавания мусульманской догматики в стенах мечети, Президиум ЦИК РСФСР вынес Постановление от 28 мая 1928 г. о запрете преподавания мусульманских догматов. В том же году был прекращен выпуск журнала Центрального духовного управления мусульман «Ислам маджалласы» и отклонена просьба муфтия Ризаэтдина Фахредина об открытии медресе в Уфе [9].

Искоренение мусульманской культуры, а вслед за ней и вероучения, привело в августе 1929 г. к изданию Постановления ЦИК и СНК СССР «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза СССР», согласно которому все мусульманские народы обязаны были перевести всю свою письменность на латиницу [28. С. 269]. Кроме того, важным моментом в государственной политике стал закон о религиозных объединениях 1929 г., который оформил административные методы борьбы с религией. После этого начинаются уже массовое изъятие культовых зданий и ликвидация конфессиональных учебных заведений [16. С. 130; 34].

Таким образом, следует отметить, что политика правительства в отношении религиозной и культурной жизни мусульманских народов в первые годы советской власти носила сложный и порой противоречивый характер. С одной стороны, правительством принимались законы, разрешающие религиозные собрания и преподавание основ мусульманской веры. С другой стороны, наблюдается активное вмешательство в религиозную жизнь общин. Государственными органами назначались даты собраний и ответственные лица за их проведение. При этом согласовывалась даже цель религиозного собрания. Правительством предписывалось местным государственным органам осуществлять сохранение культового имущества, а также следить за его использованием. Система школьного образования, которой мусульмане уделяли особое внимание, также не осталась в стороне от вмешательства со стороны государства. Утверждение школьных учителей считалось одной из главных задач подотдела национальных меньшинств. Укрепление советской власти привело к полному подчинению мусульманских общин государству и лишению их неотъемлемой свободы вероисповедания. Начиная с конца 20-х гг. XX в. правительство переходит к репрессивным мерам искоренения всех религиозных представлений в общественной среде. Атеистическая пропаганда с этого времени начинает распространяться и на народы Сибири, исповедовавших ислам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Policy of the Russian state for the control of the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2015. V. 36, is. 2. P. 338–346.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М. : Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–1929.
3. Алов А.А., Владимиров Н.Г. Ислам в России. М., 1996.
4. Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): институты, идеи, люди. Н. Новгород : Медина, 2010.
5. Ярков А.П. Джадидизм в Западной Сибири: попытка культурологического анализа // *Топос. Литературно-философский журнал*. 05.04.2004. URL: <http://www.topos.ru/article/2216> (дата обращения: 14.01.2016).
6. Густерин П.В. Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917–1921 гг. // *Вопросы истории*. 2010. № 1. С. 92–100.
7. Ислам и советское государство. Выпуск 1: (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / вступ. ст., сост. и коммент. Д.Ю. Арапова и Г.Г. Косача. М., 2010.
8. Кабдулвахитов К., Ярков А., Гарифуллин И. Мусульманский аспект в сибирских восстаниях // *RepresNews*. 16.02.2011. URL: http://represnews.blogspot.ru/2011/02/blog-post_3833.html (дата обращения: 12.11.2016).
9. Силантьев Р.А. Мусульманская дипломатия в России: история и современность. М. : Рема, 2010.
10. Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011.
11. Макусов С. Миграции в СССР в 1926–1939 годах // *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. 1999. Vol. 40, № 4. P. 763–796.
12. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 10.
13. ГААК. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 5.
14. ГААК. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 14.
15. ГААК. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 21.
16. Сокова З.Н. Власть и ислам в 1920-е годы // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2003. № 3. С. 126–130.
17. Гусева Ю.Н. Объединительные тенденции в деятельности Центрального духовного управления мусульман в 1920-е гг. // *Гасырлар авазы*. 2013. № 1-2 (70-71). С. 50–55.
18. ГААК. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 1.
19. Кубанова Ф.М. Советский период истории ислама в России // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2008. № 13. С. 55–61.
20. ГААК. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 61.
21. Сокова З.Н. Мусульмане Западной Сибири в первые годы советской власти // *Уральское востоковедение*. 2011. Вып. 4. С. 181–186.
22. ГААК. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 11.
23. Декрет о единой трудовой школе РСФСР // *Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик*. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm (доступ от 16.12.2016).
24. Постановление «О школах национальных меньшинств» // *Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик*. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_386.htm (доступ от 16.12.2016).
25. Ултургашева О.Г., Карамчаков А.Н. Из истории становления непрерывного национального образования коренных народов Саяно-Алтайского региона (1830–1930) // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2013. № 22. С. 66–74.
26. Сениоткина О.Н., Гусева Ю.Н. Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей). М. ; Н. Новгород : Медина, 2013.
27. Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Общественное движение мусульман-татар: итоги и перспективы. Н. Новгород : Махинур, 2005.
28. Колокольникова З.У., Шакиров И.Ш. Национальная татарская школа в Приенисейской Сибири в 20-е годы XX века // *Успехи современного естествознания*. 2014. № 12, вып. 3. С. 268–272.
29. ГААК. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 20.
30. Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX – начале XX вв. // *Известия Алтайского государственного университета*. Сер. История, политология. 2011. № 4/1. С. 68–71.
31. Борзенко И.Л., Ултургашева О.Г. Формирование национальной школы тюркских народов саяно-алтайского региона в 1920-е гг. // *Сибирский педагогический журнал*. 2005. № 5. С. 120–130.
32. ГААК. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 22.
33. ГААК. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 13.
34. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. // *Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР*. Т. 2: 1929–1939. М., 1959. С. 29–45. URL: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&l=ru&object=translation (дата обращения: 15.11.2016).

Dashkovskiy Petr K. Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

Shershneva Elena A. Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: D2703@yandex.ru

THE POSITION OF MUSLIM COMMUNITIES IN ALTAY IN THE EARLY SOVIET YEARS

Keywords: Muslim community; public policy; Western Siberia; Altai.

The purpose of this article is to show the results of the studding of the situation of Muslim communities in the territory of the Altai in the context of state-confessional policy in the first years of Soviet power.

In connection with the intended purpose, the following tasks were set: to consider of the relationship of the government to Muslim religious education on the territory of the Altai; to nalyze the principles of the formation of the Muslim congregations in the region, studying the attitude towards them by the provincial authorities.

A methodological basis of the article is the principles of historicism, objectivity and determinism, which involves a comprehensive critical analysis of historical processes underlying the legal status and functioning of Muslim communities in the Altai region in the first years of Soviet power.

This article was prepared on the analysis of normative-legal acts and archival materials reflecting the peculiarities of Muslim communities in the Altai in 1918 – early 1920s. In the course of the study the authors came to the following conclusions that the policy of the state in the 1920s in relation to Muslim peoples was very complex and had contradictory character. Since 1918 the Bolsheviks government had taken the course towards consolidation of ethnic groups who lived on the territory of the state. This government policy could not neglect Muslim people who lived in Altai area. In 1920, Altai Region (Gubernia) Department for Nationalities was established. The responsibilities of the department included collection of statistical data of Altai Region’s population as well as eradicating illiteracy among national minorities.

In the 1920s, the government started paying special attention to the system of national education. In the early 1920s, the council for national minorities took part in educational activity of Muslim schools by appointing teachers and instructors and by inspecting educating practice. However, regardless many achievements of Muslim communities in education, the government started to abolish denominational schools in

1923. In the first years of the Soviet power the Bolsheviks were eager to demonstrate their loyalty to Muslim communities in Russia. Muslims were even allowed to participate in the World Muslim Congress in Saudi Arabia. Moreover, the government declared preferential registration of religious communities that had not been registered yet. But there was an obligation to inform the local department of the State Political Directorate and militia (Soviet police service) about any performance of religious rites pointing out the exact date and place of the performance. This fact is proved by the archive documents reflecting the life of Muslim communities in Altai.

In conclusion, the government policy towards people of Islam confession was rather sophisticated and contradictory in the 1920s. The laws adopted in the early Soviet years allowed to hold religious meetings and to teach the basics of Muslim dogma at school. At the same time the life of Muslim communities was strongly interfered by the government. In the mid-1920s the government adopted repressive policies aimed at eradicating the religious worldview in Muslim communities. They started to abolish religious schools; and teaching of the foundations of the Muslim religion was transferred to the mosques. Later, in 1928, teaching of Muslim dogma was completely abolished by the Presidium of the Central Executive Committee of the Soviet Union.

REFERENCES

1. Dashkovskiy, P.K. & Shersheva, E.A. (2015) The Russian Government's Policy on Control over the Religious Life of Moslem Communities within Western Siberia between the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. *Byle Gody*. 36(2). pp. 338–346. (In Russian).
2. The Soviet Union. (1928–1929) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [All-Union Census of 1926]. Moscow: CSU of the USSR.
3. Alov, A.A. & Vladimirov, N.G. (1996) *Islam v Rossii* [Islam in Russia]. Moscow: Institut Naslediya.
4. Khabutdinov, A.Yu. (2010) *Istoriya Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya (1788–1917): instituty, idei, lyudi* [The history of the Orenburg Mohammedan spiritual collection (1788–1917): institutions, ideas, people]. Nizhny Novgorod: Medina.
5. Yarkov, A.P. (2004) Dzhadidizm v Zapadnoy Sibiri: popytka kul'turologicheskogo analiza [Jadidism in Western Siberia: an attempt at cultural analysis]. *Topos. Literaturno-filosofskiy zhurnal*. [Online] Available from: <http://www.topos.ru/article/2216>. (Accessed: 14th December 2016).
6. Gusterin, P.V. (2010) Politika Sovetskogo gosudarstva na musul'manskom Vostoke v 1917–1921 gg. [The Soviet policy in the Muslim East in 1917–1921]. *Voprosy istorii*. 1 pp. 92–100.
7. Arapov, D.Yu. & Kosach, G.G. (2010) *Islam i sovetskoe gosudarstvo* [Islam and the Soviet State]. Moscow: Mardzhani.
8. Kabdulvakhitov, K., Yarkov, A. & Garifullin, I. (2011) Musul'manskiy aspekt v sibirskikh vosstaniyakh [The Muslim aspect in the Siberian uprisings]. *RepresNews*. 16th February. [Online] Available from: http://represnews.blogspot.ru/2011/02/blog-post_3833.html. (Accessed: 12th November 2016).
9. Silantev, R.A. (2010) *Musul'manskaya diplomatiya v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Muslim diplomacy in Russia: history and modernity]. Moscow: Rema.
10. Mukhetdinov, D.V. & Khabutdinov, A.Yu. (2011) *Islam v Rossii v XVIII – nachale XXI vv.: modernizatsiya i traditsii* [Islam in Russia in the 18th – early 21st centuries: modernization and traditions]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
11. Maksudov, S. (1999) Migratsii v SSSR v 1926–1939 godakh [Migrations in the USSR in 1926–1939]. *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. 40(4). pp. 763–796.
12. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 10.
13. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 5.
14. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 14.
15. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 21.
16. Sokova, Z.N. (2003) Vlast' i islam v 1920-e gody [Power and Islam in the 1920s]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – UT Research Journal*. 3. pp. 126–130.
17. Guseva, Yu.N. (2013) Ob'edinitel'nye tendentsii v deyatelnosti Tsentral'nogo dukhovnogo upravleniya musul'man v 1920-e gg. [Unifying trends in the activities of the Central Spiritual Administration of Muslims in the 1920s]. *Gasyrlar avazy*. 1-2 (70-71). pp. 50–55.
18. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-531. List 1. File 1.
19. Kubanova, F.M. (2008) Sovetskiiy period istorii islama v Rossii [The Soviet period in the history of Islam in Russia]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 13. pp. 55–61.
20. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-531. List 1. File 61.
21. Sokova, Z.N. (2011) Musul'mane Zapadnoy Sibiri v pervye gody sovetskoy vlasti [Muslims of Western Siberia in the early Soviet years]. *Ural'skoe vostokovedenie – Ural Survey of Oriental Studies*. 4. pp. 181–186.
22. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-531. List 1. File 11.
23. The USSR. (n.d.) *Dekret o edinoy trudovoy shkole RSFSR* [Decree on the Unified Labour School of the RSFSR]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm. (Accessed: 16th December 2016).
24. The USSR. (n.d.) *Postanovlenie "O shkolakh natsional'nykh men'shinstv"* [Decree "On the schools of national minorities"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_386.htm. (Accessed: 16th December 2016).
25. Ulturgasheva, O.G. & Karamchakov, A.N. (2013) Yurta as a Guardian of the Traditional Rites of Nomadic People of Asia (on the Analysis of the Khakass Yurta). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 22. pp. 66–74. (In Russian).
26. Senyutkina, O.N. & Guseva, Yu.N. (2013) *Musul'mane Srednego Povolzh'ya v tiskakh repressivnoy politiki sovetskoy vlasti (na materialakh Nizhegorodskoy i Samarskoy oblastey)* [Muslims of the Middle Volga region in the grip of the repressive policy of the Soviet government (on the materials of the Nizhny Novgorod and Samara regions)]. Moscow; Nizhny Novgorod: Medina.
27. Khabutdinov, A.Yu. & Mukhetdinov, D.V. (2005) *Obshchestvennoe dvizhenie musul'man-tatar: itogi i perspektivy* [Social movement of Muslim Tatars: results and prospects]. Nizhny Novgorod: Makhinur.
28. Kolokolnikova, Z.U. & Shakirov, I.Sh. (2014) The organization of educational work during formation of the Soviet State (a case study of museum work). *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya – Advances in Current Natural Sciences*. 12(3). pp. 268–272. (In Russian).
29. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 20.
30. Dashkovskiy, P.K. & Shersheva, E.A. (2011) Muslim Education in the West Siberia in the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4(1). pp. 68–71. (In Russian).
31. Borzenko, I.L. & Ulturgasheva, O.G. (2005) Formirovaniye natsional'noy shkoly tyurkskikh narodov sayano-altayskogo regiona v 1920-e g. [Formation of the national school of the Turkic peoples of the Sayan-Altai region in the 1920s]. *Sibirskiy pedagogicheskii zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 5. pp. 120–130.
32. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 22.
33. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 13.
34. The Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR. (1959) *Postanovlenie VTSIK i SNK RSFSR "O religioznykh ob'edineniyakh"* ot 8 aprelya 1929 g. [Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On Religious Associations" of April 8, 1929]. In: Boldyrev, V.A. (ed.) *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovleniy Pravitel'stva RSFSR. 1929-1939* [Chronological Collection of Laws, Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and Resolutions of the Government of the RSFSR]. Vol. 2. Moscow: Gosyurizdat. pp. 29–45. [Online] Available from: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&l=ru&object=translation. (Accessed: 15th November 2016).

УДК 929:94(47)
DOI: 10.17223/19988613/56/5

М.А. Демин

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ В НАУКУ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-11-22005
«Историк в региональном социокультурном пространстве второй половины XX в.».*

На основе неопубликованных архивных источников раскрываются перипетии, связанные с изданием монографий и защитой диссертационных работ известным сибирским историком и археологом Алексеем Павловичем Уманским. Анализируются его контакты с ведущими российскими гуманитариями-сибироведами: А.П. Окладниковым, Л.П. Потаповым, В.Г. Мирзоевым, Л.Р. Кызласовым, Н.А. Миненко. В публикации затрагиваются вопросы, связанные с повседневной научной жизнью исследователя, впервые рассматривается его полемика с Л.П. Потаповым и анализируется анонимная рецензия на его монографию.

Ключевые слова: Уманский; история; телеуты; рецензия; монография; диссертация.

Целью статьи является введение в научный оборот новых неопубликованных материалов, раскрывающих перипетии, связанные с изданием монографий и защитой диссертационных работ известным сибирским историком и археологом Алексеем Павловичем Уманским. После демобилизации с фронта и окончания экстерном исторического факультета Барнаульского педагогического института он трудился в этом же вузе, а затем в управлении культуры Алтайского крайисполкома старшим инспектором по музеям и охране памятников, целенаправленно занимался выявлением, обследованием и раскопками археологических объектов, опубликовал большую серию научно-популярных работ по археологической тематике [1, 2]. В 1963 г. А.П. Уманский возвращается к преподавательской деятельности в Барнаульском пединституте, планируя поступить в годичную аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Однако почти три года ему пришлось потратить на преодоление различных бюрократических преград, и в итоге проблему с аспирантурой удалось решить только в ведомственных рамках Кемеровского педагогического института [3].

Научным руководителем соискателя был утвержден В.Г. Мирзоев, который незадолго до этого защитил докторскую диссертацию по историографии Сибири и не взялся руководить работой по незнакомой для него археологической проблематике. Тогда А.П. Уманский предложил тему по истории телеутов в XVII – первой четверти XVIII в., по которой он начал собирать материалы еще с середины 1950-х гг. В результате Уманскому пришлось круто изменить уже устоявшиеся планы научных работ и осваивать тематику, которая не предполагала использование годами накопленного археологического материала и плохо вписывалась в сложившиеся научные интересы исследователя.

Однако внешние факторы не ослабили творческих устремлений А.П. Уманского. В январе 1967 г. он отправляет В.Г. Мирзоеву проспект, два варианта названия

и планы диссертации, которые окончательно еще «не вытанцовывались». В апреле 1967 г., вооружившись советами научного руководителя по технической стороне использования архивных фондов [4. Л. 114], А.П. Уманский отправляется в длительную командировку в Москву и Ленинград для работы в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), Ленинградском отделении архива Академии наук, Центральном государственном историческом архиве Ленинграда и библиотеках. Как выяснила Н.А. Гефке, в ЦГАДА он работал в общей сложности два с половиной месяца с 3 апреля до 16 июня. За этот период ему удалось просмотреть описи как минимум десяти фондов и затребовать 169 дел различного объема. Основная часть изученного им материала содержалась в фондах 214 (Сибирский приказ) и 199 (Портфели Миллера) [5].

В ходе поездки, по словам исследователя, обнаружилась «неприятная новость»: над близкой по тематике диссертацией работал аспирант Института истории АН СССР Н.С. Модоров. В связи с этим, чтобы «не оказаться в дураках» и «не повторять зады», барнаульский историк был настроен в ближайшее время опубликовать ряд статей и «нажимать, торопиться изо всех сил, чтобы опередить соперника». Видимо, тяжелые переживания, связанные с перипетиями поступления в аспирантуру, не прошли бесследно, порождая мрачные предчувствия, и в письме к В.Г. Мирзоеву по возвращению из командировки он жалуется на «волю судьбы», которая готовит ему новые испытания [6. Л. 34–34 об.]. Впрочем, с Николаем Семеновичем Модоровым у А.П. Уманского впоследствии установятся вполне деловые, уважительные, хотя и не всегда ровные отношения.

В невероятно короткие сроки уже осенью 1967 г. А.П. Уманский отпечатал на машинке первый вариант диссертации. По его словам, текст получился очень громоздким, и, пытаясь доработать его, он довел себя до нервного истощения и «пал духом» [7. С. 18]. В письме А.П. Окладникову от 19 февраля 1968 г. барнаульский исследователь жалуется ему на свою бо-

лезнь: «Уже четвертый месяц я не в своей тарелке, точного диагноза поставить не могут, и состояние неизвестности действует просто угнетающе» [8]. В частном письме к другому адресату, отправленному в конце февраля, также фигурирует тема болезни: «В душе тоска неимоверная, какая-то безысходность. Чуть нажал на работу... начались снова апатия, бессонница, боли по всему телу, температура гнилая, в глазах черные точки, ночами в полудреме кошмарные видения и т.п.». С горькой иронией пишет он о том, что «есть перспектива написать “Записки из сумасшедшего дома”» [8]. На физическом состоянии А.П. Уманского сказывалось, видимо, не только крайнее переутомление, связанное с непрерывной интенсивной работой над диссертацией, но и терзавшие его сомнения по поводу соответствия выполненной работы необходимым требованиям и сложностью самостоятельно определить оптимальные пути ее завершения.

В этой ситуации неocenимую помощь и поддержку ему оказал А.П. Окладников. Во время их совместной экспедиционной поездки в Куяс весной 1968 г. он просмотрел рукопись и, по словам А.П. Уманского, вынес вердикт, что она ближе даже не к кандидатской, а к докторской диссертации, и тут же в поле напечатал на нее «весьма положительный» отзыв [7. С. 18–19]. К осени этого же года соискатель переработал первоначальный вариант, который, однако, опять получился в два раза больше нормы. Один из выходов из создавшегося положения он видел в том, чтобы не «ужимать» диссертацию до необходимого объема, а «разрубить» ее на две части, одну из которых защитить в качестве кандидатской, а вторую «оставить до лучших времен». Чтобы принять окончательное решение, он позвонил А.П. Окладникову, который сразу поддержал эту идею [9. С. 19]. Ощутимую конкретную помощь маститый ученый оказывал диссертанту и в дальнейшем. Так, в письме от 19 октября 1969 г. он настойчиво советует «поставить точку на доработке диссертации. Она – превосходна». Здесь же он сообщает, что договорился с О.Н. Вилковым о «честном и доброжелательном» оппонировании и даст соответствующее поручение Л.М. Горюшкину по организации защиты [8].

Необходимое содействие диссертанту оказывал и его научный руководитель Владимир Григорьевич Мирзоев. Он не был специалистом по узкой тематике истории этнополитических образований Южной Сибири XVII–XVIII вв., поэтому вряд ли мог обсуждать конкретные проблемы работы. Однако как историограф обладал широкой общеисторической подготовкой, владел методами научной критики источников, был знаком с основными сибиреведческими исследованиями. Между научным руководителем и его подопечным, который был всего на три года младше, сложились вполне рабочие, близкие к партнерским, дружеским взаимоотношения. В одном из писем В.Г. Мирзоеву А.П. Уманский писал: «Никогда не забуду Ваше участие в моей судьбе и судьбе моих научных дел. И

если мне когда-нибудь представится слабая возможность воздать добром за добро, я это обязательно сделаю...» [8]. В свою очередь историограф отмечал исследовательскую добросовестность и высокий научный уровень работ соискателя, подчеркивал, что «Ваша профессиональная манера, как историка, весьма мне импонирует» [4. Л. 115].

В декабре 1969 г. А.П. Уманский отослал вариант диссертации на кафедру истории в Кемеровский педагогический институт и предполагаемому оппоненту О.Н. Вилкову в Новосибирск, а уже 5 февраля 1970 г. состоялось ее обсуждение по месту защиты на совместном заседании сектора истории дооктябрьского периода Института истории, филологии и философии СО АН СССР и кафедры истории СССР Новосибирского государственного университета. Диссертация была рекомендована к защите, в выступлениях отмечались ее «высокая научная ценность» и «впечатляющая добротность», подчеркивалось, что соискатель проявил «умение тонкого и разностороннего подхода к источнику и его анализу» [9. Л. 1–5]. Тем не менее в ходе заседания было сделано около 20 конкретных замечаний, которые требовали доработки или уточнения. С учетом этих требований исследователь продолжал интенсивно совершенствовать текст диссертации, включая внесение структурных и содержательных изменений и правок технического характера. В письме к своему научному руководителю В.Г. Мирзоеву от 15 марта этого года А.П. Уманский жалуется: «Пурхаюсь и молю всех богов, чтобы они дали мне сил доделать, так как работоспособность катастрофически падает, и это меня пугает» [8]. К тому же стал возникать вопрос о соотношении выводов диссертационной работы с концепцией видного исследователя истории и этнографии тюркских народов Саяно-Алтая, заведующего ленинградским отделением Института этнографии АН СССР Л.П. Потапова. В 1969 г. вышла его новая монография «Этнический состав и происхождение алтайцев», которая, по словам соискателя, «многие козыри выбивает... из рук», поскольку содержит ряд идей, развиваемых в диссертационной работе. А.П. Уманский, основательно проработавший к этому времени архивные материалы, нашел в ней «массу чисто фактических ошибок» и теперь находился в раздумье, следует ли на них указывать в кандидатской диссертации [Там же].

Тем не менее к маю 1970 г. окончательный вариант диссертации был подготовлен. Ознакомившись с ним, В.Г. Мирзоев пришел к заключению, что его основные положения «соответствуют уровню нашей науки», и с такой работой «можно смело пускаться в драку» [4. Л. 24]. В начале июня научный руководитель одобрил текст автореферата, отметив, что и в первом чтении он был хорош, а в доработанном виде стал «еще лучше – стройнее и лаконичнее» [Там же. Л. 25].

Одновременно с переработкой диссертации А.П. Уманскому пришлось заниматься проблемой пуб-

ликации результатов своего исследования. С этой целью он зондировал почву в научно-исследовательских институтах и вузах Абакана, Кызыла, Горно-Алтайска, Томска и Новосибирска. В.Г. Мирзоев вел переговоры об издании материалов диссертации отдельной книгой в Кемеровском областном издательстве, однако там требовались не научные монографии, а популярные очерки, доступные для широкого круга читателей [10. Л. 31]. В итоге на первых порах работы А.П. Уманского по телеутской тематике печатались преимущественно в барнаульских изданиях и трудах Новосибирского педагогического института.

Защита диссертации «Телеуты и их тюркоязычные соседи в XVII в. (очерк внешнеполитической истории)» состоялась на Объединенном Ученем совете по гуманитарным наукам Новосибирского государственного университета в октябре 1970 г. Отзывы на диссертацию ведущей организации – Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы и официальных оппонентов – З.Я. Бояршиновой и О.Н. Вилкова были доброжелательными, и защита прошла успешно. Получив стенограмму заседания совета, научный руководитель соискателя писал, что у него создалось впечатление «блестящей защиты», а многие замечания носили формальный характер [4. Л. 26; 11]. В.Г. Мирзоев советовал «немного отдохнуть» и продолжить удачно начатое исследование. В одном из писем А.П. Уманскому он с некоторой долей пафоса восклицал: «Сибирская историография Вам не простит, если Вы не возьметесь за докторскую диссертацию» [4. Л. 26; 8]. Аналогичные мысли высказывал и академик А.П. Окладников: «Что касается продолжения Вашего труда над телеутами, то здесь, как Вы знаете, мои предложения совпадают с тем, что Вам написал В.Г. Мирзоев: делайте дальше, двигайтесь выше! У Вас для этого есть все основания» [8].

В апреле 1971 г. Высшая аттестационная комиссия утвердила А.П. Уманского в искомой научной степени. Эксперт ВАКа, профессор Московского университета, видный исследователь истории и археологии Южной Сибири Л.Р. Кызласов поздравил барнаульского ученого с «весьма ценной работой», отметив «чрезвычайно интересную» тему исследования, постановку и решение проблем социально-экономического и политического строя телеутских княжеств: «Все очень свежо, смело и убедительно. Надеюсь, что Вы опубликуете книгу» [4. С. 58–59 об.].

Воодушевленный удачной защитой, благожелательными отзывами оппонентов, напутствиями научного руководителя и поддержкой директора Института истории, филологии и философии СО АН СССР академика А.П. Окладникова А.П. Уманский решает продолжить работу над телеутской проблематикой, оформив ее в качестве докторской диссертации. Немаловажную роль здесь сыграло то обстоятельство, что значительная часть уже написанного текста не вошла в кандидатскую диссертацию, и при соответствующей

доработке могла быть использована на новом этапе научной деятельности.

Одним из условий для достижения поставленной цели было издание монографии, что для провинциального ученого в рамках существовавшей системы организации науки представляло большую сложность. Уже вскоре после защиты кандидатской диссертации в адрес Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы поступило развернутое письмо, подписанное академиком А.П. Окладниковым. В нем институту предлагалось издать кандидатскую диссертацию А.П. Уманского «Телеуты и их соседи в XVII веке (очерки внешнеполитической истории)» в качестве отдельной монографии [12. Л. 2–3]. Однако перенести вопрос в практическую плоскость было крайне сложно. В письме личного характера в ноябре 1971 г. А.П. Уманский с сожалением констатирует: «Дела с изданием книжек идут очень туго, конца-краю не видно... никак не пробьешься сквозь плотные ряды монополистов от науки...» [8]. Один из сюжетов, связанный с приостановкой публикации монографии, раскрывает в своих воспоминаниях горно-алтайский ученый Н.С. Модоров. В самом начале 1971 г. А.П. Уманский написал отрицательную рецензию на его монографию «Русско-алтайские отношения в XVII–XVIII вв.» и не рекомендовал ее к печати (обобщающая монография Н.С. Модорова «Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.)» [13] увидела свет только в 1996 г.; ее рецензентами выступили московские ученые А.А. Преображенский и В.Г. Тюкавкин. Это было уже новое исследование, подготовленное на основе его докторской диссертации). И когда в Горно-Алтайский институт поступила работа барнаульского автора, руководство учреждения приняло «соломоново решение» не отдавать предпочтения ни одной из рукописей и не стало давать им ход [14. С. 167–168].

Тем не менее А.П. Уманский продолжает предпринимать энергичные действия по продвижению своей рукописи в печать. В январе 1973 г. он получает официальное письмо от директора Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы Е.Г. Мултуевой, в котором говорилось о заинтересованности учреждения в издании его кандидатской диссертации и намерении включить монографию в план издательства [10. Л. 34].

В это время устанавливаются контакты между барнаульским исследователем и ленинградским историком и этнографом Л.П. Потаповым. Они обмениваются письмами, поздравительными открытками, изданиями своих трудов. Первоначально тон этих взаимоотношений был самым благожелательным. В первом письме, отправленном в конце февраля, ленинградский ученый пишет: «Мне очень жаль, что Вы так крепко попали в лапы археологии. ...Я сожалею, что Вы забросили исследование письменных памятников XVII в (надо бы и

XVIII в.), которые никто так не изучал как Вы» [4. Л. 27]. В другом письме, написанном менее чем через десять дней, Л.П. Потапов вновь отдает должное исследовательским заслугам своего сибирского коллеги: «Я почти все Ваши (присланные мне) статьи прочитал и вынес о них самое хорошее впечатление» [6. Л. 46]. В то же время он не скрывает, что по отдельным вопросам можно поспорить, а некоторым критическим замечаниям в его адрес не хватает аргументации.

В свою очередь в ответном письме, отправленном в марте 1973 г., А.П. Уманский пишет: «Ваша посылка и письмо – единственное светлое пятно в моей жизни за последний месяц. ... Такие письма, как Ваши, помогают выкарабкиваться из пропастей, в которые иногда бросает жизнь» [Там же. Л. 44]. С максимальной корректностью он говорит о своих расхождениях с ленинградским историком, хотя и не скрывает, что в его кандидатской диссертации при всем желании не обидеть «первопроходца этой тематики» содержатся критические замечания в его адрес [Там же. Л. 44–45].

В июле 1973 г. в Горно-Алтайске первые произошла личная встреча двух ученых, во время которой ленинградский историк заверил барнаульского коллегу о поддержке его исследовательских начинаний. И действительно, только после рекомендации Л.П. Потапова издательский совет Горно-Алтайского института летом этого же года включил монографию «Телеуты и их соседи в XVII в. (очерк внешнеполитической истории)» в план издания и даже через несколько месяцев выслал автору причитающийся аванс. Работа состояла из двух частей. К публикации в 1975 г. предназначалась первая часть книги объемом 24 печатных листа, которая включала вопросы территориального расположения и внутреннего устройства «Телеутской земли», а также ее взаимоотношений с азиатскими соседями. Вторую часть книги, посвященную связям телеутов с Русским государством, предполагалось напечатать позже. При этом Л.П. Потапов высказал пожелание написать предисловие к книге и стать ее научным редактором [6. Л. 50–50 об.; 10. Л. 36].

С октября 1974 г. приказом Главного управления высших и средних учебных заведений Министерства просвещения РСФСР А.П. Уманский на один год был переведен на должность старшего научного сотрудника для завершения и защиты диссертации. По истечению срока творческий отпуск был продлен еще на год. «Духовный отец» диссертанта В.Г. Мирзоев прислал необходимый для перевода в старшие научные сотрудники отзыв. В сопроводительном письме он в целом положительно отзывался о возможном участии Л.П. Потапова в редактировании или подготовке предисловия к монографии, но предостерег от соавторства, что могло умалить личный вклад барнаульского автора в написании книги [4. Л. 30].

В течение 1974 – начале 1975 г. А.П. Уманский выслал частями рукопись монографии научному редактору. Л.П. Потапов делал незначительные замечания,

рекомендовал подготовить именной и географический указатели, расширить список источников, подработать хронологическую таблицу и карту. К маю 1975 г. автор полностью закончил работу над рукописью и был готов отдать ее литературному редактору, но ждал указаний Л.П. Потапова [6. Л. 54].

Вскоре ленинградский ученый сообщил, что торопиться с подготовкой книги не стоит, поскольку издание перенесено на 1976 г., а летом текущего года он на полтора месяца приедет на Алтай, и в это время «доделаем все без спешки и как следует» [4. Л. 32–33 об., 35–35 об., 37–37 об.]. Однако поездка и запланированная встреча не состоялись. В самом начале сентября после возвращения Л.П. Потапова из отпуска и с подвернувшейся оказией А.П. Уманский переправляет подготовленную в основном еще в апреле рукопись в Ленинград. В письме, отправленном из Комарова в конце сентября 1975 г., ленинградский ученый, не называя конкретных сроков, пишет, что «понемногу» продолжает работать над рукописью: «Читаю все подряд, не торопясь, со всем вниманием». На предложение А.П. Уманского приехать в Ленинград, чтобы ускорить доработку монографии, он отвечает, что не видит в этом необходимости. Редактор упоминает также об ухудшении состояния здоровья и снижении работоспособности. При этом он по-прежнему отмечает, что книга «безусловно, хорошая и нужная» [Там же. Л. 39–40].

Такая неопределенность вынудила А.П. Уманского написать «энергичное», по словам Л.П. Потапова, письмо, в котором он высказал претензии в связи с затягиванием редактирования. В ответ в середине декабря ленинградский историк направляет в Барнаул многостраничное послание с многочисленными замечаниями по тексту рукописи. Уже в самом начале письма он нелестно заявляет, что «сия работа мне душу вымотала». Серьезным недостатком книги он считает «излишнюю нетерпимость к инакомыслию», «искусственно созданную» полемику по конкретным «узким» сюжетам, что «бросает тень» на его предшественников, включая и самого Л.П. Потапова.

Через два месяца, к середине февраля 1976 г., автор монографии завершил подготовку пространного ответа на критику редактора. Он кратко благодарит Л.П. Потапова за те замечания, которые считает правильными, но в развернутой форме категорически отвергает большинство критических высказываний. На его взгляд, главная претензия рецензента заключается в том, что в книге присутствует критика трудов Л.П. Потапова [4. Л. 56 об. – 57 об.; 6. Л. 63 об. – 65 об.]. По его словам, вскоре может появиться новая порция замечаний, и «сказочка “про белого бычка” будет продолжена». Завершая свой ответ, барнаульский автор с горечью констатирует: «Жаль, что на Олимпе нашей науки далеко не всегда встречаются “боги”, не просто способные обжигать горшки, но еще и проявлять минимум объективности в оценке степени своего мастерства» [4. Л. 57 об.; 6. Л. 67].

Свое письмо с развернутым опровержением претензий А.П. Уманский не решился отправить своему оппоненту, видимо, понимая, что его отдельные эмоциональные высказывания выходят за рамки академической полемики. В то же время его записка являлась необходимым шагом в преодолении затянувшейся тягостной ситуации. Несмотря на серьезные препятствия, он фактически развязал себе руки и стал предпринимать новые энергичные действия по продвижению своих исследований.

Выход из туиковой ситуации по изданию монографии был найден академиком А.П. Окладниковым. В начале мая 1978 г. он предложил «протолкнуть» рукопись через Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, и вскоре ее в срочном порядке затребовали у автора. Пришлось в сжатые сроки дорабатывать текст. «Мучительные раздумья и колебания» автора вызвала необходимость сокращать материал, чтобы уложиться в установленный объем [4. Л. 84–84 об.]. К декабрю этого же года была готова корректура книги, а к июлю 1979 г. ее набрали в типографии. Но внезапно возникла новая задержка, которая стала еще одним испытанием для историка. В редакции решили перестраховаться, и гранки отправили в МИД и Институт Дальнего Востока АН СССР на дополнительную экспертизу. Обе организации дали положительные отзывы, но рекомендовали внести некоторые коррективы, в частности, исключить возможность использования книги для обоснования территориальных претензий Китая. Автору пришлось переделать введение и заключение и подработать в соответствующем духе основную часть: «Я уж и сам был не рад, что родился в эпоху советско-китайской конфронтации». Отсюда появление в книге, возможно, удивляющих современных читателей пассажижей о необходимости разоблачать клеветнические измышления, происки и фальсификации пекинских гегемонистов и экспансионистов [14. С. 4].

В самом начале 1980 г. десятилетняя эпопея с изданием монографии завершилась, и следовало, по словам автора, «ждать подзатыльников от Л.П. Потапова» [8]. Эмоциональное поздравление в связи с выходом «прекрасной книги» прислал Л.Р. Кызласов. Именитый столичный ученый с пафосом восклицал: «Давно уже не приходилось видеть в сибирской истории исследователя, справедливо и истинно по-ленински оценивающего исторический процесс» [15. Л. 17]. Поздравление с изданием монографии А.П. Уманский получил и от своего научного руководителя по кандидатской диссертации В.Г. Мирзоева. Он писал, что работа производит большое впечатление своей «фундированностью, монбланом источников, умело сведенных в одну логическую схему» [Там же. Л. 2].

Ранее других, 5 февраля 1980 г., сообщение о выходе книги в свет и соответствующие поздравления прислал своему барнаульскому коллеге и младшему товарищу А.П. Окладников. Он просит А.П. Уманского срочно связаться с ученым секретарем совета В.Е. Ла-

ричевым, чтобы «двигать» диссертацию: «Пока я жив и в состоянии делать добро хорошим людям» [4. Л. 70]. В январе историк представил монографию вместе со всеми необходимыми документами в совет по защите диссертаций. Еще полгода прошло, пока в начале июля 1981 г. состоялось обсуждение работы в «секторе феодалов» Института истории, филологии и философии. В целом благожелательные отзывы о работе были высказаны О.Н. Вилковым, Н.Н. Покровским, Н.А. Миненко, Л.М. Горюшкиным. По словам Н.А. Миненко, автор подарил читателям исключительно важный труд, книга написана «не равнодушной рукой, а потому и читать ее интересно, и хочется с автором спорить». Л.М. Горюшкин предложил защищать не монографию, а рукопись, в которой можно будет учесть высказанные замечания, тем более что книга больше подвержена критике, и с ней сложнее проходить процедуру защиты [16. Л. 6–11]. Понимая справедливость последнего пожелания, соискатель, тем не менее, предпочел обговорить некоторые дискуссионные моменты в автореферате, поскольку подготовка новой рукописи потребовала бы перепечатку и дополнительную переработку текста, что вызовет новые проволочки, а измученный прежними мытарствами историк «чертовски устал». В итоге монография «Телеуты и русские в XVII–XVIII веках» была рекомендована к защите [9. Л. 14–20].

Таким образом, вся подготовительная работа по представлению монографии была завершена, оставалась лишь небольшая формальность: утверждение темы на Ученом совете Института. Несколько раз по техническим причинам этот вопрос переносили и, наконец, 18 ноября включили в повестку заседания Ученого совета [6. Л. 112–113]. И именно в этот день скончался Алексей Павлович Окладников. Это событие не только потрясло 58-летнего барнаульского ученого в личном отношении, но и в очередной раз поставило под угрозу свершение его научных планов. Совет по защите докторских диссертаций в Институте истории, филологии и философии был закрыт, и его утверждение после смерти А.П. Окладникова затягивалось.

В ходе подготовки к защите пришлось заменить двух из трех намеченных ранее оппонентов. А.П. Бородавкин отказался от предложения, видимо, по причине того, что его научные исследования тематически и хронологически были далеки от телеутской проблематики. К тому же после отрицательной рецензии А.П. Уманского на подготовленную под его руководством книгу по истории Алтайского края у двух историков были натянутые отношения. А.П. Бородавкина в качестве оппонента заменил авторитетный сибирский ученый Н.Н. Покровский. Когда уже в бюллетене ВАК вышло объявление о защите и был отпечатан автореферат, дело опять осложнилось. В связи с затяжной болезнью З.Я. Бояршинова не смогла дать письменный отзыв и, тем более, приехать на защиту. Выручил омский историк А.Д. Колесников, согласившийся выступить оппонентом. Однако пришлось переоформлять

бумаги и перепечатывать обложку автореферата. По причине болезни не смог прислать отзыв на автореферат Л.Р. Кызласов. В открытке с извинением он выражал уверенность в успешной защите: «Верю в Вас – защитите прекрасно!» [15. Л. 4]. А.П. Уманский остро переживал возникновение этих, в общем-то, технических затруднений. Однако наученный горьким опытом предшествующих неудач, он начинал терять веру в окончательный успех своего дела. В письмах оппонентам Н.Н. Покровскому и Н.А. Миненко и сотруднику ведущей организации А.И. Мартынову он писал, что чувствует ненужность для себя «всей этой затеи» с защитой, что он крайне устал от «возни со злосчастной книжкой»: «Если бы Вы только знали, как все это надоело... Хочется одного – хоть бы скорее любой конец, только конец». При этом он указывал, что обязан довести дело до завершения, поскольку два года находился на должности старшего научного сотрудника, и теперь приходится выслушивать «упреки и нарекания» по поводу того, что надо возвращать долги и восстанавливать кредит доверия, выданный вузу Министерством [6. Л. 119–120, 148]. В ответ соискателем от Н.А. Миненко был получен ободряющий отклик: «Знаю, что защита Ваша пройдет успешно, так как исследование Ваше – серьезное и вполне на уровне докторской диссертации» [4. Л. 81]. В числе причин депрессивного настроения ученого были и преследовавшие его «всевозможные болячки», почти наступивший пенсионный возраст, преждевременная смерть первого научного руководителя В.Г. Мирзоева и, особенно, утрата мощной организационной и человеческой поддержки А.П. Окладникова после ухода его из жизни.

9 июня 1983 г. на заседании специализированного совета при Институте истории, филологии и философии СО АН СССР состоялась защита монографии «Телеуты и русские в XVII–XVIII веках». Все прошло успешно, хотя психологическое состояние А.П. Уманского было тяжелым. И причиной были не замечания оппонентов, которые вполне укладывались в трафарет данной процедуры, а самочувствие барнаульского историка, на котором не смогли не сказаться многочисленные проволочки и препятствия, встретившиеся на его пути к научной вершине. На этом хотелось бы поставить окончательную победную точку в описании сложного тернистого пути барнаульского историка к научному Олимпу. В октябре 1983 г. был торжественно отпразднован 60-летний юбилей со дня рождения ученого, в ходе которого было высказано немало заслуженных лестных слов по поводу научных достижений юбиляра, его творческих дарований и замечательных человеческих качеств. Сам Алексей Павлович выглядел приободренным, пессимистические настроения, казалось, ушли в прошлое. Но судьба уготовила ему еще одно серьезное испытание. Произошло то, чего он сам опасался и неоднократно говорил о такой возможности, но в глубине души, конечно, надеялся избежать этой неприятности. В высшую аттестационную комиссию

поступила отрицательная рецензия на его монографию. Ее копия была переслана соискателю, и, видимо, потребовались крайнее напряжение и изнуряющая внутренняя мобилизация, чтобы к середине мая 1984 г. подготовить 20-страничные ответы на замечания.

Некоторые претензии анонимного рецензента касались не столько научной стороны книги, сколько ставили неприглядную цель показать идеологическую незрелость работы, будто бы отвечающей проискам буржуазных фальсификаторов, которые настаивали на агрессивности русского народа, захвате чужих земель и пр. Это обвинение было очень неприятным и даже опасным для любого историка той эпохи, поскольку критика «буржуазных фальсификаторов» считалась одной из приоритетных задач советской историографии [16. Л. 32].

Серьезное обвинение в научной недобросовестности было выдвинуто рецензентом только на основании одного случая, когда автор не подтвердил свою мысль ссылкой на источники. Отвергая это несправедливое и обидное замечание, соискатель не мог удержаться от эмоциональной реплики: «Обвинение в научной недобросовестности адресовано рецензентом человеку, в книге которого сделано свыше 1 000 ссылок на более чем 600 архивных дел и 350 названий специальной литературы, на изучение которых им затрачено почти 30 лет жизни» [Там же. Л. 40].

Завершая объяснительную записку, А.П. Уманский пишет, что у него есть все основания считать, что рецензия носит поверхностный, предвзятый и тенденциозный характер: «Я далек от мысли считать свою монографию свободной от ошибок и недостатков. ...Но с замечаниями и обвинениями рецензента по книге я не могу согласиться» [Там же. Л. 42]. Здесь необходимо отметить, что при всей сложности и, нередко, неоднозначности позиций сторон в научных дискуссиях, в данном случае надо признать правоту барнаульского историка. Рецензент действительно ставил перед собой весьма неблагоприятную цель выявить только негативные моменты и подвергнуть книгу полному разгрому. Он редко спорит по существу, а чаще выдвигает самые общие обвинения, стремясь уличить автора в недостаточной источниковедческой и историографической подготовке, ошибочной трактовке глобального процесса колонизации и даже идеологической незрелости. При этом отстаиваемые рецензентом исторические оценки в большей степени базировались не на анализе конкретного исторического материала, а на историографических стереотипах и политической конъюнктуре. Почти все замечания сделаны по введению, заключению и первой главе первой части монографии. Основное содержание книги осталось вне зоны внимания рецензента, поэтому мнение А.П. Уманского о поверхностном и тенденциозном характере отзыва можно считать вполне обоснованным.

Вместе с письменными ответами на претензии в адрес монографии историк был вызван на заседание экс-

пертной комиссии ВАКа, где давал необходимые пояснения по поводу своей работы. К счастью, членами комиссии оказались разумные люди достаточной квалификации, которые смогли увидеть надуманность многих обвинений и оценить подлинную научную значимость представленной к защите работы. В итоге последовало долгожданное действительно выстраданное присвоение ученому искомой степени доктора исторических наук. Почти 15 лет жизни ушло на то, чтобы преодолеть все трудности с изданием монографии и защитой диссертационного сочинения. На первый взгляд, 15 лет для написания и защиты докторской диссертации – это вполне приемлемый срок, который необходим для подготовки фундаментальной работы. Однако парадоксальность и даже трагизм ситуации с научным продвижением А.П. Уманского заключаются в том, что основной материал по теме им был собран и значительная часть работы в черновом варианте написана еще в конце 1960-х гг. А огромная часть времени и сил впоследствии были потрачены на преодоление административных барьеров, бюрократических препон, решение различных организационных вопросов. При этом надо отдать должное упорству и целеустремленности ученого, который после каждой неудачи сумел находить в себе силы, чтобы вновь и вновь двигаться в избранном направлении.

Что касается публикации той части его работы, которая была защищена в качестве кандидатской диссертации, а затем в переработанном виде много лет пролежала в Горно-Алтайске, то А.П. Уманский не оставлял надежды на ее выход в свет. С этой целью он в конце 1980-х гг. зондировал почву в ряде издательств. Однако ситуация в стране изменилась, старая система прохождения рукописей рухнула, а новая еще не сформировалась. В этих условиях отпала необходимость согласования положений работы с научным редактором, на первый план вышли финансовые вопросы, а в начале 1990-х гг. еще и поиск типографии и ресурсов бумаги. Всем этим пришлось заниматься автору, чтобы, наконец, обнародовать результаты своего труда. В результате была найдена относительно дешевая и незагруженная типография в селе Топчиха Алтайского края. Ученик и коллега Алексея Павловича А.А. Прохожев, используя старые партийные связи, сумел приобрести необходимый объем бумаги. В октябре 1993 г. с типографией был подписан договор, по которому она обязывалась до конца года напечатать тираж. Однако еще более года шли согласования сторон, резко росли цены, появлялись внеочередные заказы для типографии, и только в конце февраля 1995 г. Барнаульский педуниверситет оплатил

счет на сумму 4 млн 551 тыс. руб. Прошло еще более полутора лет ожидания, и лишь в конце 1996 г., спустя чуть ли ни четверть века после начала злключения с ее изданием, она появилась в свет [17, 18]. Однако автор не случайно сетовал, что «тысячу раз пожалел, что... решил печатать книгу» в Топчихе. Качество полиграфии оказалось отвратительным, заглавие работы на странице с выходными данными было перепутано, две страницы текста во второй части, одна страница в хронологической таблице и условные обозначения под картой-схемой были пропущены, и их вместе с названием пришлось заново отпечатывать и вклеивать вручную. Кроме того, книга публиковалась в двух частях по 500 экземпляров каждая. Типография же умудрилась первую часть издать в количестве 700 экземпляров, а вторую – 300! [6. Л. 138–139]. Поистине подумаешь, что какой-то злой рок преследовал эту работу, написанную ценой невероятных усилий еще в конце 1960-х гг.

Таким образом, ученый сумел издать почти все, что подготовил по политической истории «Телеутской земли». Из задуманного не удалось опубликовать специальную работу по дальнейшей судьбе «выезжих телеутов», однако отдельные материалы по этой тематике были представлены в ряде его статей. Современные авторы, занимающиеся историей народов юга Западной Сибири, апеллируют к материалам А.П. Уманского при описании событийной стороны бурных событий русской колонизации, характеристике существовавших здесь этнополитических образований, изучении межгосударственных и межэтнических контактов. В целом комплексе сложных дискуссионных вопросов истории региона в XVII–XVIII вв. суждения и выводы ученого по-прежнему имеют существенный вес. В их числе заключение о военно-политических целях русско-телеутских договоров, установление времени и характера зависимости «Телеутской земли» от западномонгольских правителей, определение роли «выезжих белых калмыков» в формировании кузнецких и томских телеутов, критика как теории «завоевания», так и концепции бесконфликтного включения народов Южной Сибири в состав Российского государства [12. С. 52; 19. С. 96; 20. С. 64, 124, 126; 21. С. 176; 22. С. 8, 196; 23. С. 43; 24. С. 3, 22–23; 25. С. 12–13, 20–21, 24, 33]. Основанные на глубоком анализе обширного архивного материала труды А.П. Уманского получили высокую оценку в историческом сообществе, и по настоящее время он является признанным в научном мире специалистом по телеутской проблематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демин М.А. Археологические исследования А.П. Уманского на Алтае (1956–1963 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: исторические науки и археология. 2016. № 2 (90). С. 200–205.
2. Демин М.А. Историко-краеведческие исследования А.П. Уманского во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 1. С. 96–101.
3. Демин М.А. Ученый и бюрократия (к истории нереализованного варианта научной биографии А.П. Уманского) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 143–148.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 150.
5. Гейфе Н.А. Алексей Павлович Уманский как исследователь документов Российского государственного архива древних актов // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 76–89.

6. ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 149.
7. Уманский А.П. Великий труженик науки // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. Барнаул : АлтГПА, 2013. С. 13–28.
8. ГААК. Ф. Р-1820. Неописанные материалы.
9. ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 160.
10. ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 155.
11. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск : Наука, 1980. 296 с.
12. ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 189.
13. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.) / Ком. образования и науки Респ. Алтай, Науч.-метод. центр, Горно-Алт. гос. ун-т. Горно-Алтайск : Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1996. 396 с.
14. Модоров Н.С. Слово о коллеге // Вопросы археологии и истории Сибири: памяти профессора А.П. Уманского : сб. ст. / редкол.: Т.И. Баталова, М.А. Демин, Т.К. Щеглова. Барнаул : БГПУ, 2008. С. 165–169.
15. ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 151.
16. ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 128.
17. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века / Барнаульский государственный педагогический университет, Лаборатория исторического краеведения ; отв. ред. О.Н. Вилков : в 2 ч. Барнаул : Изд-во Барнаульского педагогического госуниверситета, 1995. Ч. I. 171 с.
18. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века / Барнаульский государственный педагогический университет, Лаборатория исторического краеведения ; отв. ред. О.Н. Вилков : в 2 ч. Барнаул : Изд-во Барнаульского педагогического госуниверситета, 1995. Ч. II. 221 с.
19. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное состояние / Н.В. Екеев (отв. ред.), Н.М. Екеева, Э.В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2014. 464 с.
20. Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках / науч. ред. Ю.В. Куперт. Томск : ТПУ, 1999. 434 с.
21. Функ Д.А. Телеуты. Общие сведения // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М. : Наука, 2006. С. 171–176.
22. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во, 1991. 256 с.
23. Екеев Н.В. Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы). Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2011. 232 с.
24. Тенгерев И.С. Теленгеты. Историко-этнографический очерк. Горно-Алтайск : Юч-Сюмер-Белуха, 2001. 79 с.
25. Кимеев В.М. Исторические судьбы телеутов. Кемерово : Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 2017. 142 с.

Dyomin Mikhail A. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia). E-mail: mademin52@mail.ru

A THORNY PATH TO SCIENCE

Keywords: Umansky; history; Teleuts; review; monograph; thesis.

The article is based on unpublished archival sources and reveals the vicissitudes associated with the publication of monographs and the defense of dissertations by the well-known Siberian historian and archaeologist Alexei Pavlovich Umansky. His contacts with the leading Russian humanitarians – Siberian experts: A.P. Okladnikov, L.P. Potapov, V.G. Mirzoev, L.R. Kyzlasov, N.A. Minenko, which are of interest for the study of scientific communication as one of the basic mechanisms of the functioning of the scientific community, are analyzed. The publication touches upon issues related to the daily scientific life of the researcher (“historiographical way of life”), as well as psychological problems caused by the need to overcome numerous difficulties on the way of scientific advancement. One of the conditions for the defense of a doctoral dissertation was the publication of the monograph, which for a provincial scientist within the existing system of organization of science was of great complexity. A tangible concrete help and substantial support to the competitor was provided by Academician A.P. Okladnikov.

The article for the first time examines the polemics between L.P. Potapov and A.P. Umansky and analyzes an anonymous review of his monograph, which was received by the Higher Attestation Commission. A conclusion about the superficial and tendentious nature of the review was made, largely based on historiographical stereotypes, often paying tribute to the political conjuncture.

Almost 15 years of life A.P. Umansky spent on overcoming all difficulties with the publication of the monograph and defending the dissertation work. At the same time, the paradox and even the tragedy of the situation with his scientific advancement lies in the fact that the main material on the topic was collected, and much of the work in the draft version was written in an earlier period, even before the beginning of the preparation of the doctoral dissertation. A huge part of the time and energy was subsequently spent on overcoming bureaucratic obstacles and solving various organizational matters. Thus it is necessary to pay tribute to persistence and purposefulness of the scientist, who after each failure managed to find the strength and to move again in the chosen direction.

Modern authors, dealing with the history of the peoples of the south of Western Siberia, appeal to the materials of A.P. Umansky in describing the eventual side of Russian colonization, describing the ethnopolitical formations that existed here, studying interstate and interethnic contacts. Based on a thorough analysis of the vast archival material, the judgments and conclusions of the researcher still have a significant weight, and he is a recognized expert in the scientific world on teleut problems.

REFERENCES

1. Demin, M.A. (2016a) A.P. Umansky's Archeological Research in Altai (1956–1963). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki i arkheologiya – Izvestiya of Altai State University Journal*. 2(90). pp. 200–205. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-36
2. Demin, M.A. (2016b) Istoriko-kraevedcheskie issledovaniya A.P. Umanskogo vo vtoroy polovine 1950-kh – nachale 1960-kh gg. [Local history studies of A.P. Umansky in the second half of the 1950s – early 1960s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1. pp. 96–101.
3. Demin, M.A. (2018) The scientist and the bureaucracy (to the history of the unrealized version of scientific biography of A. P. Umansky). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 51. pp. 143–148. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/51/20
4. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 150.
5. Gefke, N.A. (2013) Aleksey Pavlovich Umanskiy kak issledovatel' dokumentov Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov [Alexey Pavlovich Umansky as a researcher of documents of the Russian State Archive of Ancient Acts]. In: Demin, M.A. (ed.) *Voprosy arkheologii i istorii yuga Zapadnoy Sibiri* [Problems of Archeology and History of the South of Western Siberia]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. pp. 76–89.
6. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 149.
7. Umanskiy, A.P. (2013) Velikiy truzhenik nauki [The great researcher]. In: Demin, M.A. (ed.) *Voprosy arkheologii i istorii yuga Zapadnoy Sibiri* [Problems of Archeology and History of the South of Western Siberia]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. pp. 13–28.
8. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820.
9. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820.

10. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820.
11. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820.
12. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820.
13. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 160.
14. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 155.
15. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820.
16. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 189.
17. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820.
18. Modorov, N.S. (1996) *Rossiya i Gornyy Altay: politicheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i kul'turnye otnosheniya (XVII–XIX vv.)* [Russia and Gorny Altai: political, socio-economic and cultural relations (the 17th – 19th centuries)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University.
19. Modorov, N.S. (2008) Slovo o kollege [A word about a colleague]. In: Batalova, T.I., Demin, M.A. & Shcheglova, T.K. (eds) *Voprosy arkhologii i istorii Sibiri* [Problems of Archeology and History of Siberia]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 165–169.
20. Umanskiy, A.P. (1980) *Teleuty i russkie v XVII–XVIII vekakh* [Teleuts and Russians in the 17th – 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
21. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820.
22. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 151.
23. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 128.
24. Umanskiy, A.P. (1995) Teleuty i ikh sosedi v XVII – pervoy chetverti XVIII veka [Teleuts and their neighbours in the 17th century – the first quarter of the 18th centuries]. In: Vilkov, O.N. (ed.) *Barnaul'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, Laboratoriya istoricheskogo kraevedeniya* [Barnaul State Pedagogical University, Laboratory of Historical Local History]. Vol. 1. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
25. Umanskiy, A.P. (1995) Teleuty i ikh sosedi v XVII – pervoy chetverti XVIII veka [Teleuts and their neighbours in the 17th century – the first quarter of the 18th centuries]. In: Vilkov, O.N. (ed.) *Barnaul'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, Laboratoriya istoricheskogo kraevedeniya* [Barnaul State Pedagogical University, Laboratory of Historical Local History]. Vol. 2. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
26. Ekeev, N.V. (ed.) *Altaytsy: Etnicheskaya istoriya. Traditsionnaya kul'tura. Sovremennoe sostoyanie* [Altaians: Ethnic History. Traditional culture. The current state]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya.
27. Sherstova, L.I. (1999) *Etnopoliticheskaya istoriya tyurkov Yuzhnoy Sibiri v XVII–XIX vekakh* [Ethnopolitical history of the Türks of Southern Siberia in the 17th – 19th centuries]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
28. Funk, D.A. (2006) Teleuty. Obshchie svedeniya [Teleuts. General information]. In: Funk, D.A. & Tomilov, N.A. (eds) *Tyurkskie narody Sibiri* [Turistic peoples of Siberia]. Moscow: Nauka. pp. 171–176.
29. Samaev, G.P. (1991) *Gornyy Altay v XVII – seredine XIX v.: problemy politicheskoy istorii i prisoedineniya k Rossii* [Gorny Altai in the 17th – mid 19th century: problems of political history and accession to Russia]. Gorno-Altaysk: Altaiskoe knizhnoe izdatelstvo.
30. Ekeev, N.V. (2011) *Problemy etnicheskoy istorii altaytsev (issledovanie i materialy)* [Problems of Altai ethnic history (research and materials)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya.
31. Tengerekov, I.S. (2001) *Telengety. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Telengety. A Historical and Ethnographic Essay]. Gorno-Altaysk: Yuch-Syumer-Belukha.
32. Kimeev, V.M. (2017) *Istoricheskie sud'by teleutov* [The historical fate of the Teleuts]. Kemerovo: Kemerovo State University.

УДК 616.89(571.16)''19''
DOI: 10.17223/19988613/56/6

И.А. Дунбинский, Е.А. Костылева, А.Н. Сорокин

ВКЛАД НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ОРГАНИЗАЦИЮ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПРИЗРЕНИЯ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ НА МАТЕРИАЛАХ РАБОТЫ СЕКЦИИ ПСИХИАТРИИ ПЕРВОГО СЪЕЗДА ВРАЧЕЙ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1917 г.)

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-49-703004 p_мол_a «Университет и интеллектуальный капитал: исторический опыт и ответы на вызовы современности вузовского комплекса Томска в XX–XXI вв.».

На основании архивных документов, отчетной документации, а также материалов периодической печати реконструируется история работы секции психиатрии на Первом съезде врачей Томской губернии. Анализируются предложения и идеи, которые выдвигались членами научного сообщества Императорского Томского университета относительно перспектив развития сибирской психиатрии. Рассматривается комплекс мер, который был предложен представителями научного сообщества Императорского Томского университета для реализации выбранного вектора развития сибирской психиатрии.

Ключевые слова: 1917 г.; история психиатрии; призрение душевнобольных; К.Н. Завадовский; Томский университет; Томская губерния.

Известно, что совершенствование форм помощи душевнобольным происходило по мере того, как психиатрия превращалась в медицинскую дисциплину. В России начало данного процесса было инициировано учреждением в 1775 г. Екатериной II в губерниях Приказов общественного призрения, в числе функций которых были организация и управление приютами для умалишенных [1. С. 3].

В 1793 г. при Тобольском остроге было открыто первое в Сибири специализированное помещение для содержания и лечения душевнобольных, получившее название «сумасшедший дом». Данное помещение находилось в ведении смотрителя рабочего дома. В «рабочий, или смирительный дом» помещались «гуляки, люди непотребного поведения... ленивые, нищие... для проживания там и работы». В этом же рабочем доме отводились специальные комнаты, в которых изолировали от общества «буйных умалишенных и слабоумных» [2. С. 11–12].

В 1852 г. Приказом общественного призрения было открыто первое томское специализированное учреждение для умалишенных – психиатрическое отделение при томской городской тюрьме, располагавшееся в ветхом двухэтажном каменном флигеле в углу двора соматической больницы Приказа общественного призрения [Там же. С. 13, 20–21]. Отделение было рассчитано на 20 коек (15 мужских и 5 женских). Весьма скоро количество пациентов значительно превысило изначально запланированное число. В связи с этим около половины больных были вынуждены спать на полу. В помещении психиатрического отделения господствовала антисанитария, а температура внутри здания зимой не превышала 3 градусов по Цельсию [3. С. 111].

В 1893 г. внутри тюремного комплекса был возведен новый корпус. В 1895 г. по распоряжению томского губернатора Г.А. Тобизена в новом тюремном зда-

нии для душевнобольных были выделены две палаты «на нижнем этаже по Восточному фасаду здания» и «карцер, служивший неоднократно помещением для буйнопомешанных». Общее количество мест для душевнобольных выросло до 50 [4. Л. 64–66].

В 1900 г. при пожаре в тюремном комплексе сгорел «дом для душевнобольных». Однако через некоторое время на его месте был выстроен новый «желтый дом», который в 1909 г. официально прекратил свое существование, а его пациенты были переведены в Томскую окружную психиатрическую лечебницу для душевнобольных, открытую в том же году. Она фактически существовала как психоприемник, поскольку находилась в восьми верстах (12 км) от города [2. С. 22].

В 1912 г. Ведомством общественного призрения при томской городской больнице было открыто новое психиатрическое отделение на 40 мест для приема «острых душевнобольных». Однако нужда в подобном заведении в Томске была настолько высока, что уже к августу 1912 г. в этом отделении лечилось до 100 пациентов [Там же. С. 22–23]. Вскоре был открыт еще один корпус (неподалеку от Никольской церкви, на нынешней улице Алтайской), увеличив количество мест для душевнобольных до 67 [Там же. С. 23].

Согласно отчету Томской губернской больницы за 1912 г., число поступивших в психиатрическое отделение достигло 228 пациентов, а в 1914 г. – 486. Данная ситуация усугублялась практически полным отсутствием врачебной помощи. Пациентами почти не занимались, не было никаких принципов распределения по палатам, в результате чего физически здоровые пациенты содержались с теми, кто был носителем инфекционных заболеваний, что приводило к очень высокой летальности среди них (до 30%) [5. 5 февр.].

С целью улучшения положения душевнобольных в Томске в 1915 г. губернский врачебный инспектор

А.А. Грязнов возбудил через начальника губернии ходатайство перед Министерством внутренних дел «об ассигновании кредитов для устройства при больнице Приказа лечебницы для душевнобольных на 350 коек». Однако в связи с начавшейся Первой мировой войной его прошение было отклонено [6. 14 июня].

Параллельно с описанными событиями со второй половины 1880-х гг. в Томской губернии шли длительные дебаты о необходимости открытия в городе лечебницы для душевнобольных, где пациентам мог бы оказать квалифицированную помощь специализированный медицинский персонал в удовлетворительных условиях [7. Л. 3–5].

Это было обусловлено не только возможностью качественного лечения душевнобольных, которому способствовал открытый в городе в 1888 г. университет, но и необходимостью изолировать пациентов, находившихся под судом или следствием. Кроме того, в Сибири, как в месте ссылки, пребывали достаточно опасные уголовные преступники, многие из которых по прошествии длительного тюремного заключения приобрели ряд психических расстройств [2. С. 26].

22 июня 1903 г. состоялась закладка Томской окружной больницы для душевнобольных. В 1908 г. возведение и отделка здания были окончательно завершены, а 25 октября 1909 г. состоялось его торжественное открытие [Там же. С. 26–34]. Первым директором стал ученик академика В.М. Бехтерева, приват-доцент (с 9 января 1909 г.), а затем экстраординарный профессор (с 24 апреля 1912 г.) Императорского Томского университета Н.Н. Топорков [8. С. 23]. В 1915 г. его на посту сменил Б.И. Воротынский [9. С. 74].

Лечебница была рассчитана на 1 050 коек, из них 850 предназначались для больных Сибирского края (для Томской губернии – 265 коек, для Тобольской губернии – 180, для Енисейской губернии – 75, для Иркутской губернии – 60, для Забайкальской губернии – 85, для Семипалатинской губернии – 85, для КВЖД – 15 коек), 100 коек – для испытуемых подследственных арестантов и 100 коек – для частных пациентов за плату. Однако уже к июлю 1910 г. Енисейская, Иркутская и Томская губернии не только заполнили отведенные места, но имели сверхштатных пациентов [10. С. 72]. Пациентов в больницу доставляли из самых отдаленных мест Сибири, нередко в цепях, кандалах, связанных веревками [2. С. 45–46].

Ввиду острой нехватки компетентных медицинских кадров в Томске штат Томской окружной лечебницы был сформирован Н.Н. Топорковым из опытных лиц, служивших или служащих в других лечебницах России. Так, им были приглашены: ординаторы Н.А. Жданов и А.Г. Болдырев, надзиратели Степанов, Смотрицкий, Петрашкевич, Атландеров и др. [Там же. С. 38]. Благодаря их усилиям Томская окружная лечебница с самых первых дней своей работы взяла курс не только на призрение, но и на эффективное лечение своих пациентов. Так, сотрудники данной лечебницы одними из

первых в России стали широко применять метод трудотерапии душевнобольных, который оказался разделен на внутриотделенческое и внестационарное лечение. Внутриотделенческая терапия проходила для мужской половины пациентов в сапожной, портняжной, переплетной и корзиночной мастерских, а для женской – в белошвейной и ткацкой мастерских. Внестационарная терапия для пациентов была связана с занятиями садоводством, сельскохозяйственной работой в поле, животноводством, а также работой на лесопилке [11. С. 10].

Своеобразной формой занятости были выпуск пациентами собственного журнала «Думы», а также участие в работе духового оркестра и оркестра балалаечников при Томской окружной лечебнице. Широко применялись и более традиционные способы лечения, например электро- и водолечение, однако наркотики и снотворные, по словам Н.Н. Топоркова, назначались лишь в самом крайнем случае [10. С. 36–40]. Многие приемы и методы, применяемые в работе лечебницы в те годы, не потеряли своего значения до настоящего времени.

Наряду с лечением душевнобольных лечебница осуществляла экспертную работу по освидетельствованию лиц на предмет дееспособности. Сотрудники лечебницы принимали участие в работе III съезда отечественных психиатров (1909), успешно участвовали в гигиенической выставке в Омске (1910), в Международной гигиенической выставке в Дрездене (1911), во Всероссийской гигиенической выставке в Петербурге (1913) [12. 24 марта]. Врачи Томской окружной лечебницы для душевнобольных не только занимались написанием научных статей, но и совершали исследовательские командировки [2. С. 62–63].

Однако несмотря на всю работу, которая осуществлялась в стенах Томской окружной психиатрической лечебницы, введение ее в эксплуатацию не вызвало существенных улучшений в ситуации с лечением душевнобольных пациентов в масштабах всей Сибири. [13. С. 130]. Одной из причин этого стал тот факт, что психиатрические койки были распределены весьма неравномерно. Так, Томская психиатрическая лечебница должна была обслуживать территорию, на которой проживали 7–8 млн человек, однако фактически психиатрическая помощь оказывалась лишь 2% нуждающимся. По оценке специалистов тех лет, для того, чтобы удовлетворить в полном объеме запрос Сибири на оказание психиатрической помощи, необходимо было создать дополнительно не менее 4 тыс. коек помимо Томской окружной больницы [14. С. 208].

Другой причиной ухудшения ситуации с лечением душевнобольных в Сибири стала острая нехватка медицинских работников, большинство из которых было мобилизовано в ряды Русской армии в связи с Первой мировой войной. «Если до войны, – писала газета “Сибирский врач”, – в постановке медицинского дела в Томской губернии оставалось желать очень и очень много, то со времени призыва на войну до 2/3 общего

количества врачей и 3/4 фельдшеров [ушло на фронт], население осталось почти без медицинской помощи» [6. 1917. 8 янв.].

Усугублялась эта проблема тем, что за годы своей работы Императорский Томский университет подготовил весьма мало психиатров. Так, в сентябре 1917 г. на Первом съезде врачей Томской губернии директор Томской окружной лечебницы для душевнобольных, выпускник медицинского факультета Московского университета Г.Г. Нахсидов отмечал: «...25 лет существует Томский университет, который рассылал по Сибири много специалистов различных отделов медицины, лишь одни душевнобольные забыты университетом. Нет отдельной кафедры психиатрии, нет специальной клиники; естественно, что одно теоретическое преподавание практической отрасли медицины, психиатрии, требующей больше наблюдения, чем всякая другая специальность, не может привлекать внимание молодых врачей, заинтересовать и создать кадры врачей специалистов» [15. С. 61].

В качестве третьей причины можно отметить нестабильную обстановку в России в начале XX в.: Русско-японская война, Первая Русская революция, Первая мировая война, а затем Февральская революция спровоцировали резкий рост душевнобольных не только в Сибири, но и в целом на территории Российской империи. Так, по отчетам Управления главного врачебного инспектора, количество поступивших душевнобольных в гражданские отделения империи «в 1916 г. до 18% увеличилось против предыдущего года» [14. С. 208]. Одновременно из-за многолетней войны, а затем вспыхнувшей революции произошло резкое снижение материального обеспечения психиатрических учреждений Сибири, которым стало не хватать финансирования не только на покупку медикаментов, но даже на приобретение одежды для пациентов. Это, в свою очередь, привело к росту летальности среди душевнобольных, достигавшей в этот период 50% [2. С. 50].

Поскольку большинство из перечисленных проблем были общими для всех медицинских учреждений Томской губернии, а центральная власть была парализована произошедшей в это время революцией и истощающей казну войной, местными врачами было принято решение об организации и проведении Первого съезда врачей Томской губернии. 9 сентября 1917 г. в актовом зале библиотеки Томского университета состоялось торжественное открытие съезда, а 14 сентября 1917 г. там же состоялось его торжественное закрытие. Всего на заседаниях съезда под председательством доктора А.А. Станкеева приняли участие 309 человек, из них: 112 врачей, 10 фармацевтов, 2 зубных врача, 183 фельдшеров, фельдшериц и акушерок, 1 делегат был от студенчества и 1 инженер. Кроме того, в работе съезда участвовали 60 почетных членов съезда. За 5 дней работы Первого съезда врачей Томской губернии на 9 секциях было прочитано около 40 докладов, в ходе которых собравшиеся врачи и медицинский пер-

сонал Томской губернии попытались найти новый вектор развития сибирской медицины в сложившихся непростых обстоятельствах. Среди секций, действующих во время работы съезда, также была организована секция психиатрии [5. 1917. 14 сент.; 6. 1917. 10 сент.].

Ее заседания проходили 12 и 13 сентября 1917 г. под председательством доктора Г.Г. Нахсидова. В работе секции приняли участие профессора Томского университета: К.Н. Завадовский, С.В. Лобанов, Н.Я. Новомбергский; доктора: А.К. Кузминский, К.Е. Гнедовская, А.Н. Иванов, В.В. Корелин, М.И. Юрьева, В.А. Райхл, Н.И. Плоскирев, В.А. Матвеева, Е.Д. Ковалевская, А.А. Станкеев, Г.Е. Сибирцев, Бахеидов и студент А.П. Беляев [6. 1917. 24 сент.].

В ходе работы секции участники заслушали и обсудили ряд докладов, посвященных работе психиатров в Томской губернии. Несмотря на представленное разнообразие тем, весь спектр затронутых в них проблем можно условно разделить на две части: доклады, посвященные функционированию учреждений, которые должны заниматься оказанием помощи душевнобольным, и доклады, посвященные формированию квалифицированных медицинских кадров для данных заведений.

После победы Февральской революции важнейшим принципом реализации региональной власти стал принцип самоуправления, который «должен был касаться всех сторон жизни и всех интересов местного населения». Исходя из этого, на городские народные собрания и уездные земства возлагалась обязанность заботиться о больных местных жителях [16. С. 63]. В этой связи приват-доцентом (с 12 августа 1911 г.), а затем профессором (с 1920 г.) Томского университета К.Н. Завадовским [17. С. 141] была предложена поэтапная система помощи душевнобольным в Томской губернии. В ходе работы секции психиатрии идеи К.Н. Завадовского не только были приняты его коллегами, но и существенно дополнены.

Как известно, для эффективного лечения психических болезней важным условием является своевременное диагностирование болезни. Поэтому в процессе работы секции было предложено организовать при каждой участковой больнице помещение для приема душевнобольных, откуда по решению участкового врача пациента могли доставить на лечение в психиатрическую больницу [18. С. 100–101]. Кроме того, В.А. Матвеева предложила возложить на участковых врачей задачу по сбору анамнеза пациентов через «однородный для всех больниц» опросник, что, по ее расчетам, должно было существенно улучшить качество лечения больного. Однако идея о сборе анамнеза была отвергнута участниками съезда по причине «чрезвычайной загруженности участковых врачей» [Там же. С. 102].

Профессиональную «больничную» помощь пациентам предполагалось оказывать в уездных и волостных (для сельского населения) больницах, организацию и финансирование которых должны были взять на себя

земства. Для полного обеспечения потребностей Томской губернии в лечении душевнобольных, согласно расчетам К.Н. Завадовского, требовалось открыть 2–3 межездные больницы и 1 больницу для Нарымского края [16. С. 70]. Планировалось, что первая подобная межездная больница будет обслуживать население Томского, Мариинского и Новониколаевского уездов, занимая отдельное здание, рассчитанное на 500 коек. В том же здании планировали выделить 200–300 коек для временного размещения «остатков» межгубернской больницы, которая должна была обслуживать Томскую, Алтайскую, Тобольскую, Омскую, Семипалатинскую и Енисейскую губернии. В этом отделении предполагалось разместить «душевнобольных арестантов, испытуемых и предназначенных к уголовно-психиатрической экспертизе для предварительного наблюдения, а также некоторых эпилептиков». Подчеркивалось, что содержание указанных пациентов должно быть строго изолировано от гражданских больных, а финансирование производится исключительно за счет государства [16. С. 68].

Кроме того, К.Н. Завадовский наметил план организации работы психиатрических больниц, согласно которому больницы должны стать полностью автономными в вопросах психиатрического лечения при сохранении связи с другими медицинскими учреждениями своего района. Руководящая роль в решении вопросов о лечении и содержании пациентов должна была принадлежать врачу, заведующему больницей. Однако внутренний распорядок работы больницы устанавливался коллегиальным решением заведующего врача, представителя Попечительного совета о душевнобольных, врачами ординаторами и представителями вспомогательного медицинского персонала, которые в совокупности должны «образовать Больничный совет под председательством врача-заведывающего» [19. С. 73].

В целях защиты прав душевнобольных предполагалось создавать при больницах Попечительные советы, которые должны были заниматься «общим контролем [над] призрением душевнобольных» в отдельной больнице, а также следить за экономической деятельностью медицинского учреждения. Кроме того, при желании «неравнодушная общественность» могла «проявить заботу о душевнобольных» через Общество попечения о душевнобольных. По задумке К.Н. Завадовского, это общество могло способствовать развитию психиатрической помощи в своем регионе, а также поддерживать пациентов больницы после их выписки через общество Попечительства над душевнобольными [Там же. С. 74]. Кроме того, для формирования единого вектора развития психиатрической помощи в губернии предлагалось создать Губернский психиатрический совет, в состав которого должны войти все врачи психиатры губернии, представители губернского земства и представители врачебно-санитарных организаций губернии [Там же. С. 75].

Наем квалифицированных кадров в больницах предполагалось проводить в два этапа: сначала претен-

дента должны были избирать на Больничном совете, а затем утверждать на Попечительном совете. Весь прочий вспомогательный персонал мог избираться и назначаться по усмотрению заведующего больничного отделения, который был лично ответственен «за постановку дела в своем отделении» [19. С. 74–75]. После оказания интенсивной медицинской помощи пациентам из психиатрических больниц планировали переводить на лечение в Томскую окружную психиатрическую лечебницу, где в колонии для душевнобольных через трудотерапию они должны были пройти курс реинтеграции в общество [16. С. 69].

Несмотря на сравнительно высокое качество лечения, как показал опыт томских врачей, через некоторое время после начала своей работы «больница быстро оказывается переполненной больными, среди которых много спокойных и безобидных хроников, затрудняющих прием острых больных». Относительно психиатрической больницы это также будет справедливо. Исходя из этой тенденции, было предложено организовать в Томской губернии семейное призрение, т.е. попечение над безобидными хроническими больными в своих и чужих семьях под наблюдением лечащего врача-психиатра [15. С. 58–59].

Однако эта идея встретила достаточно сильное сопротивление со стороны части участников съезда. Так, среди «побочных влияний» было выделено, во-первых, негативное давление душевнобольных на психику детей, которые могут проживать с ними в одной семье. Во-вторых, существовала высокая вероятность того, что в сельской местности душевнобольных начнут эксплуатировать исключительно как рабочую силу, пренебрегая их лечением. В-третьих, отмечалось, что семейный патронаж крайне сложно организовать в условиях, когда больные живут дисперсно, а в губернии стоит острая нехватка врачебного и фельдшерского персонала. Исходя из этого, семейное призрение было названо идеалистической мерой. Поэтому К.Н. Завадовский призвал собравшихся ограничиться призрением спокойных хронических душевнобольных в специальных колониях [20. С. 99]. Те же пациенты, которые успешно завершили бы курс лечения и были признаны готовыми к полноценной и самостоятельной жизни в социуме, по предложению Г.Г. Нахсидова, должны были ставиться на учет участковой больницы для контроля над их текущем состоянием. В целях облегчения их адаптации планировалось организовать участковое попечительство [15. С. 60–61].

Помимо создания межездных психиатрических больниц К.Н. Завадовским была выдвинута идея организации специального нервного отделения для лечения таких специфических заболеваний, как «экзостозы, изменения суставов и нервных стволов, простудные невриты, хронический ревматизм мышц и суставов». Особенно отмечалось то, что число подобных заболеваний постоянно увеличивается главным образом из-за многолетней войны, подчеркивая значимость открытия

подобного отделения в Сибири [16. С. 63, 65]. С целью организации эффективного лечения К.Н. Завадовский планировал использовать в неврологическом отделении наиболее современные на тот момент методы лечения, например водо-, электросветолечение, массаж, гимнастику, впоследствии надеялся внедрить механотерапию, а также использование грязи из Карачинского озера [Там же. С. 64–65]. Однако эта его идея не нашла отклика среди остальных участников съезда.

Другой проблемой, рассмотренной в процессе работы секции психиатров, стала подготовка квалифицированных кадров для работы с душевнобольными. Как отмечалось, за 25 лет своей работы Томский университет так и не смог организовать непосредственную подготовку врачей-психиатров. В университете психиатрия преподавалась лишь в качестве теоретической дисциплины и не являлась рекомендованным курсом. Для нее не предусматривалась отдельная кафедра, не было специализированной клиники, где студенты могли бы практиковаться в данном направлении [Там же. С. 61]. Отсюда вполне естественно то, что после окончания университета большинство молодых специалистов не собирались связывать свою жизнь с психиатрией. Но даже при наличии стремления стать практикующим врачом-психиатром у молодого специалиста не было возможности получить должную квалификацию для осуществления такого рода врачебной деятельности.

В целях улучшения качества преподавания психиатрии в университете К.Н. Завадовским было предложено включить изучение психиатрии на медицинском факультете в учебную программу «хотя бы в виде курса рекомендованного» [21. С. 85]. Участники съезда также выражали надежду на то, что к теоретическому курсу психиатрии добавят практическую составляющую: непосредственную работу студентов с душевнобольными «для личного участия студентов в изучении душевнобольных и для некоторого ознакомления со способами ухода за ними». Отметим, что аналогичного рода практические занятия в университете к тому моменту уже осуществлялись по отношению к соматическим больным в рамках иных дисциплин [Там же. С. 83]. Поскольку Томский университет не имел собственной психиатрической клиники, предполагалось, что в случае добавления практических занятий в курс психиатрии они будут проходить «первое время» на территории Томской окружной лечебницы для душевнобольных [Там же. С. 87].

Помимо острой нехватки врачей-психиатров также существовала потребность в квалифицированном и опытном обслуживающем персонале. Так, среди «низшего» персонала при Томской окружной лечебнице около 5% окончили школу грамоты, а при приеме на работу им нужно было предъявить лишь паспорт [21. С. 81]. «Средний» персонал, в который были включены надзиратели и их помощники, помимо наличия паспорта должны были владеть грамотой, однако никакой специальной подготовки от них также не тре-

бовалось. Наиболее образованными среди персонала были фельдшеры, большинство из которых окончили Томскую акушерско-фельдшерскую школу, но в процессе их обучения психиатрия стояла на одном из последних мест, являясь только теоретическим курсом, отчего практический опыт в процессе обучения ими приобретен не был [21. С. 82].

Желая изменить сложившуюся ситуацию, доктора М.И. Юрьева и В.А. Райхл предложили следующие меры: во-первых, организовать специальные курсы для подготовки молодого служащего персонала к уходу за душевнобольными; во-вторых, специально для «низшего» персонала открыть школу грамотности; в-третьих, создать специальные курсы для среднего персонала; в-четвертых, начать вести практические занятия по психиатрии у фельдшеров [22. С. 83]. Все предложенные меры вызвали одобрение у участников съезда.

Красной нитью в большинстве докладов, сделанных на секции, проходила идея о необходимости провести перепись количественного и качественного состава душевнобольных в Томской губернии. Это необходимо было сделать для того, чтобы рассчитать оптимальное количество коек в планируемых межурездных психиатрических больницах, а также понять, какое количество врачей и служащего персонала требуется для лечения пациентов [15. С. 56–57].

В ходе работы секции были намечены определенные шаги, направленные на реализацию оглашенных на съезде идей. Так, во-первых, доклад К.Н. Завадовского об организации работы в психиатрических больницах был передан для выработки общей резолюции [6. 1917. 24 сент.; 23. 16–17 сент.]. Во-вторых, было предложено избрать специальную комиссию из профессоров, младших преподавателей, студентов и представителей съезда для организации специальных курсов для младших служащих [21. С. 91–92]. В-третьих, признавая, что в университете на тот момент не было специалистов, способных прочесть курс лекций общественной медицины по психологии и истории медицины, профессор С.В. Лобанов взял на себя инициативу организовать чтение этих курсов в форме сообщений в рамках студенческого Пироговского общества [Там же. С. 92]. В-четвертых, в целях проведения переписи душевнобольных Томской губернии участники съезда предложили обратиться за помощью к Томскому городскому народному собранию [16. С. 72].

Однако в конечном итоге эти меры были реализованы лишь частично, так как уже в октябре 1917 г. победила Октябрьская революция, а вслед за ней последовали Гражданская война и интервенция. После некоторой стабилизации дел в стране в 1920 г. был создан институт врачей-интернов, учеба в котором предоставила возможность всем желающим изучить основы психиатрии, после чего они зачислялись в штатные ординаторы. Также дефицит квалифицированного медицинского персонала в это время породил феномен «выдвиженок», который заключался в том,

что из числа санитарок врачами отбирались способные девушки, с которыми врачи проводили занятия на дому. После завершения обучения этими девушками укомплектовывался средний медицинский персонал в больницах [2. С. 107].

Стоит отметить, что все следующие десятилетие после 1917 г. положение пациентов в психиатрических больницах оставалась на уровне дореволюционных лет [Там же. С. 89]. Однако врачи не оставляли попыток улучшить условия содержания своих пациентов. Так, например, в апреле 1928 г. директором больницы Н.А. Донковым был поднят вопрос о строительстве второй в Сибири больницы для душевнобольных в Барнауле на 500 коек, но из-за финансовых трудностей проект не был реализован [2. С. 84]. 11 марта 1930 г. состоялось торжественное открытие психиатрической клиники при Томском государственном университете

на 20 человек, что позволило вести преподавание психиатрии для студентов университета на «собственных» пациентах [2. С. 104]. Кроме того, в Сибири была организована психиатрическая помощь детям [Там же. С. 84].

В целом рассматривая идеи, высказанные на секции психиатрии, с позиций настоящего, нельзя не отметить масштабность планируемых преобразований. Практически с нуля планировалось создать трехступенчатую систему лечения душевнобольных в Томской губернии, которая затем, в случае успеха, могла быть распространена по всей Сибири [15. С. 58; 20. С. 98]. Стоит отметить, что в настоящее время многие из идей, которые были выдвинуты участниками съезда в сентябре 1917 г., оказались реализованы в рамках современной системы психиатрического лечения, например водолечение, гимнастика, семейное призрение и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьмичев А.В. Создание и деятельность приказов общественного призрения в последней четверти XVIII – первой половине XIX века : автореф. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. 26 с.
2. Потапов А.И., Агарков А.П., Грибовский М.В., Некрылов С.А. Очерки по истории психиатрической помощи в городе Томске (к 100-летию психиатрической больницы). Томск, 2008. 342 с.
3. Андрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. 433 с.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 26. Д. 262.
5. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая выходит в г. Томске ежедневно, за исключением дней послепраздничных. Томск, 1915.
6. Сибирский врач. Газета научной и общественной медицины и врачебного быта. Томск, 1915.
7. ГАТО. Ф. 3. Оп. 42 Д. 1822.
8. Фоминых С.Ф. П.А. Столыпин в Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1 (17). С. 19–24.
9. Некрылов С.А. Из истории сибирской психиатрии – к биографии профессора Бронислава Ивановича Воротынского (1865–1925) // Сибирский медицинский журнал. 2015. Т. 30, № 4. С. 73–74.
10. Топорков Н.Н. Томская окружная лечебница для душевнобольных // Город Томск. 1912. С. 72–78.
11. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. М. : Академический проект, 2000. 460 с.
12. Сибирская врачебная газета. Выходит еженедельно в Иркутске / под ред. П.И. Федорова. Иркутск, 1913.
13. Семенова К.А. Томское здравоохранение в трудах дореволюционных авторов // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3 (4). С. 127–132.
14. Труды III съезда отечественных психиатров, изданные Организационным Комитетом / под ред. акад. В.М. Бехтерева. СПб., 1911. 910 с.
15. Нахидов Г.Г. План организации попечения о душевнобольных в Томской губернии // Труды первого съезда врачей Томской губернии / под ред. доктора П.И. Чистякова (9–14 сентября 1917 г.). Томск, 1917. Вып. II. С. 54–62.
16. Завадовский К.Н. К вопросу об организации нервно-психиатрической помощи населению г. Томска и несколько слов по поводу организации призрения душевнобольных в губернии // Труды первого съезда врачей Томской губернии / под ред. доктора П.И. Чистякова (9–14 сентября 1917 г.). Томск, 1917. Вып. II. С. 62–72.
17. Профессора Томского университета: Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун и др. Томск, 1998. Т. 2. 544 с.
18. Матвеева В.А. Первая помощь душевнобольным (помещение для душевнобольных при участковой больнице) // Труды первого съезда врачей Томской губернии / под ред. доктора П.И. Чистякова (9–14 сентября 1917 г.). Томск, 1917. Вып. II. С. 100–103.
19. Завадовский К.Н. К вопросу об организации управления психиатрическими больницами // Труды первого съезда врачей Томской губернии / под ред. доктора П.И. Чистякова (9–14 сентября 1917 г.). Томск, 1917. Вып. II. С. 73–76.
20. Ковалевская Е.Д. О семейном призрении душевнобольных // Труды первого съезда врачей Томской губернии / под ред. доктора П.И. Чистякова (9–14 сентября 1917 г.). Томск, 1917. Вып. II. С. 92–100.
21. Завадовский К.Н. К вопросу о подготовке врачей психиатров, с обращением внимания на местные условия // Труды первого съезда врачей Томской губернии / под ред. доктора П.И. Чистякова (9–14 сентября 1917 г.). Томск, 1917. Вып. II. С. 83–92.
22. Юрьева М.И., Райхл В.А. О подготовке служительского, надзирательского и фельдшерского персонала в лечебницах для душевнобольных // Труды первого съезда врачей Томской губернии / под ред. доктора П.И. Чистякова (9–14 сентября 1917 г.). Томск, 1917. Вып. II. С. 76–83.
23. Голос свободы. Орган Томского губернского народного собрания. Томск, 1917.

Dunbinskiy Ilya A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Kostyleva Eva A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: idafrei@yandex.ru

Sorokin Alexander N. Tomsk State University (Tomsk, Russia). Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: soranhist@yandex.ru

CONTRIBUTION OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY OF THE IMPERIAL TOMSK UNIVERSITY TO THE ORGANIZATION OF PSYCHIATRIC CARE AND CHARITY OF THE MENTALLY ILL ON THE MATERIALS OF THE SECTION OF PSYCHIATRY OF THE FIRST CONGRESS OF DOCTORS OF TOMSK PROVINCE (1917)

Keywords: 1917; history of psychiatry; care of the mentally ill; K.N. Zavadovsky; Tomsk University; Tomsk province.

The purpose of this article is to reconstruct the contribution of the scientific community of the Imperial Tomsk University to the development of psychiatric care for mentally ill people in Tomsk province. Analysis of the proposals and ideas put forward by the staff of the University during the work of the section of psychiatry of the first Congress of doctors of Tomsk province, as well as mechanisms for their implementation in the

future. The object of study is the organization of psychiatric care in Siberia in the early twentieth century and the subject – the activities of the scientific community of Tomsk University in the section of psychiatry at the First Congress of doctors of Tomsk province.

To solve this problem the authors analyzed participants' reports of the section of psychiatry. The authors identified the ideas and proposals on the modernization of the system of treatment of the mentally ill in the province of Tomsk, which were made in the reports of the participants of the Congress. Then these ideas and suggestions were converted into a single concept of development of psychiatry in the Tomsk province. In the final part of the study the authors examined the measures that have been proposed and embodied in the final resolution participants of the section.

As the source base of the study should be noted, first, the documents stored in the State Archive of Tomsk region, which made it possible to reliably reflect the stages of development of the Siberian psychiatry. Second, the records of the First Congress of doctors of the Tomsk province, on the basis of which the ideas and suggestions that were later included in the proposed concept of development of the Siberian psychiatry were identified. Third, articles in the periodical press, which highlighted the attitude of the Siberian public to this phenomenon.

In the course of the study, the authors came to the conclusion that, despite the fact that during the meetings of the section of psychiatry at the first Congress of doctors of Tomsk province the scientific community of the Imperial Tomsk University developed a certain vector of development of this field of medicine. However, the measures that were to facilitate the implementation of the plans, in conditions of revolution and then by the ensuing civil war could not be implemented. The authors note that if we consider the ideas of the section of psychiatry from the today standpoint, it is impossible not to note the scale of the planned reforms. From scratch it was planned to create three-level system of treatment of the mentally ill in the province of Tomsk, which then, if successful, could be extended to the entire territory of Siberia. Currently, many of the ideas that were put forward by the participants of the Congress in September, 1917, were implemented in the framework of the modern system of psychiatric treatment, for example, hydrotherapy, gymnastics, family care, etc.

REFERENCES

1. Kuzmichev, A.V. (2012) *Sozdanie i deyatelnost' prikazov obshchestvennogo prizreniya v posledney chetverti XVIII – pervoy polovine XIX veka* [The formation and functioning of public charity institutions in the last quarter of the 18th – the first half of the 19th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Yaroslavl.
2. Potapov, A.I., Agarkov, A.P., Gribovskiy, M.V. & Nekrylov, S.A. (2008) *Ocherki po istorii psikiatricheskoy pomoshchi v gorode Tomske (k 100-letiyu psikiatricheskoy bol'nitsy)* [Essays on the history of psychiatric care in the Tomsk (on the centennial of the psychiatric hospital)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Andrianov, A.V. (1890) *Gorod Tomsk v proshlom i nastoyashchem* [Tomsk in the Past and Present]. Tomsk: Sibirskiy knizhnyy magazin Mikhaylova i Makushina.
4. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 26. File 262.
5. *Sibirskaya zhizn'*. (1915).
6. *Sibirskiy vrach*. (n.d.).
7. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 42 File 1822.
8. Fominykh, S.F. (2012) P.A. Stolypin Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(17). pp. 19–24. (In Russian).
9. Nekrylov, S.A. (2015) From the history of the Siberian psychiatrist – to the biography of Bronislav I. Vorotynskiy (1865–1925). *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal – Siberian Medical Journal*. 30(4). pp. 73–74. (In Russian). DOI: 10.29001/2073-8552-2015-30-4-73-74
10. Toporkov, N.N. (1912) Tomskaya okruzhnaya lechebnitsa dlya dushevnobol'nykh [Tomsk district hospital for the mentally ill]. In: *Gorod Tomsk* [Tomsk]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela v Tomske. pp. 72–78.
11. Korolenko, Ts.P. & Dmitrieva, N.V. (2000) *Sotsiodinamicheskaya psikhiriya* [Sociodynamic psychiatry]. Moscow: Akademicheskii proekt.
12. *Sibirskaya vrachebnaya gazeta*. (1913).
13. Semenova, K.A. (2008) Tomskoe zdravookhranenie v trudakh dorevolutsionnykh avtorov [Tomsk public health in the works of pre-revolutionary authors]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(4). pp. 127–132.
14. Bekhterev, V.M. (ed.) (1911) *Trudy III s'ezda otechestvennykh psikiatrov, izdannye Organizatsionnym Komitetom* [Works of the Third Congress of Russian Psychiatrists, published by the Organizing Committee]. St. Petersburg: [s.n.].
15. Nakhsidov, G.G. (1917) Plan organizatsii popecheniya o dushevnobol'nykh v Tomskoy gubernii [The plan of the organization of care for the mentally ill in Tomsk Province]. In: Chistyakov, P.I. (ed.) *Trudy pervogo s'ezda vrachey Tomskoy gubernii* [Proceedings of the First Congress of Doctors of Tomsk Province]. Tomsk: [s.n.]. pp. 54–62.
16. Zavadovskiy, K.N. (1917) K voprosu ob organizatsii nervno-psikiatricheskoy pomoshchi naseleniyu g. Tomska i neskol'ko slov po povodu organizatsii prizreniya dushevnobol'nykh v gubernii [On the organization of neuropsychiatric assistance to the population of Tomsk and a few words about the organization of the care of the mentally ill in the province]. In: Chistyakov, P.I. (ed.) *Trudy pervogo s'ezda vrachey Tomskoy gubernii* [Proceedings of the First Congress of Doctors of Tomsk Province]. Tomsk: [s.n.]. pp. 62–72.
17. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. et al. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk State University: A Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
18. Matveeva, V.A. (1917) Pervaya pomoshch' dushevnobol'nym (pomeshchenie dlya dushevnobol'nykh pri uchastkovoy bol'nitse) [First aid to the mentally ill (a room for the mentally ill at the local hospital)]. In: Chistyakov, P.I. (ed.) *Trudy pervogo s'ezda vrachey Tomskoy gubernii* [Proceedings of the First Congress of Doctors of Tomsk Province]. Tomsk: [s.n.]. pp. 100–103.
19. Zavadovskiy, K.N. (1917) K voprosu ob organizatsii upravleniya psikiatricheskimi bol'nitsami [On the organization of the management of psychiatric hospitals]. In: Chistyakov, P.I. (ed.) *Trudy pervogo s'ezda vrachey Tomskoy gubernii* [Proceedings of the First Congress of Doctors of Tomsk Province]. Tomsk: [s.n.]. pp. 73–76.
20. Kovalevskaya, E.D. (1917) O semeynom prizrenii dushevnobol'nykh [On the family charity of the mentally ill]. In: Chistyakov, P.I. (ed.) *Trudy pervogo s'ezda vrachey Tomskoy gubernii* [Proceedings of the First Congress of Doctors of Tomsk Province]. Tomsk: [s.n.]. pp. 92–100.
21. Zavadovskiy, K.N. (1917) K voprosu o podgotovke vrachey psikiatrov, s obrashcheniem vnimaniya na mestnye usloviya [On training psychiatrists with the focus on local conditions]. In: Chistyakov, P.I. (ed.) *Trudy pervogo s'ezda vrachey Tomskoy gubernii* [Proceedings of the First Congress of Doctors of Tomsk Province]. Tomsk: [s.n.]. pp. 83–92.
22. Yureva, M.I. & Raykhl, V.A. (1917) O podgotovke sluzhitel'skogo, nadziratel'skogo i fel'dsherskogo personala v lechebnitsakh dlya dushevnobol'nykh [On the training of attendants, supervisors and medical assistants in hospitals for the mentally ill]. In: Chistyakov, P.I. (ed.) *Trudy pervogo s'ezda vrachey Tomskoy gubernii* [Proceedings of the First Congress of Doctors of Tomsk Province]. Tomsk: [s.n.]. pp. 76–83.
23. *Golos svobody*. (1917).

УДК 378.4(571.16)“1920/1929”
DOI: 10.17223/19988613/56/7

А.О. Степнов

«ОХОТА НА ВЕДЬМ» В ТОМСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ МИКРОСОЦИУМЕ: К ПРОБЛЕМЕ МЕНТАЛЬНОГО БЫТИЯ РУССКОЙ ПРОФЕССУРЫ В УСЛОВИЯХ ДЕФОРМАЦИИ КЛАССОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В 1920-е гг.

На материалах архивной документации, периодической печати, источников личного происхождения рассматривается процесс «мутации» жизненного мира «старой» профессуры в период реализации красной антиутопии в 1920-е гг. Автор обращается к явлению радикализации бытия как к механизму генезиса «ментальной репрессии» в сообществе. Реализация ее проходила по принципу атаки на фундаментальные опоры классовой идентичности в профессорской корпорации: религиозный базис, патриархальный стиль жизни, моральную безопасность и вещную независимость.

Ключевые слова: научное сообщество; дискурс обыденности; русская профессура; классовая идентичность; 1920-е гг.

Вечером 10 мая 1928 г. в большой аудитории факультетских клиник Томского университета проходило чествование профессора М.Г. Курлова. Мероприятие было приурочено к 44-летнему юбилею научно-педагогической и врачебной деятельности старейшего в Сибири ученого-терапевта, которого коллеги не без гордости, столь свойственной стихии малого патриотизма, называли отцом сибирской бальнеологии.

Основатель сибирской школы терапевтов, пионер в деле обследования курортных мест азиатской части России, автор трудов по классификации минеральных источников края, в том числе книги «Бальнеология Сибири» (1928), ставшей настольной для врачей нескольких поколений, – профессор Курлов в своем ответном слове на приветственные телеграммы, присланные его учениками из разных городов страны, сказал, что «все пожелания его после многих лет работы в области сибирской бальнеологии сводятся к основанию при томском медфаке самостоятельной кафедры бальнеологии». «Научные работы сибирских бальнеологов и естественные целебные богатства края вполне заслуживают этой кафедры» [1. 1928. 10 мая], – отмечалось тогда на страницах местной газеты «Красное знамя».

Весь медицинский Томск в тот день готов был засвидетельствовать свое почтение перед ученым. Патриарху сибирской медицины был поднесен сборник статей по бальнеологии, составленный из трудов его учеников. Данный не лишенный символизма акт содержал в себе послание: дело всей жизни продолжается.

Выходец из дворянской среды, представитель «старой» профессуры, М.Г. Курлов и в годы советской власти сохранил свой авторитет в академической среде. В 1924 г. 40-летний юбилей его деятельности, празднование которого совпало с 30-летним юбилеем научной и педагогической деятельности другого профессора Томского университета В.В. Сапожникова, стал событием в жизни «Сибирского Оксфорда», достойным внимания явлением «на третьем фронте» молодого государства [1. 1924. 6 марта]. От Главного курортного управления

тогда пришло поздравительное письмо за подписью наркома здравоохранения и начальника управления Семашко и Могилевича (заместителя начальника Главного курортного управления). В нем были такие слова: «Главное курортное управление желает Михаилу Георгиевичу еще долго и долго продолжать его научную медицинскую работу» [2. Л. 53 об.].

В 1925 г. очередной выпуск «Известий Томского университета» был посвящен М.Г. Курлову [1. 1925. 22 июля]. Признание профессора со стороны сообщества нашло свое отражение и в октябре 1927 г., когда специальная комиссия при окрбюро секции научных работников Томска выдвинула его, наряду с 7-ю другими старейшими профессорами города, на соискание звания «Герой труда» [Там же. 1927. 25 окт.].

При всем этом было бы преждевременно делать оптимистические выводы относительно той роли, которая была уготована «новой», партийной культурой для «старых», «отживающих свой век» профессоров. То признание, которое находило выражение в публичной сфере, в рассматриваемый период имело свою мрачную тень. Под ней скрывалось не просто естественное при столкновении разных социально-психологических культур недоверие, но открытая враждебность, питавшаяся нормами партийной этики «без каких-либо авторитетов» [3. С. 144] и противопоставленная этике русского профессора, в силу исторического слома оказавшегося гостем в собственном доме.

«В настоящее время Курлов ветеран, предельный возраст (65 лет) уже давно кончился», – такова запись в характеристике профессора, составленной партиячейкой ТГУ и хронологически приблизительно совпадающей с юбилеем его деятельности в 1928 г. Лексика и тональность данных документов подчас не оставляют шанса питать иллюзии относительно манер и намерений их составителей. Данные характеристики лишь отчасти проясняют тот климат, который установился в старейшем научно-просветительском центре Северной Азии. «Партийная студенческая фракция вузовского совеща-

ния, – указывалось в характеристике, – ходатайствует перед фракцией Главпрофобра об отчислении профессора Курлова, а на его должность объявить конкурс... Можно сказать, что источник знаний для студентов в лице профессора Курлова иссяк». И далее: «Профессор одряхлел» [4. Л. 90 об.–91].

Следует отметить, что материальному положению, социальным аспектам существования, взаимоотношениям томской профессуры с властью в период 1920-х гг. посвящены главы монографии «Интеллигенция Сибири в первой трети XX в.: статус и корпоративные ценности», написанной коллективом новосибирских историков, а также отдельные работы С.А. Красильникова, Д.А. Александрова и др. (см.: [5–7] и т.д.). Характеристика профессорско-преподавательского корпуса Томского университета, социальный состав, материальное и социальное положение представителей корпорации профессоров г. Томска нашли отражение в монографии и кандидатской диссертации А.В. Литвинова [8, 9].

В связи с избранной тематикой нельзя обойти вниманием 1-й и 2-й тома фундаментального биографического словаря «Профессора Томского университета», изданного под редакцией профессора С.Ф. Фоминых [10, 11]. В данных работах содержатся биографии профессоров, работавших в университете в 1920-е гг.

Панорамное исследование отечественного научного сообщества, качественных сдвигов в дискурсе взаимоотношений властных структур и научной интеллигенции представлено в трудах профессора Э.И. Колчинского [12].

Известная сложность эпохи становления советской власти, инфильтрация новых ценностей в моральную ткань корпорации ученых определяет то времени могущее показаться излишним внимание к радикальным сторонам жизненного мира ученых. В настоящей статье рассматриваемая тенденция, быть может, находит крайнее выражение. Обозначенная в заголовке проблема заставляет нас заходить на ту территорию, которая при выборе иного фокуса подчас оказывается закрытой.

Классовая идентичность традиционно выражает не столько реальное положение вещей, сколько тот отпечаток, который оно накладывает на сознание человека. Корпоративный мир, ментальное состояние жителя эпохи экстремального исторического излома определяют границы территории, ныне погруженной в лету истории. И только карта этой территории, восстановленная по обрывкам прошлого, может дать нам хотя бы отдаленно коснувшееся истины знание о ментальном бытии человека, погруженного во тьму и, тем не менее, сохранившего «молчаливую» память об ушедшем мире.

Томская профессура, которая на заре советской эпохи сохраняла за собой бэкграунд исторического прошлого академического сообщества г. Томска, его традиции и классовый дух; которая, равно как и в целом профессорская корпорация дореволюционной России, определяла автономию в разряд высших ценно-

стей, являет собой яркий пример столкновения двух культур. Первые месяцы после восстановления советской власти в Томске в декабре 1919 г. устами профессора А.П. Пospelова были названы «временем бессовести» [13. Л. 8 об.].

Конечно же, было бы преувеличением связывать радикализацию повседневности профессуры лишь только с действиями и бездействием большевиков – она уходит корнями в события Первой мировой войны, Русской революции 1917 г., дальнейшей гражданской междоусобицы и едва найдет обвиняемого в образе определенной социальной силы. Вместе с тем именно советский период открывает иную страницу в истории русской профессуры, связанной с ее новой локализацией в сетке социальных взаимоотношений.

Новое время принесло трансформацию ключевых доминант повседневности: представлений о частном пространстве, взаимоотношений с миром вещей, внутренней иерархии корпорации. Бытовой шок стал органичным атрибутом социального спектакля в условиях политики диктатуры пролетариата и, вне всякого сомнения, заставлял вспоминать о минувшей, пускай и далекой от идеала, жизни как о «потерянном рае».

И жизнь эта действительно могла обеспечить главное: отсутствие автономии на уровне университетов компенсировалось непрерываемой автономией частной жизни – несвободна от власти была корпорация, но не русский профессор. Принадлежность к университетскому сообществу имела своим следствием высокий социальный статус. Так, после многолетней службы большинство профессоров получали чин статского или действительного статского советника (соответственно, V и IV чины по «Табели о рангах»). «Генералы» академического мира, таким образом, даже не имея потомственного дворянства, могли приобрести право на него за счет своей научно-педагогической деятельности. Они же нередко награждались орденами Российской империи [3. С. 111].

Служба в Томском университете имела свою специфику. Определялась она внутренней противоречивостью этого места: с одной стороны, отдаленного и провинциального, щедрого на суровый климат, а с другой – как полной романтики и очарования terra incognita, перспективной, как писал профессор И.А. Малиновский, «благодарной и плодотворной культурной работы на почти девственной, но богатейшей, плодороднейшей почве» [14. С. 340].

Все же неблагоприятные условия, которые нельзя не заметить при объективном подходе, задавали привилегированное положение томских профессоров, которые имели полуторное содержание в сравнении с профессорами из университетов Европейской России (4 500 руб. в год для ординарных профессоров). Кроме того, по истечении 5 и 10 лет службы им были положены прибавки в размере, соответственно, 20 и 40% от жалованья. Пенсия за 25 лет службы (20 с сибирской прибавкой 5 лет) назначалась в размере жалованья для

ординарного профессора, а за 30 лет (25 лет с сибирской прибавкой) – в размере полного содержания профессоров. Нельзя не заметить, что основной заработок профессоров дополнялся гонорарами от сбора за лекции со студентов, за преподавание по совместительству (кроме Императорского Томского университета и Томского технологического института, в гимназиях и училищах), а также за частную юридическую и медицинскую практику [10. С. 12–13].

Резюмируя, мы можем отметить: не будет преувеличением сказать, что профессора дореволюционной России, в чем и Томск не стал исключением, были более чем состоятельными людьми. Л.Н. Березнеговская, дочь профессора-медика Томского университета Н.И. Березнеговского, вспоминала, что в дореволюционную эру «все профессора в Томске покупали дома или красивые особняки – Тихов, Мыш, Курлов, Горизонтов и другие» [15. С. 143].

Подчеркивается при этом, что роль профессорско-преподавательского корпуса российской профессуры в общественно-политической жизни была существенно ограничена [3. С. 113]. Со всем тем русская профессура той эпохи – это бесспорно элитарная часть российского общества. И, быть может, получение автономии в 1917 г. как недостающего элемента в богатой социальной галерее корпорации во многом объясняет, что советы томских вузов поддержали Февральскую революцию и отказали в своей приверженности революции Октябрьской [16. 1917. 9 дек.].

Именно эта жизнь перешла в разряд прошедшего времени в 1920-е гг. Материальная независимость и моральный авторитет русского профессора стали предметом исторического исследования и ностальгического воспоминания. «Настроение томской профессуры – оплота и вдохновителя колчаковщины – подавленное и растерянное», – отмечалось в докладной записке Коллеги по управлению вузами г. Томска от 5 июля 1920 г. [17. С. 46].

Подверглась трансгрессии и система взаимоотношений ментора и ученика – профессора и студента. Как известно, по декрету СНК РСФСР «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)» от 2 сентября 1921 г., фактически выполнявшего функцию устава, в советы вузов наряду с профессорами стали входить не только преподаватели и научные сотрудники, а также представители местных губисполкомов, наркомата и т.д., но и студенты. Переформатирование структуры управления вузами шло в русле с ментальной революцией в сознании студента, с разрушением привычной до той поры субординацией в его взаимоотношениях с профессурой. Свою роль здесь сыграл и эпатажный шаг новой власти – пролетаризация студенчества.

В этой связи в годы действия данного законодательства имел место целый ряд любопытнейших эпизодов. Так, 27 февраля 1922 г. в правление Томского университета поступило два заявления студента и, по совместительству, секретаря правления физико-

математического факультета С.П. Волкова о том, что «в настоящее время он испытывает умаление своих прав» [18. Л. 40]. В одном из них Волков поведал, как 2 февраля в канцелярии факультета преподаватель Н.Н. Горячев потребовал от него подписать несколько документов. За отказом сделать это со ссылкой на то, что рассматриваемые в них вопросы не входят в ведение факультетского правления, последовало состоявшееся после очередного заседания «в очень деликатной форме» уведомление Волкова о том, что он подаст об этом заявление в правление университета.

«Он вскипел, – писал Волков о реакции на это упомянутого уже А.П. Поспелова – декана физико-математического факультета, – вскочил со стула и нанес мне оскорбление, заявив, что я пользуюсь своей принадлежностью к “господствующей партии” и предъявляю к нему неосновательные и невозможные требования, что я не имею права на это (это – право на участие в совещании профессоров и преподавателей), тем более что, по его собственному выражению, он является лицом, законно избранным, а что я таковым не являюсь». По словам Волкова, профессор Поспелов увенчал свою отповедь тем, что взял хранившуюся у студента печать факультета и «заявил, что он как декан за все отвечает и потому печать берет к себе на хранение» [Там же. Л. 58 об.].

Во втором заявлении студент-секретарь С.П. Волков посетовал на то, что не был приглашен на частное заседание профессоров и преподавателей факультета, состоявшееся 6 февраля того же года в кабинете при лаборатории неорганической химии. Вовремя узнав о заседании, Волков поспешил отметить его своим присутствием. Однако не встретил благожелательного приема со стороны декана. «Поспелов, – отмечал студент, – делал какой-то доклад собравшимся... Декан, видя мое желание остаться на этом заседании, обратился ко мне с вопросом: “Больше ничего?” и проявил определенное желание, чтобы я ушел. Я помедлил несколько секунд и, когда увидел его паузу и явное ожидание моего ухода, ушел» [Там же. Л. 60].

Стоит ли добавлять, что бывший действительный статский советник А.П. Поспелов почел за оскорбление «донос» (позже Поспелов подчеркивал, что употребил это слово в смысле «донесение») со стороны студента. «Не будучи в силах продолжать спокойную работу в должности декана физико-математического факультета, – указал профессор в своем заявлении в правление университета от 1 марта 1922 г., – совместно с секретарем факультета студентом Волковым, после поданных им и заслушанных правлением университета... после доносов на меня, – прошу с сего дня считать меня освобожденным от обязанностей декана физико-математического факультета» [Там же. Л. 57]. Правление приняло прошение А.П. Поспелова. Впрочем, был снят с должности и студент Волков.

4 марта того же года была отменена лекция по истории музыки профессора университета Н.А. Алексан-

дрова, ученого-химика. Актовый зал, где должна была состояться лекция, оказался занят под репетицию для вечера «в пользу недостаточных студентов-медиков». Зал был занят без предварительного согласования с Правлением и без предупреждения профессора Александрова. Члены Правления тогда вынуждены были принять «меры к тому, чтобы двери актового зала впредь были закрыты» [18. 43–43 об.].

Не вовсе безынтересен случай, имевший место 10 июля 1922 г., когда после добровольной отставки П.М. Богаевского В.Д. Кузнецов принимал временные обязанности ректора. Последний в своей вступительной речи произнес такие слова: «Я испытываю всякий раз сильную боль, когда делаются попытки лишить меня самостоятельности и заставить меня идти по тому пути, который не соответствует моим взглядам. Я считаю долгом предупредить, что я могу охотно работать, пока на меня не производится давления, но сейчас же сложу обязанности, как только увижу, что лишился самостоятельности». В избранном контексте исследования подобные заявления выглядят симптоматично. Тем более, что ставший профессором уже в советское время В.Д. Кузнецов солидаризировался со старой профессурой и позиционировал себя как представителя «старой» же корпорации. Отмечается, что, несмотря на имевшуюся возможность автоматически получить звание профессора по декрету СНК 1918 г., В.Д. Кузнецов предпочел принять его лишь после защиты диссертации на звание ученого специалиста в 1922 г. [3. С. 136]. Данное положение не лишено оснований, что придает особое звучание его первым словам в статусе и.о. ректора. Симпатична и реплика студента В.П. Мальгина, который, комментируя «указания профессора Кузнецова на какие-то давления извне», заметил, что «деловая линия поведения как отдельных должностных лиц, так и коллегиальных органов управления определяется существующими особенностями политического строя РСФСР, осуществившей принцип диктатуры пролетариата» [18. 116 об.]. Данное заявление осталось без ответа и комментариев.

Таким образом дали о себе знать плоды политизации академической жизни. Очередной прецедент ценностного столкновения состоялся с наступлением нового 1922/23 учебного года, когда 29 сентября первокурсники отправились на встречу с «новой высшей школой». Приветствовал студентов-медиков тогда профессор С.В. Лобанов. Детали этой встречи вскоре стали известны широкой публике, когда пожелавшая остаться анонимной абитуриентка опубликовала в газете заметку с красноречивым названием «Программная речь старого профессора». В ней в весьма тенденциозном свете была изложена речь профессора Лобанова о старой школе, которую «никто не разорял», о старых студентах, которые «слушали профессоров и относились к ним с полным уважением и доверием», об «ореоле старика-профессора», который «сильно полек», о профессоре, «теряющем все больше и больше

почву под своими старческими ногами». Сравнение же с современной, «революционной» высшей школой, студенчеством, статусом профессора явно было не в пользу последних.

«Мы, новые ваши слушатели, профессор, – обращалась, пользуясь предоставленной трибуной, анонимная абитуриентка, – не рекомендовали бы вам выступать со своими речами программными. Не надо забывать того, что не за горами время, когда мы будем иметь и свою красную профессуру». И далее: «Мы этого ждем, мы к этому идем, и это, без сомнения, будет» [1. 1922. 3 окт.].

Филиппики в адрес профессоров как «философствующих дегенератов», представление старой школы как проводника «философии вымирания», провозглашения победы «Интернационала» над «Гаудеамусом», обличение «лже-пророков» – таковы опорные точки дискурса прессы времен становления этоса, переливавшегося всеми оттенками красного.

Даже если профессор Лобанов действительно произнес фразу о напаках в прессе на профессуру, то был он абсолютно прав. То, что традиционно принято называть «травлей», стало обыденной практикой газетных публикаций того времени, и заметка анонимной абитуриентки становится лишь частным случаем общего явления. К концу рассматриваемого десятилетия студенчество в лице самых активных своих представителей взяло курс на «непримиримую борьбу с протаскиванием чуждой идеологии» в вузах. Насмешки стала вызывать «критикобоязнь», что представлялось как «трусливость перед профессорско-преподавательским составом». И лишь недостаточная бдительность студентов, как отмечалось в резолюции студенческой конференции г. Томска 1928 г., объясняла продолжение работы в вузах профессоров И.Н. Бутакова, М.Н. Иванова, П.С. Тартаковского [19. С. 92].

Отметим, что в дореволюционной высшей школе выступление студента (или абитуриента) в прессе не только с оскорблением, но и с некорректным замечанием в адрес профессора было явлением экстраординарным и становилось предметом внимания как ректора, так и попечителя учебного округа. Однако этос старой профессуры, равно как и элементарное чувство достоинства, ответ на подобные выступления делал явлением невозможным. Скажем, что в 1902 г. профессор Императорского Томского университет М.А. Рейснер не стал отвечать студенту Чадову, когда последний опубликовал заметку о нем в местной газете «Сибирская жизнь» [20]. Промолчать предпочел и профессор Лобанов.

В молчании о той эре погружена вся русская профессура. Мы не найдем воспоминаний или дневниковых записей томских профессоров, где было бы отражено их моральное состояние в эпоху красной антиутопии: кто-то умер, не успев написать прощальную исповедь, кто-то утратил интерес к прошлому. Редкое исключение составляют мемуары В.Д. Кузнецова «Мой путь в науке», написанные, однако, на позднем этапе его жизни, когда прошли годы, а сам профессор успел

стать членом ВКП(б). «В моем формировании как ученого и администратора, – вспоминал он, – громадную роль сыграли первые годы советской власти в Томске. Перестраивалась вся жизнь. Старое, гнилое рушилось, новое, здоровое создавалось, но создавалось трудно, в больших муках. Не было готовых рецептов на все случаи жизни. Эти рецепты нужно было создавать... Я мечтал о перестройке жизни и прежде всего сам хотел быть честным и правдивым, но я не знал, как перестроить жизнь» [21. Л. 145].

Едва ли слова почтенного академика В.Д. Кузнецова могут дать окончательный ответ на поставленный в настоящей статье вопрос. Отметим главное: реконструкция ментального бытия русской профессуры постреволюционной эпохи происходит при безмолвии последних. Нашей же привилегией остается чтение ненаписанной книги, создание карты той территории, которой нет.

Заметим, что материальный мир томского профессора на протяжении 1920-х гг. менялся. Однако существовали константы повседневности, которые определяли атмосферу и коллективную психологию ученого. Это, к примеру, острая нехватка продуктов питания и вещей. То, что раньше считалось само собой разумеющимся, теперь стало недоступным. Отсутствовало элементарное: бумага, чернила, в библиотеки вузов города не поступала новая литература. По замечанию, сделанному в 1920 г. В.Н. Саввиным, «это крайне вредно отражалось на продуктивности научной работы» [13. Л. 2 об.]. Сказывалась и оторванность от центров и заграницы.

Но и за стенами университета и института наблюдалась не менее пессимистическая картина. Жизненный потенциал томского профессора сузился до рамок фактической борьбы за выживание: за обувь и одежду, за дрова для отопления, наконец, за академические пайки, которые до наступления НЭПа были вождельной добычей для ученых. Обеды им одно время отпускались в комсобеде [22. Л. 58]. На заседании правления Томского университета, состоявшемся 16 октября 1921 г., ректор П.М. Богаевский упомянул о случаях голодания членов семейств некоторых профессоров. «Равным образом, – добавлял ректор, – могут повториться случаи вынужденного обстоятельствами непосещения университета преподавателями из-за отсутствия обуви и теплой одежды» [13. Л. 19]. В.Д. Кузнецов вспоминал: «Несмотря на то, что я получал как управляющий и как ученый работник, мы с женой (покойной) буквально голодали» [21. Л. 142].

В апреле следующего года профессор-филолог Томского университета А.Д. Григорьев обратился в СибОНО с просьбой о «пиджачной паре», «пальто и обуви» для себя, жены и детей. Профессор просил 10 пудов муки и индивидуальный паек. «В противном случае, – писал он, – я должен искать какого-нибудь выхода из критического положения, чтобы я и семья не погибли с голоду» (цит. по: [3. С. 138]). Ранее, в марте месяце, профессор Григорьев ходатайствовал перед правлением университета «об оказании ему поддержки

выдачей пособия из пайкового фонда» в связи с затянувшейся болезнью ноги «вследствие плохого питания» [18. Л. 50 об.]. В схожей ситуации, по всей видимости, оказался и профессор В.Ф. Глушков, просивший в ноябре 1921 г. выдать ему в счет жалованья 250 тыс. руб. на покупку муки [22. Л. 108]. Бесспорно, что подобные прошения со стороны профессоров, особенно часто подаваемые в начале 1920-х гг., стали новым явлением в их бытовом дискурсе.

Одежда же была важнейшим элементом жизненного стиля «старого» профессора, контрастно выделяя его на фоне новой реальности. В.Д. Кузнецов сохранил в своей памяти эпизод, когда в начале 1920-х гг. он присутствовал на заседании партячейки университета, которое проходило в студенческом общежитии по ул. Белинского. Профессор, явившийся «в белом костюме, белых ботинках и шляпе канотье» почувствовал себя «очень неловко среди нарочито просто одетых членов ячейки» [21. Л. 153].

В практику обыденности вошли уплотнения и реквизиции. Под удар здесь попадали и самые заслуженные профессора. Так, в начале 1920-х гг. представители местного коммунотдела пытались выселить из собственной квартиры профессора Томского университета, первого математика Сибири Ф.Э. Молина – «отрешенного от жизни» ученого, как вспоминал В.Д. Кузнецов [21. Л. 150–151]. Только своевременное вмешательство ректора не позволило реализовать это намерение [22. Л. 88]. Крах представлений о неприкосновенности частного жилища усиливался и девальвацией его безопасности – девальвацией безопасности жизни в целом. В ночь на 20 мая 1922 г. в Ботаническом саду университета сгорел двухэтажный полукаменный дом, в котором, в частности, проживали профессора В.В. Сапожников и П.Н. Крылов. Причина возгорания осталась «неизвестной» [18. Л. 93–93 об.].

Кризис внешний опосредовал кризис ментальный – тот кризис, который, как выразился П.М. Богаевский, «повидимому, принимает затяжной характер» [22. Л. 8 об.]. В университете участились грабежи и разбой. Из кабинета сравнительной анатомии, заведующим которого состоял профессор Г.Э. Иоганзен, похищались спирт, керосин, платки, личные вещи ученого. Особенно болезненно сказывались кражи из университетского продовольственного склада. Совершались они в том числе и с участием хозяйственного персонала вуза.

В мае 1922 г. С.В. Лобанов, исполнявший тогда обязанности председателя хозяйственного совета факультетских клиник, сообщил в правление о краже из коммунальной прачечной 611 штук клинического белья и 300 штук белья госпитальных клиник [18. Л. 95]. То и дело обнаруживались «дефекты в расходовании и хранении спирта». В зданиях университета и технологического института разбивали окна, похищали лампочки, документы, оборудование.

Председатель библиотечной комиссии университета профессор М.Г. Курлов, главный библиотекарь

А.И. Милютин неоднократно заявляли об обнаружении испорченных замков, следов взлома, о краже стульев, часов, мелких предметов и т.д. Кстати, и здесь нередко были задействованы служащие университета. Была разграблена и разгромлена бывшая водокачка на территории Ботанического сада. В 1922 г. подверглась разгрому и сейсмическая станция. В ней оказалась выбита дверь, похищены часы, регистрирующий аппарат, аккумуляторы.

Хищения – как в помещениях университета, так и в университетской усадьбе – все более учащались. В журналах заседаний правления Томского университета отмечалось, что они не только «наносит материальный ущерб», но и «деморализуют» служащих вуза [22. Л. 128]. С 1922 г. ворота университета в вечернее время стали запирают на замок, сторожам вменялось в обязанность задерживать всех подозрительных лиц, на территории Университетской рощи стали вывешиваться объявления о часах посещения университета и его усадьбы [18. Л. 1 об.]. С просьбой о содействии в деле охраны вузов правления обращались и к студентам.

Трудно обойти вниманием фактор ЧК в бытии профессуры того периода. Томская ЧК в начале 1920-х гг. располагалась в здании бывшего Томского окружного суда на Воскресенской горе. Снаружи и внутри, по воспоминаниям В.Д. Кузнецова, оно охранялось устрашающего вида людьми – «мадьярами и латышами». «Через оба плеча, – отмечал профессор, – у них были перекинута пулеметные ленты с патронами, на поясе висели гранаты двух типов и два револьвера... Один вид такой охраны приводил в ужас и говорил, что здесь, в чека, царит смерть». Сохранил в своей памяти профессор Кузнецов и образы их руководителей: «Председателем был молодой, странно жесткий, Берман. Все, даже большевики, его очень боялись. Он самолично расстреливал. В ночь до 150 человек. Его заместитель Бак – такого же типа. Его за окрики, грубость прозвали собакой» [21. С. 141].

Отдавая дань справедливости, отметим, что среди томских профессоров репрессиям после восстановления власти большевиков в городе подверглись в основном те из них, кто занимал высокие посты в белых правительствах Сибири (Н.Я. Новомбергский, П.А. Прокошев и др.). Все же страх перед этими репрессиями жил в сознании томских профессоров, на что косвенно указывают и мемуары Кузнецова. На допросы в ЧК вызывался в том числе и ректор П.М. Богаевский – как свидетель по «делу рабфака». Репутация этого органа носила недвусмысленный характер и всякий раз ставляла помнить о сумрачном здании на горе.

Э.И. Колчинский подчеркивает, что террор и фабрикация дел против представителей академического мира в начале 1920-х гг. преследовали цель «запугать ученых и приучить их не только беспрекословно подчиняться властям, но и с энтузиазмом публично демонстрировать верноподданническую преданность» [23. С. 438]. Развивая эту мысль, отметим, что подчас даже

формальное отсутствие «физических» репрессивных мер было направлено на достижение той же цели. Высшей формой репрессии, эталоном организации «охоты на ведьм» выступают более тонкие, иезуитски выверенные механизмы унижения представителя профессорской корпорации через нанесение урона по фундаментальным опорам классовой идентичности. Мы отказали бы себе в мудрости, если столь заметный отток кадров из томского академического микросоциума на протяжении 1920-х гг. объясняли лишь только провинциальной оторванностью. Одно из ключевых значений здесь имел именно искусственный генезис классовой депрессии, направленной на деформацию оснований в жизни сообщества и его представителей.

Реализовывался этот проект по нескольким траекториям, одна из которых была направлена на религиозный аспект. Мы отказываемся от претенциозного вывода о причастности к религии каждого члена корпорации старой профессуры г. Томска. Многие из ее представителей, несмотря на то, что значительная их часть в Томске были выходцами из духовенства, не являлись верующими людьми. Так, упомянутый Н.И. Березнеговский, по воспоминаниям дочери, был атеистом, «притом абсолютно полным» [15. С. 143]. Со всем тем религия занимала в корпоративном бытии «старого» научного сообщества Томска одно из центральных мест. Символично в этой связи и расположение домового церкви Императорского Томского университета – в самом сердце главного корпуса.

Именно религиозность стала одним из рубежей для экспансии партийной культуры в исследуемый период. 10 октября 1921 г. в правление Томского университета поступило распоряжение об освобождении для губархива помещения «бывшей университетской церкви от церковного имущества». Вскоре из нее были изъяты иконостас, дверь, плащаница, хоругви, иконы, находящиеся в алтаре, – все вещи, имевшие «церковно-религиозное значение» были переданы на хранение профессору А.Д. Григорьеву. Ноты и церковные книги были переданы во «временное пользование» местному кафедральному собору, а религиозная литература – в Главную библиотеку университета. Двери помещения, где находилась ризница, были заколочены [22. Л. 92 об.].

Закономерно, что спустя время, в мае 1922 г., встал вопрос о реквизиции церковного имущества у университета. Характерно и то, что правление приложило усилия для «сохранения за университетом предметов культа» [18. Л. 87 об.–88]. Резонансным стало освещение в прессе процесса 1922 г. над бывшим профессором богословия Томского университета И.Я. Галаховым как последователем «лже-пророков» [1. 1922. 11 мая]. В 1920-е же гг. в подкрестный шар над фронтоном главного корпуса университета был установлен знак серпа и молота.

Религиозность представителей старой профессуры на протяжении всего рассматриваемого периода в глазах апологетов партии победителей стала печатью «врага», автоматически достойной подозрения. Не ли-

шена интереса характеристика профессора-медика Миролюбова, данная проректором по студенческим делам Н.И. Савченко в 1929 г. В.П. Миролюбов происходил из дворянской семьи и сохранил веру на протяжении всей своей жизни. В 1920-е гг. он выполнял обязанности старосты Нового собора в Томске. Для Савченко данное обстоятельство позволило причислить профессора к «типичным представителям своего класса», так и не «не порвавшего с его традициями» [24. Л. 33 об.]. В свете религиозных убеждений в книге инструктора орготдела Сибирского краевого комитета ВКП(б) Н.П. Загорского «Классовая борьба в сибирских вузах» была представлена классовая «чуждость» томских профессоров Миролюбова, Иоганзена, Танцова [25. С. 49–50].

Рассматривая иной симптом классовой депрессии старой профессуры, мы не можем обойти стороной такой аспект, как обращение к «низкой» деятельности, занятие которой немислимо для профессора до-революционной эпохи. Известно, что профессор-математик В.И. Шумилов, семья которого насчитывала 9 человек, в начале 1920-х гг. подрабатывал «в качестве ломового извозчика и перевозчика грузов для кооператива “КУБУ”» (цит. по: [3. С. 139]). В Томске был организован кооператив научных работников. При нем функционировала собственная хлебопекарня, заведовал которой не кто иной, как ученый механик, в прошлом – ректор Томского технологического института, профессор И.И. Бобарыков [26. С. 32–33].

Любопытна и обратная стороны этой тенденции. Вспомним описанный со ссылкой на сообщение «из чека» эпизод из мемуаров В.Д. Кузнецова. Как известно, профессора А.П. Поспелов, П.М. Богаевский, Н.В. Култашев, С.М. Курбатов в 1920-е гг. покинули Томск. По словам Кузнецова, последний, собираясь в экспедицию, «взял с собой 34 ящика с “обмундированием”», но «вместо экспедиции уехал в Москву, а вместо оборудования увез с собой свое собственное имущество».

«Эта группа профессоров, – писал Кузнецов, – продала какому-то честному предприятию университетский газовый завод и на вырученные деньги покупала себе осетров, нельму, дичь, масло и т.д. ...Профессор Поспелов получил в течение года 90 ведер спирта ректификата и 180 ведер спирта денатурата. Ректификатор он получил для изготовления фотографических пластинок, а денатурат для мотора, который в течение нескольких лет не действовал и не мог действовать вследствие неисправности. Спирт развозили по деревням и выменивали на продукты, причем денатурат очищали. Профессора Култашев и Курбатов также получали спирт и выменивали его на продукты». Идентичностная деформация находит свое проявление и в столь неприглядных случаях, спровоцированных состоянием острого дефицита. И все же такая стратегия не могла не встретить осуждения в устах коллеги, находившегося в не менее сложных обстоятельствах. «В то время как мы все голодали, эта группа жила прекрасно» [21. С. 151], – вспоминал В.Д. Кузнецов.

Несомненно, падение материального уровня жизненного мира русского профессора является одним из ключевых факторов трансформации, ментальный след которой является предметом нашего исследования. Не лишнее вульгарности и не самых приятных исторических коннотаций понятие «буржуазность», тем не менее может служить нам ключом к одному из отдаленных пространств коллективного сознания профессуры. Ведь именно капиталистический фон во многом определил патриархальный бытовой дискурс ее представителей. То, что Л.Н. Березнеговская, описывая до-революционных русских профессоров, назвала «стремлением к накопительству» [15. С. 148], для представителей корпорации было важным жизненным маркером, игнорируя который, мы рискуем потерять из виду больше, чем увидеть. Поняв это, мы без труда представим всю глубину психологического дискомфорта профессора, вынужденного просить то, что ранее было органичной привилегией. Кстати, и в подборе классового компромата при партийной характеристике профессуры аспект личного обогащения не мог не найти своего яркого выражения. Так, например, описывая профессора-медика Н.И. Горизонтова, члены университетской партийки подчеркивали, что частная практика для него – «тот идол, которому он поклоняется». «Это рвач направо и налево, – отмечали о нем возмущенные партийцы. – Кто его не знает в Томске?» И далее: «От частной практики он ожирел, погряз в инертность и, невзирая на сравнительную свою молодость, не способен творчески развернуться» [4. Л. 90 об.]. «Профессор без кафедры» А.Н. Зимин был удостоен клише «свившего прочное гнездо» «за счет частной практики» «под вывеской пролетарских вузов». К тому же «антисемит», «монархист» и «религиозный». Клеймо «ожиревшего буйвола» без стеснения поставили и профессору-хирургу А.А. Опкину. И связано это была с тем, что последний, как подчеркивалось в характеристике, «предпочитал огребать деньгу у себя в квартире, как бы в домашней обстановке, с бедных и страдающих пациентов» [Там же. Л. 91].

Элиминация патриархальной состоятельности имела своим следствием униженное положение просителей, которое без преувеличения коснулось почти всех томских профессоров. Просил профессор Богаевский – на ремонт собственной квартиры, «что было необходимо для создания условий, способствующих работе», и «об отпуске ему дров»; просил профессор Кулябко – «пересмотреть собезные списки», а также «разрешение приобрести на вольном рынке» халаты и мануфактуры для служащих физиологической лаборатории; просил профессор Саввин – о «предоставлении казенной квартиры в одном из зданий университета»; просил профессор Нагнибеда – о предоставлении «неполученного своевременно пайка».

Просили на жизнь и просили на смерть: семьи умерших профессоров подчас не могли найти денег на похороны. И на дальнейшую жизнь – без отца и мужа. Так, семья «умершего при исполнении служебного

долга от сыпного тифа» профессора Калачникова пода-ла на имя Д.К. Чудинова прошение о пособии.

25 мая 1922 г., почтив память усопшего вставанием, правление университета выдало семье покойного профессора В.Л. Некрасова «содержание на март месяц и пособие в 10 миллионов на погребение» [18. Л. 92]. Отметим, что усиливало эти психологические удары то, что просьбы о жизненно необходимом удовлетворялись далеко не всегда.

Постоянными просителями стали заведующие подразделениями университета: профессора Березнеговский (госпитальные клиники), Лобанов (факультетские клиники), заведующие кабинетами, деканы факультетов. В условиях фронтальной национализации главным адресатом прошения становилось, конечно же, государство – местные и центральные органы, названия которых одновременно пугали и сместили звучанием бюрократического новояза: наркомпрос, главпрофобр, главпрофсовет, сибнаробраз, губфинотдел и т.д. «Оказать авторитетную поддержку к сохранению академического пайка» одно время правление университета просило и академика С.Ф. Ольденбурга [22. Л. 134]. Требовалось немало моральных усилий, чтобы в сложившейся ситуации не почувствовать свою абсолютную зависимость от той власти, которая провозгласила старую профессию «отживающим элементом».

Нищета поселилась в пределах университетской рощи, заставляя представителей научного микросоциума в целом стоять «с протянутой рукой». Порой в буквальном смысле. Так, 24 декабря 1921 г. профессор Сапожников ходатайствовал перед правлением университета «об оказании помощи продовольствием служащим Ботанического сада», так как «ввиду их крайней необеспеченности» они вынуждены были «по очереди собирать по городу милостыню» [Там же. Л. 133 об.–134].

Особенно печально выглядит, например, представление правления Томского университета от 21 октября 1922 г. «об отпуске обуви или кожи из расчета на 50 чел., починочного материала – на 100 человек, пимов до 50 пар, мануфактуры до 500 арш. и теплого материала до 200 арш.» [18. Л. 103]. А еще: просьбы о дополнительных пайках, об увеличении тарифных ставок для зарплаты профессоров, преподавателей и служащих, о ремонтных материалах и т.д.

Прошения пропитывали бытие профессоров и академической корпорации вообще. Безусловно, имеют основание возражения, указывающие на то, что подобная ситуация стала результатом объективного социального катаклизма. Однако с высоты исторического взгляда трудно не заметить, сколь удачным орудием в руках власти стали обнищание и полная материальная зависимость классовых антагонистов.

Подчеркнем, что подобная конфигурация академической жизни налагала особую ответственность на ректоров вузов. Ловкость и возможность сохранить идентичностное ядро в момент прошения стали необходимыми умениями для руководителей вузов. Близким к

эталону в этом смысле оказался ректор Томского технологического института (с 1925 г. – Сибирского технологического института им. Ф.Э. Дзержинского) профессор Н.В. Гутовский. «Это был особый тип ректора, – вспоминал о нем Чудинов. – Я бы, с его разрешения, назвал бы его ректором-хищником». Н.В. Гутовский, по словам того же советского функционера, своей характерной внешностью напоминал Мефистофеля. «Это впечатление портило только пенсне, Мефистофель – в пенсне!» – заметил Чудинов. Далее он писал: «Всех людей, с ним встречавшихся, он, мне кажется, делил на полезных институту и бесполезных. При встрече с тем или другим лицом он, наверное, прежде всего, спрашивал: что можно от него получить? Он все время думал: где, что и как получить. В этом деле он проявлял поразительную изобретательность и смелость, в деле изыскания средств он иногда достигал почти невероятных успехов. Я помню, как он с торжеством заявлял о том, что ему удалось добиться приема у председателя ГПУ И.П. Павлуновского и получить несколько миллиардов рублей денег. Павлуновский слыл за грозного чекиста, поэтому посещение Гутовским квартиры И.П. расценивалось им как довольно смелый шаг. В вагоне, когда мы возвращались с ректорского совещания, я однажды встретил своего приятеля, работавшего в каком-то тресте. Гутовский немедленно попросил разрешения вмешаться в разговор и потом, как бы неожиданно сказал: “Ах да. Я совсем забыл, что вы можете оказать нам помощь” – и дальше шло изложение ходатайства. Когда он ехал в Новониколаевск или в Москву, в его портфеле и карманах было бесчисленное количество всякого рода просьб» [26. С. 35–36].

Впрочем, подобная репутация Гутовского не помешала в 1924 г. члену правления института Глаголеву в докладной записке на имя завагитпропа губкома связать уход множества профессоров из вуза с тем, что «правление к обеспечению профессоров и преподавательского состава не принимало решительных мер» [27. Л. 15].

Переложение вины за обнищание характерно проявилось и в воспоминаниях Чудинова, который «менее поворотливого» ректора В.Н. Саввина квалифицировал как человека, переносившего «тяжелую материальную обстановку высшего учебного заведения» в «неизбежное следствие сложившихся условий и поэтому при всяком удобном случае» старавшегося «ассоциировать материальную обстановку вуза с общими условиями развития хозяйства» [26. С. 36].

Обратимся к той части повседневности профессоров, которая может оправдать, вероятно, излишне провокационное название настоящей статьи и в то же время стать отражением кульминации нашей истории. Мы возвращаемся к фигуре М.Г. Курлова – профессора, почитаемого сообществом и в то же время избранного в качестве наиболее крупной жертвы в «охоте на ведьм».

В год большого чествования М.Г. Курлова, 1928-м, 4 октября – в газете «Труд» и 5 октября – в «Учитель-

ской газете» был опубликован фельетон «Политическая беспечность». В нем, со ссылкой на более чем сомнительный источник в лице некоего Березовского, профессор Курлов обвинялся в том, что в период революционных событий 1905 г. участвовал в сожжении здания управления Томской железной дорогой и был в числе тех, кто сообщил полиции о беспорядках в университете [2. Л. 43 об.].

М.Г. Курлов действительно был привержен консервативным политическим взглядам, как, впрочем, и многие его коллеги из числа профессоров-медиков того периода (В.Н. Саввин, например, входил в партию кадетов, а А.А. Кулябко в 1906 г. – в состав Томского бюро «Союза 17 октября» и т.д.). Но означает ли это реакционность и мракобесие, и достоин ли был профессор столь грубой характеристики, данной им анонимным партийцем: «Общественно-политическая физиономия Курлова всегда была явно монархической» [4. Л. 91]? Отметим лишь то, что М.Г. Курлов в годы Первой русской революции стал первым выборным ректором Томского университета [10. С. 138].

Для русской профессуры наступили времена, когда на подобные фельетоны необходимо стало отвечать и искать перед лицом представителей новой власти оправдания. «Эта информация, – заявлял М.Г. Курлов ректору университета, – не соответствует действительности... у меня вообще не было брата, а только две сестры ...Вообще я не состоял в “Союзе русского народа”, как ни в какой-либо другой политической партии ...Местные организации, как окружные, так и краевые, почтили меня на моих юбилеях такими приветственными словами, какие не выпадали ни на чью другую долю». Не остановился профессор и перед заверением в «полной лояльности своих взглядов» относительно новой власти [2. Л. 44 об.].

Это был момент, когда корпорация проявляет свою солидарность, а ее члены получают шанс продемонстрировать качества, достойные почтения. На стороне профессора Курлова выступили доктор Я.И. Бейгель, который во время в 1905 г. был студентом медицинского факультета Императорского Томского университета и учеником Курлова. Он свидетельствовал, что профессор М.Г. Курлов «был глубоко потрясен виденным» – революционными событиями, сопровождавшимися жертвами и насилием. «Помню, – вспоминал Бейгель, – что, когда я на другой день после пожара зашел в кабинет профессора Курлова и сказал ему о числе убитых и раненых за одну ночь, он схватил себя за голову и произнес врезавшиеся мне в память, как и другие мельчайшие подробности незабываемого времени, два слова: “Сволочи, сволочи...”» [Там же. Л. 47].

Профессор Зимин, выступив с заявлением на имя ректора, подчеркивал, что «Курлов не только не был организатором сожжения или идейным вдохновителем, но он ездил к губернатору, требуя защиты студентов, подвергавшихся избиению, сам в больнице принимал участие в оказании помощи пострадавшим». В защиту

выступили и врач Л.И. Рубинштейн, бывший студент университета, и профессор С.В. Лобанов.

«Охота» между тем продолжалась. В скором времени на страницах московских газет были напечатаны слова профессора А.Я. Вышинского по поводу «правовой опасности в вузах». И как пример этого было дано указание на профессора Курлова, брата шефа жандармов, монархиста, члена «Союза русского народа», активного контрреволюционера 1905 г. [2. Л. 54].

Вслед за моральным уроном пришло время урона осязаемого. В том же году ЦКпрос на основании газетной публикации отказал в ходатайстве о назначении персональной пенсии профессору Курлову. Любопытно то, что с просьбой в Наркомпрос пересмотреть решение и с указанием на него как на «акт несправедливости» выступили не только профессора, но и советские органы: Сибкрайно и Сибкрайздрав [28].

И здесь мы соприкасаемся с важной темой, касающейся главного контрагента русской профессуры в период трансформации. Обратимся к мемуарам того же В.Д. Кузнецова. Профессор вспоминал, как однажды вечером, в первые годы советской власти, к нему пришла женщина, которая «отрекомендовалась членом реввоенсовета 5 (пятой армии)». Совет этот тогда был высшей властью в Сибири. При всем «настороженном» отношении между научными работниками и новой властью разговор между молодым ученым и незнакомкой затянулся до полуночи. Она пришла «узнать нужды научных работников и привлечь их на сторону» новой власти. «Когда разговор был кончен, – писал Кузнецов, – женщина подошла к роялю, открыла крышку и взяла несколько аккордов. Хороший рояль, сказала она... Она начала без нот с большим воодушевлением играть сонату Аппассионату Бетховена, потом сыграла Лунную сонату Бетховена и ряд других классических произведений. В дни голода, в дни разрухи зазвучала прекрасная музыка» [21. Л. 144].

Со звуками этих мелодий, быть может, исчез шанс на своевременный компромисс между мирами прошлого и будущего, на историческую интеграцию, которая осталась несовершенной. Стремясь отдать должное принципу объективности, отметим главное: советская власть, особенно в ранние периоды, не была величиной монолитной. Сохранил по себе добрую память и Д.К. Чудинов. В бытность свою современники отмечали «смягчающее» влияние на него томских профессоров, в частности В.В. Сапожникова и В.Н. Саввина [3. С. 158], что, вероятно, могло способствовать более «милосердной» линии делового поведения чиновника. И в рядах партии, ставшей всесильной, находились люди, способные на понимание иного мировоззрения и иной культуры.

Были, однако, и другие силы. Известно, что история с М.Г. Курловым стала рубежной для многих старых профессоров: в те дни заговорили о своем желании покинуть город профессора Омороков, Боголепов, Неболюбов, Фукс, Мыш. Последнему приписывали

слова: «Прослужишь целый ряд лет добросовестно, а потом выбросят и даже пенсии не дадут» [28. С. 121]. Вполне закономерно, что столь грубые кампании составляли еще больше ненавидеть.

Листов с «компрометирующими» данными на профессоров становилось все больше. Метками «выходца из духовенства» и «религиозности» награждались профессора П.В. Бутягин, Н.И. Горизонтов, И.В. Геблер и др. В партийных классификациях мы встречаем такие сочетания, как «типичный буржуазный профессор» (С.В. Лебедев) или просто «буржуазный профессор» (И.А. Соколов), «совершенная беспринципность» (Н.В. Танцов), «в политическом отношении типичный мещанин» (Г.В. Хонин) [29. С. 251–252]. Относительно упомянутого уже профессора Л.И. Оморокова отмечалось, что к партии он «относится скрыто враждебно» [30. Л. 132 об.]. Последнему в вину также ставилось его кадетское прошлое. О профессоре А.А. Опокине отзывались как о «политически невежественной, прогнившей стереотипной обывательской фигуре» [4. Л. 91 об.].

Профессор Н.И. Горизонтов удостоился следующей политической оценки: «В семейном кругу томского мещанства проявляет себя юдофобом и “шипунном” монархистом». К монархистам был причислен и П.В. Бутягин. Впрочем, отмечалось, что «открыто он этих убеждений не обнаруживает». Не самую лестную аттестацию подчас получали и профессиональные, научные и педагогические качества профессоров. Отметим между прочим, что, как отчасти видно из уже приведенных цитат, данные характеристики изобилуют грамматическими ошибками.

Трудно признать подобные документы простой бумажной формальностью, не отражавшей реальное положение дел. Бесспорно, что своей тональностью и лексикой они приоткрывают для нас ауру того мира, в котором вынуждена была существовать недавняя интеллектуальная элита страны. От иных профессоров нередко предлагалось «избавиться во что бы то ни стало как от ученых суррогатов» [Там же. Л. 90 об.].

Резонанс в конце 1920-х гг. получили организованные в прессе кампании против профессоров И.Н. Бутакова, «заблудившегося в науке» [1. 1929. 13 янв.], и Вит.А. Хахалова. Последнему было предъявлено немало обвинений, среди которых особенно выделялось приближение «к себе антисоветски настроенных студентов». Аналогичная претензия высказывалась и в адрес профессора И.И. Котюкова («имеет любимчиков – классово нам чуждых студентов», – отмечалось в очередной характеристике [29. С. 250]). Известно, что борьба за умы студенчества проходила на одной из основных арен в описываемом противостоянии. Отмечается, что Вит.А. Хахалов добровольно покинул университет, предупредив многочисленные попытки партийных структур по его переизбранию и – «не выдержав травли» [9. Л. 94].

В литературе неоднократно освещалась история «борьбы» с обществом «Кенгуру» [3. С. 147; 9. Л. 80–

81, 92; 31. С. 154–155]. Опубликованный в «Красном знамени» фельетон о нем спровоцировал очередной критический всплеск ментальной повседневности старой профессуры. С наиболее острым заявлением тогда выступил В.Д. Кузнецов. «Результат этой кампании и теперь еще не ликвидирован, – писал он в ответном на фельетон письме, которое так и не было опубликовано в “Красном знамени”, – в особенности в технологическом институте, из которого ушли многие крупные ученые». «Может быть, и теперь редакции угодно, чтобы, по крайней мере, некоторые из томских ученых “эмигрировали” из этого города?» [32. С. 73] – задавался вопросом Кузнецов. Ссылка на «эмиграцию» в данном случае де-факто перекликалась со словами красного профессора Ревердатто, назвавшего общество «организацией внутренней эмиграции» [33. С. 67]. Профессор Саввин в связи с нападками на общество досуга ученых произнес слова: «Нельзя к научным работникам относиться как к комсомольцам» [34. Л. 4 об.].

«Эмиграция» профессоров из города действительно стала одним из последствий масштабной «охоты». Одним из результатов ее стали и трагические аспекты рассмотренной истории. Речь идет о болезнях и смерти. Дело в том, что на протяжении всех 1920-х гг. методично повторяющимся явлением стали заявления профессоров о болезнях. На пошатнувшееся здоровье сетовали профессора Григорьев, Богаевский, тот же Кузнецов и др.

Нельзя обойти стороной и то отношение, которое подчас высказывалось апологетами нового мира в адрес больных профессоров, отдавших годы на служение вузам и стране. Вспомним того же профессора В.Н. Саввина, которого партийные «товарищи» в отчетах называли «матерым лидером» «хорошо сколоченной в фракционный кулак» «реакционно-консервативной» профессуры [30. Л. 8]. Профессор во второй половине 1920-х гг. страдал от целого ряда заболеваний (в одном из отчетных документов среди них указывались диабет, парез лицевого нерва, ослабление памяти и концентрации). Секретарь партиячейки ТГУ, член правления вуза по студенческим делам Батищев в секретном отчете в Главпрофобр с видимой характерной интонацией отмечал: «Когда был окончен обычный курс лечения на оз. Шира, профессор Саввин решил во что бы то ни стало немедленно возвратиться в город Томск... врачи, учитывая серьезность его положения, отговорили его от этой мысли, причем в виде крайней меры предписали ему постельный режим и лишили временно верхнего платья. Несмотря на все это его однажды встретили в нижнем белье на территории курорта». Далее секретарь подчеркнул, что «он» (профессор), «по-видимому, не хочет в настоящее время думать о своем уходе, хотя и признает положение безотрадным» [Там же. Л. 114].

Для многих очередная болезнь имела роковой конец. Особенно характерной в контексте исследуемой проблематики видится нам судьба профессора В.Л. Некрасова. 4 мая 1922 г. он впервые обратился в

правление университета с просьбой о предоставлении ему возможности, «за неимением средств для этого», «бесплатного курортного лечения» «вследствие катара верхушек левого легкого и туберкулезного процесса кишок». Вскоре после этого консилиумом профессоров М.Г. Курлова, В.М. Мыша и В.Н. Саввина была назначена серьезная операция. «Если после нее я останусь жив, – обращался тогда к правлению Некрасов, – мне нужно будет, согласно заключениям М.Г. Курлова, поселиться на лето в одной из ближайших к Томску деревень с сосновым лесом, ехать на далекий курорт ввиду слабости будет трудно» [18. Л. 88 об.]. Правление университета тогда, не имея средств, ходатайствовало перед Д.К. Чудиновым от отпуске 150 млн руб. в пособие профессору. 22 мая 1922 г., о чем уже кратко упоминалось, В.Л. Некрасов умер в лазарете.

В 1920-е гг. томский академический микросоциум потерял немало профессоров, в том числе не самых возрастных. В январе 1924 г. простудившийся осенью предыдущего года умер в возрасте 63 лет от рака легких профессор В.В. Сапожников. 18 апреля 1926 г., перенеся двумя годами ранее тяжелую операцию в связи с гнойным холециститом и пережив вторичную операцию по удалению грыжи (осложнение от операции предыдущей), в Ленинграде от перитонита скончался Н.И. Березнеговский. Ему было 50 лет.

Безусловно, спорным представится утверждение о психосоматических, уходящих в ту среду, которая сложилась в сообществе и стране, корнях этого явле-

ния. Более очевидным для нас станет то, что непрожитые годы многих профессоров стали печальным следствием протекавших процессов.

Часто болел в 1920-х гг. и профессор М.Г. Курлов. О состоянии его здоровья печатала заметки газета «Красная знамя». Профессор, почувствовав упадок сил, покинул университет в 1929 г. Спустя три года он умер от атеросклероза. Его единственный сын Вячеслав, работавший ученым секретарем и заведующим физиоцентром Института физических методов лечения, в 1938 г. был расстрелян [10. С. 142].

В рассмотренной истории «охота на ведьм» предстала перед нами в неклассическом виде, во многих аспектах напоминающем типологически схожие процессы в США эпохи маккартизма.

В томском научном сообществе 1920-х гг. репрессия физическая была заменена репрессией ментальной, когда условия среды и бытия были организованы в направлении подавления фундаментальных аспектов классовой идентичности «старого» русского профессора: религиозной составляющей; патриархального стиля жизни и соответствующего ему дискурса неприкосновенности, безопасности и материальной независимости; роли морального и интеллектуального авторитета в обществе. Мы стремились воссоздать тот мир, который, при молчании его обитателей, оказался погруженным в унижение и депрессию. Такова картина ментального бытия русской научной интеллигенции в социальном зеркале «нового дивного мира».

ЛИТЕРАТУРА

1. Красное знамя. Томск.
2. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 737.
3. Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск : Сова, 2007. 310 с.
4. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 61. Оп. 1. Д. Р-1083.
5. Красильников С.А. Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 – середине 1930-х гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1995. 44 с.
6. Соскин В. Л. Ученые Сибири в фокусе дискриминации (20-е годы) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930 гг.). Новосибирск, 1994.
7. Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 1994. № 4. С. 3–22.
8. Литвинов А.В. Образование и наука в Томском государственном университете в 20–30-е гг. XX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 156 с.
9. Литвинов А.В. Профессорско-преподавательский корпус Томского университета (20–30-е годы XX века) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. 237 л.
10. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 288 с.
11. Профессора Томского университета: Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
12. Колчинский Э.И. Советизация науки в годы НЭПа (1922–1927): послереволюционный кризис и поиск форм сотрудничества // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / сост. Э.И. Колчинский. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 440–549.
13. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 39.
14. Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 286–340.
15. Березнеговская Л.Н. Из моих воспоминаний. Томск : Чародей, 2001. 208 с.
16. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск.
17. «Докладная записка коллегии по управлению вузами г. Томска» в отдел высших учебных заведений Наркомпроса, Главпрофобр, Сибнаробраз и Сибпрофбюро о состоянии высшей школы // Власть и интеллигенция в сибирской провинции. Конец 1919–1925 гг. / сост. С.А. Красильников, Т.Н. Осташко, Л.И. Пыстина. Новосибирск : ЭКОР, 1996. С. 45–56.
18. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 89.
19. Из резолюции студенческой конференции вузов г. Томска об идеологической борьбе в вузах // Из истории земли Томской: Народ и власть. 1925–1929 / В.И. Марков, Б.П. Тренин. Томск, 2000. С. 89–93.
20. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. М.А. Рейснер и провинциальный аспект академических конфликтов в сообществе Императорского Томского университета // *Vuylve Gody*. 2018. Vol. 48, is. 2. P. 804–816.
21. Кузнецов В.Д. Мой путь в науке // Музей истории ТГУ. 268 л.
22. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 69.

23. Колчинский Э.И. Наука и Гражданская война в России // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / сост. Э.И. Колчинский. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 357–439.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 2. Д. 15.
25. Загорский Н.П. Классовая борьба в сибирских вузах. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929. 103 с.
26. Чудинов Д.К. Из недавнего прошлого // Просвещение Сибири. 1927. № 10. С. 25–38.
27. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 598.
28. Ходатайство Сибкрайно, Сибкрайздрава, ректора ТГУ и др. перед Наркомпросом о незаконном лишении персональной пенсии и оговоре профессора ТГУ М.Г. Курлова // Из истории земли Томской: Народ и власть. 1925–1929 / В.И. Марков, Б.П. Тренин. Томск, 2000. С. 120–121.
29. Характеристика профессорско-преподавательского состава химического факультета СТИ // Из истории земли Томской: Народ и власть. 1925–1929 / В.И. Марков, Б.П. Тренин. Томск, 2000. С. 250–253.
30. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 3. Д. 1.
31. Фоминных С.Ф., Степнов А.О., Литвинов А.В. Дом ученых в жизни научного сообщества г. Томска (1926-1941 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016, № 408. С. 153–161.
32. Открытое письмо профессора В.Д. Кузнецова редактору газеты «Красное знамя» по поводу фельетона «Смердящее» // Из истории земли Томской: Народ и власть. 1925–1929 / В.И. Марков, Б.П. Тренин. Томск, 2000. С. 71–74.
33. Из сообщения информатора Томского окротдела ОГПУ о деятельности клуба «Кенгуру» при ТГУ // Из истории земли Томской: Народ и власть. 1925–1929 / В.И. Марков, Б.П. Тренин. Томск, 2000. С. 65–69.
34. ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 330.

Stepnov Aleksey O. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ASAOM@yandex.ru

“WITCH-HUNT” IN THE TOMSK ACADEMIC MICROSOCIETY: TO THE PROBLEM OF THE MENTAL EXISTENCE OF THE RUSSIAN PROFESSORS UNDER CONDITIONS OF DEFORMATION OF CLASS IDENTITY DURING THE 1920S.

Key words: scientific community; discourse of everyday life; Russian professorship; class identity.

In the article the process of “mutation” of the lifeworld of the “old” professors in the Tomsk academic microcommunity during the 1920’s – period of the implementation of the “red dystopia” is considered on the materials of archival documentation, periodicals, sources of personal origin. It is emphasized that the change in the construction of everyday life included a sharp break with the corporate imperatives formed in the pre-revolutionary era. We mean a change in the system of relations between professor and student, which was associated with the proletarianization of higher education; impoverishment; transformation of ideas about private space and connections with the world of things; marginalization of the previously elite Corporation of professors. The acute shortage of food, clothing and footwear, items necessary for research activities (paper, ink, books), the severance of scientific communication with the central cities of the country and abroad have become an instrument of deformation of the collective psychology of professors. It is noted that a new feature of being in Tomsk University and Tomsk (since 1925 – Siberian) Institute of technology became looting and robbery, as well as, in the early 1920s, requisition and resettle private apartments. This determined the process of devaluation of such concepts as private space, security of property and life. The damage was done on the religious basis, which under the old regime occupied a prominent place in being of the Corporation. This was manifested in the special attention of the party structures to religious professors, in the adaptation of the former premises of the Home Church of Tomsk University under the provincial archive in 1921, and then in the requisition of Church property. It is important that in the conditions of falling living standards and total nationalization professors assumed the role of petitioners. The main addressee of petitions became local and central authorities and the party. Hoarding and material viability as elements of the everyday life of the “old professorship” became signs of “class” hostility. This was reflected in the party characteristics of Tomsk professors N.I. Gorizontov, A.A. Opokin, A.N. Zimin, etc. The culmination of “witch-hunts” were attempts to deprive the oldest professors of the city of personal pensions and demands “to get rid of them as scientists surrogates”. It is concluded that the radicalization of the lifeworld has become a method of “mental repression” aimed at the fundamental basis of the community of the old professors: the religious component, patriarchal life style, the discourse of security and material independence, the role of moral and intellectual authority in society. This method enter the mental being of the community into a state of depression, which was no less effective than the “physical” repression.

REFERENCES

1. *Krasnoe znamya*. (n.d.)
2. Tomsk Regional Centre of the Contemporary History Documentation (TSDNI TO). Fund 76. List 1. File 737.
3. Krasilnikov, S.A., Pystina, L.I., Us, L.B. & Ushakova, S.N. (2007) *Intelligentsiya Sibiri v pervoy treti XX veka: status i korporativnye tseennosti* [Siberian intelligentsia in the first third of the 20th century: status and corporate values]. Novosibirsk: Sova.
4. The State Archive of Novosibirsk Region. Fund 61. List 1. File R-1083.
5. Krasilnikov, S.A. (1995) *Sotsial'no-politicheskoe razvitiye intelligentsii Sibiri v 1917 – seredine 1930-kh gg.* [Socio-political development of Siberian intelligentsia in 1917 – mid 1930s]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
6. Soskin, V.L. (1994) *Uchenye Sibiri v fokuse diskriminatsii (20-e gody)* [Scientists of Siberia in the focus of discrimination (the 1920s)]. In: Soskin, V.L. et al. *Diskriminatsiya intelligentsii v poslerevolutsionnoy Sibiri (1920–1930 gg.)* [Discrimination of the intelligentsia in post-revolutionary Siberia (1920–1930)]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Aleksandrov, D.A. (1994) *Istoricheskaya antropologiya nauki v Rossii* [Historical anthropology of science in Russia]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki (VIET)*. 4. pp. 3–22.
8. Litvinov, A.V. (2006) *Obrazovanie i nauka v Tomskom gosudarstvennom universitete v 20–30-e gg. XX v.* [Education and science at Tomsk State University in the 1920-30s]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Litvinov, A.V. (2002) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus Tomskogo universiteta (20-30-e gody XX veka)* [Teaching Corps of Tomsk University (the 1920-1930s)]. History Cand. Diss. Tomsk.
10. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. A Biographical Dictionary]. Issue 1. Tomsk: Tomsk State University.
11. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. & Litvinov, A.V. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. A Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
12. Kolchinskiy, E.I. (2003) *Sovetizatsiya nauki v gody NEPa (1922–1927): poslerevolutsionnyy krizis i poisk form sotrudnichestva* [Sovietization of science in the years of the NEP (1922–1927): the post-revolutionary crisis and the search for forms of cooperation]. In: Kolchinskiy, E.I. (ed.) *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical and Comparative Essays]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 440–549.
13. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-815. List 1. File 39.

14. Malinovskiy, I.A. (2014) Marusya i deti. Vospominaniya [Maroussia and children. Memories]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 286–340.
15. Bereznegovskaya, L.N. (2001) *Iz moikh vospominaniy* [From my Memories]. Tomsk: Charodey.
16. *Sibirskaya zhizn'*. (n.d.).
17. University Management Board. (1996) Dokladnaya zapiska kollegii po upravleniyu vuzami g. Tomska v otdel vysshikh uchebnykh zavedeniy Narkomprosa, Glavprofobr, Sibnarobraz i Sibprofbyuro o sostoyanii vysshey shkoly [Report of the University Management Board in Tomsk to the Department of Higher Educational Institutions of the People's Commissariat of Education, Glavprofobr, Sibnarobraz and Sibpromofyuro about the state of higher education]. In: Krasilnikov, S.A., Ostashko, T.N. & Pystina, L.I. *Vlast' i intelligentsiya v sibirskoy provintsii. Konets 1919–1925 gg.* [Power and Intelligentsia in the Siberian Province. The End of 1919–1925]. Novosibirsk: EKOR. pp. 45–56.
18. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-815. List 1. File 89.
19. Markov, V.I. & Trenin, B.P. (2000a) *Iz istorii zemli Tomskoy: Narod i vlast'. 1925–1929* [From the History of Tomsk: People and Power. 1925–1929]. Tomsk: [s.n.]. pp. 89–93.
20. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2018) M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University. *Bylye Gody*. 48(2). pp. 804–816. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2018.2.804
21. Kuznetsov, V.D. (1965) *Moy put' v nauke* [My path to science]. Tomsk: [s.n.].
22. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-815. List 1. File 69.
23. Kolchinskiy, E.I. (2003) Nauka i Grazhdanskaya voyna v Rossii [Science and the Civil War in Russia]. In: Kolchinskiy, E.I. (ed.) *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical and Comparative Essays]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 357–439.
24. Tomsk Regional Centre of the Contemporary History Documentation (TSDNI TO). Fund 115. List 2. File 15.
25. Zagorskiy, N.P. (1929) *Klassovaya bor'ba v sibirskikh vuzakh* [Class Struggle in Siberian Universities]. Novosibirsk: Sibkrazizdat.
26. Chudinov, D.K. (1927) *Iz nedavnego proshlogo* [From the recent past]. *Prosveshchenie Sibiri*. 10. pp. 25–38.
27. Tomsk Regional Centre of the Contemporary History Documentation (TSDNI TO). Fund 1. List 1. File 598.
28. Markov, V.I. & Trenin, B.P. (2000b) *Iz istorii zemli Tomskoy: Narod i vlast'. 1925–1929* [From the History of Tomsk: People and Power. 1925–1929]. Tomsk: [s.n.]. pp. 120–121.
29. Markov, V.I. & Trenin, B.P. (2000c) *Iz istorii zemli Tomskoy: Narod i vlast'. 1925–1929* [From the History of Tomsk: People and Power. 1925–1929]. Tomsk: [s.n.]. pp. 250–253.
30. Tomsk Regional Centre of the Contemporary History Documentation (TSDNI TO). Fund 115. List 3. File 1.
31. Fominykh, S.F., Stepnov, A.O. & Litvinov, A.V. (2016) The House of Scientists in the life of the academic community of Tomsk (1926-1941). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 408. pp. 153–161. (In Russian).
32. Kuznetsov, V.D. (2000) Otkrytoe pis'mo professora V.D. Kuznetsova redaktoru gazety “Krasnoe znamya” po povodu fel'etona “Smerdyashchee” [An open letter from Professor V.D. Kuznetsov to the editor of the newspaper “Krasnoe Znamya” about the feultion “Smothering”]. In: Markov, V.I. & Trenin, B.P. (2000c) *Iz istorii zemli Tomskoy: Narod i vlast'. 1925–1929* [From the History of Tomsk: People and Power. 1925–1929]. Tomsk: [s.n.]. pp. 71–74.
33. Markov, V.I. & Trenin, B.P. (2000d) *Iz istorii zemli Tomskoy: Narod i vlast'. 1925–1929* [From the History of Tomsk: People and Power. 1925–1929]. Tomsk: [s.n.]. pp. 65–69.
34. Tomsk Regional Centre of the Contemporary History Documentation (TSDNI TO). Fund 76. List 1. File 330.

УДК 323.276''1918''(093.3)
DOI: 10.17223/19988613/56/8

В.И. Шишкин

КОЛЧАКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКИХ МЕМУАРИСТОВ

Выявлены и критически проанализированы основные опубликованные воспоминания, в которых содержатся сведения о государственном перевороте, произведенном в Омске 18 ноября 1918 г. Сделан вывод, что их авторы в разной степени полно, глубоко и достоверно осветили данное событие. Обнаруженные в мемуарах расхождения фактического и концептуального характера объяснены тем, что мемуаристы обладали фрагментарной и несопадающей информацией, а также во время Гражданской войны занимали разные политические позиции.

Ключевые слова: мемуарист; гражданская война; Временное Всероссийское правительство; Директория; Совет министров; государственный переворот; диктатура; А.В. Колчак.

Государственный переворот – это нелегитимная замена одного действующего правительства другим. Такая замена может осуществляться узкой группой заговорщиков или при участии широких народных масс, гражданскими или военными силами, мирным или насильственным путем, произойти стремительно или длиться долго и приобрести «ползучий» характер, завершиться бескровно или кровопролитием.

Государственные перевороты – это в основном исключительные, однако отнюдь не редкие события в мировой истории. Имеющаяся к настоящему времени исследовательская литература позволяет утверждать, что в политических практиках государственные перевороты все чаще используются по мере приближения от древности к современности. Такая тенденция вполне закономерна. Она является отражением объективной реальности: роста численности населения и динамики социально-политических процессов, усложнения жизненных условий, увеличения количества и углубления разного рода противоречий, нарастания напряженности.

Чаще всего государственные перевороты происходили в тех странах, где два их важнейших актора – власть и общество – не находили консенсуса, и дело между ними доходило до непримиримого конфликта. Как правило, перевороты происходили там и тогда, где и когда власть оказывалась очень слабой и/или непопулярной.

Поскольку в России взаимоотношения между властью и обществом почти всегда оставляли желать лучшего, из-за чего власть не имела надлежащей опоры в обществе, а ее авторитет нередко падал до неприличного уровня, то время от времени в стране случались государственные перевороты. Один из них произошел в Омске в разгар Гражданской войны – 18 ноября 1918 г. и привел к замене в лагере контрреволюции верховной государственной власти. Избранная в Уфе на Государственном совещании Директория Временного Всероссийского правительства была устранена и вместо нее установлена власть Верховного правителя адмирала А.В. Колчака, по имени которого переворот и получил

название «колчаковского». Временное Всероссийское правительство состояло из Директории и Совета министров. Директория была избрана 23 сентября 1918 г. на Государственном совещании в Уфе. В ее состав вошли пять человек: бывший министр внутренних дел Временного правительства, эсер Н.Д. Авксентьев, бывший московский городской голова, член ЦК партии кадетов Н.И. Астров, один из лидеров Союза возрождения России, бывший командующий 5-й армией генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, председатель Совета министров Временного Сибирского правительства областник П.В. Вологодский и председатель Верховного управления Северной области, член ЦК трудовой народно-социалистической партии Н.В. Чайковский. Из-за отсутствия в Уфе Н.И. Астрова и Н.В. Чайковского реально вместо них к работе в Директории приступили избранные их заместителями член ЦК партии кадетов В.А. Виноградов и член эсеровского ЦК В.М. Зензинов. 24 сентября В.Г. Болдырев был назначен Директорией Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России.

Состав Совета министров Временного Всероссийского правительства был утвержден Директорией 4 ноября 1918 г. Его председателем стал П.В. Вологодский, заместителем председателя – В.А. Виноградов, большинство министерских портфелей досталось бывшим министрам Временного Сибирского правительства. Но в Совете министров появились и новые лица, наиболее известным среди которых стал вице-адмирал А.В. Колчак, назначенный на пост военного и морского министра.

В ночь на 18 ноября около трех сотен казаков и солдат, подчинявшихся полковнику В.И. Волкову, войсковым старшинам А.В. Катанаеву и И.Н. Красильникову, арестовали председателя Директории Н.Д. Авксентьева, члена Директории В.М. Зензинова, товарища министра внутренних дел эсера Е.Ф. Роговского и ряд близких к ним лиц. В свою очередь Совет министров, срочно созданный в связи с произведенными арестами

на чрезвычайное заседание, признал Директорию прекратившей свою деятельность, постановил сначала принять всю полноту верховной государственной власти на себя, а потом решил «передать временно осуществление верховной власти одному лицу, опирающемуся на содействие Совета министров, присвоив такому лицу наименование Верховного правителя» [1. С. 89–90].

На чрезвычайном заседании Совета министров 18 ноября 1918 г. официально присутствовали 25 человек: председатель Совета министров П.В. Вологодский, его заместитель В.А. Виноградов, семь министров (Н.С. Зефилов, А.В. Колчак, И.А. Михайлов, Н.И. Петров, И.И. Серебrenников, С.С. Старынкевич, Л.А. Устругов), четверо управляющих министерствами (А.Н. Гаттенбергер, Ю.В. Ключников, Л.И. Шумиловский, Н.Н. Щукин), четыре товарища министра (Г.К. Гинс, А.А. Грацианов, И.А. Молодых, Н.Я. Новомбергский), два помощника министра (генерал-майоры В.И. Сурин и Б.И. Хорошхин), государственный контролер Г.А. Краснов, управляющий делами Г.Г. Тельберг, его помощники Т.В. Бутов и Н.К. Федосеев, а также приглашенные П.В. Вологодским начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.С. Розанов и временно командующий Сибирской армией генерал-майор А.Ф. Матковский. Не исключено, что в напряженной и сумбурной обстановке того времени кто-то из сотрудников Совета министров или Ставки мог присутствовать на заседании неофициально, без приглашения.

Закрытой баллотировкой на альтернативной основе из трех кандидатов на этот пост был избран А.В. Колчак. Кандидатами были член Директории, Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, военный и морской министр Временного Всероссийского правительства вице-адмирал А.В. Колчак и верховный уполномоченный Временного Всероссийского правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенант Д.Л. Хорват. Хрупкий компромисс, с таким трудом заключенный разнородными по своему составу антибольшевистскими силами сначала в Уфе, а потом в Омске, оказался разрушенным. Власть в лагере российской контрреволюции перешла в руки ставленника тех кругов, которые держали курс на военную диктатуру.

Осуществленный в Омске государственный переворот, несмотря на его локальный характер, является одним из важнейших событий в истории Гражданской войны в России. Тем не менее до настоящего времени он освещен в научной и особенно в научно-популярной литературе с недостаточной полнотой, точностью и объективностью. В значительной мере такое положение объясняется состоянием источниковой базы. С одной стороны, она очень узкая, поскольку государственные перевороты готовятся тайно, а их исполнители стараются следов не оставлять, с другой – до сих пор она представлена в основном такими субъективными сви-

детельствами, как мемуары участников и современников события. Однако именно мемуарная литература послужила главным источником не только фактической информации, но и тех противоречивых концептуальных построений, которые высказаны в исследовательских публикациях о колчаковском перевороте. В этом легко убедиться, если сравнить специальные статьи [2, 3] и фрагменты книг [4–11], в которых освещено это событие. Сказанное актуализирует вопрос об опубликованных по данной теме мемуарах как историческом источнике, диктует необходимость их специального критического анализа.

Колчаковский государственный переворот нашел отражение в опубликованных воспоминаниях ряда известных журналистов, политических и военных деятелей: Л.В. Арнольдова, А.А. Аргунова, М.В. Вишняка, Г.К. Гинса, К.Я. Гоппера, И.С. Ильина, Л.А. Кроля, И.М. Майского, С.П. Руднева, К.В. Сахарова, Н.В. Святыцкого, И.И. Серебrenникова, М.И. Смирнова, А.С. Соловейчика, И.И. Сукина.

Первые две мемуарные публикации, в которых сохранились сведения о произошедшем в Омске перевороте, вышли в свет уже в 1919 г. Сначала примерно в феврале в Париже появилась брошюра А.А. Аргунова, в которой содержался раздел «Временное Всероссийское правительство в Омске. Переворот 18 ноября».

Напомним, что А.А. Аргунов являлся членом ЦК партии эсеров и заместителем Н.Д. Авксентьева в Директории. С конца сентября 1918 г. он возглавлял Чрезвычайную следственную комиссию, которая занималась выяснением обстоятельств ареста в Омске членов Совета министров Временного Сибирского правительства В.М. Крутовского и М.Б. Шатилова и убийства назначенного министром А.Е. Новоселова. В результате А.А. Аргунов хорошо представлял омскую атмосферу.

А.А. Аргунов не стал описывать события переворота, поскольку считал, что «фактическая сторона его известна». Он предпочел заняться выяснением наиболее существенных вопросов. Прежде всего он отменил обвинения «правых» в том, что эсеровская часть Директории действовала в соответствии с указаниями ЦК своей партии. В частности, он специально прояснил ситуацию с инструкцией (обращением) эсеровского ЦК от 22 октября 1918 г. к партийным организациям (в «правой» печати она называется то черновской грамотой, то прокламацией эсеровского ЦК), в которой сохранились критика Временного Всероссийского правительства и рекомендация местным партийным организациям заняться созданием вооруженных отрядов. А.А. Аргунов сообщил, что Директория постановила «произвести расследование дела об авторах этой инструкции, а ген[ералу В.Г.] Болдыреву, как [Верховному] главнокомандующему, было поручено беспощадно давить всякие попытки к созданию партийных военных организаций» [12. С. 34]. Данную информацию А.А. Аргунова подтвердил В.М. Зензинов в своем письме «Правда о неправде», которое 22 апреля 1919 г.

опубликовала парижская газета «Общее дело» [13. С. 193].

Особое раздражение «правых» кругов, по мнению А.А. Аргунова, вызвала твердая позиция, занятая Директорией по отношению к нарушителям дисциплины в вооруженных силах. Он утверждал, что Директория назначила расследование скандального инцидента, происшедшего 13 ноября 1918 г. в зале Омского гарнизонного собрания, когда часть присутствовавших русских офицеров потребовала сыграть «Боже, царя храни!» и даже подпевала оркестру во время исполнения гимна бывшей Российской империи. Скорее всего А.А. Аргунов имел в виду приказ Верховного главнокомандующего В.Г. Болдырева № 36 от 15 ноября 1918 г. В нем В.Г. Болдырев еще раз подтвердил позицию Временного Всероссийского правительства: «армия вне политики», а «всякое публичное выявление своих политических симпатий, в какую бы сторону они ни клонились, совершенно не допустимо со стороны представителей армии». Он решительно осудил инцидент в Омском гарнизонном собрании, квалифицировав его как «особенно недопустимый по своей безграничной бестактности и преступному легкомыслию со стороны лиц, являющихся виновниками этого случая».

В.Г. Болдырев приказал генерал-майору А.Ф. Матовскому «произвести строжайшее расследование и определенно выяснить тех лиц, которые, забывая о достоинстве своей страны, не стесняясь дружеским союзным представительством, демонстрируют публично свою безграничную распущенность, которой должен быть положен конец». Верховный главнокомандующий в корректной форме выразил свое недовольство поведением начальствующих лиц, присутствовавших на банкете, но не принявших мер для немедленного ареста и привлечения виновных к строжайшей ответственности, заявив, что в дальнейшем будет расценивать такое поведение как преступное бездействие власти. Приказ заканчивался жесткими словами: «Лица, сознательно или бессознательно вредящие созиданию здоровой дисциплины в армии и спокойному развитию возрождающейся государственности, должны быть немедленно устраняемы из рядов армии» [14. Л. 100; 15. С. 55].

«Опасение перед крепнувшим авторитетом Всероссийского правительства, вокруг которого уже стали заметно собираться здоровые элементы и стали завязываться сношения с правительством [А.И.] Деникина, [Н.В.] Чайковского и заграничными русскими миссиями; опасение у одних потерять силу и свободу атаманского хозяйничания, потерять власть у других – вот что толкнуло тех и других перейти от оппозиции и сопротивления к подготовке переворота», – так определил А.А. Аргунов совокупность объективных и субъективных причин, обусловивших поведение «правых» сил [12. С. 36].

Мемуарист высказал предположение о том, что решающим фактором («окончательным толчком»), побудившим «правых» активизировать свои преступные

действия против законной власти, стало то обстоятельство, что Временное Всероссийское правительство «получило точные сведения о готовящемся признании его союзниками и о специальной миссии в связи с этим ген[ерала] Жанена» [12. С. 36].

Это утверждение А.А. Аргунова в 1921 г. подтвердил русский дипломатический представитель в Лондоне поверенный в делах К.Д. Набоков, отнюдь не симпатизировавший социалистам. В своих мемуарах он сообщил, что английское правительство решило «признать Директорию, и 17-го ноября была даже заготовлена в этом смысле телеграмма в Омск» [16. С. 245]. Он писал, что Совет министров уже утром 18 ноября располагал сведениями не только об аресте эсеровских членов Директории, но и о месте их пребывания. Однако Совет министров не сделал попытки к освобождению арестованных и даже не поставил в известность о происшедшем в Омске находившегося на фронте В.Г. Болдырева.

А.А. Аргунов коротко откликнулся на результаты чрезвычайного военного суда над организаторами ареста эсеровской части Директории, который состоялся по указанию А.В. Колчака. «Цинизм победителей, – резюмировал он, – сразу проявился во всей красе. Офицеры, конечно, были торжественно “оправданы” и отблагодарены» [12. С. 38]. А.А. Аргунов считал, что у Директории «не было специальной военной охраны, достаточной против всяческого заговора». Причины такого положения он объяснял тем, что Временное Всероссийское правительство «не готовилось к нему, или, вернее, не спешило готовиться» [Там же. С. 39].

Основываясь на содержании разговора по прямому проводу между В.Г. Болдыревым и А.В. Колчаком после переворота, А.А. Аргунов сообщил, что В.Г. Болдырев энергично протестовал и требовал от адмирала прекращения преступной авантюры, восстановления Директории и наказания виновных. Мемуарист считал, что перед В.Г. Болдыревым стояла дилемма: поднять войска с фронта и идти с ними на Омск или воздержаться от этого во избежание новой гражданской войны, на этот раз внутри антибольшевистского лагеря. В.Г. Болдырев не пошел на обострение ситуации, хотя, по заявлению А.А. Аргунова, знал, что «мог выйти победителем, ибо за ним пошла бы Народная армия, стоявшая у Уфы, к нему бы присоединились чехословаки» [Там же].

Мемуарист предпринял попытку объяснить, почему население востока России не отреагировало на переворот и на приход к власти военного диктатора. По мнению А.А. Аргунова, опыт прошлого и особенно текущих военно-политических событий свидетельствовал о том, что масса населения «пассивна и если реагирует, то не сразу, не немедленно».

Что касается отношения к установлению власти Верховного правителя сибирской демократии, то, по оценке А.А. Аргунова, в этом вопросе «двух мнений не может быть». В подтверждение своей позиции он ссы-

лался на публикации в газетах резолюций земств, городов и разных общественных организаций, которые якобы «в один голос протестовали против переворота». Однако «голос демократии был сразу придушен цензурной петлей и другими мерами» [12. С. 40].

Автором второй по времени публикации, изданной в Ростове-на-Дону в июле 1919 г., был А.С. Соловейчик – журналист, член партии кадетов, с октября 1918 г. работавший личным секретарем министра финансов Временного Сибирского правительства И.А. Михайлова. Как известно, И.А. Михайлов был в Омске одной из наиболее влиятельных политических фигур. Молва приписывала ему сомнительную «славу» инициатора ряда грязных акций, направленных против эсеров и Сибирской областной думы. Это позволяет предположить, что А.С. Соловейчик в вопросе о государственном перевороте мог быть довольно осведомленным человеком. Такая гипотеза подтверждается тем, что в декабре 1918 г. колчаковская контрразведка обнаружила у А.С. Соловейчика ряд секретных документов, которые он получил от И.А. Михайлова. Чтобы избежать преследования, А.С. Соловейчик был вынужден срочно покинуть Сибирь и отправиться на юг России.

В отличие от А.А. Аргунова А.С. Соловейчик поставил перед собой более простую и скромную задачу: «...дать чисто внешнее описание событий в их хронологической последовательности и бегло очертить те настроения, в которых они развивались» [Там же. С. 4].

Раздел текста его брошюры, посвященный перевороту, условно можно разбить на четыре неравноценные части. Первую из них составлял пересказ сообщения Российского правительства от 20 ноября, официального сообщения информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего от 21 ноября 1918 г. и ряда других материалов, которые уже были опубликованы в правительственной печати и отражали точку зрения победителей на события 18 ноября.

Вторую часть составили извлеченные из правительственной печати официальные документы: постановления Совета министров о взятии на себя всей полноты государственной власти, о временной передаче верховной государственной власти вице-адмиралу А.В. Колчаку и присвоении ему наименования Верховного правителя, обращение Верховного правителя к населению, «Положение о временном устройстве государственной власти в России».

Наибольшую ценность представляла третья часть. В ней А.С. Соловейчик – скорее всего, со слов И.А. Михайлова – кратко рассказал о том, как происходили выборы Верховного правителя. Он утверждал, что выборы производились на альтернативной основе путем тайного голосования; назвал поименно 13 человек, которые участвовали в голосовании, и указал их партийную принадлежность; сообщил, что при голосовании 12 записок было подано за А.В. Колчака и одна – за В.Г. Болдырева [17. С. 55]. Сохранилось приложение № 1 к журналу заседания Совета министров

от 18 ноября 1918 г., которое называется «Лист закрытой баллотировки по избранию Верховного правителя». В нем содержится такая информация: «Подано председателю Совета министров 14 записок. По вскрытии их и подсчете оказалось: а) с именем адмирала Колчака – 13 записок, б) с именем ген[ерал]-л[ейтенанта] Болдырева – 1 записка» [1. С. 96].

В четвертой части воспоминаний А.С. Соловейчик считал нужным отразить поведение и судьбу казачьих офицеров В.И. Волкова, А.В. Катанаева и И.Н. Красильникова, производивших аресты членов Директории и названных автором «виновниками переворота»: их добровольную явку с повинной к Верховному правителю, якобы патриотические мотивы ареста ими членов Директории, заседание и решение военного суда над названной тройкой офицеров. А.С. Соловейчик, выступавший на суде в качестве свидетеля на стороне подсудимых, написал, что оправдательный приговор подсудимым был вынесен «под громовые аплодисменты собравшейся в массе публики, устроившей грандиозную манифестацию и чествование оправданных» [17. С. 58].

В противовес А.А. Аргунову А.С. Соловейчик утверждал, что общественные круги востока России отреагировали на происшедший переворот и «переход власти в новые руки восторженно и с полным сочувствием». В качестве главных аргументов для доказательства своей правоты А.С. Соловейчик привел адрес, поднесенный 19 декабря 1918 г. Верховному правителю так называемым Омским блоком общественных организаций, и сослался на поездки А.В. Колчака в прифронтовую полосу, где его якобы горячо встречали и чествовали «не только интеллигентские, но и самые широкие народные слои как крестьянские, так и рабочие» [Там же. С. 60].

В Омский блок общественных организаций входили представители 13 политических и общественных объединений: Д.С. Каргалов – Всероссийского совета съездов торговли и промышленности, Н.П. Двинаренко – Центрального военно-промышленного комитета, А.В. Сазонов – Совета Всесибирских кооперативных съездов, Я.Г. Лапшаков, С.М. Мелентьев, С.Н. Шендрик, Е.П. Березовский – соответственно Забайкальского, Иркутского, Семиреченского и Сибирского казачьих войск, В.А. Жардецкий – Восточного отдела ЦК партии народной свободы, В.В. Куликов – Омского отдела Союза освобождения России, Г.А. Рязский – Акмолинского отдела Всероссийского национального союза, А.И. Новиков (Н.А. Филашев) – Омского комитета трудовой народно-социалистической партии, И. Строганов – Омской группы партии социалистических революционеров-«воленародовцев», И. Рубанков – Атамановской группы РСДРП «Единство». Возглавлял блок в качестве его председателя один из руководителей сибирской кооперации А.А. Балакшин.

Оценки реальной силы блока в воспоминаниях сильно расходятся. Л.А. Кроль считал, что в политическом смысле он «был блоком тринадцати нулей»

[18. С. 144]. Такой вывод мемуарист сделал на основании того, что в действительности И. Рубанков, И. Строганов, А.И. Новиков (Н.А. Филашев), В.В. Куликов и Г.А. Рязский, кроме лично себя, никого больше в блоке не представляли. По характеристике Л.А. Кроля, В.А. Жардецкий значился председателем «несуществующего комитета несуществующей в Омске группы кадетов».

Противоречивые оценки о политическом весе блока дал Г.К. Гинс. С одной стороны, он утверждал, что многие деятели блока «пользовались большим влиянием в военных кругах», и поэтому он представлял из себя «большую силу». С другой стороны, Г.К. Гинс признавался, что реальная мощь блока «была недостаточно ясна», но уверенность и резкость, с которой некоторые члены блока разговаривали с Директорией, «заставляла думать, что блок чувствует за собой силу» [19. Т. 1, ч. 1. С. 275].

Интересные сведения и соображения о событиях, предшествовавших перевороту и последовавших сразу за ним, привел в своих воспоминаниях, написанных в марте-апреле 1920 г. и опубликованных в Риге в том же году, К.Я. Гоппер. Мемуарист был кадровым офицером русской армии. Во время Первой Мировой войны он проделал путь от командира стрелковой роты до командира бригады, был удостоен многих наград, в том числе Георгиевского оружия, орденов Святого Георгия IV и III степени. В июле 1918 г. К.Я. Гоппер был одним из руководителей антибольшевистского восстания в Ярославле. С 1 октября 1918 г. он являлся главным комендантом Ставки Временного Всероссийского правительства и Верховного главнокомандующего, имел возможность близко наблюдать за деятельностью и поведением штабной элиты, почувствовать господствовавшие в ней настроения.

К.Я. Гоппер высказал мнение, что Верховный главнокомандующий В.Г. Болдырев, а затем и назначенный им начальником штаба генерал-лейтенант С.Н. Розанов при формировании штаба главнокомандующего допустили одну и ту же ошибку: они доверили ключевые должности молодым офицерам Генерального штаба полковникам А.П. Слижикову и Г.В. Леонову и подполковнику А.Д. Сыромятникову, которые были «тонкими и хитрыми политиками», но работали «не в той плоскости, на которой стоял генерал Болдырев» [20. С. 84–85].

На основании последовавших после 18 ноября 1918 г. от Верховного правителя наград «за особые заслуги перед родиной» К.Я. Гоппер сделал вывод, что арест членов Директории был делом не только казачьих офицеров В.И. Волкова, А.В. Катанаева и И.Н. Красильникова. Он считал, что в перевороте активное участие принимали Г.В. Леонов, А.П. Слижиков и А.Д. Сыромятников, комендант Ставки полковник Деммерт и несколько человек из контрразведки Ставки.

Тем не менее К.Я. Гоппер признавал, что переворот «случился все-таки неожиданно для нас». Вот как боевой офицер, обязанный обеспечить безопасность штаба

Верховного главнокомандующего, объяснил причины этого: «Я не ожидал его уже потому, что деятельность членов Директории как будто все более и более начала принимать примиряющий характер. Члены Учредительного собрания эсеры не были пропущены в Омск; председатель Директории Авксентьев распустил Сибирскую областную думу, заседавшую в Томске; почти все министры Сибирского правительства вошли во вновь образовываемое Всероссийское Временное правительство; стало быть, как будто не было таких острых трений, которые могли бы вызвать конфликт <...>» [20. С. 99–100].

Эти рассуждения К.Я. Гоппер закончил вполне имеющей право на существование гипотезой: «Быть может эти благоприятные обстоятельства и послужили настоящей причиной поспешности переворота – возникло опасение, что Директория укрепитя и справиться с ней потом будет труднее; к тому же циркулировали еще и слухи о готовящемся в ближайшее время признании Всероссийского Временного правительства союзниками» [Там же. С. 100].

К.Я. Гоппер описал содержание своего разговора с В.Г. Болдыревым после возвращения генерала с фронта и его встречи с Верховным правителем А.В. Колчаком. Со слов В.Г. Болдырева мемуарист заявил, что для последнего «переворот явился полной неожиданностью». К.Я. Гоппер сообщил, что В.Г. Болдырев ознакомил его с текстами телеграмм, которыми обменялись между собой В.Г. Болдырев из Челябинска и А.В. Колчак из Омска. По свидетельству К.Я. Гопера, «телеграммы ген[ерала] Болдырева содержали категорическое требование немедленного освобождения и восстановления в правах членов Директории; в телеграммах же адм[ирала] Колчака был столь же категорический отказ, основанный на постановлении Сибирского Совета министров» [Там же. С. 103].

В заключение К.Я. Гоппер, основываясь на словах В.Г. Болдырева, изложил причины, по которым генерал не встал на путь борьбы против переворотчиков, хотя фронт якобы «выразил полную готовность поддержать его». После «зрелого обсуждения», сказал В.Г. Болдырев, он пришел к выводу, что «от начала подобной борьбы на два фронта пользы для родины не будет и кончится все только полным торжеством большевиков» [Там же].

Целую главу перевороту 18 ноября уделил Г.К. Гинс, издавший двухтомник своих мемуаров¹ в Пекине и Харбине в 1921 г. Г.К. Гинс принадлежал к «старожилам» омской политической элиты. Он позиционировал себя в качестве беспартийного, но по своим взглядам был близок к умеренным кадетам. С середины июня 1918 г. Г.К. Гинс последовательно служил управляющим делами Западно-Сибирского комиссариата и Совета министров Временного Сибирского правительства, затем – товарищем министра народного просвещения Временного Всероссийского правительства. Но еще более важно, что он входил в ближайшее

окружение П.В. Вологодского, благодаря чему всегда был хорошо осведомлен и мог оказывать большое влияние на текущие события. Поскольку после прихода А.В. Колчака к власти Г.К. Гинс продолжал занимать крупные должности и постоянно контактировал с рядом ключевых участников переворота, он несомненно располагал достоверной информацией о том, кто и как его подготовил, но поделился ей очень скупно.

Не подлежит сомнению, что сам Г.К. Гинс не входил в число заговорщиков. По его признанию, он «только догадывался о подготовляющемся заговоре». Тем не менее мемуарист осветил несколько важных вопросов и сообщил заслуживающие внимания сведения.

Г.К. Гинс довольно подробно, хотя и крайне односторонне, обрисовал обстановку в Омске накануне переворота. Он утверждал, что идея диктатуры «носилась в воздухе», но в порядке подтверждения своего тезиса ограничился только приведением политической программы, принятой на съезде торгово-промышленников в Уфе. Автор воспоминаний подверг критике сформированную Директорией систему власти, якобы парализовавшую деятельность Совета министров, и объяснил тщетность усилий Директории, направленных на получение помощи от союзников и признание ими Временного Всероссийского правительства. Здесь он солидаризировался с временно управляющим министерством иностранных дел Ю.В. Ключниковым, который утверждал, что последнее было исключено из-за отсутствия у Директории «самостоятельной реальной силы» [19. Т. 1, ч. 1. С. 284–289, 295–302].

Мемуарист привел так называемую черновскую грамоту, в которой ЦК эсеров требовал от местных партийных организаций мобилизовать, обучить военному делу и вооружить всех своих членов. Он воспроизвел слухи о том, что товарищ министра внутренних дел эсер Е.Ф. Роговский привез из Самары в Омск «особую стражу, свою разведку и деньги». Эти сведения нужны были автору для того, чтобы показать подготовку эсеров к полному захвату власти насильственным путем. Причем весь предыдущий текст Г.К. Гинс скомпоновал таким образом, чтобы задать себе и читателям по сути дела единственный риторический вопрос: «Кто из двух раньше?», – правильный ответ на который, однако, совершенно не вытекал из ранее приведенного фактического материала [18. С. 304–306].

Специально остановившись на анализе причин государственного переворота, Г.К. Гинс выделил основную из них. Мемуарист видел ее в общей неудовлетворенности уфимским компромиссом. «Левые и правые группы, – считал автор воспоминаний, – были настроены враждебно к Директории. Центр еще не успел сложиться <...>. Директория висела в воздухе – некому было прийти ей на помощь» [Там же. С. 311].

Г.К. Гинс был первым из написавших о колчаковском государственном перевороте, кто лично участвовал в заседании Совета министров 18 ноября 1918 г., на котором были приняты исторические решения. Однако

ход этого заседания, которое длилось несколько часов, он изложил очень бегло и сумбурно, с нарушением последовательности, в которой происходило на заседании обсуждение вопросов. Авторские эмоции и оценки в тексте преобладали над фактами, что снижает значение приведенной информации.

По свидетельству Г.К. Гинса, после сообщения П.В. Вологодского об аресте Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова, А.А. Аргунова и Е.Ф. Роговского и невинной информации со слов каких-то очевидцев о ночных событиях в зале заседания, некоторое время царил «тягостное молчание». Отсюда мемуарист сделал такие выводы: «Я могу утверждать, с полным убеждением, что для подавляющего большинства переворот был совершенно неожиданным», «Могу также с уверенностью сказать, что о перевороте ничего не знал и Колчак», «Совет министров был застигнут врасплох».

Продолжительные прения участников заседания по вопросу о том, кому должна принадлежать власть, их точки зрения и аргументация в воспоминаниях не получили освещения. Г.К. Гинс ограничился короткой констатацией: «Факт свержения Директории был признан».

Роковой вопрос «Значит, диктатура?» Г.К. Гинс вложил в уста В.А. Виноградова. Он также назвал фамилию единственного члена Совета министров, который возразил против установления диктатуры, – управляющего министерством труда бывшего меньшевика Л.И. Шумиловского.

По версии Г.К. Гинса, после этого началось выдвижение кандидатур с целью избрания Верховного правителя. Первой прозвучала фамилия В.Г. Болдырева, которую озвучил генерал С.Н. Розанов. По терминологии мемуариста, некие «другие» назвали А.В. Колчака, а министр путей сообщения Л.А. Устругов подал ему записку, на которой значилась фамилия генерала Д.Л. Хорвата. Не очень внятно Г.К. Гинс сообщил результаты голосования: за А.В. Колчака проголосовали все, кроме одного, который отдал свой голос В.Г. Болдыреву [19. Т. 1, ч. 1. С. 306–308].

Г.К. Гинс посчитал нужным охарактеризовать поведение во время заседания Совета министров двух членов Директории: П.В. Вологодского и В.А. Виноградова. По его утверждению, после избрания А.В. Колчака Верховным правителем оба названных деятеля заявили о сложении ими своих должностей в Совете министров. Причем Г.К. Гинс привел аргументы, которыми мотивировал свое поведение В.А. Виноградов: «Он остался бы, если бы верил, что происшедшее принесет благо стране, но он в это не верит». Попытки уговорить В.А. Виноградова остаться в Совете министров в целях сохранения преемственности не увенчались успехом, тогда как П.В. Вологодский после недолгих колебаний согласился [Там же. С. 309–310].

По свидетельству Г.К. Гинса, вопрос об объеме полномочий и компетенции, которыми будет располагать А.В. Колчак в статусе Верховного правителя, якобы встал после его избрания. Мемуарист написал, что

А.В. Колчак «был смущен предложенным званием “Верховного правителя”, ему казалось достаточным звание Верховного главнокомандующего с полномочиями в области охраны внутреннего порядка». После непродолжительной полемики А.В. Колчак получил оба титула, что Г.К. Гинс квалифицировал как несомненную ошибку, поскольку, как позднее выяснилось, «адмирал фактически не был и не мог быть главнокомандующим, так как он был силен на море, а не на суше» [19. С. 309].

Г.К. Гинс назвал министра юстиции С.С. Старынкевича, управляющего делами Совета министров Г.Г. Тельберга и себя авторами «Положения о временном устройстве государственной власти в России», которая должна была играть роль временной Конституции. Мемуарист разъяснил, что они провели в «Положении» в качестве главной мысль о том, что Российское правительство составляют Верховный правитель и Совет министров, благодаря чему законодательная власть Верховного правителя была ограничена, а он стал «диктатором конституционным» [Там же. С. 310].

Раздел воспоминаний, озаглавленный «18 ноября», Г.К. Гинс завершил таким выводом: «Роковая неожиданность переворота поставила Совет министров перед фактом, заставила его принять решение без подготовки, избрать диктатора, недостаточно оценив его качества, определить его права, не выяснив твердо политических целей <...>. Те, кто свергнул Директорию, приняли на себя тяжкую ответственность, и, судя по тому, что произошло, они, видимо, мало продумали политическую программу будущего, сговорившись лишь на замене Директории Колчаком» [Там же. С. 309].

Более полную информацию по сравнению с предыдущими мемуаристами дал Г.К. Гинс об отношении общественности и других сил к свержению Директории и установлению единоличной власти А.В. Колчака. По его оценке, переворот прошел «не вполне гладко, но в общем был принят спокойнее, чем можно было подумать. В Омске он вызвал некоторое брожение умов, но оно скоро улеглось» [18. Т. 2, ч. 2 и 3. С. 5]. «Протестующие голоса, – писал он, – раздали лишь на окраинах»: со стороны «учредилковцев» и чехословаков из Уфы, Екатеринбурга и Челябинска, атамана Б.В. Анненкова из Семипалатинска и атамана Г.М. Семенова из Читы; настороженно отнесся сначала к новой власти вождь оренбургского казачества А.И. Дутова [Там же. Т. 2, ч. 2 и 3. С. 6–15].

Г.К. Гинс упомянул о суде над казачьими офицерами, арестовавшими «директоров»-эсеров, и вынесении им оправдательного приговора. Он выразил сожаление, что суд «не происходил в обстановке полной гласности». Несмотря на это, он счел необходимым повторить прозвучавшие на суде клеветнические обвинения со стороны подсудимых и свидетелей в адрес эсеровской партии, которые резюмировал такими словами: «Едва ли можно было вынести обвинение виновникам переворота после того, как выяснилось, что одна сторона (эсеры,

Директория. – *В.Ш.*) стремилась предать другую (Совет министров), что эсеры явно подготовляли переворот против власти...» [19. Т. 2, ч. 2 и 3. С. 15–16].

Совершенно естественно, что вопрос о перевороте 18 ноября отразил в своих воспоминаниях Л.А. Кроль, написавший и опубликовавший книгу во Владивостоке в 1921 г. Л.А. Кроль был крупным екатеринбургским предпринимателем, широко известным своей общественно-политической деятельностью. С 1905 г. он состоял членом партии народной свободы и ее ЦК. В конце 1917 г. был избран депутатом Всероссийского Учредительного собрания. В начале 1918 г. в Москве вошел в состав Союза освобождения России, а летом 1918 г. перешел фронт и активно участвовал в формировании коалиционной власти на Урале и в Уфе. Он являлся заместителем председателя Временного областного правительства Урала и в этой должности тесно взаимодействовал с Директорией.

Воспоминания Л.А. Кроля не содержат фактической информации непосредственно о перевороте. Однако он не сомневался в том, что екатеринбургские военные круги были тоже причастны к заговору. Мемуарист обратил внимание на то, что заговорщики вели не только техническую (организационную) подготовку переворота, но и интеллектуальную. В этой связи он прямо указал на деятельность в Екатеринбурге крупного журналиста и издателя газеты «Отечественные ведомости» А.С. Белоруссова, который активно пропагандировал в лагере контрреволюции необходимость установления диктатуры [18. С. 146, 158].

«Ясно было, – считал Л.А. Кроль, – что заговор был поставлен широко и создан не в один день. Директории дали проделать то, что без нее сделать нельзя было: она упразднила с их согласия областные правительства, она добилась роспуска Сибоблдумы, одним словом то, что было бы невозможно для Сибирского правительства. Совет министров, общим числом в 14 человек, был составлен так, что в этом числе 10 министров были из прежнего состава Сибирского Административного совета. Во главе его оставался, как и прежде, Вологодский. И вот теперь, когда мавр сделал свое дело, он мог уходить» [Там же. С. 158–159].

Как бы продолжая поднятую Г.К. Гинсом тему о «конституционной диктатуре», Л.А. Кроль подметил, что принятием «Положения о временном устройстве государственной власти в России» Совет министров смог получить то, чего не смог добиться от Директории: совместного с Верховным правителем управления освобожденной от большевиков территорией. «Номинально создавалась диктатура адмирала Колчака, – писал Л.А. Кроль, – а фактически – власть тех, кто недавно еще именовался Сибирским правительством» [Там же. С. 159]. Это была оригинальная и отнюдь не беспочвенная интерпретация результатов омского государственного переворота.

В 1922 г. начал писать и публиковать в одном из московских журналов свои воспоминания о событиях

Гражданской войны на востоке России И.М. Майский. В следующем году он издал их в книжном формате. И.М. Майский был членом РСДРП с 1903 г. После Февральской революции он состоял членом коллегии министерства труда Временного правительства, в декабре 1917 г. был избран в ЦК меньшевиков. В августе 1918 г. И.М. Майский вошел в состав Самарского комитета членов Учредительного собрания и возглавил в нем ведомство труда, за что ЦК меньшевиков исключил его из партии. 18 октября 1918 г. по приглашению Директории он прибыл в Омск для переговоров об организации министерства труда Временного Всероссийского правительства, благодаря чему имел возможность лично наблюдать омскую обстановку накануне и после переворота. Однако ко времени написания мемуаров И.М. Майский уже являлся членом РКП(б).

И.М. Майский довольно подробно изложил свои первые впечатления от царившей в Омске общественно-политической атмосфере. Он поведал о содержании своих разговоров с членами Директории Н.Д. Авксентьевым и В.М. Зензиновым, а также с начальником главного управления по делам милиции и охраны государственного порядка Временного Всероссийского правительства Е.Ф. Роговским, которые вел на протяжении первых десяти дней своего пребывания в Омске. Как писал мемуарист, первую беседу с ним В.М. Зензинов закончил словами «мы чувствуем себя здесь точно во вражеском лагере» [21. С. 304].

Ценным свидетельством в воспоминаниях И.М. Майского являются его впечатления о политическом положении в Омске, которые он составил после нескольких дней самостоятельного знакомства с местной обстановкой. «Результаты моих изысканий были самые убийственные, – резюмировал автор. – Зензинов нисколько не преувеличивал, говоря, что Директория находится во вражеском стане» [Там же. С. 305].

И.М. Майский обстоятельно рассказал о своих попытках убедить Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова и Е.Ф. Роговского в том, что реакционные круги готовят переворот, и воздействовать на эсеровскую часть Директории в целях его предотвращения. «На мои указания, – вспоминал он, – что в воздухе пахнет государственным переворотом и что необходимо немедленно же принимать энергичные меры против заговорщиков, Роговский отвечал, что мои страхи преувеличены и что никакой непосредственной опасности нет». В итоге автор воспоминаний подвел читателей к такому выводу: «Итак, Авксентьев и Зензинов видели опасность, но не считали возможным против нее выступать, а Роговский даже и опасности не видел!» [Там же. С. 316].

Мемуарист пытался показать, что Директория не только вела себя пассивно, но и в своей политике допустила цепь непростительных ошибок. Сначала она проиграла Временному Сибирскому правительству в борьбе за состав Совета министров, затем «в каком-то странном ослеплении всемерно ускорила свою гибель, делая один нелепый шаг за другим». В ряду таких ша-

гов И.М. Майский назвал ликвидацию Сибирской областной думы, противодействие обосновавшемуся в Уфе Совету управляющих ведомствами, запрещение формирования русско-чешских полков.

Автор воспоминаний привел свои впечатления о том эмоционально-психологическом состоянии, в котором находились Н.Д. Авксентьев и В.М. Зензинов за три дня до переворота. «Настроение Авксентьева и Зензинова, – по его мнению, – также было крайне подавленное. Они уже больше не храбрились, не высказывали надежд на будущее, даже не пытались делать “хорошую мину в плохой игре”». Авксентьев мне прямо заявил: “Мы чувствуем себя точно на вулкане. Каждую ночь мы ждем ареста”» [21. С. 326].

И.М. Майский утверждал, что очень скоро он узнал «важнейшие подробности переворота», однако раскрыть источники полученной информации не посчитал нужным. В действительности сведения, сообщенные мемуаристом, не содержали ничего нового. Они были повторением того, что к 1922 г. уже было более полно и точно опубликовано другими.

В то же время И.М. Майский вступил в полемику с Г.К. Гинсом, к которому на каком-то непонятном основании присоединил П.В. Вологодского и не названных «других». И.М. Майский категорически возражал заявлениям предшественников о том, что они «не только не участвовали в перевороте 18 ноября, но [и] что он явился для них даже полной неожиданностью».

И.М. Майский вынужден был признать, что история колчаковского переворота «во многих пунктах еще не совсем ясна». Однако последнее обстоятельство не остановило его и не помешало назвать фамилии участников, соучастников и тех, кто санкционировал переворот. Не подлежит никакому сомнению, считал И.М. Майский, что в свержении Директории «прямо или косвенно» участвовали такие «руководящие члены» Временного Сибирского правительства, как П.В. Вологодский, Г.К. Гинс, И.А. Михайлов, В.Н. Пепеляев и «некоторые другие».

Причастным к государственному перевороту И.М. Майский считал Омский блок общественных организаций, а санкционировавшими его осуществление назвал специального представителя английского правительства в Сибири и на Дальнем Востоке, главу британской военной миссии генерала А. Нокса и начальника французской военной миссии при Российском правительстве генерала М. Жанена [Там же. С. 334–335]. Скорее всего, последнее утверждение в воспоминаниях молодого коммуниста И.М. Майского появилось не случайно, а как грамотный ответ партийного неопита на существовавший политический запрос: оно хорошо вписывалось в ленинскую концепцию гражданской войны, в которой решающая роль отводилась интервенции.

Последним по времени написал и опубликовал свои воспоминания о колчаковском перевороте И.И. Серебренников. Они вышли в свет в Тяньцзине в 1937 г. В молодые годы И.И. Серебренников участвовал в ре-

волюционном движении, в зрелые – стал заниматься научной, культурной и общественной деятельностью. С 27 июля 1918 г. состоял министром снабжения, с 29 августа по 10 сентября – председателем Административного совета Временного Сибирского правительства, возглавлял сибирскую делегацию на Уфимском государственном совещании. 4 ноября 1918 г. он был назначен министром снабжения Временного Всероссийского правительства. И.И. Серебренников имел хорошие отношения с большинством коллег по Совету министров и был очень осведомленным человеком.

В воспоминаниях И.И. Серебренникова довольно подробно были описаны ход и итоги борьбы, которая велась почти две недели между Директорией и Временным Сибирским правительством при формировании Совета министров Временного Всероссийского правительства. Ненавидевший эсеров мемуарист свидетельствовал: «Упорство с обеих сторон было проявлено исключительное <...>. Казалось, вот-вот вспыхнет переворот, который решит эту упорную тяжбу силой оружия». На заданный самому себе вопрос о том, откуда можно было ожидать в то время атаку, «справа» или «слева», И.И. Серебренников ответил, что «оттуда и отсюда». Со ссылкой на позднейшую информацию, полученную им от неназванного эсера, он сообщил, что чехословаки были готовы ликвидировать Временное Сибирское правительство, но на такую акцию не дал санкцию Н.Д. Авксентьев, который, по словам бывшего министра, «не решился на этот раз (?) прибегнуть к силе оружия» [22. С. 202–203].

По мнению И.И. Серебренникова, после завершения формирования Совета министров Временного Всероссийского правительства «злойбой дня» для Омска стал вопрос о диктатуре. Пропагандистами идеи диктатуры автор воспоминаний назвал местную организацию кадетов и торгово-промышленные круги, а наиболее яркими ее проводниками – бывшего депутата IV Государственной думы, члена кадетского ЦК В.Н. Пепеляева и лидера омских кадетов адвоката В.А. Жардецкого. Такую позицию «правых» И.И. Серебренников пытался объяснить тем, что в деятельность Директории вмешивалась партия эсеров, а это позволяло противоположной стороне считать себя «свободной от обязательств, вытекающих из соглашения в Уфе». Политическая обстановка в Омске в первой половине ноября 1918 г. характеризовалась в воспоминаниях так: «правые» желали как можно быстрее установить диктатуру, «левые» делали все возможное для того, чтобы ускорить ее появление [Там же. С. 213–215].

И.И. Серебренников считал очевидным, что инициатива переворота исходила от Омского комитета партии кадетов и торгово-промышленников, близких к местному военно-промышленному комитету. Однако на уровне персоналий мемуарист проявил осторожность. Он сообщил, что в числе инициаторов переворота обычно называли В.Н. Пепеляева, В.А. Жардецкого, И.А. Михайлова, начальника Академии Генерального

штаба профессора А.И. Андогского, казачьих офицеров В.И. Волкова, А.В. Катанаева и И.Н. Красильникова. Но при этом автор воспоминаний сделал оговорку: «Так ли это было на самом деле, я не знаю и утверждать не берусь».

Зато более определенно И.И. Серебренников высказался насчет А.В. Колчака, которого высоко ценил и уважал: «Лично я считаю только, что адмирал Колчак был осведомлен о заговоре и дал заговорщикам свое согласие принять на себя бремя диктатуры». Свою позицию бывший министр убедительно аргументировал тем, что «без этого предварительного согласия адмирала устроители переворота едва ли рискнули бы совершить таковой» [22. С. 219–220].

Очень лапидарно И.И. Серебренников описал заседание Совета министров, на котором обсуждался вопрос о форме верховной государственной власти после ареста «директоров»-эсеров и принимались последующие решения. Заслуживает внимания его свидетельство о том, что кто-то из присутствовавших предложил восстановить Директорию в составе находившихся на свободе трех ее членов, но В.А. Виноградов решительно отказался участвовать в работе Директории неполного состава. Ход и итоги дальнейшего обсуждения вопроса И.И. Серебренников передал такими словами: «Возложить власть на Совет министров представлялось также невозможным в виду только что пережитого опыта. Оставалось как будто только одно: диктатура» [Там же. С. 217].

Мемуарист сообщил, что кандидатами на роль диктатора были названы В.Г. Болдырев, А.В. Колчак и Д.Л. Хорват. Он привел важную информацию о том, что единственный присутствовавший из названной тройки А.В. Колчак принял «большое участие в прениях», более того – он произнес длинную речь, которая имела «до некоторой степени программный характер». Кроме того, И.И. Серебренников привел исключительно ценное свидетельство о том, что «в своей речи А.В. Колчак указал на необходимость поторопиться с решением обсуждаемого вопроса, так как этого с большим нетерпением ждут заинтересованные силы».

Автор воспоминаний был уверен, что под «заинтересованными силами» А.В. Колчак имел в виду «те омские круги и те воинские части, которые произвели свержение Директории». «Заговорщики, – утверждал И.И. Серебренников, – несомненно ждали, чем кончится это экстренное заседание Совета министров. Если бы Совет не принял постановления о диктатуре Колчака – возможно, что он так же и теми же силами был бы низвергнут, как и Директория» [Там же. С. 217–218]. О том, что соображения И.И. Серебренникова были не беспочвенными, свидетельствуют показания товарища министра снабжения И.А. Молодых, которые он дал на допросе в Иркутске еще в начале 1920 г. По версии И.А. Молодых, когда некоторые члены Совета министров стали проявлять колебания и возникло подозрение, что принятие необходимого заговорщикам решения об установлении военной диктатуры может не со-

стояться, А.В. Колчак взял слово и решительно заявил примерно следующее: «Надо кончать. Если мы выйдем на улицу так, то нас разорвут войска» [22. С. 56].

И.И. Серебренников полагал, что антибольшевицкие группировки на востоке России по-разному отнеслись к государственному перевороту и поэтому в первые дни «еще не было никакой уверенности, что он пройдет вполне благополучно». В числе тех, кто мог занять отрицательную позицию и даже оказать сопротивление, он назвал В.Г. Болдырева, чехословаков и эсеров, а также «больших и малых атаманов». Но еще важнее И.И. Серебренников считал позицию действующей армии и ее офицерского корпуса. «Судя по всему, – по его наблюдениям, – фронтовое офицерство, в массе своей, приняло переворот сочувственно, надеясь, что Верховный правитель сумеет энергичными мерами навести порядок в тылу, связать должным образом тыл с фронтом и повести армию от победы к победе» [Там же. С. 221–222].

Вопрос о свержении Директории и установлении диктатуры А.В. Колчака попутно затронули в своих воспоминаниях также Л.В. Арнольдов, М.В. Вишняк, И.С. Ильин, С.П. Руднев, К.В. Сахаров, Н.В. Свяцкий, М.И. Смирнов и И.И. Сукин. Однако мемуары большинства из них не представляют ценности в качестве исторического источника, поскольку названные авторы не являлись непосредственными участниками событий, а описывали их с чужих слов, зачастую с грубыми ошибками.

Наиболее недостоверное и предвзятое освещение переворот получил на страницах воспоминаний генерал-лейтенанта К.В. Сахарова, написанных им в Нью-Йорке в 1920 г. и изданных в Мюнхене в 1923 г. (переизданы в 1930 г.). За будущим генералом еще во время его обучения в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе закрепилось прозвище «Бетонная голова». К.В. Сахаров участвовал в Первой мировой войне в должности начальника штаба стрелковой дивизии, затем служил в Ставке Верховного главнокомандующего, был награжден Георгиевским оружием и удостоен ордена Св. Георгия IV степени. В ноябре 1918 г. получил производство в генерал-майоры. Во время колчаковского переворота ни на фронте, ни в Омске его не было. В 1919 г. он занимал высокие штабные и командные должности, а с 4 ноября по 9 декабря 1919 г. недолго являлся даже главнокомандующим армиями Восточного фронта. С его именем связывают поражение белых в Челябинской операции, неумелую организацию обороны Омска и срыв эвакуации Новониколаевска. В.К. Сахаров отличался крайне «правыми» политическими взглядами.

По версии К.В. Сахарова, во время недельной командировки на фронт в первой половине ноября 1918 г. А.В. Колчак «получил уже лично теперь заверения от войсковых начальников, что дальше так идти не должно, что армия сама может сделать переворот, а это было бы гибельным для фронта; что в Директорию совершенно

никто не верит, ждут замены ее единой властью и хотели бы видеть ее в лице адмирала» [23. С. 30].

К.В. Сахаров заявлял, что Совет министров принял решение передать всю полноту власти А.В. Колчаку как Верховному правителю и Верховному главнокомандующему вечером 17 ноября, а аресты казачьими офицерами «директоров»-эсеров были произведены в ночь на 18 ноября. После этого, по словам автора воспоминаний, «Совет министров пришел к Колчаку объявить о своем решении и просить взять на себя тяжкое бремя высшей власти» [Там же. С. 31].

Приведенные утверждения В.К. Сахарова противоречили общеизвестным фактам, опубликованным в печати того времени, в том числе в правительственной. Впрочем, аналогичных досужих домыслов была полна вся объемистая книга В.К. Сахарова. Вполне закономерно, что эти воспоминания подверг резкой критике историк по образованию, бывший профессор Академии Генерального штаба генерал-майор М.А. Иностранцев. Он писал, что книга В.К. Сахарова «представляет собою редкое явление в литературе, и явление, конечно, в смысле отрицательном», «прочитавший ее получил бы о всей противобольшевицкой Сибири совершенно превратное представление» [24. С. 71].

Исключение в ряду воспоминаний, написанных о перевороте по литературе, с чужих слов или по слухам, составляют только мемуары И.И. Сукина. Это был молодой дипломат, который с лета 1917 г. служил секретарем российского посольства в США. В Омске он появился утром 17 ноября 1918 г., лишь за несколько часов до переворота. После прихода А.В. Колчака к власти И.И. Сукин служил чиновником по дипломатической части при Ставке Верховного главнокомандующего, со 2 января по 29 ноября 1919 г. был товарищем министра иностранных дел Российского правительства. Несомненно, что возвращавшийся около года в высших правительственных и военных кругах И.И. Сукин располагал разносторонней информацией о том, кто и как подготовил и осуществил переворот. Тем не менее содержание воспоминаний бывшего дипломата изначально вызывает серьезные сомнения, поскольку опубликовавший источник А.В. Квакин не атрибутировал их. Он не привел даже данные о том, где и когда эти воспоминания были написаны.

Наибольшего внимания в мемуарах И.И. Сукина заслуживает утверждение о том, что 17 ноября 1918 г. он встречался с А.В. Колчаком и чуть ли не до самых сумерек они «вместе обсуждали, каков будет внешний эффект военного переворота», казавшегося им обоим неминуемым [25. С. 344]. Данное свидетельство плохо вписывается в известный событийный контекст. Маловероятно, чтобы И.И. Сукин мог сразу попасть на прием к военному и морскому министру в воскресный день, а последний стал обсуждать столь острый и опасный вопрос с совершенно неизвестным ему человеком. Обзор опубликованных мемуаров, в которых нашел отражение колчаковский государственный переворот, позволяет сделать следующие основные выводы.

Ценность воспоминаний в отношении полноты изложения и фактической достоверности событий, а также глубины понимания происшедшего существенно различается. Объем и характер вводимой тем или иным мемуаристом информации детерминировались главным образом его близостью к властным структурам и конкретным руководящим деятелям. Наличие расхождений на эмпирическом уровне и принципиальных противоречий на уровне интерпретации приведенных фактов свидетельствует о том, что с точки зрения достоверности описания событий они также значительно различаются. Это требует критического отношения к сообщаемым в воспоминаниях сведениям и их обязательной проверки по другим источникам.

Наиболее обширную, разностороннюю и соответствующую действительности информацию мемуары содержат об общественно-политической обстановке в Омске после переезда туда Директории, о позиции «директоров»-эсеров по актуальным вопросам тогдашней повестки дня, об их аресте и дальнейших злоключениях, о реакции общественности Сибири на государственный переворот. Однако в воспоминаниях мало конкретных сведений, не вызывающих сомнения в достоверности, о заговоре: его инициаторах, плане, руководителях, исполнителях и масштабах, в том числе об участии или неучастии А.В. Колчака.

Складывается впечатление, что некоторые мемуаристы сознательно прибегли к «фигуре умолчания». В противном случае трудно объяснить, например, почему Г.К. Гинс и И.И. Серебренников ограничились минимальной информацией о ходе заседания Совета министров 18 ноября 1918 г., хотя этот спектакль длился несколько часов и в нем участвовали два с половиной десятка действующих лиц. Причины лапидарности названных мемуаристов остаются непонятными. Возможно, что их собственное поведение во время заседания не позволило им написать более полно о себе, что повлекло за собой необходимость свести до минимум информацию обо всех остальных участниках этого мероприятия. Наиболее существенные разногласия между мемуаристами прослеживаются на концептуальном уровне. Такие расхождения объясняются многими причинами. Но в решающей степени они определялись разными политическими позициями, которые авторы

воспоминаний занимали в ходе Гражданской войны в принципе и конкретно во время происшедших событий.

В целом опубликованные мемуары нельзя считать надежной источниковой базой, достаточной для того, чтобы объективно осветить колчаковский государственный переворот на всех стадиях его подготовки и осуществления. В целях преодоления ее узости и неполноты прежде всего необходимо опираться на три неоднократно опубликованных дневника: В.Н. Пепеляева [26], В.Г. Болдырева [27] и П.В. Вологодского [15]. Дневник В.Н. Пепеляева ценен тем, что проливает хотя бы небольшой свет на подготовку заговора, В.Г. Болдырева – наиболее полно и точно информирует о позиции и деятельности Директории в Омске, П.В. Вологодского – содержит дополнительные сведения как об омской атмосфере накануне и после переворота, так и о ходе заседания Совета министров 18 ноября 1918 г. Нельзя обойтись также без обращения к таким специфическим источникам, как протоколы допросов А.В. Колчака, В.Н. Пепеляева, министров и других руководящих деятелей Совета министров Российского правительства [28–31]. Только нужно иметь в виду, что в показаниях подсудимых и подсудимых имеется много неточностей, ошибок, сознательно и неумышленно допущенных искажений. Особенно много их в стенограмме допроса А.В. Колчака, изданного в Берлине.

Большое значение для полноценного раскрытия темы имеют два довольно давно введенных нами в научный оборот уникальных материала, найденных в Государственном архиве Российской Федерации. Один из них – это письмо полковника А.Д. Сыромятникова министру финансов И.А. Михайлову от 14 апреля 1919 г. [32], другой – журнал заседания Совета министров, состоявшегося 18 ноября 1918 г. [1, 33]. Эти два документа содержат наиболее полные и не вызывающие сомнения фактические данные о подготовке заговора и его осуществлении на стадии принятия решения о замене государственной власти и ее легитимации. Другими словами, полноценную картину колчаковского государственного переворота невозможно нарисовать без использования всей совокупности уже выявленных и опубликованных источников. При этом сохраняется надежда на то, что могут быть обнаружены новые документы в отечественных и зарубежных архивохранилищах.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Несколько лет тому назад профессор Томского государственного университета Н.С. Ларьков в разговоре со мной заметил: «Считают, что вся русская литература вышла из гоголевской “Шинели”. В таком случае вся историография Гражданской войны в Сибири вышла из воспоминаний Гинса».

ЛИТЕРАТУРА

1. Шишкин В.И. К истории государственного переворота в Омске (18–19 ноября 1918 г.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2002. Т. 1. Вып. 3 (история). С. 88–98.
2. Лившиц С.Г. Колчаковский переворот // Вопросы истории. М., 1983. № 3. С. 79–90.
3. Богданов К. Как Колчак стал Верховным правителем (хроника омского переворота) // Омская старина. Историко-краеведческий альманах. Омск, 1993. Вып. 2. С. 61–82.
4. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Часть II. В преддверии диктатуры. Белград, 1930. 238 с.
5. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. 294 с.

6. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов н/Д, 1998. 320 с.
7. Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Книга вторая. М., 2000. 353 с.
8. Переверзев А.Я., Кулешов О.С. Комуч. Директория. Колчак. Антисоветский лагерь в гражданской войне на востоке России в документальном изложении, портретах и лицах. Воронеж, 2003. 704 с.
9. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. М., 2006. 637 с.
10. Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2006. 278 с.
11. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. 635 с.
12. Аргунов А. Между двумя большевиками. Париж, 1919. 47 с.
13. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919. 193 с.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-180. Управление делами Временного Всероссийского правительства. Оп. 1. Д. 20.
15. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006. 619 с.
16. Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. 282 с.
17. Соловейчик А.С. Борьба за возрождение России на востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 году). Ростов н/Д, 1919. 61 с.
18. Кроль Л.А. За три года. (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. 212 + IV с.
19. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. Т. 1, ч. 1. Пекин, 1921. 325 с.; Т. 2, ч. 2 и 3. Харбин, 1921. 606 с.
20. Гоппер К. Четыре катастрофы. Воспоминания. [Рига, 1920.] 168 с.
21. Майский И. Демократическая контрреволюция. М. ; Пг., 1923. 360 с.
22. Шишкин В.И. 1918 г.: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 42–61.
23. Сахаров К.В. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. 325 с.
24. Иностранцев М., ген. История, истина и тенденция. По поводу книги ген.-лейт. К.В. Сахарова «Белая Сибирь». (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Прага, 1933. 72 с.
25. Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака. Документы и материалы / под ред. А.В. Квакина. М., 2005. С. 325–510.
26. Дневник В. Пепеляева // Красные зори. Иркутск, 1923. № 4. С. 75–90.
27. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925. 562 с.
28. Протоколы допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе-феврале 1920 г. // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1923. Т. X. С. 177–321.
29. Допрос Колчака. Л., 1925. XI, 232, [4] с.
30. Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. М, 2003. 702 с.
31. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. 672 с. (Россия. XX век. Документы).
32. Шишкин В.И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск, 1989. Вып.1. С. 59–63.
33. Серебрянников И.И. Мои воспоминания. В революции (1917–1918). Тяньцзинь, 1937. 289 с.

Shishkin Vladimir I. Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: patric@academ.org

KOLCHAK COUP D'ÉTAT IN COVERAGE OF RUSSIAN MEMOIRS

Keywords: memoirist; Civil War; Provisional All-Russia Government; the Directorate; the Council of Ministers; the coup; dictatorship; A.V. Kolchak.

In November 18, 1918 in Omsk a coup was staged, in the course of which the replacement of supreme power in the counter-revolutionary camp occurred. The Directorate (Provisional All-Russia Government) elected at the State meeting in Ufa was abolished, and instead an individual rule of the Supreme Governor was established, A.V. Kolchak being elected for this position.

In the paper the task is set to find and critically analyze memoir literature of participants and contemporaries of that event to reveal factual completeness, precision and credibility. The necessity of such analysis is accounted for by the fact that, up to now, memoirs have remained the most important source base from which researchers, publicists and popularizers of historical knowledge not only get information, but also widely use its interpretations and conceptual ideas. For solving the set task the memoirs of well-known journalists, political and military figures have been analyzed in the paper: L.V. Arnoldov, A.A. Argunov, M.V. Vyshnyak, G.K. Guins, K.Y. Gopper, I.S. Ilyin, L.A. Krol, I.M. Maysky, S.P. Rudnyev, K.V. Sakharov, N.V. Svyatitsky, I.I. Serebryannikov, M.I. Smirnova, A.S. Soloveyichik, I.I. Sukhin.

It has been found out that the memoirs contain the most voluminous, diverse and reliable information concerning the social and political situation in Omsk after the Directorate moved there, as well as the arrest and further troubles of its socialist and revolutionary part (SRs). The memoirists very scantily and inconsistently covered the meeting of the Council of ministers that lasted for several hours, where key decisions were taken: it was admitted that the Directorate stopped its activity; the Council of ministers resolved to take over all the state power, and then it decided to repose power temporarily in the hands of one person, awarding him the title of the Supreme Governor; it elected A.V. Kolchak for this post. However, the memoirs have not practically any concrete and reliable information about the plot.

In the published memoirs serious contradictions were found which have factual and conceptual character. These are explained by the fact that the memoirists originally possessed fragmentary and inconsistent information, besides they took different political positions during the Civil War. Such content of the memoirs requires critical attitude to the given information and the check of its credibility using other sources.

Even taken collectively, the published memoirs are not a sufficiently reliable source base for obtaining an objective picture of Kolchak's coup at all stages of its realization exclusively on the that basis. To solve this task, it is necessary to use all the complex of published sources as well as to continue a search for new documents in Russian and foreign archive depositories.

REFERENCES

1. Shishkin, V.I. (2002) K istorii gosudarstvennogo perevorota v Omske (18–19 noyabrya 1918 g.) [To the history of the coup in Omsk (November 18–19, 1918)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya.* 1(3). pp. 88–98.
2. Livshits, S.G. (1983) Kolchakovskiy perevorot [Kolchakov's coup]. *Voprosy istorii.* 3. pp. 79–90.

3. Bogdanov, K. (1993) Kak Kolchak stal Verkhovnym pravitelem (khronika omskogo perevorota) [How Kolchak became the supreme ruler (the chronicle of the Omsk coup)]. *Omskaya starina. Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh*. 2. pp. 61–82.
4. Melgunov, S.P. (1930) *Tragediya admirala Kolchaka. Iz istorii grazhdanskoy voyny na Volge, Urale i v Sibiri* [The tragedy of Admiral Kolchak. From the history of the civil war on the Volga, the Urals and Siberia]. Part 2. Belgrad: [s.n.].
5. Ioffe, G.Z. (1983) *Kolchakovskaya avantiyura i ee krakh* [Kolchak's adventure and its collapse]. Moscow: Mysl'.
6. Plotnikov, I.F. (1998) *Aleksandr Vasil'evich Kolchak. Zhizn' i deyatelnost'* [Aleksandr V. Kolchak. Life and activities]. Rostov on Donu: Feniks.
7. Krasnov, V.G. (2000) *Kolchak. I zhizn', i smert' za Rossiyu* [Kolchak. Life and death for Russia]. Part 2. Moscow: Olma-Press.
8. Pereverzev, A.Ya. & Kuleshov, O.S. (2003) *Komuch. Direktoriya. Kolchak. Antisovetskiy lager' v grazhdanskoy voynе na vostoке Rossii v dokumental'nom izlozhenii, portretakh i litsakh* [Komuch. Directory. Kolchak. Anti-Soviet camp in the civil war in the east of Russia in the documentary, portraits and faces]. Voronezh: Voronezh State University.
9. Zyryanov, P.N. (2006) *Admiral Kolchak, Verkhovnyy pravitel' Rossii* [Admiral Kolchak, Supreme Ruler of Russia]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Khandorin, V.G. (2006) *Admiral Kolchak: pravda i mify* [Admiral Kolchak: Truth and Myths]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Tsvetkov, V.Zh. (2009) *Beloe delo v Rossii. 1919 g. (formirovaniye i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii)* [The White idea in Russia. 1919 (the formation and evolution of the political structures of the White movement in Russia)]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
12. Argunov, A. (1919) *Mezhdru dvumya bol'shevizmami* [Between two Bolshevisms]. Paris: Union.
13. Zenzinov, V. (ed.) (1919) *Gosudarstvennyy perevorot admirala Kolchaka v Omske 18 noyabrya 1918 goda* [The coup d'etat of Admiral Kolchak in Omsk on November 18, 1918]. Paris: Tipografiya I. Rirakhovskogo.
14. The State Archive of the Russian Federation. Fund R-180. List 1. File 20.
15. Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925)* [In power and in exile: the diary of the Prime Minister of anti-Bolshevik governments and the émigré in China (1918–1925)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.
16. Nabokov, K.D. (1921) *Ispytaniya diplomata* [Trials of a diplomat]. Stockholm: Severnye ogni.
17. Soloveychik, A.S. (1919) *Bor'ba za vozrozhdeniye Rossii na vostoке (Povolzh'e, Ural i Sibir' v 1918 godu)* [The struggle for the revival of Russia in the east (the Volga region, the Urals and Siberia in 1918)]. Rostov on Don: [s.n.].
18. Krol, L.A. (1921) *Za tri goda. (Vospominaniya, vpechatleniya, vstrechi)* [For three years. (Memories, impressions, meetings)]. Vladivostok: Tip. Svobodnaya Rossiya.
19. Gins, G.K. (1921) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920 gg.* [Siberia, the Allies and Kolchak. The turning point of Russian history. 1918–1920]. Vol. 1. Beijing; Kharbin: O-vo vozrozhdeniya Rossii : Tip.-lit. Rus. dukhovnoy missii.
20. Gopper, K. (1920) *Chetyre katastrofy. Vospominaniya* [Four disasters. Memories]. Riga: Dzīve un kultūra.
21. Mayskiy, I. (1923) *Demokraticeskaya kontrrevolyutsiya* [Democratic counterrevolution]. Moscow; Petrgrad: Gosizdat.
22. Serebrennikov, I.I. (1937) *Moi vospominaniya. V revolyutsii (1917–1918)* [My memories. In the revolution (1917–1918)]. Tianjin: Star Press.
23. Sakharov, K.V. (1923) *Belaya Sibir'. (Vnutrennyaya voyna 1918–1920 gg.)* [White Siberia. (The internal war of 1918–1920)]. Munich: [s.n.].
24. Inostrantsev, M. (1933) *Istoriya, istina i tendentsiya. Po povodu knigi gen.-leyt. K.V. Sakharova "Belaya Sibir'". (Vnutrennyaya voyna 1918–1920 gg.)* [History, truth and trend. Regarding the book by Brigadier General K.V. Sakharov "White Siberia". (The internal war of 1918–1920.)]. Prague: [s.n.].
25. Sukin, I.I. (2005) *Zapiski Ivana Ivanovicha Sukina o pravitel'stve Kolchaka* [Ivan Ivanovich Sukin's notes about Kolchak's Government]. In: Kvakin, A.V. (ed.) *Za spinoy Kolchaka. Dokumenty i materialy* [Behind Kolchak's back. Documents and materials]. Moscow: Agraf. pp. 325–510.
26. Pepelyaev, V. (1923) *Dnevnik V. Pepelyaeva* [V. Pepeliaev's Diary]. *Krasnye zori*. 4. pp. 75–90.
27. Boldyrev, V.G. (1925) *Direktoriya, Kolchak, interventy. Vospominaniya* [Directory, Kolchak, invaders. Memories]. Novonikolaevsk: Sibkrazizdat.
28. Hessen, I.V. (ed.) (1923) *Arkhiv russkoy revolyutsii, izdavaemyy I.V. Gessenom* [Archive of the Russian Revolution, published by I.V. Hessen]. Vol. 10. Berlin: [Slovo]. pp. 177–321.
29. Popov, K.A. (ed.) (1925) *Dopros Kolchaka* [Interrogation of Kolchak]. Leningrad: GIZ.
30. Trukan, G. (ed.) (2003) *Verkhovnyy pravitel' Rossii: dokumenty i materialy sledstvennogo dela admirala A.V. Kolchaka* [Russia's Supreme Ruler: Documents and Materials of the Admiral A.V. Investigatory Case]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
31. Shishkin, V.I. (ed.) (2003) *Protsess nad kolchakovskimi ministrami. May 1920* [The trial of the Kolchak ministers. May 1920]. Moscow: Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya".
32. Shishkin, V.I. (1989) *K istorii kolchakovskogo perevorota* [On the history of the Kolchak coup]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii*. 1. pp. 59–63.
33. Shishkin, V.I. (2008) *1918 g.: ot Direktorii k voennoy diktature* [1918: from the Directory to the military dictatorship]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 42–61.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94: 364. 662 – 646.2: 339. 726. 2 (430)
DOI: 10.17223/19988613/56/9

С.Н. Синегубов, С.П. Шилов

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО НЕМЕЦКОГО БЛАГОТВОРЕНИЯ 1902–1903 гг. ДЛЯ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ В БЕРЛИНЕ

В статье на основе архивных материалов и исследовательской литературы освещается ранее неизвестный эпизод в отечественной историографии, связанный с немецким благотворением 1902–1903 гг. для русского православия в Берлине. Кратко охарактеризовано состояние православных церквей в столице Германской империи и ее пригородах к началу XX столетия. Показано, что с учетом проживавших в ней и посещавших ее по разным причинам верующих Российского государства и представителей других православных народов, была потребность в новом большом храме. На его строительство велся сбор денег русским св. князь-Владимирским братством. Проанализированы основные факторы, побудившие крупные и известные немецкие компании «АГ Крупп» и «Ф. Шихау» пожертвовать непублично на это дело большие, по меркам обывателя, денежные суммы.

Ключевые слова: православие; Берлин; благотворение; «Ф. Шихау»; «АГ Крупп».

История русского православия за рубежом в дореволюционное время в целом и Германии в частности всегда привлекала внимание светских и религиозных исследователей. И основные вехи ее развития в принципе неплохо отражены в более чем столетней отечественной и зарубежной историографии. Однако, как и в любых событийных явлениях прошлого, в ней еще таится немало непознанного, недосказанного. Это касается как каких-то значимых, так и, казалось бы, частных, но достойных внимания сюжетов. Через освещение последних можно выйти к всестороннему и глубинному пониманию известных фактов и комментариев к ним. Тема благотворения во II рейхе, да еще в отношении православия, на протяжении всего существования этого государства имеет как раз такие нераскрытые фабулы. Одной из них является филантропическая помощь, оказанная св. князь-Владимирскому братству при сборе денег на строительство нового православного храма в немецкой столице в 1902–1903 гг. Благотворение оказалось непубличным, закрытым, в христианской традиции, без какого-либо намека на возможную благодарность. Однако, как показала дальнейшая история, обстоятельства дела были не столь однозначными.

К началу XX столетия в Германии, уже существовавшей как единое государство чуть более тридцати лет и где официально на законодательном уровне действовали две государственные религии – католицизм и протестантизм, нашлось пусть небольшое, скромное место и православию. По данным известного на тот период богослова и активного религиозного деятеля, настоятеля посольской домово́й церкви св. Владимира в Берлине протоиерея А.П. Мальцева, православные церкви в виде отдельных храмов или в домах при по-

сольствах и миссиях располагались в двадцать одном немецком населенном пункте: от Гамбурга на севере до Мюнхена на юге, от Дрездена и Лейпцига на востоке до Штутгарта на западе страны [1. С. 51]. Общее число их составляло 24 единицы. Не все они были русскими. На территории немецкого государства функционировали также греческие и румынские православные приходы, но их число, по сравнению с русскими, было незначительным. Греки, например, имели церкви в Лейпциге и Мюнхене, а румыны – в Баден-Бадене.

А.П. Мальцев дает краткую «видовую» оценку русских храмов в Германии начала XX в. Он делит их на пять групп. К первой он отнес церкви, которые состояли при императорских российских посольствах и миссиях. Это были культовые учреждения в Берлине, Дрездене и Штутгарте. Второй вид образовали храмы при Высочайших особах русского царствующего дома. Речь шла, в частности, о культовых сооружениях в Кобург-Готе, Шверине, Карлсруэ, Ремплине. Третья группа объединяла небольшие постройки на месте упокоения царственных особ – в Висбадене, Ротенберге, Веймаре, Людвигслусте. Четвертый вид составляли церкви, воздвигнутые в курортных местах, где отдыхали и лечились россияне, которые могли позволить себе такую «слабость» и возможность – в Баден-Бадене, Эмсе, Гомбурге, Герберсдорфе и некоторых других местах. Наконец, последний тип строений определялся А.П. Мальцевым как храмы, возникшие «...по особым историческим потребностям, как напр. в Потсдаме в русской колонии Александровке, или местным потребностям, как кладбищенский братский храм близ Тегеля» [1. С. 51].

Из всех германских русских православных церквей первая, в историческом плане, появилась именно в

Берлине. Поначалу она была походной при русских посланниках, которые направлялись из Петербурга в столицу Пруссии как наиболее значимое королевство из всех немецких земель. И в таком качестве она начала действовать с 1718 г. при А.Г. Головине. Поскольку церковь давалась «персонально» каждому из русских послов и перемещалась вместе с ним на новое место службы, то это создавало трудности для русских людей, находившихся, что называется, на постоянной основе в Берлине и стремившихся не прерывать свою церковную литургическую жизнь [1. С. 54]. Ситуация изменилась в лучшую сторону, когда в 1837 г. император Николай I, женатый на дочери прусского короля Фридриха Вильгельма III Александре Федоровне, купил дом в Берлине, чтобы иметь «собственный угол» во время пребывания в прусской столице. В нем была создана уже не походная, а стационарная домовая церковь в честь равноапостольного великого князя Владимира. Под именем этого великого русского святого она уже значится с 1774 г.

В 1893 г. в северной части Берлина, Тегеле, по благословлению Санкт-Петербургского митрополита высокопреосвященного Палладия на русском кладбище совершилась закладка пятиглавого храма святых равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены. Его сооружение осуществлялось за счет средств православного св. князь-Владимирского братства, созданного в Берлине в 1890 г., и добровольных пожертвований. Через год, в 1894 г., состоялось освящение церкви и начали служить Божественные литургии, а также осуществляться церковные требы и в первую очередь заупокойные. Вместе с тем необходимо отметить, что богослужения были непостоянными, а проводились в «дни вселенских поминовений и дни памяти жертвователей причтом берлинской церкви три воскресные дня в месяце...» [1. С. 63].

Другим храмовым сооружением, которое условно можно отнести к «Берлинской епархии» и находящимся чуть более чем в двадцати пяти километрах от города, недалеко от Потсдама, была церковь в русской колонии «Александровке». Это место получило такое название от имени российского императора Александра I. Поселок был построен в 1826–1827 гг. по указу прусского короля Фридриха Вильгельма III в знак родственных и дружественных отношений между правящими династиями Гогенцоллернов и Романовыми, а также в память ушедшего из жизни русского царя для двенадцати певцов русского хора [2. С. 65–76]. На тот момент они были лишь небольшой частью из шестидесяти двух русских солдат, попавших в плен после сокрушительного поражения Пруссии от наполеоновской Франции в октябре 1806 г. при Йене и Ауэрштедте и по злым превратностям войны оказавшимися в Потсдаме при дворе Фридриха Вильгельма III [3]. В марте 1813 г. «русские песенники» были подарены Александром I прусскому королю [1. С. 55].

Церковь в Александровке представляла собой небольшой пятиглавый собор и носила имя святого бла-

говерного и великого князя Александра Невского. Она была заложена в 1826 г., а освящена в 1829 г. Ее создание можно рассматривать как своеобразное восстановление исторической справедливости, попорченной в предшествующем XVIII в. Дело в том, что почти столет до этого, в 1734 г., в Потсдаме уже действовал русский православный храм. Его построили по распоряжению императрицы Анны Иоанновны для русских солдат – «великанов», которых отправляли на службу к прусскому королю Фридриху Вильгельму I, собиравшему «исполинов» чуть ли не со всей Европы для своей армии [4. С. 147–176]. Церковь носила имя Симеона Богоприимца и Анны пророчицы [5. С. 126–134]. Она действовала на протяжении более трех десятилетий и была закрыта в 1765 г. Причина заключалась в том, что русских «посланцев» разбросали по всей территории Пруссии и вести службу в православном храме в протестантской стране в ней было практически не для кого. В подтверждение ее «ненужности» для немцев А.П. Мальцев приводит факт «кощунственного допущения в ней театральных представлений при Фридрихе Великом» [1. С. 55].

Даже из этой краткой характеристики православных храмов Берлина и его пригородов очевидным образом явствует, что их, с учетом населения немецкой столицы и проживавших в ней русских людей, было явно недостаточно. Численность берлинцев к началу XX в., по разным оценкам, составляла около двух миллионов человек [6], а с прилегающими к городу территориями – еще около семи сотен тысяч [7]. Русских же среди них была не одна тысяча, учитывая, что в самой Германии к этому времени, по данным британского исследователя У. Роберта, на постоянной основе находилось более сотни тысяч человек [8. Р. 20]. К «русским берлинцам» необходимо добавить еще путешествующих. Железнодорожное сообщение между П рейхом и Россией в начале XX в. было регулярным. Как пишет один из крупных специалистов по истории русской культуры в Германии К. Шлегер, «как в Германской, так и в Российской империи деловой и познавательный туризм был неотъемлемой частью жизни обеспеченных слоев населения. Поездки из Берлина в Санкт-Петербург и Москву, а из Российской империи в Берлин были обычным делом, и вся инфраструктура – отели, культурные программы, транспорт – развивались в соответствии с возрастающим спросом. Контакты между Германией и Россией не ограничивались только династическими и государственными элитами: новая мобильность втягивала в свою орбиту предпринимателей, представителей фирм, инженеров, банкиров, газетчиков, издателей, представителей интеллигенции и художников» [9. С. 55–56].

Эта публика приезжала в Германию не только с деловыми целями, что называется, «по рабочим делам», но и отдохнуть, полюбоваться природными красотами, достопримечательностями, приятно провести время, подлечить здоровье на знаменитых немецких курортах

и здравницах. Многие из них считали своим долгом посетить главный немецкий город. Понятно, что не все они были истинно верующими. Все-таки «дух западного нигилизма» с присущим ему отрицанием традиционной христианской веры и «обожествлением» человека, упованием на социальный прогресс пустил достаточно глубокие корни в российском обществе начала XX в., и особенно в интеллигентской среде [10. С. 43–44]. Тем более что большую часть русской диаспоры в Берлине как до Первой мировой войны, так и после нее составляли люди именно интеллигентного образа жизни, отличающиеся высоким интеллектуальным уровнем [11. S. 240].

Тем не менее среди российских поданных, по разным причинам оказавшихся в «немецчине», было немало и тех, кто искренно нуждался в духовном окормлении и жаждал общения с Богом на церковных службах и прежде всего на Божественной литургии. Кроме того, нельзя забывать и о представителях других православных народов (греков, сербов, румынов и пр.), которые жили и трудились в Берлине или оказались в этом городе временно по профессиональным или иным причинам и испытывали точно такие же религиозные потребности, что и русские. Они-то, как правило, не могли посещать свои национальные православные храмы в Германии, которые, как уже указывалось, были единичны по всей стране. Поэтому они ходили в русские церкви, увеличивая тем самым количество их прихожан.

Однако далеко не всегда у православных была возможность утолить свою «духовную жажду», в том числе по причине малого количества храмов в Берлине и их небольшой вместимости. По словам не раз упоминавшегося А.П. Мальцева, даже самая, казалось бы, главная церковь при российском посольстве – святого равноапостольного великого князя Владимира «...будучи прилично устроенной и украшенной внутри... все же слишком мала и не только неблагоукрашена, но и совсем незаметна совне, так что многие с трудом могут разыскать ее! А между тем эта малая домовая церковь является *единственной* представительницей *православия*, служа местом молитвы не только для православных *Русских*, но и для православных других наций...» [12. С. 29]. Действительно, церковь могла вместить максимально 150 человек, в то время как число желающих посетить службу на двенадцатые праздники, и особенно на Рождество и Пасху, значительно превосходило эту цифру.

Потребность в создании величественного и вместительного храма в столице Германского государства была совершенно очевидной. Наиболее остро эту проблему поставило уже упоминавшееся св. князь-Владимирское братство. Его создали 29 марта (10 апреля) 1890 г. при посольской церкви под покровительством великого князя Владимира Александровича с целью решать целый комплекс первоочередных задач, сводящихся к тому, чтобы «спасать душу русского че-

ловека от уныния и тоски по родине, от глада душевного! ...для объединения православных людей между собой не только в духе молитвы, но и в духе русской народности, в духе всеславянства» [12. С. 32].

Если же формулировать более конкретно цели, которые ставило перед собой Братство, то они заключались в оказании материальной, медицинской и духовной помощи российским поданным «всех христианских исповедований и православным всех национальностей», кто по разным причинам оказался в затруднительном положении в Германии и не мог вернуться на Родину, в преподавании «Закона Божия» в немецких школах, где обучались дети русских, греческих, румынских поданных и где этот предмет не велся, в решении ряда других насущных вопросов, касающихся разных сторон жизни православных на чужбине.

Вместе с тем, условно ранжируя сформулированные руководством Братства наиболее значимые планы его работы, следует констатировать, что главнейшим было «...изыскание средств: 1) для сооружения храма в самом Берлине, где доселе имеется лишь во дворе дома на U. d. Linden, 7, небольшая домовая церковь, часто именуемая часовнею (Capelle) без креста и звона и 2) поддержание уже устроенных, при ближайшем участии и содействии Братства, церквей...» [Там же]. Общий же перечень таких «наипервейших» дел составлял пять позиций, но, как уже было отмечено, на первом месте все-таки стояло именно строительство большого храма.

Понятно, что это дело требовало немалых денежных средств. Собрать их можно было только «всемирно». При этом св. князь-Владимирское братство не надеялось исключительно на помощь извне. Оно само, прежде всего, вело активную трудовую деятельность, зарабатывая необходимые для строительства деньги. Однако процесс их накопления осложнялся тем, что Братству постоянно приходилось, выражаясь современным языком, финансировать сразу несколько других параллельных и значимых проектов. Они опять же касались возведения православных церквей в разных частях Германии. Чтобы не быть голословным, можно указать на то, что за десятилетний период, с 1893 по 1903 г., при самом деятельном участии общества в стране было построено четыре православных храма: кладбищенский в Тегеле, Бад-Киссингене, Герберсдорфе и Гамбурге. На это ушли значительные суммы, исчисляемые не одним десятком тысяч марок. Например, церковь во имя свт. и чудотворца Николая в вольном ганзейском городе поначалу вообще представляла собой обычный дом, купленный за тридцать тысяч марок и обремененный к тому же ипотекой более чем в тысячу марок, которую пришлось погасить за счет казны Братства. Дополнительное же оформление купленной недвижимости и придание ей вида православного храма потребовало денежных вливаний в размере десяти тысяч марок. В итоге создание церкви в Гамбурге обошлось в кругленькую сумму, превышающую чуть более сорока тысяч марок [12. С. 92].

Кстати, особенностью построенных в указанное десятилетие православных храмов было то, что они все-таки были не очень большими и возводились в относительно короткие сроки. Объем финансирования варьировался в границах двадцати – сорока тысяч марок. Берлинский же проект явно требовал больших денежных и временных затрат. Храм должен был быть больше того, который возвели и освятили в Баден-Бадене во имя Преображения Господня в апреле 1883 г. и который обошелся в сто восемь тысяч, сто шестьдесят девять марок и тридцать один пфенниг [12. С. 24].

У Братства имелись разные источники пополнения собственного бюджета. Как уже отмечалось выше, это были прежде всего поступления от его трудовых предприятий, услуги которых у немцев пользовались спросом. Если, например, в 1899 г. от садово-парковой службы Братство получило более двух тысяч, то через пять лет, т.е. в 1904 г., доход уже был около тринадцати тысяч марок [12. С. 32]. Безусловно, что важную составляющую внешних денежных поступлений определяли частные пожертвования или, иначе говоря, благотворительные взносы. Как известно, Русская православная церковь как в России, так и за рубежом вела активную работу по оказанию материальной, денежной и иной помощи нуждающимся и сама принимала такую же помощь [13]. Своим человеколюбивым отношением она оказывала воздействие как на людей состоятельных и способных благотворить, так и на государство [14. С. 11–13].

В этой связи необходимо сказать несколько слов о благотворительности в странах Западной Европы (включая, конечно, и Германскую империю) и России в конце XIX – начале XX в., когда отмечался всплеск этого вида общественной деятельности [15]. «Русский» и «западный» филантропизм имел общие и особенные черты. Говоря о последних, следует отметить в первую очередь то, что у православных в России, в соответствии с одним из положений Евангелия, было нормой, естественным явлением оказывать помощь «втайне», чтобы «левая рука твоя не знала, что делает правая».

На Западе, напротив, правилом были публичность, гласность, общественное признание, слава и почет благотворителям. Кроме того, «дающий» мог таким образом, выражаясь современным языком, лишний раз без каких-либо серьезных рекламных затрат «пропиарить» свою компанию, ее продукцию или услуги и тем самым повысить доходность, статусность на той же фондовой бирже. К тому же благотворитель освобождался или получал серьезные послабления от государства в уплате ряда налогов. Поэтому ему, помимо «народного признания», материально было выгодно довести до социума акт собственной безвозмездности. «Предоставление и получение частной благотворительной помощи были важным элементом городской жизни в Европе XIX в. и находились в центре общественной жизни, чего нельзя было сказать о помощи государственной» [16].

Если вернуться непосредственно к Германии начала XX столетия, то при внимательном рассмотрении дел о безвозмездной помощи православию в стране можно отметить некоторые факты, получившие обнародование. Например, директор крупнейшей не только в Европе, но и мире немецкой паровой компании «ГА-ПАГ» А. Баллин пожертвовал десять тысяч марок на строительство православной церкви свт. и чудотворца Николая в Гамбурге [12. С. 94]. Однако справедливости ради надо также признать, что подобные акции не носили частый и постоянный характер. Тем самым удивительным и загадочным, но, безусловно, приятным для Братства стал факт анонимного и достаточно внушительного пожертвования на строительство православного храма в Берлине в 1902 и 1903 гг. в размерах соответственно пятьдесят тысяч рублей и сорок тысяч марок.

Если учесть, что по тогдашнему биржевому курсу соотношение российской национальной валюты к германской марке был примерно один к чуть больше, чем двум [17], выходит, Братство получило в свое распоряжение довольно большую сумму. Она превышала сто сорок тысяч марок. Эти деньги значительно превосходили все то, что уже было собрано на строительство православного храма в Берлине.

Таким образом, неизвестные благодетели самым серьезным образом стремились оказать действенную помощь в этом благом и значимом для «схизматиков» в столице Германской империи деле. Причем они поступили по духу и букве Евангелия и в соответствии с русской православной традицией. Казалось бы, вполне резонно было предположить, что к этому имел самое прямое отношение какой-то богатый и щедрый единоведец, а возможно, и группа единоверцев, способных и желавших пожертвовать немалые деньги на укрепление православия не только в Берлине, но и Германии целом. Почему эта мысль первой пришла на ум? Да потому, что новый величественный храм в Берлине должен был, кроме всего прочего, еще олицетворять собой духовную силу и «русскость» в протестанско-католической Германии. На такое могли «сподвигнуться» в первую очередь именно «истинно благоверные».

Однако все обстояло несколько прозаичней. Как свидетельствуют документальные материалы Российского государственного военно-морского архива в Санкт-Петербурге, щедрыми «доброхотами» оказались известная во всем мире сталелитейная фирма во главе с Ф.А. Крупном и не менее признанная в профессиональном сообществе судостроительная компания Ф. Шихау под руководством К.А. Цизе. Ни тот ни другой не были особо замечены в каких-либо пристрастиях к православию. Если точнее, они придерживались других христианских вероисповеданий – католицизма и протестантизма, тем не менее, посчитали нужным поучаствовать в известном благотворительном сборе.

7 августа (по старому стилю) 1902 г. германский тайный советник коммерции Ф.А. Крупп обратился к

великому князю генерал-адмиралу Алексею Александровичу (главный начальник флота и Морского ведомства и председатель Адмиралтейств-совета Российской империи) с просьбой принять от него в дар пятьдесят тысяч рублей на постройку православной церкви в Берлине [18. Л. 8]. При этом жертвователю оговорил одно условие, которое, конечно же, принялось русской стороной без каких-либо оговорок, – преподношение должно было оставаться тайной [Там же. Л. 9, 9 об.]. Примечательно, что Ф.А. Крупп адресовал собственное письменное обращение в Морское министерство Российской империи, а не напрямую, скажем, в Министерство иностранных дел, а через него – лично графу Н.Д. Остен-Сакену, занимавшему в то время пост российского посла в Германии. Это было бы вполне логичным, поскольку, согласно общим положениям о Братствах в России и Братскому статуту, признанному правительством Пруссии 8 апреля (27 марта) 1890 г., почетным председателем общих собраний св. князь Владимирского братства в Германской империи был именно российский посол в Берлине. Следовательно, вопрос о формальном, да и неформальном принятии или непринятии пожертвования все равно должен был решаться им.

И действительно, буквально через неделю после крупповского послания, 24 августа 1902 г., Н.Д. Остен-Сакен писал Управляющему Морским министерством адмиралу П.П. Тыртову о том, что как только он вернется из швейцарского отпуска, то немедленно свяжется с Ф.А. Круппом для принятия от него указанной суммы на строительство православного храма в Берлине с сохранением тайны имени жертвователя, что, собственно говоря, и произошло [18. Л. 9, 9 об.].

Чуть меньше, чем через год, в мае 1903 г., практически по тому же сценарию действовала и фирма «Ф. Шихау». Десятого числа последнего весеннего месяца уполномоченный инженер этого германского предприятия в России Р.А. Цизе, брат руководителя компании К.А. Цизе, отправил письмо в Морское министерство. На него невозможно было не отреагировать. Во-первых, Р.А. Цизе на протяжении не одного десятка лет представлял интересы «Ф. Шихау» и был очень хорошо известен в петербургских министерских кругах как «деловой и серьезный человек» [19. Л. 178 об.]. Поэтому «депеша» от него была бы в обязательном порядке рассмотрена. Во-вторых, предлагаемое им в письме «финансовое вспомоществование» на возведение православного храма в Берлине от немецкой судостроительной компании в размере сорока тысяч марок, конечно же, само по себе не могло не вызвать положительной реакции, причем незамедлительной.

Уже через три дня, 13 мая 1903 г., Р.А. Цизе получил ответ от управляющего Морским министерством Ф.К. Авелана. В нем говорилось, что по поручению великого князя генерал-адмирала Алексея Александровича выражается искреннее удовлетворение намерением фирмы «Ф. Шихау» внести деньги на постройку

новой берлинской православной церкви через передачу их в русское посольство [20. Л. 2]. В тот же день информацию о «немецком даре» довели и до российского посла Н.Д. Остен-Сакена [18. Л. 3].

Трудно сказать, но, в отличие от крупповского прецедента, обещанные средства не сразу дошли до адресата. Согласно сообщениям из Берлина, к началу июля 1903 г. их по-прежнему не было, и немецкая сторона не давала никаких объяснений по поводу такой задержки [Там же. Л. 4–4 об.]. Возникло неловкое ожидание: вроде деньги обещали, но не давали то ли по каким-то «техническим причинам», то ли в силу отмены самого решения «оказать благотворительную помощь». Наконец, 18 августа 1903 г., через российского военноморского агента в Германии Ф.К. Авелан получил сведения о том, что компания «Ф. Шихау» все-таки предала в посольство сорок тысяч марок [Там же. Л. 5].

Таким образом, за неизвестными для св. князь-Владимирского братства благотворителями, выделившими большую сумму, по меркам российского или немецкого обывателя, на строительство православного храма в Берлине стояли именитые немецкие промышленные компании. Для них, учитывая их немалые доходы и прибыли, если разобраться, это были «сущие копейки», которые могли, однако, и в действительности так и произошло, обернуться очень и очень большими деньгами как немецких марках, так и в российских рублях. Не пытаясь несколько поставить под сомнение искренность меценатов в желании помочь в сборе денег на «благое дело», нельзя все-таки игнорировать и их скрытые, не афишируемые намерения – желание получить от российских властей серьезные преференции при распределении новых военных заказов. Иначе, наверное, предприниматели не были бы предпринимателями.

Согласно изысканиям А.Б. Широкограда, русские заказы на морскую и полевую артиллерию в 1860–70-е гг., а также работа лучших российских специалистов в этой области «сделали мелкого фабриканта Круппа королем пушечной империи. Если в 1863 г. у Круппа работало менее тысячи человек, то в 1868 г. число его рабочих и служащих возросло до восьми тысяч. Крупп выкачал из России многие миллионы золотых рублей. Точной цифры не знает никто, поскольку ни Крупп, ни царское правительство не были заинтересованы в афишировании своих контрактов. Я лишь могу сказать, что одна 11-дюймовая пушка обр. 1877 г. с лафетом стоила 140 тыс. руб., соответственно, 11-дюймовая пушка длиной в 95 калибров – 248 тыс. руб., 13,5-дюймовая пушка – 331 тыс. руб. Полевые орудия стоили меньше, так, например, цена одной 6-дюймовой полевой мортиры составляла 18 тысяч руб.» [21. С. 13]. В условиях назревающей модернизации российской сухопутной армии, флота и их вооружений по причине крайне непростых военно-политических условий начала XX в. гипотетически востребованность крупповских изделий вроде бы была гарантирована. Однако для получения

выгодных заказов благотворительные акции никак не мешали. Напротив, они только усиливали лояльность российских властей по отношению к крупновской компании. Это и подтвердили события, последовавшие после бесславно закончившейся Русско-японской войны 1904–1905 гг., особенно в так называемую сухомлиновскую эпоху [22. С. 165–166].

Что касается «Ф. Шихау», то у этой компании тоже были давние и довольно прочные деловые отношения с российским Морским министерством. Они начали формироваться еще с конца 1870-х гг. Уже тогда немцы получили первые выгодные подряды на строительство боевых кораблей для русских. Потом последовали еще более интересные в финансовом плане заказы – в середине 1880-х [20. Л. 1–94], начале и конце 1890-х гг. [23. Л. 1–82]. Нельзя не сказать и о контракте, который фирма выполнила для российского флота как раз к моменту ее «спонсорской помощи» – сдаче в строй в начале 1903 г. миноносцев и крейсера II ранга «Новик», прославившегося в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. [24]. Формально в ознаменование этого «успешно выполненного дела» глава германского судостроительного завода санкционировал «внести посильный вклад» на постройку православного храма в Берлине [19. Л. 1].

Однако приуроченность «немецкого подарка» именно к 1902–1903 гг. имела, как представляется, и другую подоплеку. Здесь не лишним будет обратиться к законодательству Российской империи. В начале XX в. официальные власти страны, конечно, не без давления со стороны финансово-промышленных кругов, стали проявлять серьезную озабоченность тем, что Морское ведомство строит слишком много кораблей за границей, не стимулируя развитие отечественного судостроения. Поэтому в 1901 г. было принято «Высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 27 февраля 1901 г.», в котором проявлялась забота о загрузке работой в первую очередь российских верфей путем передачи им заказов со стороны Морского министерства [Там же. Л. 85]. Почти два года спустя, 10 декабря 1902 г., эта политика приняла устойчивый характер, поскольку в приятном в этот день «Высочайше утвержденном положении Комитета Министров» прямо говорилось об ограничении правительственных заказов за границей [Там же. Л. 84 об.]. Что это могло означать для немецких компаний? Потеря выгодных контрактов, а соответственно, и доходов, что, по понятным причинам, не хотелось допустить.

Учитывая, что православие в России того времени официально являлось государственной религией и представители высших властных структур были ее «адептами», посильная помощь православным в Берлине, которые именно тогда вели активный сбор денег на возведение нового большого храма, воспринималось не просто как акт доброй воли, а как проявление искреннего уважения и к «русской вере», и к Российскому государству. В обыденной, а уж тем более в поли-

тико-деловой жизни это стоило многого. И действительно, если посмотреть на факты, то они подтверждают данный тезис. Несмотря на действие «Высочайше утвержденного 18 февраля 1907 г. положения Совета Министров», согласно которому все крупные казенные заказы, в том числе и военно-морские, стоимостью более десяти тысяч рублей, должны были выполняться на русских заводах [19. Л. 84], и «Ф. Шихау», и компания Круппа участвовали в реализации так называемой Большой российской морской программы 1912 г. В частности, германская судостроительная фирма получила подряд на строительство двух малых крейсеров. Стоимость каждого из них оценивалась в три миллиона пятьсот тысяч рублей без артиллерии и мин [25. Л. 119 об.]. Кроме того, создав дочернее производство в Риге под названием «Цизе», немцы смогли добавить к своему портфелю заказов еще индент на сооружение двенадцати миноносцев стоимостью в один миллион девятьсот пятьдесят тысяч рублей за каждый корабль [19. Л. 136–136 об.]. Крупповская фирма также не осталась в накладе от распределения выгодных заявок по программе 1912 г. Сыграла ли в этом, наряду с другими факторами, свою определенную роль «акция 1902–1903 гг.»? Думается, что да. В России всегда ценили и помнили добрые дела, от кого бы они не исходили и стремились отблагодарить.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что денежная помощь, оказанная известными в Германии и далеко за ее пределами фирмами «АГ Крупп» и «Ф. Шихау» в 1902–1903 гг. русскому св. князь-Владимирскому братству на строительство нового православного храма в Берлине была значительной для принимающей стороны, но при этом абсолютно не обременительной для жертвователей с учетом высоких прибылей, которые они получали от выполнения российских военных заказов. В сумме эта денежная помощь чуть превысила сто сорок тысяч марок. Их вполне могло хватить на небольшую и даже среднюю по размерам церковь, какие уже имелись в германской столице и ее пригородах. Однако сам проект Братства изначально предполагал сооружение большого, величественного храма. Даже собранные к тому времени средства, с учетом «немецких вложений», не покрывали всех предполагаемых затрат, поэтому планируемое строительство не началось и после 1903 г.

Немецкое благодеяние носило для широкой общественности как в самой Германии, так и в России негласный характер, т.е. было выполнено в «классически православном духе». Это, несомненно, по достоинству оценили российские власти и прежде всего Морское министерство Российской империи, через представителей которых деньги были переданы Братству. Германские компании, оказывая данное «вспомоществование», руководствовались не только исключительно филантропическими соображениями. В расчет бралась и возможная коммерческая прибыль при получении новых выгодных военно-морских заказов в России в обстановке

действия в ней «неблагоприятных» для иностранных предприятий нормативно-правовых факторов, призванных создать наиболее выгодные условия исключительно для отечественного кораблестроительного производства. Как показали дальнейшие события, в частности распре-

деление заказов по так называемой Большой морской программе 1912 г., замысел немцев оправдался. И «Ф. Шихау», и «АГ Крупп» сумели добиться подписания ряда выгодных для себя договоров и заработать вполне серьезные деньги, исчисляемые миллионами рублей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцев А.П. Германия в религиозно-церковном отношении с подробным описанием православно-русских церквей. Пг. : Отд. тип. П.П. Сойкина, 1903. 88 с.
2. Hecker A. Potsdam. Die russische Kolonie Alexandrowka: Hofisch interpretierte Bauernarchitektur // Brandenburgische Denkmalpflege / Brandenburgisches Landesamt für Denkmalpflege und Archäologisches Landesmuseum. Berlin, 2004. Jahrg. 13. Heft 1. S. 65–76.
3. Симановская Е. Русский акцент гарнизонного города. Потсдам : Берлин, 2007. 61 с.
4. Пуцилло М. Русские великаны в прусской службе (1711–1746) // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1880. Вып. 1. С. 147–176.
5. Языков А.П. Русская церковь в Потсдаме (1718–1815) // Русская старина. 1875. Т. 13. С. 126–134.
6. Берлин-1914: город амбиций и сомнений. URL: http://www.bbc.com/russian/society/2014/04/140328_berlin_1914_evans (дата обращения: 12.06.2017).
7. Кузенкова А. Берлин: население, его этнический состав и динамика роста. URL: <https://www.syl.ru/article/311799/berlin-naselenie-ego-etnicheskij-sostav-i-dinamika-rosa> (дата обращения: 12.06.2017).
8. Williams R.C. Culture in Exile: Russian Emigrants in Germany, 1881–1941. London : Cornell University Press, 1972. 404 p.
9. Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945) / пер. Л. Лисюткина. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 632 с.
10. Любимов Л. На чужбине. Ташкент : Узбекистан, 1965. 384 с.
11. Schlögel K. Berlin: Stiefmutter unter den russischen Städten // Schlögel K. Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994. S. 234–258.
12. Мальцев А.П. Православные церкви. Русские учреждения за границей. Справочник с календарем на 1906 год. Пг. : Берлинское св. князь-Владимирское братство; типо-лит. М.П. Фроловой, 1906. 496 с.
13. Исторический опыт благотворительной деятельности Русской православной церкви. URL: http://social-orthodox.info/2_1.htm (дата обращения: 17.06.2017).
14. Зубанова С.Г. Христианизация государственного, общественного и частного благотворительного служения, и жертвенности в XIX веке под влиянием Русской православной церкви // История государства и права. 2009. № 23. С. 11–13.
15. Даниленко О.В. Прошлое и настоящее российской благотворительности. URL: <http://www.be5.biz/ekonomika/1r2010/01286.htm> (дата обращения: 17.06.2017).
16. История благотворительности в Европе. URL: http://fund.corp-tofi.com/publ/istorija_blagotvoritelnosti_v_evrope/1-1-0-4 (дата обращения: 17.06.2017).
17. Проект русская монета. URL: <http://russkaya-moneta.ru/index.php?topic=3482.0> (дата обращения: 19.06.2017).
18. Российский государственный архив военно-морского флота (далее РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 2790.
19. РГА ВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42.
20. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 123.
21. Широкопад А.Б. Россия и Германия. История военного сотрудничества. М. : Вече, 2007. 141 с.
22. Керновский А.А. История русской армии : в 4 т. М. : Голос, 1994. Т. 3. 352 с.
23. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 722.
24. Емелин А.Ю. Крейсер II ранга «Новик». СПб. : Гангут, 2002. 45 с.
25. РГА ВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41.

Sinegubov Stanislav N. Ishim Teacher Training Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University (Ishim, Russia). E-mail: globus_75@inbox.ru

Shilov Sergei P. Ishim Teacher Training Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University (Ishim, Russia). E-mail: sshilov@mail.ru

FROM THE HISTORY OF ONE GERMAN DOING GOOD IN 1902-1903 FOR THE RUSSIAN ORTHODOXY IN BERLIN

Keywords: the Orthodoxy; Berlin; doing good; «F. Schichau»; «AG Krupp».

The issue of Western philanthropy for Russians, and moreover, the issue of Russian foreign Orthodoxy, is still not thoroughly studied in Russian and foreign historiography. The purpose of the article is to reveal the important economic background of non-public philanthropy in 1902-1903 from the wide known in Germany and successfully operating in Russia in the last third of the 19th century companies “AG Krupp” and “F. Schichau” to St. Prince Vladimir’s Brotherhood, that collected money to build a new large Orthodox church in Berlin. To achieve it, the following tasks were determined: to describe in brief the state of Orthodox churches in the capital of the German Empire; to show the urgent need for “faithful” believers, not only from Russia, but also from other Orthodox lands, caught up for various reasons in Berlin to have a modern and majestic church; to point out the patronage and the recognition of the significance of the activity of St. Prince Vladimir’s Brotherhood both on the part of the highest Russian and German authorities; to outline the regulatory legal background, formed in Russia in 1901-1902 that was uneasy for German firms and obstructed them in an obvious way to obtain favorable orders from the Russians; to justify the “hidden” donations of “AG Krupp” and “F. Schichau” in the amount of just over 140 thousand marks in 1902-1903 given for a good cause for the Russian Orthodoxy in Germany, not only by charitable intentions, but also by the desire to get of this the maximum of economic benefits. The methodological basis for writing the research was the polyfactorial approach, which involves a combination of various methods of scientific research, including interdisciplinary ones. Among them, one can especially distinguish narrative, historical-genetic, comparative-historical, typological, structural, systemic, and imagological techniques. The source base for the article consists of unpublished documents of the Russian State Archive of the Russian Navy. The facts and characteristics on the topic of the research from domestic and foreign scientific literature were also used. Based on the analysis, the authors came to the conclusion that “AG Krupp” and “F. Schichau”, the charity of which was not public in 1902-1903, sought not only to further strengthen their image in the necessary Russian government structures, but also to circumvent the current legislation that made it more difficult to obtain advantageous military orders; that was confirmed during the implementation of the Great Naval Program of 1912.

REFERENCES

1. Maltsev, A.P. (1903) *Germaniya v religiozno-tserkovnom otoshenii s podrobnym opisaniem pravoslavno-russkikh tserkvey* [Germany in the religious and church relation with the detailed description of the Orthodox-Russian churches]. Petrograd: P.P. Soykin.
2. Hecker, A. (2004) *Potsdam. Die russische Kolonie Alexandrowka: Hofisch interpretierte Bauernarchitektur* [Potsdam. The Russian colony Aleksandrovka: Courtly interpreted peasant architecture]. Berlin: Brandenburgische Denkmalpflege / Brandenburgisches Landesamt für Denkmalpflege und Archäologisches Landesmuseum. pp. 65–76.
3. Simanovskaya, E. (2007) *Russkiy akcent garnizonnogo goroda* [Russian accent of the garrison city]. Potsdam; Berlin: [s.n.].
4. Putsillo, M. *Russkie velikany v prusskoy sluzhbe (1711–1746)* [The Russian giants in Prussian army (1711–1746)]. *Sbornik Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del*. 1. pp. 147–176.
5. Yazykov, A.P. (1875) *Russkaya tserkov' v Potsdame (1718–1815)* [The Russian church in Potsdam (1718–1815)]. *Russkaya starina*. 13. pp. 126–134.
6. BBC. (2014) *Berlin-1914: gorod ambitsiy i somneniy* [Berlin-1914: A city of ambitions and doubts]. [Online] Available from: http://www.bbc.com/russian/society/2014/04/140328_berlin_1914_evans. (Accessed: 12th June 2017).
7. Kuzenkova, A. (n.d.) *Berlin: naselenie, ego etnicheskii sostav i dinamika rosta* [Berlin: population, its ethnic structure and dynamics of growth]. [Online] Available from: <https://www.syl.ru/article/311799/berlin-naselenie-ego-etnichekii-sostav-i-dinamika-prirosta>. (Accessed: 12th June 2017).
8. Williams, R.C. (1972) *Culture in Exile: Russian Emigresin Germany, 1881–1941*. London: Cornell University Press.
9. Schlögel, K. (2004) *Berlin, Vostochnyy vokzal. Russkaya emigratsiya v Germanii mezhu dvumya voynami (1918–1945)* [Berlin, East station. The Russian emigration in Germany between two wars (1918–1945)]. Translated from German by L. Lisutkin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Lyubimov, L. (1965) *Na chuzhbine* [In the foreign land]. Tashkent: Uzbekistan.
11. Schlögel, K. (1994) *Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941* [The big exodus. The Russian emigration and its centers 1917–1941]. Munich: C.H. Beck. pp. 234–258.
12. Maltsev, A.P. (1906) *Pravoslavnye tserkvi. Russkie uchrezhdeniya za granitseyu. Spravochnik s kalendarem na 1906 god* [Orthodox churches. Russian institutions abroad. The reference book with a calendar for 1906]. Petrograd: Berlinskoe sv. knyaz'-Vladimirskoe bratstvo: tipo-lit. M.P. Frolovoy.
13. Kuchukova, N.Yu. (n.d.) *Istoricheskiy opyt blagotvoritel'noy deyatel'nosti Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Historical experience of charity of Russian Orthodox Church]. [Online] Available from: http://social-orthodox.info/2_1.htm. (Accessed: 17th June 2017).
14. Zubanova, S.G. (2009) Christianization of state, public and private charitable devotion and sacrifice in the 19th century under influence of Russian Orthodox Church. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 23. pp. 11–13. (In Russian).
15. Danilenko, O.V. (2010) *Proshloe i nastoyashchee rossiyskoy blagotvoritel'nosti* [The Past and Present of the Russian Charity]. [Online] Available from: <http://www.be5.biz/ekonomika1/r2010/01286.htm>. (Accessed: 17th June 2017).
16. TOFI Charitable Foundation. (n.d.) *Istoriya blagotvoritel'nosti v Evrope* [The History of European Charity]. [Online] Available from: http://fund.corp-tofi.com/publ/istorija_blagotvoritelnosti_v_evrope/1-1-0-4. (Accessed: 17th June 2017).
17. *Russkaya-moneta.ru*. (n.d.) *Proekt russkaya moneta* [Project Russian coin]. [Online] Available from: <http://russkaya-moneta.ru/index.php?topic=3482.0>. (Accessed: 19th June 2017).
18. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 417. List 1. File 2790.
19. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 1248. List 1. File 42.
20. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 417. List 1. File 123.
21. Shirokorad, A.B. (2007) *Rossiya i Germaniya. Istoriya voennogo sotrudnichestva* [Russia and Germany. The History of Military Cooperation]. Moscow: Veche.
22. Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii. V 4-kh t.* [History of the Russian Army. In 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Golos.
23. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 417. List 1. File 722.
24. Emelin, A.Yu. (2002) *Kreyser II ranga "Novik"* [Tier II Cruiser Novik]. St. Petersburg: Gangut.
25. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 1248. List 1. File 41.

УДК 327.7(061.1ЕАЭС) + 94(574) + 94(519)
DOI: 10.17223/19988613/56/10

С.М. Юн

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ ЕВРАЗИЙСКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СОЮЗОМ И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ

Статья выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ № 30.12939.2018/12.1 «Научно-методическое и нормативно-правовое обеспечение научно-технического, инновационного и образовательного сотрудничества в рамках ЕАЭС».

В статье сравниваются актуальные показатели торгово-экономических связей России и Казахстана с Республикой Корея; рассматриваются экспертные рекомендации 2013 г. в отношении заключения соглашений о зоне свободной торговли товарами между Евразийским экономическим союзом и третьими странами, практика выработки подобных соглашений на протяжении периода с 2015 г. по сентябрь 2018 г.; анализируются процесс становления отношений между ЕАЭС и Республикой Корея, причины «заморозки» переговоров о ЗСТ между ЕАЭС и Республикой Корея.

Ключевые слова: Россия; Казахстан; Евразийский экономический союз; Республика Корея; соглашение о зоне свободной торговли.

Республика Корея традиционно входит в тройку ведущих экономических партнеров России в Восточной Азии после Китая и Японии. В последнее время Южная Корея все сильнее оспаривает у Японии второе место в списке российских приоритетов. По итогам 2017 г. Южная Корея впервые обогнала Японию по товарообороту с Россией (19,3 млрд долл. США против 18,3 млрд долл.), несмотря на то, что экономика Южной Кореи в 3 раза меньше, чем экономика Японии. Доля Южной Кореи в российском товарообороте составила в 2017 г. 3,6% [1]. В 2018 г. тенденция сохранилась: за январь–июль российско-южнокорейский товарооборот составил 12,5 против 11,8 млрд долл. торговли с Японией [2]. В сфере торговли услугами с Россией Сеул давно впереди Токио; например, в 2017 г. оборот составил 1,5 млрд долл. против 0,9 млрд японских показателей [3]. В то же время Япония сохраняет абсолютное лидерство среди азиатских стран по накопленным прямым иностранным инвестициям в России – 15,1 млрд долл. на конец 2016 г. против, например, 8,2 млрд долл. инвестиций из Китая и сравнительно скромных 2,1 млрд долл. южнокорейских инвестиций [4. С. 38].

Новым фактором для российско-южнокорейских отношений стала евразийская интеграция в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). ЕАЭС – молодое интеграционное объединение, прошедшее путь от Таможенного союза в составе России, Казахстана и Белоруссии с 2010 г. до Евразийского экономического союза в составе уже пяти стран (присоединились Армения и Кыргызстан) с 2015 г. Ядро ЕАЭС – Таможенный союз, который включает свободное перемещение товаров внутри ЕАЭС; единый таможенный тариф и единые меры нетарифного регулирования в отношении третьих стран; единую систему внешнеторгового и таможенного регулирования и единое техническое регулирование. Таким образом, на уровень институтов ЕАЭС перешла значительная часть полномочий по регулированию внешнеэкономических связей России.

Расширение ЕАЭС не стоит в повестке. Зато развивается интеграция со странами Большой Евразии. Первое соглашение о зоне свободной торговли товарами (ЗСТ) было подписано с Вьетнамом в мае 2015 г. и вступило в силу в октябре 2016 г. По соглашению, в частности, Вьетнам сразу отменяет таможенные пошлины более чем на 59% тарифных линий в общей товарной номенклатуре. В отношении еще 30% товарной номенклатуры ставки таможенных пошлин будут снижены до 0% в течение переходного периода, а за рамками договора остаются 12% товарной номенклатуры [5]. Следует отметить, что проект интеграции ЕАЭС с Вьетнамом – это не только зона свободной торговли товарами, но и дополнительные статьи в сфере инвестиционного взаимодействия и гармонизации регуляторных правил (такие соглашения стали нормой в современной международной практике и получили название «ЗСТ+»). По данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК; постоянно действующий регулирующий орган ЕАЭС), товарооборот между странами ЕАЭС и Вьетнамом вырос на 36% с 4,3 млрд долл. в 2016 г. до 5,9 млрд долл. в 2017 г. (импорт из Вьетнама в ЕАЭС – на 34,7%, экспорт во Вьетнам – на 39,5%). Наибольший рост имел место в торговле между Вьетнамом и Казахстаном (48,2%, при этом казахстанский экспорт увеличился на 63,7%), а «торговля Республики Армения и Кыргызской Республики с Вьетнамом начала развиваться с нуля и достигла существенных величин» [6].

Второе соглашение ЕАЭС о ЗСТ, так называемое Временное соглашение, было подписано с Ираном 17 мая 2018 г. Оно охватывает половину объема взаимной торговли и предположительно будет действовать 3 года, в течение которых ЕАЭС и Иран планируют выработать полноформатное соглашение о ЗСТ по почти всей товарной номенклатуре [7]. Также в течение 2015–2016 гг. Высшим Евразийским экономическим советом (ВЕЭС; высший орган ЕАЭС, объединяющий

глав государств и правительств стран-участниц) были приняты решения о начале переговоров о ЗСТ с Израилем (октябрь 2015 г.), Сербией (май 2016 г.), Египтом, Индией и Сингапуром (декабрь 2016 г.). К сентябрю 2018 г. они находятся на разных стадиях: в случае с Сингапуром, Сербией и Израилем уже идут полноформатные официальные переговоры, тогда как с Египтом и Индией не закончены предварительные, технические консультации [8]. Что касается Китая, то вместо соглашения о ЗСТ, которое видится как очень отдаленная перспектива, в мае 2018 г. между ЕАЭС и КНР было подписано «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве» как неpreferенциальное соглашение, нацеленное на снижение нетарифных барьеров.

Отношения между ЕАЭС и Южной Кореей были оформлены двумя Меморандумами о сотрудничестве, подписанными Евразийской экономической комиссией осенью 2015 г. со Службой по государственным закупкам и с Министерством промышленности, торговли и энергетики Республики Корея. Ранее, с декабря 2014 г. началось совместное исследование Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) и Корейского института международной экономической политики (КИЭП) с целью в том числе «дать конкретные предложения по углублению торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между сторонами» [9]. Фактически подразумевалась экспертная проработка вопроса о целесообразности внедрения зоны свободной торговли между ЕАЭС и Южной Кореей и ее параметрах.

Среди стран ЕАЭС, кроме России, существенные экономические связи с Южной Кореей имеет только Казахстан. Казахстанско-южнокорейский товарооборот в 2015 г. составил 1,4 млрд долл. (2,3% казахстанского товарооборота), в 2016 г. – 0,7 млрд долл. (1,4%), в 2017 г. – 1,7 млрд долл. (2,8%) [10]. Казахстан – основной получатель прямых иностранных инвестиций от Южной Кореи из стран ЕАЭС. На конец 2016 г. они составили около 3 млрд долл. В других странах ЕАЭС значимых инвестиций корейских компаний нет [4. С. 8].

Еще в 2013 г. по заказу ЕЭК российские исследователи из МГИМО(У) и Центра экономических и финансовых исследований и разработок провели комплексное исследование «Определение перспективных партнеров государств – членов Таможенного Союза по заключению соглашений о свободной торговле» [11]. Анализ проводился применительно к Вьетнаму, Израилю, Индии, Индонезии, Монголии, Сингапуру и Республике Корея с точки зрения влияния ЗСТ на динамику ВВП и благосостояние потребителей в Белоруссии, Казахстане и России. В отношении Индонезии и Монголии заключение соглашения о ЗСТ было признано нецелесообразным, в отношении остальных стран – целесообразным при определенных условиях. При этом самой позитивной была экспертная оценка целесообразности заключения ЗСТ именно с Южной Кореей («безусловно, имеет смысл») по обоим показателям (выигрыш для Казахстана и России, перекрывающий

проигрыш Белоруссии, даже в сценарии устранения всех тарифных барьеров). Кроме того, дополнительным выигрышем для стран ЕАЭС было названо привлечение корейских инвестиций через введение в текст соглашения положений, снижающих барьеры для инвестиций.

Совместное исследование ВАВТ и КИЭП было завершено к началу 2016 г. Расчеты авторов показали, что в сценарии полной либерализации торговли товарами Россия и Республика Корея получают сопоставимые выгоды в терминах изменения ВВП: в краткосрочной перспективе – около 0,05% роста ВВП в обеих странах, в долгосрочной – 0,12% роста в России и 0,10% в Южной Корее. Для остальных стран ЕАЭС изменения ВВП останутся незначительными. В долгосрочной перспективе рост совокупного экспорта России прогнозируется на уровне 1,98%, рост экспорта в Южную Корею – на 57,1%. Для Южной Кореи показатели роста составят 2,9% (совокупный экспорт) и 96,8% (экспорт в страны ЕАЭС) [12. С. 58–69]. С конца 2016 г. начались официальные консультации с участием представителей ЕЭК, стран ЕАЭС и Южной Кореи, предваряющие собственно переговоры о соглашении. Однако до сих пор, на сентябрь 2018 г., не принято решение глав государств и правительств стран ЕАЭС о начале официальных переговоров с Южной Кореей.

По какой же причине Южная Корея, указанная российскими экспертами в 2013 г. как первый приоритет для создания ЗСТ, остается единственной страной из группы государств, с кем прорабатывалась принципиальная возможность введения ЗСТ, но с кем до сих пор не начались переговоры? Официальная позиция ЕАЭС, объясняющая задержку на переговорах, была озвучена, например, министром по торговле ЕЭК Вероникой Никишиной в интервью, опубликованном в газете «Коммерсант» 10 февраля 2017 г.: «По Корею не завершена работа по согласованию, скажем так, рамочных условий начала переговоров. Пока мы провели совместное исследование, и выяснилось, что увеличение экспорта ЕАЭС прогнозируемо, но, скорее всего, будет в два раза меньше, чем у Кореи, от открытия доступа на наш рынок. И для того чтобы сбалансировать эти выгоды, наши столицы, которые видят в Корею серьезного инвестиционного и технологического партнера, хотят, чтобы Корея продемонстрировала готовность как минимум сохранить свою инвестиционную деятельность в отраслях, где она уже присутствует, и ее расширять, – у нас есть определенные запросы на корейские инвестиции» [13]. Остается неизвестным вопрос, в какой степени правительство Южной Кореи готово к сделке с ЕАЭС по формуле «ЗСТ + инвестиции».

С другой стороны, существует неофициальная точка зрения, что переговоры не начинаются из-за того, что российская сторона рассматривает ЗСТ с Южной Кореей как угрозу политике импортозамещения в таких отраслях, как производство автомобилей, бытовой электроники, электротехники. Например, с

обращением в Минпромторг России против ЗСТ с Южной Кореей публично выступала компания «Полипластик», ведущий российский производитель полимерных труб, поставляющий свою продукцию в том числе на предприятия корейских Hyundai, LG-Electronics, Samsung в России [14].

Попытки нового президента Республики Корея Мун Чжэ Ина запустить переговоры о ЗСТ также закончи-

лись ничем. На российско-южнокорейском саммите 22 июня 2018 г. Москва и Сеул договорились «прилагать усилия в целях скорейшего начала переговоров о заключении соглашения о свободной торговле услугами и инвестициях между Российской Федерацией и Республикой Корея», а по другим аспектам «условий либерализации торговли» (читай – торговле товарами) – только «продолжить обсуждение» [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя торговля с третьими странами // Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2017/12+/E201712_2_6.pdf (дата обращения: 14.06.2018).
2. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран за январь–июль 2018 г. // Федеральная таможенная служба. 2018. URL: http://www.customs.ru/attachments/article/25865/WEB_UTSA_09.xls (дата обращения: 29.09.2018).
3. Внешняя торговля услугами Российской Федерации по основным странам-партнерам за 2017 год // Центральный банк Российской Федерации. 2018. URL: https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/trade/64-trade_17.xlsx (дата обращения: 15.06.2018).
4. ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций–2017. СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2017. URL: https://eabr.org/upload/iblock/252/EDB-Centre_2017_Report-47_FDI-Eurasia_RUS_1.pdf (дата обращения: 15.06.2018).
5. Вопросы и ответы по Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам // Евразийская экономическая комиссия. 2018. С. 13. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Вопросы%20и%20ответы%20по%20Соглашению%20о%20свободной%20торговле%20между%20странами%20ЕАЭС%20и%20Вьетнамом.pdf (дата обращения: 12.06.2018).
6. Либерализация торгового режима между ЕАЭС и Вьетнамом позволила за последний год нарастить товарооборот между сторонами на 36% // Евразийская экономическая комиссия. 19.06.2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-06-2018-2.aspx> (дата обращения: 27.09.2018).
7. Подписано Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном // Евразийская экономическая комиссия. 17.05.2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-1.aspx> (дата обращения: 26.09.2018).
8. Проводимые переговоры по заключению соглашений о свободной торговле между ЕАЭС и третьими странами. По состоянию на сентябрь 2018 год // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Проводимые%20переговоры%20сст_сайт.pdf (дата обращения: 27.09.2018).
9. ЕАЭС и Республика Корея подписали Меморандум о сотрудничестве // Евразийская экономическая комиссия. 30.11.2015. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/30-11-2015-5.aspx> (дата обращения: 15.06.2018).
10. Внешняя торговля с третьими странами // Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2017/12+/E201712_2_4.pdf (дата обращения: 29.09.2018).
11. Аннотация к результатам научно-исследовательской работы на тему «Определение перспективных партнеров государств-членов Таможенного Союза по заключению соглашений о свободной торговле» // Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/NIR/Lists/List/Attachments/35/18_12_2013_annot.pdf (дата обращения: 15.06.2018).
12. Оценка текущего российско-корейского экономического сотрудничества и перспективы развития на средне- и долгосрочный период / П.А. Кадочников, Е.Б. Рогатных, Е.И. Герман, Т.М. Алиев, А.Ю. Кнобель, А.Н. Соколянская, Ли Чжэ Ён, Квак Сонгил, Ли Чул Вон, Чже Сун Хун, Мин Жёнг; Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России; Корейский институт международной экономической политики. М. : ВАВТ, 2016. 153 с. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&ntId=189412 (дата обращения: 10.10.2018).
13. «За открытие рынков стран-партнеров мы должны заплатить снижением пошлин». Министр торговли ЕЭК Вероника Никишина о планах по расширению свободной торговли // Коммерсант. 10.02.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3214431> (дата обращения: 15.06.2018).
14. НПП "Полипластик" просит Минторг ограничить свободную торговлю с Южной Кореей // http://www.mrcplast.ru/news-news_open-327675.html (дата обращения: 29.09.2018).
15. Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея. 22 июня 2018 года // Официальный сайт Администрации Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5321> (дата обращения: 29.09.2018).

Yun Sergey M., Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

THE EURASIAN ECONOMIC UNION – SOUTH KOREA FREE TRADE AREA PROJECT

Keywords: Russia; Kazakhstan; the Eurasian Economic Union; South Korea; free trade agreement.

The aim of the research is to explore the reason for the postponement of the Eurasian Economic Union – South Korea negotiations on a free trade area. For this aim the paper first compares the current indicators of Russia and Kazakhstan's trade and economic ties with South Korea. Then it analyzes the 2013 expert recommendations for the conclusion of free trade agreements (FTA) between the Eurasian Economic Union (EAEU) and other countries, as well as the EAEU's experience of negotiating FTAs during the period from 2015 to September 2018. It finally focuses on the relations between the EAEU and the Republic of Korea in the context of the FTA negotiations. To write the paper the author used official materials of Russian government agencies and EAEU institutions.

The research reached the following conclusions. South Korea ranks as Russia's top economic partner in East Asia in terms of trade and investment. The Eurasian integration within the Eurasian Economic Union has become a new factor for Russia – South Korea relations. The core of the EAEU is the Customs Union which transferred a significant part of the competences to regulate Russia's foreign economic relations to the level of the EAEU institutions. As for the rest of the EAEU member states, only Kazakhstan has significant economic ties with South Korea.

The EAEU enlargement is not on the agenda. But integration with the countries of the Greater Eurasia is developing. The first agreement on a free trade zone (FTA) was signed with Vietnam in May 2015 and entered into force in October 2016. The second FTA agreement was signed with Iran on May 17, 2018. Formal or preliminary negotiations on the conclusion of a FTA are being conducted by the Eurasian Economic Union with India, Serbia, Israel, Singapore, Egypt.

Official consultations between South Korea, on the one side, and the Eurasian Economic Commission and EAEU member states, on the other, began in late 2016. Consultations usually precede the formal negotiations on a FTA agreement. Earlier in 2013 Russian experts prepared a comprehensive study of the prospects for concluding free trade agreements with various countries in Asia. It is noteworthy

that the most positive was the expert assessment of the feasibility of a FTA with South Korea which could both promote EAEU exports and attract Korean investments.

However, the decision of the heads of state and government of EAEU member states to start formal talks with South Korea on the FTA has been postponed. The official reason for the delay is the desire to get from South Korea certain commitments to invest in EAEU states, taking into account the fact that, according to Russian experts, the increase in EAEU exports will be two times less than that of Korea within the FTA. The unofficial explanation is Russia's negative position on the point. The Russian government views the FTA with South Korea as a threat to some Russian industries, including car manufacturing.

REFERENCES

1. Eurasian Economic Commission. (2018a) *Vneshnyaya trgovlya s tret'imimi stranami* [Foreign Trade with Third Countries]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2017/12+/E201712_2_6.pdf. (Accessed: 14th June 2018).
2. Federal Customs Service. (2018) *Vneshnyaya trgovlya Rossiyskoy Federatsii po osnovnym stranam i gruppam stran za yanvar'-iyul' 2018 g.* [Foreign trade of the Russian Federation by main countries and groups of countries in January – July 2018]. [Online] Available from: http://www.customs.ru/attachments/article/25865/WEB_UTSA_09.xls. (Accessed: 29th September 2018).
3. Central Bank of the Russian Federation. (2018) *Vneshnyaya trgovlya uslugami Rossiyskoy Federatsii po osnovnym stranam-partneram za 2017 god* [Foreign trade in services of the Russian Federation by major partner countries for 2017]. [Online] Available from: https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/trade/64-trade_17.xlsx. (Accessed: 15th June 2018).
4. Eurasian Bank of Development. (2017) *EAES i strany Evraziyskogo kontinenta: monitoring i analiz pryamykh investitsiy – 2017* [EAEU and countries of the Eurasian continent: monitoring and analysis of direct investments – 2017]. St. Petersburg: TSII EABR. [Online] Available from: https://eabr.org/upload/iblock/252/EDB-Centre_2017_Report-47_FDI-Eurasia_RUS_1.pdf. (Accessed: 15th June 2018).
5. Eurasian Economic Commission. (2018b) *Voprosy i otvety po Soglasheniyu o svobodnoy trgovle mezhdru Evraziyskim ekonomicheskim soyuzom i Sotsialisticheskoy Respublikoy V'etnam* [Questions and answers on the Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and the Socialist Republic of Vietnam]. pp. 13. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Voprosy%20i%20otvety%20po%20Soglasheniyu%20o%20svobodnoy%20trgovle%20mezhdru%20stranami%20EAES%20i%20V'etnamom.pdf. (Accessed: 12th June 2018).
6. Eurasian Economic Commission. (2018c) *Liberalizatsiya trgovogo rezhima mezhdru EAES i V'etnamom pozvolila za posledniy god narastit' tovarooorobot mezhdru storonami na 36%* [Liberalization of the trade regime between the EAEU and Vietnam over the past year has increased the trade turnover between the parties by 36%]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-06-2018-2.aspx>. (Accessed: 27th September 2018).
7. Eurasian Economic Commission. (2018d) *Podpisano Vremennoe soglashenie, vedushchee k obrazovaniyu zony svobodnoy trgovli mezhdru EAES i Iranom* [The EAEU and Iran signed a temporary agreement on the formation of a free trade zone]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-1.aspx>. (Accessed: 26th September 2018).
8. Eurasian Economic Commission. (2018e) *Provodime peregovory po zaklyucheniyu soglasheniy o svobodnoy trgovle mezhdru EAES i tret'imimi stranami. Po sostoyaniyu na sentyabr' 2018 god* [Ongoing negotiations to conclude free trade agreements between the EAEU and third countries. As of September 2018]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Provodimye%20peregovory%20sst_sayt.pdf. (Accessed: 27th September 2018).
9. Eurasian Economic Commission. (2018f) *EAES i Respublika Koreya podpisali Memorandum o sotrudnichestve* [The EAEU and the Republic of Korea signed a Memorandum of Cooperation]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/30-11-2015-5.aspx>. (Accessed: 15th June 2018).
10. Eurasian Economic Commission. (2018g) *Vneshnyaya trgovlya s tret'imimi stranami* [Foreign trade with third countries]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2017/12+/E201712_2_4.pdf. (Accessed: 29th September 2018).
11. Eurasian Economic Commission. (2018h) *Annotatsiya k rezul'tatam nauchno-issledovatel'skoy raboty na temu "Opredelenie perspektivnykh partnerov gosudarstv-chlenov Tamozhennogo Soyuza po zaklyucheniyu soglasheniy o svobodnoy trgovle"* [Annotation to the results of research work on the theme "Identification of promising partners of the Member States of the Customs Union for the conclusion of free trade agreements"]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/NIR/Lists/List/Attachments/35/18_12_2013_annot.pdf. (Accessed: 15th June 2018).
12. Kadochnikov, P.A., Rogatnykh, E.B., German, E.I., Aliev, T.M. et al. (2016) *Otsenka tekushchego rossiysko-koreyskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva i perspektivy razvitiya na sredne- i dolgosrochnnyy period* [Assessment of the current Russian-Korean economic cooperation and development prospects for the medium and long-term period]. Moscow: VAVT. [Online] Available from: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&nttId=189412. (Accessed: 10th October 2018).
13. Nikishina, V. (2017) *"Za otkrytie rynkov stran-partnerov my dolzhny zaplatit' snizheniem poshlin"*. *Ministr trgovli EEK Veronika Nikishina o planakh po rasshireniyu svobodnoy trgovli* ["A decrease in fees is to be paid for the opening of the markets of partner countries", the EEC Trade Minister Veronika Nikishina on plans to expand free trade]. *Kommersant*. 10th February. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3214431>. (Accessed: 15th October 2018).
14. Larionova, A. (2017) *NPP "Poliplastik" prosit Mintorg ogranichit' svobodnuyu trgovlyu s Yuzhnoy Koreey* [NPP "Polyplastic" asks the Ministry of Trade to restrict free trade with South Korea]. [Online] Available from: http://www.mrcplast.ru/news-news_open-327675.html. (Accessed: 29th September 2018).
15. The Administration of the President of the Russian Federation. (2018) *Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Koreya. 22 iyunya 2018 goda* [Joint Statement of the Russian Federation and the Republic of Korea. June 22, 2018]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/supplement/5321>. (Accessed: 29th September 2018).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 930.1

DOI: 10.17223/19988613/56/11

О.И. Ивонина

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИСКУРСА Л.П. КАРСАВИНА

Цель статьи – исследовать природу и эвристический потенциал междисциплинарного дискурса Л.П. Карсавина как яркого представителя русского христианского историзма первой половины XX в. Сделана попытка проследить этапы и результаты творческой эволюции мыслителя от изучения средневековой народной ментальности к глубоким размышлениям о траектории всемирной и российской истории в эпоху «восстания масс», трагедии русской и европейской культуры XX в. Автор приходит к выводу о том, что творчество Карсавина, развивая интеллектуальную традицию русского религиозного историзма Серебряного века, в то же время отразило атмосферу новой эпохи с ее стремлением к поиску более глубокого и утонченного обоснования исторического знания, формирования нового языка исторической науки в рамках междисциплинарного синтеза историософии, истории ментальности и культурной антропологии.

Ключевые слова: Л.П. Карсавин; философия истории; психоистория; культурная антропология; кризис европейской культуры; альтернативность всемирной истории.

Творчество Льва Платоновича Карсавина (1882–1952), развивая интеллектуальную традицию русского религиозного историзма, созданную Вл.С. Соловьевым и продолженную мыслителями Серебряного века, в то же время отразило атмосферу новой эпохи начала XX в. с ее стремлением к поиску более глубокого и утонченного обоснования исторического знания, формированием нового языка исторической науки в рамках междисциплинарного синтеза.

Историческая концепция Л.П. Карсавина отразила своеобразную эволюцию его исследовательских предпочтений. Будучи студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1901–1906 гг.), он занимался изучением духовной культуры периода поздней Античности, историей различных религиозных течений и ересей Раннего Средневековья, вместе с А. Лаппо-Данилевским, Н.П. Пумпянским, Л.П. Щербой активно участвовал в работе студенческого научно-литературного общества. Результатом его увлечений историей религиозной мысли стала первая публикация – «Сидоний Аполлинарий, как источник изучения духовной культуры в период поздней античности», получившая золотую медаль на конкурсе студенческих работ.

По окончании университета Л.П. Карсавин был оставлен при кафедре всеобщей истории для подготовки магистерской диссертации, а с 1910 г. был направлен в заграничную командировку для сбора материалов в библиотеках и архивных хранилищах Италии и Франции. Наиболее значительными результатами его заграничных командировок стали книги «Из истории духовной культуры падающей Римской империи (политические взгляды Сидония Апполинария)», «Очерки

религиозной жизни в Италии XII–XIII веков» (1912 г.), «Монашество в средние века» (1912 г.), «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии» (1915 г.).

Уже в первых работах проявилось стремление историка разглядеть за отдельными событиями религиозно-культурной жизни Западной Европы структуру средневековой ментальности, антропологические основы духовной и политической жизни. В тезисах своей магистерской диссертации он утверждал, что «изучение средневековой культуры должно строиться на понятии культурного фонда “среднего человека”, как системы психических явлений, объясняющей характер духовной жизни определенной эпохи, а лучшим средством для этого является выявление “типических” (в частности “гениальных”) индивидуальностей в их влиянии на наиболее распространенные явления духовной культуры» [1. Л. 131].

Выход книг сопровождался успешной академической карьерой, однако работы Л.П. Карсавина вызвали настороженность и противодействие старшего поколения университетских историков. Молодой исследователь чрезвычайно вольно обращался с незыблемыми канонами фактографии, текстологической достоверности исторического исследования. Подспудно накапливавшееся раздражение воплотилось в рецензии учителя Карсавина И.М. Гревса на книгу «Основы средневековой религиозности», которая нанесла непоправимый вред личным отношениям ученика и учителя. И.М. Гревс отметил многочисленные небрежности автора в обращении с источниками и сосредоточил свою критику на ключевом положении книги – представлении о субъекте католической средневековой ре-

лигиозности. Таковым, по мнению Карсавина, был «средний», «типичный» человек. По мнению Гревса, указанная фигура не может быть документирована источниками и представляет собой историографическую фикцию. По существу, в полемике Гревса против Карсавина речь шла о предмете историографии: является ли историческая наука строго фактологичной, эрудитской, либо в ней найдут свое место и теоретические конструкции, расширив, тем самым, эвристические возможности исторического знания [2. Л. 24–32].

Со своей стороны, Карсавин отстаивал право историографии на широкие теоретические обобщения, включая ассимиляцию ею базовых категорий философии, культурологии, психологии. Стремление ученого к синтезу историографии, историософии и методологии истории проявилось и в последующих работах уже культурологического характера. В 1918 г. увидели свет книги «Культура средних веков», «Католичество. Общий очерк», а в 1922 г. была опубликована работа «Восток, Запад и русская идея». Постепенный переход Л.П. Карсавина от историографии к философии истории, обозначившийся в 1920 г. с появлением работы «Введение в историю», продолжился в эмиграции, в берлинско-парижский период его жизни и нашел отражение в таких исследованиях, как «Философия истории» (1923), «О началах» (1925), «О личности» (1929).

После переезда в Литву (в 1940 г.) ученый вернулся к жанру историографии, издав на литовском языке пятитомное исследование «История европейской культуры». Сама творческая биография историка – переход от изучения средневековой религиозности к философии истории, а от нее – к культурологии – воплотила исследовательское credo Л.П. Карсавина: синтез историографии и историософии. Не случайно все работы автора, включая и самую метафизическую – «Философия истории», наполнены богатейшим фактографическим материалом, иллюстрирующим методологические подходы и теоретические принципы исследователя.

Труды Л.П. Карсавина наиболее показательны для русской религиозной мысли как образец методологической рефлексии над предметом истории. Характер ознакомления читателя с проблематикой теории науки – посредством дискуссии автора с отечественными и зарубежными исследователями во «Введении в историю» (1920) – придал этой работе значение программного манифеста, определив позицию исследователя в диалоге ведущих направлений европейской историографии по наиболее спорным проблемам исторического знания. Личные симпатии автора – на стороне Э. Мейера, Г. Шпета, А.С. Лаппо-Данилевского, А. Берра, А.Д. Ксенопола и других приверженцев синтеза истории с культурной антропологией, социальной и этнической психологией, филологией.

Наиболее острой критике он подверг сторонников социально-экономической каузальности как главной детерминанты исторической эволюции и адептов линейного понимания исторического процесса. Автор-

ская оппозиция прогрессистским концепциям всемирной истории выступала не просто итогом научной полемики, но и результатом личного опыта, переживаний историком катастрофического «духа времени». То, что в сознании предшественников Карсавина присутствовало в форме неясных предчувствий или пророчеств, со всей силой проявилось в трагических событиях XX в. Природные и техногенные катастрофы, воплотившиеся в символах Мессины и «Титаника»; империализм с его культом насилия, развязавший сначала колониальные и национальные, а затем и мировую войну; революции в России, Европе и Азии – все это, по выражению Г.П. Федотова, обнажило «взрывчатый материал» современной эпохи истории и культуры [3. С. 61].

Крушение под ударами «восстания масс» классической культуры, вековых традиций, представлявшей незыблемой Российской империи, вызывало ответную реакцию иррационализма, экзистенциально и психологически оправданную. Претензии рационального сознания объяснить логику развития отечественной и всемирной истории действием объективных законов оказались несостоятельными. Катастрофический вектор человеческой эволюции порождал неизбежные сомнения в наличии сознательных мотивов действий целых народов и отдельных личностей, вынуждая историков задуматься над значением в истории бессознательного.

Массовый характер современной культуры и общества актуализировал поставленную славянофилами проблему исторической субъектности народа, нации, сословий, классов и других типов коллективных общностей. Представления о линейном и непрерывном характере исторического прогресса уступали место понятиям альтернативности и обратимости человеческого развития, универсализму базовых категорий исторического противопоставлялась несоизмеримость аксиологических и семантических кодов различных цивилизаций и культур, подчиняющихся собственной логике бытия. Многие из отмеченных интенций современного исторического сознания получили отражение в творчестве Л.П. Карсавина.

Уже во «Введении в историю» Л.П. Карсавин сформулировал понимание предмета исторической науки, отталкиваясь от понятия «всеединства» как базовой, метафизической основы своей историософии. Ученый объявляет, что предметом истории является человечество во всех моментах и «качествах» его деятельности – общественном, политическом, материальном и духовно-культурном развитии. Процесс развития – един, а потому в истории человечества «должны сразу заключаться как не погибающее для него прошлое, так и уже существующее для него будущее» [4. С. 9].

Человечество, в концепции Л.П. Карсавина, выступает реальным и целостным всеединством, проявляющим себя в деятельности различных «исторических индивидуальностей» – как коллективных (народ, госу-

дарство, класс, социальная группа, семья, род), так и личных (отдельные индивиды). В «Философии истории» (1923 г.) автор окончательно формулирует свое понимание предмета исторического знания – изучение развития «человечества как всеединого, всепространственного и всевременного субъекта» [5. С. 88].

Основой единства всех сфер и проявлений человеческого в процессе развития выступает психическое, так как всякая социальная деятельность определяется потребностями и желаниями, сопровождается душевными переживаниями и всегда эмоционально окрашена. Поэтому главным способом постижения истории автор считает искусство понимания Иного – «реально-проникновения в чужую индивидуальную или коллективную душу» [4. С. 16].

Значимость этого метода Л.П. Карсавин усматривал в его возможности «по обрывкам воспроизводить целое», так как именно «душевное», «социально-психическое» является системообразующим принципом «духа эпохи», народа, культуры и прочих «исторических индивидуальностей», формируя мотивы их действий, принципы поведения, формы сознания и мироощущения.

Философия истории Карсавина – это прежде всего размышления над природой субъекта исторического процесса в виде соборной (симфонической) личности, представляющей собой согласованное множество и иерархическое единство локальных культур, этносов, разнообразных социальных групп и отдельных индивидов. Человечество как единый субъект исторического творчества проявляет себя в универсальной мировой культуре, которая, будучи помещена во временной поток, распадается на множество индивидуальностей, социальных и духовных.

Для исторической концепции автора важно, что локальные культуры в различной степени воплощают в себе родовые свойства единой всечеловеческой культуры. Поэтому Л.П. Карсавин признавал, что в каждую историческую эпоху существуют локальные культуры-лидеры (мессианские культуры), оказывающие решающее воздействие на все культурное развитие человечества [6. С.176].

По мнению автора, всякая культура представляет собой идейное единство, определяющееся характером высших целей и ценностей ее носителей, т.е., в конечном счете, типом религиозности. Он был убежден в неустранимости из культуры ее религиозного содержания, полагая, что локальные культуры различаются прежде всего отношением к Абсолюту, воплощенному в понятиях истины, блага, красоты.

О том, как Л.П. Карсавин разъяснял свое представление о неустранимости религиозного содержания любой культуры, вспоминает А. Ванеев, свидетель последнего года жизни историка в концлагере г. Абези (1950–1952 гг.). На вопрос А. Ванеева «как общественная формация влияет на формы религии?», Карсавин отвечал: «Еще вопрос, что на что влияет. Осваивая бы-

тие, человек, тем самым направлен к Богу как к абсолютному основанию всякой действительности. Прямое выражение это находит в религии, в понятиях и культуре которой человек ставит себя в отношение к Богу... Движение религии не просто смена ее форм, а процесс, в котором сакральное неуклонно подвергается десакрализации. Религиозное как бы перетекает во внерелигиозное. Элементы религии теряют свой священный характер и становятся достоянием быта, хозяйственной жизни, искусства. Астрономия происходит от астрологии, театр – от литургической драмы. Гуманистические идеалы и этические нормы современного общества рождены христианством. Формы, в которые облекает себя религиозность, национальны и связаны с общими представлениями своего времени. Вот почему есть основание думать, что в исторической жизни народов не формы хозяйственного и общественного устройства определяли характер религии, а как раз напротив, религия вела за собой хозяйственный и общественный прогресс. Такие события доисторической жизни, как овладение огнем, приручение животных, посев злаков и многое другое, – первоначально не имели утилитарного значения, а были священнодействием, теургией, от которой и пошло и животноводство, и земледелие, и другие формы хозяйственной жизни после того, как сама теургия подверглась десакрализации, потеряв значение священного акта» [7. С. 29–30].

Таким образом, светская культура в своих основаниях всегда сохраняет связь с религиозной символикой, поскольку всякая культура концентрируется вокруг идеала общественной жизни, а он, в свою очередь, сохраняет формальные признаки религиозной ценности, в той или иной форме приближаясь к Абсолюту.

Л.П. Карсавин отмечал, что культура образует единое целое во всех своих проявлениях, среди которых нельзя выделить определяющие и второстепенные. Ни социально-экономические, ни политические процессы, ни история искусства, ни биографии исторических деятелей не были для ученого самостоятельными предметами исторического исследования. Они могли рассматриваться только как проявления чего-то более общего, а именно культуры. В исторической концепции Карсавина категория «культуры» осуществляет синтез двух основополагающих тезисов исторической концепции автора – антропоморфности исторического субъекта и закономерности исторического процесса. Преобразуя свободу в принудительный порядок, культура подчиняет живое творчество заветам прошлого, индивидуальную деятельность – исторической традиции.

Культура как традиция успешно сопротивляется возмущающей ее активности человека и потому, по мнению историка, является устойчивым образованием.

Для концепции всемирной истории Л.П. Карсавина принципиально важны тезисы, с помощью которых автор описывает содержание исторического процесса как эволюции и взаимодействия различных индивидуальных (локальных) культур: 1) цикличности мировой

истории; 2) герметичности и устойчивости определенного типа культуры; 3) культурного синкреза как смешения разновременных и разноуровневых культур в теле современной цивилизации.

Подвергнув уничтожающей критике идею прогресса как антиисторическую, Л.П. Карсавин считал важнейшей закономерностью развития локальных сообществ циклизм – чередование этапов рождения, взросления, кризиса и упадка. Циклизм истории, по мнению автора, связан с ограниченностью результатов теофании (преображения мира в соответствии с идеалом Царства Божия), демонстрируемой отдельными культурами, невозможностью для одной страны или народа отразить в своем творчестве всей полноты божественного откровения о мире и человеке. Более того, даже ограниченная в пространстве и времени бытия отдельной культуры, теофания редко становится всеобщим достоянием, порождая разделение социума на сословия, классы, профессиональные группы. Последующее разделение труда, специализация и конкуренция, в свою очередь приводят к утрате социального единства, кризису мировоззрения и жизненных ориентаций народа.

Подобное понимание направленности истории объясняется тем, что Карсавин разделял общий для всех мыслителей русского религиозного Ренессанса вывод о переходе культуры в стадию цивилизации на последнем этапе развития локальных сообществ.

Обсуждая проблему герметичности культуры, мыслитель соглашался с О. Шпенглером, полагая, что достижения одной культуры неповторимы и незаменимы опытом никакой другой. Герметичность культуры дополняется ее устойчивостью. По мнению историка, устойчивость культуры проявляется по-разному. Во-первых, в преемственности (переживании) культуры разными поколениями и категориями ее носителей. Во-вторых, устойчивость культуры выражается в стремлении к экспансии – расширению за пределы этнических и географических границ культурного ядра.

Л.П. Карсавин считал, что в своем развитии всякая культура неудержимо стремится к расширению, в процессе которого по-своему преобразует окружающую среду и окружающие народы, «осваивает» и даже «убивает» иные культуры. Культурная агрессия приводит либо к синтезу культур, либо (что более логично для концепции автора) к их синкрезу. Синкретическим автор признавал характер современной европейской культуры, в которой сосуществуют остатки уже исчезнувших с исторической арены культур древнего Египта, Вавилона, Ассирии с живым наследием Античности и Ренессанса, а также «чуждыми» современному Западу культурами Китая и Индии.

Особое внимание Л.П. Карсавина как историка-медиевиста привлекает изучение религиозно-культурной компоненты европейской истории. Западно-европейская культура представлялась автору индивидуализацией христианской культуры, и даже шире – религиозной культуры всего человечества. Именно

исторический взгляд на развитие человечества приводит мыслителя к выводу о том, что апогей человечества, его наибольший расцвет и наибольшее раскрытие его жизненных и творческих сил, приходится на время жизни христианских народов.

Именно период зарождения и распространения христианства автор считал поистине новой эрой в развитии всемирной истории: «За исторически короткое время в два-три столетия сходятся одна за другой кульминационные петли в развитии наиболее существенных сторон человеческой жизни. Религиозные интересы достигают такого напряжения, которые никогда более в истории не повторялись. Философская мысль, отличаясь необычайной живостью, достигнув кульминации в работах Платона, вторично кульминирует в неоплатонизме и параллельно у отцов Церкви. Рим реализует идеал мировой империи полнее, чем это когда-либо удавалось. В области этики выработан идеал человеческой жизни, с одной стороны, у стоиков, с другой – у христиан. Культура слова оставляет образцы, которые столетиями служат примером для подражания. Добавьте еще памятники зодчества и скульптуры, которыми мы и теперь не устаем восхищаться. Каждое из этих достижений примечательно само по себе. Но еще более то, что все они явились почти рядом, как бы толпой, подобно волхвам, принесшим свои дары родившемуся в мир Христу» [7. С. 108–109].

Освоив христианство, европейские культуры образовали особую историческую общность – «Запад». Л.П. Карсавин отождествлял Запад с ареалом распространения христианства, а «Восток» – со сферой господства нехристианских религий. Географическая транскрипция этих категорий всемирной истории казалась автору второстепенной в сравнении с антропологической и аксиологической типологией культур. Вслед за родоначальниками традиционализма в лице старшего поколения славянофилов Л.П. Карсавин указывал на односторонне антропоцентричный характер западной культуры, производный от понимания человеческой природы Иисуса Христа. В представлении автора, христианством сформирована идея абсолютной ценности всякой личности – индивидуума, народа, человечества. Христианские ценности определяют и наивысшие достижения европейских народов, находя проявление в их нравственности, системе права, науке, искусстве [8. С. 35].

Как и любая другая, западноевропейская культура характеризуется цикличностью своего существования. Характер культурной эволюции Запада, начиная с эпохи Ренессанса, обозначил новый вектор его исторического развития: секуляризация и промышленная революция продемонстрировали стремление европейца к жизни без Бога. Замена религиозно-обоснованных ценностей свободы, прав человека, социального единства и справедливости культом силы и материального успеха, воплотившихся в феномене империализма и мировых войн, свидетельствовала, по мнению Л.П. Карса-

вина о вступлении европейской культуры в последнюю стадию «органического» развития – гибели религиозной культуры и торжества технократической цивилизации.

Будущее западноевропейской культуры в целом представлялось автору неопределенным. Л.П. Карсавин намечал несколько альтернативных выходов из ситуации «гибели культур» Запада. Он полагал, что на месте западноевропейской христианской культуры может возникнуть какая-то новая христианская культура, более полная и аутентичная, преодолевающая антропоцентризм своей предшественницы. Об этой перспективе он писал в 1922 г. в книге «Восток, Запад и русская идея». В «Философии истории» автор уже более сдержан в оценке перспектив западноевропейской культуры, полагая, что на пространстве Европы может возникнуть только иной вариант прежней, антропоцентрической по сути, культуры.

Впоследствии вероятные позитивные перспективы развития мировой истории, включая западноевропейскую, Л.П. Карсавин связывал с историей России. Ученый разделял мессианские ожидания, столь характерные для многих отечественных христианских мыслителей, полагая, что «с судьбами России связаны сейчас и судьбы вновь осознающих себя евразийских культур и выход европейской культуры из переживаемого ею индивидуалистического кризиса, выход или – смерть» [6. С. 176].

Необходимо отметить, что в понимании места России в мировом историческом процессе Л.П. Карсавин был ближе к славянофилам, чем к Вл.С. Соловьеву. У Л.П. Карсавина не выражена идея синтеза Европы и России, отсутствует представление об историческом призвании России стать «третьей силой мирового развития», преодолевающей односторонности и ложные интерпретации христианского идеала Востока и Запада. Подобно славянофилам, мыслитель настаивал не на восполнении Россией «созерцательности» православного Востока человеческой активностью Запада, а на актуализации ею возможностей Православия как идеального типа религиозности, способной создать универсальную христианскую культуру.

У славянофилов Л.П. Карсавин заимствует основные признаки православия: консерватизм, космизм мироощущения, созерцательность и жертвенность (страдательность) жизненной позиции.

Необходимо отметить, что мыслитель не отождествлял Православие с русской культурой, хотя и отмечал, что последняя питается его идеями. Так, мистической созерцательности восточного христианства соответствует пассивность русской культуры и антропологический тип ее носителя. Вялость и неорганизованность церкви; непрактичность и леность русского характера; социальная апатия и выжидательность, производные от ожидания Божьей помощи и безоглядной веры в чудесные, сами собой, без деятельного участия человека совершающиеся перемены, – все это выступа-

ет, по мнению автора, проявлением потенциального, неопределенного характера всеобщего идеала, которого жаждет православное сознание.

Русский человек, по мысли Карсавина, ленив или потому что надорвался в поисках бесконечного, или от ощущения своего бессилия достичь абсолютной цели. Грандиозность замыслов уживается в русском человеке с сознанием их неосуществимости, что проявляется в низкой адаптивной способности русских – их неумении приспособиться к существующим условиям жизни, а также в аномии – неприятии русским сознанием строго обязательных норм и правил.

Нравственная снисходительность к житейским, бытовым слабостям русского человека в сочетании с аскетической устремленностью к Абсолюту способствовала неустойчивости социально-политической и правовой системы России. В русском сознании укоренился экстремизм, сосредоточенность на достижении предельных целей типа всеобщего счастья в идеальном коммунистическом обществе, закрывая перспективу постепенного, реформистского пути развития. Л.П. Карсавин писал: «Уже неоднократно отмечалось тяготение русского человека к абсолютному. Оно одинаково ясно и на высотах религиозности, и в низинах нигилизма, именно у нас на Руси не равнодушного, а воинственного, не скептического, а религиозного и даже фанатического» [8. С. 77–78].

В «органической» склонности русских к осуществлению грандиозного замысла преображения и спасения мира автор усматривал корень традиционно русского бунтарства, которое считал одним из проявлений «бессознательного Богопознания», «пламенного Богоискательства, фанатического экстаза» ума, стремящегося вырваться из царства необходимости в царство свободы [9. С. 31].

Русская модернизация XIX–XX вв. в изображении историка воспроизводит религиозную структуру русской души, которая предстает глубоко противоречивой, раздвоенной конструкцией. Однако методологическая установка автора – считать религиозность наиболее существенной индивидуацией «всеединной души» русской культуры – позволяет Карсавину объяснять самые невероятные изгибы русской истории (в сторону парламентского либерализма или большевистского социализма) неизменным «моноидеизмом» русского человека. Тезис об устойчивости культуры, независимо от этнического и социального типа ее носителей, позволяет историку считать реформы XVIII–XIX вв. единой эстафетой русского религиозного сознания, стремящегося к преображению сущего во имя должного. Л.П. Карсавин полагал, что хотя вера в Бога исчезла в образованных классах России уже на рубеже веков, потребность в тотальном, всеохватывающем мировоззрении, когда-то воспитанная православием, сохранилась. Русская интеллигенция, став «типической выразительницей русского народа в целом», призывала к борьбе на общее благо, к реальному преобразованию

реальной жизни, сохраняя религиозный энтузиазм и религиозную символику своих политических программ.

К числу наиболее радикальных попыток модернизации России автор относил реформы Петра и большевистскую революцию. Авторские оценки последствий и альтернатив движения по этому пути весьма противоречивы – от констатации неизбежности освоения русскими западного опыта до тревожных прогнозов поглощения цивилизацией Запада российской государственности и самобытной русской культуры. Мыслитель был убежден в том, что межкультурные контакты в конечном счете сводятся к рецепции религиозности, а потому считал возможным заимствование русской культурой лишь некоторых религиозных интуиций западного христианства для актуализации культурного потенциала России. Но что именно должна заимствовать русская культура на Западе? Оказывается, все тот же, до этого отвергаемый Л.П. Карсавиным, антропоцентризм: «Православная культура должна сочетать присущее ей признание ценности всякой личности с присущим Западу более четким и определенным пониманием личного начала» [8. С. 75]. Рецепция этой стороны западной религиозности поможет русской культуре стать социально организованной и продуктивной, дисциплинирует сознание и поведение русского человека в процессе усвоения норм гражданского общества и правового государства.

Противоречивость авторской концепции «судьбы новой России» наглядно проявилась в оценках революции 1917 г. С одной стороны, большевистская революция прекратила деформированную модернизацию страны. Как полагал Л.П. Карсавин, «у нас была своя “Европа” в лице дореволюционного правящего слоя. И эта “Русская Европа” опередила свою метрополию – “Европу Европейскую”, бесстрашно сделав последние выводы из предпосылок европейской культуры и жизненно превосхитив угрожающий ей смертельный кризис. Но в гибели “Русской Европы” возрождается Евразийская Россия, раскрывая себя как великую мировую культуру и как новое мирозерцание» [6. С. 174].

Мировое значение Октября 1917 г. Л.П. Карсавин определял исходя из своего понимания направленности

всемирной истории к идеальной полноте и глубине теофании. Самоутверждение России как носительницы новой христианской культуры теоретик «всеединства» считал важным этапом на пути создания гармонического единства национального и интернационального, силы и духа, справедливости и благодати, т.е. приближения к идеалу Вселенской Церкви, объединяющей многообразное в едином [10. С. 183].

С другой стороны, большевизм оценивался русским мыслителем как национальный феномен, появление которого было детерминировано содержанием всей русской культуры и отразило ее наиболее глубокие интенции. Большевики выступили в роли «консервативной силы», спасли, «вопреки своим явным устремлениям к разрушительности, и русскую государственность, и русскую национальность, обнаружив религиозный смысл и цель нашего народного бытия» [Там же. С. 151].

Творчество Л.П. Карсавина продемонстрировало глубокую преемственность размышлений русской религиозной исторической мысли над метафизическими проблемами направленности мировой и русской истории. Предложенное русским мыслителем понимание субъекта исторического процесса как «симфонической личности» сформировало новые критерии оценки всемирной истории как становящегося всепространственного и всевременного единства локальных культур. Признание автором равноценности и уникальности каждой из разнообразного множества культур сопровождалось критикой европоцентризма и обоснованием всемирной миссии России. Спасение самой России от грехов и соблазнов односторонней западной культуры Л.П. Карсавин связывал с актуализацией православия. Он одним из первых русских историков заявил о религиозном смысле социализма, выражающего стремление русского народа к преображению реального мира на принципах социальной справедливости и интернационального единства. Пессимизм исторической концепции Карсавина, навеянный переживанием катастрофических событий XX в., проявился в обостренном чувстве тревоги за судьбу культуры. Отражением этого можно считать авторскую интуицию конца Европы, акцент на неизменной альтернативности русской истории, затрудняющей понимание ее исторических судеб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 14. Оп. 3. Д. 16216.
2. РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16157.
3. Федотов Г.П. Об антихристовом добре // Путь. 1926. № 5.
4. Карсавин Л.П. Введение в историю (теория истории). Пг. : Наука и школа, 1920. 78 с.
5. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб. : Комплект, 1993. 351 с.
6. Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М. : Наука, 1993. 368 с.
7. Ванеев А.А. Об учении Л.П. Карсавина // Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Брюссель : Жизнь с Богом; La Presse Libre, 1990. 200 с.
8. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Пг. : Academia, 1922. 80 с.
9. Карсавин Л.П. Диалоги. Берлин : Обелиск. 1923, 111 с.
10. Карсавин Л.П. О сущности православия. URL: http://www.odinblago.ru/problemi_ru_relig_sozn/3

Ivonina Olga I. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: ivonina@ngs.ru

LEV KARSAVIN` INTERDISCIPLINARY DISCOURSE HEURISTIC POTENTIAL

Keywords: L.P. Karsavin; the philosophy of history; psychohistory; cultural anthropology; the crisis of European culture; the alternative to world history.

The subject of this study is interdisciplinary discourse of Lev Karsavin as a prominent representative of Russian Christian historicism. The main author's objective was to study the evolution of his research preferences from the medieval people's mentality reconstruction to deep reflections on the trajectory of world and Russian history in the era of the "mass revolt", Russian and European culture's tragedy in the 20th century.

In result, the author made the following conclusions: Lev Karsavin was an opponent of the world history linear development and socio-economic causality as the main determinant of historical evolution. His criticism of progress was not only the result of scientific controversy, but also the consequence of his existential experiences and catastrophic "time spirit" perception. Natural and technogenic 20th century's catastrophes, imperialism with its cult of violence, two World wars, revolutions in Russia, Europe and Asia - all this exposed both the modern era "explosive material" and the inconsistency of its discourse in the rational-progressive Enlightenment paradigm. So, historian was a pioneer of the Requiem for Enlightenment, being convinced that the universal historical categories should be opposed to the incompatibility of the axiological and semantic codes of various cultures that obey their own logic of being. The catastrophic vector of world history forced the historian to think about the meaning of the unconscious as a motive for the historical action of the "insurgent masses".

L.P. Karsavin formulated an understanding of the subject of historical science, starting from the concept of "all-unity" as the metaphysical basis of his historiography. The basis of this unity of all spheres and manifestations of the human development process is the mental one, since all social activity is determined by needs and desires, accompanied by emotional experiences and always emotionally colored. Therefore, the author considers the art of understanding the Other to be the main way of comprehending history by penetrating into someone else's individual or collective soul. L.P. Karsavin noted the psychohistory significance in its ability to reproduce the whole in fragments, because it is the "spiritual", "social-psychic" that is the system-forming principle of the "spirit of the epoch", the people, culture and other historical individualities that shapes the motives for their actions, principles of behavior, forms of consciousness.

Karsavin's interdisciplinary discourse, developing the intellectual tradition of Russian Silver Age religious historicism, at the same time reflected the atmosphere of the new era with its desire to search for a deeper and more refined justification for historical knowledge, the formation of a new language of historical science in the interdisciplinary synthesis of historiography, the history of mentality, and cultural anthropology.

REFERENCES

1. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 14. List 3. File 16216.
2. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 14. List 3. File 16157.
3. Fedotov, G.P. (1926) *Ob antikhristovom dobre* [On the Antichrist's good]. *Put'*. 5.
4. Karsavin, L.P. (1920) *Vvedenie v istoriyu (teoriya istorii)* [Introduction to history (theory of history)]. Petrograd: Nauka i shkola.
5. Karsavin, L.P. (1933a) *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. St. Petersburg: Komplekt.
6. Karsavin, L.P. (1933b) *Osnovy politiki* [The basics of policy]. In: Karsavin, L.P. et al. *Rossiia mezhdru Evropoy i Aziey: evraziyskiy soblazn* [Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation]. Moscow: Nauka.
7. Vaneev, A.A. (1990) *Dva goda v Abezi. V pamyat' o L.P. Karsavine* [Two years in Abezi. In memory of L.P. Karsavine]. Brussels: Zhizn' s Bogom; La Presse Libre.
8. Karsavin, L.P. (1922) *Vostok, Zapad i russkaya ideya* [East, West and Russian Idea]. Petrograd: Academia.
9. Karsavin, L.P. (1923) *Dialogi* [Dialogues]. Berlin: Obelisk.
10. Karsavin, L.P. (n.d.) *O sushchnosti pravoslaviya* [On the Meaning of Orthodoxy]. [Online] Available from: http://www.odinblago.ru/problemi_ru_relig_sozn/3.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 94(=16)(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/56/12

П.Е. Бардина, М.П. Чёрная, Д.Ю. Рыбаков

ПОЛЯКИ И ИХ ПОТОМКИ НА ТОМСКОЙ ЗЕМЛЕ

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Поляки с момента основания Томска связаны с его историей. Их вклад в развитие томской земли, как и Сибири в целом, нашел отражение в письменных и археологических источниках. Полевые этнографические материалы, собранные в томских селениях, рассказывают о потомках поляков, сохранивших, несмотря на утрату языка и культурно-бытовых особенностей, память о своих предках и самосознание, иногда символическое. В судьбах конкретных национально-смешанных семей отразилась общность исторических судеб Польши и Сибири и участие «сибирских поляков» в истории освоения края.

Ключевые слова: поляки; Западная Сибирь; Томская область; археологические; этнографические материалы.

История появления и жизни поляков на Томской земле насчитывает более четырех столетий. С начала своего существования Томск был включен в процессы европеизации страны и развития культурных связей Сибири с Западом.

В общем потоке «внешних иноземцев», так в XVII в. называли иностранных иммигрантов, традиционно и устойчиво преобладали выходцы из Речи Посполитой, приоритет которых в миграции определяло, с одной стороны, славянское родство, с другой – стремление московского правительства расширить нобилитет собственной страны за счет шляхтичей-иммигрантов. Их попадание именно в служилое сословие было обусловлено наличием военного опыта и относительно хорошей грамотности, что давало возможность сделать в Сибири карьеру, попасть в начальствующий состав служилых людей и в воеводский бюрократический аппарат.

Томск находился на втором после Тобольска месте в Сибири по числу служилых иноземцев. Имена и деяния некоторых из них история сохранила. Томский сын боярский Остафий Михалевский в 1618 г. строил Кузнецкий острог, куда он был назначен первым воеводой. Довольно высокое социальное положение и связи с верхним воеводским эшелонами власти имел сын боярский Петр Сабанский, который с 1625 г. служил в Томске. Умея читать и писать, зная не один язык, он стал одним из самых активных русских дипломатов в переговорах с калмыцкими и киргизскими князьками, ходил военными походами в верховья реки Бии, а в 1633 г. – к берегам Телецкого озера, в 1540 г. приискал удобное место для острога и пашни на реке Сосновке, где впоследствии был основан Сосновский острог. С 1634 г. в Томске в должности сына боярского служил Юрий Тупальский (подлинное имя – Горий), который добровольно «отъехал» в 1629 г. к московскому государю. До службы в Томске он был воеводой в Галиче.

В начале 1630-х гг. в Томске появился Юрий Трапезундский. В 1658 г. он на новом «угожем месте» – возле рек Чулыма и Кангалы – заново отстроил Ачинский острог. В 1660-х гг. в звании сына боярского служил в Томске «взятый в бою» выходец из польских земель Пётр Иванов – получивший это имя после крещения. Пётр, женившийся на русской, стал основателем большого клана томских служилых людей Жуковских. Его сыновья участвовали в снятии осады с Кузнецка, обложенного многотысячным отрядом калмыков, а также в организации в Каштакском остроге производства серебра – одном из первых сереброплавильных заводов в Западной Сибири. Деревни Жуковка (1690 г.) и Маркеловка (1702 г.) в Томской области основаны этой фамилией. Сын боярский Юрий Соболевский, служивший в Томске в 1670–1680-х гг., вошел в историю Сибири XVII в. как основатель в 1684 г. Уртамского острога. Отметились на службе в Томске поляки Остафий Сваровский, положивший начало селу Богородское в Томской области, и Левонтий Ставский, который привез в Томск в 1680 г. царскую грамоту о принятии калмыцкого народа по просьбе его князей в «вечное» подданство России. Выходцы из Речи Посполитой участвовали также в промышленном освоении края. Зачастую уже во втором поколении «иноземцы» становились полноценными местными жителями [1. С. 39, 72, 73, 177–181, 188; 2. С. 125–129; 3. С. 53; 4. С. 24–32; 5. С. 285–294].

Проникновение в XVII в. западных веяний в Сибирь, в том числе из Речи Посполитой, нашло и археологическое отражение: в разнообразных элементах интерьера (например, печи особой конструкции и изразцы, которыми они были облицованы), деталях костюма (аксессуары, высококаблукная обувь), предметах быта (стеклянная посуда). Встречаются как аутентичные изделия европейского производства, так и их переработанные версии, получившие местную прописку и но-

вый культурный контекст. Археологические исследования документируют процесс вживления в собственную культуру творчески переработанных образцов, идей, стиля западной культуры. Один из наиболее значимых импульсов шел из Речи Посполитой и доходил до томской земли вместе с выходцами оттуда, которые обрели здесь новое место службы, а многие из них и новую родину [6. С. 201; 7].

На протяжении XVIII–XIX вв., как и в предыдущее столетие, миграция поляков в Сибирь имела и вольный, и насильственный характер. С 1864 по 1914 г. в Сибирь переселилось 3 687 тыс. чел. [2; 8. С. 125]. Особенно много было сослано поляков после восстания в Польше в 1863 г. Среди переселенцев преобладали (80,9 %) выходцы из южной России [3; 9. С. 23]. В Томскую губернию за эти годы переселились выходцы из Курской, Тамбовской, Орловской, Тульской, Рязанской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Воронежской и других губерний [10. С. 84]. Кроме русских в числе переселенцев были украинцы, белорусы, поляки, латыши и другие народы, внесшие свою лепту в формирование современного облика сибиряка.

По переписи 2010 г. в Томской области числится 750 чел., назвавших себя поляками. В 1959 г. числилось 3 065 поляков, а в 1989 г. – 1 732 человека называли себя поляками [11]. Однако, судя по полевым этнографическим сборам одного из авторов – П.Е. Бардиной, можно предположить, что потомков поляков на томской земле, особенно в сельской местности, гораздо больше. Во время этнографических экспедиций Музея г. Северска по пригородным томским селениям неоднократно приходилось встречаться с сельскими жителями, которые называли себя русскими, но при расспросах выяснялось, что их родители или деды, прадеды были белорусами, украинцами, поляками или из национально-смешанных семей.

В историографии 1990-х и 2000-х гг. наблюдается значительное усиление исследовательского интереса к польско-сибирской теме, включающей проблемы культурной адаптации польских мигрантов, процесса их осибирячивания, вхождения в структуры сибирского общества, трансформации идентичности, определения национальной принадлежности [12–18 и др.].

Трактовка национальной принадлежности тех, кого называли поляками, неоднозначна. По сведениям Т.А. Гончаровой, в Сибири в XIX в. «поляком» могли называть каждого, кто был причастен к польским восстаниям или являлся уроженцем западных губерний и Царства Польского [14. С. 45]. По нашим материалам поляком могли называть любого католика. В 1866 г. на территории только Нелюбинской волости Томского уезда численность поляков составляла 161 чел. (155 мужчин и 6 женщин). В с. Нелюбино числился 31 поляк, а в с. Губино – 19 чел. При этом в архивных документах были учтены лишь поляки-поселенцы, которые были под наблюдением [Там же. С. 45]. По Всероссийской переписи 1897 г. в Нижнем Притомье, в

Семилуженской, Нелюбинской, Спасской волостях, при численности населения более 30 тыс. чел., численность поляков составляла 389 чел., или 1,3% [14. С. 46–47]. По-видимому, потомки этих поляков проживали в томских селениях и позднее, иногда утратив свое этническое самосознание. Чаще всего поляки проживали совместно с переселенцами других национальностей – украинцами, белорусами, русскими. Однако бывали случаи обособления и создания преимущественно однопольских поселков. Так в пос. Владимирском, основанном в 1898 г., первоначально проживали русские, белорусы и поляки. Однако через несколько лет, примерно в 1900 г., поляки обособились и основали д. Польскую Малиновку. Она была основана выходцами из Витебской и Виленской губерний, семьями Войцеховских, Самардакевич, Кайровыми, Вороновскими и др. К числу польских поселков и хуторов в Нижнем Притомье Т.А. Гончарова относит также деревни Гродненку, Двухречье и хутора Лесотовские, Мунитские, Кислицкие, Манкевичевы, Котеловские. В пос. Двухречном даже был Римско-католический молитвенный дом. Поляки проживали также в деревнях Прутковке и Балаганах [14. С. 68, 70]. К числу селений, основанных поляками в Нижнем Притомье, исследователи относят поселки Андреевка и Ломовицкий Семилуженской волости, Кузовлево и Сухоречье [13. С. 252].

По материалам, собранным П.Е. Бардиной, в селениях Нижнего Притомья в конце XIX – первой половине XX в. был очень смешанный состав жителей, куда входили русские старожилы, старообрядцы, пореформенные переселенцы – русские, белорусы, украинцы, поляки, латыши и др. При сборе материалов основное внимание уделялось русскому старожильческому населению [19–21]. Однако нередко попадались интересные сведения о потомках поляков и переселенцев других национальностей. Многие старожилы называли д. Гродненку (или Датковку) польским селением, хотя в ней жили и русские, и латыши. В деревне было два кладбища – православное и католическое. Также в д. Кудровой, исчезнувшей при строительстве Томского нефтехимического комбината, жили русские старожилы, переселенцы, белорусы, поляки и было два кладбища – православное и католическое, которое так и называли – «польское». В Кудрово жили из потомков поляков Борташевич, Скутель, Зарковские, Рачковские. В пос. Самусь – Войцеховские.

В д. Малиновке, по отзывам местных жителей, «одни поляки жили». В д. Наумовке жили в основном русские переселенцы и старожилы, однако был один поляк Мусялов Осип. В Кижировском выселке (д. Кижирова), возникшем в конце XIX в., к началу XX в. жили старожилы и переселенцы «со всех концов империи, даже из далекой Варшавской губернии» [22. С. 57]. В с. Кузовлево у Е.Е. Дашкевич, 1906 г. р., родители были поляки, «привезли ее в пеленках из Польши», а при опросе себя называла русской [20]. В с. Старо-Копылово Герман Юзефа Андреевна, 1920 г. р., назвала себя полькой.

В с. Петропавловка, по отзыву старожилов, жил «разный народ, и хохлы, и русские, и поляки, и вятские переселенцы». Упоминаются поляки и в д. Покровке. Многие из этих селений в настоящее время исчезли, а жители переселились в крупные селения, как пос. Самусь, в г. Томск и Северск.

Многие из потомков переселенцев вспоминают рассказы предков, как ходили ходоками и выбирали место для переселения, что «ехали на вольные земли, при царе», когда разрешили ехать, давали ссуды на обустройство, что в Сибири якобы калачи на березах растут. По рассказам Мальвины Игнатьевны Еремкиной, 1900 г. р., она писалась и считала себя русской, предки были поляками. Она родилась в д. Силантьевке, родители приехали из «какой-то Волоковильской области». Сначала послали ходоков – два брата съездили в Сибирь, облюбовали место в тайге, затем переселились. В этой деревне было много поляков, даже больше, чем русских, и все переселились из одного места [23].

Иногда вырисовываются довольно сложные схемы смешанных браков, возможные, наверное, только в наших сибирских условиях, при совместном проживании народов многих национальностей. Так, у Н.Ф. Чиблиса, 1944 г. р., этнического поляка, родители переселились в пос. Самусь из с. Белосток Кривошеинского района, где «все село было из поляков», и его предки приехали туда «еще при царе» [23]. Сам он польский язык знает плохо, но пишется и считает себя поляком, мать была полячкой, одна бабушка была русской, а дед – литовцем. У Ф.Г. Нестеровой (Чащиной), 1925 года рождения, дед по отцу был русский из Вятки, а по матери – поляки: дед – Симонович Альфонс, мать – Мальвина Альфонсовна. Себя Ф.Г. Нестерова считает русской. По рассказам старожилов, в хозяйственных книгах сельских советов жителей, чаще всего даже без спроса, записывали русскими, а иногда, например, в деревнях Кудрово, Скутель, в одной книге был записан русским, в другой – поляком.

По многочисленным воспоминаниям, выходцы из разных мест жили между собой дружно, «ворота никогда не запирали», замков не было, «прутик воткнешь и уходишь по воду на речку, никто чужой не зайдет». Даже представители разных конфессий (православные и католики) благополучно уживались друг с другом. Например, в Гродненке, по рассказам, «русские свою Пасху справляли, а поляки – свою, в другое время». Были даже смешанные семьи, например, у П.В. Хрулева, 1913 г. р., русского православного, деды приехали в Сибирь из России, жил в д. Ольго-Сапеженке, жена была польская католичка Амалия Станиславовна Скирюха из Гродненки. Она ездила молиться в Томск в католический костел. А дома праздновали и ее католическую Пасху, и православную [23].

Этническое самосознание, по нашим материалам, в значительной степени зависело от окружения. Многие из рассказчиков называли и считали себя русскими, хотя по расспросам выяснялось, что предки, чаще всего

деды, были белорусами, украинцами или поляками. В этой связи интерес представляют факты сохранения этнического самосознания даже при полной или частичной утрате знаний своего языка и каких-либо культурно-бытовых отличий. Например, жительница пос. Самусь Жаркова (Янучик) Валентина Ивановна, 1926 г. р., как она сама сказала, «пишется в паспорте полькой, хотя ни слова по-польски не знает». Этим она старалась сохранить память о своем прадеде – Янучик Осипе, поляке, который приехал в Сибирь примерно в середине XIX в. Дед был Янучик Михаил Осипович, умер в 1937 г. в возрасте 97 лет, значит, примерно 1840 г. р. Его привезли в Сибирь родители. У деда было три сына: отец Валентины Ивановны – Иван, его брат Осип (погиб в Первой мировой войне) и еще один брат. Дед Михаил Осипович все умел: и кузнец, и смолу гнал, и сеялку, и щети (щетки для чесания льна) делал. На все руки мастер [23].

Отец и мать Валентины Ивановны 1906 г. р., отец был младшим в семье. Отец и дед по национальности были поляки, а мать – Юлия Петровна Соколова – латышка. И деды, и родители жили в д. Гродненке Таловского сельского совета Туганского района. И сама Валентина Ивановна там родилась. В этой деревне половина населения были русские, а половина – поляки. Существовали отдельные кладбища: через ручеек с одной стороны русское кладбище, а с другой – польское. «Раньше не называли католики, а говорили просто поляки. У нас с русскими праздники были в разное время: и Пасха, и Рождество у нас раньше по времени были. На кладбище в Гродненке похоронен дед Валентины Ивановны, а родители похоронены в Орловке. Туда переехали в 1946 г., после войны. В Гродненке сейчас ничего не осталось, только кладбище с крестами стоит». У отца Валентины Ивановны было 9 детей. Родственники живут по всей стране – в Орловке, Камышке, Северске, Павлодаре, г. Прохладном [23].

Сибирь и томская земля связаны с историей Польши не только мученическим путем ссыльных, но и участием поляков в развитии экономики и культуры в регионе. Вольно или невольно попавшие на томскую землю выходцы из Польши со временем обретали еще одну – региональную идентичность – томичи. У большинства из пореформенных переселенцев – и поляков и других национальностей – остались родившиеся в Сибири потомки, часть которых ныне живут в городах и селениях Томской области. Это пра-правнуки тех энергичных, предприимчивых предков, которые не побоялись отправиться в далекую, неизвестную Сибирь ходоками, облюбовать новые земли, переселиться и обустроить хозяйство. Их потомки в Томске активно работают по сохранению и популяризации традиций поляков, организовав Национально-культурную автономию поляков «Томская Полония» и Центр польской культуры «Дом польский». Потомки, ставшие сибиряками, несомненно, должны знать о подвигах героических предков, сформировавших историю не только своей семьи, но и всей Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографии и родословных. Новосибирск : Наука, 1993. 250 с.
2. Резун Д.Я. Выходцы из стран Центральной и Западной Европы на русской казачьей службе в Сибири XVII в. // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты: История. Археология. Культурная антропология. Этнография. М. : [Б. и.], 1996. С. 125–129.
3. Ханевич В.А. Поляки в истории и культуре Томска // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи. Томск, 2000. С. 53–60.
4. Люцидарская А.А. Польские переселенцы в сельскохозяйственном освоении Томского уезда // Проблемы трансмиссии и бытования этнокультурных традиций славянского населения Сибири XVIII–XX вв. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 24–32.
5. Чёрная М.П. Европейский компонент в культурном коде воеводской усадьбы Томска (вторая половина XVII – середина XVIII веков) // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX веков в глазах российской администрации, российских переселенцев и коренных народов Сибири. Омск : Полиграфический центр КАН, 2015. С. 285–295.
6. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д'Принт, 2015. 276 с.
7. Чёрная М.П. Европейский компонент в этнокультурном диалоге сибирского сообщества: археолого-исторический контекст // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 46–52.
8. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М. : Наука, 1973. 190 с.
9. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л. : Наука, 1968. Т. 3.
10. Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск : Наука, 1981. 340 с.
11. Население Томской области. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 16.07.2018).
12. Сибирская старина: Краеведческий альманах. 1997. № 12 (17).
13. Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.
14. Гончарова Т.А. История Нижнего Притомья в контексте межэтнической коммуникации (XVII – начало XXI в.). Томск : Изд-во ТГУ, 2006. 226 с.
15. Kuczyński Antoni. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny polaków. Rys historyczny, antologia. Kraków : Kubajak, 2007. 544 s.
16. Кучинский А. Сибирь: 400 лет польской диаспоры. Ссылки, мученичество и заслуги поляков в освоении Сибири. Исторические очерки. Антология. М. : МИК, 2015. 736 с.
17. Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX веков в глазах российской администрации, российских переселенцев и коренных народов Сибири. Омск : Полиграфический центр КАН, 2015. 403 с.
18. Ольшевски В. Историко-культурный контекст отношения поляков к жителям Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 80–85.
19. Бардина П.Е. Этнические традиции русских старожилов и пореформенных переселенцев в Западной Сибири // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири Томск : Изд-во ТГУ, 1990. С. 198–200.
20. Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск : Изд-во ТГУ, 1995. 224 с.
21. Бардина П.Е. Культурно-бытовые контакты русских старожилов и переселенцев в Западной Сибири // Материалы межрегионального совещания по проблемам развития культуры малочисленных народов Севера / Томск, 14–16 декабря 1994 г. Томск : Том. гос. ун-т, 1996. С. 102–115.
22. Бузанова В.А. Заселение и население Нижнего Притомья // Труды Музея г. Северска. Вып. 1. Музей и город. Томск : Изд-во ТГУ, 2000. С. 56–62.
23. Материалы этнографических экспедиций Музея г. Северска под рук. П.Е. Бардиной. 1994–2003 гг. // Фонды музея г. Северска.

Bardina Praskoviya E., Russia, Seversk, Museum of Seversk. (Seversk, Russia). E-mail: severskmus@mail.ru
Chernaya Mariya P., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: mariakreml@mail.ru
Rybakov Dmitriy Yu. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dima0183@yandex.ru

THE DESCENDANTS OF THE POLES ON THE TOMSK LAND

Keywords: Poles; Western Siberia; Tomsk Region; archaeological and ethnographic materials.

History of the appearance and life of the Poles and their descendants in the Tomsk land in the XVII-XX centuries is considered on the basis of published written data, archaeological research and field ethnographic collections, and that is the article's purpose. Foreign immigrants or "external foreigners" were carriers and translators of Western ideas that penetrated into Russia during the Europeanization of the country. Immigrants from the Polish Lithuanian Commonwealth prevailed stable and traditionally in the migration flow; they were not only ethnic Poles, but also those who professed the Catholic faith, were called Poles. In Siberia, Poles also prevailed among the "foreigners", most of whom fell into the military service class. History has kept the names of Peter Sabansky, Yury Tupalsky, Yury Trapezunsky, Peter Zhukovsky, Yury Sobolevsky, Ostafiy Svarovsky, etc. Among those Poles who in the XVII century contributed to the development of the Tomsk land. "Foreigners" participating in the development of the region often became full-fledged local residents in the second generation, finding not only a new place of service, but also a new homeland.

The ethnographic study showed that a relatively small group of Poles lived in the Tomsk region, but in many suburban Tomsk villages the Poles descendants were much more numerous. The ancestors of the Poles, who came to Siberia at different times, most often lived together with immigrants of other nationalities that are Ukrainians, Belarusians, and Russians and partially mixed with the surrounding population. However, they often kept the memory of their ancestors, self-consciousness, sometimes a symbolic one, with the loss of language and everyday cultural features. There were also villages where Poles mostly lived, such as the Polish villages of Malinovka, Grodnenku, Prutkovka, Dvukhrechie, the farmsteads of Lesotovskie, Munitskie, Kislitskie, Mankevicevye, Kotelovskie. There was even a Roman Catholic house of worship in the village of Dvukhrechie. The settlements founded by Poles in the Low Tom river area include the villages of Andreevka and Lomovitskiy of the Semilugenskiy volost, villages of Vladimirskoe, Kuzovlevo and Sukhorechie. Unfortunately most of these villages have now disappeared. However, the descendants of Poles live in other, larger villages and in the city of Tomsk. The National-Cultural Autonomy of the Poles "Tomsk Polonia" and the Center of Polish Culture "Polish House" are actively working in Tomsk now. This undoubtedly, helps to preserve the ethnic identity and self-consciousness of the Poles. At the same time, the Polish immigrants who have voluntarily and involuntarily got on the Tomsk land, and their descendants over time found acquired another identity, that is a regional one – "Tomskians" (natives of Tomsk).

REFERENCES

1. Rezun, D.Ya. (1993) *Rodoslovnaya sibirskikh familiy: Istoriya Sibiri v biografii i rodoslovnnykh* [Genealogy of Siberian families: The history of Siberia in the biography and genealogy]. Novosibirsk: Nauka.

2. Rezun, D.Ya. (1996) Vykhodtsy iz stran Tsentral'noy i Zapadnoy Evropy na russkoy kazach'ey sluzhbe v Sibiri XVII v. [Immigrants from Central and Western Europe in the Russian Cossack service in Siberia of the 17th century]. In: Vyatkin, A. (ed.) *Gumanitarnaya nauka v Rossii: Sorosovskie laureaty: Istoriya. Arkheologiya. Kul'turnaya antropologiya. Etnografiya* [Humanities in Russia: Soros laureates: History. Archeology. Cultural anthropology. Ethnography]. Moscow: Mezhdunarodnyy nauchnyy fond. pp. 125–129.
3. Khanevich, V.A. (2000) Polyaki v istorii i kul'ture Tomsk [Poles in the history and culture of Tomsk]. In: Lvova, E.L. (ed.) *My – tomichi, vashi zemlyaki, vashi sosed'i* [We are Tomsk residents, your countrymen, your neighbours]. Tomsk: Tomskiy oblastnoy antifashistskiy komitet. pp. 53–60.
4. Lyutsidarskaya, A.A. (2005) Pol'skie pereselentsy v sel'skokhozyaystvennom osvoenii Tomskogo uezda [Polish immigrants in the agricultural development of Tomsk Uezd]. In: Bolonev, F.F. (ed.) *Problemy transmssii i bytovaniya etnokul'turnykh traditsiy slavyanskogo naseleniya Sibiri XVIII–XX vv.* [Problems of transmission and existence of ethno-cultural traditions of the Slavic population in Siberia in the 18th–20th centuries]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. pp. 24–32.
5. Chernaya, M.P. (2015) Evropeyskiy komponent v kul'turnom kode voevodskoy usad'by Tomsk (vtoraya polovina XVII – seredina XVIII vekov) [The European component in the cultural code of the Tomsk voevoda manor (the second half of the 17th–mid 18th centuries)]. In: Mulina, S.A., Krikkh, A.A. & Legech, Ya. (eds) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX vekov v glazakh rossiyskoy administratsii, rossiyskikh pereselentsev i korennykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th–early 20th centuries from the perspective of Russian administration, Russian migrants and indigenous peoples of Siberia]. Omsk: KAN. pp. 285–295.
6. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomске. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The voivode's estate in Tomsk, 1660–1760-s.: Historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
7. Chernaya, M.P. (2016) The European Component in the Ethnic and Cultural Dialog of Siberian Society: The Archaeological and Historical Context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42). pp. 46–52. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/9
8. Bunak, V.V. & Zolotareva, I.M. (eds) (1973) *Russkie starozhily Sibiri. Istoriko-antropologicheskii ocherk* [Russian old-timers of Siberia. Historical and anthropological essay]. Moscow: Nauka.
9. Okladnov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia from Ancient Times to the Present Day]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
10. Soloveva, E.I. (1981) *Promysly sibirskogo krest'yanstva v poreformenny period* [Crafts of the Siberian peasantry in the post-reform period]. Novosibirsk: Nauka.
11. Wikipediya.org. (n.d.) *Naselenie Tomskoy oblasti* [Population of Tomsk Region]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. (Accessed: 16th July 2018).
12. *Sibirskaya starina: Kraevedcheskiy al'manakh* [Siberian Antiquity: Local History Almanac]. (1997). 12(17).
13. Sergeeva, G.V. (2002) *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda* [Siberia in the history and culture of the Polish people]. Moscow: Ladomir.
14. Goncharova, T.A. (2006) *Istoriya Nizhnego Pritom'ya v kontekste mezhetnicheskoy kommunikatsii (XVII – nachalo XXI v.)* [The history of Lower Pritomie in the context of inter-ethnic communication (the 17th – early 21st centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Kuczyński, A. (2007) *Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zestania, martyrologia i sukces cywilizacyjny polaków. Rys historyczny, antologia* [Siberia. 400 years of the Polish diaspora. Exiles, martyrdom and civilization success of Poles. Historical outline, anthology]. Kraków: Kubajak.
16. Kuczyński, A. (2015) *Sibir': 400 let pol'skoy diaspory. Ssylki, muchenichestvo i zaslugi polyakov v osvoenii Sibiri. Istoricheskie ocherki* [Siberia: 400 years of the Polish diaspora. Links, martyrdom and services of the Poles in the development of Siberia. Historical essays]. Moscow: MIK.
17. Mulina, S.A., Krikkh, A.A. & Legech, Ya. (eds) (2015) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX vekov v glazakh rossiyskoy administratsii, rossiyskikh pereselentsev i korennykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th–early 20th centuries from the perspective of Russian administration, Russian migrants and indigenous peoples of Siberia]. Omsk: KAN.
18. Olszewski, W. (2016) Historical and cultural contexts of Poles' attitudes towards the inhabitants of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42). pp. 80–85. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/14
19. Bardina, P.E. (1990) Etnicheskie traditsii russkikh starozhilov i poreformennykh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri [Ethnic traditions of Russian old-timers and post-reform migrants in Western Siberia]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Problemy istoricheskoy interpretatsii arkheologicheskikh i etnograficheskikh istochnikov Zapadnoy Sibiri* [Problems of historical interpretation of archaeological and ethnographic sources in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 198–200.
20. Bardina, P.E. (1995) *Byt russkikh sibiryakov Tomskogo kraja* [The Life of Russian Siberians in Tomsk Territory]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Bardina, P.E. (1996) Kul'turno-bytovye kontakty russkikh starozhilov i pereselentsev v Zapadnoy Sibiri [Cultural and everyday contacts of Russian old-timers and displaced people in Western Siberia]. *Proc. of the Interregional Meeting on the Development of Culture of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North*. Tomsk, December 14–16, 1994. Tomsk: Tomsk State University. pp. 102–115.
22. Buzanova, V.A. (2000) Zaselение i naselenie Nizhnego Pritom'ya [Settlement and population of the Lower Pritomie]. *Trudy Muzeya g. Severska*. 1. pp. 56–62.
23. Bardina, P.E. (2003) *Materialy etnograficheskikh ekspeditsiy Muzeya g. Severska pod ruk. P.E. Bardinoy* [Materials of ethnographic expeditions of the Museum of Seversk headed by P.E. Bardina. 1994–2003]. Seversk: Museum of Seversk.

УДК 903.2:902(470.4)"16"
DOI: 10.17223/19988613/56/13

Л.А. Беляев

СВЯЖСКИЕ ЛАНДСКНЕХТЫ: ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ИЗРАЦА В ПОВОЛЖЬЕ XVII в.

Поднимается вопрос распространения сюжетов европейской графики XVI–XVII вв. в пространстве Московского царства. Конкретный образец – печные изразцы с изображениями воинов (ландскнехтов), хорошо известные в русском репертуаре в XVII в. (возможно, с конца XVI в.). Распространены яркие, примитивные изображения воинов, осаждающих крепость, и скачущих всадников в форме польских гусар, хорошо известных благодаря войнам с Речью Посполитой. В более сложных случаях такие изображения интерпретируют неверно. Изразцы из Свяжска описывали изображения шутов, конных охотников и других персонажей русской народной среды. В статье доказано, что на самом деле изразцы копируют широко известные в Европе XVI–XVII вв. гравюры Даниэля Хопфера, прежде всего знаменитый лист «Пять ландскнехтов», переизданный во второй половине XVII в.

Ключевые слова: изразцы; иконография; европейское влияние; гравюры; Даниел Хопфер; Свяжск; Поволжье.

В современной «русской археологии» тема проникновения в Сибирь изразцов играет все более заметную роль [1]. Давно нет сомнения в том, что фасадный, а позже и печной изразец пришли в Россию из Западной Европы в XVI–XVII вв. (по истории русского изразца труды см. С.И. Барановой: [2, 3]). Однако на конкретных примерах этот процесс улавливается лишь в дискретных случаях, таких как фасадная терракота церкви в селе Юркино, черепица Архангельского собора [4. С. 374–393], и лишь со второй половины XVII в., с появлением школы изразцового производства в Ново-Иерусалимском монастыре и Москве, сведения о нем обретают все более системный характер (в том числе благодаря работам Ново-Иерусалимской экспедиции ИА РАН) [5. С. 147–154; 6].

Что касается распространения изразца и его местных модификаций в пределах быстро поглощавшего географическое пространство Московского царства, остается уповать на небольшие, но точно установленные и подчас крайне неожиданные факты. Уже доказано, что рельефные изразцы терракотового и раннего (зеленого) поливного видов сильно отличаются друг от друга в конкретных производственных центрах, таких как Великий Устюг и Ярославль, Балахна и Казань. Эти отличия возникали, видимо, при развитии локального производства, но зависели также и от имевшихся в наличии изобразительных источников (книг образцов, готовых изделий) и мастеров [7. С. 100–107].

Яркие отличия заметны и в производстве изразцов Свяжска – города, построенного на останце в акватории Волги в 1551 г. Иваном Грозным. При общем сходстве сюжетов (растительная орнаментика, сцены охоты, военные сцены) и незначительных расхождениях в техническом оформлении изразца (румпла, рамки и т.п.), в стилевом отношении полученные при раскопках 2010-х гг. экземпляры явно иные, чем известные до сих пор локальные варианты других городов [8. С. 207–221]. Собственно, и раньше было известно, что свяжские и казанские изразцы отличает необычность сюжетов

(см.: [9. С. 167–174]). Оказалось, что прототипы многих изображений просто неизвестны, в силу чего возникают очень приблизительные (чтобы не сказать, уводящие на ложный след) версии. Так, сложная и необычная сцена игры на музыкальных инструментах получила толкование как «представление скоморохов», тем самым поместив сюжет в локальную культурную среду [10. С. 108–110]. Небольшое иконографическое исследование дало, однако, точные указания на западноевропейский источник и заслуживает внимания.

Опишем изразец подробнее (см. рис. 1). При публикации М.М. Зубарева представила его так: «На... изразце изображено два музыканта-скомороха в окружении растительного орнамента. Внешний вид изображенных на изразце людей не обычен для изразцов XVII в.: одежда на них короткополая, она напоминает больше европейское платье, чем русское, на головах чудаковатые сложносоставные шляпы. Лица их изображены весьма выразительно, как будто на них надеты маски. Музыкант слева играет на поперечной флейте, а из-за его спины видна волынка, или как ее называли на Руси, “коза” или “дуда”. Скоморох справа играет на барабане. Между музыкантами изображено мифическое дерево с ветками, похожее на изображения древа жизни на ранних изразцах. Но вероятнее всего, это один из атрибутов выступлений артистов» [10. С. 109].

Во многом это описание правильно, но без внятного прототипа остается совершенно непонятным и, более того, неверно истолкованным, даже в деталях («маски» и т.п.). Перед нами вовсе не скоморохи, а люди очень серьезной и в XVI–XVII вв. востребованной профессии – наемные воины, ландскнехты. Они настолько выделялись своей вычурной и пестрой одеждой, что и вправду походили на шутов или актеров, и на изображения этих экзотических по тогдашним меркам воинов сложилась своего рода мода.

Откуда же они «забредли» на свяжский изразец? Можно назвать точный адрес: с гравюры известного

германо-австрийского мастера Даниэля Хопфера (ок. 1470, Кауфбойрен (Kaufbeuren) – 1536, Аусбург). Гравер-оружейник, он известен тем, что в конце XV в. впервые ввел в широкое употребление технику офорта, хотя активно работал и в общепринятой ранее ксилографии. Двое из его сыновей, Иероним и Ламберт, про-

должили дело отца (соответственно, в Нюрнберге и Аусбурге), а его внуков Георга и Даниэля как граверов, ценили императоры Максимилиан II и Рудольф II (последний присвоил Георгу в 1590 г. дворянский титул, в тексте грамоты назвав его деда изобретателем искусства офорта).

Рис. 1. Изразец рельефный терракотовый («красный»).
Собрание музея в Свияжске. По М.М. Зубаревой [11. Рис. 4]

Рис. 2. Даниэль Хопфер. Пять ландскнехтов. Гравюра на меди, 1530 г.

Эта длительная востребованность и широта распространения продукции предприятия «Хопфер, сыновья и внуки» для нашей темы не безразличны. Ведь трудно ожидать, что в Свияжске XVII в. (а именно так мы вынуждены пока датировать изразцы с точки зрения технологии) мастера располагали офортами начала XVI столетия. Нужны образцы-посредники, и они обнаруживаются. Работы Хопферов приобрели известность уже при жизни основателя не только благодаря

тематике и художественному совершенству – они создали и свою технологическую манеру, особый технический «стиль Хопфера», трудоемкий, требующий бесконечной тщательности и предполагающий в качестве формы для гравюры пластины из железа (все офорты в то время делали на меди), дававшие гораздо больше оттисков.

Никто из Хопферов не учился рисованию систематически, но их работы отличают прямота и простота

взгляда, известная наивность и огромное сюжетное разнообразие (религиозные сюжеты, графика для ювелирных изделий, портреты уважаемых людей и простолудинов, темы из мифологии и фольклора). Особенно ценили изображения ландскнехтов. Коллекционеры и состоятельные горожане искали их и через полтора столетия. Когда во второй половине XVII в. торговец книгами и дальний потомок Хопферов Дэвид Функ (David Funck, 1642–1705) смог получить 230 пластинок с гравюрами Даниэля Хопфера (это фактически все известные работы мастера), он выпустил их под названием «*Opereae Hopferianae*» (оттиски с номерами «досок», известными как «числа Функа», считают «вторым состоянием» изначальных гравюр) [11. С. 208; 12; 13]. Вполне вероятно, что относительно часто встречавшееся переиздание популярнейшей гравюры Хопфера второй половины XVII в. достигло Свияжска – например, в багаже кого-то из ремесленников из Восточной Европы, в большом числе попадавших в Московию в период войн с Речью Посполитой или даже ранее.

Чтобы убедиться в этом, сравним изображение на изразце из Свияжска и офорт Хопфера, имеющий описательное название «Пять ландскнехтов», «*Die Funf Lansknechten*» (другое встречающееся название – «Офицер и четыре ландскнехта»). Воины (меченосец, два музыканта, знаменосец и ландскнехт с алебардой) выстроились фронтально, так что в центре оказался барабанщик, обращенный лицом к флейтисту. Остальные повернуты в сторону этой центральной группы и как бы прислушиваются к музыке или участвуют в разговоре. Между ними из земли вырастают символические травы (в том числе чертополох); у ног позади барабанщика – собака или лев (см. рис. 2).

На изразец попали только музыканты, они вполне узнаваемы, хотя детали существенно переработаны. Так, поперечная флейта на изразце гораздо длиннее, чем в гравюре (длинные флейты, в принципе, известны европейской иконографии того времени), в силу чего кисти рук флейтиста сильно опущены, тогда как на гравюре они подняты на уровень лица. Через плечо у него длинная перевязь, наплечник разделан под буфы, рукава узкие. Широкие пузырящиеся (простеганные?) штаны до колен расчерчены ромбами, «под чешую». На гравюре все это немного иначе: рукава широкие по всей длине, с горизонтальными разрезами и поперечными косыми просечками; таким же образом оформлены штаны (не такие широкие, как на изразце). Наконец, за спиной флейтист носит меч с очень вычурной и точно изображенной рукоятью (у персонажа офорта его не видно), а на голове берет с большими разрезами.

Еще сильнее трансформирован барабанщик: на гравюре обе его руки с палочками опущены к висящему на поясе барабану, а на изразце правая рука поднята высоко, на уровень головы. Штаны на офорте облегчающие, с манжетами над коленями – на изразце мы их почти не видим, так как на барабанщике длинный кафтан (или

рубаха с юбкой). Подол кафтана разделан мелкой клеткой, на груди – пластрон с горизонтальной и вертикальной строчкой или плотином, левое плечо и левый рукав с наплечником и насечкой (разрезы?). Фасон шляпы мастер изразца дал с высокой тульей, широкими полями и, возможно, аграфом – а не в виде большого берета с пышными перьями плюмажа, как на офорте (от плюмажа в изразце остались два едва узнаваемых пера). Барабанщик на изразце не вооружен, а на офорте имеет меч и, видимо, кинжал или длинный футляр для палочек, хотя они и скрыты в основном за спиной.

Черты лиц ландскнехтов переданы, конечно, очень приблизительно, что определяет сама разница техник, но по-своему выразительно. В офорте оба имеют густые широкие бороды и длинные усы согласно тогдашней моде и своей профессии (буйная растительность придает лицам оттенок свирепости). На изразце у флейтиста борода слилась с нижней челюстью и рот оскалился зубами, зато у барабанщика и борода, и усы ясно прорисованы. В результате, при всех отличиях, обоих музыкантов легко узнать, а мелкие детали, такие как шнуровка барабана, усиливают сходство.

Важно, конечно, понять, чем вызваны отличия, лежащие далеко за пределами технического упрощения при нарезке деревянной формы для изразца. Трудно списать их на непонимание деталей «иноземной» жизни – резчик явно разбирается в особенностях кроя и декора, также как и в оружии. Мастер явно способен применять технику пастиччо, соединив заимствованное изображение с деталями, почерпнутыми из других известных ему рисунков, или даже включив в гравюру какие-то собственные наблюдения (в искусстве Нового времени такой «реализм» следует допускать). Возможно также, что в его распоряжении была переработка гравюры Хопфера, которая мне неизвестна – популярность темы и гравюр мастера рождала довольно много подражаний и копий (так же как сам мастер, не стесняясь, заимствовал готовые композиции и даже целые гравюры у других мастеров).

В начале XVI в. можно встретить ксилографии с той же «знаменной группой», включающей обычно от трех до пяти «офицеров», группирующихся вокруг знаменосца и двух музыкантов. Например, гравюры на дереве монограммиста MZ (Matthäus Zatsinger?) из Ломбардии (1501–1550) с условным названием «Трое победителей» (здесь мы, кстати, видим и проработку рукава фестоном) и Ганса Шейффелина (H.L. Schäuuffeli(ei)n, Нюрнберг, ок. 1480/1485 – Нёрдлинген, ок. 1538/1540), 1520 г., показывающие отряд ландскнехтов Карла V в Итальянской войне против Франциска I (два знаменосца с барабанщиком в гуще марширующих – отметим подробно прорисованные эфесы) (рис. 3, 4).

Возможно, именно неопределенность листа-прототипа мешает понять, что за столпообразная фигура изображена по оси в центре изразца между ландскнехтами. Ее даже описать трудно. Перед нами гибрид растения (поскольку от него отходят побеги с

листьями, а «капитель» сверху можно определить как подобие цветка чертополоха) архитектурной формы (композиционные параллели фигур в двух арках, разделенных колонкой, известны в готических европейских изразцах-городках) и вертикального стягаштандарта (и / или герба). Именно эта деталь может в будущем послужить как идентификатор при поиске точного прототипа.

Выбор сюжета явно не случаен. Схожие композиции с изображением профессиональных воинов известны и в искусстве изразечников Центральной Европы XVII в., куда они также попадали с иллюстраций к популярным книгам. Так, при раскопах Нижнего замка Вильнюса обнаружен изразец с изображением барабанщика, флейтиста и тамбур-мажора [14] (рис. 5). Он явно скопирован с фронтисписа к руководству по фехтованию Якоба Сутора и Иоганна Шойбле, выпущенного в 1612 г. и неоднократно переиздававшегося

(рис. 6). Эта и другие «фехтовальные книги», особенно книга Мейера, вышедшая в 1600 г., предназначенные «для солдат, студентов и гимнастов», были широко распространены с XVI в. (см: [15, 16]) Композиция на изразце из Вильнюса, как и на свияжском изразце, наделена известным своеобразием. Мало того, она повернута зеркально (это часто случалось при копировании с последующей нарезкой и печатью с формы), а пропорции фигур изменены: тамбурмажор на фронтисписе изображен чуть мельче музыкантов, а резчик формы для изразца обратил его в подростка. Интересно, что он заполнил пространство между фигурами крупными вьющимися растениями (в полном раппорте из трех изразцов таких растений, видимо, помещалось восемь, считая и составные). Вполне возможно, что на изразце из Свияжска мы видим аналогичную попытку соединить растительный мотив, стяг и / или жезл, который есть у вильнюсского тамбурмажора.

Рис. 3. Монограммист MZ (Matthäus Zatsinger ?), Ломбардия. Ксилография, до 1550 г.

Рис. 4. Ханс Шейффелин. Ландскнехты Карла V в Первой Итальянской войне против Франциска I. Ксилография, 1520-е гг.

Рис. 5. Изразец рельефный поливной («зеленый») из раскопок на Нижнем замке Вильнюса. По Кейстутису Каталинасу [15. III. 28 a]

Рис. 6. И. Шойбле. Военный оркестр. Гравюра к «фехтовальной книге» Якоба Сутора. 1612 г. (см.: [16. Фронтиспис])

Укажу еще на то, что другие фрагменты изразцов из той же серии, опубликованные М.М. Зубаревой, не могут быть столь же адекватно интерпретированы – они слишком мелки. Но сохранившиеся детали указывают, по крайней мере для двух сюжетов, безусловно западные корни. Так, мотив играющего на лютне (а не на виоле) – один из самых распространенных в европейской иконографии, на гравюре того же Даниэля Хопфера с олицетворением «Voluptas» (= Соблазн, Похоть) мы найдем пугто с аналогичной лютней. Мотив конного воина, стреляющего из лука по-скифски и одетого в европейский (венгерский?) наряд, определен при первой публикации как «сокольничий» без всяких оснований.

Перейдем к выводам. Удалось доказать, что изразец из Свияжска несет композицию, заимствованную с европейской гравюры, изображающей ландскнехтов, ее прототипом послужил один из самых распространенных листов работы Даниэля Хопфера или его позднейшие переработки. Резчик формы для изразца проявил значительную самостоятельность, и хотя справился с передачей не всех деталей, а некоторых (осевая фигура), возможно, не понял, отождествлять этих бравых военных со скоморохами не приходится.

Очевидно родство приема перенесения композиций из «книжных» иллюстраций к военным сюжетам в область печного изразца – искусства, популярного как у среднего, городского слоя, так и у знати и ставшего в XVI–XVII вв. привычной формой не только усиления отопительных свойств печи и украшения интерьера, но

также средством обучения и даже распространения в Европе идеологии: на изразцах встречаются символы, гербы и портреты деятелей религиозной Реформации и претендентов на троны или potentатов как католиков, так и протестантов [17. Р. 60–81]. Прямые примеры дает археология на территориях Речи Посполитой, вообще Центральной Европы, городов Прибалтики (таких как Кенигсберг, где недавно обнаружен значительный объем таких «изразцов-постеров») и Северной Европы вплоть до распространения расписных дельфтских плиток для стенных и печных панно. Системным аналогом переноса на русскую почву и усвоения западных инноваций в иконографии изразцов предоставляются бесчисленные аналоги несколько более позднего (или примерно того же?) времени, второй половины XVII в., обнаруживаемые в декоре Нового Иерусалима.

Конкретные обстоятельства появления в Свияжске европейских или знакомых с европейским искусством мастеров (мастера?) нам пока неизвестны. Однако само участие европейцев как в строительстве крепости на волжском останце, так и в штурме Казани – неоспоримый факт истории. Правда, это на целый век отстоит от времени производства изучаемых изразцов. Но крепость оставалась не менее столетия важным стратегическим объектом, охранялась усиленным гарнизоном, вероятно, в число ее жителей входили и западные специалисты. Кроме того, сюда могли перевести часть мастеров из восточных районов Польши и Литвы, «ангажированных» в ходе кампаний середины XVII в. Следов их при-

существования в регионе, несомненно, гораздо больше. Так, общие европейские коннотации явственно заметны в иконографии изразцов (дата не вполне ясна) из кремля Казани, которые со временем, возможно, найдут совершенно точные аналоги (см.: [9. С. 301. Рис. 11]).

Сам процесс иконографического заимствования сюжетов из графики Европы мастерами Поволжья и Русского Севера в XVII в. хорошо известен и не нуждается в доказательствах, достаточно напомнить о связи фресок Ростова и Ярославля с «Библией бедных».

Но столь четкая зависимость сюжетов изразцов от европейской графики ни в этом ареале, ни на иных памятниках Московского государства до сих пор не прослеживалась. Это добавляет важный штрих в наши представления о «художественном освоении» европейской иконографией восточных пространств России, включая, возможно, и Сибирь задолго до появления здесь шведских (как в Тобольске) и польских (возможная интерпретация для томского «орла-стреловержца») мастеров-переселенцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черная М.П. Изразец в городском пространстве Сибири: трансляция культурных импульсов // *Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья* : материалы I и II Всерос. науч.-практ. конф. «Новый Иерусалим», 2014–2015 : сб. ст. и тезисов / под ред. Л.А. Беляева. Москва ; Новый Иерусалим : Коллектор, 2016 (далее КСМР 2016). С. 108–110.
2. Баранова С.И. Московский изразец в пространстве городской культуры конца XV–XVII века : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006.
3. Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М. : Моск. гос. объединенный музей-заповедник, 2011. 432 с.
4. Баранова С.И. Новые данные о ранних видах московского керамического декора // *Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л.А. Беляева*. М. : ИА РАН, 2008. С. 374–393.
5. Беляев Л.А., Глазунова О.Н. Маркеры Запада: новые элементы европейской художественной и технологической традиции в археологических материалах Ново-Иерусалимского монастыря // *Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Традиции и инновации в истории и культуре»*. М. : Отделение историко-филологических наук РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, 2015. [620 с.]. С. 147–154.
6. КСМР 2016.
7. Баранова С.И. Московский изразец XVII века в пространстве России // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2014. № 1 (57). С. 100–107.
8. Глазунова О.Н., Елкина И.И. Свяжск в XVII в.: страницы истории // *От Смуты к Империи*. Москва ; Вологда : Древности Севера, 2016. С. 207–221.
9. Зубарева М.М. Изразцы Казани конца XVI–XIX веков : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 253 с.
10. Зубарева М.М. Изображение человеческих и антропоморфных фигур на терракотовых изразцах Свяжска // КСМР. 2016. С. 111–117.
11. Кристеллер П. История европейской гравюры XV–XVIII века. Л., 1939 (оригинал: *Kupferstich und Holzschnitt in vier Jahrhunderten*; Berlin, 1905).
12. Metzger C. et al. Daniel Hopfer: ein Augsburger Meister der Renaissance: Eisenradierungen, Holzschnitte, Zeichnungen, Waffenätzungen // *Exhibition catalogue*. Munich, Pinakothek der Moderne, 2009–2010. Munich, 2009.
13. Daniel Hopfer // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Daniel_Hopfer (дата обращения: 26.01.2018).
14. Katalynas K. Vilniaus kokliai XV–XVII amžiuje. Vilnius: Lietuvos Nacionalinis Muziejus, 2016. S. 36, ill. 28 a, b.
15. Sutor Jacopo, Scheible Johann. Künstliches Fechtbuch zum Nutzen der Soldaten, Studenten und Turner. Stuttgart, 1612 (факсимильная копия 1849 года).
16. Meyer J.Zr. Gründliche Beschreibung der freyen Ritterlichen und Adelichen Kunst des Fechtens in allerley gebrauchhchen Wehren mit vii schönen und nützlichen Figuren gezieret und fůrgestellt. Strassburg, 1570 (Augsburg, 1600).
17. Gaimster D. The Hanseatic Cultural Signature: Exploring Globalization on the Micro-Scale in Late Medieval Northern Europe // *European Journal of Archaeology*. 2014. № 17 (1). P. 60–81.

Belyaev Leonid A. Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), National Research State University (Tomsk, Russia). E-mail: labeliaev@bk.ru

LANSQUENETS OF SVYIAZHSK: A CASE STUDY OF THE RUSSIAN STOVE TILES ICONOGRAPHY OF THE 17TH CENTURY

Keywords: stove tiles; iconography; European influence; engravings; Daniel Hopfer; Svyazhsk; Volga river

The general purpose of the paper is to investigate roots of the unusual composition at a stove tile from Svyazhsk (the famous fortress of the mid 16th century nearby Kazan, the capital of Tatarstan). History of the dissemination of stove tiles and their decorative compositions all over the Muscovy territories has a rich tradition in the science. Recently it was intensified due to the new arguments in favor of their European origin. The architectural details of terracotta with low reliefs (plain or glazed) were introduced in Muscovy as early as the late 15th century by Italian (mainly Lombard and Venetian) architects. There was also a contribution made by German master builders and especially in the 17th century by artisans of the Central Europe (the Polish-Lithuanian Commonwealth and Hungary). Meanwhile, the efforts to trace the compositions' origin at so-called Gothic style tiles, which were immensely popular since the 16th century up to the 17th century, were all in vain.

Decorations of those tiles are often purely ornamental, though there is a cluster of figural depictions as well. The scenes of army movements, sieges of fortresses, gun fire and so forth were extremely widespread. Some of them such as pictures of Polish Hussars are easy to distinguish and to interpret as the results of Western connections. Some of the depictions had been not clearly read yet. As the result, archaeologists normally try to domesticize the composition. They describe it as local one and connected to a tradition of folklore. The depiction of unusual and strange musicians was interpreted in a similar way: they are described as local jesters.

Actually they are not amusing, but rather frightening. We could see “portraits” of European free-lance warriors: engravings of those were popular since the late 15th till the late 17th centuries. One of the recognized genre specialists was a German-Austrian artist Daniel Hopfer and his family workshop. It is easy to compare the composition from Svyazhsk with its prototype, that is a central group at the etching “The Five Lansquenets”.

The composition was attractive for Russians both by its exotic and habitual appearance. Since the early 17th century Muscovy was flooded by foreigners, especially military from Poland, Sweden and all over Europe. They were hired by Russian legitimate rulers and Impostors, and came as enemies as well. In fact, Muscovites got used to them much earlier: the army of Ivan the Terrible against the Kazan State included a bunch of European-trained engineers, gunners and arquebusiers. Probably they were not forgotten in Svyazhsk,

a fortress built just to storm Kazan in the campaign of 1551. Its garrison was also staffed by foreign specialists even in the late 17th century.

A re-interpretation of the composition would help to identify not only a source of the “one-tile iconography”. It helps to trace the path of penetration of the European iconography (including military fashion and a pattern of behavior) to Muscovy long before of the time of Peter the Great. It also could help to realize methods of acculturation of Western influences by local population far to the East from Moscow.

REFERENCES

1. Chernaya, M.P. (2016) Izrazets v gorodskom prostranstve Sibiri: translyatsiya kul'turnykh impul'sov [A tile in the urban space of Siberia: transmission of cultural impulses]. In: Belyaev, L.A. (ed.) *Keramicheskie stroitel'nye materialy v Rossii: tekhnologiya i iskusstvo Pozdnego Srednevekov'ya* [Ceramic materials in Russia: technology and art of the Late Middle Ages]. Moscow; New Jerusalem: Kollektor. pp. 108–110.
2. Baranova, S.I. (2006) *Moskovskiy izrazets v prostranstve gorodskoy kul'tury kontsa XV–XVII veka* [Moscow tile in the space of urban culture of the late 15th – 17th centuries]. History Dr. diss. Moscow.
3. Baranova, S.I. (2011) *Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitel'ya* [Russian tiles. Notes of a museum curator]. Moscow: Moscow State United Museum-Reserve.
4. Baranova, S.I. (2008) Novye dannye o rannikh vidakh moskovskogo keramicheskogo dekora [New data on the early views of the Moscow ceramic decor]. In: Belyaev, L.A., Batalov, A.L., Krenke, N.A. (eds) *Moskovskaya Rus'. Problemy arkhologii i istorii arkhitektury* [Muscovy. Problems of archeology and history of architecture]. Moscow: RAS. pp. 374–393.
5. Belyaev, L.A. & Glazunova, O.N. (2015) Markery Zapada: novye elementy evropeyskoy khudozhestvennoy i tekhnologicheskoy traditsii v arkhologicheskikh materialakh Novo-Ierusalimskogo monastyrya [Markers of the West: New Elements of the European Artistic and Technological Tradition in the Archaeological Materials of the New Jerusalem Monastery]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkov, V.A. (eds) *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiyskoy akademii nauk* [Traditions and Innovations in History and Culture: A program of basic research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. pp. 147–154.
6. *KSMR*. (2016)
7. Baranova, S.I. (2014) Seventeenth Century Moscow Tiles in Russia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(57). pp. 100–107. (In Russian).
8. Glazunova, O.N. & Elkina, I.I. (2016) Sviyazhsk v XVII v.: stranitsy istorii [Sviyazhsk in the 17th century: pages of history]. In: Belyaev, L.A. (ed.) *Ot Smuty k Imperii* [From the Troubles to the Empire]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa. pp. 207–221.
9. Zubareva, M.M. (2013) *Izraztsy Kazani kontsa XVI–XIX vekov* [Kazan Tiles in the late 16th – 19th centuries]. History Cand. Diss. Kazan.
10. Zubareva, M.M. (2016) Izobrazhenie chelovecheskikh i antropomorfnykh figur na terrakotovykh izraztsakh Sviyazhska [The human and anthropomorphic figures on Sviyazhsk's terracotta tiles]. *KSMR*. pp. 111–117.
11. Kristeller, P. (1939) *Istoriya evropeyskoy gravyury XV–XVIII veka* [History of European engraving of the 15th – 18th centuries]. Translated from Germn by A.S. Pterovskiy. Leningrad: Iskusstvo.
12. Metzger, C. et al. (2009) *Daniel Hopfer: ein Augsburger Meister der Renaissance: Eisenradierungen, Holzschnitte, Zeichnungen, Waffenätzungen* [Daniel Hopfer: an Augsburg Renaissance master: iron etchings, woodcuts, drawings, etchings]. Munich: Pinakothek der Moderne.
13. Wikipedia. (n.d.) *Daniel Hopfer*. [Online] Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Daniel_Hopfer. (Accessed: 26th January 2018).
14. Katalynas, K. (2016) *Vilniaus kokliai XV–XVII amžiuje* [Vilnius Tiles in the 15th – 17th Centuries]. Vilnius: Lietuvos Nacionalinis Muziejus.
15. Sutor, J. & Scheible, J. (1612) *Künstliches Fechtbuch zum Nutzen der Soldaten, Studenten und Turner* [Artificial fencing book for the benefit of soldiers, students and gymnasts]. Stuttgart: [s.n.].
16. Meer, J.Zr. (1570) *Gründliche Beschreibung der freien Ritterlichen und Adelichen Kunst des Fechtens in allerley gebreuchhchen Wehren mit vñ schönen und nützlichen Figuren gezieret und fürgestellt* []. Strassburg: Berger.
17. Gaimster, D. (2014) The Hanseatic Cultural Signature: Exploring Globalization on the Micro-Scale in Late Medieval Northern Europe. *European Journal of Archaeology*. 17(1). pp. 60–81. DOI: 10.1179/1461957113Y.0000000044

УДК 902.652

DOI: 10.17223/19988613/56/14

С.П. Грушин, А.А. Тишкин, Л. Чжан

СЕРИЯ НОВЫХ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТ ДЛЯ ПАМЯТНИКОВ ПЕРИОДА РАННЕЙ БРОНЗЫ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также в рамках проекта «Древняя металлургия Алтая», финансируемого Нанкинским университетом

В научный оборот вводятся новые радиоуглеродные даты, полученные в лабораториях России и Китая по образцам из памятников периода ранней бронзы (елунинская археологическая культура), которые исследованы на территории южной части Верхнего Приобья. Откалиброванные хронологические показатели могут быть использованы для анализа и интерпретации обнаруженного предметного комплекса и зафиксированных объектов хозяйственного и ритуального назначения, а также для установления исторического контекста изученных комплексов. Публикуемые результаты подтверждают сложившиеся представления об общей хронологии елунических древностей, отраженные в современной научной литературе. Они дополняют имеющиеся данные и позволяют решать задачи детального построения внутренней периодизации культуры, а также определения места каждого обнаруженного памятника.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование; период ранней бронзы; елуническая культура; Верхнее Приобье.

Современные исследования в области археологии уже не обходятся без привлечения естественно-научных методов. Среди них особое место занимает радиоуглеродное датирование. В настоящее время для разных регионов Западной и Южной Сибири по образцам из археологических памятников получены серии радиоуглеродных дат. На основании калиброванных показателей формируется объективная хронология афанасьевских и окуневских [1–6 и др.], одиновских и кротовских [7, 8], сейминско-турбинских [9] и андроновских [10–12], а также других комплексов.

В контексте данной исследовательской задачи решается проблема датирования памятников елунической культуры, зафиксированных в южной части Верхнего Приобья. Более 30 лет тому назад на основании металлического и каменного инвентаря, а также двух некалиброванных радиоуглеродных дат они определялись в таких рамках: XVIII – рубеж XV–XIV вв. до н. э., возможно, XIV в. до н. э. [13]. Позднее в результате широкого использования радиоуглеродного анализа были получены относительно представительные выборки по наиболее изученным елуническим комплексам [14–18]. Работа по их накоплению, анализу, интерпретации и обобщению – предмет дальнейших исследований. Цель данной статьи заключается в том, чтобы представить и проанализировать серию новых радиоуглеродных дат, полученных по образцам из четырех елунических памятников в научных лабораториях России и Китая. Публикация этих данных, их калибровка, а также сравнение с уже имеющимися сведениями позволяют получить репрезентативную базу дат, которая станет основой для построения адекватной хронологии памятников периода ранней бронзы Верхнего Приобья.

Одним из важных аспектов формирования радиоуглеродных показателей является необходимость проведения анализов по пробам из одних и тех же объектов в разных

лабораториях мира с последующим сопоставлением полученных результатов, а также с учетом других современных требований. Публикуемые здесь даты были получены в Аналитическом центре Института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС) СО РАН (г. Томск). Определения содержания радиоуглерода осуществлялось жидкостно-сцинтилляционным методом на низкофоновом спектрометре-радиометре Quantulus 1220 Томского центра коллективного пользования СО РАН (руководитель работ и аналитик – канд. техн. наук Г.В. Симонова). Расчет радиоуглеродного возраста осуществляется с помощью программы EasyView. Калибровка радиоуглеродного возраста в календарные показатели произведена с помощью доступной программы OxCal 3. В указанном центре получена серия из 11 дат.

В радиоуглеродной лаборатории Центра археологической технологии Института археологии Китайской академии общественных наук (Institut of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences; ее шифр – ZK, руководитель Сюелянь Чжан) получены заключения по пяти образцам. В данной работе принимали участие сотрудники радиоуглеродной лаборатории Института геологии Китайского сейсмического бюро (C14 Laboratory of the Institute of Geology, China Earthquake Administration), а также национальной лаборатории ядерной физики и ядерной технологии Пекинского университета (State Key Laboratory of Nuclear Physics and Nuclear Technology Peking University).

В результате публикуемая серия включает 16 дат по следующим памятникам раннего бронзового века: поселения Колыванское-1 и Березовая Лука, могильники Мышиный Лог-1 и Калистратиха-3 (рис. 1). Наиболее представительные данные были получены по памятнику Колыванское-1, на котором в 2015 г. работал совместный российско-китайский археологический отряд [19].

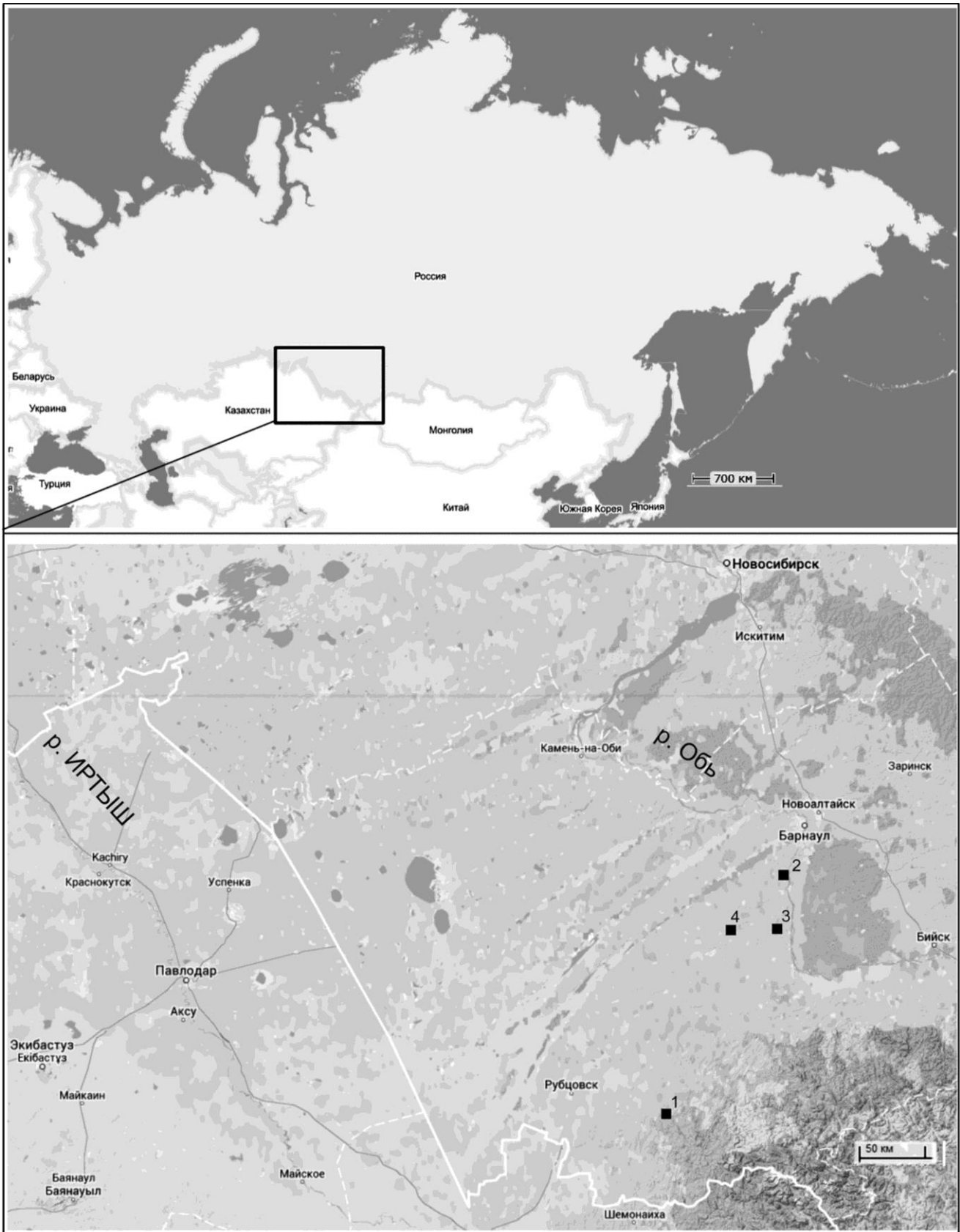

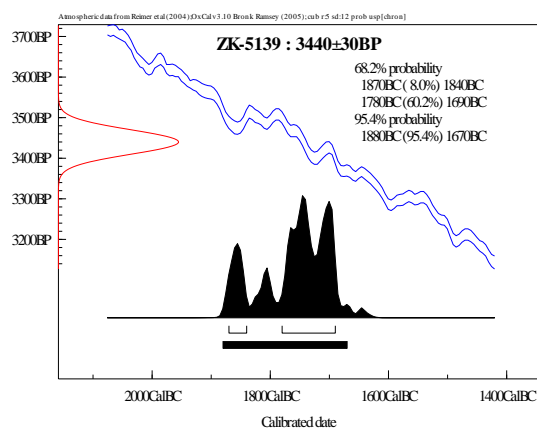
Рис. 1. Карта Верхнего Приобья с обозначенными археологическими памятниками периода ранней бронзы, по образцам с которых получены новые радиоуглеродные даты: 1 – поселение Кольванское-1; 2 – могильник Калистратиха-3; 3 – могильник Мышиный Лог-1; 4 – поселение Берёзовая Лука

Кольванское-1. Поселение древних горняков и металлургов находится на северо-восточном берегу

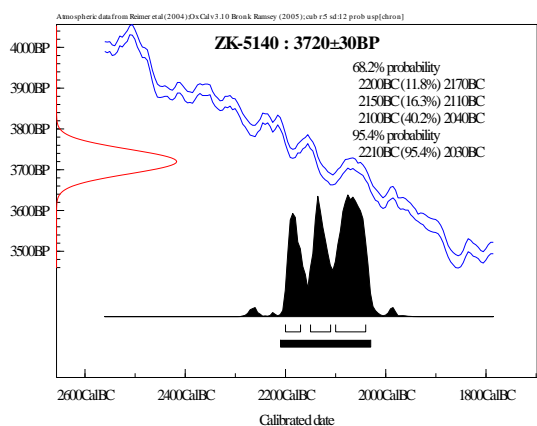
оз. Кольванское, в 3,7 км к северо-востоку от с. Савлушки Змеиногорского района Алтайского края. Общая

исследованная площадь памятника на настоящий момент составила около 3 000 кв. м. В ходе работ были выявлены разнообразные объекты, связанные с хозяйственной деятельностью населения, оставившего поселение. Среди них необходимо отметить хозяйственные ямы, очаги, сооружения, производственные площадки. Археологический материал включает большую коллекцию фрагментов керамики, а также каменные, костяные, металлические орудия и предметы, связанные с металлургическим производством (шлаки, кусочки руды, всплески металла). Анализ опубликованных материалов с поселения Кольванское-I позволил отнести ранний комплекс памятника к елунинской культуре [20].

ZK-5139. Поселение Кольванское-1. Культурный слой. Кости животных. Радиоуглеродный возраст – 3440 ± 30 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 1870–1690 BC; по 2δ (sigma) (95,4%) 1880–1670 BC.

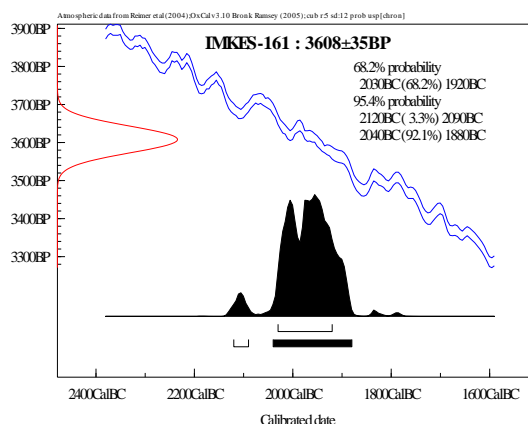

ZK-5140. Поселение Кольванское-1. Культурный слой. Кости животных. Радиоуглеродный возраст – 3720 ± 30 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 2200–2040 BC; по 2δ (sigma) (95,4%) 2210–2030 BC.

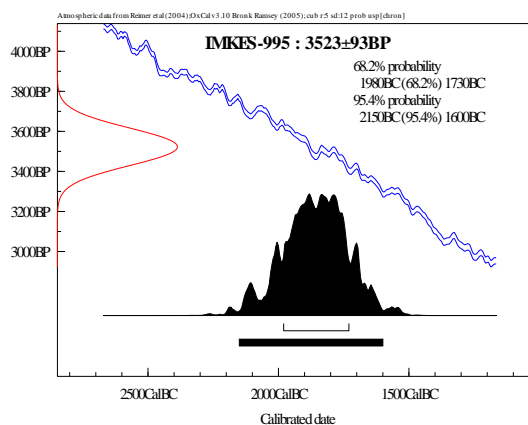

ИМКЭС-14С161. Поселение Кольванское-1. Культурный слой. Кости животных. Радиоуглеродный возраст – 3608 ± 35 BP. Калибровочные данные: по 1δ

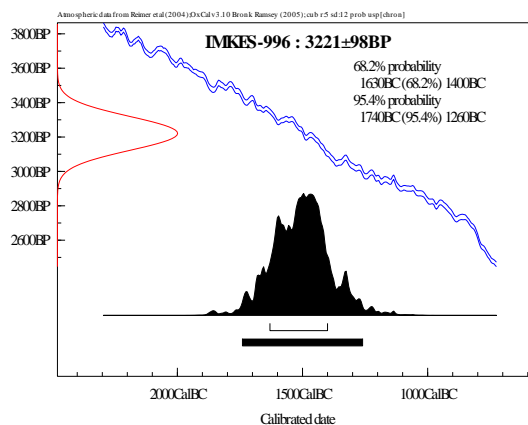
(sigma) (68,2%) 2030–1920 BC; по 2δ (sigma) (95,4%) 2120–1880 BC.

ИМКЭС-14С995. Поселение Кольванское-1. Культурный слой. Кости животных. Радиоуглеродный возраст – 3523 ± 93 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 1980–1730 BC; по 2δ (sigma) (95,4%) 2150–1600 BC.

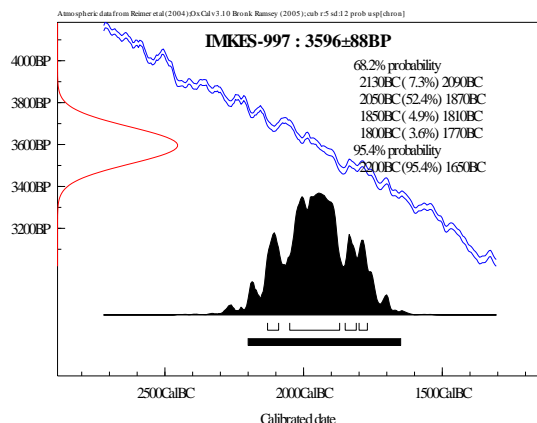

ИМКЭС-14С996. Поселение Кольванское-1. Культурный слой. Кости животных. Радиоуглеродный возраст – 3221 ± 98 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 1630–1400 BP; по 2δ (sigma) (95,4%) 1740–1260 BP.

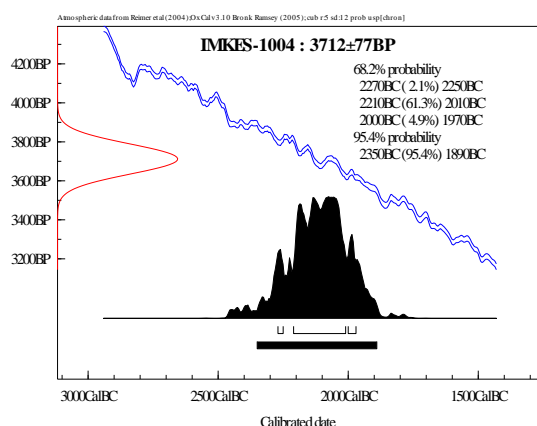

ИМКЭС-14С997. Поселение Кольванское-1. Культурный слой. Кости животных. Радиоуглеродный возраст – 3596 ± 88 BP. Калибровочные данные: по 1δ

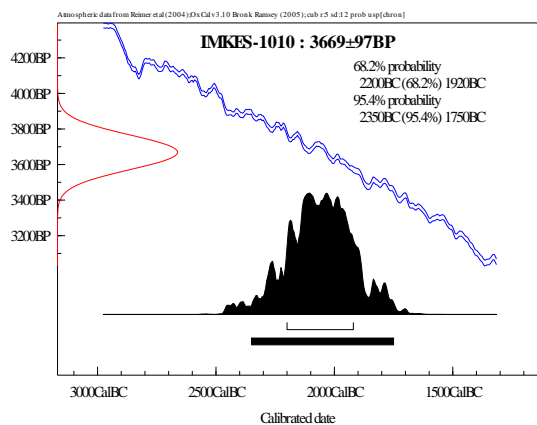
(sigma) (68,2%) 2130–1770 BC; по 2 δ (sigma) (95,4%) 2200–1650 BC.

ИМКЭС-14С1004. Поселение Кольванское-1. Культурный слой. Кости животных. Радиоуглеродный возраст – 3712 ± 77 BP. Калибровочные данные: по 1 δ (sigma) (68,2%) 2270–1970 BC; по 2 δ (sigma) (95,4%) 2350–1890 BC.

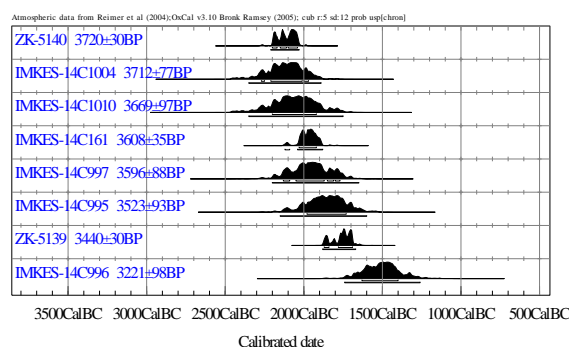

ИМКЭС-14С1010. Поселение Кольванское-1. Культурный слой. Кости животных. Радиоуглеродный возраст – 3669 ± 97 BP. Калибровочные данные: по 1 δ (sigma) (68,2%) 2200–1920 BC; по 2 δ (sigma) (95,4%) 2350–1750 BC.

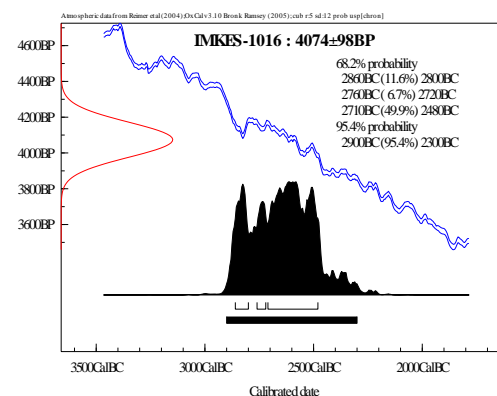
Результаты датирования образцов из культурного слоя памятника Кольванское-1 указывают на широкий временной диапазон существования поселения. Такая ситуация в

целом характерна для поселенческих комплексов бронзового века региона [17]. Ширина диапазона может быть связана с большой среднеквадратичной ошибкой, а также с возможным попаданием в пробы более поздних материалов. Несмотря на то что на поселении встречены лишь единичные находки позднего бронзового века, такую ситуацию полностью исключать нельзя. С этим обстоятельством может быть соотнесена дата ИМКЭС-14С996 (XVIII–XIII вв. до н. э.). Опираясь на даты с небольшим доверительным интервалом, поселение Кольванское-1 можно датировать в пределах XXII–XVII вв. до н. э., что находит соответствие с обозначенными ранее хронологическими рамками существования поселения [20].

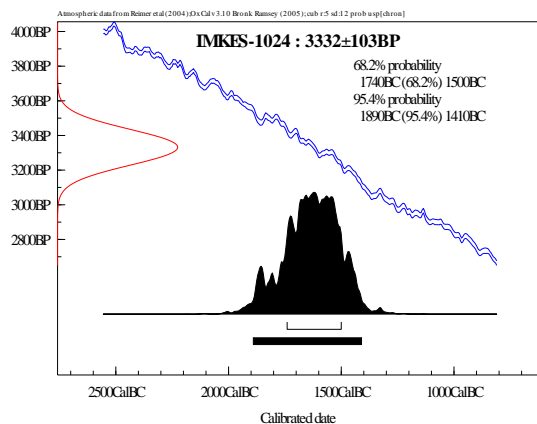
Мышиный Лог-I. Могильник находится в Усть-Пристанском районе Алтайского края на трассе между селами Елбанка и Коловый Мыс, 1 км к востоку от окраины с. Елбанка, на левом коренном берегу Чарыша в месте впадения его притока р. Мышиный Лог. Памятник обнаружен в 2005 г. С.П. Грушиным в ходе археологической разведки. При зачистке стенок карьера были зафиксированы кости животных, чешуя рыб и могильные пятна. В ходе полевых исследований 2011 и 2012 гг. изучены два средневековых погребения [21]. Последующие работы на памятнике выявили погребальный комплекс раннего бронзового века. Его материалы пока не опубликованы.

ИМКЭС-14С1016. Могильник Мышиный Лог-I. Могила 1. Кости человека. Радиоуглеродный возраст – 4074 ± 98 BP. Калибровочные данные: по 1 δ (sigma) (68,2%) 2800–2480 BC; по 2 δ (sigma) (95,4%) 2900–2300 BC.

ИМКЭС-14С1024. Могильник Мышиный Лог-I. Могила 2. Кости человека. Радиоуглеродный возраст – 3332 ± 103 BP. Калибровочные данные: по 1 δ (sigma)

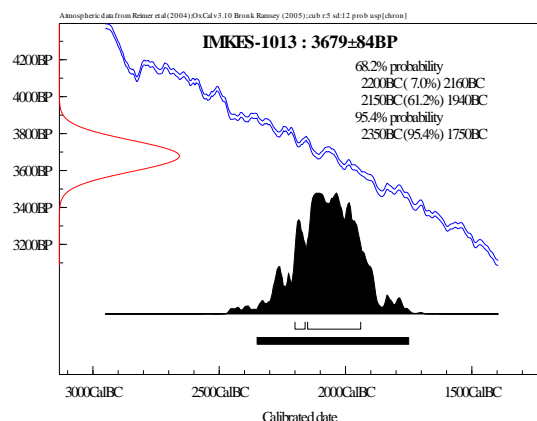
(68,2%) 1740–1500 BC; по 2δ (sigma) (95,4%) 1890–1410 BC.

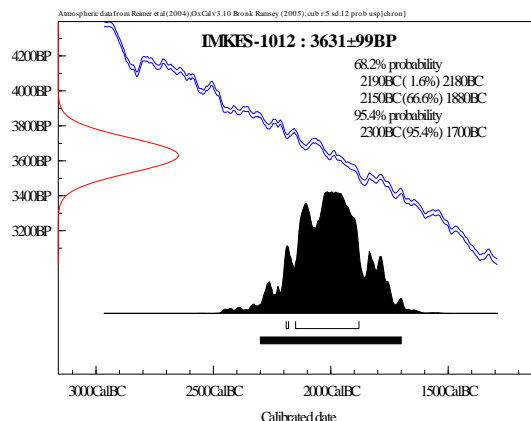
Полученные радиоуглеродные даты по могильнику Мышинный Лог показывают очень широкий хронологический диапазон, связанный, по-видимому, со спецификой анализированных образцов. Поэтому работу по получению других дат необходимо продолжить.

Калистратиха-3. Могильник расположен в Калманском районе Алтайского края на северо-восточной окраине с. Калистратиха, в 0,3 км к югу от сельского кладбища. Памятник находится на левом берегу Оби, на северном борту крупного лога прорезающего верхнюю надпойменную террасу. В ходе раскопок экспедицией АлтГУ исследованы пять захоронений, два из которых относятся к монгольскому времени [22], остальные – к раннему бронзовому веку.

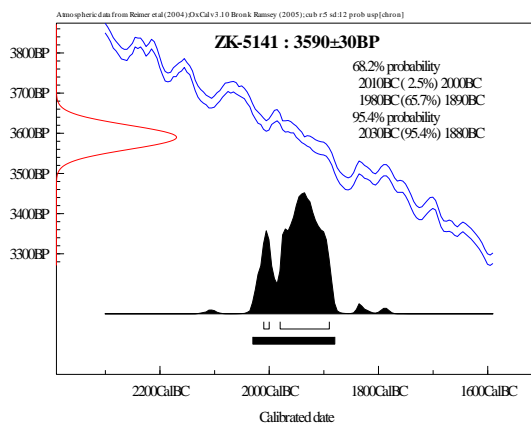
ИМКЭС-14С1013. Могильник Калистратиха-3. Могила 1. Кости человека. Радиоуглеродный возраст – 3679 ± 84 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 2200–1940 BC; по 2δ (sigma) (95,4%) 2350–1750 BC.

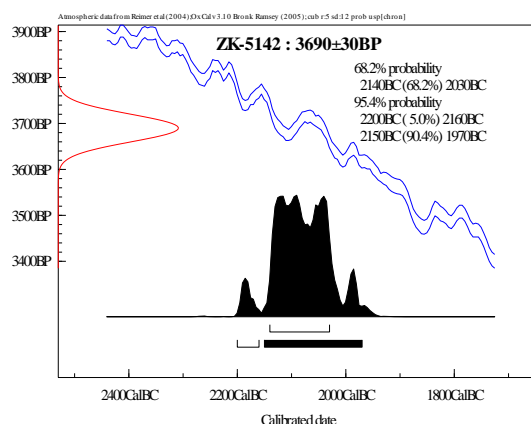
ИМКЭС-14С1012. Могильник Калистратиха-3. Могила 2. Кости человека. Радиоуглеродный возраст – 3631 ± 99 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 2190–1880 BC; по 2δ (sigma) (95,4%) 2300–1700 BC.

ZK-5141. Могильник Калистратиха-3. Могила 1. Кости человека. Радиоуглеродный возраст – 3590 ± 30 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 2010–1890 BC; по 2δ (sigma) (95,4%) 2030–1880 BC.

ZK-5142. Могильник Калистратиха-3. Могила 3. Кости человека. Радиоуглеродный возраст – 3690 ± 30 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 2140–2030 BC; по 2δ (sigma) (95,4%) 2200–1970 BC.

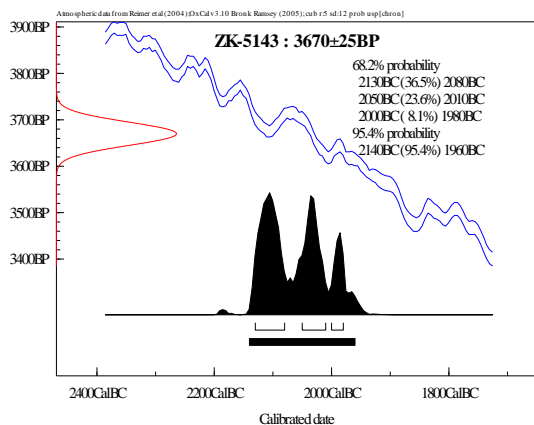

Результаты датирования могильника Калистратиха-3 демонстрируют хронологический диапазон XXIV–XVIII вв. до н. э. Отметим, что AMS-даты китайской лаборатории (ZK-5142, ZK-5141) с небольшой среднеквадратичной ошибкой укладываются в более узкий период XXI–XIX вв. до н. э.

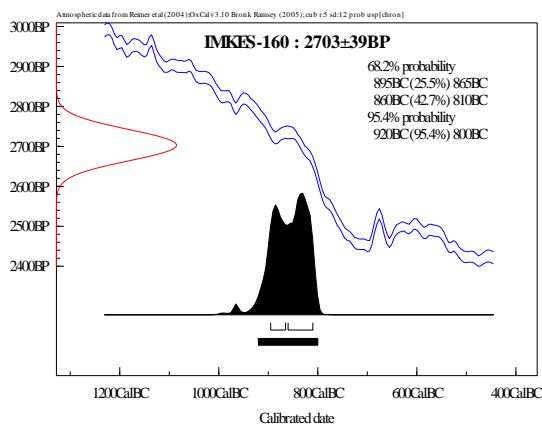
Березовая Лука. Поселение расположено в Алейском районе Алтайского края. На памятнике раскопан

участок культурного слоя поселения площадью более 1 700 кв. м площади. В результате исследованы более 1000 столбовых и хозяйственных ям, более десятка зольников, несколько очагов, пять жилищных комплексов и несколько хозяйственных построек. Многочисленный археологический материал представлен более 100 тыс. единиц [14, 17]. Среди материала преобладают керамические фрагменты сосудов, каменные, костяные и металлические предметы, свидетельства бронзолитейного производства и другой материал.

ZK-5143. Поселение Березовая Лука. Кости животного. Радиоуглеродный возраст – 3670 ± 25 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 2130–1980 BC; по 2δ (sigma) (95,4%) 2140–1960 BC.

ИМКЭС-14С160. Поселение Березовая Лука. Жилище № 3, зольник № 9. Кости животных. Радиоуглеродный возраст – 2703 ± 39 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 895–810 BC; по 2δ (sigma) (95,4%) 920–800 BC.

Опубликованная ранее сводка радиоуглеродных дат по поселению Березовая Лука, состоящая из 18 позиций [17. С. 72], определяет диапазон существования памятника в рамках XXII–XX вв. до н. э. [Там же. С. 75]. Такому хронологическому периоду полностью соответствует AMS-дата (ZK-5143). Другие показатели (ИМКЭС-14С160), полученные по кости животного из зольника, демонстрируют очень поздний период и полностью выбиваются из имеющейся выборки. Причина обозначившегося несоответствия будет выяснена при дальнейшем детальном рассмотрении.

Исследования последних лет показали наличие пресноводного резервуарного эффекта в различных регионах Северной Евразии, в том числе в Сибири и его влияние на радиоуглеродные даты, выполненные по костям человека и животных [23]. Для территории южной части Верхнего Приобья целенаправленная работа в этом направлении еще не проводилась, но для сопредельных территорий такие результаты уже получены. Так, для синхронных барабинских комплексов резервуарный эффект в ^{14}C -датах не исключен, но не превышает 100 лет [8, 9], поэтому его нельзя полностью исключать и для памятников бронзы Верхнего Приобья.

Сравнение дат, выполненных по материалам одних и тех же памятников, прежде всего по поселению Колыванское-1 и могильника Калистратиха-3, полученных AMS-датированием, в научной лаборатории КНР и дат, полученные традиционным жидкостно-сцинтилляционным методом в российском научном центре (г. Томск) в целом показало их хронологическое соответствие. Особенность дат определяется разной степенью среднеквадратичной ошибки. AMS-даты имеют небольшой доверительный диапазон в пределах 25–30 лет, в связи с чем и хронологический период, который охватывают такие даты, является более компактным.

Полученная серия радиоуглеродных дат по памятникам раннего бронзового века Верхнего Приобья в общем соответствует уже опубликованным ранее [14–18 и др.]. Исследование новых елунических объектов и их датирование позволит разрабатывать детальную хронологию комплексов и верифицировать имеющиеся наработки в изучении внутренней периодизации культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Svyatko S.V., Mallery J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // *Radiocarbon*. 2009. № 51 (1). P. 243–273.
- Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // *Теория и практика археологических исследований*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. Вып. 5. С. 20–56.
- Грушин С.П. Радиоуглеродная хронология афанасьевских памятников Горного Алтая // *Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 110–112.
- Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П. Радиоуглеродное датирование погребальных комплексов афанасьевской культуры Горного Алтая (по материалам работ в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.) // *Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 124–130.
- Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // *Афанасьевский сборник*. Барнаул : Азбука, 2010. С. 158–171.
- Святко С.В., Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Новые данные по радиоуглеродной хронологии памятников культуры афанасьевской культуры Алтая // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 931–932.

7. Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 240–246.
8. Marchenko Z.V., Orlova L.A., Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Us lamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, western Siberia: preliminary results // Radiocarbon. 2015. № 57 (4). P. 595–610.
9. Marchenko Z.V., Svyatko S.V., Molodin V.I., Grishin A.E., Rykun M.A. Radiocarbon chronology of complexes with Seima-Turbino type objects (bronze age) in Southwestern Siberia // Radiocarbon. 2017. № 59 (5). P. 1381–1397.
10. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Орлова Л.А., Папин Д.В. Хронология Алтая в бронзовом веке (проблемы радиоуглеродного датирования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 255–259.
11. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 84–89.
12. Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., Van Strydonck M., Orlova L.A. Radiocarbon chronology of burial grounds of the Andronovo Period (Middle Bronze Age) in Baraba Forest Steppe, western Siberia // Radiocarbon. 2012. № 54 (3–4). P. 737–47.
13. Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 100–125.
14. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. I. 288 с.
15. Грушин С.П. Хронология памятников раннего бронзового века лесостепного Алтая (проблемы радиоуглеродного датирования) // VII и исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Изд-во ОмГУ, 2008. С. 80–81.
16. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Радиоуглеродная хронология памятников эпохи раннего металла Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 120–124.
17. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Т. II. 171 с.
18. Грушин С.П., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. и др. Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 270 с.
19. Чжан Л., Тишкин А.А., Грушин С.П., Серегин Н.Н., Ван С., Ма Ц. Краткие сообщения о раскопках поселения бронзового века в Российском Алтае // Каогу. 2017. № 9. С. 14–21 (на кит. яз.).
20. Грушин С.П. Итоги и перспективы исследования поселения Кольванское-I в Рудном Алтае // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. 2 (12). С. 40–51.
21. Грушин С.П., Мильев Г.А. Погребальные комплексы раннего средневековья на памятнике Мышиный Лог-I // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8. Барнаул : Изд-во АлтГПА, 2013. С. 19–23.
22. Грушин С.П., Фролов Я.В., Филипенко С.А. Берестяная погребальная конструкция монгольского времени из грунтового могильника Калистратиха 3 (Верхнее Приобье) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул ; Омск : Наука, 2015. С.182–184.
23. Svyatko S.V., Mertz I.V., Reimer P.J. Freshwater Reservoir Effect on Redating of Eurasian Steppe Cultures: First Results for Eneolithic and Early Bronze Age Northeast Kazakhstan // Radiocarbon. 2015. № 57 (4). P. 625–44.

Grushin Sergey P. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: gsp142@mail.ru

Tishkin Alexey A. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: tishkin210@mail.ru

Zhang Lianzhen. Nanjing University (Nanjing, China). E-mail: zhhr@nju.edu.cn

A SERIES OF NEW RADIOCARBON DATES FOR THE SITES OF THE EARLY BRONZE AGE OF THE UPPER OB REGION

Keywords: radiocarbon dating; Early Bronze Age; Eluninskaya culture; Upper Ob River.

The use of radiocarbon dating in establishing the chronology of archaeological sites has already become an obligatory norm for modern research. Despite the existing challenges, the analysis technique and the equipment used are constantly being improved. There are available computer programs for calibrating radiocarbon dates to obtain absolute figures reflecting the realities of the existing calendar system. Many aspects of the effectiveness of radiocarbon dating depend on the analyzed sample. An important aspect is the obtaining of the representative series of the data. Besides, it is desirable to conduct research in different laboratories, taking into account certain requirements.

The purpose of this article is to present and analyze the new radiocarbon dates obtained from samples of four (including two basic) sites of the Eluninskaya archaeological culture in the scientific laboratories of Russia and China to further develop the objective chronology of the Early Bronze complexes in the Upper Ob area. The published dates were obtained at the Analytical Center of the Institute for Monitoring Climate and Ecological Systems (IMCES) of the SB RAS (Tomsk). Determination of the radiocarbon content was carried out by a liquid-scintillation method on a low-background spectrometer-radiometer Quantulus 1220 of the Tomsk Center for Collective Use of the SB RAS. The calculation of the radiocarbon age is carried out using the EasyView program. Calibration of the radiocarbon age in the calendar indicators was made using the OxCal 3 program. The indicated center obtained a series of 11 dates. In the radiocarbon laboratory of the Center for Archaeological Technology of the Institute of Archaeology of the Chinese Academy of Social Sciences, conclusions were made about 5 samples. The staff of the radiocarbon laboratory of the Institute of Geology of the Chinese Seismic Bureau (C14 Laboratory of the Institute of Geology, China Earthquake Administration), as well as the National Laboratory of Nuclear Physics and Nuclear Technology of the Beijing University (State Key Laboratory of Nuclear Physics and Nuclear Technology Peking University) took part in the work. As a result, a general series of 16 dates was obtained from the following sites of the early Bronze Age: the Kolyvanskoe-1 and Berezovaya Luka settlements, the Myshyniy Log-I and Kalistratikha-3 burial grounds. Analyzed indicators inform that the listed objects existed in the period from the 23rd to 17th century BC which corresponds to the current understanding of the chronology of the Elunino antiquities. Comparison of the dates obtained from the materials of the same sites, first of all from the Kolyvanskoye-1 settlement and the Kalistratikha-3 burial ground, with the help of AMS-dating in the laboratories of China and the liquid-scintillation method in the Russian scientific center in general showed their chronological correspondence.

The peculiarity lies in the different intervals of the error in the results and in the specificity of the samples taken. The presented dates along with others can be used for comparative analysis in establishing the chronology of the objects of the nearest (in time and territory) archaeological cultures, and also to form the context of the ancient history of Eurasia.

REFERENCES

1. Svyatko, S.V., Mallory, J.P., Murphy, E.M., Polyakov, A.V., Reimer, P.J. & Schulting, R.J. (2009) New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia. *Radiocarbon*. 51(1). pp. 243–273. DOI: 10.1017/S0033822200033798
2. Polyakov, A.V. & Svyatko, S.V. (2009) Radiouglерodnoe datirovanie arkheologicheskikh pamyatnikov neolita – nachala zhelezного века Srednego Eniseya: obzor rezul'tatov i novye dannye [Radiocarbon dating of archaeological monuments of the Neolithic – the early Iron Age in the Middle Enisei: A review of the results and new data]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 5. pp. 20–56.
3. Grushin, S.P. (2009) Radiouglерodnaya khronologiya afanas'evskikh pamyatnikov Gornogo Altaya [Radiocarbon chronology of the Afanasievsky monuments of Gorny Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Rol' estestvennonauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [The role of natural science methods in archaeological research]. Barnaul: Altai State University. pp. 110–112.
4. Kiryushin, Yu.F., Semibratov, V.P., Matrenin, S.S. & Grushin, S.P. (2009) Radiouglерodnoe datirovanie pogrebal'nykh kompleksov afanas'evskoy kul'tury Gornogo Altaya (po materialam rabot v zone stroitel'stva Altayskoy GES v 2006–2007 gg.) [Radiocarbon dating of the Afanasevsky burial complexes in Gorny Altai (based on materials from the construction zone of the Altai Hydroelectric Power Station in 2006–2007)]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Rol' estestvennonauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [The role of natural science methods in archaeological research]. Barnaul: Altai State University. pp. 124–130.
5. Polyakov, A.V. (2010) Radiouglерodnye daty afanas'evskoy kul'tury [Radiocarbon dates of the Avanasievo culture]. In: Stepanova, N.F. & Polyakov, A.V. (eds) *Afnas'evskiy sbornik* [The Afanasevo Collection]. Barnaul: Azbuka. pp. 158–171.
6. Svyatko, S.V., Stepanova, N.F. & Polyakov, A.V. (2017) Novye dannye po radiouglерodnoy khronologii pamyatnikov afanas'evskoy kul'tury Altaya [New data on radiocarbon chronology of the monuments of the Afanasevo culture of Altai]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkin, A.A. V (XXI) *Vserossiyskiy arkheologicheskii s"ezd* [V (21st) All-Russian Archaeological Congress]. Barnaul: Altai State University. pp. 931–932.
7. Molodin, V.I., Marchenko, Zh.V., Grishin, A.E. & Orlova, L.A. (2010) Novye dannye po radiouglерodnoy khronologii pogrebal'nykh kompleksov mogil'nika Sopka-2 epokhi ranney – razvitoy bronzy [New data on radiocarbon chronology of the Sopka-2 cemetery burial complexes in the early-developed bronze epoch]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 16. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS. pp. 240–246.
8. Marchenko, Z.V., Orlova, L.A., Panov, V.S., Zubova, A.V., Molodin, V.I., Pozdnyakova, O.A., Grishin, A.E. & Usamin, E.A. (2015) Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, western Siberia: preliminary results. *Radiocarbon*. 57(4). pp. 595–610. DOI: 10.2458/azu_rc.57.18435
9. Marchenko, Z.V., Svyatko, S.V., Molodin, V.I., Grishin, A.E. & Rykun, M.A. (2017) Radiocarbon chronology of complexes with Seima-Turbino type objects (bronze age) in Southwestern Siberia. *Radiocarbon*. 59(5). pp. 1381–1397. DOI: 10.1017/RDC.2017.24
10. Kiryushin, Yu.F., Grushin, S.P., Orlova, L.A. & Papin, D.V. (2007) Khronologiya Altaya v bronzovom veke (problemy radiouglерodnogo datirovaniya) [Chronology of Altai in the Bronze Age (problems of radiocarbon dating)]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 13. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS. pp. 255–259.
11. Kiryushin, Yu.F., Grushin, S.P. & Papin, D.V. (2007) Problemy radiouglерodnogo datirovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov bronzovogo века Altaya [Problems of radiocarbon dating of the Bronze Age archaeological monuments in Altai]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 3. pp. 84–89.
12. Molodin, V.I., Marchenko, Z.V., Kuzmin, Y.V., Grishin, A.E., Van Strydonck, M. & Orlova, L.A. (2012) Radiocarbon chronology of burial grounds of the Andronovo Period (Middle Bronze Age) in Baraba Forest Steppe, western Siberia. *Radiocarbon*. 54(3–4). pp. 737–47. DOI: 10.1017/S0033822200047391
13. Kiryushin, Yu.F. (1987) Novye mogil'niki ranney bronzy na Verkhney Obi [New burial grounds of Early Bronze in the Upper Ob]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya na Altaye* [Archaeological Research in Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 100–125.
14. Kiryushin, Yu.F., Maloletko, A.M. & Tishkin, A.A. (2005) *Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleyskoy stepi* [Berezovaya Luka – a Bronze Age settlement in the Alei steppe]. Vol. I. Barnaul: Altai State University.
15. Grushin, S.P. (2008) Khronologiya pamyatnikov ranнего bronzovogo века lesostepnogo Altaya (problemy radiouglерodnogo datirovaniya) [The chronology of the Early Bronze monuments of the Altai forest-steppe (problems of radiocarbon dating)]. In: Tataurov, S.F. (ed.) *VII istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [The 7th Historical Readings in Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk: Omsk State University. pp. 80–81.
16. Kiryushin, Yu.F., Grushin, S.P. & Papin, D.V. (2009) Radiouglерodnaya khronologiya pamyatnikov epokhi ranнего metalla Altaya [Radiocarbon chronology of early metal monuments in Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Rol' estestvennonauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [The role of natural science methods in archaeological research]. Barnaul: Altai State University. pp. 120–124.
17. Kiryushin, Yu.F., Grushin, S.P. & Tishkin, A.A. (2011) *Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleyskoy stepi* [Berezovaya Luka – a Bronze Age settlement in the Alei steppe]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University.
18. Grushin, S.P., Kiryushin, Yu.F., Tishkin, A.A. et al. (2016) *Eluninskiy arkheologicheskii kompleks Teleutskiy Vzvoz-I v Verkhnem Priob'e: opyt mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Eluninsk archaeological complex Teleutsky Vzvoz-I in the Upper Ob River: an experience of interdisciplinary study]. Barnaul: Altai State University.
19. Zhang, L., Tishkin, A.A., Grushin, S.P., Seregina, N.N., Van, S. & Ma, Ts. (2017) Kratkie soobshcheniya o raskopkakh poseleniya bronzovogo века v Rossiyskom Altaye [Brief reports on the Bronze Age settlement excavations in the Russian Altai]. *Kaogu*. 9. pp. 14–21. (In Chinese).
20. Grushin, S.P. (2015) Itogi i perspektivy issledovaniya poseleniya Kolyvanskoe-I v Rudnom Altaye [Results and prospects of research of the Kolyvanskoe-I settlement in Rudny Altai]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 2(12). pp. 40–51.
21. Grushin, S.P. & Milyaev, G.A. (2013) Pogrebal'nye komplekсы ranнего srednevekov'ya na pamyatnike Myshiny Log-I [The early Middle Age burial complexes on the monument Myshiny Log-I]. In: Shcheglova, T.K. (ed.) *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altaye. 2011–2012 gg.: arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya* [Field studies in the Upper Priobe and in Altai. 2011–2012: Archeology, ethnography, oral history]. Issue 8. Barnaul: Altai State University. pp. 19–23.
22. Grushin, S.P., Frolov, Ya.V. & Pilipenko, S.A. (2015) Berestyanaya pogrebal'naya konstruktsiya mongol'skogo vremeni iz gruntovogo mogil'nika Kalistratikha 3 (Verkhnee Priob'e) [Birch bark burial construction of the Mongolian time from the Kalistratikh 3 underground burial ground (Upper Ob Area)]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Barnaul; Omsk: Nauka. pp. 182–184.
23. Svyatko, S.V., Mertz, I.V. & Reimer, P.J. (2015) Freshwater Reservoir Effect on Redating of Eurasian Steppe Cultures: First Results for Eneolithic and Early Bronze Age Northeast Kazakhstan. *Radiocarbon*. 57(4). pp. 625–44. DOI: 10.2458/azu_rc.57.18431

УДК 39; 438; 7.04, 1-925
DOI: 10.17223/19988613/56/15

Т.В. Калашникова

ТРАДИЦИОННАЯ БЫТОВАЯ ЖИВОПИСЬ В ПОЛЬШЕ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Статья посвящена исследованию традиционной бытовой росписи Польши и Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. Цель работы состояла в выявлении схожих черт в народной живописи населения степных, горных районов Алтая (в основном старообрядцев) и ряда воеводств Польши. Исследование проводилось посредством сравнения основных и наиболее знаковых элементов росписи, а также возможных факторов, повлиявших на становление и развитие изучаемого народного искусства. В работе использованы материалы, собранные во время поездки в Польшу (г. Торунь), с сайтов этнографических музеев, опубликованных изданий.

Ключевые слова: народная бытовая живопись Польши и Сибири; алтайская роспись; трансформация народной культуры.

Тема традиционного искусства, народной культуры как части национального самосознания в России и Польше, в последнее время становится весьма актуальной. С одной стороны, мы наблюдаем последствия глобализации, выраженной в стирании культурных границ, космополитизме [1], с другой – оппозиционные явления в виде повышенного интереса к национальному искусству, фольклору, религии, возрождения традиционных ремесел [2. С. 3].

Несмотря на кажущиеся противоречия и различия в российской и польской традиционных народных культурах, во многом основанных на многовековых политических разногласиях [3], находится множество схожих явлений и элементов, говорящих о родственности и тесной взаимосвязи наших народов. Эта взаимосвязь прослеживается и в этнокультурном пространстве Сибири.

Заселение Сибири, начавшееся с конца XVI в., проходило в форме нескольких волн, связанных с культурно-историческими событиями в России [4. С. 3]. Одной из главных особенностей Сибири является многообразие этнических контактов, повлиявших на трансформацию исходных культурных традиций, принесенных переселенцами. По мнению ряда исследователей, в результате длительного, без каких-либо значимых конфликтов, взаимодействия выходцев из различных регионов России, из сопредельных стран и аборигенного населения, происходило становление так называемого сибирского субэтноса [5. С. 4].

Уникальные социоэкономические и природно-хозяйственные условия края наложили отпечаток на все сферы быта населения, в том числе на традиционное народное искусство и ремесла. Не стала исключением и народная живопись, точнее, бытовая интерьерная роспись – интересная и актуальная тема, в которой нашла отражение трансформация традиций, протекавшая в этнокультурном пространстве Сибири.

Статья посвящена исследованию традиционной бытовой росписи Польши и Западной Сибири (районы

горного и степного Алтая) на рубеже XIX–XX вв. Цель работы – посредством сравнительного анализа этнографических данных, собранных автором в опубликованных источниках, а также во время Польско-Сибирской археолого-этнографической стажировки выявить схожие элементы польской и алтайской росписи и факторы, повлиявшие на становление и развитие этой сферы народного искусства.

Одно из основных направлений народного творчества – традиционная бытовая свободнокистевая роспись, распространившаяся практически по всей Восточной Европе, а также Сибири и в конце XIX – начале XX в. приобретшая не только массовый характер, но и некоторую стандартность сюжетов. Возможная причина тому – достаточно легкое исполнение и простота мотивов, в отличие от четко выверенной, узколокальной графической росписи [6. С. 7].

В Западной Сибири существует два условных центра распространения данного вида росписи, это территория Урала с прилегающими районами и Южная Сибирь, в частности Алтайский край, Горный Алтай [Там же. С. 13]. Своеобразная Алтайская роспись представляет разновидность Урало-Сибирской и распространена в основном в старообрядческой среде [7].

На Алтае проживают две основные группы старообрядцев: «поляки» и «каменщики» (бухтарминские). Бухтарминские старообрядцы – одни из первых русских крестьянских поселенцев на территории Южной Сибири. Изначально беглые крестьяне из поволжских и центральных русских губерний, искавшие прибежища от рекрутчины, экономического и религиозного гнета, основали в XVIII в. деревни в Восточно-Казахстанской области. В 1760-е гг. русское население Восточного Казахстана значительно увеличилось за счет русских старообрядцев-«поляков», которые поселились рядом с бухтарминскими старообрядцами по течению рек Ульбы и Убы, правых притоков Иртыша. «Поляки» – это выходцы из зарубежного старообрядческого центра в

пос. Стародубье Черниговской епархии на польской границе (о. Ветка и с. Ветка) [8. С. 3]. Бухтарминцы и «поляки» в силу схожих религиозных воззрений и длительного совместного проживания сблизилась в культурно-бытовом отношении [8. С. 11]. Скорее всего, бухтарминцы и переняли традицию домовой росписи у «поляков»-старообрядцев. Существует также группа старообрядцев, именуемых «уймонскими кержаками» и проживающих в Уймонской долине, где наблюдаются частные примеры росписи в интерьере домов [9. С. 49–51].

На основе исследований традиционной росписи в Сибири (не включая территорию Урала и Зауралья), выясняется, что наиболее часты ее примеры в среде «поляков»-старообрядцев Алтая и «семейских» старообрядцев Забайкалья. В росписи забайкальских старообрядцев находится множество черт, схожих не только с росписью «поляков», но и с украинскими традициями бытовой живописи [10]. Некогда данные группы проживали на одной территории. В конце XVIII в. в результате гонений старообрядцы массово переселяются в Сибирь. Часть поселяется на Алтае и именуется «поляками», другая часть – «семейские» – селится в Забайкалье [9. С. 11]. Возникает вопрос о возможной связи данного искусства в Южной Сибири с традициями росписи интерьера западных территорий: нынешних Украины и Белоруссии, а также Польши. Интересен факт сохранения на Алтае южнорусской традиции побелки стен, росписи масляными красками частей жилища и мебели начиная со времени Столыпинских реформ, когда многие переселенцы, причисляя себя к сибирякам, помнили о местах выхода, сохраняли особенности языка, обустройства быта, и вплоть до современной этнографии [11. Т. 1. С. 126–131].

Вышеизложенное говорит о том, что пионерами распространения домовой росписи на Алтае были «поляки»-старообрядцы.

Самые первые сведения об алтайской росписи, эпизодические, но, тем не менее, ценные, содержатся в публикациях ряда исследователей конца XIX в. [12]. Красочное и детальное описание интерьера жилища старообрядцев Алтая принадлежит М. Швецову [13]. Наиболее ранние публикации фотографий и зарисовок алтайской росписи сделаны Е.Э. Бломквист в 1930 г. [14. С. 397–432]. Серьезное изучение алтайской росписи началось в 50–60-е гг. прошлого века. Труды Е.А. Ащепковой и Н.И. Каплан содержат полный и тщательный анализ домовой крестьянской живописи [15]. В последнее время вышли работы о классификации, истории распространения и технологиях алтайской росписи [16].

Традиционная интерьерная и экстерьерная роспись в Польше – одна из излюбленных тем этнографов и искусствоведов этой страны. Множество музеев хранят коллекции мебели, утвари, настенной росписи, собранных из различных мест государства и сопредельных стран (см. например: [17, 18]). Во второй половине XIX в. был издан ряд книг и статей, посвященных истории становления данного вида народного творчества,

влияния на него окружающих этносов (см. например: [19]). Впоследствии исследовались технология росписи, основные элементы декорирования и их трансформация (см. например: [20]).

По оценкам специалистов, самая древняя и наиболее интересная наружная роспись домов распространена в центральных районах Польши, в южных, юго-восточных ее областях. Самобытным богатством орнамента выделяется несколько деревень около Домбровы Тарновской в Краковском воеводстве. Стены здесь украшали многоцветными узорами не только снаружи, но и внутри строений [19. С. 12–15]. Примечательно, что на данной территории традиция расписных домов не только сохранилась, но и стала развиваться, самой известной деревней, с уникальными строениями, декорированными росписями, стало местечко Залипье [21].

Народная живопись в Польше встречается также на предметах домашнего обихода и утвари. В большинстве воеводств распространена роспись на мебели. Наиболее часто расписывались скрини (сундуки для приданого). Основные мотивы росписи на скринях – геометрическорастительные, вазы с цветами и букеты [22].

При анализе некоторых элементов бытовой росписи Польши и традиции росписи на Алтае выяснилось, что имеет место ряд общих признаков, выраженных в композиционном решении, элементах рисунка, цветовой гамме, технике росписи и основных сюжетах.

Рассмотрим основные сюжеты, которые представлены 1) солярными символами; 2) деревом жизни; 3) вазонами как обобщенным образом сосуда.

Солярные символы – один из древнейших мотивов, повсеместно распространенных на земном шаре. Их появление восходит к эпохе верхнего палеолита, когда формировались главные архетипы изображений и предметов, связанных с первобытными культурами [23. С. 224].

Традиции изображения солярных символов на одежде, украшениях, предметах быта и декоре домов дожили до этнографической современности (рис. 1). При декорировании домов и деревянной утвари славянского населения в Польше, на Русском Севере, в Сибири применялась резьба. Главным сюжетом выступали солнечные знаки (кресты, круги в различных вариациях) [19. С. 108–110]. На рубеже XIX–XX вв. большую популярность приобретает роспись, где солярные символы предстают в трансформированном виде [11. С. 126–131]. В убранстве домов жителей Алтайского края, кроме изображений цветов и птиц, распространены красные, синие и зеленые круги, символизирующие солнце. На дверях, особенно входных, часто встречалась резьба, изображавшая те же лучистые круги, цветы с птицами. У алтайских бухтарминцев цветочные мотивы, судя по этнографическим материалам, были менее популярны, чем геометрические узоры. В 1911 г. опубликовано свидетельство Б. Герасимова о том, что в поселениях долины р. Бухтормы расписываются потолок, стены, косяки, опечек, двери и табуретки, а самым распространенным мотивом росписи являются круги, солярные знаки [4. С. 114–116].

Рис. 1. Солярные геометризованные символы в урало-сибирской росписи (по: [6. С. 148, 48])

В Польше, в свою очередь, солярные и космологические мотивы также претерпевают ряд изменений. Кроме геометрической росписи, простейшей солярной символики, встречаются вариации мотива «звезда». Наиболее часты различные изображения звезды на скрынях (сундуках) из Кракова. Здесь исследователями выявлено 15 разновидностей (рис. 2), причем, наряду с самым простым вариантом в виде пятиконечной звезды, встречаются многолучевые звезды с дополнительными декоративными элементами, как правило, вместе с цветочными композициями [20. С. 21–22]. На формирование данного мотива, на наш

взгляд, повлияли иконографические традиции католического искусства [24].

Популярным в бытовой росписи старообрядцев Сибири и росписи Польши на рубеже XIX–XX вв. становится цветочный мотив. Цветы собирались в композиции в виде венков, гирлянд, букетов и кустов. Все эти варианты восходят к символу «Древо жизни» [4. С. 114–116]. Идеи плодородия и богатства выражены в образе растений, через мифы и ритуалы, посвященные Матери-Земле – хранительнице всего живого. Идею жизни и плодородия воплощает мировое космическое древо, которое является моделью упорядоченного существования бытия, космоса.

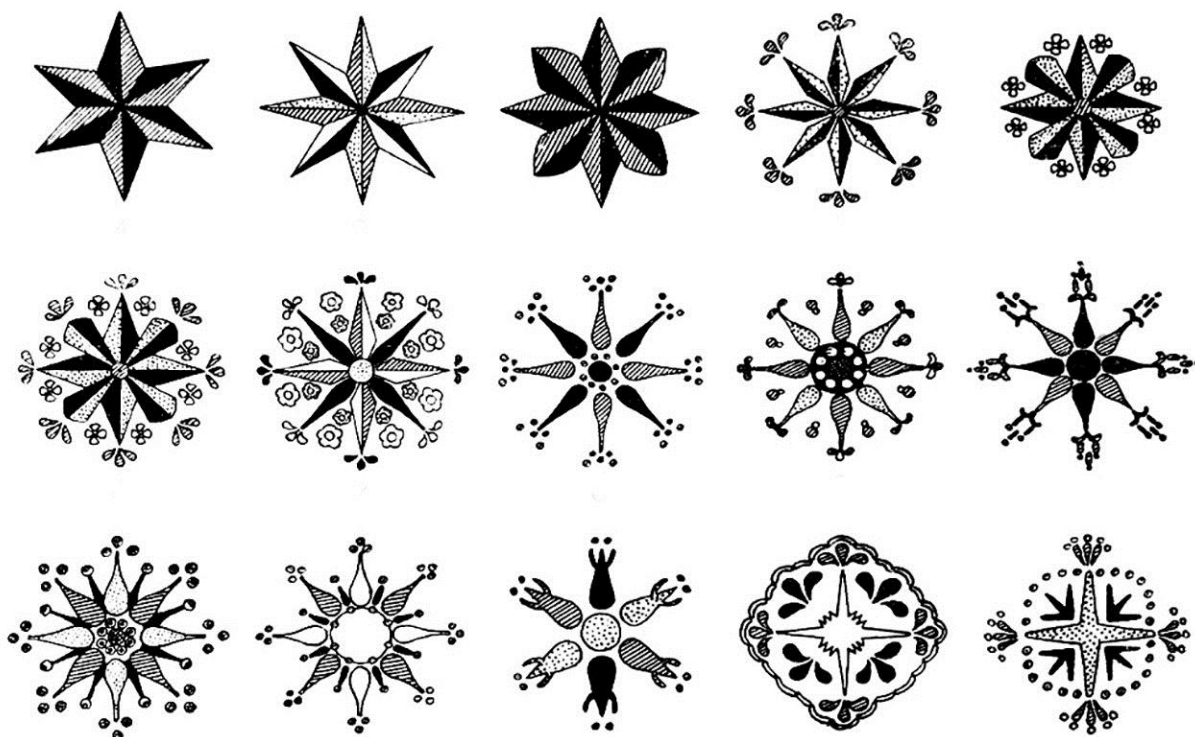

Рис. 2. Различные вариации мотива «звезда» на скрынях из Кракова и его окрестностей (по: [20. С. 23])

Рис. 3. Цветочные композиции с вазоном в творчестве алтайцев-«поляков» (1–3) (по: [26. С. 88, 89, 90]) и домовой живописи Куяво-Поморского воеводства Польши (4–6 – экспонаты этнографического музея г. Торунь, фото автора)

Согласно принципам соответствия Вселенная уподобляется дереву, что символизирует упорядоченное строение, способность к бесконечному возрождению. Данный образ использовался не только как символ космоса, но и как способ выражения идеи жизни, молодости и бессмертия. Истории религии известно множество примеров космических деревьев в культуре различных народов. В мифах и легендах о вечной молодости и красоте на первый план выводится волшебное дерево с чудесными золотыми плодами, дающими бессмертие и другие блага. В уралосибирской росписи, алтайской в частности, часто используется образ дерева [25. С. 115].

У «поляков» на Алтае, при всей уникальности декорирования каждого крестьянского дома, обязательным было заполнение рисунками всех простенков, и наиболее интенсивное украшение росписью красного угла. Рисовали цветущие растения, цветы, собранные либо в вазон, либо растущие прямо из пола. Учитывая консер-

ватизм взглядов старообрядцев, отвергавших «городскую культуру» в различных ее проявлениях [8. С. 6], стремление украсить дом росписью являлось, скорее, не данью моде, а частью особого традиционного мировоззрения, когда дом воспринимался не просто местом обитания, а «священным», упорядоченным пространством, подобием «Земного рая» в образе прекрасного сада с райскими цветами и деревьями [4. С. 115].

Росписью в основном занимались специальные мастера – «красильщики», путешествовавшие в поисках заказов на достаточно большие расстояния. Находились и местные умельцы, либо сами хозяева брались за украшение своих домов, так как удовольствие это было недешевое [4. С. 114]. У непрофессиональных мастеров рисунки часто носили архаичные черты, сводимые к простым геометрическим фигурам, волнистым линиям. Вместо заводской краски могли использовать самодельную – из хорошо отмученной глины и олифы [8. С. 32].

Примеры такой архаики существовали в окрестностях Кракова, где встречались дома с изображением на внешних стенах домов деревьев, растущих на горе, выполненных красной глиной на белом фоне [19. С. 11].

Отличительной особенностью на рубеже XIX–XX вв. становится использование вазона или флакона в различных формах народного изобразительного искусства: в вышивке, резьбе по дереву, живописи [6. С. 155].

В данном случае как символ вазон, с одной стороны, продолжает тему древа, с другой – становится своеобразным олицетворением достатка, городской среды, как «статусная» вещь наряду с самоваром или гостинным столиком [26. С. 87–76]. Иконография вазон очень богата. Здесь можно встретить и орнаментальные мотивы, близкие растительному окружению, условные изображения в виде геометризованного предмета, а также реалистичное изображение сосуда [6. С. 154]. И в польском, и в сибирском творчестве в композициях распространены вазоны (или флаконы) разнообразных форм, нарисованных крайне схематично, но при этом с большой тщательностью (рис. 3). В музее этнографии г. Торунь практически на всей расписной мебели присутствует данный мотив. Ваза становится одним из обязательных элементов цветочной композиции. Например, при исследовании расписных скринь только одного Малопольского воеводства (окрестности Кракова) выделено 16 разновидностей [20. С. 18].

В этногенезе славянства (в том числе первых и последующих переселенцев Сибири) большую роль сыграли племена Среднего Поднепровья, миграция которых в северо-восточном и юго-западном направлении была наиболее интенсивна в конце I тыс. н. э. Это явилось одной из причин, обуславливающих наличие общих элементов в области прикладного искусства у жителей Русского Севера, населения Белоруссии, Украины, южных славян, например: «елочки», «глаза покойников», в том числе «вазы» [27. С. 115]. Вазон связан с архетипичным восприятием сосуда как своеобразного символа плодородия [28. С. 101], а позднее – атрибутом городской культуры.

Хотя большая часть примеров кистевых росписей зафиксирована исследователями на рубеже XIX–XX вв., характерные черты и мотивы данного стиля были известны еще мастерам Киевской Руси в VIII–X вв. и Ростово-Суздальской земли в XI–XIII вв., но наибольшего расцвета данное направление достигает в XIX–XX вв. [27. С. 111]. Основным фактором, повлиявшим на развитие бытовой свободнокистевой росписи в Польше и Западной Сибири (в частности на Алтае) на рубеже XIX–XX вв., стала реакция населения на культурные и экономические изменения, вызванные эпохой индустриализации.

По этой причине мы можем наблюдать схожие явления в бытовой культуре Сибири и Польши рассматриваемого периода.

С одной стороны, престижность жизни в городе, мода на «городской» образ жизни и городские, «статусные» элементы быта (столики с точеными ножками, вазоны в домах и городских клумбах), с другой – развитие традиционных ремесел, в том числе искусства декоративной росписи.

В среде старообрядчества Алтая свободнокистевая домовая роспись становится результатом реанимации традиции украшения и «освящения» жилища.

В традиционной бытовой росписи Польши и Алтая наблюдается ряд общих элементов, восходящих к архетипичной символике древности: 1) геометрические фигуры и окружности, восходящие к солярному культу; 2) растительные и цветочные мотивы, связанные в первую очередь с идеей плодородия и древа жизни; 3) вазон как вариант обобщенного образа сосуда, изначально заключающего идею плодородия и женского начала, став символом достатка и городской культуры.

В настоящее время мы наблюдаем картину, когда в моду входят предметы народного быта, простого деревенского уклада, связанные с национальной историей и национальным самосознанием. Традиционная крестьянская бытовая живопись в Сибири и Польше на данный момент, приобретает популярность и новую жизнь.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Проект «Польско-Сибирская археолого-этнографическая стажировка» организован и осуществлен по инициативе профессора В. Ольшевского из Университета имени Николая Коперника в Торунь (Польша) и профессора М.П. Черной, заведующей Лабораторией археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета (Россия). Стажировка проходила в г. Торуне в октябре 2017 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинов А.С. Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. М. : МАКС Пресс, 2003. 149 с.
2. Язева Л.К. Традиционная русская культура как основа формирования национального самосознания молодого поколения : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2004. 22 с.
3. Денисов Ю.Н. Россия и Польша. История взаимоотношений в XVII–XX вв. М. : Флинта; Наука, 2012. 612 с.
4. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – нач. XX в. М. : Наука, 1996. 269 с.
5. Дроздов Н.И. Сибирский характер // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность : материалы VII Всерос. науч.-практ. интернет-конф. на сайте sib-subethnos.narod.ru. 15 сентября 2011 – 12 января 2012 г. Красноярск, 2012. 232 с.
6. Барадудин В.А. Народные росписи Урала и Приуралья (Крестьянский расписной дом). Л. : Художник РСФСР, 1987. 200 с.
7. Наговицына Т.Е. Урало-сибирская роспись на Алтае. Новосибирск : ИЦ РОССАЗИЯ, 2016. 64 с.
8. Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Кто такие бухтарминские старообрядцы? // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. 463 с.
9. Кучуганова Р.П. Уймонские староверы. Новосибирск : Сибирское соглашение, 2000. 161 с.
10. Особенности домовой росписи семейских. Наружная и внутренняя роспись жилища старообрядцев Забайкалья. URL: <https://buryatia.drugiegoroda.ru/culture/7941-osobennosti-domovoj-rospisi-semejskix/> (дата обращения: 25.03.2018).

11. Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения Сибири: Историко-этнографические аспекты. Социокультурные аспекты. XVII–XX в. : учеб. пособие. М. : Логос, 2001. Вып. 1. 181 с.
12. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки ЗСО РГО. 1880. Кн. 2. 147 с.
13. Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСО РГО. Омск, 1899.
14. Бломквист Е.Э. Искусство бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. 463 с.
15. Каплан Н.И. Очерки по народному искусству Алтая. М., 1961. 145 с.
16. Черкашина В.А. Расписные изделия конца XIX – начала XX в. (из фондов Восточно-Казахстанского обл. этнографического музея-заповедника) : каталог. Усть-Каменогорск, 2005. 53 с.
17. Muzeum Etnograficzne im. Seweryna Udzieli w Krakowie (Музей этнографии в Кракове). URL: <http://etnomuzeum.eu/> (дата обращения: 25.03.2018).
18. Muzeum Ziemi Lubuskiej w Zielonej Górze (Музей Любушского края в Зеленой Гуре). URL: <http://mzl.zgora.pl/> (дата обращения: 25.03.2018).
19. Colberg O. Lud : jego zwyczaj, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Ser. 1, Sandomierskie. Warszawa : Druk. Jana Jaworskiego, 1865. 283 s. URL: http://bc.wbp.lublin.pl/dlibra/docmetadata?id=2091&from=&dirids=1&ver_id=&lp=16&QI=AEE91EA53243605868ABD3C932E7D5-3 (дата обращения 25.03.2018).
20. Reinfuss R. Skrzynie zdobione z okolic Krakowa // Polska Sztuka Ludowa – Konteksty. 1949. Т. 3. З. 1–2. S. 9–25. URL: <http://cyfrowaetnografia.pl/dlibra/publication?id=3868&from=&dirids=1&tab=1&lp=1&QI=4126E594BB585053726157549E8F0F92-23> (дата обращения: 25.03.2018).
21. Etnografia Polski. Przemiany kultury ludowej. Polska Akademia Nauk. Instytut Historii Kultury Materialnej. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1981. Т. 1. 415 s.
22. Самая красивая деревня в Польше // Традиции в Польше. URL: <http://studentportal.pl/samaya-krasivaya-derevnya-polshi/> (дата обращения: 25.03.2018).
23. Гончарство, живопись поляков/ Кузнечное ремесло и художественная обработка металла // Этнографический блог о народах и странах мира их истории и культуре. URL: <http://lib7.com/evgora/704-gonchar-poland.html> (дата обращения: 25.03.2018).
24. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М. : Академический проект, 2014. 640 с.
25. Культ звезд и ангелов в Римско-католической церкви. URL: <https://infopedia.su/8x116f.html> (дата обращения: 22.07.2018).
26. Горяева Н.А. Декоративно-прикладное искусство в жизни человека. М. : Просвещение, 2005. 176 с.
27. Живова Л.В. Расписные дома в селах Солонешского района, зафиксированные экспедициями Н.И. Каплан в 50-х гг. XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Алт ГПУ, 2015. 388 с.
28. Дмитриева С.И. Традиционное искусство русских Европейского Севера: этнографический альбом. М. : Наука, 2006. 284 с.

Kalashnikova Tatyana V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: taya.kalashnikova.2017@mail.ru

TRADITIONAL DOMESTIC PAINTING IN POLAND AND WESTERN SIBERIA IN THE XIX-XX CENTURIES

Keywords: national domestic painting of Poland and Siberia; Altai painting; transformation of folk culture.

This article is devoted to comparative analysis of domestic traditional painting of Poland and one of the varieties of Uralian-Siberian folk art in Altai, that existed among the old believers of the steppe and mountain Altai, Eastern Kazakhstan. The considered time period is the 19-20 centuries.

The transformation of the original cultural traditions brought by migrants to Siberia touched such a form of folk painting as household interior painting, the study of which is an interesting and relevant problem.

The purpose of the work is to identify similar elements in the Polish and Altai paintings and the factors that influenced the development of this field of folk art.

This work contains, first of all, of the materials collected during the internship in Torun (Poland) in October, 2017. They include pictures taken during the excursions to the museum of ethnography of Torun, and a Skantsen (the open-air museum in Serpts). The material from the library of the University of N. Copernicus (Torun), that contains the collection of books on ethnography of Poland (some copies are dated the beginning of the 19th century) became a big contribution. The Internet resources of the historical and ethnographic museums of Poland were actively used. The materials concerning household painting of Old Believers of Altai are collected also from the websites of the ethnographic museums of the cities of Barnaul, Gornoaltaysk (the village of Uymon) and from the publications submitted in the Scientific Library of TSU.

During the research, the author came to the following results and conclusions. In traditional painting of the population of Poland and Altai three main motives have been revealed, they relate to so-called, archetypical images. These are 1) solar symbols; 2) a tree of life (vegetation); 3) a vessel (vase or bottle). The important aspects are their functional purpose in an interior, the symbolical significance, that the artist or the owner put into these drawings made on walls either inside or outside a dwelling or on some domestic items.

The factor which has influenced not only formation, but development of household painting in Poland and Western Siberia (Altai, in particular) between the 19th and the 20th centuries is the population reaction to cultural and economic changes caused by the industrialization. On the one hand we have prestige of life in the cities, fashion for a “city” way of life and urban, “status” elements of life, on the other hand items of national life, country style, folk crafts become fashionable. It is connected with national history and development of national consciousness.

REFERENCES

1. Blinov, A.S. (2003) *Natsional'noe gosudarstvo v usloviyakh globalizatsii: kontury postroeniya politiko-pravovoy modeli formiruyushchegosya global'nogo porjadka* [A national state in the context of globalization: the outlines of building a political and legal model of the emerging global order]. Moscow: MAKS Press.
2. Zyzazeva, L.K. (2004) *Traditsionnaya russkaya kul'tura kak osnova formirovaniya natsional'nogo samosoznaniya mladogo pokoleniya* [Traditional Russian culture as the basis for the formation of the national identity of the young generation]. Abstract of Culturology Cand. Diss. St. Petersburg.
3. Denisov, Yu.N. (2012) *Rossiya i Pol'sha. Istoriya vzaimootnosheniy v XVII–XX vv.* [Russia and Poland. The history of relationships in the 17th – 20th centuries]. Moscow: Flinta, Nauka.
4. Lipinskaya, V.A. (1996) *Starozhily i pereselentsy. Russkie na Altai XVIII – nach. XX v.* [Old-believers and immigrants. The Russians in Altai in the 18th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka.
5. Drozdov, N.I. (2012) [Siberian character]. *Sibirskiy subetnos: kul'tura, traditsii, mental'nost'* [Siberian Subethnos: Culture, Traditions, Mentality]. Proc of the 7th All-Russian Internet-conference. September 15, 2011 – January 12, 2012. Krasnoyarsk: [s.n.]. (In Russian).
6. Baradulin, V.A. (1987) *Narodnye rospisi Urala i Priural'ya (Krest'yanskiy raspisnoy dom)* [National paintings of the Urals and Near-Ural area (A peasant painted house)]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR.
7. Nagovitsyna, T.E. (2016) *Uralo-sibirskaya rospis' na Altai* [Ural-Siberian painting in the Altai]. Novosibirsk: Rossaziya.

8. Blomkvist, E.E. & Grinkova, N.P. (1930a) *Bukhtarminskie staroobryadtsy* [Bukhtarma Old Believers]. Leningrad: USSR AS.
9. Kuchuganova, R.P. (2000) *Uymonskie starovery* [Uimon Old Believers]. Novosibirsk: Sibirskoe soglashenie.
10. Buryatia.drugiegoroda.ru. (n.d.) *Osobennosti domovoy rospisi semeyskikh. Naruzhnaya i vnutrennyaya rospis' zhilishcha staroobryadtsev Zabaykal'ya* [Features of the Semeiskie house painting. External and internal painting of the Transbaikalia Old Believers' dwelling]. [Online] Available from: <https://buryatia.drugiegoroda.ru/culture/7941-osobennosti-domovoy-rospisi-semeyskix/>. (Accessed: 25th March 2018).
11. Shelegina, O.N. (2001) *Adaptatsiya russkogo naseleniya v usloviyakh osvoeniya Sibiri: Istoriko-etnograficheskie aspekty. Sotsiokul'turnye aspekty. XVII–XX v.* [Adaptation of the Russian population in the context of the Siberian development: Historical and ethnographic aspects. Sociocultural aspects. The 17th – 20th centuries]. Moscow: Logos.
12. Yadrintsev, N.M. (1880) Poezdka po Zapadnoy Sibiri i v Gornyy Altayskiy okrug [A trip to Western Siberia and the Gorny Altai]. *Zapiski ZSO RGO*. 2.
13. Shvetsova, M. (1899) “*Polyaki*” *Zmeinogorskogo okruga* [“The Poles” of the Zmeinogorsk District]. [s.l., s.n.].
14. Blomkvist, E.E. (1930b) *Bukhtarminskie staroobryadtsy* [Bukhtarma Old Believers]. Leningrad: USSR AS.
15. Kaplan, N.I. (1961) *Ocherki po narodnomu iskusstvu Altaya* [Essays on the folk art of Altai]. Moscow: NIIKHP.
16. Cherkashina, V.A. (2005) *Raspisnye izdeliya kontsa XIX – nachala XX v. (iz fondov Vostochno-Kazakhstanskogo obl. etnograficheskogo muzeya-zapovednika)* [Painted products of the late 19th – early 20th centuries (from the funds of the East Kazakhstan region. The Ethnographic Museum-Reserve)]. Ust'-Kamenogorsk: [s.n.].
17. Etnomuzeum.eu. (n.d.) *Muzeum Etnograficzne im. Seweryna Udzieli w Krakowie* [Museum of Ethnography in Krakow]. [Online] Available from: <http://etnomuzeum.eu/>. (Accessed: 25th March 2018).
18. Mzl.zgora.pl. (n.d.) *Muzeum Ziemi Lubuskiej w Zielonej Górze* [Museum of the Lubusz region in Zielonej Górze]. [Online] Available from: <http://mzl.zgora.pl/>. (Accessed: 25th March 2018).
19. Colberg, O. (1865) *Lud: jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce* [People: their habits, way of life, speech, applications, proverbs, rituals, witchcraft, games, songs, music and dances]. Warsaw: Druk. Jana Jaworskiego. [Online] Available from: http://bc.wbp.lublin.pl/dlibra/docmetadata?id=2091&from=&dirids=1&ver_id=&lp=16&QI=AEEEE91EA53243605868ABD3C932E7D5-3. (Accessed: 25th March 2018).
20. Reinfuss, R. (1949) Skrzynie zdobione z okolic Krakowa. *Polska Sztuka Ludowa – Konteksty*. 3(1-2). pp. 9–25. [Online] Available from: <http://cyfrowaetnografia.pl/dlibra/publication?id=3868&from=&dirids=1&tab=1&lp=1&QI=4126E594BB585053726157549E8F0F92-23>. (Accessed: 25th March 2018).
21. Kopczyńska-Jaworska, B., Biernacka, M. et al. (1981) *Etnografia Polski. Przemiany kultury ludowej* [Ethnography of Poland. Transformations of folk culture]. Vol. 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
22. Studentportal.pl. (n.d.) *Samaya krasivaya derevnya v Pol'she* [The most beautiful village in Poland]. [Online] Available from: <http://studentportal.pl/samaya-krasivaya-derevnya-polshi/>. (Accessed: 25th March 2018).
23. Lib7.com. (n.d.) *Etnograficheskiy blog o narodakh i stranakh mira ikh istorii i kul'ture* [Ethnographic blog about the peoples and countries of the world, their history and culture]. [Online] Available from: <http://lib7.com/evropa/704-gonchar-poland.html>. (Accessed: 25th March 2018).
24. Rybakov, B.A. (2014) *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow: Akademicheskii proekt.
25. Infopediya. (n.d.) *Kul't zvezd i angelov v Rimsko-katolicheskoy tserkvi* [The cult of stars and angels in the Roman Catholic Church]. [Online] Available from: <https://infopedia.su/8x116f.html>. (Accessed: 22nd July 2018).
26. Goryaeva, N.A. (2005) *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo v zhizni cheloveka* [Arts and crafts in human life]. Moscow: Prosveshchenie.
27. Zhivova, L.V. (2015) *Raspisnye doma v selakh Soloneshskogo rayona, zafiksirovannyye ekspeditsiyami N.I. Kaplan v 50-kh gg. XX v.* [Painted houses in the villages of Soloneshsky district, recorded by N.I. Kaplan in the 1950s]. In: Shcheglova, T.K. (ed.) *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
28. Dmitrieva, S.I. (2006) *Traditsionnoe iskusstvo russkikh Evropeyskogo Severa: etnograficheskiy al'bom* [The traditional art of Russians of the European North: An ethnographic album]. Moscow: Nauka.
29. Balakin, Yu.A. (1998) *Uralo-sibirskoe kul'tovoe lit'e v mife i ritual* [Ural-Siberian religious cast in myth and ritual]. Novosibirsk: Nauka.

В.М. Кулемзин, В.П. Зиновьев, А.Н. Садовой

СИНКРЕТИЗМ ДРЕВНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ У НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ 1960–1970-х гг.)

В статье представлены некоторые наблюдения ученых за жизнью и обычаями малочисленных народов Сибири – хантов и селькупов. Интересны для них прежде всего те моменты инноваций в быту хантов и селькупов, которые позволяют проследить и объяснить влияние их мировосприятия на поведение, ритуалы, традиции. Авторы отмечают разную степень последствий связи традиций и инноваций: от безобидного взаимодействия до трагических обстоятельств.

Ключевые слова: ханты; селькупы; мировоззрение; синкретизм.

О хантах написано довольно много, в том числе томскими этнографами [1–5], однако мировоззрение человека, народа – тема неисчерпаемая. Так, разбирая свои бумаги, В.М. Кулемзин наткнулся на запись, которую сделал во время экспедиции в юрты Озерные у Нового Васюгана в 1970-х гг. Он внимательно вчитался и понял, что запись не опубликована и, похоже, представляет интерес для исследователей-этнографов. Вот ее содержание:

«В самом начале 1970-х годов в юртах под названием Озерные, что в 20 км от пос. Новый Васюган, жили четыре семьи: Колмаковы и Милимовы. Поселение было расположено на берегу большого озера, длиною в 10 км и шириной в полторы. Озеро и поныне называется Тух-Эмтор, а впадающая в него небольшая река – Тух-Сигат.

Всегда, когда я хочу представить дикую нетронутую человеком природу, я представляю именно это место: утки, гуси, лебеди, всплеск огромной щуки и громадные куски торфа, которые слабый ветер гонит от одного берега к другому. В сотне-двух шагов от большого озера малое под названием Вэс-Эмтор, что значит в переводе с хантыйского мамонт-озеро. С большим озером его связывает протока, которую, по преданию, и прорыл мамонт. Доказательством являлся конец бивня, торчащий из воды. Но все это было до того, как в 1971 г. в середине большого озера не была установлена нефтяная вышка.

Помню, как тридцатилетний мужчина Павел Колмаков усаживает меня в долбленную лодку, и мы гребем в устье Тух-Сигата. Лоб покрылся испариной от удивленного. Куча истлевших и полуистлевших священных молотов длиной от полутора до двух метров стояли прислоненные к старому кедру. Куча истлевших и полуистлевших молотов находилась рядом. Павел сказал, что каждый начинающий рыболов обязан сделать на этом месте молот. Этим молотом, якобы, водяные духи ночью укрепляют расшатанные водой колья запора.

Я внимательно осмотрел молоты. Ими может пользоваться любой взрослый человек, то есть духи человекоподобны. Надо проверить, в правильном ли направлении идут мои соображения. С Павлом мы возвращаемся тем же путем, и садимся за низенький столик (по-

турецки), чтобы похлебать уху, вернее щербу, потому что уха – это рыбный суп с картошкой, а щерба – без картошки и без лука. Взгляд этнографа должен быть острым. Павел не притрагивается к пище, пока от нее идет пар. Паром насыщается невидимый человек. Человек, который укрепляет колья запора, невидим. Человек, который насыщается паром также невидим. Проще говоря, есть мир видимый, осязаемый, ощущаемый. Есть другой мир – невидимый. Его видят только собаки, которые лают неизвестно на что, да шаманы, душа которых поднимается в небеса. Огонь, зола и дым – вещи священные. Есть огонь простой, от спички. В нем сгорает все дотла, с концом. Огонь священный отправляет подарки умершим в подземный мир или в мир поднебесный. Огонь священный называется тугут най. Он добывается трением на местах жертвоприношений, когда варят лосиное мясо. Лось – это жизнь, источник жизни, его душа – жук-бронзовка. Лосиное мясо нельзя брать вилкой, резать железным ножом, подсаливать. Если раненый лось закричал в сторону охотника – погибнет весь род этого охотника.

Созвездие Большой Медведицы правильно хантыйски называть Лосем. По преданию, ваховский богатырь на лыжах гнал лося, устал и бросил на дороге медный котел, это и есть Большая Медведица. Вероятнее всего большая часть представлений о лосе отражает культуру древнего населения Сибири, основой которой являлась охота на лося. О правилах обращения с лосем, лосиным мясом мне рассказывали еще в 1970-х гг. живые свидетели – ханты рек Васюгана и Ваха. По моим наблюдениям, культы лося и медведя в мировоззрении хантов тесно переплетаются. Я лично был знаком с людьми, сохранившими черты традиционного мировоззрения. Здесь я акцентирую внимание на слитности, на возможности компромисса древнего и с другой стороны – современного мировоззрения. Это требует специальных исследований. Как и в прежних своих публикациях я считаю, что степень совмещения старого и нового может быть разной» [6].

Авторы давно планировали опубликовать юношеские впечатления В.П. Зиновьева от встреч с селькупами поселка Тюхтерево (Чворхол-эт), так как считают

эти наблюдения полезными для этнографов и важными для понимания мировосприятия этого народа. Кратко изложим суть дела.

«В 1965 г. накануне начала учебного года я был приглашен одноклассником Виктором С. в Тюхтерево для шишкования. Мне уже надоело косить, копнить, метать сено, и я с удовольствием отправился с ним и его двоюродным братом Александром Н. побездельничать. Шишек мы добыли мало и вечером вернулись в поселок для ночлега. Вот здесь я и набрался удивительных для меня впечатлений. По сравнению с моим спецпереселенческим поселком Талиновкой Тюхтерево удивило меня тем, что домики тонули в траве, поскольку скота, который съедал бы траву не было видно. Если у кого из жителей и были животные, то это были собаки. В Талиновке прямые улицы, не всегда ровные и чистые, но вытопанные скотом и людьми.

Вошли во двор дома, где Виктор жил с отцом, мать его селькупка умерла, когда он был совсем маленьким. Он учился вместе с нами то в Талиновской начальной школе, то в Нарымской школе, то в интернате народов Севера в селе Новосельцево, то опять с нами. Среднюю школу мы заканчивали уже в пос. Шпалозавод. Каждый закончил по 10 классов и не меньше трех коридоров.

Двор был такой же заросший лебедой и крапивой, как и улица. Огород меня озадачил. Кроме картошки в нем ничего не росло, по крайней мере, я ничего другого не увидел. Картошки накопили, оскоблили и поставили на огонь. Я полагал, что деревня, стоящая на рыбном озере Чворхол, в которое впадал рыбный Черный Исан и вытекал рыбный же Исан и где мы переловили целую пропасть щук и язей, должна накормить гостей рыбой. Ничего подобного. Рыбы в поселке не было. Не было и мяса, потому что, как мне объяснили, единственный охотник Исташка (Евстафий) давно за лосем не ходил. Деревенский народ промышлял в основном сбором брусники и клюквы. Виктор сходил в магазин и принес хлеба и бутылку водки. Я понял, что трапеза обещает быть не богатой, но сытной. Картошка, хлеб и водка – набор вполне «джентельменский». Чугунка картошки на четыре человека хватило. Пришли соседи – видимо, наше появление в деревне было заметным событием для аборигенов. Отец и мать семейства сопровождало все потомство – человек 5 детей от юношеского до трехлетнего возраста. Отец Виктора на правах старшего разлил водку между гостями. К моему удивлению, налито было всем по-маленьку, даже трехлетнему карапузу. Я сказал, что ему нельзя пить водку – он совсем маленький. На это отец семейства с достоинством возразил, что малыш тоже человек и потому имеет право на свою долю. В этом, вероятнее всего, причина поголовного алкоголизма селькупов. У них нет табу на употребление алкоголя для детей, характерного для земледельческих народов.

Когда я стал студентом-историком, я стал более внимательно присматриваться к странному для меня поведению селькупов, тем более что объект наблюде-

ния приблизился. Жители Тюхтерева постепенно перебирались в Талиновку, на шпалозавод, в Нарым».

Немного статистики. В 1858 г. в Нижне-Подгородней 1 половины инородческой волости (юрты Мысовые, Пылгычикэт, Зайсеки, Пыжинэт и Тюхтеревские) было 62 души мужского пола в 5 селениях и 28 домах; в 1899 г. в них же насчитывалось 137 душ обоюбого пола [7. 2-я пагинация. С. 2]; в 1959 г. в юртах Пыжиных Кургасокского района жили 20 чел., в Тюхтерево – 58, итого 78 чел.; в Тюхтерево в 1970 г. – 45 чел., в 1979 г. – 2. Перепись 1989 г. населения в деревне не зафиксировала [8. С. 47, 67]. Сократилось и население Талиновки с 290 чел. в 1959 г. до 171 в 1987 г., сейчас не более 140 чел. Селькупов, чаще полукуровок, осталось меньше десятка из четырех семей. Дети уехали в города.

Переселившись в Талиновку, Нарым, на Шпалозавод, селькупы не изменили образ жизни, хотя обрусели, забыли язык предков. Некоторые сохранили дома в Тюхтерево и приезжают брать ягоду летом. В искусстве земледелия талиновские новоселы не преуспели. Картофель селькупы выращивали, но уход за ним сокращали до минимума. Они сразу же окучивали посаженный картофель и приходили затем только осенью за урожаем. Русские говорят, что селькупы ленивы. Однако думаю, дело не в этом. Они полагали, что картошки вполне достаточно для пропитания без всяких приварков. И я получил подтверждение этому наблюдению, когда мне мой отец сказал, что в огороде должны быть картофель, лук и капуста, а остальное – баловство. Объяснение видимой нищеты селькупов, при оскудении природы, в непритязательности и неприхотливости их в быту. Им, видимо, достаточно того, что есть. Их огороды в Талиновке по-прежнему малы и бедны. Рыбы в Исане и в обской протоке, на которой стоит Талиновка, стало намного меньше прежнего. Основа жизни коренного населения была подорвана массовой ссылкой спецпереселенцев. В 1916 г. в Нарымском крае жили не более 19 тыс. человек – русских и аборигенов. В начале 1930–1940-х гг. сюда сослали более 300 тыс. человек [9]. Даже после того как большая часть ссыльных выехала из наших болот, скудная и хрупкая природа Нарыма не восстановилась до сих пор. Некоторые потомки селькупов в Талиновке годами питаются вареным мелким постным окуном из Дикого озера.

Значительная часть селькупов прежде работала на лесозаводе, среди них оказались талантливые механизаторы. Однако были они крайне недисциплинированы. Получив зарплату, многие из селькупов уходили в загул на неделю-другую. Промотав все деньги, они вновь приступали к работе до новой зарплаты и нового загула. Причину такого поведения объясняет психология «детей природы». Они привыкли жить от добычи до добычи, пока есть пища, для них нет стимула для работы. Именно этот фактор объясняет причины отсутствия «бродячих инородцев» среди рабочих на промышленных пред-

приятнях. Тунгусы, например, не могли привыкнуть к дисциплине индустриальных производств, они искренне не понимали, почему надо идти на работу, пока есть хлеб и мясо [10]. Потребление алкоголя у них не подчинено производственному циклу, как у русских крестьян, которые начинали играть свадьбы после сбора урожая [11].

Заводское начальство в психологию бывших охотников не вникало, увольняя их с работы.

Не так давно директор завода в Талиновке сказал, что на заводе работают не местные, а нарымские рабочие. Местные русские и селькупы в основном живут на пенсии, собирают клюкву, сушат грибы, ловят рыбу. Селькупы, как и прежде, бедствуют, но не работают регулярно. Конечно, адаптация их к новому положению

идет, но крайне медленно, наиболее спасительны для них смешанные браки. По нашим наблюдениям, русские или немецкие жены для селькупов – наилучшая гарантия долголетия и сохранения детей. Популяция тухтеревских селькупов при таком раскладе обречена на исчезновение, останься она на озере Чворхол или мигрировав в Талиновку. По нашим наблюдениям, степень сочетания нового и старого в процессе адаптации сибирских народов в индустриальный мир может быть очень разной. Селькупы из древнего поселения на озере Чворхол в лучшем случае ждет ассимиляция и аккультурация, а при известном упорстве в отказе принимать новые правила жизни – исчезновение. Они могут уйти так и не понятые нами, унеся с собой тысячелетний опыт таежной жизни в сибирском крае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в.: Этнографические очерки. Томск, 1977. 255 с.
2. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. 196 с.
3. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск : Наука, 1992. 136 с.
4. Энциклопедия уральских мифологий. Т. 3: Мифология хантов / под ред. В.М. Кулемзина. Томск, 2000. 304 с.
5. Кулемзин В.М. Записки этнографа. Жизнь прожить – не поле перейти. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 235 с.
6. Письмо В.М. Кулемзина В.П. Зиновьеву 13.09.2018 г. // Личный Архив В.П. Зиновьева.
7. Плотноков А.Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии). Историко-статистический очерк. СПб., 1901. 366, 17 с.
8. Численность населения по каждому населенному пункту Томской области по итогам ежегодного учета и всесоюзных переписей на селения за период с 1959 по 1989 г. Томск, 1990. 95 с.
9. Зиновьев В.П. Нарымский край // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2250253
10. Зиновьев В.П. Рабочие из коренных народов Сибири на капиталистических предприятиях // Смена культур и миграции в Западной Сибири (причины и динамика). Томск : Изд-во ТГУ, 1987. С. 61–63.
11. Zinovyev Vasily P., Falileev Dmitry A., Sulyak Sergey G. Consumption of Wine in Russia and Siberia in the beginning of the XX century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45, is. 3. P. 1063–1072.

Kulemzin Vladislav M., Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: bersa@sibmail.com

Zinovyev Vasily P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vpz@tsu.ru

Sadovoy Aleksandr N. E-mail: [Sochi State University \(Sochi, Russia\) E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com](mailto:Sochi State University (Sochi, Russia) E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com)

SYNCRETISM OF ANTIQUITY AND MODERNITY AMONG THE PEOPLES OF THE MIDDLE OB (FROM OBSERVATIONS OF THE 1960S-1970S).

Keywords: Khanty; Selkups; worldview; syncretism.

The article presents some observations of scientists about the life and traditions of the indigenous small-numbered peoples of Siberia – Khanty and Selkups. First of all, the most interesting are those moments of innovations in the life of Khanty and Selkups, which allow us to trace and explain the influence of their worldview on behavior, rituals, and traditions. V.M. Kulemzin reports on the possibility of penetration into the spiritual world of the Khanty by observing the behavior of the Khanty fisherman, for whom the invisible world of spirits is quite real. He believes that the creek between the lakes was dug by the spirits help him in fishing, strengthening the stakes in the constipation with a sacred hammer, that the steam from the soup is enough for feeding the spirits, that the sacred fire, born by friction, helps to deliver gifts to the dead ancestors and gods on sky. V.M. Kulemzin suggests that the cults of elk and of bear are closely related, while the cult of elk is more ancient, and this fact requires special study.

V.P. Zinoviev shares with readers his youth observations of his compatriots, the Selkup of Chvorhol-et yurts (Tyukhterevs). He was struck by the carelessness of the Tyukhterev inhabitants, who had no reserves and lived from catching to catching elk, ducks, fish. The Selkups were extremely careless about harvesting vegetables for the winter. Their lack of respect for industrial work the author explains not by laziness, but by the psychology of the person of appropriating society, who always had the opportunity to turn to the storeroom of mother nature, and therefore did not make special food reserves. Even in present time, when nature has become impoverished, and the transition to productive labor has become a necessity, the Selkups can not abandon traditions and previous ideas about the world.

V.P. Zinoviev was also struck by the full gender equality in the distribution of products: even the youngest member of the family had the right to his share of food, even if it was harmful for his health vodka. According to the authors, this is one of the reasons for the general alcoholization of the Selkups.

The authors came to the conclusion that the degree of combining innovations and traditions can be very different, depending on the field of activity and specific circumstances, on the intensity of acculturation and assimilation processes. At the same time, they note that the danger to traditional cultures lies not only in reducing the natural and economic basis of their existence, but also in their persistent rejection of new ways of life support.

REFERENCES

1. Kulemzin, V.M. & Lukina, N.V. (1977) *Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX — nachale XX v.: Etnograficheskie ocherki* [The Vasyugan-Vakhov Khanty in the late 19th – early 20th centuries: An ethnographic essays]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Kulemzin, V.M. (1984) *Chelovek i priroda v verovaniyakh khandov* [Man and nature in the beliefs of the Khanty]. Tomsk: Tomsk State University.

3. Kulemzin, V.M. & Lukina, N.V. (2000) *Znakom'tes': khanty* [Meet: Khanty]. Novosibirsk: Nauka.
4. Kulemzin, V.M. (ed.) (2000) *Entsiklopediya ural'skikh mifologiy* [Encyclopedia of Ural Mythologies]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kulemzin, V.M. (2017) *Zapiski etnografa. Zhizn' prozhit' – ne pole pereyti* [Notes of the ethnographer. Living life is not like crossing a meadow]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Kulemzin, V.M. (2018) *Pis'mo V.M. Kulemzina V.P. Zinov'evu 13.09.2018 g.* [Letter from V.M. Kulemzin to V.P. Zinoviev, September 13, 2018]. The Personal Archive of V.P. Zinoviev.
7. Plotnikov, A.F. (1901) *Narymskiy kray (5 stan Tomskogo uezda, Tomskoy gubernii). Istoriko-statisticheskiy ocherk* [The Narym Krai (Camp 5 of Tomsk district, Tomsk province). A historical statistical essay]. St. Petersburg: [s.n.].
8. Tomsk Region. (1990) *Chislennost' naseleniya po kazhdomu naseleennomu punktu Tomskoy oblasti po itogam ezhegodnogo ucheta i vsesoyuznykh perepisey na seleniya za period s 1959 po 1989 g.* [Population in each settlement of Tomsk region according to the results of annual census and all-union population censuses from 1959 to 1989]. Tomsk: [s.n.].
9. Zinoviev, V.P. (n.d.) *Narymskiy kray* [The Narym Krai]. [Online] Available from: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2250253.
10. Zinoviev, V.P. (1987) *Rabochie iz korenykh narodov Sibiri na kapitalisticheskikh predpriyatiyakh* [Workers from the indigenous peoples of Siberia in capitalist enterprises]. In: Pletneva, L.M. (ed.) *Smena kul'tur i migratsii v Zapadnoy Sibiri (prichiny i dinamika)* [Change of cultures and migration in Western Siberia (causes and dynamics)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 61–63.
11. Zinoviev, V.P., Falileev, D.A. & Sulyak, S.G. (2017) Consumption of Wine in Russia and Siberia in the beginning of the 20th century. *Bylye Gody*. 45(3). pp. 1063–1072. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2017.3.1063

В.И. Молодин, И.А. Дураков, Л.С. Кобелева

ЗАХОРОНЕНИЯ С БРОНЗОЛИТЕЙНЫМ ОБОРУДОВАНИЕМ АНДРОНОВСКОГО (ФЕДОРОВСКОГО) МОГИЛЬНИКА ТАРТАС-1 (ЦЕНТРАЛЬНАЯ БАРАБА)

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

В статье анализируются захоронения эпохи бронзы андроновской (федоровской) культуры могильника Тартас-1 (Барабинская лесостепь), содержащие предметы, связанные с бронзолитейным делом. Погребения этой культуры на данном памятнике отличаются некоторым своеобразием, обусловленным тесным контактом с местным населением, носителями познекротовской (черноозерской) культуры. Сделан вывод о деформации погребального обряда носителей андроновской культуры (потере части присущих ему элементов и приобретения новых, заимствованных у местного населения) вследствие адаптации его к новым природно-климатическим условиям Барабинской лесостепи и столкновения с аборигенными этническими образованиями. Отмечено, что появление черт профессиональной принадлежности в погребальной практике андроновской (федоровской) культуры было возможным только при наличии подобных социальных групп.

Ключевые слова: Западная Сибирь; эпоха бронзы; андроновская культура; погребальный обряд; техническая керамика.

Погребальный обряд андроновской (федоровской) культуры представляет собой довольно устойчивое и хорошо изученное явление. Как правило, для него не характерно отражение в инвентаре профессиональной принадлежности погребенного, однако целый ряд захоронений андроновской (федоровской) культуры могильника Тартас-1 содержит предметы, связанные с бронзолитейным делом, что сближает их с так называемыми погребениями литейщиков, обычными для культур сейминско-турбинского круга [1; 2. С. 18–34; 3; 4. С. 12].

Изучение данного явления далеко до завершения и количество погребений андроновской (федоровской) культуры, исследованных на могильнике Тартас-1 постоянно увеличивается; однако, исходя из объема выполненной работы (327 погребений), уже сейчас можно сделать достаточно объективные выводы. Вместе с тем предметы, связанные с бронзолитейным производством, нередко встречаются в погребениях познекротовской (черноозерской) культуры, причем обнаруженных на том же Тартасе-1 [5].

Археологический контекст погребений. К настоящему времени на могильнике Тартас-1, в его андроновской (федоровской) части, выявлено четыре погребения (№ 144, 153, 314, 478) содержащих отдельные предметы литейного инвентаря.

Погребение № 144 находилось в ряду из шести андроновских (федоровских) могил (№ 142, 145–148, 194), расположенных обособленной группой в ЮЗ части могильника. Оно представляет собой ориентированную по линии В-3 прямоугольную яму длиной 2,25 м и шириной 0,88–0,9 м (рис. 1). Верхний край могилы поврежден расположенным на территории могильника карьером, глубина сохранившейся части достигает 0,43 м. Стенки отвесные, дно ровное. В погребении найден потревоженный скелет взрослого человека, *in situ*, сохранились только стопы ног. Судя по их

расположению, погребенный лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на восток. На костях предплечья и правой стопы скелета, зафиксирован окислы бронзы.

В центральной части погребения обнаружены два лежащих на боку керамических сосуда андроновской (федоровской) культуры (рис. 2, 2, 3). Там же найдены 27 бронзовых бусин. В одном случае бусы были нанизаны на обрывок кожаного ремешка. Такие бусы, как правило, нашивали на щиколотку обуви умершего. Кроме того, в заполнении могильной ямы находились разрозненные кости карася (*carassius*), фрагменты створок раковин речного моллюска (*anodonta*), каменная ножевидная пластина и обломки кованой бронзовой пластины.

Наибольший интерес представляет найденная в восточной части могильной ямы, створка каменной литейной формы для изготовления украшений (см. рис. 2, 1). На трех сторонах формы прослеживаются негативы для отливки четырех предметов (см. рис. 3, 1). На плоской лицевой стороне размещены две литейные камеры, одна для изготовления ромбообразного украшения, вторая для изделия в виде круга с крестом внутри (рис. 3, 2, 3). Прослеживается определенная последовательность их изготовления. Судя по сохранившимся следам, первоначально на створке был вырезан негатив ромбообразного украшения, через некоторое время часть плоскости разреза формы была отшлифована абразивом, вследствие чего этот участок углубился на 0,2 мм и получил уклон в 3° (рис. 3, 1, А). На полученной поверхности была вырезана рабочая камера для отливки украшения в виде круга с крестом внутри (рис. 3, 2). Она оборудована литником в виде чаши с коротким стояком и дополнительным каналом – выпором, что предполагает отливку изделия на «выплеск».

На боковой грани изделия расположено еще одно украшение подтреугольной формы, поврежденное бо-

лее поздним сквозным отверстием (см. рис. 3, 4). На внешней слегка выпуклой стороне формы вырезан негатив четвертого украшения, оформленного в виде круга с тремя «свисающими» лентами (рис. 3, 5).

Форма, несомненно, интенсивно использовалась, на литниках и рабочих камерах заметны следы термического воздействия и изолирующего сажного напыления. Расположение литниковых чаш в разных плос-

костях исключает изготовление всех предметов одновременно. Форма неоднократно переделывалась, на что указывает отмеченное выше несовпадение плоскостей разъемов рабочих камер ее лицевой стороны (рис. 3, 1, А) и повреждение сквозным отверстием негатива боковой плоскости (рис. 3, 1, 4). Все линии рельефа процарапаны шилообразным инструментом диаметром 0,2 мм.

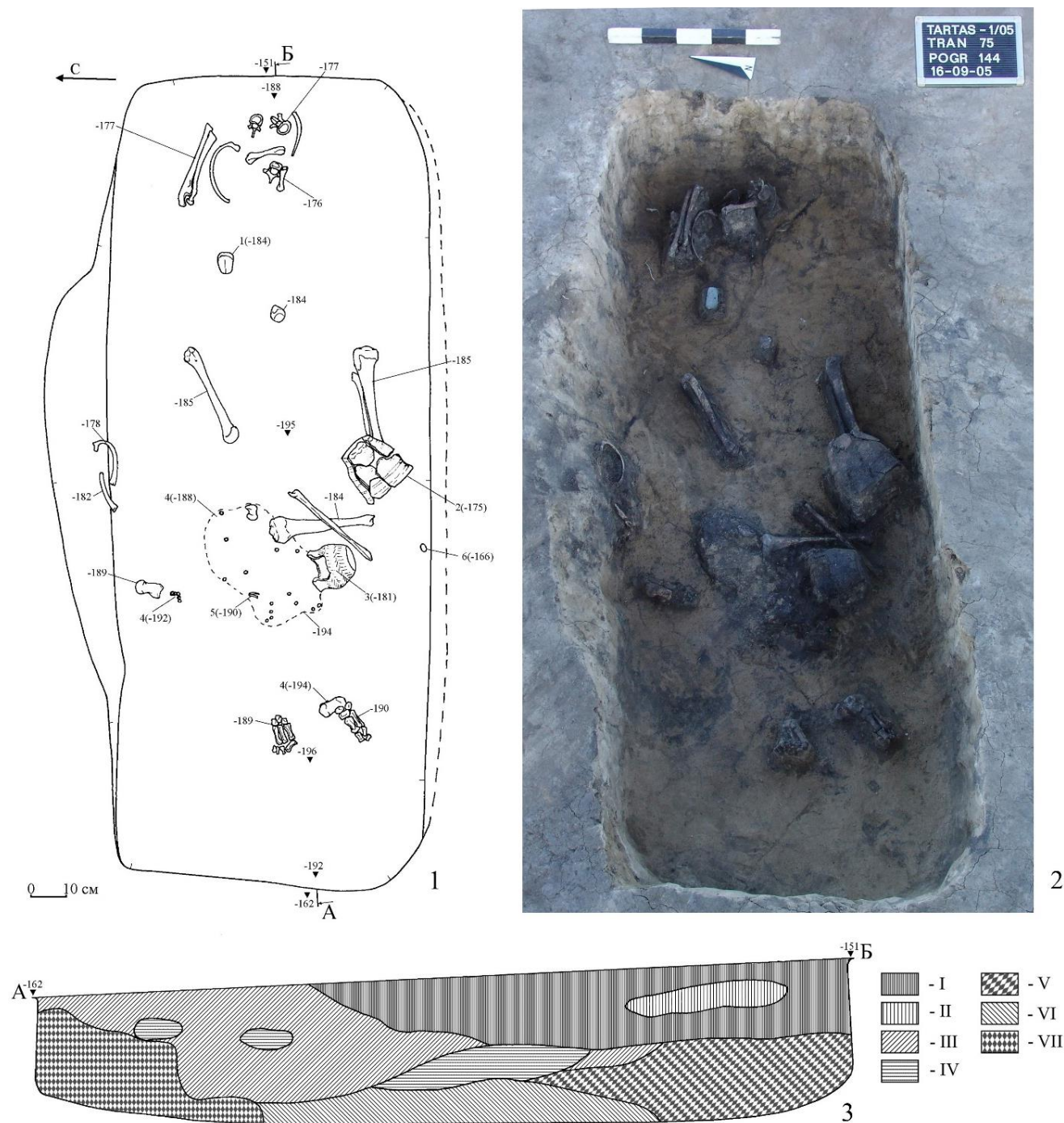

Рис. 1. Погребение № 144 могильника Тартас-1:

1 – план погребения; 2 – фото погребения; 3 – стратиграфический разрез, I – темно-серая почва с включениями желтого суглинка; II – светло-серая почва; III – серая почва; IV – желтый суглинок; V – серо-желтая почва; VI – черная мешаная почва; VII – желто-серая мешаная почва

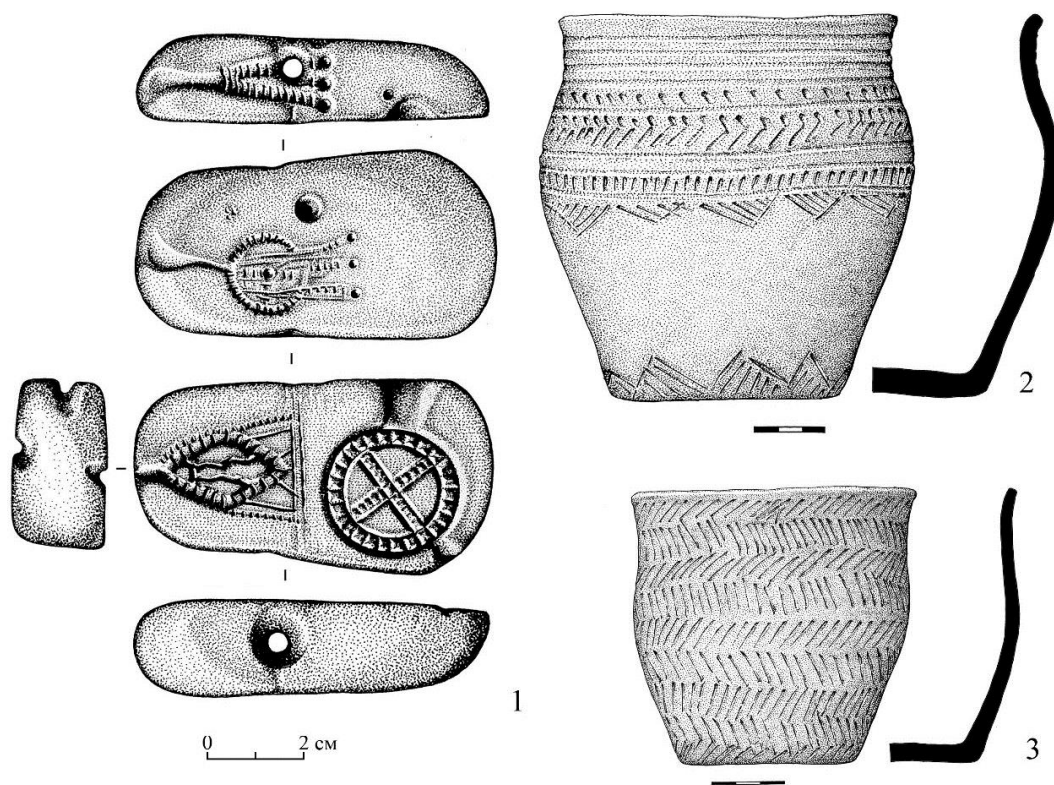

Рис. 2. Инвентарь из погребения № 114 могильника Тартас-1: 1 – каменная литейная форма, 2–3 – керамические сосуды

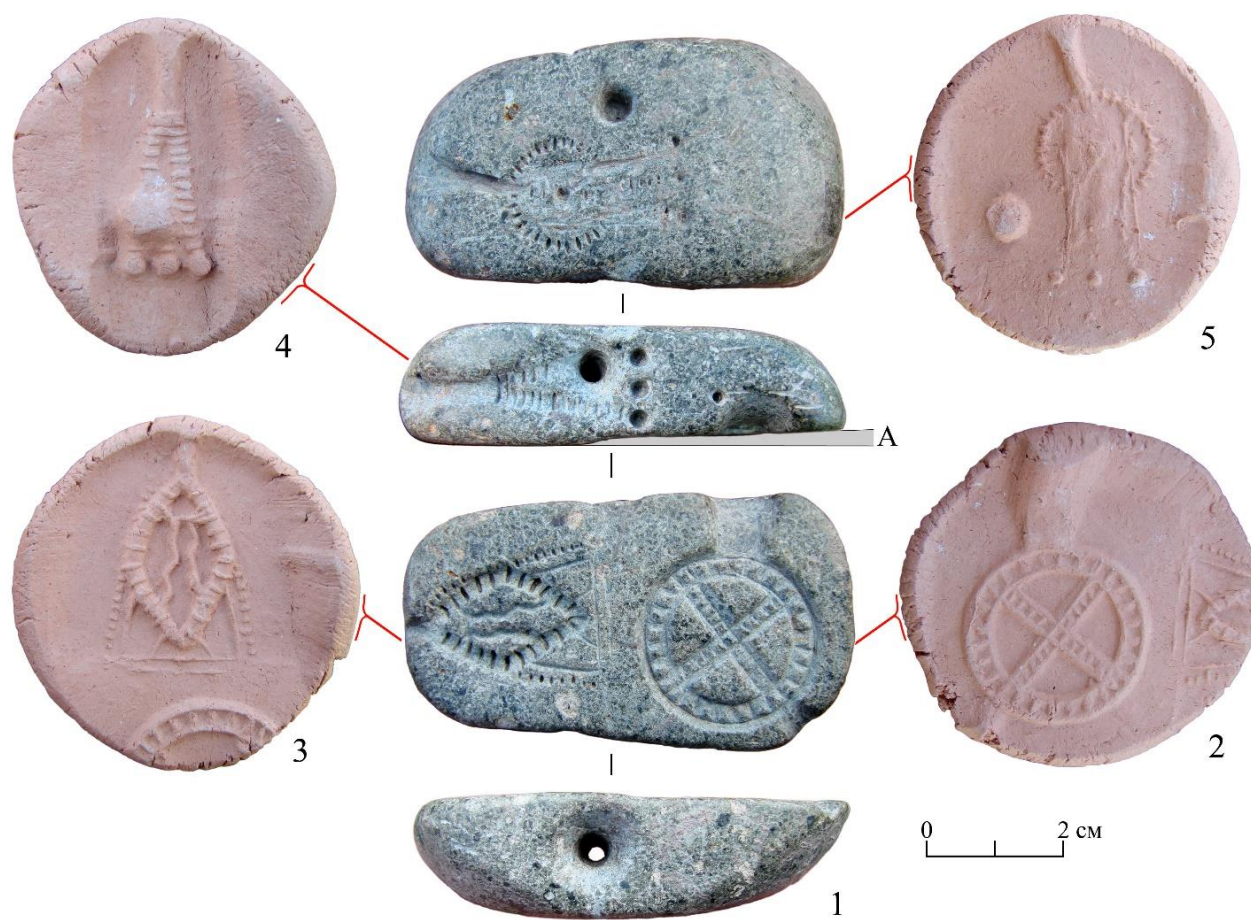

Рис. 3. Литейная форма из погребения № 144: 1 – фото литейной формы, 2–5 – слепки с рабочих камер формы

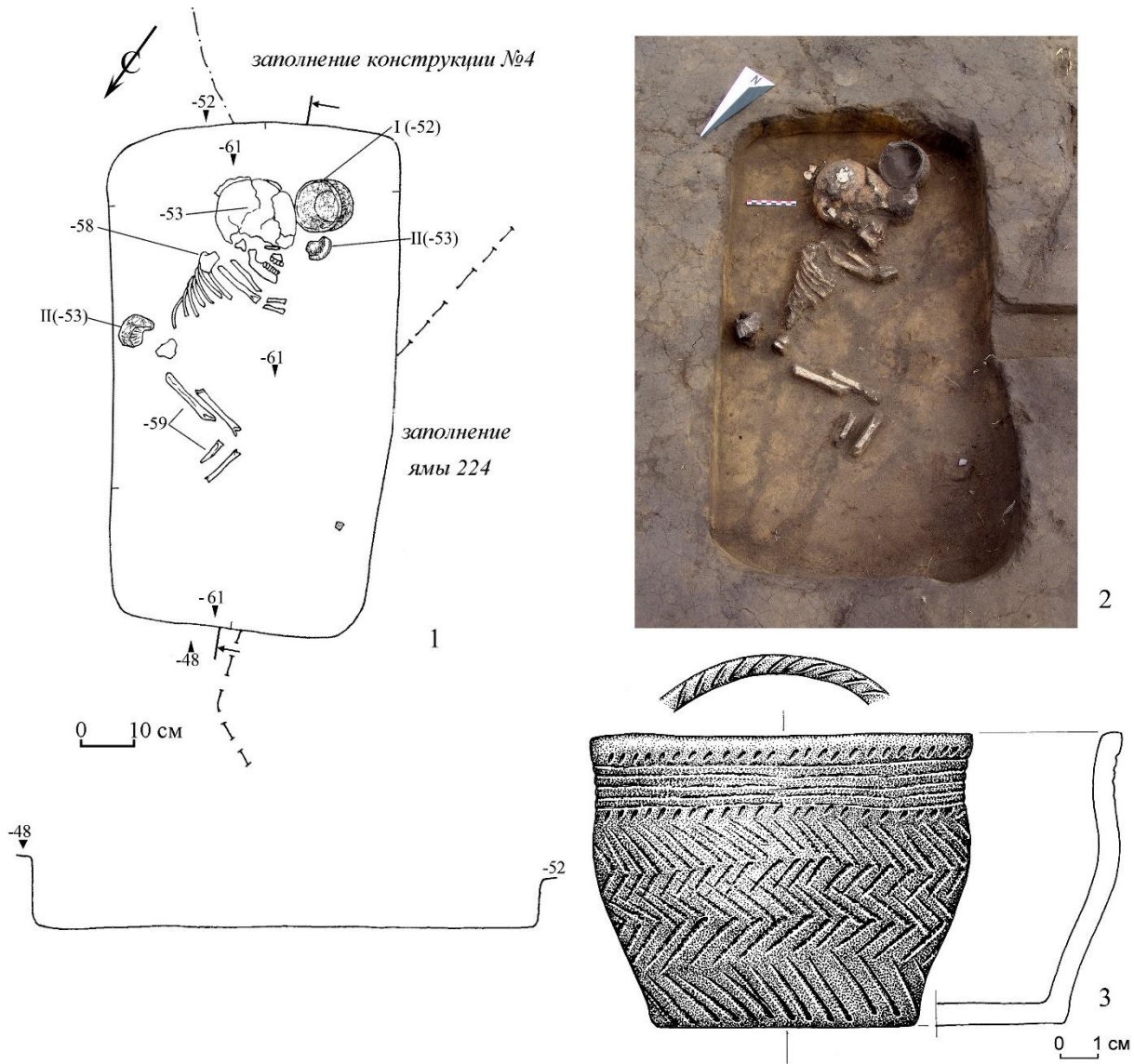

Рис. 4. Погребение № 153 могильника Тартас-1:

1 – план и разрез погребения, I – сосуд, II – керамический тигель; 2 – фото погребения; 3 – керамический сосуд из погребения № 153

На плоскости оборотной стороны прослежено круглое углубление диаметром 0,4 см для скрепления створки формы вставным штифтом. Подобный способ крепления частей каменных форм известен в андроновской литейной традиции. Например, такие детали присутствуют на форме для отливки кинжала из поселения Мирный-IV [6. Рис. 2, 7].

Отливаемые в форме предметы имеют широкий круг аналогий в культурах срубно-андроновского мира. Наиболее близкими по форме и декору отливаемых украшений являются негативы тальковой формы найденной на территории поселения Кижаккуль-1 из Южного Зауралья [7. С. 83–84. Рис. 2, 3, 3]. Подробный перечень украшений представлен в монографии Е.Е. Кузьминой [8].

Колесовидные украшения в виде креста в круге присутствуют на форме из мергеля из Лукяновского поселения срубной культуры [9. С. 106–107]. Такие же изделия встречены в материалах алакульских памятников [10. Рис. 16; 11. Рис. 74, 1–8].

Форма для отливки ромбической подвески найдена на Ильичевском селище [12. Табл. 7, 4]. Украшение с тремя «свисающими» лентами также встречается в андроновских древностях. Например, формы с негативами таких изделий были найдены на поселениях Усть-Суерское-1, Камышное, Ялым [13. Рис. 55, 4–6; 14. С. 147. Рис. 32, 24; 15. С. 114–115. Рис. 39, 7; 53, 5].

Погребение № 153 представляло собой ориентированную по линии ЮЮВ–ССЗ яму подпрямоугольной формы. Ее длина – 0,92–0,93 м, ширина – 0,52–0,53 м, глубина – 0,13 м. Стенки отвесные, дно ровное. Могила частично перерезала хозяйственное строение одиновской культуры. Погребенный ребенок лежал в скорченном положении на левом боку головой на ЮЮВ (рис. 4, 1, 2).

У лобной кости черепа на дне могилы стоял сосуд андроновской (федоровской) культуры (рис. 4, 3). Рядом перед лицом погребенного лежал крупный фрагмент керамического тигля, второй фрагмент этого же изделия найден между тазовыми костями и стенкой могилы.

В северо-западном углу могильной ямы обнаружен каменный отщеп, два неорнаментированных фрагмента керамики и кости рыбы: не менее чем от двух особей сибирской плотвы (*Rutilus rutilus lacustris*) [16. Табл. 1].

Погребение № 314 имело форму вытянутого по линии СВ-ЮЗ подпрямоугольника с сильно заovalенными углами в западной части ямы (рис. 5, 1, 2). Ее длина – 1,73 м, ширина – 1,03–1,14 м, глубина от уровня материка достигает 0,60 м. Стенки отвесные, дно ровное.

В могиле найдены скелеты двух человек взрослого и ребенка. Оба погребенных лежали в скорченном по-

ложении на боку головой на восток, лицом друг к другу. Взрослый – вдоль северной стенки могилы, ребенок – вдоль южной. Под нижней челюстью взрослого обнаружена бронзовая бусина.

Погребальный инвентарь ребенка более разнообразен. Между его фалангами пальцев находилась костяная бусина – пронизка диаметром 3 мм (см. рис. 5, 5). Под ребрами обнаружена вторая фаланга ноги крупного рогатого скота, лежавшая вдоль позвоночника. Под правой скулой черепа найдена бронзовая серьга в виде кольца (рис. 5, 3). В районе левой скулы – окислы и обломки второй серьги (рис. 5, 4).

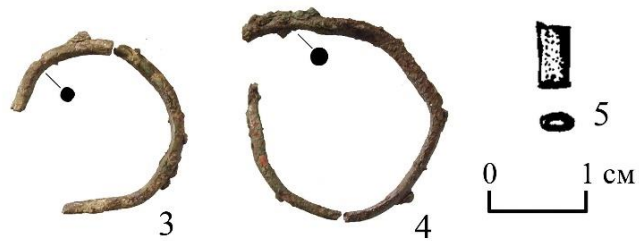
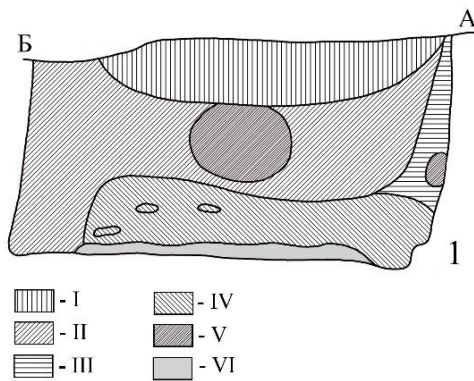
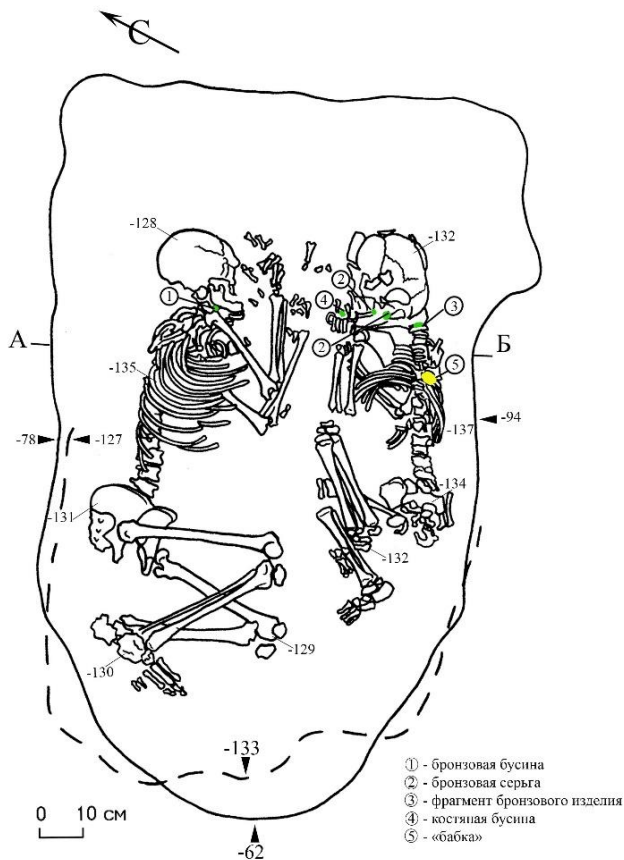

Рис. 5. Погребение № 314 могильника Тартас-1: 1 – план и разрез погребения, I – темно-серая почва, II – светло-серая почва, III – желто-серая почва, IV – темно-серая почва с вкраплениями желтого суглинка, V – нора, VI – кости человека; 2 – фото погребения; 3, 4 – бронзовые серьги; 5 – костяная бусина

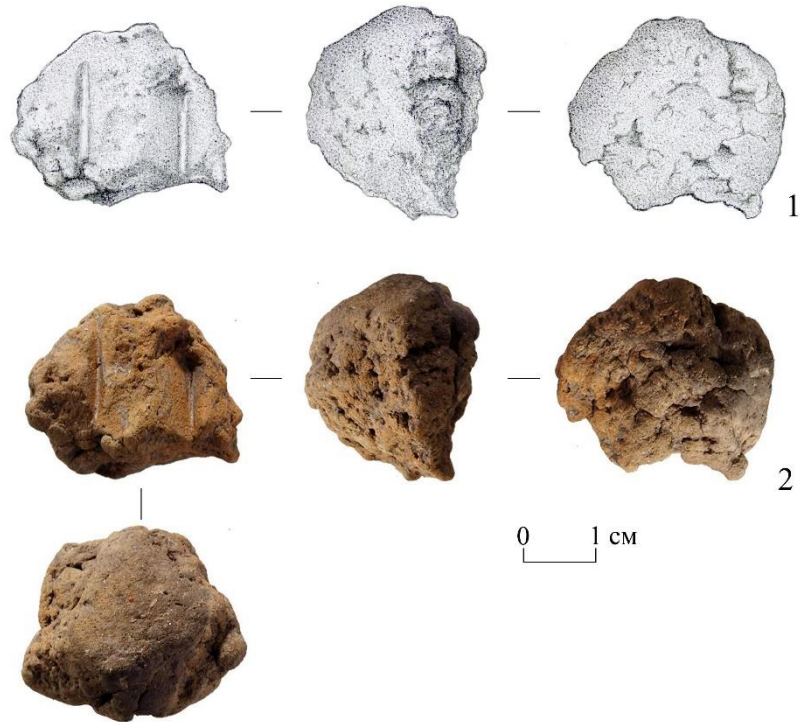

Рис. 6. Литейная форма из погребения № 314: 1 – прорисовка; 2 – фото

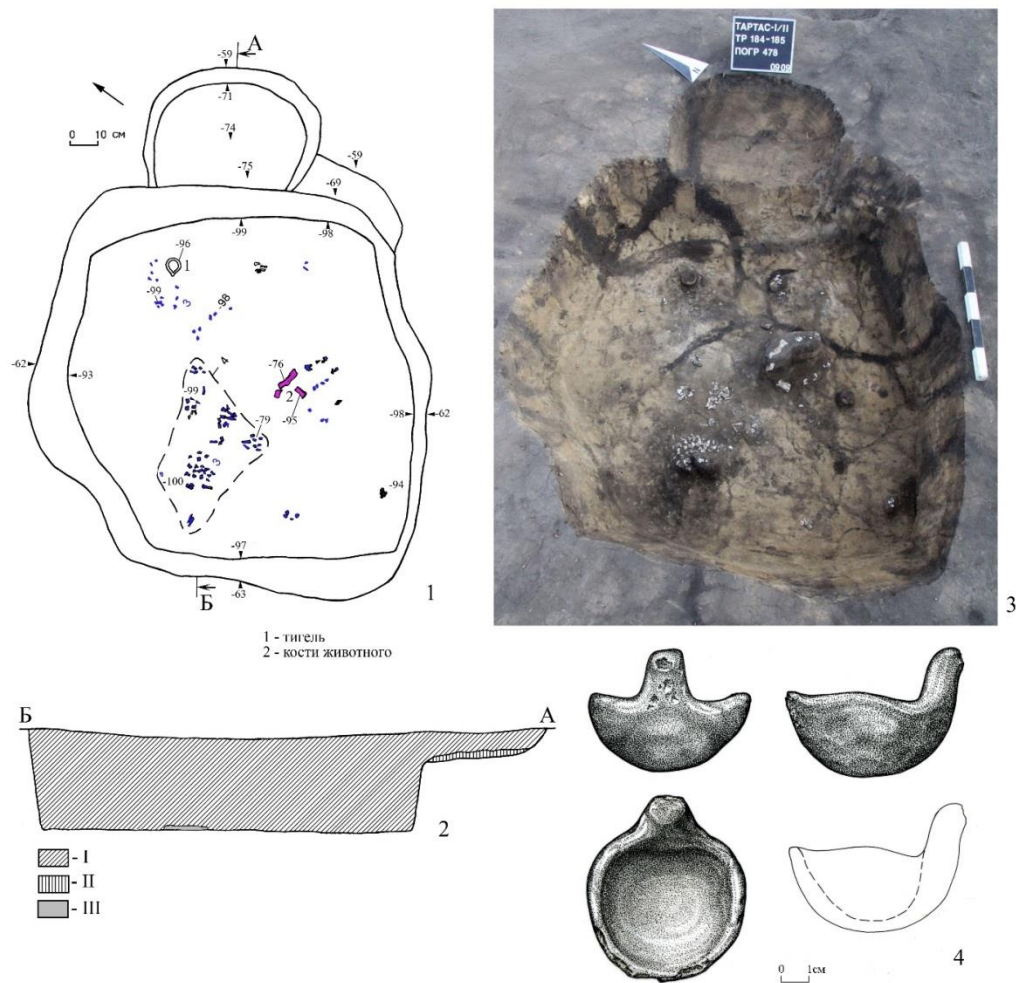

Рис. 7. Погребение № 478 могильника Таргас-1: 1 – план погребения; 2 – стратиграфический разрез, I – светло-серая мешаная почва с вкраплениями желтой супеси; II – желтая супесь; III – кости человека; 3 – фото погребения; 4 – керамический тигель

Под нижней челюстью погребенного найден обломок глиняной литейной формы для отливки двух прямоугольных в сечении шильев (см. рис. 6, 1). Рабочие камеры сохранились частично, обе они получены отпечатком модели. Форма неразъемная, одноразовая вылеплена из одного куска глины и разбита при извлечении готовых отливок, т.е. в могилу положен фрагмент уже использованного изделия (рис. 6, 2).

Погребение № 478 представляло собой вытянутый по линии СВ–ЮЗ прямоугольник (см. рис. 7, 1–3). Длина могильной ямы – 1,51 м, ширина – 1,5 м, глубина от уровня материка – 0,35 м. Стенки наклонные, дно ровное. У восточной стенки фиксируется большая ямиступенька. Ее размеры – 0,43–0,64 м, глубина – 0,12 м.

В СЗ части могильной ямы зафиксировано скопление кальцинированных костей человека. Среди фрагментов кремации определяются фрагменты ребер, части черепа и конечностей. Судя по размерам костей, погребенный, скорее всего, был подростком. Мелкие фрагменты кальцинированных костей были найдены также по всей площади могилы и в ее заполнении. В центральной части погребения обнаружены две кости животного. В северо-восточном углу могильной ямы найден круглодонный тигель с небольшим выступом сбоку, оформленным в виде головы птицы (рис. 7, 4). Сам сосуд по своей форме напоминает утку. Его диаметр – 5 см, высота – 4 см.

Полезный объем – 24,5 см³. Подобные емкости абсолютно не характерны для культур андроновской культурно-исторической общности. Вместе с тем подобные деревянные емкости, выполненные в виде фигурок водоплавающих птиц (и утки, прежде всего), хорошо известны в торфяниках Урала, относящихся, в том числе, и к периоду раннего металла. Глиняные льячки с боковой ручкой входили в литейный комплект кротовского населения Барабы. Например, подобное изделие найдено в погребении № 464 (кург. 58, мог. 65) могильника Сопка-2/4Б,В [17. С. 247. Рис. 393]. Отмеченные обстоятельства позволяют оценивать характерную находку как изделие, изготовленное под влиянием аборигенного населения, еще сохранившего автохтонные культурные традиции.

Выводы. Изделия, которые можно интерпретировать как бронзолитейное оборудование в погребениях андроновской (федоровской) культуры, встречены впервые. Как уже отмечалось, погребения этой культуры могильника Тартас-1 отличаются некоторым своеобразием, обусловленным тесным контактом с местным познекротовским (черноозерским) населением [16. С. 71]. Погребения с кузнечно-литейным инвентарем для этой культуры зафиксированы как в познекротовской (черноозерской) части могильника Тартас-1 [5. С. 28–33], так и на расположенном рядом могильнике Сопка-2/5. Такие погребения фиксируются и в более ранних, кротовских комплексах Барабы [18; 17. С. 81–82, 147, 170–172. Рис. 135–138, 256, 301], что позволяет считать их устойчивым элементом культуры аборигенного населения этой территории.

Стабильность погребального обряда напрямую зависит от того, насколько устойчива связанная с ним социальная среда. Стресс андроновского (федоровского) общества вследствие адаптации его к новым природно-климатическим условиям Барабинской лесостепи и столкновения с аборигенными этническими образованиями привел к определенной деформации погребального обряда, потере части присущих ему элементов и приобретения новых, заимствованных у местного населения. Подтверждением этого предположения является присутствие в погребениях с литейным инвентарем следов использования в ритуале рыбной пищи, что также нехарактерно для классических андроновских (федоровских) древностей.

Следует отметить, что появление черт профессиональной принадлежности в погребальной практике андроновской (федоровской) культуры было возможным только при наличии подобных социальных групп. Косвенным признаком правильности данного вывода является схожая половозрастная ситуация в андроновских и познекротовских погребениях с литейным инвентарем. Как в тех, так и в других комплексах встречаются погребения детей и подростков, что, вероятно, указывает на передачу данного социального статуса по наследству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Л.: Наука, 1978. С. 48–53.
2. Матюшенко В.И., Ложникова Г.В. Раскопки могильника у д. Ростовка близ Омска в 1966–1969 гг. // Из истории Сибири. Полевые работы 1969 г. Томск: ТГУ, 1969. Вып. 2. С. 18–34.
3. Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: АГУ, 1983. С. 96–109.
4. Беспрозванный Е.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Описание исследованных объектов некрополя Сатыга XVI // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 11–20.
5. Молодин В.И., Дураков И.А. Захоронения с литейными формами на могильнике познекротовской (черноозерской) культуры Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Археология этнография и антропология Евразии. 2018. № 2 (46). С. 26–35.
6. Чемякин Ю.П. Поселение эпохи бронзы Мирный-IV // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. Вып. 15. С. 50–55.
7. Епимахов А.В. Материалы к истории ювелирного дела (бронзовый век Южного Зауралья) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. № 1 (49). С. 82–87.
8. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М.: Восточная литература, 1994. 464 с.
9. Татаринцов С.И. Древние горняки-металлурги Донбасса. Славянск: Печатный двор. 2003. 132 с.
10. Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана. Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.
11. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский: факты и параллели. Караганда: Лисаковский, 2005. 232 с.
12. Колев Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара: СГУ, 2008. С. 208–240.

13. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент : Фан, 1991. 202 с.
14. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М. : Наука, 1967. 408 с.
15. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. М. : Наука, 1985. 376 с.
16. Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А. Рыба в погребальной практике носителей андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 3 (43). С. 59–72.
17. Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. 452 с.
18. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Molodin Vyacheslav I. Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Durakov Igor A. Novosibirsk State Pedagogical University; Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: idurakov@yandex.ru

Kobeleva Liliya S. National research Tomsk state university (Tomsk, Russia); Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

BURIALS WITH THE BRONZE-CASTING EQUIPMENT OF THE ANDRONOVO (FEDOROVO) CULTURE OF THE TARTAS-1 BURIAL GROUND (CENTRAL BARABA)

Keywords: Western Siberia; Bronze Age; Andronovo culture; burial rite; technical ceramics.

The funeral rite of the Andronovo (Fedorovo) culture is rather stable and well-studied phenomenon. Generally, in the Andronovo (Fedorovo) culture funeral rite it is not typical for burial inventory to reflect professional identity of the deceased. However, a range of burials of the Tartas-1 burial grounds contain items related to bronze-casting. It brings them closer to the so-called “burials of foundry workers” common in the Seima-Turbino culture circle.

The study of this phenomenon is far from being completed, and the number of burials of the Andronovo (Fedorovo) culture from the Tartas-1 burial ground is constantly increasing. Though, now fairly objective conclusions can be made based on the amount of the work done (327 burials studied).

The main purpose of this article is to compile the most complete list of the burials of Andronovo (Fedorovo) culture containing bronze-casting equipment with the description of the context of the findings and the establishment of cause-and-effect relationships of placing them in a burial.

There have been found four burials containing individual items of foundry equipment at the Andronovo (Fedorovo) part of the Tartas-1 burial grounds by now.

One of these items is the sash of a stone casting mold for making jewelry. The objects casted in it have a wide range of analogies in the cultures of the Srubnaya-Andronovo world.

A fragment of a clay mold for the casting of two awls rectangular in cross-section was found in the burial of a child. The form is one-piece, disposable; it was molded from one piece of clay and broken when extracting finished castings.

There were found ceramic crucibles in two burials. One of them, a round-bottomed vessel with a small protrusion on the side, was decorated like a bird's head. Similar, but wooden vessels, made in the shape of figures of water birds are well known in the peat bogs of the Urals, belonging also to the Early Metal period.

Artifacts that can be interpreted as bronze-casting equipment in the burials of the Andronovo (Fedorovo) culture have been found for the first time. The burials of this culture of the Tartas-1 burial grounds are distinguished by a certain peculiarity caused by close contact with the local Late Krotovo (Cherno-Ozerye) population. The stability of the burial rite directly depends on how stable the social environment is. The stress of the Andronovo (Fedorovo) society was the result of its adaptation to new natural and climatic conditions of the Baraba forest-steppe and facing with indigenous ethnic formations. It led to a certain changes in the burial rite, the loss of some of its inherent elements and the acquisition of new ones borrowed from the local population. It should also be noted that the appearance of features of professional affiliation in the burial practice of the Andronovo (Fedorovo) culture became possible only with the presence of such social groups.

REFERENCES

1. Bochkarev, B.C. (1978) Pogrebeniya liteyshchikov epokhi bronzy (metodologicheskiiy peresmotr) [Burials of the Bronze Age casters (methodological revision)]. In: Stolyar, A.D. (ed.) *Problemy arkheologii* [Problems of Archeology]. Leningrad: Nauka. pp. 48–53.
2. Matyushchenko, V.I. & Lozhnikova, G.V. (1969) Raskopki mogil'nika u d. Rostovka bliz Omska v 1966–1969 gg. [Excavations of the burial ground near the village of Rostovka near Omsk in 1966–1969]. In: Matyushchenko, V.I. et al. *Iz istorii Sibiri. Poleyve raboty 1969 g.* [From the history of Siberia. Field work in 1969]. Issue 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 18–34.
3. Molodin, V.I. (1983) Pogrebenie liteyshchika iz mogil'nika Sopka-2 [Burial of the caster from the burial Sopka-2]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Drevnie gorniyaki i metallurgi Sibiri* [Ancient miners and metallurgists of Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 96–109.
4. Besprozvannyi, E.M., Korochkova, O.N. & Stefanov, V.I. (2011) Opisanie issledovannykh ob'ektov nekropolya Satyga XVI [Description of the studied objects of the Satyga XVI necropolis]. In: Trufanov, A.Ya. (ed.) *Satyga XVI: seyminsko-turbinskiy mogil'nik v taezhnoy zone Zapadnoy Sibiri* [Satyga XVI: Seima-Turbinsky burial ground in the taiga zone of Western Siberia]. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy. pp. 11–20.
5. Molodin, V.I. & Durakov, I.A. (2018) Late Krotovo (Cherno-Ozere) Burials with Casting Molds from Tartas-1, Baraba Forest-Steppe. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2(46). pp. 26–35. (In Russian). DOI: 10.17746/1563-0110.2018.46.2.025-034
6. Chemyakin, Yu.P. (1974) Poselenie epokhi bronzy Mirnyy-IV [Mirny-IV Bronze Age settlement]. In: Gening, V.F. & Matyushchenko, V.I. (eds) *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Vol. 15. Tomsk: Tomsk State University. pp. 50–55.
7. Epimakhov, A.V. (2012) New Data on Bronze Age Jewelry in the Southeastern Urals. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(49). pp. 82–87. (In Russian).
8. Kuzmina, E.E. (1994) *Otkuda prishli indoarii?* [Where did the Indo-Aryans come from?]. Moscow: Vostochnaya literatura.
9. Tatarinov, S.I. (2003) *Drevnie gorniyaki-metallurgi Donbassa* [Ancient miners-metallurgists of Donbass]. Slavyansk: Pechatnyy dvor.
10. Kupriyanova, E.V. (2008) *Ten' zhenshchiny: Zhenskiy kostyum epokhi bronzy kak "tekst": po materialam nekropoley Yuzhnogo Zaural'ya i Kazakhstana* [Shadow of a woman: Female costume of the Bronze Age as a “text”: based on materials from the necropolis of the Southern Trans-Urals and Kazakhstan]. Chelyabinsk: Avto Graf.

11. Usmanova, E.R. (2005) *Mogil'nik Lisakovskiy: fakty i paralleli* [The Lisakovsky burial ground: facts and parallels]. Karaganda; Lisakovsk: Karaganda State University.
12. Kolev, Yu.I. (2008) Ivanovskaya kul'tura pozdnego bronzovogo veka: kharakteristika kul'tury i problemy issledovaniya [The Ivanovo culture of the late Bronze Age: a characteristic of culture and the problems of research]. In: Kolev, Yu.I. et al. *Aktual'ne problemy arkheologii Urala i Povolzh'ya* [Topical problems of archeology of the Urals and Volga region]. Samara: Samara State University. pp. 208–240.
13. Avanesova, N.A. (1991) *Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy Aziatskoy chasti SSSR (po metallicheskim izdeliyam)* [Culture of the pastoral tribes of the Bronze Age in the Asian part of the USSR (on metal products)]. Tashkent: Fan.
14. Salnikov, K.V. (1967) *Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala* Essays on the Ancient History of the Southern Urals]. Moscow: Nauka.
15. Potemkina, T.M. (1985) *Bronzovyy vek lesostepnogo Pritobol'ya* [Bronze age of the Near Tobol forest-steppe]. Moscow: Nauka.
16. Molodin, V.I., Durakov, I.A., Kobeleva, L.S. & Koneva, L.A. (2015) Fish in the Burial Rite of Andronovo (Fedorovka) People, Based on Tartas-1 Cemetery. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3(43). pp. 59–72. (In Russian).
17. Molodin, V.I. & Grishin, A.E. (1985) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoy kul'tury* [Monument Sopka-2 on the Om River. Cultural and chronological analysis of the Krotov culture funerary complexes]. Vol. 4. Novosibirsk: SB RAS.
18. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.

УДК 316.733(=16)(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/56/18

В. Ольшевски

ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ СИБИРСКИХ ПОЛЯКОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Дифференцированность национальной идентичности предков нынешних «сибирских поляков» обусловлена тем, что переселившиеся во второй половине XIX – начале XX в. в Сибирь поляки были выходцами из разных регионов Польши и представляли разные общественные сословия. Политика недопущения компактного проживания крупных скоплений поляков способствовала утрате ими своей национальной идентичности, быстрее других – польскими крестьянами Сибири. Перемещение «сибирских поляков» из деревни в город привело к смешению традиций, появлению разных моделей «польскости», что отражает многообразие самоназваний: поляки, поляки-россияне, сибирские поляки, сибиряки, русские с польскими корнями.

Ключевые слова: «сибирские поляки»; динамика и трансформация идентичности.

Считается, что польская диаспора в мире насчитывает около 20 миллионов человек. По отношению к почти 39 миллионам жителей Польши это весьма внушительная часть (больше половины)¹. Неудивительно, что эта диаспора рассматривается как явление важное для нации и государства и становится предметом многих научных исследований, проводимых польскими историками, антропологами культуры, социологами и представителями других дисциплин. После Второй мировой войны сложившиеся на Западе крупные польские диаспоры снова начали поддерживать интенсивные контакты с Польшей начиная с 1970-х гг. С этого времени они также становятся в Польше предметом научного анализа. Контакты с польскими группами, проживавшими на территории Советского Союза, до 1990-х гг. были ничтожными, а немногочисленные научные работы на эту тему ограничивались скупой информацией главным образом исторического характера, касающейся ссыльных поляков царских времен. После перестройки и распада Советского Союза в Польше исчезла проблема недостатка сведений и ограниченным доступом исследователей к ситуации, связанной с положением польских диаспор, оказавшихся после Второй мировой войны на землях, утраченных Польским государством. Польские и российские историки, нередко при активном сотрудничестве друг с другом, развернули также широкий фронт исследований истории поляков в местах ссылки – в Сибири и Казахстане [4–11 и др.]. При этом, однако, слабо изученным оставалось современное положение поляков на этих территориях, включая вопросы развития их культуры и идентичности, поскольку преимущественное внимание уделялось историческому прошлому.

Между тем проблемы современного положения польских диаспор на местах прежней ссылки – это отнюдь не чисто научные проблемы (к слову сказать, в современном Казахстане их решение оказалось более продвинутым и успешным, чем в Сибири). Во-первых,

польские диаспоры за границами Польши рассматриваются как культурный и экономический мост, связывающий нашу страну с государствами, в которых эти диаспоры проживают. Во-вторых, существование польских диаспор на территориях бывшего Советского Союза до сих пор остается важным элементом в польском национальном сознании. В рамках этого национального сознания сталкиваются представления о «поляках с Востока» (нередко основанные на исторических мифах и устоявшихся стереотипах) с той реальностью, в частности в культурной сфере, которая выявляется при непосредственных контактах жителей Польши с «поляками с Востока», особенно в тех случаях, когда последние приезжают навсегда («возвращаются» на основе репатриации) в Польшу; такие столкновения вызывают множество недоразумений. Приезжие («репатрианты») кажутся многим людьми слишком мало польскими, слишком сильно русскими (см. об этом: [12, 13]). Я специально останавливаюсь на этом, чтобы подчеркнуть, что проблемы идентичности «сибирских поляков» важны не только для российских, но и для польских исследователей. И те и другие обратились к данным проблемам. В России они стали частью исследований широкой проблематики сибирской идентичности (см.: [14]). В Польше эти вопросы поднял Сергиуш Леончик в своей докторской диссертации [11]. В ближайшие годы должны быть завершены еще две кандидатские, написанные под моим руководством (в рамках польско-российского сотрудничества), посвященные вопросам идентичности представителей польской диаспоры в Сибири. Тем не менее, до сих пор мы не можем сказать, что знаем эти проблемы достаточно хорошо. Поэтому настоящий текст – это, скорее, введение в проблему, нежели окончательный диагноз.

Исходное положение. Идентичность современных «сибирских поляков» невозможно исследовать в отрыве от идентичности их предков, живших в Сибири во вто-

рой половине XIX и в начале XX в.² Хотя польская национальная идентичность – в современном значении этого слова – формировалась уже в Средние века, однако даже на рубеже XIX–XX вв. она еще не охватывала все общество. Польская шляхта, игравшая роль национального лидера, включала в свои ряды и без труда ассимилировала представителей дворянства других народов; вплоть до январского восстания (1863 г.) она была не в состоянии подняться над представлениями о собственной классовой (сословной) исключительности и распространить понятие национальной идентичности на все общественные группы. Этот процесс начался и усилился лишь в конце XIX в. стараниями интеллигенции, происходившей первоначально в своем большинстве также из дворянского сословия. Эта интеллигенция сменила шляхту в роли национального лидера. В тот период, когда основная группа предков нынешних «сибирских поляков» появилась в Сибири (точнее, в России), идентичность населения, которое условно назовем «польским», имела крайне сложный и дифференцированный характер. Здесь были группы, главным образом крестьяне, с сильно выраженной консервативной этнической идентичностью, основанной на приверженности к образцам традиционной культуры, внедрением которых занимались местные авторитеты. Большинство, однако, составляли люди с сильной, высоко развитой национальной идентичностью, которая была связана с активным, творческим, сознательным участием в развитии общей национальной культуры, в реализации целей, поставленных национальными лидерами³. Это большинство уже охватывало в тот период и шляхту, и преобладающую часть буржуазии и рабочего класса, а также значительную часть крестьянства. Однако и их коснулись динамические процессы в сфере развития идентичности, имевшие место в Европе на рубеже XIX и XX вв. После возрождения Польского государства (Речи Посполитой) в 1918 г. оказалось, что нередко близкие родственники, даже братья, члены одной семьи обладают разной национальной идентичностью (среди известных семей, сыгравших видную роль в политической и культурной жизни страны, можно привести в качестве примеров семью Милошов, семью Ромеров, в которых оказались люди с польской и с литовской идентичностью, или семью Шептыцких, представители которой разделились на поляков и украинцев). Важно также иметь в виду, что поляки, оказавшиеся в Сибири на рубеже веков, были в культурном измерении неоднородны также в зависимости от региона их происхождения, и это касалось всех общественных групп, не только крестьян.

Почти до самого конца XIX в. поляки, прибывавшие в Сибирь – в качестве ссыльных или экономических мигрантов – были людьми с сильной и прочной национальной идентичностью. Те из них, кому удавалось успешно проводить предпринимательскую деятельность, основывали в Сибири Польские Дома и другие организации благотворительного и культурного харак-

тера, помогали ссыльным соотечественникам. Сами ссыльные создавали неформальные товарищества, стремившиеся к сохранению status quo в области культурной польской идентичности, к сохранению, как это часто формулировалось, «национального достоинства» поляков (Я в данном случае не вхожу в детали, связанные с различным положением ссыльным, определяемым, в частности, разной степенью тех наказаний, какие на них были наложены – на эту тему писали А. Кучинский [4], С.А. Мулина [8] и другие авторы).

Российские власти заботились о том, чтобы в Сибири не возникли слишком большие очаги скопления поляков, чтобы польское население было как можно больше рассредоточено по разным местам и регионам, что в значительной мере мешало сохранению чувства и сознания «польскости». К этому еще добавлялась широкая палитра преследований, притеснений, различных способов заставить поляков отказаться от польской идентичности (так, ломались служебные карьеры тех польских чиновников и военнослужащих, которые отказывались перейти в православную веру и сохраняли верность католическому вероисповеданию). Однако сила этой группы заключалась в конструировании идентичности, опирающейся на сознательное, активное участие в развитии национальной культуры. Представители этой группы брали на себя роль культурных лидеров. В такой роли, прежде всего, выступали поляки, которым в Сибири удалось добиться успехов на экономическом поприще, а также некоторые (немногочисленные) ксендзы и руководители неформальных объединений ссыльных. В этой группе шел процесс формирования идентичности, которая не требовала обращения к традиционным культурным образцам.

Иначе выглядела ситуация, связанная с пониманием «польскости» в среде крестьян, переселенных в Сибирь принудительно или добровольно (в рамках столыпинской программы колонизации восточных территорий). Эти люди приезжали сюда из разных регионов Польши; они были носителями разных культурных традиций, а также разных форм и типов польской идентичности – от преимущественно этнической до сильно выраженной национальной. Заброшенные в российские регионы, оказавшиеся в окружении русской этнической среды и культуры, они были крайне слабо связаны с католической церковью, с другими группами польской диаспоры, а порой и вовсе не имели никаких связей такого рода. Роль лидеров здесь естественно принадлежала местным деревенским авторитетам, обычно людям старшего поколения, наиболее опытным в профессиональных и житейских делах. Однако в действительности им трудно было играть эту роль, поскольку новая общественно-культурная ситуация и новая среда, в которой они оказались, требовали новых практических компетенций, которыми эти старые авторитеты не обладали. Таким образом, их роль уменьшалась, особенно в ситуации естественно усиливавшихся контактов с непольским окружением, в условиях совместной жизни

польских переселенцев с этим населением. Отсутствие высоких языковых барьеров между поляками и русскоязычным населением Сибири способствовало интенсивному процессу ценностного обмена, причем в этом процессе польское меньшинство оказывалось в более слабой позиции и постепенно утрачивало свой родной язык. Крестьянская (деревенская) часть сибирской колонии (польской диспоры) легче теряла не только родной язык, но и собственную идентичность (см. об этом: [11]). На этом фоне выделяется последняя, еще существующая в Сибири польская деревня Вершина (Wierszyna). Она была заселена поляками с уже сформировавшейся национальной идентичностью, а культурные и языковые различия между ними и окружающим бурятским населением предохраняли польских переселенцев от ее потери.

Советский период. Национальная политика Советского государства была изменчива – так же, как его отношение к польской диаспоре в Советском Союзе. Связанный с этим широкий круг вопросов, находящихся как в правовой, юридической сфере, так и в сфере культуры (в последнем случае, правда, в меньшей степени), хорошо известен и глубоко исследован и российской, и польской наукой.

Здесь я хотел бы, однако, обратить внимание на три момента, важных для процессов формирования идентичности в современной польской диаспоре в Сибири. Первый момент – это репрессии 1937–1938 гг., когда сам факт признания человеком своей польской идентичности мог оказаться небезопасным для его жизни. Второй – ликвидация так называемых неперспективных деревень: в рамках этой кампании было уничтожено большинство из тех 60 польских деревень, которые существовали в Сибири (см.: [11]). Третий – это общая мобильность населения в Советском Союзе, вызванная, между прочим, задачами развития науки и ситуацией на рынке труда (см. об этом: [14]).

Современность. Кто сегодня есть «сибирский поляк» и что он собой представляет? Как кристаллизовалась его идентичность? С. Леончик (Leończuk) в своих исследованиях утверждает, что за советский период национальная идентичность польских жителей сибирской деревни значительно ослабела [11]. В свою очередь, российские историки, занимающиеся поляками Сибири, шутят, что найти сегодня жителя Сибири, у которого не было бы польских корней, так же трудно, как найти в Польше семью, где не было бы своего «сибиряка» (ссылного, жившего в Сибири). Это подтверждают и мои исследования. Многие, даже, можно сказать, большинство известных мне жителей Сибири,

независимо от того, какова их нынешняя национальная идентичность, с гордостью сообщали мне о том, что среди их предков был польский шляхтич, обычно ссыльный – участник январского восстания 1863 г. Если вспомним, что передача детям такого рода семейной памяти о происхождении предков была в свое время делом небезопасным, то тем более мы должны оценить силу национальной идентичности участников этого восстания, привлекательность тех культурных образцов, какие с ними ассоциировались, в глазах их наследников. Ныне в Сибири действует 20 польских общественных организаций [18], которые в своих названиях декларируют польскую идентичность или хотя бы (как в случае с Енисейским объединением) признание «польских корней». Эти организации выполняют ныне роль национальных лидеров.

Ликвидация «неперспективных деревень» стала причиной переселения большинства их жителей в большие города. В них, прежде всего в Омск, Томск, Новосибирск, прибыла также группа поляков, мигрирующих в границах бывшего СССР или нынешней Российской Федерации в поисках работы или места обучения. В этих городах и формирующихся в них польских общественных организациях, можно сказать, встретились и объединились все – потомки бывших ссыльных, добровольных переселенцев, дворян (шляхты), крестьян, военнослужащих, предпринимателей, чиновников, потомки тех, кто против их воли оказался в границах СССР и попал сюда в результате разного рода политических пертурбаций. Вступая в польские общественные организации, работая в них, они соединяют свои (разные) представления о «польскости», свои образцы идентичности и формируют новое культурное качество – сибирского поляка. Это качество отнюдь не тождественно той «польскости», какой обладают граждане Польши, или какая, к примеру, характерна для самосознания представителей польской диспоры в США. Это совершенно новое культурное явление, причем, надо особо подчеркнуть, явление не однородное, а дифференцированное. Так кто же такой сегодня «сибирский поляк»? Ответы, в зависимости от подходов, различные: просто поляк; поляк-россиянин; сибирский поляк; русский (россиянин), сохранивший память о своих польских предках; сибиряк. В чисто теоретическом плане, с точки зрения антропологов, это чрезвычайно интересный случай, подлежащий исследованию. В культурном и политическом контексте сибирские поляки при всей их «разности», как раз благодаря этой разнородности, формируют сегодня культурный мост, связывающий Россию и Польшу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Актуальные данные о численности поляков в разных странах [1–3].

² Предки менее значительной части сибирских поляков попали сюда позднее, уже в период существования Советского Союза, в частности, в ходе Второй мировой войны.

³ Здесь я очерчиваю упрощенно проблемы, которые нашли более широкое и детальное освещение в моих прежних публикациях на русском языке [15, 16] и который я также посвятил отдельную книгу, изданную в Польше [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Liczebność Polonii na Świecie (Число поляков, живущих в мире). URL: <http://www.polskiinternet.com/poland/polonialiczba.shtml> (дата обращения: 25.09.2018).
2. Polska w liczbach (Польша в цифрах). URL: <http://www.polskawliczbach.pl/> (дата обращения: 25.09.2018).
3. Polonia na świecie – największe ośrodki polonijne (Полония в мире – крупнейшие польские центры). URL: <http://www.polonia2002.pl/polonia-na-swiecie.html> (дата обращения: 25.09.2018).
4. Kuczyński A., Syberia. Cztery lata polskiej diaspory. Warszawa : Wspólnota Polska, 1995.
5. Kuczyński A., Polacy w Kazachstanie. Zesłania, dziedzictwo, nadzieje powroty. Krzeszowice : Kubajak, 2014.
6. Śliwowska W., Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa : DiG, 1998.
7. Śliwowska 2005, Śliwowska W., Ucieczki z Sybiru. Warszawa : Wydawnictwo Iskry, 2005.
8. Мулина С.А., Мигранты поневоле. Адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб. : Алетея, 2012.
9. Шостакович Б.С. Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.). Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. М. : МИК, 2015.
10. Островский Л.К., Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : Сибстрин, 2016.
11. Leończyk S. Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku. Warszawa : Kulturalno-Narodowa Organizacja Społeczna „Polonia” Republiki Chakasja, 2017.
12. Książek 2018 Książek J., Problemy integracyjne niemieckich przesiedleńców z Rosji w Niemczech // Etnografia Polska. 2004. Vol. 48, № 1–2. С. 197–219.
13. Książek J., Stamtąd-tu. Obrazy tożsamości kazachstańskich Polaków w kontekście repatriacji. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2018.
14. Жигунова М.А., Концепт «сибиряк»: современные трактовки и образы // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. М. : ИЭА РАН, 2018. С. 351–368.
15. Ольшевский В. Культурная идентичность: избранные аспекты // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. Омск : Полиграфический центр КАН, 2011. С. 68–87.
16. Ольшевики В. Историко-культурный контекст отношения поляков к жителям Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 80–85.
17. Olszewski W. Tożsamość kulturowa Kresów w humanistycznym nurcie polskiej myśli etnologicznej do roku 1939. Toruń : Wydawnictwo Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2007.
18. Organizacje polonijne w Irkuckim Okręgu Konsularnym (Польские организации в Иркутском консульском округе). URL: https://irkuck.msz.gov.pl/pl/wspolpraca_dwustronna/polonia_na_syberii/organizacje_polonijne/organizacje_polonijne (дата обращения: 25.09.2018).

Olszewski Wojciech. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); Nicolaus Copernicus University (Toruń, Poland).

E-mail: wojol@umk.pl

TRANSFORMATION OF THE IDENTITY OF THE SIBERIAN POLES: THEORETICAL AND HISTORICAL-CULTURAL ASPECTS

Keywords: "Siberian Poles"; the dynamics and transformation of identity.

The Polish diaspora in Siberia is the subject of scientific interests of both Polish and Russian scientists. Their research, sometimes conducted jointly, has so far focused on the study of the historical past of the "Siberian Poles". This article addresses the less studied problems associated with the development of the cultural identity of Siberian Polish diaspora - polonia in modern conditions.

The strength and quality of national identity among the ancestors of the current "Siberian Poles" that appeared on this land in the second half of the XIX and early XX centuries were very different; they were still in the process of dynamic formation not only in Siberia, but even on the territory of Poland itself. Most Poles already had a strong national identity; their Polish identity was associated with active and conscious participation in the development of a common national culture and in realizing the goals formulated and set before the people by the national leaders. However, part of Polish society, mainly the peasant mass, had a more conservative identity, based on the repetition of traditional patterns and patterns, which local authorities cared about. Migrants to Siberia, both voluntary and involuntary, that is, brought here in exile by force, also differed widely by region of origin, by language, education, belonging to different social strata.

The Russian authorities did not allow the formation of large clusters of Poles in Siberia - their compact residence in one place. It was one of the factors that contributed to the Russification of the "Siberian Poles".

Quicker than others the Polish peasants who have turned out to be in Siberia lost national identity due to the very nature of (cultural design) of this identity. In addition, the former local authorities who found themselves in Siberia in the new natural, socio-cultural and political conditions, they were unable to successfully act as leaders. The liquidation of most of the 60 Polish villages in Siberia (as supposedly "unpromising") during the Soviet period, as well as the increased mobility of the population in the USSR and modern Russia have led to the movement of a significant part of the "Siberian poles" from village to city, especially in such large cities as Omsk, Tomsk, Novosibirsk, where the majority of them lives today.

Here were the descendants of exiled and voluntary settlers, descendants of nobles (shlyaxta), peasants, military personnel, officials and those who came to the USSR against their will as a result of political perturbations. Living side by side and cooperating with each other, first of all in the Polish social organizations formed in Siberia under the conditions of "Perestroika" Polish public organizations, the number of which is now measured by two tens, they contribute to the convergence and connection with each other completely different models of "Polishness" (ideas about their own identity), the carriers of which they are.

Thus, a special, qualitatively new culture is formed, uniting people who call themselves: "Poles", "Poles-Russians", "Siberian Poles", "Siberians", "Russians with Polish roots".

This diversity makes it possible for Siberian polonia to perform the functions of a bridge between cultures, connecting Poland with Russia today.

REFERENCES

1. Polskiinternet.com. (2013) *Liczebność Polonii na Świecie* [The number of Poles living in the world]. [Online] Available from: <http://www.polskiinternet.com/poland/polonialiczba.shtml>. (Accessed: 25th September 2018).

2. Polskawliczbach.pl. (n.d.) *Polska w liczbach* [Poland in numbers]. [Online] Available from: <http://www.polskawliczbach.pl/>. (Accessed: 25th September 2018).
3. Polonia2002.pl. (n.d.) *Polonia na świecie - największe ośrodki polonijne* [Polonia in the world – the largest Polonia centers]. [Online] Available from: <http://www.polonia2002.pl/polonia-na-swiecie.html>. (Accessed: 25th September 2018).
4. Kuczyński, A. (1995) *Syberia. Czteryście lat polskiej diaspory* [Siberia. Four hundred years of Polish diaspora]. Warsaw: Wspólnota Polska.
5. Kuczyński, A. (2014) *Polacy w Kazachstanie. Zesłania, dziedzictwo, nadzieje powroty* [Poles in Kazakhstan. Exiles, heritage, hopes turns]. Krzeszowice: Kubajak.
6. Śliwowska, W. (1998) *Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku* [Polish exiles in the Russian Empire in the first half of the 19th century]. Warsaw: DiG.
7. Śliwowska, W. (2005) *Ucieczki z Sybiru* [Escape from Siberia]. Warsaw: Wydawnictwo Iskry.
8. Mulina, S.A. (2012) *Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri* [Involuntarily migrants. Adaptation of the exiled participants of the 1863 Polish uprising in Western Siberia]. St. Petersburg: Aleteya.
9. Shostakovich, B.S. (2015) *Fenomen pol'sko-sibirskoy istorii (XVII v. – 1917 g.). Osnovnye aspekty sovremennykh nauchnykh traktovok, rezul'tatov i zadach dal'neyshey razrabotki temy* [The phenomenon of Polish-Siberian history (the 17th century – 1917). The main aspects of modern interpretations, results and objectives of the further development of the topic]. Moscow: MIK.
10. Ostrovskiy, L.K. (2016) *Polyaki v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – pervoy chetverti XX v.* [Poles in Western Siberia in the late 19th – first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: Sibstrin.
11. Leończyk, S. (2017) *Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku* [Polish rural settlement in Siberia in the second half of the 19th and early 20th centuries]. Warsaw: Cultural-National Community Organization "Polonia" of the Republic of Khakassia.
12. Książek, J. (2018) Problemy integracyjne niemieckich przesiedleńców z Rosji w Niemczech [Problems of integrating the displaced Germans from Russia in Germany]. *Etnografia Polska*. 48(1-2), pp. 197–219.
13. Książek, J. (2018) *Stamtąd - tu. Obrazy tożsamości kazachstańskich Polaków w kontekście repatriacji* [Stamtąd - here. Images of the identity of Kazakh Poles in the context of repatriation]. Toruń: Nicolaus Copernicus University.
14. Zhigunova, M.A. (2018) Kontsept "sibiryak": sovremennye traktovki i obrazy [The concept of "Siberian": modern interpretations and images]. In: Guboglo, M.V. (ed.) *Algoritmy chelovechnosti. Opyt antropologicheskogo issledovaniya* [Algorithms of Humanity. Experience of Anthropological Research]. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology, RAS. pp. 351–368.
15. Olszewski, W. (2011) Kul'turnaya identichnost': izbrannye aspekty [Cultural identity: Selected aspects]. In: Zhigunova, M.A. & Danchenko, E.M. (eds) *Naselenie Sibiri: mezhnatsional'nye otnosheniya, obrazovanie i kul'turnaya identichnost'* [Population of Siberia: interethnic relations, education and cultural identity]. Omsk: KAN. pp. 68–87.
16. Olszewski, W. (2016) Historical and cultural contexts of Poles' attitudes towards the inhabitants of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42), pp. 80–85. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/14
17. Olszewski, W. (2007) *Tożsamość kulturowa Kresów w humanistycznym nurcie polskiej myśli etnologicznej do roku 1939* [Kresów cultural identity in the humanistic trend of Polish ethnological thought until 1939]. Toruń: Nicolaus Copernicus University.
18. Consulate General of the Republic of Poland in Irkutsk. (n.d.) *Organizacje polonijne w Irkuckim Okręgu Konsularnym* [Polish organizations in the Irkutsk Consular District]. [Online] Available from: https://irkuck.msz.gov.pl/pl/wspolpraca_dwustronna/polonia_na_syberii/organizacje_polonijne/organizacje_polonijne. (Accessed: 25th September 2018).

УДК 39(571.1).5
DOI: 10.17223/19988613/56/19

О.М. Рындина, С.Ю. Колесникова, В.М. Кулемзин

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В САМОДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ: КАЛЕНДАРЬ И НАРТА

Реконструируются представления о времени и пространстве, сформировавшиеся в недрах самодийских культур, с позиции интерпретативной антропологии. Методологию составили положения о специфике мифологического мышления, в котором абстрактные понятия оказываются «вклеенными» внутрь образов конкретных предметов, явлений, событий. Анализировались объективированные и субъективированные формы культуры – единицы языка, обычаи, обряды, традиционные верования, фольклор, проза национальных писателей. В центре внимания авторов оказались традиционный календарь селькупов и нарта ненцев. Применительно к первому прослежен процесс формирования абстрактных понятий и представлений о времени и показано, что в основе календаря лежит принцип цикличности и соотношения выделяемых циклов с конкретными явлениями природы и культуры. Многозначность образа нарты вместила в себя базовые представления о пространстве: движении как его определяющем атрибуте, пульсирующем характере, неоднородности, социальной стратифицированности; связи со временем, природным и социальным.

Ключевые слова: специфика мифологического мышления; этническая картина мира; традиционный календарь селькупов; ненецкая нарта.

Реконструкция этнической картины мира и ее отдельных фрагментов принадлежит к числу наиболее востребованных сегодня направлений анализа в этнологии. С разной степенью результативности оно опробовано при исследовании культур практически всех коренных народов Сибири. Важнейшими элементами картины мира служат представления о времени и пространстве. Задача настоящей статьи – попытаться проникнуть в эти представления, сформировавшиеся в недрах самодийских культур, встав на позиции интерпретативной антропологии. Ее задачу основатель направления К. Гирц видел «не в том, чтобы дать нам ответ на самые сокровенные наши вопросы, но в том, чтобы дать нам доступ к ответам других» [1. С. 40].

Для каждой культуры характерна своя иерархия смыслов и ценностей, выраженная в символической форме, поэтому перевод языка одной культуры на язык другой требует серьезной методологической базы. Проблема «перевода» обостряется при обращении к традиционным обществам, мировосприятие которых определялось иным типом мышления, обладающим в современном научном дискурсе широким кругом наименований – архаичное, традиционное, мифологическое, мифопоэтическое. Проблема его специфики и характерных черт волновала многих исследователей, но наиболее фундаментальные разработки принадлежат Л. Леви-Брюлю и Л. Леви-Стросу. Ни в коей мере не претендуя на полноту историографического анализа, остановимся на тех положениях в их работах, которые представляются наиболее важными для реконструкции этнической картины мира.

Французский философ и психолог Л. Леви-Брюль четко обозначил и разработал проблему специфики первобытного мышления. До него с подачи эволюционистов, и прежде всего Э. Тэйлора, утвердилось положение, согласно которому первобытный человек мыслил так же логически, как и современный. Л. Леви-

Брюль исходил из тезиса об их принципиальном отличии: «Первобытные люди смотрят теми же глазами, что и мы, но воспринимают они не тем же сознанием, что и мы» [2. С. 35]. Согласно концепции ученого, современное мышление состоит из трех видов «фактов»: эмоциональных, моторных (волевых) и интеллектуальных (понятий, свойственных коллективным представлениям). Первобытное же сознание малодифференцировано: коллективные представления смешаны в нем с элементами эмоционального и волевого порядка. Пояснения Л. Леви-Брюля выглядят следующим образом: «...религиозный человек нашего общества верит в две системы, в два мира реальностей: один – видимый, осязаемый, подчиненный неизбежным законам мышления, другой – невидимый, неосознанный, “духовный”. Последний образует как бы мистическую сферу, которая окружает мир физический. Для первобытного мышления не существует двух таких миров, соприкасающихся друг с другом, отличных, но вместе с тем связанных, более или менее проникающих друг в друга. Для первобытного мышления существует только один мир. Всякая действительность мистична, как и всякое действие, следовательно, мистично и всякое восприятие» [2. С. 55].

Мистические ассоциации, по Л. Леви-Брюлю, возникают вследствие действия особого принципа первобытного мышления, который исследователь назвал «законом партиципации»: «Предметы, существа, явления могут быть одновременно и самим собой, и чем-то иным: они излучают и воспринимают силы, способности, качества, мистические действия, которые ощущаются вне их, не переставая пребывать в них» [2. С. 62]. Наделение человеческим сознанием вещей и явлений силами и способностями, которыми они объективно не обладают, лежит в основе таких понятий, присущих современному научному дискурсу, как антропоморфизация и атрибутизация. Указанная специфика архаич-

ного мышления стала основанием для выделения такой ранней формы религиозных верований, как фетишизм.

Следствием действия закона партиципации, по Л. Леви-Брюлю, стало отсутствие у первобытного мышления, в отличие от современного, стремления избегать противоречия, допущение сосуществования противоположностей через обращение к мистическим силам и качествам. В отличие от современной логики, для первобытной Я = не-Я [2. С. 64], т.е. человек равен тени, одежда – шкуре, бубен – оленю и т.д.

Согласно закону партиципации, указывал Л. Леви-Брюль, своеобразно истолковываются природа и опыт ее познания, овладения ею. Они мыслятся как формы передачи сакральных и несакральных свойств различным предметам, существам, действиям с помощью различных способов – прикосновения, переноса, воздействия на расстоянии и др. [Там же. С. 82]. Иллюстрирует положение сюжет, распространенный в мифологии различных народов, о превращении людей в животных и наоборот с помощью надевания / снятия их одежды / шкуры. Герой сказки может превратиться в любое существо, трижды ударившись о землю.

Проявлением закона партиципации, по Л. Леви-Брюлю, служит и особая интерпретация причинности происходящих событий, точнее, подмена причинности последовательностью действий: «После этого – значит, вследствие этого» [Там же. С. 59]. Все стихийные бедствия, напасти, несчастья объявлялись следствием нарушения табу, религиозных предписаний, действием потусторонних сил. Поскольку для первобытного человека едины видимый и невидимый миры и события первого зависят от второго, возникает стремление вступить в контакт с потусторонними силами, чтобы избежать нежелательных последствий или гарантировать благоприятный исход событий [Там же. С. 339]. Подобная установка объясняет вседавящую роль магии в традиционной культуре.

Важнейшим для настоящего исследования является положение Л. Леви-Брюля о том, что первобытному мышлению присущи и особые способы образования понятий. Во-первых, оно классифицирует на основе мистических свойств, поскольку главное внимание уделяет признакам, связывающим видимые предметы с невидимыми силами. Во-вторых, оно производит обобщение в форме «предассоциаций коллективных представлений», когда понятие заменяет предмет. Например, фраза «часть вместо целого» будет звучать так: «олень есть перо» [Там же. С. 107, 104].

Поскольку первобытное мышление опирается на своеобразную логику, Леви-Брюль назвал его пралогическим, специально оговорив, что его концепция касается лишь коллективных представлений, а индивидуальные представления первобытного человека подчинены законам формальной логики, как и современного. Более того, ученый утверждал, что мифологическое мышление сохраняется и у современного человека наряду с рациональным, научным [2. С. 54, 368–369].

Концепция Леви-Брюля вызвала шквал критики, прежде всего, за то, что он мистифицировал первобытное мышление, лишил его рациональной логики. С наиболее резких позиций выступил французский этнограф и культуролог К. Леви-Строс, предложивший иную трактовку соотношения первобытного и современного мышления. Согласно его концепции в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в научном: «Прогресс... произошел не в мышлении, а в том мире, в котором жило человечество» [3. С. 207]. Для первобытного и современного человека характерна единая структура разума, упорядочивающая восприятие окружающего мира. Эта структура основана на классификации по принципу бинарных оппозиций А – не-А: черное – белое, верх – низ, правое – левое, мужское – женское. При этом базовой оппозицией выступает природа – культура. Таким образом, по мнению К. Леви-Строса, первобытное мышление работает с помощью оппозиций и различий, а не смешения и сопричастия, как утверждал Л. Леви-Брюль [4. С. 325].

К. Леви-Строс утверждал, что первобытный разум действует на пути рассудка, а не чувств, аффекта. Он доказал, что прекрасное знание окружающей природы порождало «туземные классификации» растений и животных такого уровня, который сопоставим с современными научными классификациями в ботанике и зоологии [Там же. С. 146–148].

К. Леви-Строс категорически отрицал тезис о неспособности первобытного мышления к абстрагированию. По его мнению, мифологическое мышление, хотя и привязано к конкретным образам, может быть и обобщающим, способным действовать посредством аналогий и сопоставлений. Правда, мифологическая рефлексия находится на полпути между перцептами (единицами восприятия) и концептами / понятиями (единицами мышления), а посредником между образом и понятием становится знак – материальный предмет, выступающий в роли другого предмета, явления или события и служащий для передачи информации. Первобытное сознание не только «говорит» с вещами, но и с помощью вещей, и абстрактные понятия оказываются «вклеенными» внутрь конкретных образов [Там же. С. 127–128, 130, 322].

Механизм превращения конкретного образа / перцепта в абстрактный, т.е. понятие / концепт, на примере «олень» прекрасно продемонстрировала Г.Н. Грачёва. Этот механизм задействован на лексическом уровне через словообразовательную морфему «нго». Ее добавление к названию переводит конкретный образ в обобщенный, очерчивающий границы определенного вида предметов или явлений. Фраза «олень-мать-нго пасется в стаде оленей» означает, что конкретный олень, пасущийся в стаде, принадлежит ко всему виду оленей [5. С. 72–74]. Подобное свойство первобытного мышления окольно постигать истину путем использования не специальных средств, т.е. понятий, а подручных средств, т.е. знаков, связанных с

конкретными образами, Леви-Строс назвал «бриколажем» [4. С. 126].

Концепция Леви-Строса тоже была подвергнута критике, прежде всего за отсутствие в ней исторической динамики. Вместе с тем в науку XX в. прочно вошел тезис о специфике первобытного мышления по сравнению с современным и о сосуществовании того и другого в современном человеке. Характерные черты этого мышления излагаются с опорой на работы Л. Леви-Брюля и К. Леви-Строса [6. С. 164–169]. Их положения дополняют друг друга, характеризуя разные аспекты синкретичного первобытного мышления, которому были присущи и мистификация, и рационализм.

С точки зрения теоретико-методических оснований для реконструкции этнической картины мира, базирующейся на первобытном мышлении, особую важность имеет положение, общее для Л. Леви-Брюля и К. Леви-Строса, о выражении обобщенных понятий посредством образов конкретных предметов. Иными словами, смыслообразующие абстрактные категории, и прежде всего пространство и время, мыслятся здесь и выражаются с помощью вещей. К этому выводу пришла и Г.Н. Грачёва, осуществив тонкую, корректную и научно выверенную реконструкцию традиционного мировоззрения нганасан. Его рассмотрение «сигнализирует о формировании представлений на основе связи предметов и явлений в процессе их совместного действия. Эти предметно-действенные связи обнаруживаются в представлениях о природе и человеке, совершенно слитом в этих связях с природой». Организация мира идет по пути этих связей. Сознание выступает как осознание связей [5. С. 148].

Опираясь на язык вещей, попытаемся осуществить мировоззренческие реконструкции, сфокусировав внимание на селькупском календаре и ненецкой нарте. При этом анализироваться будут объективированные и субъективированные формы культуры – единицы языка, обычаи, обряды, традиционные верования, фольклор, проза национальных писателей, поскольку, согласно К. Леви-Стросу, этнограф обобщает данные, относящиеся к подсознательным основаниям социальной жизни [3. С. 25].

Начнем с традиционного календаря селькупов. В качестве составляющих его отрезков времени фигурируют день, ночь, месяц, сезон, микросезон, год. Рассмотрим их номинацию, чтобы проследить процесс формирования абстрактных понятий и представлений о времени.

Селькупам XVIII–XIX вв. было знакомо понятие «день», о чем говорят многочисленные словарные данные. У всех диалектных групп для обозначения этого понятия использовалось слово «*tel*» (и его варианты). Наряду с интерпретацией этого слова как «день» существуют еще значения – «солнце», «свет», «освещение». Таким образом, лексика демонстрирует установление связи между светлым промежутком времени и появлением солнца, их отождествление. Название конкретно-

го объекта природы переносится на соответствующий промежуток времени и обозначает его, выражая уже обобщенное понятие. Затем указанную временную длительность используют для измерения других отрезков времени, и понятие «день» превращается в абстрактное – единицу измерения времени. Описанный процесс во многом носил универсальный характер. По крайней мере, он охватил круг древнейших народов Сибири и Евразии. Так, слово со значением «день» принадлежит уральскому лексическому пласту [7. С. 96]: **jelä* – «свет, день, солнце» (< ностр. **jūla* – светлый [8. С. 281–282]). На индоевропейском уровне для однокоренных слов со значением «день» реконструируется единый корень – **di* – «светить» [9. С. 178–179].

Чувственное восприятие на уровне ощущений лежит в основе формирования понятия «ночь» как отрезка времени. Самодийское слово **pi* – «ночь» – образовано от уральского корня со значением «темный, темнеть». По мере усиления в мировосприятии процесса категоризации в традиционном сознании произошло его отождествление с темным временем суток и превращение в обобщенное понятие.

Интересные процессы происходили при образовании понятия «месяц». Селькупы разных диалектных групп это понятие обозначали словом «*ireä*» и его вариантами. Кроме этого слово «*ireä*» также имеет значение «луна». Вместе с тем месяц в селькупском календаре так и не стал единицей счета времени в григорианском смысле этого слова. Селькупам «было безразлично, какое количество лунных месяцев прошло между двумя регулярно повторяющимися событиями (листопадами, перелетами птиц и пр.), но важно было зафиксировать в каком-либо названии отрезок времени, охватывающий это событие» [10. С. 52]. Месяц как единица традиционного календаря маркировал различные по длительности отрезки времени, но прочно соотносился с конкретным явлением или событием, связанным с этим отрезком времени. Понятие, выражающее время, акцентировало прежде всего периодичность событий и не утрачивало с ними связи. Данное положение отчетливо проявилось при номинации селькупских сезонов и микросезонов.

Многие народы использовали одно и то же слово для обозначения месяца как небесного объекта, так и отрезка времени, чему способствовала строгая цикличность фаз убывания и нарастания луны. Так, согласно нанайскому фольклору, времясчисление идет по лунам: «одна Луна», «две Луны» [11. С. 237]. В ненецком языке слово «*j3rij*» (месяц, луна) сначала обозначало луну, а затем время смены одного промежутка времени другим [12. С. 67]. Вероятно, первоначальными примерами использования слова «луна» (месяц) для фиксации событий и явлений во времени могли быть такие: «будет большая луна, пойдем ловить рыбу», «пройдет две луны, вернемся домой», «луна исчезла, темно» и т.д.

Исконная система селькупских сезонов – это совокупность непродолжительных временных промежутков неопределенной длины, основанных на природно-климатических явлениях. Всего их насчитывается восемь: «*kat*» – период, когда «мороз», «*tamba*» – период, когда «наст», «*settyr*» – период, когда «наст», «*üity*» – период, когда «большая вода», «*taupsan*» – период, когда «лето (наступает)», «*ta*» – «лето», «*kandek*» – период, когда «заморозки», «*ara*» – «осень». Остановимся на двух из указанных – зиме и весне.

Для холодного периода у селькупов существовало два обозначения – «*kat*», «*kê*». Семантический анализ этих лексических единиц дает возможность проследить процесс формирования значения «зима». По данным А. Кастрена, «*kâi*» – «мороз» [13. S. 224]. Лексема «*kat*» является наречной формой слова «*kâi*» и имеет конкретное значение – «в мороз». Вследствие этого можно говорить о том, что первоначальным значением слова «*kat*» было не «зима», а «(в) мороз». Видимо, сначала селькупы отметили природное явление – «*kat*» («мороз»), а затем это слово стало соотноситься с периодом, совпадающим с морозом. Период, когда «мороз», и служит исконным для селькупов отрезком времени, основанном на конкретном явлении природы. Последним этапом обобщения стало появление абстрактного понятия «зима» вместо «периода мороза», возможно, не без влияния культурных контактов с русскими.

У селькупов можно выделить четыре разных этапа потепления в период перехода от зимы к лету: «*tamba*», «*settyr*», «*aupsan*», «*üity*». Лингвистический анализ свидетельствует, что перевод слова «*tamba*» – «Schneekruste» [14. S. 32], т.е. «снежная корка», а значение слова «*settyr*» – «наст», «весна» [15. С. 174]. Очевидно, что изначальные значения обоих слов выражают конкретное понятие окружающей среды, наст, и не связаны с абстрактным понятием «весна». Со временем название данного явления было перенесено на соответствующий ему период времени и стало обозначать сезон. Подобная трансформация обнаруживается и у лексемы «*üity*», которая в интерпретации селькупов имеет два значения: большая вода и весна. Представляется, что первоначальным значением было «большая вода», так как слово «*üity*» и его варианты являются однокоренными со словом «*üt*» («*öt*») – «вода» [13. S. 110]. Термин «*taupsan*» представляется наиболее обобщающим из всех рассмотренных, так как основан на абстрактном понятии «лето», зафиксированном у селькупов. Либо в ходе процесса категоризации окружающего мира, либо под влиянием этнокультурных контактов с русскими все четыре периода селькупского календаря стали соотноситься с более крупным периодом времени – григорианской весной и, таким образом, оказались наделенными еще большей степенью абстрагирования.

Микросезоны придают специфику селькупской календарной системе. Это непродолжительные периоды времени неопределенной длины, соответствующие ка-

ким-либо конкретным природно-климатическим явлениям окружающей среды, особенностям хозяйственной и религиозной деятельности, социальным отношениям. Всего в традиционном селькупском календаре выделены 64 группы их маркеров в указанных сферах жизнедеятельности [16. С. 128–131]. Так, к числу природно-климатических определителей микросезонов принадлежат «варг кандак ирэт» – «все трещит, самый большой мороз», «таш'ш'уди арет» – морозный месяц, «*tumbetele iread*» – «месяц длинных дней», «*kät sygy pinty iräty*» – месяц, когда ложится на землю первый снег и др.; хозяйственных – «*kuetel – ireäd*» – месяц, когда ловят рыбу, «*sängГай иррет*» – «глухаринный месяц», «*сэпакей ирэт*» – «бурундучий месяц», «*маттельсы ирэт*» – месяц, когда уходят в лес и др., религиозных – «*лымбыл аред*» – «месяц орла», «*к'ер'а ир'ёт*» – «вороний месяц» и др.; социальных – «*маил арет*», «*аугустил арет*», «*сентабрил арет*», «*н'уджък арет*» – «сено косят», «*жарьм-гаште арат*» – «когда на ярмарку ездили», «*калан ирэтт*» – «подати собирали» и др.

Как видим, селькупский традиционный календарь был основан на принципе цикличности как базовом. Он указывал прежде всего на строго повторяющуюся в рамках временных циклов последовательность явлений природы и культуры и включал в себя периоды различной протяженности в пределах цикла – день, месяц, сезон, микросезон. Сама длительность этих периодов не регламентировалась и могла варьироваться в пределах циклов. Представляется, что для селькупского календаря важным был не точный счет времени, а его наполненность конкретными событиями, актуальными для жизни народа в тот или иной период. Время мыслилось вариативным началом, а событийный ряд, вписанный в него, – инвариантным. Этот событийный ряд и составил основу селькупского календаря.

Исходя из вышеизложенного становится понятным и слово для обозначения самого крупного периода времени, совпадающего с циклом, – года. Он именовался у селькупов словом «*ро*», имеющим три значения – «год», «дерево, дрова» [15. С. 151]. Представляется, что такой объект природы, как дерево, в силу своей фенологической специфики лучше всего выражает представления о цикличности времени, его вариативности на фоне инвариантного бытия. Правда, следует учесть, что само понятие «дерево» уже предполагает определенную степень обобщения, поскольку его смысловое поле простирается на разные породы деревьев. Следовательно, оно возникает на определенном этапе абстрагирования концептов – единиц рационального отображения окружающей действительности.

Перейдем к представлениям ненцев о пространстве. С ним оказывается тесно связанным образ нарты (*хан*) – универсального средства передвижения в тундре. Полозья нарты легко скользят по снегу зимой, а летом поют разными голосами: «То под ними шелестит сухая трава, то жестко шуршат упругие веточки ягеля, то стеклянно скрипит песок, и олени, надрыва-

ясь, сбавляют шаг. Но часто песенка полозьев умолкала, олени бежали резво, а под копытами у них весело хлопала вода» [17. С. 52]. Летом нарта может выполнять и функцию лодки. Через небольшие речки переправляются, стоя на нарте, а способ преодоления крупных рек иной. Его описал В.Н. Чернецов: «...когда самоедам приходится без лодки переплывать широкую и глубокую реку и ехать уже, стоя или сидя на нарте, нельзя, так как она затонет, то самоеды поступают так. Постромки у оленей – как только возможно короче, а в задней части нарты привязывают крепкий ремень. За этот ремень самоед хватается руками и, держа вожжи в правой руке, гонит оленя в воду. Таким образом, даже не умеющий плавать человек держится на воде, поддерживая голову выше ее поверхности благодаря плаучести нарты» [18. С. 120].

Конструкция нарты и ее элементы отточены ненецкой традицией до совершенной простоты: высоко загнутые в передней части полозья, копылья – бруски, вставленные наклонно в полозья, нащепы – продольные брусья, в которые вставляются верхние концы копыльев, вязки – поперечные перекладки, вставляемые в нащепы и служащие опорой для сиденья. Особое внимание уделяется копыльям. «Чем больше копыльев, тем нарта красивее. Копылья могут быть только парными, поэтому их считают с одной стороны нарты. Самыми простыми и грубыми являются двухкопыльные нарты. На них перевозят старые вещи, оленье мясо, шесты, пол, покрывки чума и т.п. Не менее четырех копыльев имеют высокие нарты для хранения ценной зимней одежды. Скромные люди делают себе четырехкопыльные легкие нарты. Но те, кто любит пощеголять, обзаводятся нарядными пяти- и даже шестикопыльными нартами. Священные нарты должны иметь семь копыльев» [17. С. 54].

Легкости, гармонии формы нарты отдавали должное исследователи начал XIX в., в частности К. Доннер. «Самоедская нарта обычно изготавливается из березы, за исключением полозьев, которые делают из ели, сосны, кедра. Ширина полозьев примерно десять сантиметров, спереди они имеют сильный загиб. На полозья укрепляют стойки высотой от 64 до 80 сантиметров, которые держат доску для сиденья. Доска для сиденья совершенно гладкая, на ней нет боковых бортов, поскольку в таких нартах не перевозят груз. Сидят на доске, подогнув обе ноги под себя или свесив левую ногу на одну сторону. Нарты, предназначенные для женщин и детей, а также грузовые нарты имеют продолговатую форму, сиденье снабжено спинкой или имеет бортики со всех сторон. Грузовую нарту, в которой перевозят сушеную рыбу или другие продукты питания, накрывают сверху, и тогда она выглядит как наспех сооруженный гроб. При изготовлении нарты никогда не используют клей или гвозди, все детали соединяют между собой с помощью деревянных шпенок. Симпатичные, на редкость легкие нарты самоед делает с помощью одного лишь ножа» [19. С. 93].

Специфика кочевого образа жизни ненцев-оленеводов предполагает постоянные передвижения на нарте, запряженной в оленей: сезонные, от морского побережья к предтаежной зоне, от одной стоянки к другой в рамках сезона, между стоянками, на промысел, к оленьему стаду, за дровами и т.д. Зимой стойбище остается на одном месте не более полумесяца, летом – недели, весной и осенью – двух-трех дней [20. С. 39]. Нарта оказывается вовлеченной в постоянный круговорот движения, более того, она служит его неперенным атрибутом. Движение разворачивается в пространстве и служит средством его освоения и осознания. Для традиционного мышления пространство «всегда заполнено и всегда вечно; вне вещей оно не существует» [21. С. 340]. К вещам, внутри образов которых «вклеены» представления о пространстве, в культуре ненцев принадлежит нарта. Она маркирует две системы пространства, существующие параллельно: с одной стороны, видимое, здешнее, очеловеченное, повседневное, с другой – невидимое обычным взглядом, потустороннее, неподвластное человеку и принадлежащее духам, проявляющее себя эпизодически.

Начнем с первого, которое можно соотносить с понятиями жизнедеятельности и культуры повседневности. В этнической картине мира это пространство обычно делится на две части – обжитое, окультуренное и необжитое, природное. Указанная бинарность присутствует и в ненецкой культуре. Правда, здесь граница между двумя значениями весьма подвижная и тонкая в буквальном смысле этого слова, поскольку ее выражением становится след, оставленный нартой. Пространство без этого следа в фольклоре определяется как необжитое, необитаемое. «Следа [от нарты] совсем не видно: необитаемое место было» [22. С. 126]. След от нарты информативен не только в плане выражения предельных по содержанию концептов, но и в плане личностном. Желая сообщить о себе, ездок клал что-либо поперек следа от нарты, чтобы можно было отыскать его в тундре [20. С. 192]. И наоборот, стараясь скрыть информацию о своем местонахождении, замечают след от нарты: «Сын [Хозяина] Ябта Саля погоняет оленя, дочь Мандо замечает палкой на снегу следы, чтобы не было [их] видно» [22. С. 197].

Граница между обжитым и необжитым пространствами в культуре ненцев подвижна и в силу их быстрой обратимости друг в друга, что достигается благодаря и нарте. В мифологии народа она мыслится, подобно Ноеву ковчегу, точкой, из которой со временем разворачивается все обжитое пространство. «Он [Нум – верховное божество, демиург] сидел на нарте, стоявшей на сопке. Когда начался потоп» [20. С. 99]. Правда, в отличие от ветхозаветной версии, пространство в ненецкой культуре не только разворачивается, но и так же быстро сокращается до исходной точки – нарты. Перекочевка на новое место предполагает разборку чума и погрузку его частей, равно как и всего домашнего скарба на нарты. Занимаются этим женщины.

Примечательно, что мужчины «олений никогда не начнут ловить раньше, чем все нарты будут увязаны и полностью подготовлены к движению» [23. С. 162]. Сконцентрировавшись на нартах, обжитое пространство воссоздается в прежнем объеме на новом месте установки чума.

Обжитое пространство в культуре ненцев предстает неоднородным. Его квинтэссенцию образуют чум и прилегающая к нему территория, которая включает в себя и грузовые нарты. «Вокруг чума располагается на нартах хозяйство кочевника, нарты тщательно закрыты шкурами от дождя и увязаны всегда одинаково двумя концами тонкой веревки со специальными узлами, быстро развязывающимися и в дождь, и в мороз. На остановках развязывают нарты не все, а только потребные – с утварью и одеждой» [23. С. 161]. Грузовые нарты и очерчивают контуры максимально обжитого пространства. Отдаленные контуры обжитого пространства, очевидно, связаны с местами выпаса оленевого стада. Их ловля у ямальских ненцев предполагает конструирование пространства с помощью нарты. Их устанавливают полукругом, и в него загоняют оленей, замыкая пространство с помощью *тынзяна* – длинного кожаного ремня. В замкнутом таким образом пространстве вылавливают нужных оленей и затем запрягают их. Остальных оленей выпускают. Как видим, ненецкая нарта маркирует границы окультуренного пространства, причем с учетом разной степени его интенсивности – обитаемое, обжитое, хозяйственно освоенное.

Вместе с тем она выражает и социальные границы в окультуренном пространстве, акцентирует его осевые линии, и прежде всего гендерную. Во время кочевания нарты выстраиваются в обоз – *аргиш*. Мужчина и женщина ведут каждый свой аргиш. Последовательность нарты в них строго определена и выражает сакральные и хозяйственные приоритеты с учетом гендерной специфики. На стоянке очаг и нарты задают главную ось, разграничивающую мужское и женское пространство. «Мужчине не положено трогать *сябу* – женская нарта, на которой перевозят женскую обувь, поскольку обе считаются «погаными» вещами. Женщине нельзя трогать *хэхэ-хан* – священную нарту, на которой хранят и перевозят духов-покровителей. Место мужчины в чуме – вдали от входа, женщины – у входа. Если от очага провести линию через *си* (священное место у стены напротив входа) за пределы чума, то она выйдет на *хэхэ-хан*, если линию провести в обратную сторону через *не* (вход), то она укажет на *сябу*» [24. С. 217].

Посредством особого украшения нарты подчеркивается статус невесты, выделяется ее пространство. Показательно следующее описание аргиша невесты. «Около чума стоял приготовленный обоз из 8 нарты, разукрашенных цветными сукнами и холстами. Особенно пестро и богато была покрыта первая нарта – нарта невесты. Она была украшена пестрыми ленточками из разноцветного сукна и массой колокольчиков

разной величины. Сидение нарты было покрыто красным сукном, по краям которого шла желтая кайма с типичным тундровым орнаментом» [23. С. 240].

Имущественный статус хозяев определяется и количеством грузовых нарты, их содержимым. Так, в эпосе ненцев зажиточность героя характеризуется следующим образом. «В нашем чуме четыре человека. И у нас оленей сто пятьдесят голов, еще есть десять грузовых нарты в аргише Невестки. Все они готовы упасть на бок, так переполнены. Одна половина десяти нарты заполнена отборными голубыми песцами, а вторая – отборными шкурами лисиц. У Младшей-Сестренки тоже десять грузовых нарты. Тоже половина с отборными песцами, другая – с отборными лисицами. И я веду десять грузовых нарты: одна половина с чернобурими лисицами, а другая – с голубыми песцами» [25. С. 291].

Перейдем к рассмотрению символики нарты во втором пространственном измерении – мире невидимом, населенном духами. Он раскрывается в эпических песнях ненцев – *сюдбабц* и *ярабц*. В них ярко выражен кочевой образ жизни оленеводов тундры. Герои – боги, духи, богатыри – неотделимы от оленя и, соответственно, от нарты. Они постоянно запрягают в нее оленей, выстраивают аргиш, разезжают на ней, спасаясь от погони или преследуя неприятеля, кочуют и т.д. На нарте объезжает миры шаман. Вероятно, отсюда происходит важная роль нарты в погребальном обряде, легитимирующем переход человека в этот мир: на нарте возили усопшего до того, как хоронили на родовом кладбище, а сломанную нарту оставляли возле могилы хозяина [26. С. 220]. Местом наибольшей концентрации потустороннего мира и наиболее тесного соприкосновения его с видимым миром мыслилась священная нарта. Она отличалась от прочих наличием семи копыльев, о чем сказано выше, а также зарубками на передней части нащета, изображавшими спинную кость духа, вселившегося в нарту. Переднюю часть нарты мазали жиром и кровью жертвенного животного, что означало кормление духа. Священную нарту покрывали оленьей шкурой с головой, ногами и копытами и ставили на нее ларь с крышкой, куда помещали изображения домашних духов [26. С. 206]. Если сакрализация нарты распространялась на одну ее разновидность, призванную служить вместилищем домашних духов, то явление антропоморфизации охватывало все нарты: их копылья мыслились ногами, а передние загнутые концы нащепов – носом нарты [26. С. 92, 94; 27. С. 218].

Важным свойством пространства служит его протяженность, фиксируемая через расстояние. В культуре ненцев единицами его измерения служили полет стрелы, длина вожжей, *тынзяна* [25. С. 97, 271, 429]. Длинное расстояние измерялось в *попрысках* – перегоне, который может пробежать без передышки запряженный в нарту олень. По разным данным, величина попрыска колеблется от 7 до 15 км [24. С. 210; 25. С. 429]. Расстояние, таким образом, измеряется посредством движения, и единица измерения связана и с нартой.

Нарта может служить и средством для определения дневного времени, преобразуя представления о пространстве в хронотоп, т. е. пространственно-временной континуум. Часы-нарта фигурируют в фольклоре, и по ним герой определяет, пора ли идти на охоту. Для этого необходимо поставить на бок нарту. «Старший Яптик посмотрел через нарту на горизонт – солнце не выходит поверх нижнего полоза: “Нет, еще не время идти на охоту”. Легли спать.

Посмотрел на солнце, которое поднялось между нижним и верхним полозьями, и говорит: “Нет, еще не время идти на охоту”. Легли спать.

В третий раз смотрит, солнце поднялось до верхнего полоза. Сказал старший Яптик: “Кажется, пора”» [20. С. 141].

Посредством нарты измерялось и социальное время. Продолжительность жизни человека маркировали важнейшие ее периоды, а они, в свою очередь, определялись ключевыми событиями и связанными с ними предметами. Среди определителей возраста обязательно присутствовала и нарта. Так, в фольклоре возраст мальчиков выражен следующим образом: «Старшего-Брата-Сын набрасывает аркан на головки нарт. Сын-Среднего-Брата ходит по полу чума. Младшего брата сын еще в люльке» [25. С. 271]. У ненецкого писателя Ю. Вэллы определители возраста для мужчины выглядят следующим образом:

«Достичь возраста метания тынзяна по носам нарт...»

«Достичь возраста пользования луком и стрелами...»

«Достичь возраста самостоятельной охоты и рыбалки...»

«Достичь возраста изготовления Первой Нарты (Первого Обласа)...»

«Достичь возраста, когда ты установил свой первый чум на снегу для Нее...»

«Достичь возраста изготовления Люльки-Колыбели...»

«Достичь возраста, когда главой рода становится твой сын...» [27. С. 166–167].

По существу, писателем задан предметный ряд, служащий основой для постижения философии ненецкой культуры, и в этом ряду значится нарта.

Итак, внутрь образа нарты ненецкой традицией оказываются вклеенными базовые представления о пространстве: движении как его определяющем атрибуте, пульсирующем характере, заключающемся в сжатии и расширении окультуренной сферы, неоднородности, выраженной в параллельности миров, стратифицированности социального пространства, связи со временем.

В целом, время и пространство мыслились и выражались в самодийской культуре посредством конкретных предметов, явлений, событий, вписанных в канву их жизнедеятельности, и таким образом социализировались. При этом неотъемлемой частью среды жизнедеятельности мыслились окультуренная природа и сфера инобытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гирц К. Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004. 557 с.
2. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-пресс, 1994. 608 с.
3. Леви-Строс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 536 с.
4. Леви-Строс К. Неприрученная мысль // Клод Леви-Строс. Первобытное мышление. М. : ТЕРРА-КНИЖНЫЙ КЛУБ; Республика, 1999. С. 111–336.
5. Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX начала XX в.). Л. : Наука, 1983. 174 с.
6. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М. : Восточная литература РАН, 2000. 408 с.
7. Rydei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986. Lieferung 1–3. 593 s.
8. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М. : Наука, 1971. Ч. 1. 369 с.
9. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М. : Типография Г. Лесснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. 1. 563 с.
10. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. Т. 1. 408 с.
11. Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М. : Наука, 1993. С. 201–253.
12. Schrenk A.G. Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojuden, zum Arktischen Uralgebirge // Donner K. Samojudische Worterverzeichnisse. Helsinki, 1932. S. 58–119.
13. Castrén A.M. Worterverzeichnisse aus den Samojudischen Sprachen. SPb., 1855. 404 S.
14. Castrén A.M., Lehtisalo T. Samojudische Sprachmaterialien // SUS. 122. Helsinki, 1960. 462 s.
15. Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект : учеб. пособие. М., 1993. 196 с.
16. Колесникова С.Ю. Календарь в традиционной культуре селькупов. Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2010. 136 с.
17. Синицын М. По ненецкой земле: путевые очерки. М. : Географгиз, 1960. 115 с.
18. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
19. Доннер К. У самоедов в Сибири / пер. с нем. А.В. Байдак. Томск : Ветер, 2008. 176 с.
20. Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 344 с.
21. Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. Т. 2. С. 340–342.
22. Эпические песни ненцев / сост., авт. вступ. ст. и ком. З.Н. Куприянова. М. : Наука, 1965. 782 с.
23. Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень, 1992. 281 с.
24. Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 608 с.
25. Фольклор ненцев / сост. Е.Т. Пушкарёва, Л.В. Хомич. Новосибирск : Наука, 2001. 504 с.
26. Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. Л. : Наука, 1966. 240 с.
27. Вэлла Юрий. Ветерок с озера: проза. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. 336 с.

Ryndina Olga M. Tomsk state University (Tomsk, Russia) rynom_97@mail.tomsknet.ru

Kolesnikova Svetlana Yu. Tomsk state university (Tomsk, Russia). Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru

Kulemzin Vladislav M. Tomsk state university (Tomsk, Russia). E-mail: bersa@sibmail.com

TIME AND SPACE IN THE SAMOYEDIC TRADITION: THE CALENDAR AND THE SLEDGE

Keywords: specificity of ythological mind; ethnic worldview; traditional Selkup calendar; Nenets sledge.

The aim of the article is to reconstruct the time and space conceptions generated in the depth of Samoyedic cultures from the position of the interpretative anthropology. The study methodology consists of the propositions concerning the specific character of the mythological mind: it is situated halfway between percepts (sense units) and concepts/notions (thinking units) in the process of the generalization of the information coming from without, and a mediator between an image and a notion is a symbol – a material object acting as an other item, phenomenon or event and serving for the information transmission. Relying on the thing language the authors realize the world-view reconstructions concentrating on the Selkup calendar and Nenets sledge. The objectified and subjectified culture forms are analysed in the process – language units, customs, rituals, traditional beliefs, folklore, prose of national writers.

The process of the forming of the abstract notions and time conception was revealed on the consideration of the nominations typical for time units in the traditional Selkup calendar. Observations of concrete natural and cultural events are the basis of this process. The following conclusion is made: the Selkup traditional calendar is based on the principle of the cycling. First of all it indicated the recurrent succession of the natural and cultural events in the framework of time cycles and included periods of different protensions – day, month, season, microseason, year. The duration of these periods was not regulated and could vary within the cycles. The fullness with the concrete events actual for the people's life was important for the Selkup calendar rather than the exact time reckoning. Time was imagined as an alternate beginning and the event-trigger set was invariant. This event-trigger set of the nature and culture was a basis of the Selkup calendar.

The specificity of nomadism of Nenets- reindeer breeders denotes the constant migrations by means of reindeers sledges. Therefore the sledge was involved into the regular movement rotation and served as indispensable attribute. The movement expands in the space and acts as a means of its learning and awareness. The following fundamental space conceptions were inserted inside the sledge image by the Nenets tradition: movement as its determinative attribute; pulsative character consisting in constant reduction and widening of the cultural area during the migration; irregularity expressed in the parallelism of worlds: on the one hand there are visible, local, humanized things, on the other hand there are invisible episodic things and beyond, independent of the man and belonging to spirits; stratification of the social space; connection with time, natural and social events.

In general time and space were conceived and expressed in the culture of Samoyeds by means of objects, phenomena, events inserted into their life activity, so they were socialized. The developed nature and obscurity area were viewed as an integral part of life activity in this case.

REFERENCES

- Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of Cultures]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
- Levy-Bruhl, L. (1994) *Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in primitive thinking]. Translated from French by B. Sharevskaya. Moscow: Pedagogika-press.
- Lévi-Strauss, C. (1983) *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Translated from French. Moscow: Nauka.
- Lévi-Strauss, C. (1999) *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive Thinking]. Translated from French by A. Ostrovsky. Moscow: Terra; Respublika. pp. 111–336.
- Gracheva, G.N. (1983) *Traditsionnoe mirovozzrenie okhotnikov Taymyra (na materialakh nganasan XIX nachala XX v.)* [The traditional worldview of the Taimyr hunters (on the materials of the Nganasans of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
- Meletinskiy, E.M. (2000) *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Redei, K. (1986) *Uralisches Etymologisches Wörterbuch* [Uralic Etymological Dictionary]. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Illich-Svitych, V.M. (1971) *Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov* [Comparison of Nostratic Languages]. Moscow: Nauka.
- Preobrazhenskiy, A. (1910–1914) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: G. Lessner i D. Sovko.
- Kuznetsova, A.I., Khelimskiy, E.A. & Grushkina, E.V. (1980) *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialect* [Essays on the Selkup language. Tazovsky dialect]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.
- Simchenko, Yu.B., Smolyak, A.V. & Sokolova, Z.P. (1993) *Kalendar' narodov Sibiri* [Calendars of the Siberian Peoples]. In: Zhukovskaya, N. & Serov, S. (eds) *Kalendar' v kul'ture narodov mira* [Calendar in the Culture of the Peoples of the World]. Moscow: Nauka. pp. 201–253.
- Schrenk, A.G. (1932) *Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundren der Samoeden, zum Arktischen Uralgebirge* [Journey to the northeast of European Russia, through the tundra of the Samoeds, to the Arctic Ural Mountains]. In: Donner, K. *Samojedische Worterverzeichnisse* [The Samoedic People Dictionary]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. pp. 58–119.
- Castrén, A.M. (1855) *Worterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen* [Dictionary of the Samoedic People]. St. Petersburg: [s.n.].
- Castrén, A.M. & Lehtisalo, T. (1960) *Samojedische Sprachmaterialien* [The Samoedic language materials]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Kuznetsova, A.I., Kazakevich, O.A., Ioffe, L.Yu. & Khelimskiy, E.A. (1993) *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialect* [Essays on the Selkup language. The Tazovsky dialect]. Moscow: Moscow State University.
- Kolesnikova, S.Yu. (2010) *Kalendar' v traditsionnoy kul'ture sel'kupov* [Calendar in the traditional culture of the Selkups]. Tomsk: Tomsk State Polytechnic University.
- Sinityn, M. (1960) *Po nentskoy zemle: putevye ocherki* [On the Nenets land: travel essays]. Moscow: Geografiz.
- Lukina, N.V., Ryndina, O.M. & Markov, G.E. (1987) *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources on the Ethnography of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
- Donner, K. (2008) *U samoedov v Sibiri* [Visiting the Samoeds in Siberia]. Translated from German by A.V. Baydak. Tomsk: Veter.
- Golovnev, A.V. (2004) *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [Tundra nomads: Nenets and their folklore]. Ekaterinburg: UrB RAS.
- Toporov, V.N. (2000) *Prostranstvo* [Space]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh t.* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 340–342.
- Kupriyanova, Z.N. (1965) *Epicheskie pesni nentsev* [Epic songs of the Nenets]. Moscow: Nauka.
- Evladov, V.P. (1992) *Po tundram Yamala k Belomu ostrovu* [Through the Yamal tundras to the White Island]. Tyumen: Slovo.
- Golovnev, A.V. (1995) *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodytsev i ugrov* [Speaking Cultures: Samoed and Ugrian Traditions]. Ekaterinburg: UrB RAS.
- Pushkareva, E.T. & Khomich, L.V. (2001) *Fol'klor nentsev* [The Nenets Folklore]. Novosibirsk: Nauka.
- Khomich, L.V. (1966) *Nentsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Nenets. Historical and ethnographic essays]. Leningrad: Nauka.
- Vella, Yu. (2008) *Veterok s ozera* [The Lake Breeze]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist.

УДК 902/904(571.1):39(=161/1)"16/18"
DOI: 10.17223/19988613/56/20

Ф.С. Татауров

РУССКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА РУССКОГО СИБИРЯКА

Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 18-18-00487 «Русское население Сибири в XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении».

В процессе освоения Сибири сформировался комплекс предметов материальной культуры, отражающий культурную принадлежность и мировоззрение русского сибиряка. Одним из источников для его воссоздания могут стать погребальные комплексы. Анализируется археологический материал русских некрополей как источник для реконструкции социально-культурного облика русского населения Западной Сибири в XVII – первой половины XIX в.

Ключевые слова: русские; Западная Сибирь; погребальные комплексы; XVII–XIX вв.; социально дифференцирующие признаки; социально-культурный облик.

В конце XVI в. начался процесс присоединения Западной Сибири к Российскому государству. Русские переселенцы с Поморья, Центральной Руси и Урала принесли на новое место проживания свои традиции, жизненный уклад и материальную культуру. Однако природно-климатические особенности Сибири и иногородское окружение повлияли на изменения в комплексе предметов материальной культуры, отражающих культурную принадлежность и мировоззрение русского сибиряка. Материалы археологических исследований фиксируют произошедшие изменения как в социально-бытовой среде (дом, усадьба, населенный пункт), так и в личном имущественном комплексе (костюм, столовая утварь, посуда, курительные трубки и т.п.) [1–3].

Изучение социального строя обществ по археологическим материалам – идея не новая, ее привнесли в сферу научных исследований еще в 60-х гг. XX в. По данной проблеме опубликован ряд фундаментальных работ, в которых погребальный обряд рассматривается как один из основных индикаторов социальной стратификации [4–7]. Критериями социальной дифференциации выступали: размер надгробного сооружения, характеристики погребальной камеры и сопроводительный инвентарь. Возвращаясь к русскому обществу Западной Сибири XVII – первой половины XIX в. обратим внимание на то, что погребальный обряд рассматривался не столько в качестве самостоятельной проблемы по реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка, но преимущественно в плане комплексной характеристики захоронений и погребального инвентаря, датировки погребений, анализа особенностей погребальной практики [8–10].

Цель статьи – по материалам археологических исследований установить, какие элементы погребального обряда можно рассматривать как социально дифференцирующие при реконструкции социально-культурного

облика русского населения Западной Сибири в XVII – первой половины XIX в.

Для периода XVII – первой половины XVIII в. историками пока не выявлены черты, характерные для погребального обряда русского населения Западной Сибири в целом. Для второй половины XVIII–XIX вв. такая работа проведена А.А. Воробьевым-Исаевым, который выявил особенности православных захоронений рассматриваемого периода.

1. Грунтовый способ захоронения, концентрация могил группами на территории кладбища, рядность в их расположении.
2. Наличие дощатых гробов, скрепленных гвоздями и скобами, или долбленых колод.
3. Наличие на дне колод отверстия, стружек, подушки под головой, наполненной березовыми листьями, или березового веника.
4. Хоронили, вытянуто, на спине, головой на запад.
5. Руки клали скрещенными на груди (кисть правой на кисть левой).
6. Умершего обряжали в специальную погребальную одежду, или обычную – повседневную, праздничную.
7. Наличие атрибутов веры – нательного креста, иконок, писания, цветов.
8. Отсутствие украшений из металлов (кроме меди) и бытовых предметов обязательно.
9. Наличие монет в грунтовой яме или на крышке гроба (колоды).
10. Если присутствует погребальное сооружение, то, как правило, это помост и покрытие из толстых плах [11. С. 193]. Опираясь на эту работу, можно проследить динамику изменения обрядности в сравнении с материалами более ранних памятников.

В период XVII – первой половины XIX в. проявилось неоднозначное отношение «новожилецкого» населения в разных регионах Западной Сибири к од-

ним и тем же элементам погребального обряда [12. С. 158, 166]. Сложным также представляется вопрос интерпретации часто находимых в погребениях XVIII–XIX вв. так называемых старообрядческих крестовельников, основные формы, иконография и декор которых сложились в XVII в., еще до раскола [13. С. 216–217]. Поэтому соотносить эти предметы с социально-культурным обликом сибирских старообрядцев неправомерно.

Можно выделить два основных элемента погребального обряда, которые характеризуют социально-культурный облик русского сибиряка: среда (место и особенности захоронения) и имущественный комплекс, сопровождающий умершего. Рассмотрим их последовательно.

В изучаемый период в русских городах Сибири существовала практика устраивать кладбища около церквей. За этим стояло особое отношение к пространству некрополя, вдвойне сакрального в случае его близости к культовому объекту, в частности, в Томске многие из служилых людей желали быть погребенными близ особенно почитаемого соборного храма Св. Троицы [14. С. 87]. В Кузнецком остроге в XVII–XVIII вв. кладбище было расположено внутри стен, вокруг Преображенского храма [15. С. 416–418].

По способу погребения могилы разделяются на захоронения в деревянных долбленых колодах (домовинах) и гробах, сколоченных из досок. Предположение, сделанное по этнографическим и письменным данным, о том, что колоды – атрибут XVII–XVIII вв., а гробы приходят им на смену в XIX в. [9. С. 90], не согласуется с археологическими материалами, что видно из приведенных ниже примеров.

Раскопки второго городского кладбища Тобольска, датируемого XVII в., свидетельствуют о том, что в колодах хоронили преимущественно детей, а для взрослых изготавливали гробы из досок, что, по мнению автора, объясняется нехваткой толстоствольного леса в окрестностях Тобольска [16. С. 51–52]. На Преображенском кладбище XVII в. в Кузнецком остроге из 12 захоронений одно было сделано в гробу, остальные – в колодах. Три исследованных захоронения некрополя села Ильинского (XVIII в.), расположенного неподалеку от Кузнецка, совершены в колодах [15. С. 418–419]. На некрополе памятника Изюк-I в Омском Прииртышье (XVIII в.) в 261 погребении было всего два гроба, одно детское захоронение в люльке, остальные 258 захоронений – в колодах [9. С. 56]. На Горноправдинском некрополе второй половины XVIII–XIX в. зафиксированы в 29 случаях захоронения в колодах, 6 – в гробах [17. С. 24].

Место захоронения на кладбище как части социально-бытовой среды обнаруживает параллель с местом жилища в планиграфии поселения: чем ближе к центру располагался дом, тем выше статус человека, который в нем проживал, чем ближе могила расположена к церкви, тем выше статус погребенного. Выбор погребальной конструкции (колоды или гробы) не несет в себе

социально маркирующих черт. По имеющимся материалам нельзя сказать также о более высокой статусности гробов в сравнении с колодами.

Немногочисленные захоронения в кирпичных склепах XVIII в., обнаруженные на прицерковных кладбищах Тобольска [10. С. 20], напротив, обладают повышенной статусностью. Сооружение подобных намогильных конструкций характерно для захоронений людей, обладавших высоким социальным положением (высшее духовенство, дворяне, чиновники).

В захоронениях XVII–XVIII вв. погребальный вещевой комплекс немногочислен. Его можно разделить на несколько категорий: предметы личного благочестия (нательные и наперсные кресты), одежда, обувь, украшения. Нательные кресты присутствуют как в русских, так и в инородческих некрополях Западной Сибири. Стоит обратить внимание на то, что, судя по материалам аборигенных памятников, в XVIII в. кресты воспринимались местным населением в качестве оберега, отношение к новой вере было формальным. При этом принятие христианства давало коренному населению возможность поступить на военную службу, приблизиться по статусу к русским, обеспечить лучшие условия по сравнению с некрещеным населением [18. С. 116–120].

Однако в ходе обобщения материалов с западносибирских некрополей установлено, что и русские в Сибири в XVII в. не имели традиции класть нательный крестик в могилу вместе с умершим. Так, в 73 погребениях на втором городском кладбище XVII в. в Тобольске не обнаружено ни одного креста [16. С. 52]. При этом на Никольском кладбище Тобольска начала XVIII в. кресты уже появляются, хотя там исследовано меньше погребений – 47 [19. С. 17]. На Преображенском кладбище XVII в. в Кузнецке в 12 изученных могилах крестов не обнаружено. В некрополе села Ильинского (XVIII в.), там же в верхнем Притомье, крестики присутствовали, но в основном в женских и детских погребениях [15. С. 418–420]. На некрополе XVIII в. Абалакского мужского монастыря нательные кресты найдены «практически во всех» 221 захоронениях [20. С. 158–160]. На русских памятниках Прииртышья Ананьино-I (вторая половина XVII – XVIII в.) и Изюк-I (XVIII в.) нательные кресты обнаружены в 23 из 56 (41%) и в 207 из 262 (80%) могилах соответственно [21. С. 225].

В Горноправдинском могильнике в Нижнем Прииртышье (вторая половина XVIII–XIX в.) кресты найдены в 18 из 34 захоронений (53%) [17. С. 25]. В некрополях Верхнеобского региона XIX – начала XX в. (Нагорное кладбище г. Барнаула, могильники Староалейка-2, Матренка (Петени), кладбище Умревинского острога) нательный крест есть лишь в 17,3% погребений из 1106, что объясняется обычаем прижизненной передачи крестов по наследству [11. С. 199]. Интересен факт отсутствия крестов более чем в 300 погребениях XVII–XVIII вв. на кладбище Свято-Троицкого собора г. Томска (раскопки С.М. Чугунова). Вместе со сведениями о

равнодушии томских жителей к исполнению религиозных обязанностей и обычаев возникает версия об отсутствии традиции носить крестик при жизни и оставлять его на покойнике [11. С. 199; 22. С. 18–19].

Для сравнения можно использовать материалы раскопок Илимского острога в Восточной Сибири, где самые ранние захоронения датируются 1719 г.: там кресты обнаружены в 215 из 336 (64%) могил [23. С. 26].

Как видно из анализа материалов русских некрополей Сибири XVII–XIX вв., практика использования нательных крестов в погребальном обряде относится к позднему периоду. С одной стороны, это облегчает датировку изучаемого комплекса, с другой – фиксирует важную черту в эволюции социально-культурного облика русских сибиряков в указанный период. В основном нательные кресты изготавливались из медных сплавов, кресты из драгоценных металлов (серебро, золото) говорят об особом статусе и / или достатке владельца. Особый интерес представляет находка на памятнике Изюк-I католического креста [24. С. 158–162], имеющего аналоги в Крестовоздвиженском некрополе г. Иркутска [25. С. 223]. Подобные предметы дополняют социально-культурный облик служилой «литвы», проживавшей в Сибири в XVII–XVIII вв.

Отдельно стоит отметить наперсные кресты как исключительный атрибут священства, в частности, такой предмет найден на памятнике Изюк-I [24. С. 158–162]. А также находки медальонов в двух детских погребениях Горноправдинского некрополя [17. С. 25].

Можно сделать вывод, что роль нательных крестов в характеристике социально-культурного облика русского сибиряка неоднозначна. С одной стороны, это символ христианской веры, отличающий русских переселенцев от аборигенов-язычников. С другой стороны, по данным погребальных комплексов и письменных источников мы не можем установить обязательность ношения креста русскими в XVII в. [12. С. 154–166]. Добавим, что по результатам спектрального и химического анализа состава сплавов крестики (из Илимского острога и Прииртышья) [21. С. 226] датируются более поздним – XVIII в.

Достаточно многочисленной категорией вещей в захоронениях является обувь. В XIX – первой трети XX в. этнографически зафиксировано стойкое длительное сохранение многих восточнославянских традиций в погребальной одежде, в частности обязательное наличие обуви у умерших. Ее можно разделить на бытовую, носимую при жизни, и «покойницкую», ритуальную. Основной ритуальной обувью служили калюги, которые с начала XVII в. использовали не только для погребений монахов, знати, но и рядовых мирян [26. С. 7].

Изготовление погребальной обуви было стандартизировано. На основе анализа материалов с памятников Изюк-I и Ананьино-I в Омском Прииртышье В.Б. Богомоловым и Л.В. Татауровой сделаны важные наблюдения. 1. Высокое качество изделий говорит о том, что погребальную обувь шили заблаговременно и не использовали до дня погребения (это подтверждается

отсутствием износа и нефункционально тонкой подошвой). 2. Для реконструкции социально-культурного облика русских сибиряков важен факт почти полного совпадения технологии пошива ритуальной и бытовой обуви. 3. Несмотря на существовавшую традицию, обувь, так же как и нательные кресты, встречается далеко не во всех захоронениях. Так, в некрополе памятника Изюк-I она представлена 18 экземплярами в погребениях мужчин и 24 – у женщин, а также двумя в детском. Всего обнаружено 43 пары обуви в 261 погребении (16%). В могильнике на памятнике Ананьино-I обувь найдена лишь в одной могиле из 48 (2%) [26. С. 8, 11–13].

Исследователи некрополей Тобольска упоминают факты нахождения погребальной обуви («калюги») как для XVII в., так и для XVIII в., однако их количество не указано [10. С. 21; 16. С. 52; 19. С. 17]. Отмечены также находки нескольких пар обуви «сложной конструкции» [10. С. 21]. Кожаная погребальная обувь была обнаружена и в ходе раскопок некрополя Абалакского мужского монастыря [20. С. 159].

Особая «покойницкая» обувь встречается не на всех погребальных комплексах. Так, сапоги, в которые был обут погребенный в могильнике Мигалка, относятся к бытовой обуви, распространенной в Томске в XVII–XVIII вв., при этом, судя по декору, статусной [27. С. 68–72]. В материалах Горноправдинского некрополя второй половины XVIII–XIX вв. кожаная обувь встречена во всех взрослых погребениях: в мужских – сапоги (в целом или фрагментированном виде), в женских – чирки или ботиночки [17. С. 25].

Таким образом, в XVII – первой половине XVIII в. использование погребальной обуви – калюги – было традиционным. Можно проследить эволюцию социальной значимости обуви в погребениях. В XVII в. обувь становится атрибутом погребения не только священства, но и других социальных групп русского общества, при этом практически отсутствует в детских погребениях. С середины XVIII в. в могилы кладут бытовую обувь, использовавшуюся при жизни, поэтому ее можно соотносить с материалами поселений второй половины XVIII – начала XIX в. и использовать при реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка.

Одежда сохраняется гораздо хуже. По письменным и этнографическим данным установлено, что одежда разных социальных слоев русского населения была одинакового покроя, только у высших сшита из бархата, атласа и парчи, а у низших – из недорогого, нередко самодельного сукна [28. С. 144–149]. Дифференциация тканей помогает интерпретировать статус погребенного в соответствии с обнаруженными в могиле фрагментами тканей. Например, в могильнике Изюк-I из 30 рассмотренных фрагментов лишь один (в женском погребении) оказался шелковым (тафта китайского или среднеазиатского происхождения) [29. С. 332]. Возможно, похороненная женщина принадлежала к слою людей с более высоким статусом, чем остальное насе-

ление, могла быть женой или дочерью казака либо даже относилась к сословию «детей боярских».

Для памятников конца XVIII–XIX вв. характерна лучшая сохранность ткани в могилах. Появляются находки, прямо указывающие на социальный статус погребенного (например, чиновничий или военный мундир). Одежда, даже не привязанная к конкретной социальной группе, может дать понимание о костюмном комплексе. Так, в Горноправдинском могильнике обнаружен представительный ассортимент предметов одежды: пальто из сукна, женский халат с вышивкой по вороту, мужская рубаша, женские косынки, детские шерстяные носочки, пояса, портянки, носки чулочной вязки [17. С. 25]. В одном из погребений некрополя найдены фрагменты шелковой камки золотистого цвета с вытканым узором и орнаментальные композиции из бисера на воротнике и манжетах [30. С. 284], что говорит об особом социальном статусе похороненной в нем женщины.

Социально значимой, хотя и немногочисленной, категорией в русских погребениях выступают украшения – как одежды, так и тела. К первым относятся стеклянные пуговицы. Эти предметы разных размеров и форм (плоские, диско-, шаро-, куполообразные и т. д.) играли важную роль в оформлении костюма. Пуговицы были элементом элитарного костюма, так как одежда низших социальных слоев русского населения Сибири в XVII – начале XIX в. изготавливалась без застежек [31. С. 28–36].

В Горноправдинском некрополе в 34 погребениях обнаружено 34 пуговицы, из них 30 стеклянных, 3 деревянные, 1 янтарная [17. С. 25]. По материалу пуговицы можно разделить на наиболее (янтарная) и наименее (деревянные) статусные.

В том же некрополе в одной из женских могил найден разнообразный набор украшений одежды: бусы, бронзовые нашивки, бубенчики [Там же]. Вероятно, погребенную женщину – представительницу коренных народов Сибири, похоронили в традиционной одежде, хотя она была крещеная (в могиле присутствовал нательный крест). Набор инвентаря в погребении дает возможность выявлять различия социально-культурного облика русских сибиряков и представителей местных народов.

В других некрополях Западной Сибири украшений обнаружено крайне мало. На одном из участков клад-

бища XVIII в. Кузнецкого острога в двух погребениях в ушах женщин найдены серьги из белого металла (возможно, из низкопробного серебра) со стеклянными и жемчужными подвесками [15. С. 420–422]. Украшения, обнаруженные в могилах, имеют прямое отношение к социальному положению погребенного, как и на более ранних памятниках. В погребениях западносибирских некрополей также встречаются единичные находки икон, церковных свечей, веревок, веников, но эти предметы нельзя отнести к социально маркирующим.

Отношение к смерти во все времена было важной частью мировоззрения человека, что отражает погребальный обряд. Могильники ранних эпох содержат разнообразные и информативные данные о социальной стратификации, о положении в обществе женщины и мужчины, признаки, характерные для представителей той или иной социальной группы. Для некрополей Нового времени ситуация иная. Погребения достаточно стандартизированы, вещевой комплекс в захоронениях немногочислен. Однако подробный анализ имеющихся данных позволяет сделать некоторые выводы. Выбор погребальной конструкции (колоды или гробы) не несет в себе социально маркирующих черт. Неявным социально различающим свойством обладала покойницкая обувь (калиги), присутствующая не только в погребениях священства, но и других социальных группах русского общества.

Социально-дифференцирующую нагрузку несли следующие элементы погребального обряда, зафиксированные археологически: место захоронения относительно центра кладбища (церкви); наличие или отсутствие надгробного сооружения (склепа); наперсные кресты как исключительный атрибут священства; появление в XIX в. крестов-тельников из драгоценных металлов; одежда из дорогих привозных тканей (шелка, атласа, бархата); форменная одежда (мундир); аксессуары костюма (пуговицы, позумент, украшения из дорогих материалов). В целом материалы некрополей XVII – первой половины XIX в. являются важным источником для реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка. Не все элементы погребального обряда в равной мере несут социально-дифференцирующую нагрузку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Люцидарская А.А. Вещный мир сибирского горожанина XVII века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 141–145.
2. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д'Принт, 2015. 276 с.
3. Татауров Ф.С. Новации в материальной культуре русских Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII в. (по материалам археологических исследований) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 347–351.
4. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л. : Наука, 1976. 197 с.
5. Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса : Друк, 2001. 244 с.
6. Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2007. 209 с.
7. Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург : УроРАН, 2011. 204 с.
8. Бердников И.М. Некрополи Иркутска XVIII–XIX вв. Результаты археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2011. С. 275–282.
9. Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк-1. Омск : Апельсин, 2010. 284 с.
10. Данилов П.Г. Некрополи XVII–XVIII вв. в структуре городской застройки Тобольска в свете археологических и исторических материалов // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 2. С. 19–21.

11. Воробьев-Исаев А.А. Духовная сторона православного обряда погребения по археологическим источникам // Культура Русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. Омск, 2008. С. 192–201.
12. Самигулов Г.Х. К вопросу о погребальном обряде русских Урала и Сибири XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : ОмГУ, 2005. С. 154–168.
13. Самигулов Г.Х. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII – середины XIX в. (к вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апельсин, 2008. С. 202–221.
14. Чёрная М.П. Методико-источниковедческие подходы к решению проблемы локализации исторических объектов // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 81–90.
15. Ширин Ю.В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии. Омск : Омский филиал РГТЭУ, 2011. С. 416–422.
16. Балюнов И.В., Данилов П.Г. Археологи открывают тайны Софийского собора // Наследие Тюменской области. 2013. № 1 (3). С. 50–53.
17. Зайцева Е.А., Кениг А.В. Погребальная обрядность русского старожильского населения Нижнего Прииртышья XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок могильника Горноправдинский) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 2. С. 23–27.
18. Чёрная М.П. Роль христианизации в русской колонизации (XVII–XIX вв.) // Американские исследования в Сибири. Вып. 2: Американский и сибирский фронт. Томск : ТГУ, 1997. С. 115–124.
19. Аношко О.М. Археологические исследования культурного слоя первой российской столицы Сибири // Наследие Тюменской области. 2015. № 1 (5). С. 11–18.
20. Данилов П.Г. Православный некрополь XVII–XVIII вв. в селе Абалак Тобольского района: итоги и перспективы исследований // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 7. С. 154–167.
21. Татаурова Л.В., Тишкин А.А. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2018. № 1 (17). С. 220–231.
22. Чёрная М.П. Сибирский опыт освоения пространств в историко-археологическом контексте // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. Москва ; Вологда : Древности Севера, 2016. С. 14–23.
23. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : Инфолио, 2007. 248 с.
24. Татаурова Л.В. Характеристика ставрографических материалов комплекса Изюк-I // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск : Наука, 2012. Т. 12. С. 158–162.
25. Кром И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // Вестник ОмГУ. Сер. Исторические науки. 2012. № 4. С. 222–226.
26. Богомолов В.Б., Татаурова Л.В. Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 2. С. 7–18.
27. Чиндина Л.А., Черная М.П., Володина В.С., Капитонова М.А. Сапоги из Томского кремля и могильника Мигалка // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 68–72.
28. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. М. : Наука, 1981. 270 с.
29. Глушкова Т.Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк-I и Ананыино-I // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апельсин, 2008. С. 326–333.
30. Глушкова Т.Н., Зайцева Е.А. Текстиль XVIII–XIX вв. (по материалам могильника Горноправдинский) // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии. Омск : Омский филиал РГТЭУ, 2011. С. 283–290.
31. Богомолов В.Б., Татаурова Л.В., Кравец Е.В. Реконструкция костюма русских Западной Сибири по археологическим материалам XVII–XVIII вв. // Вестник ЧГУ. Сер. История. 2013. Вып. 55, № 12 (303). С. 28–36.

Tataurov Phillip S. Omsk State Technical University (Omsk, Russia); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: fil_opossum@mail.ru

RUSSIAN BURIAL COMPLEXES OF WESTERN SIBERIA OF THE XVII - FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES AS A SOURCE FOR RECONSTRUCTION OF THE SOCIO-CULTURAL IMAGE OF A RUSSIAN SIBERIAN

Keywords: Russians; Western Siberia; burial complexes; XVII-XIX centuries; socially differentiating features; social and cultural image.

The study of ancient societies' social system on the materials obtained during burial grounds investigation has been practiced in science for a long time. However, such data were not involved to study the Russian society of Western Siberia in the XVII - first half of the XIX centuries. This work's **purpose** is to find out which elements of the burial complex can be considered as socially differentiating in reconstruction of the socio-cultural image (complex of material culture objects, reflecting cultural affiliation and worldview) of the Russian population of the above mentioned period and region. **Methods.** The archaeological material of Russian necropolises of the West Siberian region is analyzed using the comparative historical method, which allows matching groups of status things in time dynamics, to establish cause-and-effect relations, and to determine the changes nature in the social perception of specific categories of items. The archaeological context of burials is considered through a prism of the social and everyday domestic environment (a burial place and features) and clothing complex (crosses worn on the neck, costume elements). **Sources.** The study's source base was based on the published archaeological materials of the XVII - the first half of the XIX century from the necropolises of Tobolsk, Tomsk, Kuznetsk, rural monuments of the Omsk Irtysh region (Ananyino-I, Izyuk-I), Abalaksy monastery, Gornopravdinsky necropolis, etc. **Conclusions.** When considering the social environment, a burial place relative to the center of a cemetery (church) is important; a presence or absence of a tomb structure (crypt) depends on the status of a buried. The funerary constructions (a coffin of boards or of a single log with the hollowed middle) are not socially differentiated among themselves. The funeral costume complex presented in burials is divided into four main categories: items of personal piety (worn on a neck and ring crosses), clothes, shoes, jewelry. The presence/absence of worn on a neck crosses in the graves fixes well the changes, which occurred in the funeral rite of Russian Siberians. In the XVII century there are practically no such items in the graves, for the XVIII century their finds in the necropolises are becoming quite numerous, in the XIX century crosses from precious metals also appeared, which is another marker of social differentiation. The funeral footwear presented in graves during the studied period undergoes a certain evolution. In the XVII century the use of kaligs (special funeral footwear) is included in the practice of wide social strata of the Russian Siberian society; from the middle of the 18th century the dead are buried in the shoes used during their lifetime. Clothes preserve much worse, however even the fabric remains from burials of the 17-18 centuries can be classified by degree of social significance from silk, satin, velvet to woolen, linen and homespun cloth, and more often canvas. There is a little jewelry in graves, and only items made of expensive materials could mark higher social status and wealth of the buried.

Not all elements of a burial complex are equally socially differentiating, but in general, the materials of the necropolis of the XVII - the first half of the XIX century are an important source for the reconstruction of the socio-cultural image of a Russian Siberian.

REFERENCES

1. Lyutsidarskaya, A.A. (2005) Veshchnyy mir sibirskogo gorozhanina XVII veka [The real world of a seventeenth-century Siberian citizen]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(21). pp. 141–145.
2. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomске. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The Voivoda manor in Tomsk in the 1660–1760s: historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
3. Tataurov, F.S. (2017) Novatsii v material'noy kul'ture russkikh Zapadnoy Sibiri v XVII – pervoy polovine XVIII v. (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy) [Innovations in the material culture of Russians in Western Siberia in the 17th – first half of the 18th centuries (based on archaeological research)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 347–351.
4. Masson, V.M. (1976) *Ekonomika i sotsial'nyy stroy drevnikh obshchestv* [Economy and Social Structure of Ancient Societies]. Leningrad: Nauka.
5. Ivanova, S.V. (2001) *Sotsial'naya struktura naseleniya yamnoy kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [The social structure of the population of the Yamnaya culture of the North-Western Black Sea region]. Odessa: Druk.
6. Matveeva, N.P. (2007) *Rekonstruktsiya sotsial'noy struktury drevnikh obshchestv po arkheologicheskim dannym* [Reconstruction of the social structure of ancient societies according to archaeological data]. Tyumen: Tyumen State University.
7. Berseneva, N.A. (2011) *Sotsial'naya arkheologiya: vozrast, gender i status v pogrebeniyakh sargatskoy kul'tury* [Social archeology: age, gender and status in the burials of the Sargat culture]. Ekaterinburg: UrB RAS.
8. Berdnikov, I.M. (2011) Nekropoli Irkutsk XVIII–XIX vv. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Necropolis of Irkutsk in the 18th – 19th centuries. Results of archaeological research]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Omsk Institute (Branch) of RGTEU. pp. 275–282.
9. Tataurova, L.V. (2010) *Pogrebal'nyy obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. Po materialam kompleksa Izyuk-1* [The Russian funeral rite in the Middle Irtysh in the 17th – 19th centuries. According to the materials of Izyuk-1]. Omsk: Apel'sin.
10. Danilov, P.G. (2014) Nekropoli XVII–XVIII vv. v strukture gorodskoy zastroyki Tobol'ska v svete arkheologicheskikh i istoricheskikh materialov [Necropolis of the 17th – 18th centuries in the structure of urban development of Tobolsk in the light of archaeological and historical materials]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 19–21.
11. Vorobyov-Isaev, A.A. (2008) Dukhovnaya storona pravoslavnogo obryada pogrebeniya po arkheologicheskim istochnikam [The spiritual side of the Orthodox burial rite according to archaeological sources]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura Russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Apel'sin. pp. 192–201.
12. Samigulov, G.Kh. (2005) K voprosu o pogrebal'nom obryade russkikh Urala i Sibiri XVIII v. [On the Russian burial rite in the Urals and Siberia in the 18th century]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura Russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Omsk State University. pp. 154–168.
13. Samigulov, G.Kh. (2008) Eshho raz o litykh krestakh-tel'nikakh kontsa XVII – serediny XIX v. (k voprosu o staroobryadcheskikh krestakh) [Once again about cast crosses calves of the end of the 17th – the middle of the 19th centuries (on the issue of Old Believer crosses)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura Russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Apel'sin. pp. 202–221.
14. Chernaya, M.P. (2013) Methodical and source-studying approaches to a solution of the problem of historical objects' localization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 81–90. (In Russian).
15. Shirin, Yu.V. (2011) Pogrebal'nyy obryad khristianskikh kladbishch Pritom'ya XVII–XVIII vv. [The funeral rite of the Christian cemeteries of the near Tom area in the 17th–18th centuries]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Omsk Institute (Branch) of RGTEU. pp. 416–422.
16. Balyunov, I.V. & Danilov, P.G. (2013) Arkheologi otkryvayut tayny Sofiyskogo sobora [Archaeologists discover the secrets of St. Sophia Cathedral]. *Nasledie Tyumenskoy oblasti*. 1(3). pp. 50–53.
17. Zaytseva, E.A. & Kenig, A.V. (2014) Pogrebal'naya obryadnost' russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Nizhnego Priirtysh'ya XVIII–XIX vv. (po materialam raskopok mogil'nika Gornopravdinskiy) [The funeral rites of the old Russian population in the Lower Irtysh of the 18th – 19th centuries (based on materials from the excavation of the Gornopravdinsky burial ground)]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 23–27.
18. Chernaya, M.P. (1997) Rol' khristianizatsii v russkoy kolonizatsii (XVII–XIX vv.) [The role of Christianization in the Russian colonization (the 17th – 19th centuries)]. In: Pelipas, M.Ya. (ed.) *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. Issue 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 115–124.
19. Anoshko, O.M. (2015) Arkheologicheskie issledovaniya kul'turnogo sloya pervoy rossiyskoy stolitsy Sibiri [Archaeological studies of the cultural laer of the first Russian capital of Siberia]. *Nasledie Tyumenskoy oblasti*. 1(5). pp. 11–18.
20. Danilov, P.G. (2012) Pravoslavnyy nekropol' XVII–XVIII vv. v sele Abalak Tobol'skogo rayona: itogi i perspektivy issledovaniy [Orthodox necropolis of the 17th – 18th centuries in the village of Abalak, Tobolsk District: Results and Perspectives of Research]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 11(7). pp. 154–167.
21. Tataurova, L.V. & Tishkin, A.A. (2018) Results of X-Ray fluorescence analysis of cult casting products from the collections of archaeological objects of the 17th – 18th centuries among the Russian population of the Omsk Near-Irtysh Area. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* – *Herald of Omsk University. Historical Studies*. 1(17). pp. 220–231. (In Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.220-231
22. Chernaya, M.P. (2016) Sibirskiy opyt osvoeniya prostranstv v istoriko-arkheologicheskoy kontekste [Siberian experience of the development of space in the historical and archaeological context]. In: Belyaev, L.A. (ed.) *Ot Smuty k Imperii* [From the Troubles to the Empire]. Moscow; Volgda: Drevnosti Severa. pp. 14–23.
23. Molodin, V.I. (2007) *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Crosses worn next to the skin from the Ilimsk fortress]. Novosibirsk: Infolio.
24. Tataurova, L.V. (2012) Kharakteristika stavrograficheskikh materialov kompleksa Izyuk-1 [Characteristics of the stavrographic materials of the Izyuk-1 complex]. In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and archaeological complexes: problems of culture and society]. Vol. 12. Omsk: Nauka. pp. 158–162.
25. Kromm, I.D. & Berdnikov, I.M. (2012) Vyyavlenie vozmozhnosti datirovaniya stavrograficheskoy kolleksii Omskogo Priirtysh'ya metodom sravnitel'nogo analiza s materialami iz nekropoley g. Irkutsk [Identification of the possibility of dating the stavrographic collection of Omsk Irtysh by comparative analysis with materials from the Irkutsk necropolis]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* – *Herald of Omsk University. Historical Studies*. 4. pp. 222–226.
26. Bogomolov, V.B. & Tataurova, L.V. (2014) Pogrebal'naya kozhanaya obuv' russkikh Omskogo Priirtysh'ya XVII–XVIII vv. [Funeral leather shoes of Russians of Omsk Irtysh of the 17th – 18th centuries]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 7–18.
27. Chindina, L.A., Chernaya, M.P., Volodina, V.S. & Kapitonova, M.A. (2003) Sapogi iz Tomskogo kremlya i mogil'nika Migalka [Boots from the Tomsk Kremlin and the Migalka burial ground]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhnotaehznoy zone Zapadnoy Sibiri* [Archaeological and ethnographic studies in the south-taiga zone of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 68–72.

-
28. Aleksandrov, V.A. (ed.) (1981) *Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri. XVII – seredina XIX v.* [Ethnography of the Russian peasantry of Siberia. The 18th – the middle of the 19th centuries]. Moscow: Nauka.
 29. Glushkova, T.N. (2008) Tkani XVII veka iz russkikh mogil'nikov Izyuk-I i Anan'ino-I [Fabrics of the 17th century from the Russian burial grounds Izyuk-I and Ananyino-I]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura Russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Apel'sin. pp. 326–333.
 30. Glushkova, T.N. & Zaytseva, E.A. (2011) Tekstil' XVIII–XIX vv. (po materialam mogil'nika Gornopravdinskiy) [Textiles of the 18th – 19th centuries (based on materials from the Gornopravdinsky burial ground)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Omsk Institute (Branch) of RGTEU. pp. 283–290.
 31. Bogomolov, V.B., Tataurova, L.V. & Kravets, E.V. (2013) Rekonstruktsiya kostyuma russkikh Zapadnoy Sibiri po arkheologicheskim materialam XVII–XVIII vv. [Reconstruction of the Russian costume of Western Siberia according to archaeological materials of the 17th–18th centuries]. *Vestnik ChGU. Seriya: "Istoriya"*. 12(303). pp. 28–36.

УДК 902/904(571.1):39(=161/1)"18/19"
DOI: 10.17223/19988613/56/21

Л.В. Татаурова

**СТРУКТУРА УСАДЕБНЫХ КОМПЛЕКСОВ И РАЗМЕРЫ ЖИЛИЩ
У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАНГАРЬЯ КОНЦА XIX – СЕРЕДИНЫ XX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ Л.М. САБУРОВОЙ)**

Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 18-18-00487 «Русское население Сибири XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении».

Археологическое изучение русских поселений Нового времени в Западной Сибири требует выяснения структуры усадебных комплексов для понимания планиграфии раскопанных объектов. В этнографической литературе по этому вопросу есть только обобщенные данные. Материалы, собранные Л.М. Сабуровой в процессе работы Ангарского отряда комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в середине XX в. в деревнях Кежемского района Красноярского края, относятся к концу XIX – началу XX в. Они позволяют проанализировать состав объектов, входящих в усадьбу, их размерные характеристики, способы возведения построек и использованный материал. Эти сведения дают возможность сравнить полученные результаты с археологическими, выявить общее и особенное, тенденции в изменении структуры усадеб, региональные черты.

Ключевые слова: Сибирь; Приангарье; археология и этнография русской деревни; усадьбы.

Археологическое изучение русских деревень XVII–XVIII вв. в Омском Прииртышье, начатое автором в 90-х гг. прошлого века, поставило вопросы, решение которых позволит выполнить объективные реконструкции поселений и формирующих их усадебных комплексов как одного из важнейших элементов системы жизнеобеспечения. Это касается выяснения вида, структуры и планиграфии усадеб, размерные характеристики входящих в нее элементов, их функциональное назначение и критерии, которые можно использовать для интерпретации раскопанных объектов. Необходимость в получении аргументированных ответов вызвана не только тем, что будет накоплен статистический материал, который пополнит базу для интерпретации данных археологии, но и тем, что выводы, основанные на анализе репрезентативной источниковой базы, позволят выявить традиционные черты, а возможно, и стандарты в строительной практике русского населения Сибири Нового времени.

Некоторые из обозначенных элементов подробно рассмотрены в этнографических публикациях. Изучение структуры и состава усадеб русского населения Сибири и функциональное назначение отдельных построек имеет обширную историографию (см., например: [1. С. 102–104; 2. 16–20; 3. С. 33–40; 4. С. 39–81 и др.]). При общей и детализированной разработанности видов и планировочных схем усадеб, обоснованности развития горизонтальной и вертикальной планиграфии жилищ и хозяйственных построек, в этнографической литературе мало внимания отводится размерным характеристикам элементов жилищно-хозяйственных комплексов, которые, прежде всего, доступны археологу. Они, как правило, приводятся лишь в качестве единичных примеров, полученных из письменных документов.

Опыт, накопленный археологами в решении поставленных вопросов, пока не очень большой. Прежде

всего, он относится к рассмотрению усадебных комплексов жителей сибирских острогов и городского населения [5–8]. Несмотря на традиции в создании жилых пространств в городской и сельской среде, в военных поселениях и городах они более подчинены регламентации, связанной с назначением самих поселений. Кроме того, специфика городской археологии зачастую не позволяет полностью раскопать весь усадебный комплекс, а значит, выявить его структуру. Но в отличие от этнографических работ, археологи больше обращают внимание на размеры раскопанных объектов, на основании чего делают выводы о статусе владельцев больших по площади жилищ и развитых усадебных комплексов со специфическими постройками [7, 9, 10]. Нарботки в археологическом изучении деревенских усадеб тоже имеются. Выявлены типы жилищ, оценена их площадь и планиграфия, сделаны модели раскопанных объектов [11. С. 179–191; 12. С. 171–190]. Выявление характерных черт отдельных строений в усадебных комплексах, которые необходимы для идентификации их при раскопках, предпринято автором [13. С. 181–185].

Однако обширный этнографический и имеющийся археологический материал сложно соотнести между собой при детальном сравнении. Это связано с тем, что в полевых условиях ученый-этнограф работает с целыми формами, реальной планиграфией и предметами, которые не изъяты из живой культуры. Этнографические построения основаны на визуальном наблюдении, письменных, изобразительных, устных источниках, в XX в. к ним добавились фото- и видеотексты изучаемой среды. Но если в задачах исследования не прописан сбор информации по размерным характеристикам объектов, то они, как правило, «остаются за кадром». Археолог же изучает руинированные остатки строений, их расположение между собой и в культурном слое и т.д. В методике археологических изысканий условия

получения информации отличаются: помимо наблюдений, зарисовки и фотографирования главными требованиями в ведении раскопок являются точная привязка к местности, фиксация всех параметров находимых конструкций, нарушений материкового слоя и т.п. Поэтому сколько бы археолог не раскопал жилищ, для каждого будут зафиксированы их размеры. Попытка сделать сопоставимым этнографический и археологический материал предпринята в этой работе.

В изучении поселенческих структур русского населения, кроме археологических исследований, автору выпала возможность поработать с фондами архива Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), где хранятся этнографические материалы, собранные в 1957–1961 гг. Ангарским отрядом экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством Л.М. Сабуровой в Кежемском районе Красноярского края¹. Они и легли в основу этой публикации.

Целями работы стало выяснение состава усадебных комплексов и размеров входящих в него построек для понимания традиций, специфики их формирования и возможности сопоставления с археологическими материалами.

Обследованная территория Красноярского края в XVII в. осваивалась через Енисейск выходцами из поморских городов и уездов [14. С. 11] и являлась его центром, как географически, так и с точки зрения освоения русским населением. В результате здесь сложился «один из старых очагов русского заселения с типичной для Приангарья культурой» [14. С. 7]. Экспедиция носила комплексный характер: помимо этнографов в ней работали географы, архитекторы, диалектологи, музыковеды, художники и фотографы. За пять лет исследований собран огромный массив сведений по русской старожильческой культуре жителей Приангарья. Сбор материалов и наблюдений позволил Л.М. Сабуровой сделать вывод, что «этнографические данные свидетельствуют о генетической связи местного русского населения с северо- и средневеликорусским населением» [15. С. 500]. Однако не все полученные источники введены в научный оборот и требуют научного осмысления. Поэтому автором для решения поставленных вопросов была проанализирована опись жилого фонда 12 населенных пунктов Кежемского района Красноярского края, в которых проживало русское старожильческое население [16–18].

В описях представлены характеристика усадеб, с указанием фамилий их владельцев, перечень элементов подворья – дом и хозяйственные объекты, год сооружения каждой постройки, входящей в конкретную усадьбу и материалы, из которых они выполнены. Данные размерные показатели каждого строения. Этот источник представляет особую ценность потому, что в публикациях на указанную тематику основное внимание уделяется структуре жилищно-хозяйственного комплекса с описанием функционального назначения входящих в нее объектов. В нашей работе акцент сделан на изучении состава усадеб и размеров жилищ.

Для обработки архивных материалов выделен комплекс признаков, на базе которого составлены таблицы. По каждой исследованной деревне в них вошли сведения по усадьбам, включающие даты возведения жилища и хозяйственных построек, номенклатуру последних, использованный строительный материал, размерные характеристики: длина, ширина, высота и площадь каждого объекта в усадьбе. Недостатком этого источника оказалось общее название для всех типов жилищ – дом – без указания его конструкции: изба, связь, пятистенки и т.д. Это не позволило соотнести имеющиеся сведения по размерам жилых построек с конкретным типом.

В результате работы проанализировано 1 203 усадеб: в селе Кежда, деревнях Алешкино, Заимка, Верхняя Кежда, Кода, Кодинская Заимка, Костино, Пашино, Привалихина, Прокопьево, Проспихино, Фролово. Учетный нами материал относится ко времени с XIX в. по 1930 г.

Однако в нашем исследовании использован не весь блок полученной информации (данные, относящиеся к 1931–1960 гг. не рассматривались). В своей книге, выпущенной по итогам работы экспедиции, Л.М. Сабурова при обобщении полученного материала соотнесла его с тремя периодами: 1) конец XIX – начало XX в. (до 1917 г.); 2) 20-е гг. XX в. (до начала массовой коллективизации); 3) 30–60-е гг. XX в. [14. С. 9].

Мы ограничимся двумя первыми периодами, не анализируя новации, связанные с социалистическим строительством. Хотя многие черты традиционной культуры продолжали бытовать и в этот период. Исходя из имеющихся данных, были скорректированы временные границы первого периода – в него включен весь XIX в. и начало XX в. до 1917 г. Основанием для этого можно считать имеющиеся сведения по усадьбам, построенным в начале – середине XIX столетия. И хотя этих данных немного, именно они станут мостом, связывающим с XVIII в., а значит, со сведениями, полученными в ходе археологических исследований деревенских комплексов Нового времени. Изучение информации, относимой ко второму временному отрезку (1917–1930 гг.), позволяет зафиксировать, как традиционные черты в обустройстве жилого пространства русских сибиряков, так и инновации, связанные с изменениями общественно-политической ситуации. Исходя из этого, в приведенных ниже таблицах представлены статистические параметры учетного материала.

Как видно из табл. 1, в изученных экспедицией Л.М. Сабуровой деревнях преобладают усадьбы (кроме села Кежда, которое с 1928 г. становится районным центром), созданные в досоветский период, их доля в жилом фонде деревень составляет от 72,5 до 100%. Однако стоит учесть, что временные отрезки формирования зафиксированного количества усадеб разные (116 лет в первом периоде, 14 лет – во втором). Это показывает динамику изменений условий жизни, связанную с новой общественно-политической ситуацией. В задаче нашего

исследования не входило изучение истории освоения региона и основания этих деревень, частично она отражена в монографии Л.М. Сабуровой [14. С. 10–20]. Но, соглашаясь с представленными выше мнениями, можно констатировать, что в XVI–XVIII вв. формирование русского мира (подробнее см.: [19. С. 351–354]) на этой территории было схожим с другими регионами Сибири.

Рассмотрим на базе полученных материалов состав усадебных комплексов. Во всех деревнях они включают дом (реже два дома) с сеними или без них и хозяйственные постройки. Из анализа документов видно, что «культура сибиряков обладала свойствами изменчивости и трансформации, существовавшими наряду с устойчивостью определенных характеристик» [2. С. 48]. Это прослеживается в разновременности построек в некоторых усадьбах. Например, в селе Кежма в усадьбе Ю.М. Брюханова дом и сени построены в 1957 г., амбар и стайка – в 1860 г.; в усадьбе М.Ф. Кокорина дом и сени – в 1957 г., два амбара в 1890 г., стайка – в 1900 г.; в усадьбе И.К. Воронова дом – в 1950 г.; амбар, завозня и баня – в 1900 г., стайка, забор и ворота – в 1880 г. [17. С. 48, 64, 77]. И другая ситуация. Например, в деревне Верхняя Кежма в усадьбе В.П. Каменской дом и сени построены в 1890 г., стайка – в 1959 г. [Там же. С. 86]. Надо заметить, что это далеко не все примеры. А.Ю. Майничева считает, что разные годы строительства построек не

свидетельствуют об очередности их сооружения, а показывают моменты замены или перестройки уже существовавших строений [2. С. 49]. В археологическом контексте на это могут указывать дендродаты деталей объектов, в которых применялось и вторичное использование дерева [20, 21]. Археологическим примером могут служить раскопки автора в 2017–2018 гг. жилого комплекса на поселении Ананьино-1 в Тарском районе Омской области, который перестраивали несколько раз. Первоначально была построена изба, площадью около 9 м² с печью. Через некоторое время избу разобрали до нижнего венца, оставив печь, и сделали новый сруб размером 16 м². Третий сруб размером 8,2×4,4 м (площадь 36,08 м²) включил в себя две предыдущие постройки. С юго-востока к среднему срубам, судя по планиграфии, были пристроены сени. Объект ориентирован СЗ–ЮВ, торцом стоял к озеру (а в результате последней перестройки – фасадом), на берегу которого была построена деревня. К сожалению, плохая сохранность дерева изученного жилого комплекса не позволит нам датировать этапы описанного процесса.

Возвращаясь к анализу материалов Л.М. Сабуровой, проследим за составом усадебных комплексов. В рассмотрение были включены только единовременные постройки. Результаты представлены в табл. 2, 3 по каждому из периодов.

Таблица 1

Количество проанализированных усадеб в деревнях Кежемского района по периодам [16–18]

Поселения	Кежма	Алешкино	Займка	Верхняя Кежма	Кода	Кодинская Займка	Костино	Пашино	Привалихина	Прокопьево	Проспихино	Фролово
Всего усадеб	617	118	96	33	66	12	31	33	11	19	127	40
1–2-й периоды, %	35,1	76,3	87,5	84,9	87,9	16,7	96,8	96,9	100	100	72,5	90,0
Количество усадеб по периодам / % от общего числа усадеб в деревне												
XIX в. – 1916	147/23,8	31/26,3	30/31,3	14/42,4	42/63,7	2/16,6	29/93,6	28/84,9	9/81,8	17/89,5	72/56,7	30/75
1917–1930 гг.	70/11,4	59/50	54/56,3	14/42,4	16/24,3	–	1/3,3	4/12,1	2/18,2	2/10,5	20/15,5	6/15

Таблица 2

Состав усадеб в дореволюционный период [16–18]

Первый период (XIX в. – 1916 г.)											
Поселение	Дома, ед.	Сени, ед./%	Амбары, ед./%	Стайки, ед./%	Сарай, ед./%	Хлева, ед./%	Заборы, ед.	Ворота, ед.	Бани, ед./%	Завозни, ед./%	Зимовья, ед./%
Кежма	147	98/66,7	100/68	65/44,2	19/12,9	2/1,4	34	17	7/4,8	6/4,8	–
Алешкино	32*	22/68,8	32/100	20/62,5	4/12,5	4/12,5	6	4	4/12,5	2/6,25	–
Займка	30	24/80	32/106**	25/83,4	6/20	–	4	6	3/10	4/13,6	–
Верхняя Кежма	15	15/100	11/73,4	9/60	2/13,4	–	1	–	–	–	–
Кода	58	21/36,2	31/54,5	30/51,7	14/24,1	–	2	3	8/13,8	8/13,8	1/1,72
Кодинская Займка	2	1/50	3/150	2/100	–	–	–	–	1/50	2/100	–
Костино	29	4/13,8	28/96,6	25/86,2	1/3,5	–	1	3	–	–	–
Пашино	30	20/66,7	23/76,7	16/53,4	1/3,4	1	1	–	2/6,7	4/13,4	–
Привалихина	9	7/77,8	9/100	–	1/11,1	12/	1	1	–	1/11,1	–
Прокопьево	17	1/5,9	14/82,4	13/76,5	2/11,8	–	–	–	–	1/5,9	–
Проспихино	72	76/105,6	56/77,8	39/54,2	29/40,3	3/4,2	16	32	–	12/16,7	3/4,2
Фролово	30	32/106,7	28/93,4	13/43,4	4/13,4	13/43,4	3	1	3/10	1/3,4	–

* Количество домов и количество усадеб численно отличаются, так как есть случаи, когда в усадьбе два дома.

** В некоторых усадьбах зафиксировано по два амбара, или две стайки.

Состав усадеб в начале советского периода [16–18]

Второй период (1917–1930 гг.)											
Поселение	Дома, ед.	Сени, ед./%	Амбары, ед./%	Стайки, ед./%	Сарай, ед./%	Хлева, ед./%	Заборы, ед.	Ворота, ед.	Бани, ед./%	Завозни, ед./%	Зимовья, ед./%
Кежма	70	55/78,6	51/72,9	41/58,6	11/15,7	2/2,3	19	18	10/14,3	6/8,6	1/1,4
Алешкино	59	48/78,7	60/98,4	65/106,6	12/19,7	–	9	18	25/40,9	5/8,2	1/1,7
Займка	55	43/78,2 +3к*	58/105,5	53/96,4	13/23,7	–	21	12	13/23,7	8/9,1	1/1,8
Верхняя Кежма	14	12/85,7 +1к	8/57,2	6/42,3	4/28,9	–	4	2	3/21,4	2/14,3	–
Кода	16	15/93,8	11/68,8	12/75,0	14/87,5	–	3	5	2/12,5	4/25,0	–
Кодинская Займка	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Костино	1	1/100	1/100	1/100	–	–	–	–	–	–	–
Пашино	4	3/75,0	3/75,0	3/75,0	–	–	–	–	–	1/25,0	–
Привалихина	2	2/100	2/100	–	–	–	–	–	–	–	–
Прокопьево	2	–	2/100	1/50	–	–	–	–	–	–	–
Проспихино	20	20/100	21/105,0	20/100	16/80,0	1/5,0	6	6	–	2/10	2/10
Фролово	6	4/66,7	6/100	1/16,7	1/16,7	4/66,7	1	1	–	–	–

* 3к – 3 крыльца, как самостоятельные элементы, вместо сеней.

Оценивая полученные результаты, можно сделать следующие выводы. Как в первый, так и во второй период истории обследованных деревень состав усадебных комплексов был практически постоянным и включал основные компоненты, к которым относятся дом (иногда два в усадьбе), сени (в нескольких случаях – двое сеней), амбар, стайка (есть случаи, когда в усадьбе по два амбара или по две стайки). Это постройки в процентном отношении доминируют. Сарай и хлев как элементы усадьбы появляются к концу XIX в. Однако и в начале XX в. они не имеют широкого распространения. Остальные типы хозяйственно-бытовых объектов также используются в небольшом количестве (см. табл. 2, 3).

Отдельно стоит остановиться на банях. Для обоих периодов их зафиксировано немного в пределах усадеб, даже в раннесоветский период за 14 лет количество увеличилось, в целом, в два раза. Однако в деревнях Кодинская Займка, Костино, Пашино, Привалихина, Прокопьево, Проспихино, Фролово к четырем построенным в дореволюционное время ничего не добавилось. В документах обоих периодов для бань часто стоят более поздние годы построек (начиная с 1930-х и до 1960-х гг.). Если учесть все отмеченные случаи наличия бань, то их общее количество увеличится с 81 до 192, т.е. более чем в два раза. Но все равно по отношению к общему количеству учтенных усадеб (699 ед. с 1800 по 1930 г.), бани имелись у 27,5% домохозяев. Скорее всего, бани быстрее изнашивались и чаще горели, что способствовало их перестройке или замене [2. С. 49], что и отражают даты их постройки в переписи жилого фонда [16–18]. Возможно, часть этих сооружений, выполнявших не только санитарно-гигиенические, но сакральные и хозяйственные функции, находилась за пределами усадеб и использовалась несколькими семьями совместно [2. С. 32; 3. С. 35], и поэтому они не учтены в переписях. По результатам археологических исследований автора в Омском Прииртышье бани в границах усадебного комплекса зафиксированы на поселениях Бергамак-I и Изюк-I (Муромцевский и Большереченский районы Омской области). Это небольшие (на Изюке размером 3,1×3,1 м; на

Бергамаке – 3,4×3,4 м – размеры стен даны по внутреннему контуру) срубные постройки с развалом печи в одном из углов. На Бергамаке рядом с печью найдено два скопления керамики.

Интересным фактом в описи жилого фонда деревень Кежемского района стало упоминание наличия в трех усадьбах крылец в домах без сеней (табл. 3). Хотя Л.М. Сабурова в монографии выделяет даже типы крылец [14. С. 116. Рис. 19]. Судя по приведенной иллюстрации, крыльца были конструктивной деталью сеней. Но почему-то в описаниях жилищ не отмечены. В археологически изученных жилищах крыльца зафиксированы на поселениях Ананьино-I, Изюк-I, Бергамак-I. Их пристраивали непосредственно к входу в жилище, которых иногда было по два.

Размеры жилищ – самая важная часть нашего исследования, поскольку размерные характеристики – наилучший сравнительный материал, это данность, которую исследователь не может изменить по своему усмотрению.

Для анализа метрических сведений о величине домов в деревнях Кежемского района Красноярского края они были размещены в таблицах, первоначально для каждого населенного пункта, а затем обобщены в двух итоговых. Основанием для выделения группы послужило то, что в половине изученных населенных пунктов в использовании дерева для построек наблюдается два варианта (табл. 4): бревна для длинных и коротких стен имели дробный, например 9,7×6,3 м [16. С. 46], или цельный, 7×6 м, размеры [16. С. 44]. Причем это характерно для обоих изучаемых периодов. В остальных деревнях зафиксировано преобладание менее дробных размеров длины и ширины бревен для стен (табл. 5), например, 7×7 или 6,5×6,5 [16. С. 30, 37]. Поэтому графы «размеры» в табл. 4, 5 отличаются. В табл. 4 численный интервал длины и ширины бревен для стен домов учитывает колебание размеров в пределах, например, от 6,1 до 6,9 м. Логика такой градации обусловлена имеющимся материалом, именно это сближает полученные данные с археологическими, о чем речь пойдет ниже.

Размеры		Деревни											
		Кода		Кодинская Заимка		Костино		Привалихоно		Прокопьево		Проспихино	
		Кол-во домов, 1-й период	Кол-во домов, 2-й период	Кол-во домов, 1-й период	Кол-во домов, 2-й период	Кол-во домов, 1-й период	Кол-во домов, 2-й период	Кол-во домов, 1-й период	Кол-во домов, 2-й период	Кол-во домов, 1-й период	Кол-во домов, 2-й период	Кол-во домов, 1-й период	Кол-во домов, 2-й период
Высота, м	2; 2,5	1; 1	–; 4	–; 1	–	–	–	1	1	–	–	3; 2	–
	3,0	18	3	–	–	20	1	2	–	14	–	23	3
	3,5	4	5	–	–	2	–	2+ 2–3,8	–	–	–	30	12
	4,0	18	4	1	–	7	–	3	–	3	2	13	5
Площадь, м ²	до 20	–	–	–	–	1 мин 12	–	1 мин 18	–	–	–	–	–
	До 30	6 мин 24,5	7 мин 26	–	–	7	–	–	–	3 мин 24	1 мин 29,6	7 мин 24	–
	До 40	11	2	1 мин 36	–	12	1 = 36	–	–	5	–	14	1 мин 32,5
	40 и более	25 мах 56	7 мах 56	1 мах 56	–	9 мах 49	–	9 мах 68	1 = 48	9 мах 70	1 мах 42	50 мах 85	19 мах 72,3
Материал крыш	Тес	14	10	–	–	4	–	6	1	7	1	51	12
	Дранка	28	6	2	–	25	1	4	–	10	1	21	2

Большие возможности для сопоставления представляют значения площади домов. По изученным материалам самая малая жилая площадь была у изб: 12; 14; 18 м². Другие минимальные размеры площади, представленные в табл. 4, 5 (22,5; 24; 25,8; 26 и др.), могут свидетельствовать, что это могли быть как избы, так и пятистенки.

Для сравнения представим археологическую информацию по размерам жилищ. К сожалению, мы не можем зафиксировать в раскопе высоту домов (как правило, от сруба остается всего несколько венцов), но учитывая диаметры бревен от стен раскопанных домов и представленные в табл. 4, 5 сведения о высоте жилых деревенских построек, можно ее рассчитать. Так, если высота была 4 м (так как в рукописях указана кубатура дома, скорее всего, это высота потолка), то при среднем диаметре венца (0,25 м), по данным археологии, постройка могла состоять из 16 венцов. При высоте 3 м – из 12 венцов; 3,5 м – из 14 венцов. По наблюдениям Л.М. Сабуровой, «изба состояла из 14–17 венцов» [14. С. 110]. По аналогии с этнографическим материалом можно представить, что большие по площади дома могли быть высокими, с крышами из теса, более скромные – пониже (2–2,5 м) и крыты дранкой.

На Изюке изучено пять жилых помещений, по планировке их можно разделить на три типа: трехчастная изба-связь (три жилища – все с одним большим помещением и одним – поменьше) в сочетании клеть (помещение с подполом)-сени-горница (с печью), пятистенки с прирубом и изба. Их размеры приведены в табл. 6.

На Ананьино изучено пять изб-связей, все они трехчастные. Четыре по планировке с одним большим помещением, и одним поменьше, одна с равнозначными частями. Две в сочетании клеть-сени-

горница (с печью); две – изба (с печью)-сени-горница (без печи); одна – горница-сени-горница (обе горницы с печами).

Анализируя размеры археологических жилищ можно заметить, что, несмотря на общую большую площадь (табл. 6), они имели не меньшее жилое пространство: сочетание клеть-горница от 42,5 (общая площадь двух помещений) до 68,7 м². В жилище с двумя теплыми горницами жилая площадь составила 71,4 м²; в сочетании изба-горница площадь жилых комнат – 24 и 39,5 м². Эти размеры вполне сопоставимы с анализируемыми этнографическими материалами. Сени, как правило, служили для хозяйственных нужд и хранения инвентаря [1. С. 11; 4. С. 64]. В археологическом измерении были размером от 8,7 до 18,6 м². Самым небольшим по площади домом оказалась одностопная изба на памятнике Изюк, размеры которой составили 29,2 м².

Раскопанные жилища датируются XVII–XVIII вв. [11. С. 177–179].

Коротко рассмотрим материал, из которого строились усадебные комплексы русского населения Приангарья по описаниям жилого фонда в архиве экспедиции Л.М. Сабуровой [16–18]. Дома, как правило, построены из бревен. Для крыш использовали тес, особенно в больших домах, даже в начале XIX в. Это в какой-то мере является закономерностью. Вероятно, что большой и высокий дом с тесовой крышей (которая весьма трудоемка в изготовлении) и слюдяными окнами был показателем статуса проживавшей в ней семьи [7. С. 194–195; 9. С. 348]. Еще одно наблюдение: в XIX в. большее количество домов крыли дранкой. Хозяйственные постройки в усадьбах были как бревенчатые, так и дощатые. Очень редко упоминается брус.

Размерные характеристики жилищ, изученных на памятниках Ананьино-I и Изюк-I

Размеры	Археологические памятники Омского Прииртышья (раскопки автора 1999–2014 гг.)										
	Ананьино-I						Изюк-I				
	Часть жилища	Связь 1	Связь 2	Связь 3	Связь 4	Связь 5	Изба	Связь 1	Связь 2	Связь 3	Пятистенок с прирубом
Длина стен, м	Клеть	5	–	–	4	–	–	5,2	3,8	4,3	–
	Сени	3,9	4,4	2,6	3,4	2,4	–	3	3,8	2,7	–
	Горница	6,7	4,9	6	–	4,9	–	6	7	4,7	–
	Горница	–	–	6	–	–	–	–	–	–	–
	Пятистенок	–	–	–	–	–	–	–	–	–	8,6
	Прируб	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6,7
	Изба	–	5,2	–	3,4	3,4	5,4	–	–	–	–
	Клеть	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ширина стен, м	Общая в связи	15,8	12,6	14,6	≈12	≈10,7	–	≈12,9	14,5	≈12	15,3
	Клеть	4,9	–	–	3	–	–	4,9	4,9	4,3	–
	Сени	4	2,5	6	3,4	4,4	–	4,3	3,8	3,2	–
	Горница	6,6	4,4	6,3	–	5	–	5	7	5,1	–
	Горница	–	–	5,6	–	–	–	–	–	–	–
	Пятистенок	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4,5
	Прируб	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5,4
	Изба	–	5,2	–	3,4	3,4	5,4	–	–	–	–
Площадь, м ²	Клеть	24,5	27	–	12	–	–	25,5	18,6	18,5	–
	Сени	15,6	11	15,6	12	10,6	–	12,9	18,6	8,7	–
	Горница	44,2	21,6	37,8	–	24,5	–	30	49	24	–
	Горница	–	–	33,6	–	–	–	–	–	–	–
	Пятистенок	–	–	–	–	–	–	–	–	–	38,7
	Прируб	–	–	–	–	–	–	–	–	–	36,2
	Изба	–	–	–	12	15	29,2	–	–	–	–
	Общая	84,3	59,6	87	36	50	29,2	60,4	86,2	51,2	74,9

Выводы. Проанализированный материал позволил приобрести представительный объем информации по многим важным аспектам в изучении культуры русских сибиряков. На его основе можно утверждать, что на локальной территории с достаточно однородным в этническом плане населением сложившийся усадебный комплекс имел развитую структуру, которая сохранялась без особых дополнений на протяжении почти 150 лет. Вероятно, что входящие в состав жилищно-хозяйственного комплекса объекты изменяли свой облик и положение в пространстве усадьбы в связи с ремонтом, перестройкой и обновлением. К жилищам пристраивали сени или, при отсутствии сеней, делали разные виды крылец; строили сараи или хлева, индивидуальные бани, обносили жилище забором и т.д. Но основные компоненты сохранялись.

Изученный источник дал различные блоки статистической информации, которую можно использовать

для сравнения с археологическим материалом и приблизиться к пониманию процессов и этапов формирования и развития поселений более ранних периодов освоения русскими Сибири в целом и отдельных регионов в частности.

Даже несмотря на отсутствие в описаниях привязки к типам жилищ, можно констатировать, что они имели общие черты в размерах жилой площади, срубной технике, способе изготовления крыш, использованному материалу жилищными комплексами русских Западной Сибири и европейской части России.

Сведения, полученные при анализе большого объема данных, позволяют считать выполненную работу репрезентативной и дают возможность применения ее результатов для сопоставления, как с этнографическими материалами других регионов, так и с археологическими.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Автор выражает глубокую признательность заведующему отделом этнографии восточных славян и народов Европейской России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, к.и.н. А.И. Терюкову за оказанную помощь в работе с материалами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в. М.: Наука, 1981. 270 с.
2. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. 144 с.
3. Липинская В.А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // СЭ. 1975. № 5. С. 31–41.
4. Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX в.: (К постановке проблемы). Новосибирск: Сибирская научная книга, 2005. 192 с.
5. Бородавский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН; НГПУ, 2009. 244 с.
6. Скобелев С.Г. Отдельно стоящие постройки хозяйственно-служебного назначения на площади двора Саянского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 278–282.

7. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д' Принт, 2015. 276 с.
8. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск ; Екатеринбург, 2017. 360 с.
9. Татауров Ф.С. Новации в материальной культуре русских Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII века (по материалам археологических исследований) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 347–351.
10. Татауров С.Ф. Воеводская усадьба г. Тары. Реконструкция и интерпретация // Вторые Ядринцевские чтения : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны (Омск, 29–30 октября 2014 г.). Омск : ОГИК-музей, 2014. С. 85–88.
11. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII в. (по материалам археологических исследований) / Л.В. Татаурова, С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров и др. Омск : Издатель Полиграфист, 2014. 374 с.
12. Культура населения XVI–XIX вв. как основа формирования современного облика народов Сибири / Н.А. Томилов, С.С. Тихонов, Л.В. Татаурова и др. Омск : Наука, 2005. 268 с.
13. Татаурова Л.В. Методические рекомендации по ведению полевой документации на раскопках памятников русских // Методика междисциплинарных археологических исследований : сб. науч. ст. и метод. рекомендаций. Омск : Наука, 2011. С. 180–212.
14. Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л. : Наука, 1967. 300 с.
15. Терюков А.И. Л.М. Сабурова как исследователь русского старожильского населения Сибири // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 499–503.
16. Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 799. Перепись жилого фонда 1960, 1961 гг. Рукопись. 87 с.
17. Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 800. Перепись жилого фонда 1960 г. С. Кежма. Рукопись. 92 с.
18. Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 801. Перепись жилого фонда 1960 г. С. Кежма. Рукопись. 35 с.
19. Татаурова Л.В. Формирование русского мира в Тарском Прииртышье в XVII–XVIII вв. Историко-археологический аспект // Вагановские чтения : материалы IX регион. науч.-практ. конф., посвящ. 425-летию города Тары (г. Тара, 5–6 апреля 2018 г.). Омск : Амфора, 2018. С. 351–354.
20. Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Мыглан В.С. Календарная датировка археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область). РА. 2018. № 4 (в печати).
21. Татауров С.Ф. Вторичное использование древесины в городе Таре в XVII–XVIII вв. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул : Изд-во АлГУ, 2017. С. 1013–1014.

Tataurova Larisa V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: li-sa65@mail.ru

ESTATE COMPLEXES STRUCTURE AND DWELLINGS' SIZES OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE ANGARA REGION IN THE LATE XIX - MID XX CENTURY (BASED ON L. M. SABUROVA'S MATERIALS)

Keywords: Siberia; Angara Region; archeology and ethnography of a Russian village; estates.

A dwelling and estate complex are one of the main elements in the life support system. A structure, functionality of household objects within a manor is a well described in the ethnographic literature. A typology of dwellings has been developed; their horizontal and vertical planigraphy has been analyzed. However, the publications paid little attention to studying dimensional characteristics of dwellings and outbuildings, which can be compared with archaeological material.

The study purpose is to clarify a composition of the estate complexes and size of its buildings to understand the traditions, specifics of their formation and ability to compare with archaeological materials.

This research is based on the material of the inventory of the housing stock of the Angara Region Russian population, which are stored in the archives of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkammer). Data were collected in 1957–1961 by the Angarsk group of the expedition of Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences under leadership of L.M. Saburova in Kezhem district of Krasnoyarsk region. Comparative archaeological material on dwellings is the one obtained by the author during the excavations of Russian settlements of the XVII–XVIII centuries in the Omsk Irtysh region.

The statistical methods of analysis are applied, which are systematic data collection, their processing and analysis; the author also used analogies and comparative historical methods.

As a result, the data on 1203 estates of the Russian population were considered. They are systematized by periods: the first period is from the beginning of the XIX century to 1916, it reflects the established traditions in organization of dwellings and household complex; the second period is from 1917 to 1930, it characterizes the culture transformations associated with the change of the social system.

On the basis of the information received, it was found out that the structure of an estate complex of Russian population of the Angara Region from the beginning of the XIX century to 1939 little had changed. Statistical data on the size of dwellings showed that Siberians built tall, spacious houses within the tradition, came to Eastern Siberia from the European part of Russia along with Russian settlers. The obtained information on the houses size allowed comparing them with archaeological material, what is done on the example of excavated dwellings from rural settlements in Western Siberia.

The obtained amount of representative information allows conducting comparative analysis of ethnographic and archaeological material. Comparison of ethnographic and archaeological data revealed similar elements. This makes it possible to trace the dwelling evolution in time and space. In the Russian culture of the Angara Region the features characteristic of Russians from other regions of Siberia and the European Russia lingered in the house construction and sizes, and estates structure.

REFERENCES

1. Aleksandrov, V.A. (ed.) (1981) *Etнография русского крест'янского Сибиря. XVII – середина XIX в.* [Ethnography of the Russian peasantry of Siberia. The 18th – the middle of the 19th centuries]. Moscow: Nauka.
2. Maynischeva, A.Yu. (2002) *Архитектурно-строительные традиции крест'янского северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.)* [Architectural and building traditions of the peasantry of the northern part of the Upper Ob: problems of evolution and contacts (the mid 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: SB RAS.
3. Lipinskaya, V.A. (1975) *Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири (концы XIX – начало XX в.)* [Types of building in the country estates of the Russian population in Western Siberia (the end of the 19th – early 20th centuries)]. *Sovetskaya etнография*. 5. pp. 31–41.
4. Shelegina, O.N. (2005) *Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX в.: (К постановке проблемы)* [Adaptation processes in the culture of life support of the Russian population of Siberia in the 18th – early 20th centuries (to the formulation of the problem)]. Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga.
5. Borodovskiy, A.P. & Gorokhov, C.B. (2009) *Умеровинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг.* [Umerovinsky prison. Archaeological research of 2002–2009]. Novosibirsk: SB RAS.
6. Skobelev, S.G. (2014) *Otdel'no stoyashchie postroyki khozyaystvenno-služebnogo naznacheniya na ploshchadi dvora Sayanskogoostroga* [Separate constructions of economic and official purpose in the yard of the Sayan ostrog]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 278–282.

7. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The voivode's estate in Tomsk, 1660–1760: Historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
8. Vizgalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2017) *Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda* [Mangazeya: a manor in the polar city]. Nefteyugansk-Ekaterinburg.
9. Tataurov, F.S. (2017) Novatsii v material'noy kul'ture russkikh Zapadnoy Sibiri v XVII – pervoy polovine XVIII veka (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy) [Innovations in the material culture of Russians in Western Siberia in the 17th – first half of the 18th centuries (based on archaeological research)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 347–351.
10. Tataurov, S.F. (2014) [Voivode's manor of Tara, reconstruction and interpretation]. *Vtorye Yadrntsevskie chteniya* [The Second Yadrntsev Readings]. Proc. of the All-Russian Conference. Omsk, October 29–30, 2014. Omsk: OGIK-muzey. pp. 85–88. (In Russian).
11. Tataurova, L.V., Tataurov, S.F., Tataurov, F.S. et al. (2014) *Adaptatsiya russkikh v Zapadnoy Sibiri v kontse XVI – XVIII v. (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy)* [Adaptation of Russians in Western Siberia at the end of the 16th – 18th centuries (based on materials from archaeological research)]. Omsk: Poligrafist.
12. Tomilov, N.A., Tikhonov, S.S., Tataurova, L.V. et al. (2005) *Kul'tura naseleniya XVI – XIX vv. kak osnova formirovaniya sovremennogo oblika narodov Sibiri* [Culture of the population in the 16th – 19th centuries as the basis for the formation of the modern perspective of the Siberian peoples]. Omsk: Nauka.
13. Tataurova, L.V. (2011) Metodicheskie rekomendatsii po vedeniyu polevoy dokumentatsii na raskopkakh pamyatnikov russkikh [Guidelines for the maintenance of field documentation at the excavations of Russian monuments]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Metodika mezhdistsiplinarnykh arkheologicheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statey i metodicheskikh rekomendatsiy* [Methodology of interdisciplinary archaeological research: a collection of scientific articles and guidelines]. Omsk: Nauka. pp. 180–212.
14. Saburova, L.M. (1967) *Kul'tura i byt russkogo naseleniya Priangar'ya* [Culture and life of the Russian population in Angara region]. Leningrad: Nauka.
15. Teryukov, A.I. (2017) L.M. Saburova kak issledovatel' russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Sibiri [L.M. Saburova as a researcher of the old Russian population of Siberia]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 499–503.
16. The Archive of the MAE RAS. Fund K-I. List 2. File 799.
17. The Archive of the MAE RAS. Fund K-I. List 2. File 800.
18. The Archive of the MAE RAS. Fund K-I. List 2. File 801.
19. Tataurova, L.V. (2018) [The formation of the Russian world in Tarsk Irtysh area in the 17th – 18th centuries. Historical and archaeological aspect]. *Vaganovskie chteniya* [The Vaganov Reading]. Proc. of the Ninth Regional Conference. Tara, April 5–6, 2018. Omsk: Amfora. pp. 351–354. (In Russian).
20. Sidorova, M.O., Zharnikov, Z.Yu., Tataurov, S.F., Tataurova, L.V. & Myglan, V.S. (2018) Kalendarnaya datirovka arkheologicheskikh ob"ektov Tarskogo Priirtysh'ya (Omskaya oblast') [Calendar dating of the archaeological objects in Tara Irtysh area (Omsk region)]. *Rossiyskaya archeologiya*. 4. [in print].
21. Tataurov, S.F. (2017) Vtorichnoe ispol'zovanie drevesiny v gorode Tare v XVII–XVIII vv. [Recycled wood in Tara in the 17th – 18th centuries]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkin, A.A. (eds) *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s"ezd* [V (21st) All-Russian Archaeological Congress]. Barnaul: Altai State University. pp. 1013–1014.

Е.Ф. Фурсова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ТРАДИЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКОЙ ОБУВИ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.)

Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Статья посвящена некоторым аспектам вопроса о происхождении меховой и войлочной обуви, без которой невозможно представить жизнь в сибирских условиях. Автор делает попытку бросить «взгляд в прошлое из настоящего». С целью выяснить исторические корни некоторых видов сибирской обуви, привлечены ранее неизвестные этнографические материалы – записи по одежде старожилов Приангарья первой четверти XX в. этнографа В.К. Мультинова. Анализ конструкции, приемов изготовления обуви, связанных с ними терминов позволил выяснить этнокультурный состав ангарцев.

Ключевые слова: русские старожилы; Сибирь; Приенисейский край; традиционные ценности; обувь; бродни; бакари; пимы.

Территория юга Приенисейского края вошла в состав России в XVII – начале XVIII в., к первому десятилетию XVIII в. относят исследователи и формирование здесь старожильского костяка [1. С. 45; 2. С. 50]. Русское население, по переписи 1713 г. уже численно преобладавшее над коренными жителями, принесло традиционные формы славянской культуры и создало новые, пригодные для проживания в сибирских природно-климатических условиях элементы материальной культуры. В этнографической литературе создание локальных видов одежды и обуви русских сибиряков нередко связывают исключительно с влиянием местных народов, отказывая, таким образом, переселенцам в творческих поисках решения проблемы выживания, сметке и ремесленных навыках. Признавая факт, что процессы межэтнического взаимовлияния не могли не происходить при близких контактах этносов, тем не менее, автор хотела бы подвергнуть более внимательному анализу имеющиеся источники в плане сохранения и развития традиционных ценностей русских сибиряков, которые при длительном проживании за тысячи километров от Европейской России сохранили свою идентичность и историческую память.

Экспедиции Алтайского этнографического (1978–1984 гг., рук. Л.М. Русакова), а впоследствии и Восточнославянского этнографического (1988–2016 гг., рук. автор) отрядов, организованных Институтом археологии и этнографии СО РАН (ранее – Институтом истории, философии и филологии СО АН СССР), позволили ввести в научный оборот массовый этнографический материал по этнографии, в том числе традиционному костюму русских Сибири [3]. Дополнительными источниками для реконструкции традиций русской обуви в Сибири XVI–XVIII вв. являются данные археологии, из которых наиболее важны для нашего исследования труды, опубликованные по материалам кожаной обуви Позднего средневековья М.И. Беловым, О.В. Овсянниковым, В.Ф. Старковым, С.Г. Скобелевым, В.Б. Богомоловым, Л.В. Татауровой, М.П. Черной и пр. Эти археологиче-

ские изыскания проводились в Сибири, нередко в сходных с Приенисейским краем (Приангарьем) природно-климатических и социокультурных условиях. Основным источником для исследования различных видов и типов обуви старожилов-енисейцев послужила рукопись «Одежда населения Приангарского края. 1926 г.» В.К. Мультинова из Отдела рукописей Российского этнографического музея (ОР РЭМ. Ф. 6. Оп. 1. № 22), в которой не только подробно описан этот элемент материальной культуры, но и даны авторские зарисовки, привлеченные в данной статье в качестве иллюстраций.

Археологические источники о русско-сибирской обуви XVI–XVIII вв. Мужскими домашними промыслами русских, как и других славянских народов, на протяжении многих веков была обработка кожи и меха (скоры). Кожа шла на изготовление обуви, поясов, сбруи, ножен, колчанов, пошив сумок разного назначения. Археологические исследования древнерусских курганов, начавшиеся еще в XIX в., свидетельствуют о том, что сельское население X–XII вв. знало такие сорта кожи, как юфть (русский сорт кожи), опоек, подошвенная кожа, кожа сыромятного изготовления, сафьян, усмие, хоза [4. С. 38–60; 5. С. 368, 370]. Однако кожаная древнерусская обувь из городских коллекций XII–XIII вв. не может быть безоговорочно использована для ретроспекции обуви крестьянства более позднего времени. Городские экземпляры в Средневековье представляли собой более сложный ремесленный продукт в сравнении с крестьянской обувью даже XIX в. как в конструктивном отношении, так и в плане обработки кожи, ее декорирования (ср., например, коллекцию обуви Владимиро-Суздальского музея-заповедника, раскопки Д.Н. Григорьева, Л.Л. Гальчук) [6]. Можно указать на веками сохранявшийся способ крепления обуви на ноге при помощи ремешков, продернутых в прорезные отверстия или в опушку, а также затягивавших башмак на ноге поверх голенищ в районе щиколотки и под коленом. Такие способы крепления были свойственны ираноязычным народам древности и, ви-

димо, были широко распространены в средневековой Евразии [7. С. 156, 221; 8. С. 574].

Кожа была одним из основных товаров XVI–XVII вв., производившихся на территории Нижегородской, Казанской, Московской, Ярославской и Костромской губерний [9. С. 176]. В XVII в. так называемая красная юфта, получавшаяся в результате дополнительной обработки красным сандалом и салом, была в числе 6 «указных» товаров, торговля которыми составляла монополию царской казны, очевидно, потому, что спрос на такую кожу за границей был особенно высок [Там же]. В средневековой Руси, как и в России XIX в., в условиях преобладания натурального хозяйства в каждой крестьянской семье мужчины умели выделывать шкуры животных на мех или кожу [5. С. 370]. Процесс обработки кожи включал очистку от мездры, квашение, дубление, скобление. Выражение «дубить» являлось общим для всех восточных славян, означающим крашение кожи и тканей корой деревьев [10. С. 211]. К настоящему времени прослежена эволюция кожевенного производства, выявлены локальные виды и типы обуви, однако, как справедливо замечают археологи, все же подавляющая часть опубликованных сведений получена в ходе раскопок в городах и острогах [11. С. 7]. Обнаруженные археологами туфли на высоких каблуках XVI–XVII вв., таким образом, свидетельствуют о более раннем появлении каблучной обуви у русских в сравнении с европейскими народами, где это нововведение относят только к XVII в. [8. С. 573].

Кожаная обувь русского населения Сибири XVI–XVIII вв. исследована крайне неравномерно, наиболее полно представлены итоги изучения обуви, полученные при раскопках Мангазеи [12, 13], Томска, Кузнецкого, Саянского острогов и пр. [14, 15]. С.Г. Скобелевым были проанализированы вопросы конкретных влияний на коренных жителей со стороны русских людей на территории юга Приенисейского края в XVII – начале XVIII в. Один из выводов заключается в том, что через посредство русских в регион поступало большое количество товаров западноевропейского, средне- и восточноазиатского происхождения. Из этого следует, что енисейские старожилы не представляли собой замкнутую, изолированную группу населения, несмотря на отдаленность от центра Европейской России.

Анализ археологических материалов из Мангазеи позволил М.И. Белову, О.В. Овсянникову, В.Ф. Старкову выделить три вида русской обуви XVI–XVII вв. в зависимости от покроя и технологии изготовления: 1) архаичная обувь типа «поршней» из одного куска кожи, собиравшегося вокруг ног при помощи ремешков, продернутых в отверстия; 2) обувь с пришитой подошвой типа башмаков или сапог, которая держалась на ноге также при помощи ремешков или веревок; 3) плетеная обувь из древесных материалов [12. С. 51]. Обувь типа поршней хотя и встречается в сибирских музеях, однако, согласно полевым материалам (данным

интервью 1970-х гг.), такие образцы были привезены в начале XX в. в Сибирь поздними российскими переселенцами из украинско-белорусских земель, т.е. мест ее бытования в конце XIX – начале XX в. Возможно, что и в числе товаров она поступила в Мангазею из этих же мест ее бытования. По мнению Г.С. Масловой, поршневидную обувь носили главным образом горожане (Новгорода, Смоленска, Старой Рязани, Москвы и пр.), но и у крестьян она тоже была известна [16. С. 250]. Исследовательница указала на универсальный характер и распространенность поршневидной обуви не только у славян, но и их соседей. Поршни обували в северо-западных губерниях и на крайнем юге России, т.е. там, где мало носили лапти или их не было совсем (донские, кубанские казаки). Томские археологи выделили не только цельно-, но и детальнокроенные (мокасинная конструкция) поршни, в которых края куска кожи собирались по ноге, но дополнительно в носок пришивалась треугольная вставка [15. С. 158]. Эта классификация поршневидной обуви повторяет уже ранее предложенную этнографами [16. С. 250].

Согласно этнографическим источникам именно обувь *второго вида* можно считать предтечей распространенной среди русских селян чирков (вар. чарки), обуток, бродней, бутыл и пр. Важнейшим отличием чирков, обуток, бродней и прочих от указанной выше поршневидной обуви был технический прием ее изготовления – выворотным швом, т.е. после сшивания верха и низа изделие выворачивали и швы соединения оказывались внутри. На этот факт обращали внимание и многие наши пожилые информанты, которые сами в прошлом сапожничали (Полевые материалы автора 1977–1983).

По полевым материалам, относящимся к началу XX в., в сельской местности очень мало встречалось башмаков, выделенных археологами 2-й группы этого типа, т.е. из дубленой кожи, сшитых по косой колодке, с каблуком и жестким задником (Полевые материалы автора 1977–1990). Этот факт можно объяснить тем, что традиционные предпочтения населения «непашенного» города Мангазеи, которое жило привозными «хлебными запасами и товарами», могли быть, конечно же, отличными от крестьянских традиций. Таким образом, обувь так называемых жестких форм, представленная в археологических коллекциях, значительно отличалась от образцов в сельской местности, которая в повседневном быту относилась к мягкой.

Как следует из монографии М.И. Белова, О.В. Овсянникова, В.Ф. Старкова, из различных районов Европейской России в Мангазею привозилась также плетеная обувь, которая не имела распространения в Сибири XIX в. (за исключением ее обувания при выполнении некоторых видов работ).

Возможности проведения широкого анализа с привлечением большого объема археологических и этнографических источников все же ограничены из-за фрагментарности и малочисленности находок обуви, на что указывают и археологи, комментируя, что при «рас-

копках в большей части погребений обуви не обнаруживается» [11. С. 8]. Не обнаруживается по археологическим материалам также множество видов и типов зимней, межсезонной, промысловой и обрядовой обуви, известной по этнографическим источникам. Нет ясности, в частности, в вопросе о происхождении меховой и войлочной обуви, без которой невозможно представить жизнь в сибирских условиях. Тем не менее попробуем использовать метод ретроспекций («взгляд в прошлое из настоящего»), чтобы выяснить исторические корни некоторых видов кожаной и меховой обуви на сибирской земле, привлекая имеющиеся этнографические материалы по обуви старожилов Приангарья первой четверти XX в., т.е. до ее массового производства. Как уже не раз было показано в литературе, конструкции, технические приемы изготовления обуви, связанные с ней термины могут служить важнейшим этнографическим источником.

Данные об обуви русских (чалдонов) Приангарья. Крестьяне юга Приенисейского края проживали в зоне таежных лесов, и, естественно, их неземледельческая деятельность была связана с лесными промыслами, прежде всего с охотой и рыбной ловлей. Именно по этой причине в рукописи «Одежда населения Приангарского края» (1926), в которой подробно описана одежда местных чалдонов как «одежда промышленников и землепашцев», В.К. Мультинов уделил особое внимание описанию промысловой обуви. Предваряя записи, автор, прежде всего, призывал не искать в костюме «чего-нибудь яркого, ни по красоте, ни по своеобразности» [17. Л. 1]. Причину такого мнения, возможно, следует искать в отсутствии здесь выраженной красочности, большого количества украшений

и прочего, свойственных, например, южнорусской одежде. Видимо, не располагая знаниями о распространенности кожаной обуви в виде мягких сапог с пришитым высоким голенищем с петлями и ремешками (для подвязывания к ноге) на севере и северо-востоке Европейской России [16. С. 250], Мультинов отмечал их как сибирское «своеобразие». Приведем текст описания обуви ангарца, относившейся к началу – первой четверти XX в.: «Принужденный постоянно бродить по тайге в поисках зверя и дичи, по воде с неводом и брести десятки верст пешком на отдаленные поля (лошади летом редко бывают “в руках”, т.е. не “на воле”), местный абориген, прежде всего, заботится о легкой, удобной для такого бродения обуви. Она так и называется “бродни”» [17. Л. 2]. Здесь под аборигеном подразумевается сибиряк-старожил, чалдон. Чалдонами называли себя часть старожилов Сибири, по их легенде, являвшихся потомками выходцев с Дона, донских казаков [19. С. 65–69]. В другом месте текста автор утверждал не только значение этой обуви в качестве промысловой, но и как повседневной, будничной [17. Л. 3]. Мальчишкам полагалось носить бродни с пяти лет, т.е. со времени, когда обозначались половые отличия в костюме. Впрочем, автор также отмечал, что чудь, чудины (у автора указано, что чудинами в Приангарье называли маленьких детей потому, что те еще «чудили», т.е. вели себя непосредственно), могли выбегать на улицу босиком и в тридцатиградусные морозы [Там же. Л. 4]. Указывая на бродни как мужскую обувь, Мультинов писал, что при рыбной ловле, неводьбе (ловле рыбы неводом) эту обувь обували и женщины.

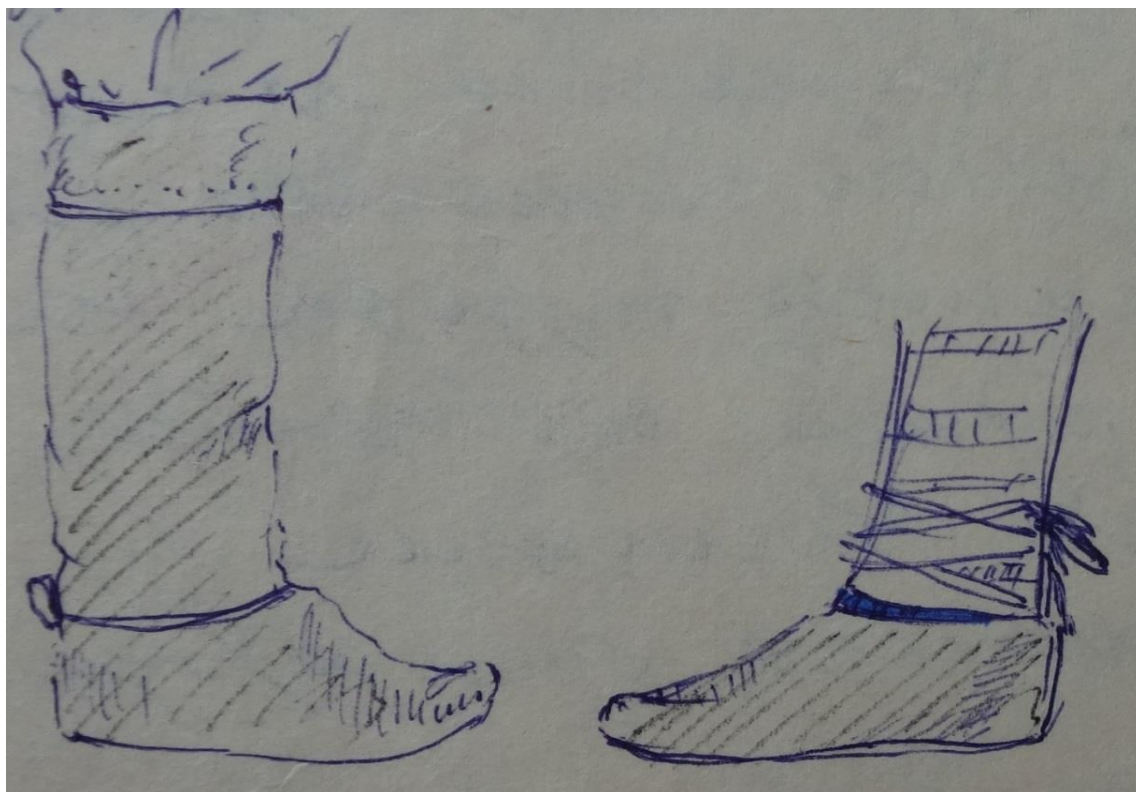

Рис. 1. Рисунок бродни и чирка из рукописи В.К. Мультинова, 1926 г.

Рис. 2. Витье веревок в д. Ярках Енисейского уезда 1914 г. На обороте фотографии надпись карандашом: «Свать Капитонъ за витьем веревок». Фотография поступила в музей в 1916 г. Источник: <http://www.perunica.ru/stfoto/3818-byt-enisejskoj-gubernii-konca-xix-8722-nachala-xx.html>

Согласно описанию, бродень изготавливался из передка-головки (чирка) и пришитого к нему голенища (голяшки). Чирок также состоял из двух частей: подошвы и передка. «У соединения голенища с чирком приделывают кожаные ушки для продергивания ремня с пряжкой или просто веревки, чтобы стягивать бродень у шиколотки ибо он всегда шьется больше и может иначе «хлястать» [17. Л. 3]. Такой тип обуви можно видеть на архивных фотографиях крестьян-чалдонов Красноярского края, относившихся к началу XX в., а также рисунках самого автора описания (см. рис. 1, 2) (эти и последующая фотографии были сделаны во время работы Ангарской экскурсии (экспедиции), которая была организована в 1911 г. на средства Переселенческого управления во главе с музейным работником Александром Петровичем Ермолаевым с целью обследования материальной культуры ангарского населения (URL: <http://www.perunica.ru/stfoto/3818-byt-enisejskoj-gubernii-konca-xix-8722-nachala-xx.html>)).

По неясным причинам в статье Л.М. Сабуровой бродням, как и чиркам, уделено явно неподобающее место в сравнении с их значением в бытовой культуре

русских сибиряков. Исследовательница только упоминает о них, как об обуви для сенокоса [18. С. 134].

В каждом доме имелись наборы «наметов» (лекал) разных размеров, так как их главы были ответственными за обувь членов семьи. В семьях с достатком бродни покупали по цене 6–7 рублей за пару, среди которых выделялись так называемые тюменские бродни желтого цвета с расшитыми голенищами – традиция, хорошо известная в южных районах Европейской России [16. С. 340]. «Новые, только что сшитые и хорошо просмоленные или смазанные хорьковым либо медвежьим салом бродни, – писал В.К. Мультинов, – не промокают».

Для хождения по болотистой почве и воде бродни шили очень длинными – выше колен, в этом случае к ним прикрепляли второй ремень. Однако в процессе повседневной носки длинные бродни подворачивали, чего требовал «хороший ангарский тон» [17. Л. 4]. В архиве Красноярского музея сохранились фотографии крестьян Енисейской губернии в броднях такого типа, которые на юге Западной Сибири старожилы называли «бутылами» [20. С. 178].

Рис. 3. Пожилые крестьяне д. Яркиной Енисейского уезда. Снимок сделан в д. Яркино в 1911 г. Парный фотопортрет крестьян, снятых на фоне старинной часовни. Коллекция Ангарской экскурсии 1911 г.
 Источник: <http://www.perunica.ru/stfoto/3818-byt-enisejskoj-gubernii-konca-xix-8722-nachala-xx.html>

Женской повседневной обувью, как и в Западной Сибири, считались чирки. Видимо, именно обутыми в чирках запечатлел фотограф пожилых женщин из д. Яркиной Енисейского уезда в 1911 г. Женский чирок имел у заднего шва кожаную петлю, а вокруг верхнего края суконную оборку-опушку. Через опушку продергивалась веревка, стягивавшая чирок и обхватывавшая 2–3 раза ногу. Весной, когда не было кровососущих насекомых (мошки), чирки носили на голой ноге, а летом, осенью и зимой – с холщевым или шерстяным чулком. Холщевые чулки делали обычно белыми, а шерстяные окрашивали в красный, ярко-зеленый, лиловый, кубовый цвета. Встречались также чулки, связанные цветными полосками. Мужчины носили чирки на сенокос, но дополнительно пришивали к ним голенища из грубого холста домашней выделки. Поверх подвязывали их по ноге веревками [17. Л. 4].

При продолжительных работах на открытом воздухе, особенно в сыром снегу, в бродни вкладывали стельку из собачины (собачьей кожи с шерстью) – букули [17. Л. 4]. Культура «натурального промышленного», как зовут на

Ангаре «природного охотника», нередко с 15 лет гонящего без собаки лося («самогоном сохатого»), не могла не выработать легкую и удобную, приспособленную и к воде, и к сибирской стуже обувь типа бродней. Если бродни были удобны весной и летом в сезон охоты на уток и гусей, то для осени предпочитали так называемые бакари. Бакари обували с Покрова по декабрь, когда ходили добывать белку, хорька, лисицу, соболя, «горносталя», рассомаху, выдру, а также «зверя», т.е. сохатого или медведя [Там же. Л. 5]. Бакари представляли собой длинный суконный чулок (голенище), который пришивали к чирку из лосиной кожи с веревкой-перехваткой внизу. По этому поводу автор труда замечал, что «своеобразный охотничий шик почему-то не позволяет подвязать их ремнями» [Там же. Л. 4]. Вместо суконных голенищ нередко приспособляли также старые поношенные катанки (валенки). Для улучшения тепло-водозащитных свойств в бакари клали стельку букули. Можно предположить, что именно в такого вида обуви сфотографированы пожилые крестьяне д. Яркиной Енисейского уезда и губернии (рис. 3).

Интересна высокая оценка ангарской промысловой обуви, которую давал В.К. Мультинов, проводя сравнение с охотничьими сапогами: «Ангарская охотничья обувь во много раз превосходит охотничий сапог, который и натирает ногу, и промокает, и тяжел, если снабжен водонепроницаемым пузырьем». Впрочем, как замечает автор, в некоторых ангарских селах бакарями называли обувь в виде чирка без пришитого суконного чулка, т.е. повседневную. Мужские теплые носки ангарцы называли карпетками, вязанками, а более длинные чулки – трикотками [17. Л. 4].

В отличие от Западной Сибири, где основным видом зимней обуви, наряду с обутками и броднями, были валяные из шерсти пимы или катанки, в Приангарье валяная обувь была исключительно покупной и называлась базарной, т.е. сами жители ее не катали. Как известно из публикаций, почти не носили валенки в среде казачества, а также крестьяне на юго-востоке России [16. С. 251]. Ангарцы носили валяную обувь с портяными чулками. Пимы считались не особо удобными для прогулок по зимнему лесу, их обували в основном при лыжной ходьбе [17. Л. 4]. По-видимому, сюда не привозили так любимые в Западной Сибири узорные, поярковые пимы, хотя, по данным Л.М. Сабуровой, купленные пимы могли расшивать шерстью или бисером сами [19. С. 134]. Вместе с тем на фотографиях Ангарской экскурсии 1911 г. расшитых узорами пимов не запечатлено, т.е., по-видимому, эту традицию нельзя считать распространенной.

Располагая набором удобной и функциональной для охоты и рыбалки обуви, ангарцам не было необходимости заимствовать у эвенков их промысловую обувь. По мнению В.К. Мультинова, очень редко можно было увидеть ангарца «в тунгусской обуви из оленьей кожи», за исключением обитателей тех деревень, в которые «выходили тунгусы за припасами». Подтверждением весьма незначительного восприятия русскими Приангарья меховой обуви местных народов являются также многочисленные фотографии конца XIX – начала XX в., на которых изображены крестьяне Енисейской губернии, обутое в свои традиционные виды обуви. Приведем цитату на эту тему, раскрывающую механизм проникновения местных изделий в русскую культурную среду: «В голодные 1919 и 1921 годы такая обувь вместе с другими предметами тунгусского происхождения служила таежным инородцам меновой ценностью при отчаянных попытках во что бы то ни стало раздобыть хлеб, когда тунгусы ездили по всем ангарским деревням» [17. Л. 5].

Тем не менее, видимо, исходя из понимания того, что ангарцы редко, но все же приобретали или выменивали мягкие оленьи сапоги унты, Мультинов счел нужным остановиться на их описании. Эвенки снимали кожу с ног животного и изготавливали унты шерстью наружу. Внутри русские вставляли стельки из лыка, соломы, мха. «Эти унты, – пояснял автор, – имеют эффектный вид благодаря своей пестроте, образуемой

перемеживающимися полосками белого и коричневого цветов шерсти» [17. Л. 5]. Голенище унта заканчивалось оленьей опушкой-обшивкой, расшитой бисером пестрой цветовой гаммы. Кроме описанных, встречались и более длинные, выше колен, унты, стягивавшиеся под коленями оленьими ремнями. Верхняя часть унта, пришивавшаяся к нижней, носила название «лунтай» [17. Л. 6]. «Лунтай», «лунты», вероятно, как и «унты», – слова севернорусского происхождения для обозначения обуви, сшитой мехом наружу [10. С. 267]. У старообрядцев горных районов Алтая также встречались такие экзотичные для русского крестьянина меховые сапоги из кож с козлиных ног и собачьих шкур, как лунты. В описях коллекции С.П. Швецова значится: Лунты – теплые сапоги из козливой шкуры шерстью внутрь. Употребляются стариками для выхода зимой из дома [35].

Удлиненные унты, покрывавшие всю ногу, ангарцы называли дышиками. Вот что писал об этом виде обуви Мультинов: «Эта разновидность унтов зачастую превращается в штаны из оленьей же кожи, соединенные с собственно унтами, что имеет вид оригинального комбинезона». В связи с этим нельзя не вспомнить о древнерусских кожаных ноговицах (из юфти), остатки которых, датированные XVII в., были обнаружены археологами у арктических мореплавателей [9. С. 177]. Удобной обувью для ходьбы на лыжах автор считал хамчур (ср. зимние эвенкийские «хэмчурэ»: [21. С. 155]), которые представляли собой укороченные унты, по высоте и внешнему виду напоминавшие бакари. Хамчур изредка украшали вышивкой бисером. «Промышленные люди» изредка, вероятно, в сильные морозы, использовали их в качестве стелек-чулок в бакари или пимы [17. Л. 6]. Наконец, вторым видом обуви эвенкийского происхождения Мультинов называет «лакомеи» (ср. эвенкийские лакоми: [21. С. 159]), представлявшие собой мягкие сапоги из кожи с короткими голенищами. Их расшивали разноцветным бисером и носили на босу ногу, как пишет автор, «летом, главным образом, бабы». По данным Л.М. Сабуровой, лакомеи шили из сукна, ровдуги, т.е. оленьей замши, брезента, голенище пришивали к подошве в виде поршня (т.е. подошвы загнуты кверху) [19. С. 132].

Л.М. Сабурова упоминала о «лабутах», которые состояли из чирка с пришитым голенищем и разрезом спереди, укреплявшимся при помощи завязок [19. С. 133. Рис. 1]. В тексте ее статьи содержатся упоминания и об обуви из козьих, оленьих и лосиных камусов шерстью наружу с лосиными подошвами под названием «камчурь», «качутки», «капурь». Такую обувь делали высотой ниже колен с разрезом сзади (мужские) или спереди (женские) и с оборями, чтобы голенище плотнее облегло ногу. Оборы изготавливали из лосиной или коровьей сыромятной кожи, плели из шерсти или конского волоса. Распространенной Сабурова считала обувь в виде чулка из оленьей, лосиной, телячьей шкуры или овчины шерстью внутрь с подошвой из мягкой лосиной, конской, телячьей кожи – пупыри (на

Средней Ангаре), лосиные чулки (по Илиму). Зимой их надевали в бакари или ходили в них в помещении, например в охотничьем зимовье. Такое назначение имели меховые, овчинные или собачьи, впоследствии ватные стеганые, носки – накочутки. Перечисленные виды обуви, предназначавшиеся для зимних морозов, не находят аналогов в эвенкийских традициях.

В праздничные дни мужчины-ангарцы обували сапоги, а «местные дамы и девицы» красовались в ботинках, что можно увидеть на фотографиях начала XX в. Впрочем, замечает Мультинов, не все чалдоны могли позволить себе эту роскошь, и она являлась предметом «мечтаний и надежд молодежника» [17. Л. 6]. Надевавшиеся несколько раз в год сапоги «служили чалдону десятки лет» и нередко переходили от отца к сыну.

Летом мужчины и женщины обувались в туфли – туюфли, которые вязали из веревок и застегивали на пуговицы, но в изучаемое время они встречались редко [Там же. Л. 4]. Род туфель, плетеных из пеньковых веревок, под названиями «чуни», «шептуны», «шоптанники» были распространены в центре России. Исследователи полагают, что бытование такого рода туфель было связано с недостатком лыка [16. С. 255], однако можно объяснить это и хозяйственными соображениями использования отходов от обработки пеньки и льна. Л.М. Сабуровой удалось зафиксировать праздничную обувь, предназначенную специально для причастия в церкви – «чиберики», которые выглядели как «кожаный чувяк с загнутыми вверх носками» [19. С. 134]. Эти названия обуви (чиберики, чувяк) дают основания предположить наличие донского компонента [16. С. 250; 21], что усиливает позиции сторонников о связях чалдонов с Доном [22. С. 585; 23].

Известны были местным жителям и «галоши», которые носили вне зависимости от погодных условий и не снимали при входе в дом, т.е. использовали не по назначению. Вообще, как заключает Мультинов, местные щеголи и щеголихи предпочитают остроносую обувь, считая ее более изящной и модной. «Следовательно, и ангарцу не чужды заносимые сюда кооперативами требования и вкусы городского обывателя», – подытоживает автор [17. Л. 6, 7]. О плетеной обуви в виде общерусских лаптей косоного плетения ангарцы-старожилы не имели понятия и только слышали о них понаслышке от живущих не в Приангарье, но по соседству, в Канском районе переселенцев. Переселенцы же, ввиду особенностей их обуви, получили название «лапотонь» [17. Л. 6, 7]. В Западной Сибири, где старожилы могли обувать лапти летом на покос, для сбора ягод в болотистых местах, тем не менее, приезжавших в плетеной обуви переселенцев также называли лаптежниками, лапотниками.

Выводы. О том, что о русской народной обуви все еще сохраняется не очень ясная и полная информация, свидетельствуют разрозненные и отрывочные сведения о ней даже после выхода в свет таких обобщающих трудов, как «Восточнославянская этнография»

Д.К. Зеленина (1926), «Восточнославянский этнографический сборник» (1956), историко-этнографический атлас «Русские» (1967). В этих исследованиях нет упоминаний о русско-сибирской обуви, ее локальных вариантах, бытовавшей терминологии (см. карты атласа «Русские»). Анализ обуви русских Приангарья, по материалам очевидца бытования традиционных ее видов в 1926 г. В.К. Мультинова, показывает, что старожилы сохранили свои культурные ценности не только в видах, крое, терминологии повседневной, праздничной и даже промысловой обуви, но и дали новый импульс развития.

Г.С. Маслова считала основными видами кожаной обуви русских чарки и обутки в виде грубых туфель с каблуками или мягких выворотных туфель, которые в конце XIX – начале XX в. были преобладающими также в Западной и Восточной Сибири, включая Приангарье. Распространенные на севере и северо-востоке Европейской России бродни в полной мере были сохранены в качестве мужской и промысловой обуви сибиряков. Сходного вида рабочая и промысловая обувь-бродни была известна под этим названием в центре Европейской части России в виде мягких сапог [24. С. 90], в южном пограничье России, на Кубани в виде высоких сапог из коровьей кожи с подвязками к поясу [25. С. 386], на Урале [26. С. 485]. Очевидно, что наличие этой обуви свидетельствует и о популярности занятий у русских крестьян рыбалкой и охотой.

Меховая обувь у старожилов Приангарья имела большое разнообразие видов, часть из которых обнаруживает связи с местным населением Русского Севера, часть – с жителями Северного Урала, часть – с местными эвенкийскими формами. Однако это ни в коей мере не означает, что русские крестьяне пошли исключительно по простому пути усвоения теплой обуви у соседствующих народов: во-первых, они уже осваивали Сибирь как носители проверенных веками ремесленных знаний по обработке кож и мехов (скоры), во-вторых, крестьянам северорусского происхождения были известны многие виды теплой меховой обуви, в том числе промысловой до их переселения. Таким образом, в Сибирь первопроходцы-землепашцы пришли как умелые мастера по обработке кожи и меха, что, без сомнения, помогло им выжить, а впоследствии и адаптироваться в новых условиях. Широкий ассортимент обуви русских Приангарья свидетельствует не только о развитии домашних ремесел по обработке кожи и меха, но и о высокой степени изобретательности сибиряков, их способности найти удобную и функциональную обувь для проживания и осуществления всей системы жизнедеятельности в Сибири. Таким образом, разнообразие видов и типов обуви, материалов и приемов ее изготовления было обусловлено опытом жизни предшествующих поколений – выходцев из северных, северо-восточных и южных районов Европейской России, принесших в Сибирь свои навыки.

Некоторые исследователи, на наш взгляд, сильно преувеличивают роль и влияние коренных народов

Сибири в формировании сибирских костюмов, включая обувь. Делая упор на заимствования обуви от эвенков, включая терминологию, Л.М. Сабурова пришла к общему выводу, что «все виды теплой обуви имели сходство с эвенкийскими» [19. С. 133, 134]. Правда, тут же исследовательница практически отменяет это заключение, указывая, что в целом эта обувь «во многом отличалась от них [эвенкийских]», но дополнительной аргументации не приводит. Вместе с тем автором вскользь упомянут такой вид кожаной обуви, как бродни и чирки. Также вызывает сомнение сообщение о том, что местные жители покупали столь распространенные в Сибири ичиги у эвенков. Так, у русских Алтая до широкого распространения войлочных сапог-пимов мужской зимней обувью были ичиги, изготавливавшиеся из кож или овчин шерстью внутрь. Поиск аналогий ведет нас в южное пограничье России в низовье Дона, где исследователями зафиксирована сходного вида и названия обувь – «ичи-

ги» [25. С. 375]. На наш взгляд, локальный вариант бытования этих теплых сапог – серьезный аргумент в пользу чалдонов как представителей этнокультурной группы потомков служивых казаков Сибири. Добавим, что ичиги упоминались в архивных документах XVII, XVIII и особенно первой половины XIX в. [27. С. 232]. В таможенных книгах XVII в. (из РГАДА) можно увидеть, что из поступающих в Тобольск русских промышленных товаров господствовали изделия из животного сырья, и среди них упоминаются «ичегоги кожаные» [28. С. 85, 106]. В «Толковом словаре» В.И. Даля «ичегоги», «ичитыги» представлены как старая азиатская сафьянная обувь, полусапожки, сверх которых надевают башмаки, колоши, а также распространенные в Европейской России «босовики» [22. С. 67]. Из вышесказанного очевидно, что назрело решение проблемы археологических соответствий видам зимней и промысловой обуви, бытовавшей до момента широкого распространения пимов в XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск : Наука, 2013 (переизд. 1981). 347 с. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/verstka%20(1).pdf, свободный (дата обращения: 31.03.2017).
2. Красноярье: пять веков истории. Красноярск : Платина, 2005. Ч. 1. 240 с.
3. Fursova E.F. Mapping the Traditional Dress Types of Southwestern Siberian Old Believers (late 1800s – early 1900s) // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2015. № 43/4. P. 114–126.
4. Левашева В.П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // *Очерки истории русской деревни X–XIII вв.* Труды Государственного исторического музея. М. : Советская Россия, 1959. Т. II. С. 38–60.
5. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М. : Культура, Академический проект, 2015 (переизд. 1948 г.). 715 с.
6. Древнерусские кожаные изделия и обувь из коллекции археологии Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир : Б/и, 2012. 40 с. URL: www.vladmuseum.ru/files/katalog/36.pdf, свободный (дата обращения: 27.03.2017).
7. Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М. : Вост. лит., 2006. 664 с.
8. Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага : Артия, 1986. 608 с.
9. Фармаковский М.В. Изделия из волокнистых материалов // *Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века*. М. ; Л., 1951. С. 172–178.
10. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М. : Наука, 1991 (переизд. 1926 г.). 511 с.
11. Богомолов В.Б., Татаурова Л.В. Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XIX вв. // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2011. Т. II. С. 7–18.
12. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. : Наука, 1981. 147 с.
13. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Нефтеюганск ; Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2011. 216 с.
14. Скобелев С.Г. Предметное содержание русских влияний на материальную культуру коренного населения юга Приенисейского края в позднем средневековье – начале нового времени (по данным археологии) // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2009. Сер. История, филология. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 231–250.
15. Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760 гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д'Прин, 2015. 276 с.
16. Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // *Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX века)*. М. : Наука, 1967. 360 с.
17. Отдел рукописей Российского этнографического музея, г. Санкт-Петербург. Ф. 6. Оп. 1. № 22.
18. Фурсова Е.Ф. Восточные славяне в Западной Сибири: создание этноэкологических систем развития // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2000. № 3. С. 65–69.
19. Сабурова Л.М. Одежда русского населения Сибири // *Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия*. М. : Изд-во академии наук СССР, 1960. Т. LVII: Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. С. 99–139.
20. Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX – первая половина XX века). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 296 с.
21. Василевич Г.М. Производственный костюм эвенков Нижней и Подкаменной Тунгуски как исторический источник // *Одежда народов Сибири*. Л. : Наука, 1970. С. 137–165.
22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Русский язык, 1991. Т. IV: P-V. 683 с.
23. Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, Калифорния, США / сост. Г.В. Губарев, ред.-изд. А.И. Скрылов, 1966–1970. URL: http://enc-dic.com/cossack/Chuvjak-1523.html, свободный (дата обращения: 01.04.2017).
24. Зиминова Т.А., Шангина И.И. Одежда русских центрального региона XVII – начала XX веков // *Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки*. М. : Индрик, 2011. С. 63–96.
25. Липинская В.А. Южное пограничье Европейской части // *Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки*. М. : Индрик, 2011. С. 367–422.
26. Чагин Г.Н. Приуралье XIX – начало XX века // *Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки*. М. : Индрик, 2011. С. 461–490.
27. Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск : Наука, 1992. 251 с.
28. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М. : Наука, 1967. 323 с.

Fursova Elena F., Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: mfl1@mail.ru

ETHNOGRAPHIC AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES ABOUT THE PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF TRADITIONS (BASED ON THE MATERIALS OF RUSSIAN SHOES OF THE XVII-FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY).

Keywords: Russian old-timers; Siberia; the Yenisei region; traditional values; shoes; brodny; bakari; pimy (felt footwear).

The author uses ethnographic and archaeological sources to find out the historical roots of some kinds of footwear in Siberia. Analysis of archaeological collections of Russian medieval footwear XVI-XVII centuries and ethnographic materials of the XIX – first quarter XX century allowed to reveal the relevance of a number of traditions throughout the centuries. In consideration was taken of the fact that the shoes of the so-called "hard forms" with heels, presented in archaeological collections, differed significantly from the samples in rural areas, which in everyday life was soft, without heels. For centuries, the commonality persisted in the ways of fastening the shoe on the leg with the help of straps pulled into slotted holes or in the edge, and also tightened the shoe on the leg over the tops of the ankles and under the knee.

Author of the article analyzes the peculiarities of the shoes of the Russian Old residents of the Yenisei river region (specifically Angara river region) in the first quarter of the 20th century, mainly in terms of their search for creative solutions to the problem of life and activity in Siberian conditions. The research is based on archival records of the direct carriers of traditions before the appearance of footwear of mass production (1930s), the publication of ethnographers. An attempt was made to throw "a glance into the past from the present" to solve the question of the origin of fur and felt footwear, without which it is impossible to imagine life in Siberian conditions.

The author came to the conclusion that in Siberia Russian pioneers-tillers came as skilled craftsmen in the processing of leather and fur. These properties, as well as creativity in the search for forms of survival, no doubt helped them to adapt to the peculiarities of the local climate and landscape. Recognizing the fact that the processes of interethnic mutual influence proceeded in view of close residing of ethnic groups, nevertheless, the author does not consider them paramount in the formation of Angarsk peasants' shoes for different purposes, including fishing. Structures, techniques of making footwear, related terms are used as an ethnographic source for ascertaining the ethnocultural composition of the Yenisei river region people. Fur shoes of people at the Angara region had a wide variety of species, some of which show connections with the local population of the Russian North, some with residents of the Northern Urals, some with local Evenki forms. I would like to note that the conducted research using the data of archaeological and ethnographic sources highlights the problem of archaeological correspondences to the types of winter and fishing footwear that existed before the widespread distribution of "pimy" in the 19th century.

REFERENCES

1. Bykonya, G.F. (2013) Zaselenie russkimi Prieniseyskogo kraya v XVIII v. [The Russians in Enisei region in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
2. Bykonya, G.F. (ed.) *Krasnoyarske: pyat vekov istorii* [Krasnoyarsk: five centuries of history]. Krasnoyarsk: Platina.
3. Fursova, E.F. (2015) Mapping the Traditional Dress Types of Southwestern Siberian Old Believers (the late 1800s – early 1900s). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 43(4). pp. 114–126.
4. Levashova, V.P. (1959) Obrabotka kozhi, mekha i drugih vidov zhiivotnogo syrya [Leather, fur and other animal raw handling]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Ocherki istorii russkoy derevni X–XIII vv.* [Essays on Russian Village of the 10th - 13th centuries]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya Rossiya. pp. 38–60.
5. Rybakov, B.A. (2015) Remeslo Drevney Rusi [Old Russian Craft]. Moscow: Kultura, Akademicheskii proekt.
6. Vladimiro-Suzdal Museum-Preserve. (n.d.) *Drevnerusskie kozhanye izdeliya i obuv iz kollekzii arkhologii Vladimiro-Suzdalskogo muzeya-zapovednika. Katalog* [Old Rus leather goods and shoes from the archeological collection of the Vladimir-Suzdal Museum-Preserve. A Catalogue]. Vladimir: [s.n.]. [Online] Available from: www.vladmuseum.ru/files/katalog/36.pdf. (Accessed: 27th March 2017).
7. Yazenko, S.A. (2006) *Kostyum drevney Evrazii: iranoyazychnye narody* [Ancient Eurasian Costume: Iranian-speaking peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura.
8. Kibalov, L., Gerbenova, O. & Lomarova, M. (1986) *Illyustrirovannaya enziklopedi mody* [Illustrated Encyclopedia of Fashion]. Prague: Artiya.
9. Farmakovskiy, M.V. (1951) Izdeliya iz voloknistykh materialov [Products of fibrous materials]. In: *Istoricheskiy pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII veka* [Historical monument of Russian Arctic navigation of the 17th century]. Moscow; Leningrad: glavsevmorput. pp. 172–178.
10. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic Historiography]. Moscow: Nauka.
11. Bogomolov, V.B. & Tataurova, L.V. (2011) Pogrebalnaya kozhanaya obuv russkikh Omskogo Priirtyshya XVII – XIX vv. [Funeral leather shoes Russian in Omsk Irtysh in the 17th - 19th centuries]. In: Tataurova L.V. (ed.) *Kultura Russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 7–18.
12. Belov, M.I., Ovsyannikov, O.V. & Starkov, V.F. (1981) Mangazeya. Materialnaya kultura russkikh polyarnykh morehodov i zemleprohodzev XVI – XVII vv. [Mangazeya. Material culture of Russian polar explorers and discoverers of the 16th – 17th centuries]. Moscow: Nauka.
13. Vizgalov, G.P., Parhimovich, S.G. & Kurbatov, A.V. (2011) Mangazeya: kozhanye izdeliya (materialy 2001 – 2007 gg.). [Mangazeya: leather products (materials of 2001 – 2007)]. Nefteyugansk; Ekaterinburg: AMB.
14. Skobelev, S.G. (2009) Predmetnoe sodержanie russkikh vliyaniy na materialnuyu kulturu korennykh naseleniya yuga Prieniseyskogo kraya v pozdnem sred-nevekove – nachale novogo vremeni (po dannym arkhologii) [Subject content of Russian influences on the material culture of the indigenous population of the South of the Yenisei region in the late middle ages - the beginning of modern times (according to archeology)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 8(3). pp. 231–250.
15. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usadba v Tomske. 1660–1760 gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [Voivode estate in Tomsk. 1660-1760: historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D' Print.
16. Lebedeva, N.I. & Maslova, G.S. (1967) Russkaya kretyanskaya odezhda XIX – nachala XX v. [Russian peasant clothing in the 19th - early 20th centuries]. In: *Russkie. Istoriko-etnograficheskiy atlas. Zemledelie. Kretyanskoye zhilishche. Kretyanskaya odezhda (sередina XIX – nachala XX veka)* [The Russians. Historical and Ethnographic Atlas. Agriculture. Peasant dwelling. Peasant clothing (the mid-19th –early 20th centuries)]. Moscow: Nauka.
17. Department of Manuscripts of the Russian Ethnographic Museum. Fund 6. List 1. № 22.
18. Fursova, E.F. (2000) Vostochnye slavyane v Zapadnoy Sibiri: sozdanie etnecologicheskikh sistem razvitiya [Eastern Slavs in Western Siberia: creation of ethno-ecological systems of development of Eastern Slavs in Western Siberia: creation of ethno-ecological systems of development]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3(2000). pp. 65–69.
19. Saburova, L.M. (1960) *Odezhda russkogo naseleniya Sibiri* [Clothes of the Russian population in Siberia]. pp. 99–139.
20. Fursova, E.F. (2015) Traditsionnaya odezhda russkogo i drugih vostochnoslavyanskikh narodov yuga Zapadnoy Sibiri (konez XIX – pervaya polovina XX veka). [Traditional clothes of the Russians and other East Slavic peoples of the South of Western Siberia (the end of the 19th – the first half of the 20th centuries)]. Novosibirsk: SB RAS.

21. Vasilevich, G.M. (1970) Proizvodstvennyy kostyum evenkov Nizhney i Podkamennoy Tungusok kak istoricheskiy istochnik [The working costume of the Ewenki in the Lower and Stoney Tunguska as a historical source]. In: Ivanov, S.V. (ed.) *Odezhda narodov Sibiri* [Siberian People's Clothes]. Leningrad: Nauka. pp. 137–165.
22. Dal, V. I. (1991) *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
23. Gubarev, G.V. (1966–1970) *Kazachhiy slovar-spravochni*. [The Cossack Reference Dictionary]. [Online] Available from: <http://enc-dic.com/cossack/Chuvjak-1523.html>. (Accessed: 1st April 2017).
24. Zimina, T.A. & Shangina, I.I. (2011) Odezhda russkikh zentralnogo regiona XVII – nachala XX vekov [Russian clothes of the Central region in the 17th – early 20th centuries]. In: Lipinskaya, V.A. (ed.) *Russkaya narodnaya odezhda. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russian folk clothes. Historical and ethnographic essays]. Moscow: Indrik. pp. 63–96.
25. Lipinskaya, V.A. (2011) Yuzhnoe pogranichie Evropeyskoy chasti [Southern border of the European part]. In: Lipinskaya, V.A. (ed.) *Russkaya narodnaya odezhda. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russian folk clothes. Historical and ethnographic essays]. Moscow: Indrik. pp. 367–422.
26. Chagin, G.I. (2011) Priuralye XIX – nachalo XX veka [The Urals area of the 19th – early 20th centuries]. In: Lipinskaya, V.A. (ed.) *Russkaya narodnaya odezhda. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russian folk clothes. Historical and ethnographic essays]. Moscow: Indrik. pp. 461–490.
27. Shelegina, O.N. (1992) *Ocherki materialnoy kultury russkikh krestyan Zapadnoy Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Essays of material culture of Russian peasants in Western Siberia (the 18th – first half of the 19th centuries)]. Novosibirsk : Nauka.
28. Vilkov, O.N. (1967) *Remeslo i trgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII veke* [Crafts and trade in Western Siberia in the 17th centuries]. Moscow: Nauka.

УДК 902:904(571.1)"16/17"
DOI: 10.17223/19988613/56/23

М.П. Чёрная, С.Ф. Татауров, Б.С. Борило

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ХРАНИЛИЩА ДЛЯ ПРИПАСОВ В ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ТАРЫ

Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 18-18-00487 «Русское население Сибири в XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении».

В статье рассматривается важнейшая в ходе освоения Сибири проблема – обеспечение продуктами питания русских переселенцев. Эта проблема имела не только повседневное, но в рамках колонизационного процесса и стратегическое значение. Задача продовольственного обеспечения, включающего и необходимость обустройства хранилищ для припасов, исследуется в историко-археологическом контексте Тары – одном из первых сибирских городов, основанном в самом конце XVI в. в Тарском Прииртышье, на пограничье с миром степных кочевников.

Ключевые слова: Сибирь; Тара; XVII–XVIII вв.; продовольственное обеспечение; хранилища для припасов.

Сибирь для русских переселенцев стала не просто новым местом проживания, новой ойкуменой, которую начали заселять и осваивать в конце XVI – начале XVII в., но и землей обетованной – страной земли и воли: бескрайней, богатой ресурсами, свободной от помещичьего землевладения, обещавшей новые возможности для осуществления надежд на лучшую жизнь. Вот только обустройство, обживание этой земли обетованной, находившейся на огромном расстоянии от исторической родины, требовало большого труда, постоянных усилий и длительного времени.

Тара, основанная в 1594 г., – один из старейших городов Сибири и ключевой плацдарм по «приисканию новых земель и объясачиванию инородцев» в Среднем Прииртышье. Борьба с Кучумом, не пожелавшим установить вассальные отношения с русской администрацией, закончилась его разгромом в 1598 г., когда младший воевода А. Воейков «Божиим милосердием и твоим государевым счастьем Кучума царя побил». Однако и после падения Кучума ситуация оставалась сложной – нападения кучумовичей, калмыков, «шатость» местного татарского населения. Это определяло военный, в значительной мере, характер Тары, стоявшей на пограничье с кочевым миром. Однако даже в ранний период своего существования Тара не была исключительно военно-административным центром. С самого начала Таре был придан разряд города, что подчеркивало ее значение как стратегического пункта по освоению земель в южной части Тобольского разряда, установлению дипломатических и торговых отношений с Востоком (первый караван из Бухары прибыл уже в 1595 г.), заведению пашни, развитию транзитной торговли, промыслов и ремесла в самом городе и прилегающей округе [1. С. 141–145; 2. С. 81, 82, 103, 104; 3. С. 243, 244; 4. С. 17–33].

Стратегия освоения новых земель включала не только административно-политическую составляющую,

но и экономическую, которая подразумевала в первую очередь обеспечение продовольствием новых насельников края. Проблема решалась путем поставки продовольствия «с Руси» и за счет развития местного сельского хозяйства и промыслов. Продукты поступали в Тару из Тобольска, куда свозился хлеб из Европейской Руси, из Туринска, Тюмени и Верхотурья, куда отправляли отряды казаков «по государевы хлебные запасы». Доставка продовольствия была сложной и не всегда регулярной. Основным способом решения проблемы было развитие собственной продовольственной базы. В наказе уже первому воеводе Тары Андрею Елецкому предписывалось «завести в Таре пашню и соль устроить».

Земледелие стало основой экономического развития Тарского уезда. Земли вокруг Тары были очень плодородны, небольшая государева пашня давала значительное количество разного хлеба. Необыкновенный урожай собрали в 1625 г.: на государевых десятинах посеяли 36 четвертей, а получили почти в 15 раз больше – 533 четверти. Пашенных крестьян в Таре было мало: в 1624 г. только 7 крестьянских дворов с 10 крестьянами. Ссылные, присланные завести в Тарском уезде пашню, оказались совершенно непривычными к хлебопашеству: «Пашут землю худо, хлеба на себя не напахивают и их кормят из царских житниц». Основным производителем хлеба были служилые люди, которым выдавалось «государево жалованье» деньгами, солью и хлебом, но нерегулярно и в недостаточном объеме; хлебное жалованье не могло обеспечить прожиточный минимум семьи рядового служилого человека. Хлебопашество обеспечивало дополнительный источник существования, ослабляло зависимость от жалованного хлеба, что было крайне важно для «семьянистых» казаков. При дефиците и медленном росте крестьянского населения в пограничном уезде и увеличении спроса на хлеб, хлебопашество оставалось выгодным делом.

В течение XVII в. и в начале XVIII в. тарские служилые люди сохраняли лидирующие позиции в земледелии [1. С. 146–155; 4. С. 33–36; 5. С. 121; 6. С. 17].

Большим подспорьем стало огородничество. Из-за дефицита свободной земли в городе огороды располагались также за крепостными стенами. В основном в подгородной части по берегам реки Аркарки. Это хорошо показано на чертеже города С.У. Ремезова [7. С. 333]. Тарчане выращивали обыкновенные овощи, известные русским с летописных времен: хрен, репу, лук, чеснок, горох, бобы, морковь, огурцы, капусту. Русские переселенцы по обычаю более разводили капусту, огородами-капустниками очень дорожили. Излюбленным овощем у сибиряков в посты была брюква и разводилась в больших количествах. Брюкву и свеклу резали на куски и парили в больших горшках (корчагах) в течение суток, так получали любимые детьми паренки [8. С. 3, 32, 33]. Обилие навоза, наличие которого подтверждают обнаруженные в ходе раскопок мощные пласты навоза, позволяло щедро удобрять огороды, что повышало урожайность овощей.

Важным источником получения продовольствия тарских жителей были промыслы, базирующиеся на местных природных ресурсах: сбор грибов, ягод, хмеля и др., охота и рыболовство. Тара окружила себя десятками заимок на охотничьих и рыболовных угодьях. Наибольшее распространение получило рыболовство. Рыбу ловили в реках, озерах, запрудах сетями, неводами, бреднями, переметами, мордами, кривдами, сайпами, вершами, а зимой «в пролубях удою» или ловушками-котцами. Большинство рыболовов происходили из служилого сословия. В начале XVIII в. 53,5% занимавшихся рыбной ловлей были связаны с военной службой. Тара стала одним из основных поставщиков рыбы из Сибири для Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Москвы и других городов Европейской России. Продукция рыболовного и охотничьего промыслов занимала весомое место в питании тарчан, что документируют остеологические и ихтиологические материалы археологических раскопок Тары в крепости и остроге. В культурном слое XVII в. доля костей лосося и косули составляет почти половину остеологической коллекции. Слой насыщен чешуей и костями рыб разных видов, обитающих в местных водоемах – от иртышских осетров до карасей из окружающих город озер. В ходе раскопок найдены формы из сосновой коры для отливки свинцовых рыболовных грузил и для литья блесен в виде небольшой рыбки. В тарской рыболовной коллекции имеется значительное количество приспособлений для коллективного и индивидуального лова: большие круглые грузила от неводов и бредней, крючки и остроги [4. С. 37–38; 9. С. 96–100].

Для хранения собранного урожая и запаса продовольствия в свежем и консервированном (вяленые, копченые, соленые, вареные, сушеные) виде необходимы были приспособленные помещения, которые вписывались в пространство города, дома и двора. Со-

гласно данным Тарской дозорной книги 1624 г., в городе находилось более 20 государственных и частных житниц для хранения хлеба, соляные и зеленые амбары [10 Л. 319–320]. Хранилища для продуктов использовались разнообразные. Их названия, известные по письменным и этнографическим данным, также вариативны: погреб, погреб с напогребницей, подпол / подполье, подвал, яма, омшаник, житница, амбар и др. Письменную информацию не всегда можно интерпретировать однозначно, поскольку под одним названием могли фигурировать конструктивно разные объекты и, наоборот, одинаковые по конструкции хранилища называться по-разному. Привычные нам по названию погреб, подпол, подвал отнюдь не всегда подразумевают углубленные в землю постройки. Бытовали «плоские» погреба / подполья, «избы плоские на подполье», т.е. наземные. Зачастую тип и детали конструкции хранилищ из письменных упоминаний о них неясны, и если при описании, скажем, погреба опущен термин «плоский», то он мог быть на деле как наземным, так и вырыт в грунте [11. С. 54; 12. С. 217, 223; 13. С. 175; 14. С. 54, 59, 61; 15. С. 358–362 и др.].

В Таре исследовано четыре погреба: один в усадьбе на территории крепости и три в остроге. Исследованный усадебный комплекс П-образной формы располагался практически в центре крепости, что указывает на его принадлежность представителю местной администрации [16. С. 214–219]. В комплекс входил дом-пятистенок с теплыми сенями, баня, изба для челяди, колодец и погреб с напогребницей. Часть усадьбы была вымощена и покрыта на разном уровне навесом из сосновой дранки (рис. 1, 1). Погреб, изба и колодец с навесом, построенные в разное время, находились на одной линии на расстоянии 0,5–0,7 м друг от друга (рис. 1, 2). Планиграфия застройки весьма логична: колодец, обеспечивающий обитателей усадьбы водой, располагался рядом с жилыми постройками, но был отделен от погреба, чтобы в него не просачивалась вода.

По дендрохронологическим данным, усадьба сгорела примерно в 1669 г. во время опустошительного пожара, который практически полностью уничтожил город. После этого стихийного бедствия территорию сгоревшей усадьбы частично разровняли и засыпали слоем строительного мусора, навоза и земли. Эта ситуация позволила хорошо зафиксировать строительный горизонт XVII в.

Пожар уничтожил напогребницу практически полностью, остались только угловые столбы, что позволяет восстановить ее как каркасно-столбовую конструкцию (5×5 м) с двускатной крышей из дранки. Дверь в напогребницу располагалась со стороны двора.

Перекрытие из мощных полубревен сохранило внутреннюю конструкцию погреба совершенно целой, лишь через лаз насыпался мусор. Размеры погреба: 3,3×3,0 м. В яму глубиной 1,5 м был впущен сруб из 7 венцов из кедровых и сосновых бревен диаметром 30–40 см.

Перекрытие погреба из тщательно подогнанных друг к другу 11 полубревен (диаметром 40 см) опиралось на верхние венцы сруба и центральную бревенчатую балку (диаметр 35 см), врубленную между шестым и седьмым венцами сруба.

Лаз (90×90 см) представлял собой приподнятый над перекрытием примерно на 50 см ящик из отесанных досок (толщина 4 см, ширина около 20 см), поставленных на ребро, сшитых шипами и укрепленных косяками (рис. 1, 3). Ящик-лаз имел дно из снимающихся досок и крышку, пространство между ними забивалось сеном для создания барьера от проникновения теплого или холодного воздуха. С целью теплоизоляции перекрытие погреба тоже было завалено землей примерно на 50 см, т.е. на высоту ящика-лаза. Кстати, земляная насыпка на перекрытии предохранила погреб от пожара, сгорела только напогребница.

Для спуска в погреб служила лестница (рис. 1, 4), сделанная из расколотого бревна (ширина 40 см). Верхнее бревно сруба, на которое опиралась лестница и для большей ее устойчивости, стесано примерно на треть. В лестнице вырублены четыре ступеньки, три нижних прорублены насквозь, чтобы удобнее ставить ногу.

Между вторым и третьим нижними венцами сруба врублены две лаги (диаметр около 20 см), на которые, вероятно, опирались плахи пола (рис. 1, 5). Тесаные плахи (ширина 40 см) обнаружены не в погребе, а на поверхности. Возможно, их вытащили для просушки. Плахи сделаны из вторично использованной древесины. В некоторых плахах по центру просверлены пятисантиметровые отверстия, вероятно, для стекания воды и притока холода снизу.

На 40 см ниже половых лаг находился нижний пол из тесаных досок (ширина 30 см, толщина 5–6 см), сохранившийся частично. Это пол для льда. Весной, перед наступлением тепла пространство между нижним и верхним полами заполнялось льдинами, которые сбрасывали вниз, поэтому доски нижнего пола несут следы ударов, некоторые из них проломлены. Очевидно, часть льда размещали и на верхнем полу, по мере его таяния вода уходила вниз через отверстия в плахах.

Для подвешивания продуктов применяли доски с просверленными отверстиями (рис. 1, 6). Найденные в погребе обломки сланцевых камней, видимо, собранных на берегах Иртыша, а также зуб мамонта использовались в качестве гнета в кадках с соленьями.

В конце лета – начале осени, перед загрузкой нового урожая погреба чистили, разборные части вытаскивали и сушили. Поэтому в раскопанном погребе запасов не обнаружено, а половые доски подняты на поверхность. Это обстоятельство косвенно указывает на время пожара, в котором сгорела усадьба.

При выборке культурного слоя поблизости от погреба найдены несколько клепок и обвязок от кадок, служивших для хранения продуктов в погребах. Высота кадок от 50 до 80 см, диаметр примерно одинаков –

около 70 см, и подходит для спуска продуктов в погреб через лаз. Кадки обвязывали ивовыми прутьями с замками-застежками на краях. Длинные тонкие ветки срезали с деревьев, расщепляли на две половины и натягивали на кадки, при высыхании они прочно сжимали клепки.

Качество постройки и строевого леса очень высокое, что позволило простоять погребу-леднику несколько сотен лет без фактических разрушений.

Погреба, раскопанные в остроге, могли принадлежать одному хозяину в том случае, если входили в один комплекс с жилой избой, или находиться в коллективном пользовании соседей (рис. 2, 1). Изба и погреб залегали в одном строительном горизонте, расположены в одну линию и поставлены одновременно, по дендрохронологическим определениям – в конце XVIII в. Срубы погребов собраны из бревен меньшего диаметра (около 25 см), чем погреб в крепости, и худшего качества – кривых, с дырами от выпавших сучьев и т.д.

Погреб рядом с избой имел напогребницу в виде навеса на опорных столбах, которые сохранились. Пространство в 1,5 м между избой и погребом вымощено тесаными плахами и бревнами. Возможно, напогребница была покрыта соломой, поскольку остатков дранки не найдено. Крытые соломой хозяйственные постройки были обычным явлением в острожной части Тары, они начинают исчезать только в 80-х гг. XVIII в. после серии мероприятий по предотвращению пожаров в городе.

Погреб рядом с избой представлял собой опущенный в яму сруб 2,3×2,3 м, глубиной не менее 1,8 м. Сохранилось девять венцов, в верхнем венце вырублен паз под балку перекрытия, это свидетельствует, что венцов было минимум десять. Перекрытие отсутствует, поэтому информации по устройству лаза нет, можно предположить, что вход в напогребницу и лаз находились ближе к южной стороне сруба, где располагались балки перекрытия. Лестница для спуска в погреб не обнаружена.

Сохранилось несколько плах пола (рис. 2, 2), их настиляли на бревна, положенные на землю. Подгнившие бревна-лаги периодически меняли на новые. Рядом с погребом на поверхности лежали два неошкуренных березовых бревна диаметром 25 см, которые вытащили на просушку или собирались заменить.

В центре погреба ниже уровня пола зафиксировано круглое углубление (диаметр 1,2 м, глубина 40 см), на дне лежало несколько досок. Видимо, в углубление закладывали лед для дополнительного охлаждения камеры. В погребе найдена чурка, которая, судя по следам на верхней поверхности, служила для рубки мяса, а также зуб мамонта, применявшийся в качестве гнета.

Погреб-ледник использовался практически весь год, за исключением конца лета – начала осени, когда он сушился и ремонтировался в случае надобности. Весной в углубление закладывали лед и поверх настиляли пол.

Второй погреб (рис. 2, 3) в этом комплексе расположен в полутора метрах от первого и менее глубокий – около 1,3 м.

1

2

3

4

5

6

Рис. 1. 1 – макет усадьбы; 2 – планировка построек усадьбы (реконструкция); 3 – перекрытие погребов с входом-лазом; 4 – внутренняя часть погребов с лестницей; 5 – внутренняя часть погребов с лагой под перекрытие и лестницей; 6 – доски полового настила погребов и доски с просверленными отверстиями для подвешивания продуктов

1

2

3

Рис. 2. 1 – погреб «на отлете»; 2 – погреб рядом с избой; 3 – лаги пола и врубки перекрытия во втором погребе

1**2****3**

Рис. 3. 1 – внутренний погреб жилой постройки; 2 – перекрытие погреба; 3 – внутренняя часть погреба с лестницей

В срубе 10 венцов, верхние венцы были засыпаны землей. По центру погребка лежала балка перекрытия, концы которой врублены в бревна девятого венца в восточной и западной стенках. На южной стенке в бревне девятого венца – два паза (15×15 см) для обустройства лаза (0,6×0,8 см). Лаги для пола врублены в бревна первого венца в северной и южной стенках. От половой настилы сохранилось несколько тесаных досок (толщина 6 см, ширина около 30 см). Нет свидетельств наличия второго пола. Бревно-лестница для спуска в погреб отсутствует. Перекрытие погребка для теплоизоляции было засыпано землей, от чего на поверхности образовался небольшой холм.

В этом погребе хранили продукты повседневного спроса, прежде всего кисломолочные, а также овощи-корнеплоды.

Четвертый исследованный погреб, в отличие от стоящих «на отлете» (см. рис. 3), находился внутри избы, под полом. Из семи изб XVII–XVIII вв., раскопанных в острожной части Тары, внутренний погреб обнаружен только в одной. По конструкции он схож с предыдущими. В сопоставлении с размерами избы (3,8×3,8 м) погреб довольно велик – 2,5×2,5 м. Подпол-погреб сдвинут к юго-восточному углу избы, ориентированной по сторонам света. Сруб погребка из тонкого леса в десять венцов спущен в яму на глубину 1,5 м от уровня нижнего венца избы. В западной стене остался фрагмент балки, положенной по линии восток–запад и врубленной в бревна девятого венца сруба. Врубок для лаза не наблюдается, но на дне погребка зафиксирован брусок-косяк (толщина 7 см, ширина 25 см) с двумя пазами, т.е. косяки укрепляли лаз, размер которого в соответствии с шириной бруска должен был составлять 0,5×0,5 м. Лаз почти не поднимался над уровнем перекрытия. Врубок для половых лаг на нижних бревнах сруба нет: либо пола не было совсем, либо его настилали на временные лаги. Упавшее бревно с вырубленными ступенями по конструкции аналогично лестнице, найденной в колодце воеводской усадьбы Томского кремля [14. С. 123. Рис. 141]. В подполе найдены предметы, связанные с его функционированием: доски-разграничители для сушеков, фрагменты оплетки бочек из ивовых прутьев, пробка для бочонка и т.д. В подполье круглогодично хранили овощи-корнеплоды, соль, возможно, продукты собирательства – ягоды и грибы. Большая глубина погребка-подполья способствовала сохранению устойчивого температурного режима для хранения продуктов.

По дендрохронологическим данным, изба была построена после пожара 1709 г., уничтожившего почти весь Тарский острог, и сама сгорела в конце XVIII в. Подпол-погреб тоже пострадал – юго-западный угол

сруба обгорел почти до самого дна (рис. 3, 2). После пожара подпол перекрыли временным настилом из тонких березовых бревен. Возможно, для хранения уцелевшего имущества и припасов. После того, как перекрытие обвалилось, погреб завалили землей.

Погребка обеспечивали хранение продуктов на протяжении всего года, что определяло их значимость для жителей Тары. В погребках-ледниках можно было хранить мясо и рыбу и в теплое время года – весной / летом, и хотя продукты теряли свои качества, для использования в пищу были вполне пригодны. Находки клепок для больших (емкостью 60–80 л) кадок и камней для гнета свидетельствуют о длительном хранении солений: капусты, огурцов, грибов разных видов. Такому виду консервации способствовало наличие хорошей соли с Ямышевских озер, которую тарчане добывали в значительных количествах. Кадки использовали и для длительного хранения брусники, черники, клюквы, в том числе в пареном виде. В ямных ледниках сырость воздуха приводила к быстрой порче корнеплодов [8. С. 271, 272].

В погребках безо льда хранили репу, брюкву, морковь, часто в песке в отгороженной части погребка. Такая традиция сохраняется у тарчан и в наше время. Известны «репные» погребка в виде полуопущенных в яму срубов с односкатной крышей или «репные» ямы, вырытые в сухом песчаном грунте, куда овощи, в том числе семенные, пересыпанные льняной кострикой, прикрытые соломой, хворостом, землей, дерном, закладывались на длительное хранение, до весны. Как правило, такие погребка-ямы открывали достаточно редко, по мере надобности и для проветривания от углекислого газа, выделяемого корнеплодами [8. С. 277–279; 15. С. 360]. В городах и деревнях устраивали «овощные» погребка и для повседневного употребления.

Погребка в разных своих вариациях как хранилища продуктов были необходимым элементом системы жизнеобеспечения. Сохранность продовольствия – не только повседневная, но и стратегическая задача, тем более в условиях жизни пограничного города, каким была Тара. Имеющийся материал позволяет определить место хранилищ для продуктов в усадебной и городской застройке, некоторые конструктивные элементы этих построек. Дальнейшего изучения требуют детали обустройства и оснащения погребов, планировка их внутреннего пространства, особенности хранения разных продуктов (мясных, рыбных, молочных, растительных) и тары (деревянной, берестяной, плетеной, керамической), которая для этого использовалась. Продолжение раскопок, надеемся, даст новый материал для решения вопросов, важных для реконструкции культурного облика Тары XVII–XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. М. : Вече, 2012. 320 с.
2. Евсеев Е.Н. Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII – начала XX в. Новосибирск : Наука, 1981. С. 78–109.
3. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 1989. 304 с.

4. Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории город Тары конца XVI – начала XX в. Барнаул : Аз Бука, 2006. 188 с.
5. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976.
6. Колесник А.Д. Омская пашня. Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX веков. Омск: Моя земля, 1999. 105 с.
7. Татауров С.Ф. Планиграфия Тары и некоторые вопросы благоустройства города в XVII–XIX вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 331–337.
8. Рытов М.В. Русское огородничество. СПб. : Изд-во П.П. Сойкина, 1914. 292 с.
9. Tataurow S.F. Sposoby polowu szczupaka przez mieszkancow Tary w XVII–XIX w. Rocznik Muzeum Wsi Mazowieckiej w Sierpcu. Sierpc, 2017. T. VIII. S. 96–102.
10. Тарская дозорная книга 1624 г., составленная Василием Тырковым // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5.
11. Сафьянова А.В. Народное крестьянское жилище Вологодской области (по материалам экспедиции 1966 г.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л. : Наука, 1973. С. 47–66.
12. Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII – XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. : Наука, 1975. С. 156–244.
13. Копанев А.И. Двор крестьянина в Подвинье в XVII в. // Культура Русского Севера. Л. : Наука, 1988. С. 174–182.
14. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д Принт, 2015. 276 с.
15. Федоров Р.Ю., Лысенко Д.Н., Аболина Л.А. «Погреб с напоребницей»: дворовые постройки для хранения продуктов в XVII–XXI веках (Ангаро-Енисейский регион) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 357–363.
16. Татауров С.Ф., Чёрная М.П. Усадьба в Тарской крепости: опыт реконструкции комплекса // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Издатель-Полиграфист, 2015. С. 214–219.

Chernaya Mariya P., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: mariakreml@mail.ru

Tataurov Sergey F. Omsk Laboratory of the Institute of Archeology, Ethnography and Museology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russia). E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Borilo Bogdana S. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: bogdana.borilo@mail.ru

FOOD SUPPLY AND STORAGE FOR PROVISIONS IN THE HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL CONTEXT OF TARA

Keywords: Siberia; Tara; XVII–XVIII centuries; food supply; provision storages.

A dwelling and estate complex are one of the main elements in the life support system. A structure, functionality of household objects within a manor is a well described in the ethnographic literature. A typology of dwellings has been developed; their horizontal and vertical planigraphy has been analyzed. However, the publications paid little attention to studying dimensional characteristics of dwellings and outbuildings, which can be compared with archaeological material.

The study purpose is to clarify a composition of the estate complexes and size of its buildings to understand the traditions, specifics of their formation and ability to compare with archaeological materials.

This research is based on the material of the inventory of the housing stock of the Angara Region Russian population, which are stored in the archives of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkammer). Data were collected in 1957–1961 by the Angarsk group of the expedition of Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences under leadership of L.M. Saburova in Kezhem district of Krasnoyarsk region. Comparative archaeological material on dwellings is the one obtained by the author during the excavations of Russian settlements of the XVII–XVIII centuries in the Omsk Irtysh region.

The statistical methods of analysis are applied, which are systematic data collection, their processing and analysis; the author also used analogies and comparative historical methods.

As a result, the data on 1203 estates of the Russian population were considered. They are systematized by periods: the first period is from the beginning of the XIX century to 1916, it reflects the established traditions in organization of dwellings and household complex; the second period is from 1917 to 1930, it characterizes the culture transformations associated with the change of the social system.

On the basis of the information received, it was found out that the structure of an estate complex of Russian population of the Angara Region from the beginning of the XIX century to 1939 little had changed. Statistical data on the size of dwellings showed that Siberians built tall, spacious houses within the tradition, came to Eastern Siberia from the European part of Russia along with Russian settlers. The obtained information on the houses size allowed comparing them with archaeological material, what is done on the example of excavated dwellings from rural settlements in Western Siberia.

The obtained amount of representative information allows conducting comparative analysis of ethnographic and archaeological material. Comparison of ethnographic and archaeological data revealed similar elements. This makes it possible to trace the dwelling evolution in time and space. In the Russian culture of the Angara Region the features characteristic of Russians from other regions of Siberia and the European Russia lingered in the house construction and sizes, and estates structure.

REFERENCES

1. Butsin'skiy, P.N. (2012) *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov* [The settlement of Siberia and the life of its first inhabitants]. Moscow: Veche.
2. Evseev, E.N. (1981) Tara v svoi pervye dva stoletiya [Tara in its first two centuries]. In: Vil'kov, O. (ed.) *Sibirskie goroda XVII – nachala XX v.* [Siberian cities of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 78–109.
3. Rezun, D.Ya. & Vasilev'skiy, R.S. (1989) *Letopis' sibirskikh gorodov* [The Chronicle of Siberian Cities]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Goncharov, Yu.M. & Ivonin, A.R. (2006) *Ocherki istorii gorod Tary kontsa XVI – nachala XX v.* [Essays on the history of Tara of the end of the 16th – early 20th centuries]. Barnaul: Az Buka.
5. Apollova, N.G. (1976) *Khozyaystvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoy polovine XIX v.* [Economic development of the Irtysh at the end of the 16th – the first half of the 19th centuries]. Moscow: USSR AS.
6. Kolesnikov, A.D. (1999) *Omskaya pashnya. Zaselenie i zemledel'cheskoe osvoenie Priirtysh'ya v XVI – nachale XX vekov* [Omsk arable land. Settlement and agricultural development of the Irtysh in the 16th – early 20th centuries]. Omsk: Moya zemlya.
7. Tataurov, S.F. (2017) *Planigrafiya Tary i nekotorye voprosy blagoustroystva goroda v XVII–XIX vv.* [Tara planigraphy and some issues of improvement of the city in the 17th – 19th centuries.]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 331–337.
8. Rytov, M.V. (1914) *Russkoe ogorodnichestvo* [Russian gardening]. St. Petersburg: P.P. Soykin.
9. Tataurov, S.F. (2017) *Sposoby polowu szczupaka przez mieszkancow Tary w XVII–XIX w.* [Methods of pike hunting by the inhabitants of Tara in the 17th – 19th centuries]. Vol. 8. Sierpc: Rocznik Muzeum Wsi Mazowieckiej w Sierpcu. pp. 96–102.

10. Tyrkov, V. (n.d.) *Tarskaya dozornaya kniga 1624 g., sostavlenneya Vasiliem Tyrkovym* [The Tara sentinel book of 1624 compiled by Vasily Tyrkov]. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 214. List 1. File 5.
11. Safyanova, A.V. (1973) Narodnoe krest'yanskoe zhilishche Vologodskoy oblasti (po materialam ekspeditsii 1966 g.) [Folk peasant dwelling of the Vologda region (based on materials from the expedition of 1966)]. In: Putilov, B.N. & Chistov, K.V. (eds) *Fol'klor i etnografiya Russkogo Severa* [Folklore and ethnography of the Russian North]. Leningrad: Nauka. pp. 47–66.
12. Rabinovich, M.G. (1975) Russkoe zhilishche v XIII –XVII vv. [Russian dwelling in the 13th – 17th centuries]. In: Rabinovich, M.G. (ed.) *Drevnee zhilishche narodov Vostochnoy Evropy* [The ancient dwelling of the peoples of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 156–244.
13. Kopanev, A.I. (1988) Dvor krest'yanina v Podvin'e v XVII v. [Peasant's yard in the Dvina area in the 17th century]. In: Chistov, K.V. (ed.) *Kul'tura Russkogo Severa* [Culture of the Russian North]. Leningrad: Nauka. pp. 174–182.
14. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The voivode's estate in Tomsk, 1660–1760: Historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
15. Fedorov, R.Yu., Lysenko, D.N. & Abolina, L.A. (2017) "Pogreb s napogrebnytsy": dvorovye postroyki dlya khraneniya produktov v XVII–XXI vekakh (Angaro-Eniseyskiy region) ["Cellar with an overcellar unitlity room": courtyards for storing food in the 17th – 21st centuries (Angara-Enisei region)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 357–363.
16. Tataurov, S.F. & Chernaya, M.P. (2015) Usad'ba v Tarskoy kreposti: opyt rekonstruktsii kompleksa [The Tara Castle manor: the experience of reconstruction]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [The Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. pp. 214–219.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47).930.23+654.195
DOI: 10.17223/19988613/56/24

О.В. Горбачев

РАДИО И ОСВОЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА. О КНИГЕ С. ЛОВЕЛЛА «РОССИЯ В МИКРОФОННУЮ ЭРУ. ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО РАДИО, 1919–1970 гг.». Оксфорд ; Нью-Йорк, 2015. XI, 237 с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

На основе историографического анализа книги С. Ловелла рассматривается роль радио в жизни советского общества в 1920–1960-е гг. Характеризуется место радио в медиакоммуникационной среде. Обосновывается идеологическая роль радио в контексте планов коммунистического строительства. Показан вклад Лоуэлла в изучение политической и социокультурной истории советского радио. Делается вывод об ограниченных возможностях авторитарной власти использовать технические медиа для реализации политических целей.

Ключевые слова: радио; история медиа; советский проект; советская идеология; политический контроль.

Утверждение о том, что коммуникационные технологии – это системообразующая среда современной цивилизации, в наши дни стало банальностью. Сотовая связь и интернет кардинальным образом изменили образ жизни человека. Очевидность их значимости в современном мире формирует новый, медийный, контекст восприятия действительности. Идеи Маршалла Маклюэна, Никласа Лумана и других теоретиков медиа-коммуникации заняли прочное место в трудах социологов и культурологов. Что касается историков, то традиция изучения прошлого по отношению к технологиям коммуникации достаточно консервативна. Еще недавно им отводилась сугубо вспомогательная роль, во многом благодаря неочевидности влияния медиа до эпохи интернета. Между тем, качество коммуникационной среды невозможно игнорировать при анализе состояния любого социума, и потому так интересны любые попытки рассмотрения прошлого в контексте истории медиа.

Можно констатировать, что на сегодняшний день имеется солидная историография, анализирующая социальную роль медиа в разных странах (см. например: [1–7 и др.]). К сожалению, подобных работ на материале России – СССР существенно меньше, хотя в последнее время и здесь наблюдаются изменения к лучшему. Между тем, учитывая огромную территорию нашей страны, роль медиакоммуникаций для ее развития сложно переоценить.

Нельзя сказать, что история советского радио обойдена исследователями. Авторы, как правило, раскрывают технологические, культурно-эстетические аспекты темы либо концентрируют внимание на выдающихся радиодейателях (см. например: [9–13]). Существенный вклад в разработку проблемы пропаганды и цензу-

ры на советском радио внесла Т. Горяева [14–16]. Рассматриваются и международные аспекты радиовещания в советскую эпоху [17].

Книга Стивена Ловелла, о которой пойдет речь, вносит серьезный вклад в изучение темы и расставляет немало важных акцентов в характеристике советского общества [18]. А непосредственным толчком к написанию этой рецензии-размышления послужило то, что исследование Ловелла дает хорошую возможность для понимания социально-политической роли радио в СССР. Для этого важно иметь в виду, какие идейно-политические ожидания связывали большевики с эпохой радио, какую роль сыграло радио в истории советского общества и какие выводы можно извлечь из попыток политического регулирования медиакоммуникационной среды.

Радио в идеологии и революционной практике большевиков. Для советской правящей бюрократии радио было инструментом чрезвычайно полезным. Стабильность режима во многом зависела от того, насколько убедительной и оперативной будет большевистская пропаганда. Прямой предшественник радио – телеграф, хорошо выполнял задачи информирования и оперативного управления, но для агитационных целей был непригоден. Печатная пресса, помимо расходов на издание, требовала больших усилий по доставке в отдаленные районы страны. Радио, получившее распространение в России в годы Первой мировой войны, было важным подспорьем для решения поставленных большевиками задач – в первую очередь из-за доступности технологии и отсутствия необходимости серьезных вложений для потребителя радиосигнала.

Хрестоматийная фраза В.И. Ленина о необходимости захвата революционерами «почты, телеграфа и те-

лефона» – отражение понимания важности коммуникаций. Отсутствие в этом перечне радио означало лишь то, что в стране к моменту взятия власти большевиками за пределами военных частей отсутствовала необходимая инфраструктура. Тем не менее именно с помощью радио распространилась новость о победе Февральской революции, а дезорганизации армии способствовали сообщения по радио о «немедленном мире» [18. Р. 19]. Как утверждает Ю. Мурашов, «посредством радио революция перерастает из исторического и политического события в (интер)национальный триумф коммуникации в тот момент, когда Ленин при помощи радиотелеграфа преодолевает блокаду молодой советской республики и распространяет свои лозунги по всей Европе» [19. С. 17].

Покоряющий пространство радиосигнал – последнее достижение технического прогресса, и в этом качестве он был своеобразным символом победы большевистского «нового мира». Радио отвечало ценностям раннесоветской идеологии и в том смысле, что, подобно «мировой революции», оно не признавало межгосударственных границ.

После подписания Рижского мира 1921 г. с Польшей, когда стало ясно, что целей «мировой революции» в ближайшее время достичь не удастся, начало формироваться другое предназначение радио. С его помощью большевики надеялись связать воедино доставшееся им огромное разнородное пространство бывшей Российской империи со слабо развитой транспортной сетью.

Спустя непродолжительное время было востребовано еще одно ценное качество радио – оно было способно выполнять образовательные функции в стране с преимущественно неграмотным и полуграмотным населением. Таким образом, радио способствовало реализации еще одной важнейшей идеологической задачи большевиков – воспитанию «нового человека» – как необходимого условия для построения коммунизма

Стивен Ловелл и история советского радио. Итак, с начала 1920-х гг. в стране начался период доминирования радио в сравнении с другими средствами массовой коммуникации. Он продлился полвека – до начала 1970-х гг., когда место радио в массовом сознании заняло телевидение. Именно этот период в развитии медиакоммуникаций привлек внимание Стивена Ловелла, который присвоил ему название «микрофонная эра» [18. Р. 211]. На фоне имеющихся публикаций книга Ловелла выделяется тем, что автор не замыкается на отдельных аспектах истории советского радио, а стремится затронуть максимально широкий круг вопросов, касающихся роли нового медиа в формировании и функционировании советского общества, от управления до повседневных практик.

Предпринимая исследование, автор имел в виду, что в существующих работах гораздо хуже освещалось содержание вещания по сравнению с историей технологий и институтов, а также то обстоятельство, что

влияние радио на общество не изучалось вообще. Поэтому он поставил перед собой цель «связать воедино эти разные аспекты, уделяя больше внимания социальным и культурным измерениям радиовещания, чем это делалось прежде, а также послевоенному периоду, гораздо хуже понятому, чем 1920–1930-е годы» [18. Р. 8].

Помимо более широкого взгляда на предмет изучения, у книги Ловелла есть еще одно немаловажное достоинство: автор широко использует материалы региональных архивов, местную прессу, и история советского радио в его интерпретации лишается осязаемого привкуса «столичности», присутствующего в работах большинства российских авторов; приобретает пространственное измерение.

Как выясняется, вопрос источников тут действительно важен. Предмет исследования очень специфичен: «Радио очень трудно аккуратно вспомнить и исторически описать, даже в США» [18. Р. 6]. При изучении советского радио, с одной стороны, исследователь сталкивается с дефицитом источников, относящихся к 1920–1930-м гг., а с другой – с их переизбытком в последующие годы. «Довоенная засуха сменилась послевоенным потоком» [18. Р. 7]. Общим для всех сохранившихся фонодокументов является то, что среди них преобладают официальные и парадные записи [Ibid. Р. 6].

Книга Ловелла полифонична. Она содержит богатый фактический материал, касающийся большинства аспектов истории радиовещания в СССР. Затронуты в том числе и темы, которые уже нашли отражение в работах историков радио. В этой связи нельзя не отметить уважительное отношение автора к имеющемуся исследовательскому опыту. Активное использование научной литературы, огромного количества документов из центральных и местных архивов, источников личного происхождения, периодической печати, малоизвестной специальной литературы, в том числе провинциальной, обнаруживает искреннюю увлеченность автора изучаемым предметом. Ловеллу действительно удалось создать объемную картину истории советского радио, где все важнейшие этапы его развития получили должное отражение. Начав с истории появления радио в России, Ловелл рассказывает о технологии вещания, эволюции содержания программ, политической роли нового медиа. Автор с большим интересом относится к судьбам людей, стоявшим у истоков советского радио и определявшим его лицо на разных этапах истории. И все же основное, что делает книгу заслуживающей читательского внимания, – это заявленный акцент на социальной и культурной функциях радио в СССР. Избранный подход можно обозначить как проблемно-хронологический. «Микрофонная эра» Ловелла отчетливо делится на три этапа: 1920–1930-е гг. (1–3 главы книги), военный период (глава 4) и 1945–1970 гг. (главы 5–7). Поскольку все затронутые в исследовании вопросы здесь осветить невозможно, речь пойдет лишь о наиболее интересных с точки зрения автора настоящей статьи.

История радио в довоенный период. Во введении с говорящим названием «Почему радио?» Ловелл характеризует его значение для большевиков. Помимо оперативности и символа прогресса, радио должно было стать еще и «коллективным организатором», т.е. отобразить эту функцию у печатной прессы. Но для этого было необходимо преодолеть барьер бедности и отсталости, чего не удалось сделать в довоенном СССР. Так, в 1934 г. радиоприемников в стране было вчетверо меньше, чем в Германии [18. Р. 8]. Отсюда определенная стеснительность риторики советских властей в пропаганде радио и, в конечном итоге, особый путь его распространения.

Первые три главы книги («Институционализация советского радио», «Радио и формирование советского общества» и «Как Россия училась вещать») посвящены тому, как новое средство коммуникации завоевывало пространство СССР. Для обеспечения покрытия территории страны к началу 1927 г. была создана сеть из 29 основных станций, 22 из которых находились в европейской части. Радиокommunikации, указывает Ловелл, были единственным средством дотянуться до Дальнего Востока если не из Москвы, то хотя бы из региональной столицы (Иркутска). Прямая трансевразийская радиосвязь между Москвой и Восточной Сибирью была слишком дорогой [18. Р. 23]. Во многом поэтому радио в 1920-е гг. еще не стало государственным проектом. Но декларировавшаяся независимость радио не должна вводить в заблуждение: развертывание передатчиков без участия государства было невозможно – в 1929 г. СССР был страной с наибольшей передающей мощностью в мире (правда, в пересчете на территорию Германия была оснащена в сорок раз лучше [Ibid. Р. 25]).

Как можно судить по книге Ловелла, ко второй половине 1920-х гг. относятся первые попытки государства воспрепятствовать естественной логике развития радио. С пересмотром перспектив «мировой революции» в условиях враждебного окружения трансграничные возможности радио скорее мешали, чем помогали большевикам. Поэтому в приграничных районах пришлось устанавливать особо мощные станции, вещавшие на тех же частотах, что и соседи, а также «глушилки» радиосигнала. Так советское государство пыталось установить монополию на радиоинформацию внутри страны. При этом попытки изолирования своего населения от информации извне сочетались с радиопропагандой на соседние страны [18. Р. 25].

Помимо необходимости защиты от «вражеского вещания» было и другое неудобное для государства обстоятельство в распространении радио – популярность радиолубительства. Энтузиасты радио (как правило, молодые мужчины пролетарского происхождения [18. Р. 49]) были в большинстве своем людьми творческими и несистемными, но только их усилиями в 1920-е гг. было возможно распространение новой технологии – промышленность почти не выпускала радиоприемников. Попытка регули-

ровать радиолубительство введением в 1924 г. абонентской платы за пользование приемниками оказалась неэффективной, и количество «радиозайцев» неуклонно росло. Для власти возникла угроза «радио-хаоса, как на Западе» [18. Р. 30].

Радиолубителей пытались наставить на «истинный путь»: их призывали собирать приемники для радиофикации села, но тех гораздо больше интересовала перспектива слушать радиоголоса из отдаленных уголков Земли. Этот сюжет изрядно напоминает усилия современной правящей бюрократии по обузданию интернет-блогосферы.

Впрочем, в условиях авторитарного государства строптивую технологию в конце концов удалось приручить и приспособить к государственным целям. Для этого в годы первой пятилетки была создана сеть проводного вещания. Помимо стремления власти контролировать эфир успеху проекта способствовала невозможность удовлетворить спрос на доступные детекторные приемники.

По мнению Ловелла, проводной радиофикации способствовала относительная дешевизна и долговечность проводов [18. Р. 34]. По причине технологического родства оказалось удобным соединить радиофикацию с электрификацией. При таком подходе отпадала нужда в массовом производстве радиоприемников, а пропагандистский успех достигался тем, что, по замечанию Ричарда Эрнандеса, проводная «тарелка» позволяла регулировать только громкость, но не переключаться с одной программы на другую [20. Р. 1495]. Тем самым безбрежное пространство радиоэфира, в представлении революционных романтиков начала 1920-х гг., в реальности 1930-х сузилось до размеров однопрограммной «радиоточки», вещающей со столба у сельсовета. Радиолубительство было выдвинуто на периферию государственных интересов и в дальнейшем поддерживалось в основном военной целесообразностью. Тем не менее радиофикация в таком виде была обречена оставаться половинчатой: покрыть всю территорию СССР проводным радио было невозможно, отсюда жалобы на его «городской» характер.

Радио как инструмент коммунистического строительства в СССР. Сочинение Стивена Ловелла помогает понять, какого рода социальные препятствия возникали на пути реализации стратегических целей идеологов коммунизма. Речь пойдет о сельской радиофикации как составляющей «смычки» между городом и деревней и необходимости достижения социальной однородности в потреблении радио в контексте формирования «нового человека». Ловелл затрагивает эти темы, но они нуждаются в дополнительной детализации.

Практика XX в. показала, что сближение (или «смычка», в большевистской терминологии) города и села осуществлялось не в виде конвергенции, т.е. слияния, а с неременным доминированием города. Это было следствием приоритета пролетарских ценностей по отношению к крестьянским, большевистского индуст-

стриализма, а также логики урбанизации как объективного общемирового процесса. Радио не стало исключением. Ричард Эрнандес формулирует последствия прихода радио в сельскую местность как разрушение прежней звуковой среды и формирование новой. «Происходила десакрализация колокольного звона и сакрализация его заменителей в звуковой среде деревни... Громкоговорители были способны заглушить колокола. Они имели возможность более изощренно воздействовать на сознание – путем пропаганды» [20. Р. 1493, 1495]. Характерно, что в сельской местности радиоточки стремились размещать в непосредственной близости от церкви [18. Р. 59].

Это изящное построение требует некоторого уточнения. Пик антирелигиозной кампании в СССР пришелся на 1929 г. в то время как радиофикация советской сельской местности в основном проводилась в послевоенное время. По оценке Ловелла, в апреле 1946 г. в зоне досягаемости радиовещания находилось не более 1/7 населения страны [18. Р. 135]. Поэтому в реальности столкновение колокольного звона и радиоточки имело место довольно редко. Эрнандес прав в том, что радио в сельской среде являлось мощным проводником урбанистических ценностей, объективно разрушавших прежний крестьянский мир.

Что касается вопроса о «социальной однородности» общества, то на ранних этапах существования радио в большевистской верхушке нередко были утверждения о том, что с его помощью Советская Россия должна стать единой со всем человечеством. Революционные романтики видели в радио не только средство коммуникации; оно должно было стать технологией преобразования человеческого общества, сделать его более рациональным и современным, одновременно установив новый идеал коллективного общежития, противостоящего индивидуалистическому «буржуазному» миру [18. Р. 43].

В 1930-е гг. утопические проекты перестали будоражить сознание, но радио продолжало оставаться символом прогресса и строительства советского общества. Актуальной оставалась и мысль о достижении культурной однородности средствами радио [18. Р. 43, 45]. Эту идею также формулирует Эмма Виддис: «Социалистическое пространство строится на основаниях, отличных от тех, на которых базируется капиталистическое пространство: оно должно быть прежде всего равномерным и не иерархичным» [21. С. 451].

Одним из препятствий к этому была социальная иерархия в потреблении радиосигнала, сформировавшаяся в 1920–1930-е гг. Она представляла собой пирамиду, в основании которой находились слушатели однопрограммных «радиоточек». Перед войной до 80% радиоустройств в СССР (из 7 млн) были проводными [18. Р. 36]. На следующем уровне размещались владельцы детекторных приемников, у которых была большая свобода выбора, но только в радиусе приема до 240 км. Наконец, на вершине пирамиды были немногочисленные обладатели дорогих ламповых прием-

ников, способных принимать сигнал на расстоянии до 3 тыс. км [18. Р. 49].

Характерно, что несмотря на быстрый рост количества радиоточек на рубеже 1920–1930-х гг. [18. Р. 34], слушание радио оставалось занятием не для всех. В середине 1930-х гг. некоторые деревни не могли позволить себе оплатить подписку на проводное радио [Ibid. Р. 60]. Отсюда сетование сельских жителей, что «радио могут слушать только большие партийные люди или военные» [Ibid. Р. 64].

Кроме технической недоступности еще одним препятствием к достижению социального равенства было содержание вещания. Помимо революционных песен советское радио, движимое намерением «воспитания нового человека», отдавало предпочтение музыкальной классике. В эфире очень долго не было народных песен и эстрады, что порождало жалобы слушателей в духе того, что «в церкви музыка веселее» [18. Р. 64]. Такая ситуация сохранялась до середины 1930-х гг., когда «пик пуританства в эфире в годы первой пятилетки сменился “эрой Красного джаза”» [Ibid. Р. 101].

В связи с этим фиксируется наличие советского парадокса: радио слушали не те, кому оно в первую очередь предназначалось как средство просвещения, т.е. не крестьяне, а городская интеллигенция и квалифицированные рабочие (технически продвинутые люди) [Ibid. Р. 64–66].

С позиций сталинской пропаганды идеальной моделью потребления радиоинформации было коллективное слушание радио через радиоточку. Однако с точки зрения логики развития новой технологии неизбежным было дальнейшее распространение беспроводного вещания с индивидуализацией процесса слушания. Именно поэтому обеспечить культурную и социальную однородность общества средствами радио в конечном счете оказалось невозможным.

По всей видимости, отказ от революционного аскетизма, начавшийся в СССР в середине 1930-х гг. после сталинского утверждения, что «жить стало лучше, жить стало веселее», еще больше препятствовал достижению этой однородности. Ламповые приемники, доступные далеко не всем, становились желаемым символом домашнего уюта; изменился и их внешний облик – провода и лампы как свидетельство прогресса и технической продвинутости 1920-х гг. теперь были скрыты в красивом полированном ящике. В СССР формировался семейный стиль слушания радио, как это произошло ранее в Западной Европе и США (Ловелл употребляет термин «каминное вещание» [18. Р. 64]).

Радио и другие медиа. Вопрос сравнительной значимости различных средств коммуникации важен, поскольку позволяет оценить реальную роль радио в обществе. Что касается Ловелла, то он постоянно соотносит радио с другими медиа, главным образом с печатной прессой и театром, исходя из представлений о важности устной / вербальной традиции в российском социуме (см. например: [22. Р. 36]). Как и кинемато-

граф, на этапе взросления советское радио претендовало на самостоятельную роль, пока попытки создания «радиоискусства» не стали квалифицироваться как «формалистические». В конечном счете состоялся некий симбиоз радио с газетой и театром, где устное слово стало доминирующим и самодостаточным. Радио в сталинские годы оказалось ближе к литературе, чем к театру [18. Р. 89; 23. С. 217–236], причем лингвистический консерватизм был даже сильнее консерватизма музыкального. Ловелл считает почти болезненное стремление к лингвистической правильности на советском радио вполне объяснимым для общества, только что расставшегося с неграмотностью [18. Р. 104].

Что касается кинематографа, то Ловелл касается вопроса о его взаимоотношениях в радио только вскользь. Он рассказывает, что в 1920-е гг. существовал жанр «радиофильма» в котором, как и в кинематографе, активно использовался монтаж [Ibid. Р. 83]. Скорее всего, с появлением звука в кино стало окончательно ясно, что предназначение и возможности радио и кино в советской системе коммуникации различны. На стороне радио были оперативность и вербальная конкретность. На стороне кинематографа – визуальная и художественная убедительность, а также независимость кинопередвижек от электрических сетей, т.е. кино могли показывать там, куда не дотянулось проводное радио.

Радио в военные годы. Возвращаясь к логике изложения Стивена Ловелла, обратимся к четвертой главе книги – «Мобилизация радио». Важным следует считать упоминание о том, что война была трудным временем для печатной прессы. На этом фоне значение радио, утверждает Ловелл, стало огромным [18. Р. 107]. Не менее существенно и то, что с конфискацией беспроводных приемников «тарелка» стала единственной формой радио для всех советских людей. «Радио было средством распространения практически важной информации – от инструкций по подрыву поездов до выращивания картофеля. ...Жить без слушания радио было нельзя» [Ibid. Р. 113–114]. Однако, несмотря на то, что радио признавалось главным средством пропаганды, оно, по мнению Ловелла, не соответствовало своей задаче. Слабость существующей инфраструктуры усугублялась изъятием даже тех приемников, которые были предназначены для коллективного слушания. Очень убедителен факт, что в 1945 г. в Выборгском районе Ленинградской области новости об окончании войны распространялись листовками с самолета [Ibid. Р. 143]. Кроме того, сохранялась подозрительность Москвы в отношении содержания вещания местных станций. Ситуация существенно улучшилась к 1943 г., когда вещательные мощности превысили довоенные [Ibid. Р. 114, 115].

Характеризуя роль радио в годы войны, Ловелл прибегает к экспрессивным выражениям: «война превратила радио в национальное медиа беспрецедентного масштаба. Это было, как если бы напряженность живого эфира во время спасения “Челюскина” или показа

тельных процессов растянулась на четыре года. ...Это был новый, демократический поворот в русской культуре» [18. Р. 132].

С автором трудно спорить, учитывая, что в годы войны была «разбита скорлупа» официальной парадности и академической правильности, а в эфире наконец зазвучали голоса простых людей. Тем не менее следует заметить, что в этом была заслуга не только радио, но и всех обстоятельств военного времени. Произошла консолидация общества перед лицом внешней угрозы, а радио концентрированно выражало эти настроения.

Помимо «культурного поворота», еще одним предметом внимания Ловелла стал поворот технический. Была осознана настоятельная необходимость записывающего оборудования, и эту потребность частично удалось удовлетворить с помощью трофейных магнитофонов [18. Р. 133]. Значение этого новшества было двояким. Кроме улучшения качества вещания (до войны для записи применялись так называемые шоринфоны с малоразборчивым звуком) его внедрение привело к резкому сокращению доли живого эфира. В позднесталинском СССР этот переход облегчил возврат к прежней официально-пафосной форме вещания, которая оказалась способной пересилить «демократический поворот» военного времени.

Тем не менее, как можно заключить из представленного в книге материала, если до войны радиосреда во многом развивалась под диктовку власти, то после ее окончания радио все активнее стало заявлять собственные правила. Для максимальной радиофикации советской территории в следующие полтора десятилетия проводное вещание должно было дополниться беспроводным [18. Р. 133]. Переход от провода к эфиру означал не только расширение пропагандистских возможностей советского радио, но и неизбежную утрату его монополии.

Послевоенная история советского радио. Этому периоду посвящены три последние главы книги: «От проводов к эфиру», «Магнитофон и искусство советского радиовещания» и «Радио-жанры и их аудитория в послевоенные годы». В числе тенденций послевоенных лет Ловелл выделяет появление новых каналов вещания. Во второй половине 1940-х гг. были запущены сначала вторая, а затем и третья программы. Поскольку «радиоточки» были однопрограммными, новые программы (преимущественно музыкальные) предназначались обладателям эфирных радиоприемников, т.е. в первую очередь интеллигенции [18. Р. 148]. Расширение присутствия в эфире государственных станций, с одной стороны, имело целью учесть разнообразные вкусы аудитории, а с другой – выполняло относительно новую задачу контрпрограммирования. Усиление контрпропагандистской функции радио стало еще одним результатом войны [Ibid. Р. 132]. Другой стороной той же политики стало увеличение количества «глушилок» – сначала в приграничных районах, а затем в крупных городах – для затруднения приема вещавших на СССР западных радиостанций.

Ловелл не делит четко историю советского радио на сталинский и постсталинский периоды, что в современной западной историографии можно наблюдать довольно часто. Преимуществом такого подхода является отсутствие схематизации, ожидания «оттепельных изменений» там, где они, возможно, наступили раньше или позднее. Например, новый всплеск радиолюбительства носит «оттепельный» характер, но начался он вскоре после войны. Тогда же власти были вынуждены признать, что прежняя система регистрации приемников устарела. Ловелл с симпатией констатирует техническую продвинутость советского общества того времени [18. Р. 145–146]. Облик радиолюбителей 1950-х существенно отличался от «друзей радио» середины 1920-х гг. Прежние правоверные советские энтузиасты радио превратились в слушателей Би-Би-Си и «радиохулиганов» (т.е. самовольных вещателей) [Ibid. Р. 147]. Причина метаморфозы – в изменении общественного климата в СССР после войны.

Начало политики «оттепели» в СССР совпало с осознанием невозможности государства контролировать процесс слушания радио населением. На закрытых совещаниях сообщалось, что «в сущности, вся страна открыта для враждебного радио» [Ibid. Р. 156]. Эффект от «глушилок» был только в центрах крупных городов. Кроме того, «глушилки» делали затруднительным и прием советских станций на коротких волнах [Ibid.]. Поэтому либерализация политики в радиосфере была вынужденной.

Данные Ловелла хорошо коррелируют со сведениями, приведенными ранее Кристин Рот-Эй. Во второй половине 1950-х гг. производство приемников с КВ диапазоном стало массовым. Государство с опозданием поняло свою ошибку. Ситуацию охарактеризовали как «результат непродуманной коммерческой политики». По сведениям ЦК КПСС, в 1958 г. 85% коротковолновых приемников было продано в Европейской части страны, где не были слышны свои радиостанции на КВ, а принималось только «враждебное» радио [8. Р. 140; 18. Р. 157]. Тем не менее, несмотря на недовольство Н.С. Хрущева, в конце концов выпуск коротковолновых приемников был продолжен [18. Р. 161]: коммерческая выгода от их продажи была налицо, а переоборудовать приемник на прием КВ мог любой радиолюбитель средней руки в домашних условиях. Власть примирилась с невозможностью противостоять западной радиопропаганде.

1960-е гг. ознаменованы двумя важнейшими тенденциями в развитии советского радио: распространением переносных транзисторных приемников и появлением «западного» типа музыкально-новостного вещания, которое предложила организованная в 1964 г. радиостанция «Маяк». И если, по Ловеллу, период с 1945 по 1965 г. можно считать «золотым веком» радио [Ibid. Р. 161], то теперь была достигнута высшая точка этого века. Слушателям импонировало то, что «Маяк» время от времени расстегивал свои государственные

пуговицы и иногда снимал галстук» [18. Р. 211]. Популярность нового радио была настолько велика, что, как заявляет автор, «Маяк» составлял ткань советской жизни» [Ibid. Р. 151]. К началу 1960-х гг. радио достигло максимума доверительности в общении со слушателем [Ibid. Р. 209]. Советские радиостанции гораздо более широко, чем прежде, представляли юмористические, разговорные, спортивные и детские передачи. Ловелл верно отмечает, что многие передачи позднесоветского времени сформировали золотой фонд радиовещания. Что касается появления небольших транзисторных приемников, то они довершили процесс индивидуализации слушания радио.

Новые позиции, завоеванные радио, стали результатом все обострявшейся медиаконкуренции. В 1960-е гг. советскому радио пришлось конкурировать уже не с церковными колоколами, патефонными пластинками и развивающейся печатной прессой, а с магнитофонами, развитым кинематографом, обширным полем печатных медиа, западным радиовещанием и набиравшим популярность телевидением. Очевидно, что государство больше не могло навязывать формат вещания, теперь оно было вынуждено подстраиваться под язык и стиль расширившейся медиасреды. Но оно все равно проигрывало и в оперативности, и в содержательности: по причине цензуры советское радиовещание на 12–18 часов отставало от центральных газет и очень намного – от Би-Би-Си и «Голоса Америки»; на радио доминировали рассказы о безоблачном существовании в СССР [18. Р. 153].

Говоря о последствиях такой ситуации, Ловелл утверждает, что слушание западного радио совсем не обязательно меняло взгляды, и население СССР продолжало оставаться советским по духу [Ibid. Р. 159]. С этим можно согласиться лишь отчасти. Западные станции восполняли дефицит в информации большей части советской интеллигенции, населения крупных городов, т.е. тех людей, которые, по справедливому суждению А.С. Сенявского, подготовили «перестройку» [24. С. 262]. Эту мысль отчасти подтверждает приведенный Ловеллом факт, что в конце 1960-х гг. радио предпочитали инженеры и интеллигенция; остальные обратили свои взоры к телевидению [18. Р. 208]. «Люди с более высоким уровнем развития менее подвержены эмоциональному воздействию, они ищут рациональные элементы в информации». Тем самым, утверждает автор, радио совершило полный круг: от радиолюбителей 1920-х через инструмент коллективного воздействия в 1930–50-е оно снова вернулось к интеллигентному слушателю [Ibid. Р. 208].

Выводы: власть и медиа – границы взаимодействия. Представленная Ловеллом убедительная картина развития радио в СССР позволяет понять, насколько авторитарное государство способно с помощью медиа консолидировать и контролировать социальное пространство.

Медиакоммуникации, в данном случае радио, действительно дают богатые возможности любой власти

для объединения общества с помощью нового информационного и пропагандистского потенциала. Политики, используя трансграничные возможности коммуникации, легко вербуют новых сторонников и формируют общественную поддержку, что и продемонстрировали большевики в 1917 году. Но наличие таких возможностей предполагает и то, что ими могут воспользоваться другие. Поэтому после победы революции новая технология стала создавать определенные неудобства советскому руководству. В течение нескольких советских десятилетий государству удавалось удерживать монополию на распространение радиосигнала за счет подавления радиолобительства и распространения проводного вещания. Радио в СССР обеспечило мобилизационно-пропагандистское завоевание территории с четким очерчиванием государственных границ.

Однако достигнутый контроль над советским пространством оказался недолговечным. Дальнейший прогресс в сфере радиовещания существенно ограничил пропагандистские возможности государства и заставил его играть «по чужим правилам», диктуемым логикой развития коммуникационной среды. В исторической перспективе это стало одним из весомых факторов краха советского проекта.

Что касается исследования Стивена Ловелла, то еще раз хочется заметить: его содержание далеко не исчерпывается логикой поведения авторитарной власти в развивающейся медиасреде. Следует признать интересной и заслуживающей всякого внимания авторскую концепцию советской «микрофонной эры» между телеграфной и телевизионной. Остается выразить надежду, что эта книга даст толчок к дальнейшему осмыслению истории медиа в России–СССР в XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anduaga A. *Wireless and Empire: Geopolitics, Radio Industry, and Ionosphere in the British Empire, 1918–1939*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009.
2. Andrews M., *Domesticating the Airwaves: Broadcasting, Domesticity and Femininity*. London : Bloomsbury, 2012.
3. Arnold K., Classen C. (eds.). *Zwischen Pop und Propaganda: Radio in der DDR*. Berlin : Ch. Links Verlag, 2004.
4. Bergmeier H.J.P., Lotz R.E. *Hitler's Airwaves: The Inside Story of Nazi Radio Broadcasting and Propaganda Swing*. New Haven : Yale Univ. Press, 1997.
5. Fischer C.S. *America Calling: A Social History of the Telephone to 1940*. Berkeley and Los Angeles : Univ. of California Press, 1992.
6. Starr P. *The Creation of the Media: Political Origins of Modern Communications*. New York : Basic Books, 2004.
7. Советская власть и медиа / под ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсен. СПб. : Академический проект, 2006.
8. Roth-Ey K.J. *Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire that Lost the Cultural Cold War*. Ithaca, NY : Cornell Univ. Press, 2011.
9. Гуревич П.С., Ружников В.Н. *Советское радиовещание. Страницы истории*. М. : Искусство, 1976.
10. Мурашов Ю. Советский этос и радиофикация письма // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 86. С. 47–63.
11. *Очерки истории советского радиовещания и телевидения*. М. : Мысль, 1972.
12. Таранова Е. *Левитан: Голос Сталина*. СПб. : Партнер, 2010.
13. Шерель А.А. *Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию. Очерки*. М. : Прогресс-Традиция, 2004.
14. «Великая книга дня...»: *Радио в СССР. Документы и материалы* / под ред. Т.М. Горяевой. М. : РОССПЭН, 2007.
15. Горяева Т.М. *Радио России: Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история*. М. : РОССПЭН, 2000.
16. Горяева Т.М. *Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг.* М. : РОССПЭН, 2009.
17. Арефьев В. *Война в эфире. 1949–1964*. М. : Спутник+, 2009.
18. Lovell S. *Russia in the Microphone Age. A History of Soviet Radio, 1919–1970*. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 2015.
19. Мурашов Ю. *Электрифицированное слово: Радио в советской литературе и культуре 1920-30-х годов* // *Советская власть и медиа*. СПб. : Академический проект, 2006. С. 17–38.
20. Hernandez R.L. *Sacred Sound and Sacred Substance: Church Bells and the Auditory Culture of Russian Villages during the Bolshevik Velikii Pereulom* // *American Historical Review*. 2004. № 7. P. 1475–1504.
21. Виддис Э. «Страна с новым кровообращением». *Кино, электрификация и трансформация советского пространства* // *Советская власть и медиа*. СПб. : Академический проект, 2006. С. 450–463.
22. Wiggzell F. *Folklore and Russian Literature* // Cornwell N. (Ed). *The Routledge Companion to Russian Literature*. London ; New York : Routledge, 2001.
23. Паперный В. *Культура Два*. М. : Новое литературное обозрение, 2006.
24. Сенявский А.С. *Российский город в 1960-е – 1980-е гг.* М. : Наука, 2003.

Gorbachev Oleg V., Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia). E-mail: og_06@mail.ru

RADIO AND DEVELOPMENT OF THE SOVIET SPACE. ABOUT STEPHEN LOVELL'S BOOK «RUSSIA IN THE MICROPHONE AGE. A HISTORY OF SOVIET RADIO, 1919–1970». OXFORD ; NEW YORK : OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2015. XI + 237 p.

Keywords: Radio; media history; Soviet project; Soviet ideology; political control.

This article, which includes a literature review and some aspects of an essayistic style, discusses the role of radio in the life of the Soviet society between the 1920s and 1960s. The article focuses on Stephen Lovell's book that associates a significant part of Soviet history with the 'microphone age', that is, the time when radio dominated the media communication. It is emphasized that Lovell was the first to apply a comprehensive approach to the history of Soviet radio. Apart from the traditional aspects such as the history of institutions and technologies, the book covers social and cultural aspects in the history of radio, including the impact it had on the Soviet society.

Among the many topics discussed in Lovell's book, the author of this article has chosen to concentrate on the role radio played in promotion of the Bolshevik ideology and in the Bolshevik government's efforts to control media communication in the country. With this historiographic approach we are able to draw more general conclusions about the government-media relationship.

The most significant processes in this respect were the changing balance between the wired and wireless broadcasting, the evolution of amateur radio, individualization of radio consumption, and the increasing competition in this medium, which was inevitable.

Wired broadcasting was particularly characteristic of Soviet radio due to the country's vast territory and the comparatively low level of radio consumption among the population. This type of broadcasting was the most convenient for the authoritarian state since it allowed the government to monopolize information. Wired broadcasting made the boundaries of the Soviet space particularly clear and in fact denied the trans-border potential of the radio as a technology. Isolationism upheld by the state also led to marginalization of amateur radio in the Soviet society. However, it was impossible to provide full coverage of the territory, which necessitated the expansion of wireless technologies in the post-war period. Development of radio resulted in individualization of radio consumption, expansion of the information flow, growing popularity of overseas-based Russian-language radio stations, and the significant breach of the state monopoly on information.

It should be noted that theoretically radio contributed to the realization of certain Soviet ideologemes such as formation of the 'new man' and bridging the 'divide' between the city and the village. In practice, however, radio served the propagandist purposes of the Soviet project. As Soviet experience showed, the possibility of fulfilling these tasks depended not only on the quality of managerial decision-making but mostly on the logic of the development of the medium itself. The author consequently comes to the conclusion that the authoritarian government could use technical media for their political ends.

REFERENCES

1. Anduaga, A. (2009) *Wireless and Empire: Geopolitics, Radio Industry, and Ionosphere in the British Empire, 1918–1939*. Oxford: Oxford University Press.
2. Andrews, M. (2012) *Domesticating the Airwaves: Broadcasting, Domesticity and Femininity*. London: Bloomsbury.
3. Arnold, K. & Classen, C. (eds.) (2004) *Zwischen Pop und Propaganda: Radio in der DDR* [Between pop and propaganda: Radio in the GDR]. Berlin: Ch. Links Verlag.
4. Bergmeier, H.J.P. & Lotz, R.E. (1997) *Hitler's Airwaves: The Inside Story of Nazi Radio Broadcasting and Propaganda Swing*. New Haven: Yale University Press.
5. Fischer, C.S. (1992) *America Calling: A Social History of the Telephone to 1940*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
6. Starr, P. (2004) *The Creation of the Media: Political Origins of Modern Communications*. New York: Basic Books.
7. Guenther, H. & Haensgen, S. (eds) (2006) *Sovetskaya vlast' i media* [Soviet Power and Media]. Translated from German. St. Petersburg: Akademicheskii projekt.
8. Roth-Ey, K.J. (2011) *Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire that Lost the Cultural Cold War*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
9. Gurevich, P.S. & Ruzhnikov, V.N. (1976) *Sovetskoe radioveshchanie. Stranitsy istorii* [Soviet broadcasting. Pages of history]. Moscow: Iskusstvo.
10. Murashov, Yu. (2007) *Sovetskii etos i radiofikatsiya pis'ma* [Soviet ethos and radiofication of writing]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 86. pp. 47–63.
11. Kazakov, G.A., Melnikov, A.I. & Vorobei, A.I. (1972) *Ocherki istorii sovetskogo radioveshchaniya i teledeniya* [Essays on the history of Soviet radio and television]. Moscow: Mysl'.
12. Taranova, E. (2010) *Levitan: Golos Stalina* [Levitan: Stalin's Voice]. St. Petersburg: Partner.
13. Sherel, A.A. (2004) *Audiokul'tura XX veka. Istoriya, esteticheskie zakonomernosti, osobennosti vliyaniya na auditoriyu* [Audio culture of the 20th century. History, aesthetic patterns, peculiarities of influence on the audience]. Moscow: Progress-Traditsiya.
14. Goryaeva, T.M. (2007) "Velikaya kniga dnya...": *Radio v SSSR. Dokumenty i materialy* ["The Great Book of the Day...": Radio in the USSR. Documents and materials]. Moscow: ROSSPEN.
15. Goryaeva, T.M. (2000) *Radio Rossii: Politicheskii kontrol' sovetskogo radioveshchaniya v 1920-1930-kh godakh. Dokumentirovannaya istoriya* [Radio Russia: The Political Control of Soviet Broadcasting in the 1920s and 1930s. Documented history]. Moscow: ROSSPEN.
16. Goryaeva, T.M. (2009) *Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg.* [Political censorship in the USSR. 1917–1991]. Moscow: ROSSPEN.
17. Arefev, V. (2009) *Voyna v efire. 1949–1964* [War on the air. 1949–1964]. Moscow: Sputnik+.
18. Lovell, S. (2015) *Russia in the Microphone Age. A History of Soviet Radio, 1919–1970*. Oxford; New York: Oxford University Press.
19. Murashov, Yu. (2006) *Elektrifitsirovannoe slovo: Radio v sovetskoy literature i kul'ture 1920-30-kh godov* [Electrified word: Radio in Soviet literature and culture of the 1920s – 1930s]. In: Guenther, H. & Haensgen, S. (eds) (2006) *Sovetskaya vlast' i media* [Soviet Power and Media]. Translated from German. St. Petersburg: Akademicheskii projekt. pp. 17–38.
20. Hernandez, R.L. (2004) Sacred Sound and Sacred Substance: Church Bells and the Auditory Culture of Russian Villages during the Bolshevik Velikii Perelom. *American Historical Review*. 7. pp. 1475–1504. DOI: 10.1086/ahr/109.5.1475
21. Widdis, E. (2006) "Strana s novym krovoobrashcheniem". Kino, elektrifikatsiya i transformatsiya sovetskogo prostranstva ["A country with a new blood circulation". Cinema, electrification and transformation of the Soviet space]. In: Guenther, H. & Haensgen, S. (eds) (2006) *Sovetskaya vlast' i media* [Soviet Power and Media]. Translated from German. St. Petersburg: Akademicheskii projekt. pp. 450–463.
22. Wigzell, F. (2001) Folklore and Russian Literature. In: Cornwell, N. (ed) *The Routledge Companion to Russian Literature*. London; New York: Routledge.
23. Papernyy, V. (2006) *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
24. Senyavskiy, A.S. (2003) *Rossiyskiy gorod v 1960-e – 1980-e gg.* [The Russian city in the 1960s – 1980s]. Moscow: Nauka.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/56/25

М.В. Шиловский

И ЛЕНИН ТАКОЙ МОЛОДОЙ И НОВЫЙ ОКТЯБРЬ ВПЕРЕДИ... 100-ЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ИСТОРИКИ СИБИРИ: МЕРОПРИЯТИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Приводится обзор конференций, проведенных в Сибири в 1917 г., посвященных 100-летию революции 1917 г. Автор делает вывод, что революция оценивается по-прежнему с большим расхождением во взглядах на нее. Вопреки желанию президента В.А. Путина обсуждение событий столетней давности не привело к консолидации общества. Вместе с тем очевидно расширение источниковой основы исследований, расширение предметного поля изучения революционного времени. С этим связаны оптимистические выводы автора по поводу оценки результатов проведенных форумов.

Ключевые слова: революция 1917 г.; юбилейные конференции.

Своеобразным лейтмотивом современного этапа изучения социального катаклизма 1917–1920 гг. в России могут служить слова Ш. Фицпатрик: «Нельзя сказать, что после крушения Советского Союза Русская революция красиво ушла в историю. Она была выброшена туда – “на свалку истории”, если воспользоваться выражением Троцкого – в атмосфере яростной национальной неприязни. В начале 1990-х гг. русские на несколько лет словно бы забыли не только революцию, но и всю советскую эпоху. Однако трудно забыть свое прошлое, особенно те его стороны, к лучшему или к худшему, было приковано внимание всего остального мира. При Путине в России началось выборочное возрождение советского наследия; и этот процесс, несомненно, продолжится... Русская революция останется предметом бурных дискуссий и в год ее столетия, и позже» [1. С. 410]. Еще в преддверии 100-летнего юбилея событий 1917 г. началась оживленная дискуссия относительно причин и последствий социального катаклизма. Роль детонатора сыграл впервые официально отмеченный в нашей стране юбилей Первой мировой войны 1914–1918 гг. и появление исследований, посвященных, в том числе, теме «Сибирь и война» [2–8].

В них и ряде других публикаций В.П. Зиновьева, И.А. Еремина, П.А. Новикова, С.Ю. Шишкиной, Л.В. Щаповой, Т.А. Кижасовой и других устанавливается, что война вошла во все элементы общественного организма региона, определила ключевые компоненты состояния социума военного времени. Солдатами стало не менее 1 млн сибиряков, или каждый второй трудоспособный мужчина. В стратегической перспективе следствием военных действий стало оформление мощного маргинального слоя фронтовиков, принявших активное участие в социальном катаклизме 1917–1920 гг. Усиливается роль городского самоуправления и начинается сращивание государственного и муниципального аппаратов управления, происходит окрестывание городского населения. Мною установлено, что

глобальное вооруженное противоборство ускорило модернизационные процессы, но не в экономике, а в области социально-политических отношений. Происходила интенсивная вертикальная мобилизация ее наиболее активной части – мужчин 19–30 лет. Перелом в общественных настроениях наступил во второй половине 1916 г. Российское общество, в том числе на региональном уровне, надломилось после вступления в боевые действия и разгрома Румынии, что потребовало создания еще одного фронта. Локальные сообщества, в том числе Азиатская Россия, в ситуации системного кризиса были обречены на кардинальную трансформацию [5. С. 329]. Как установил В.П. Зиновьев, имеющиеся в распоряжении исследователей источники «показывали весьма высокий уровень связи экономики Томской губернии с всероссийским и мировым рынком. Разрыв этих связей принес заметный ущерб промышленности и торговле уже в 1914 г. Первые полтора года войны этот ущерб компенсировался факторами, стимулирующими производство и сбыт продукции местных предприятий и крестьянства. С 1916 г. негативные тенденции уже стали преобладать, что не замедлило сказаться на общественных настроениях» [9. С. 16].

Таким образом, «почва» для юбилея была соответствующим образом подготовлена, а президентский указ о его научно-популяризаторском праздновании дал соответствующий импульс. Интенсивность и разнообразие мероприятий, публикаторская активность зависели от состояния местных исторических сообществ, административного ресурса, привлеченных спонсорских средств, вовлечения «братьев по разуму» (музейщиков, журналистов, философов, архивистов, партийных активистов, экономистов), приглашения ведущих специалистов по проблеме из сибирских городов, Москвы и Петербурга, инициативы и изобретательности организаторов. Мои собственные наблюдения по Новосибирску, Иркутску, Томску, Омску, Сургуту, собранные материалы и публикации по Тюмени, Ишиму, Горно-

Алтайску, Якутску, Красноярску позволяют составить общее представление относительно масштабов и особенностей отмечаемого юбилея.

Пожалуй, самым масштабным и многообразным из того, что я видел и участвовал, стало празднование 100-летия в Иркутске, подготовленное и осуществленное Иркутским государственным университетом, Музеем истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова и администрацией города: конференция (сентябрь); постоянно обновляемая в течение 2017 г. выставка в городском музее; издание буклетов, посвященных событиям 1917 г., и фундаментальной коллективной монографии [10]; проведение круглого стола в редакции газеты «Восточно-Сибирская правда».

В Красноярске по инициативе администрации губернатора края, Законодательного собрания и краевого Архивного агентства 25–26 октября состоялся очередной Сибирский исторический форум, посвященный юбилею, материалы которого и коллективная монография издаются в прекрасном полиграфическом оформлении с большим количеством иллюстраций и документов [11–12]. Краевой краеведческий музей на пароходе-музее «Святитель Николай», стилизованный под крейсер «Аврору», развернул выставку «Уроки революции». Экспозиция разместилась в трех отсеках: зале 3-го класса («Наша революция разгуливалась от месяца к месяцу»), трюме («Партия Ленина») и носовом зале (дискуссионная площадка).

В Новосибирске силами мэрии, правительства области, отделения Российского исторического общества, Института истории СО РАН 1 марта проводится круглый стол «Революция 1917 года: причины и предпосылки», в ноябре – международная научная конференция с приглашением ученых и общественных деятелей от Мексики до Казахстана. Местные коммунисты 28 октября провели Всероссийскую научно-практическую конференцию «Великая Октябрьская социалистическая революция: мифы и реальность», слоган которой воспроизведен в заголовке. Материалы форумов до сих пор не опубликованы. В повременных академических изданиях «ЭКО» и «Гуманитарные науки в Сибири» были организованы тематические подборки: к столетию революции 1917 г. в первом и к 100-летию юбилею Февральской революции во втором. В Областном краеведческом музее совместно с антикварно-букинистическим магазином «Сибирская горница» была развернута выставка «1917. Хроника».

В Томске более скромную по количеству участников с упором на краеведение конференцию провели в г. Асино. Силами местных историков были подготовлены под девизом «Революция: сто лет борьбы и труда» номер краеведческого альманаха «Сибирская старина» и иллюстрированное описание экскурсионного маршрута [13]. В Омске провели две всероссийские конференции с изданием соответствующих сборников: 21 сентября Омским государственным университетом и сибирским филиалом Российского НИИ культурного и природного

наследия – «Человек в революции 1917 года: взгляд из XXI столетия» [14] и 30–31 октября Министерством культуры Омской области, Омским историко-краеведческим музеем, Омским государственным университетом, Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН, Союзом краеведов России и Омским региональным общественным благотворительным фондом «Культура Сибири» – IV Ядринцевские чтения [15]. В последнем случае организаторы попытались интегрировать революционную проблематику с 175-летним юбилеем своего земляка Н.М. Ядринцева (1842–1894).

Конференции, с приглашением докладчиков из Москвы, Новосибирска, Тюмени, Омска и т.д., в ноябре прошла в Сургуте [16]. В Горно-Алтайске 26 октября властями Республики Алтай и НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова была организована межрегиональная конференция «Национальный регион России в эпоху революционных преобразований и становления политической системы сталинизма. 1917–1939 гг. (на примере Ойротии – Горного Алтая)». Из других значимых проектов, посвященных юбилею, следует назвать коллективную монографию подготовленную в Ишимском педагогическом институте, филиале Тюменского государственного университета [17]. Отдельные статьи «россыпью» увидели свет в повременных научных изданиях в 2016–2018 гг.

Предваряя историографический обзор, опубликованный в указанное время, сделаю ряд предварительных замечаний. Прежде всего, никто из местных (сибирских) участников дискуссии не употреблял терминологическое новшество – Великая русская революция. Только на круглом столе в Иркутске одобрил его введение профессор Высшей школы экономики в Москве А. Каменский. По данным же интернет-опроса сибиряков на вопрос, «что такое Русская революция 1917 года, 80% ответили, что это событие, объединившие Февральскую и Октябрьскую революции» [18. С. 236]. Проигнорирована сформулированная президентом РФ в послании Федеральному собранию в начале декабря 2016 г. по поводу 100-летия революции декларация о том, что «уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного и политического согласия». Отношение к событиям 1917 г. не только историков, но и общества в целом было, есть и будет разным. Основная причина, на мой взгляд, заключается в том, что в РФ «сохраняется неблагоприятная для ее социально-экономического благополучия региональная дифференциация. В 2015 г. 10 ведущих регионов более 55% суммарного ВРП России, а 10 наименее развитых – всего 1%... Около 25% населения проживают в поселениях с отрицательной динамикой качества основных социальных услуг (образование, здравоохранение, транспортное обслуживание, наличие рабочих мест)» [19. С. 8].

Наряду с традиционными формулировками причин революционного коллапса и свержения самодержавия

появились новые. Так, руководитель Новосибирского отделения Общества развития русского исторического просвещения «Двуглавый Орел» Е.А. Цыбизов считает, что «осознать произошедшее в России в 1917 г., действительно, очень непросто. Поскольку масштаб событий носит поистине вселенский характер и требует от человека не только исторического понимания, но и понимания духовного, требует всей полноты человеческой культуры. Отсюда становится ясным, что все суждения по поводу «слабости и неспособности Царя Николая II управлять Империей, происходят исключительно от отсутствия полноты этой культуры, фрагментарного представления о произошедшем». С другой стороны, в одной из своих статей автор обзора приходит к выводу: «Анализ деятельности императора Николая II в 1916 – первые два месяца 1917 г. показывает его несостоятельность как высшего должностного лица и верховного главнокомандующего русской армии, его отрешенность от происходящего, нежелание проводить реформы, осуществлять ротацию управленческих кадров. Вместе с тем во время Первой мировой войны окончательно исчерпал традиционный для российской монархической государственности метод управления страной посредством докладов министров монарху. На ситуацию с отречением от престола очень сильно повлиял фактор необходимости продолжения войны, ради которого Николай II отказался от власти» [20. С. 156]. По мнению В.И. Голдина, «вся система имперской власти и управления была малоэффективной, ее буквально раздирали внутренние противоречия. В результате попытки модернизации России блокировались и “справа”, и “слева”. Неиспользованные возможности преобразования страны посредством реформ усиливали предпосылки для решения назревших проблем революционным путем» [21. С. 245].

Представляют интерес оценочные суждения докторов экономических наук В.И. Клисторина и Л.П. Буфетовой с выходами на современность. «Русская революция действительно устранила многие словесные и национальные проблемы, – замечает первый. – Но с другой стороны, лишив имущие классы прав и собственности, подвернув их репрессиям, она способствовала снижению конкуренции. Параллельно шло формирование номенклатуры и превращение ее в относительно замкнутую касту, ориентированную на извлечение ренты. Революция начала 1990-х гг. также устранила многие барьеры, но потом были воссозданы новые. Тем самым завершился круг российской истории за последнее столетие». Лидия Павловна также прибегла к сравнению: «Царское правительство и советское правительство использовали методы государственного регулирования. Но первое это делало в экономике, базирующейся на частной собственности, а второе – в экономике, построенной на основе ее огосударствления. При всей проблематичности построения социализма на индустриальной базе производства быстрое завершение модернизации в создавшихся

условиях потребовало от власти особых усилий. А с учетом идеологических пристрастий эти усилия приняли форму мобилизации, репрессий, ограничения потребления населения, волюнтаризма и подавления инакомыслия» [22. С. 46, 61].

Аналогичную мысль высказал томский историк В.П. Зиновьев, предложивший считать революцию 1917 г. началом движения России по пути государственно-капиталистического индустриализма, альтернативному западноевропейскому частнокапиталистическому. Лучшее, что можно сделать сейчас, по его мнению, – вернуться к своему варианту развития, а не слепо копировать опыт Запада [23].

В плане разработки истории Сибири рассматриваемого периода в выступлениях на конференциях и публикациях затрагивались сюжеты, ранее не входившие в исследовательское поле или слабо изученные: гендерный аспект революционных событий, девиантное поведение, человек в революции, религиозный фактор, судебная система, правоохранительная сфера и т.д. Как я могу судить по услышанному и прочитанному относительно событий 1917 г., в Сибири по перечисленным выше направлениям произошло существенное расширение источниковой базы. В то же время давно введенный в научный оборот массив источников интерпретируется уже не столько с позиций ленинской концепции революционного процесса, а более объективно, что не исключает появления выводов и интерпретаций в духе нового «великого синтеза» знаний о революционной эпохе.

Хотел бы обратить внимание только на два направления проблемы, по которым были высказаны оригинальные суждения, впрочем, требующие дополнительного обоснования. А.А. Кононенко на примере Тюмени показал, что «март 1917 г. не способствовал формированию новых органов власти, а привел к ликвидации старых. Это было время хаоса, распада, разрухи, психозов при одновременном возникновении самых необычных массовых иллюзий» [24. С. 92]. Примерно такой же вывод на материалах Томской губернии сделал В.А. Дробченко, обосновав данное обстоятельство следующим образом: «Серьезным препятствием для этого диалога [власть – общество] стал низкий уровень политической культуры и завышенные социальные ожидания значительной части населения. Общество оказалось не готово к самоуправлению и саморегулированию. Попытки властей вступить в диалог с массами, воздействовать только на их сознание, не прибегая к силовым методам, воспринимались этими массами как проявление слабости, неспособности решать имеющиеся проблемы. Результатом этого стали рост недоверия к власти и игнорирование ее требований» [25. С. 255]. В упомянутой выше коллективной монографии заявлено о негативном отношении сибирских крестьян к переселенцам и горожанам. И.И. Кротт: «Фактор увеличения в регионе пришлого населения в начале XX столетия, безусловно, у сибир-

ряков-крестьян вызывал чувство недовольства, стесненности и, соответственно, усиливал единство, защиту традиций и своего «Мы»» [26. С. 17]. А.П. Шекшеев: «В то же время доминирующим настроением в деревне было недоверие к посторонним. Крестьяне опасались чуждых лиц, но более всего – представителей интеллигенции, много говоривших и обещавших, однако мало делавших и стремившихся что-то «оторвать» для себя... Крестьяне с подозрением относились ко всему, что исходило от горожан и в частности пролетариев» [27. С. 192–193].

Таким образом, обсуждение историками Сибири 100-летнего юбилея социального катаклизма 1917 года позволяет с определенным оптимизмом смотреть на развитие исторических исследований в регионе и использование

полученных результатов в учебном процессе, краеведении и популяризации среди населения. Как мне кажется, правильно сказал на круглом столе в Иркутске по этому поводу доктор исторических наук из Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) Л.В. Курас: «В одной из своих работ я попытался рассмотреть революцию 1917 года не как явление чисто российское, а как некую цепь событий в русле транснациональной истории. События тех лет дались нам с очень большими потерями. Но, с другой стороны, я благодарен революции и советской власти за то, что история стала идеологией. Сейчас ее нет – в школе она преподается по-другому, в вузах часы сокращены. А что дали взамен? Мне кажется, не хватает политической воли, чтобы все опять встало на свои места» [28].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фицпатрик Ш. Русская революция. М., 2018. 320 с.
2. Новиков П.А. 3-й Сибирский армейский корпус в Первой мировой войне // Сибирский исторический альманах. Т. 2: Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. Красноярск : Версо, 2011. С. 88–108.
3. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2013. 423 с.
4. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 гг.). Новосибирск, 2013. 385 с.
5. Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Омский (Сибирский) военный округ в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск : Сиб. кн. изд-во, 2014. Т. 1. 608 с.
6. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.
7. Сибирь и войны XIX–XX веков : тез. Всерос. науч. конф. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. 170 с.
8. Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: Исследования и материалы. Иркутск : Оттиск, 2014. 448 с.
9. Зиновьев В.П. Состояние экономики Томской губернии в период Первой мировой войны по материалам справки Томской губернской казенной палаты // Сибирь и войны XIX–XX веков : тез. Всерос. науч. конф. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. С. 12–16.
10. Иркутск накануне и в 1917 году: Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск : Оттиск, 2017. 544 с.
11. 1917. Гроза над Енисеем: Русская революция в Енисейской губернии / ред. А.Г. Елисеенко, А.В. Мармышев, А.В. Ульверт. Красноярск : Поликор, 2017. 448 с.
12. Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск : Лаборатория развития, 2017. 304 с.
13. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. В Томске в 1917 году: экскурсионный маршрут. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2017. 184 с.
14. Человек в революции 1917 года: взгляд из XXI столетия : материалы Всерос. научн.-практ. конф. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2017. 208 с.
15. Четвертые Ядринцевские чтения : материалы IV Всерос. научн.-практ. конф., посвящ. 100-летию Революции и Гражданской войны в России / отв. ред. П.П. Вибе. Омск : ОГИК музей, 2017. 469 с.
16. Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие : сб. ст. всерос. науч. конф. г. Сургут. СурГУ, 24–25 ноября 2017 г. Сургут : Печатный мир, 2017. 412 с.
17. Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны: коллективная монография, посвященная 100-летию Российской революции и Гражданской войны / под ред. И.В. Курышева. Ишим : Изд-во ИИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2018. 320 с.
18. Ковалев А.С. Отношение сибиряков к революции 1917 г.: результаты интернет-опроса пользователей социальных сетей // Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири : материалы Сибирского исторического форума. Красноярск : Лаборатория развития, 2017. С. 235–239.
19. Веселова Э.Ш. Россию «разрежут» по-новому // ЭКО. 2018. № 6. С. 7–19.
20. Шиловский М.В. Император Николай II на посту верховного главнокомандующего по информации камер-фурьерского журнала за январь 1916 – февраль 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 151–158.
21. Голдин В.И. 1917 год и гражданская война в России: осмысление спустя столетие // Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2018. С. 241–259.
22. ЭКО. 2017. № 11. С. 46, 61.
23. Зиновьев В.П. Революция 1917 г. – начало русского индустриального проекта // Русин. 2017. № 3 (49). С. 74–84.
24. Кононенко А.А. Революция 1917 года в Тюмени глазами обывателей // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 88–93.
25. Дробченко В.А. Несостоявшийся диалог: изменения в отношениях между властью и обществом в Томской губернии (март – ноябрь 1917 г.) // Личность, общество и власть в России. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2018. С. 208–225.
26. Кротт И.И. Крестьянство и сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири: причины земельных захватов в сельском сообществе в годы революции и гражданской войны // Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны. Ишим, 2018. С. 14–23.
27. Шекшеев А.П. «Ревность к городу»: отношение енисейских крестьян к горожанам в период революции 1917 г. и гражданской войны // Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны. Ишим, 2018. С. 192–193.
28. «Народ нельзя загонять в угол». В редакции «Восточки» эксперты обсудили события 1917 года. Записала Е. Лисовская, фото Н. Бриль // Восточно-Сибирская правда. 2017. 10 окт.

Shilovskiy Mikhail V. Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: kapital@history.nsc.ru

AND LENIN IS SO YOUNG AND NEW OCTOBER TO COME... THE 100TH ANNIVERSARY OF THE REVOLUTION AND THE HISTORIANS OF SIBERIA: EVENTS AND PUBLICATIONS

Keywords: revolution of 1917; anniversary conferences.

An overview of the conferences held in Siberia in 2017, dedicated to the 100th anniversary of the 1917 revolution provides in the article. The author concludes that the revolution is estimated still a large divergence of views on it. Contrary to the desire of President Putin, the discussion of the events of a century ago did not lead to the consolidation of society. At the same time, it is obvious that the source base of research has expanded.

REFERENCES

- Fitzpatrick, S. (2018) *Russkaya revolyutsiya* [Russian Revolution]. Translated from English by N. Edelman. Moscow: The Gaidar Institute.
- Novikov, P.A. (2011) 3-y Sibirskiy armeyskiy korpus v Pervoy mirovoy voyne [The 3rd Siberian Army Corps in the First World War]. In: Kleshko, A.M. et al. (eds) *Sibirskiy istoricheskiy al'manakh* [Siberian Historical Almanac]. Vol. 2. Krasnoyarsk: Verso. pp. 88–108.
- Chudakov, O.V. (2013) *Gorodskoe samoupravlenie v Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny i period sotsial'nykh kataklizmov (iyul' 1914 – pervaya polovina 1918 gg.)* [City self-government in Siberia during the First World War and the period of social cataclysms (July 1914 – the first half of 1918)]. Omsk: Omsk State University.
- Kokoulin, V.G. (2013) *Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibiri v voenno-revolyutsionnye gody (iyul' 1914 – mart 1921 gg.)* [The daily life of Siberian residents in the military and revolutionary years (July 1914 – March 1921)]. Novosibirsk: Ofset-TM.
- Fabrika, Yu.A. (2014) *Sibir' srazhayushchayasya. Omskiy (Sibirskiy) voennyi okrug v Pervoy mirovoy voyne 1914–1918 gg.* [Siberia fighting. Omsk (Siberian) Military District in the First World War, 1914–1918]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.
- Shilovskiy, M.V. (ed.) (2014) *Sibir' i voyny XIX-XX vekov* [Siberia and the wars of the 19th – 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
- Petrushin, Yu.A. (ed.) (2014) *Irkutsk i irkutyanе v Pervoy mirovoy voyne: Issledovaniya i materialy* [Irkutsk: Ottisk].
- Zinovev, V.P. (2014) Sostoyanie ekonomiki Tomskoy gubernii v period Pervoy mirovoy voyny po materialam spravki Tomskoy gubernskoy kazennoy palaty [The state of the Tomsk province economy during the First World War based on the information from the Tomsk Provincial State Chamber]. In: Shilovskiy, M.V. (ed.) (2014) *Sibir' i voyny XIX-XX vekov* [Siberia and the wars of the 19th – 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 12–16.
- Dameshek, L.M. (2017) *Irkutsk nakanune i v 1917 godu: Ocherki politicheskoy istorii gubernskogo tsentra* [Irkutsk on the eve and in 1917: Essays on the political history of the provincial center]. Irkutsk: Ottisk.
- Eliseenko, A.G., Marmyshev, A.V. & Ulvert, A.V. (2017) 1917. *Groza nad Eniseem: Russkaya revolyutsiya v Eniseyskoy gubernii* [1917. Thunderstorm over the Enisei: the Russian revolution in the Enisei province]. Krasnoyarsk: Polikor.
- Ponomarenko, S.A. (ed.) (2017) *Revolyutsiya 1917 goda: 100 let spustya. Vzglyad iz Sibiri* [The 1917 revolution: 100 years later. Siberian perspective]. Krasnoyarsk: Laboratoriya razvitiya.
- Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2017) *V Tomске v 1917 godu: ekskursionnyy marshrut* [Tomsk in 1917: An excursion route]. Tomsk: Tomsk State University.
- Kozhevina, V.L. (ed.) (2017) *Chelovek v revolyutsii 1917 goda: vzglyad iz XXI stoletiya* [Man in the Revolution of 1917: A View from the 21st Century]. Omsk: Omsk State University.
- Vibe, P.P. (ed.) (2017) *Chetvertye Yadrintsevskie chteniya* [The Fourth Yadrintsev Readings]. Omsk: OGIK muzey.
- Milevskiy, O.A. et al. (2017) *Revolyutsionnaya Sibir': istoki, protsessy, nasledie* [Revolutionary Siberia: origins, processes, heritage]. Surgut: Pechatnyy mir.
- Kuryshchev, I.V. (2018) *Krest'yanskiy protest v Sibiri v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Peasant protest in Siberia during the years of the revolution and the Civil War]. Ishim: Tyumen State University.
- Kovalev, A.S. (2017) Otnoshenie sibir'yakov k revolyutsii 1917 g.: rezul'taty internet-oprosa pol'zovateley sotsial'nykh setey [The attitude of Siberians to the revolution of 1917: the results of an online survey of users of social networks]. In: Ponomarenko, S.A. (ed.) (2017) *Revolyutsiya 1917 goda: 100 let spustya. Vzglyad iz Sibiri* [The 1917 revolution: 100 years later. Siberian perspective]. Krasnoyarsk: Laboratoriya razvitiya. pp. 235–239.
- Veselova, E.Sh. (2018) Rossiya "razrezhut" po-novomu [Russia will be "cut" in a new way]. *EKO – ECO*. 6. pp. 7–19.
- Shilovskiy, M.V. (2017) Chamber-Fourier Journal data on Emperor Nicholas II as Commander-in-Chief (January, 1916 - February, 1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University*. 415. pp. 151–158. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/21
- Goldin, V.I. (2018) 1917 god i grazhdanskaya voyna v Rossii: osmyslenie spustya stoletie [1917 and the civil war in Russia: understanding a century later]. In: Rynkov, V.M. (ed.) *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii* [Personality, society and power in the history of Russia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 241–259.
- Bufetova, L.P. (2017) The State and Problems of the Russian Economy at the Turn of the 19th – 20th Centuries. *EKO – ECO*. (2017). 11. pp. 47–61.
- Zinovev, V.P. (2017) The Revolution of 1917 – the Beginning of the Russian Industrial Project. *Rusin*. 3(49). pp. 74–84. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/49/5
- Kononenko, A.A. (2017) The 1917 revolution in Tyumen in a layman's view. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University*. 417. pp. 88–93. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/417/13
- Drobchenko, V.A. (2018) Nesostoyavshiy dialog: izmeneniya v otnosheniyakh mezhdou vlast'yu i obshchestvom v Tomskoy gubernii (mart – noyabr' 1917 g.) [The failing dialogue: changes in relations between the authorities and the society in Tomsk Province (March – November 1917)]. In: Rynkov, V.M. (ed.) *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii* [Personality, society and power in the history of Russia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 208–225.
- Krott, I.I. (2018) Krest'yanstvo i sel'skokhozyaystvennoe predprinimatel'stvo Zapadnoy Sibiri: prichiny zemel'nykh zakhvatov v sel'skom soobshchestve v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny [Peasantry and agricultural entrepreneurship in Western Siberia: the causes of land grabs in the rural community during the years of revolution and civil war]. In: Kuryshchev, I.V. (ed.) *Krest'yanskiy protest v Sibiri v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Peasant protest in Siberia during the years of revolution and the Civil War]. Ishim: Ishim Pedagogical Institute. pp. 14–23.
- Shekshchev, A.P. (2018) "Revnost' k gorodu": otnoshenie eniseyskikh krest'yan k gorozhanam v period revolyutsii 1917 g. i grazhdanskoy voyny ["Jealousy towards the city": the attitude of the Enisei peasants to the townspeople during the 1917 revolution and the Civil War]. In: Kuryshchev, I.V. (ed.) *Krest'yanskiy protest v Sibiri v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Peasant protest in Siberia during the years of revolution and the Civil War]. Ishim: Ishim Pedagogical Institute. pp. 192–193.
- Lisovskaya, E. (ed.) (2017) "Narod nel'zya zagonyat' v ugol". V redaktsii "Vostochki" eksperty obsudili sobytiya 1917 goda ["The people can not be driven into a corner". The editors of "Vostochki" experts discussed the events of 1917]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 10th October.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛЯЕВ Леонид Андреевич, доктор исторических наук, член-корр. РАН; зав. отделом Московской Руси Института археологии РАН (Москва), ведущий научный сотрудник лаборатории археолого-этнографических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: labeliaev@bk.ru

БОРИЛО Богдана Станиславовна, лаборант лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: bogdana.borilo@mail.ru

БОРИСОВ Андриан Афанасьевич, доктор исторических наук, приглашенный исследователь Санкт-Петербургского Института истории РАН (СПб ИИ РАН), главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Омск). E-mail: a_a_borisov@mail.ru

БУРОВ Владимир Андронович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Московской Руси Института археологии РАН. E-mail: vladimirburov@ro.ru

ГЛУЩЕНКО Никита Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: gloosten124@mail.ru

ГОРБАЧЕВ Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: og_06@mail.ru

ГРУШИН Сергей Петрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: gsp142@mail.ru

ДАШКОВСКИЙ Петр Константинович, доктор исторических наук, доцент заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений АлтГУ, заведующий лабораторией этнокультурных и религиозно-ведческих исследований Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

ДЕМИН Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета; профессор кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина (Бийск). E-mail: mademin52@mail.ru

ДУНБИНСКИЙ Илья Александрович, ассистент кафедры Современной отечественной истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: dunbunskiy@mail.ru

ДУРАКОВ Игорь Альбертович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доцент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: idurakov@yandex.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ИВОНИНА Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета. Email: ivonina@ngs.ru

КАЛАШНИКОВА Татьяна Валерьевна, магистрант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: taya.kalashnikova.2017@mail.ru

КОБЕЛЕВА Лилия Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета; научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Омск). E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

КОЛЕСНИКОВА Светлана Юрьевна, доктор культурологии, профессор кафедры отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru

КОСТЫЛЕВА Ева Андреевна, лаборант научно-учебной исследовательской лаборатории «Сибирь: исторические традиции и современность» факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: idafrei@yandex.ru

КУЛЕМЗИН Владислав Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: bersa@sibmail.com

МОЛОДИН Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), профессор Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

ОЛЬШЕВСКИ Войцех, доктор, ведущий научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета; профессор кафедры этнологии и культурной антропологии Университета Николая Коперника в Торунь (Торунь, Польша). E-mail: wojol@umk.pl

РЫНДИНА Ольга Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Института искусств и культуры Университета Николая Коперника Томского государственного университета. E-mail: gynom_97@mail.tomsknet.ru

САДОВОЙ Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра РАН (Сочи). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

СИНЕГУБОВ Станислав Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин Ишимского педагогического института (филиал Тюменского государственного университета). E-mail: globus_75@inbox.ru

СОРОКИН Александр Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета, заведующий кафедрой отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: soranhist@yandex.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович, лаборант Лаборатории социально-антропологических исследований, аспирант по кафедре современной отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

ТАТАУРОВ Сергей Филиппович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета; старший научный сотрудник сектора археологии Лаборатории археологии, этнографии и музеологии Института археологии и этнографии СО РАН (Омск). E-mail: tatsf2008@rambler.ru

ТАТАУРОВ Филипп Сергеевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра материальной культуры и дизайна Омского государственного технического университета; младший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: fil_opossum@mail.ru

ТАТАУРОВА Лариса Вениаминовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета; старший научный сотрудник сектора археологии Лаборатории археологии, этнографии и музеологии Института археологии и этнографии СО РАН (Омск). E-mail: li-sa65@mail.ru

ТИШКИН Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: tishkin210@mail.ru

ФУРСОВА Елена Федоровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: mf11@mail.ru

ЧЖАН Лянжэнь, Ph.D., профессор Нанкинского университета (Нанкин, Китай). E-mail: zhhr@nju.edu.cn

ЧЁРНАЯ Мария Петровна, доктор исторических наук, заведующая Лабораторией археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: mariakreml@mail.ru

ШЕВЛЯКОВ Александр Семенович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: Shevlyakov54@rambler.ru

ШЕРШНЕВА Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: D2703@yandex.ru

ШИЛОВ Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин Ишимского педагогического института (филиал Тюменского государственного университета). E-mail: sshilov@mail.ru

ШИЛОВСКИЙ Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета. E-mail: kapital@history.nsc.ru

ШИШКИН Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором истории общественно-политического развития Института истории СО РАН (Новосибирск), профессор кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета. E-mail: patric@academ.org

ЮН Сергей Миронович, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2018 № 56

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – В.С. Воробьева

Подписано к печати 17.12.2018 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 50 экз. Заказ № 3563. Цена свободная.

Дата выхода в свет 21.12.2018 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь В.С. Воробьева
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Veronica Vorobyeva
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru